Эдуард ШЮРЕ

ВЕЛИКИЕ ПОСВЯЩЁННЫЕ

Замѣченныя опечатки:

На стр. 260.	
Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
Въ подстрочн. примѣчаніи:	
Jéléiôtes.	Teleiothès.
На стр. 296.	
Глава IV.	Глава V.
Семья Пиѳагора.	

ББК 86.3
Ш 99

Эдуард Шюре

ВЕЛИКИЕ ПОСВЯЩЕННЫЕ

ОЧЕРК ЭЗОТЕРИЗМА РЕЛИГИЙ

Второе исправленное издание

Репринтное воспроизведение издания
1914 г.

Ответственный за выпуск
Ф.С.Быковская

Ш $\frac{4100000000-007}{938(01)-90}$ Без объявл.

ISBN 5-7160-0007-X

Эдуардъ Шюре.

Пер. съ франц. Е. Писаревой (Е.П.).

ВЕЛИКІЕ ПОСВЯЩЕННЫЕ.

ОЧЕРКЪ ЭЗОТЕРИЗМА РЕЛИГІЙ.

ВТОРОЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

Калуга. Типографія Губернской Земской Управы.
1914.

Посвящается памяти Маргариты Альбани Миньяти.

Безъ тебя, великая Душа, эта книга не появилась бы въ міръ. Ты вызвала ее къ жизни могучимъ пламенемъ своей души, ты напитала ее своимъ страданіемъ, ты благословила ее божественной надеждой. Ты владѣла Разумомъ, который прозрѣваетъ вѣчно Прекрасное и Истинное подъ всѣми мимолетными видимостями, ты владѣла Вѣрой, способной двигать горами; ты обладала Любовью, которая пробуждаетъ души и формуетъ ихъ; твой энтузіазмъ горѣлъ подобно лучезарному огню.

И вотъ ты погасла и изчезла. Темное крыло смерти вознесло тебя въ великое Неизвѣданное... Но, хотя взоры мои и не видятъ тебя, я знаю, что ты болѣе жива, чѣмъ прежде! Освобожденная отъ земныхъ цѣпей, изъ глубинъ небеснаго Свѣта, которымъ упивается твоя душа, ты не переставала слѣдить за моимъ трудомъ, и я чувствовалъ лучъ твоего свѣта пребывающимъ надъ его предопредѣленнымъ расцвѣтомъ.

Если чему либо моему суждено сохраниться въ этомъ мірѣ, гдѣ все такъ преходяще, я желалъ бы, чтобы сохранилась эта книга, свидѣтельница Вѣры, завоеванной и раздѣленной. Подобно Элевзинскому факелу, увитому темнымъ кипарисомъ и бѣлыми звѣздами нарцисса, я посвящаю ее окрыленной Душѣ той, которая довела меня до глубины мистерій, чтобы повѣдать міру священный огонь и возвѣстить зарю великаго занимающагося Свѣта!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Гермесъ.

(Мистеріи Египта)

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Моисей.

(Миссія Израиля.)

КНИГА ПЯТАЯ.

Орфей.

(Мистеріи Діониса).

КНИГА ШЕСТАЯ.

Пиѳагоръ.

Дельфійскія Мистеріи).

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Платонъ.

(Элевзинскія Мистеріи).

КНИГА ВОСЬМАЯ.

Іисусъ.

(Миссія Христа).

Великіе Посвященные.

Эдуарда Шюре.

Введеніе въ Эзотерическую доктрину.

Я убѣжденъ, что придетъ день, когда физіологъ, поэтъ и философъ будутъ говорить однимъ языкомъ и будутъ понимать другъ друга.

Клодъ Бернардъ.

Самымъ большимъ зломъ нашего времени слѣдуетъ признать то, что Религія и Наука представляютъ изъ себя двѣ враждебныя силы, не соедененныя между собою. Зло это тѣмъ болѣе пагубно, что оно идетъ сверху и незамѣтно, но непреодолимо просачивается во всѣ умы, какъ тонкій ядъ, который вдыхается вмѣстѣ съ воздухомъ. А между тѣмъ, каждый грѣхъ мысли превращается неизбѣжно въ результатѣ своемъ въ душевное зло, а слѣдовательно, и въ зло общественное.

До тѣхъ поръ, пока христіанство утверждало христіанскую вѣру въ средѣ европейскихъ народовъ еще полуварварскихъ, какими они были въ средніе вѣка, оно было величайшей изъ нравственныхъ силъ, оно формировало душу современнаго человѣка. До тѣхъ поръ, пока экспериментальная наука стремилась возстановить законныя права разума и ограждала его безграничную свободу, до тѣхъ поръ, она оставалась величайшей изъ интеллектуальныхъ силъ; она обновила міръ, освободила человѣка отъ вѣковыхъ цѣпей и дала его разуму нерушимыя основы.

Но съ тѣхъ поръ какъ церковь, неспособная защитить свои основные догматы отъ возраженій науки, заперлась въ нихъ словно въ жилище безъ оконъ, противопоставляя разуму вѣру, какъ неоспоримую абсолютную заповѣдь; съ тѣхъ поръ какъ наука, опьяненная своими открытіями въ мірѣ физическомъ, превратившая міръ души и ума въ абстракцію, сдѣлалась агностической въ своихъ методахъ и матеріалистической въ своихъ принципахъ и въ своихъ цѣляхъ; съ тѣхъ поръ какъ философія, сбитая съ толку и безсильно застрявшая

между религіей и наукой, готова отречься отъ своихъ правъ въ пользу скептизма—глубокій разладъ появился въ душѣ общества и въ душѣ отдѣльныхъ людей.

Вначалѣ конфликтъ этотъ былъ необходимъ и полезенъ, такъ какъ онъ служилъ къ возстановленію правъ разума и науки, но не остановившись во-время, онъ же сдѣлался подъ конецъ причиною безсилія и очерственія. Религія отвѣчаетъ на запросы сердца, отсюда ея магическая сила, наука—на запросы ума, отсюда ея неопреодолимая мощь. Но прошло уже много времени съ тѣхъ поръ, какъ эти двѣ силы перестали понимать другъ друга.

Религія безъ доказательствъ и наука безъ надежды стоятъ другъ противъ друга, недовѣрчиво и враждебно, безсильныя побѣдить одна другую.

Отсюда глубокая раздвоенность и скрытая вражда не только между государствомъ и церковью, но и внутри самой науки, въ лонѣ всѣхъ церквей, а также и въ глубинѣ совѣсти всѣхъ мыслящихъ людей. Ибо каковы бы мы ни были, къ какой бы философской, эстетической или соціальной школѣ мы ни принадлежали, мы несемъ въ своей душѣ эти два враждебные міра, съ виду непримиримые, хотя оба они возникли изъ одинаково присущихъ человѣку, никогда неумирающихъ потребностей: потребности его разума и потребности его сердца.

Нельзя не признать, что такое положеніе, длящееся болѣе ста лѣтъ, не мало способствовало развитію человѣческихъ способностей, энергія которыхъ не переставала напрягаться въ этой взаимной борьбѣ. Она внушила поэзіи и музыкѣ черты неслыханнаго паѳоса и величія. Но слишкомъ долго длившееся и черезчуръ обострившееся напряженіе вызвало подъ конецъ противоположное дѣйствіе. Какъ за лихорадочнымъ жаромъ больного слѣдуетъ упадокъ силъ, такъ и это напряженіе перешло въ больное безсиліе и въ глубокое недовольство.

Наука занимается только однимъ физическимъ міромъ; нравственная философія потеряла всякое вліяніе надъ умами; религія еще владѣетъ до нѣкоторой степени сознаніемъ массъ, но она уже потеряла всю свою силу надъ интеллигентными слоями европейскихъ обществъ. Все еще великая милосердіемъ, она уже болѣе не свѣтитъ вѣрой. Умственные вожди нашего времени всѣ—либо невѣрующіе, либо скептики. И хотя бы они были безукоризненно честны и искренни, все же они сомнѣваются въ своемъ собственномъ дѣлѣ и оттого смотрятъ другъ на друга улыбаясь, какъ древніе авгуры. И въ общественной жизни и въ частной, они, или предсказываютъ катастрофы, для которыхъ у нихъ нѣтъ лѣкарства, или же стараются замаскировать свои мрачныя

предвидѣнья благоразумными смягченіями. При такихъ знаменьяхъ литература и искусство потеряли свой божественный смыслъ.

Отучившаяся смотрѣть въ вѣчность, большая часть молодежи предалась тому, что ея новые учителя называютъ натурализмомъ, унижая этимъ названіемъ прекрасное имя природы. Ибо то, что подразумѣвается подъ этимъ названіемъ, есть не болѣе какъ защита низкихъ инстинктовъ, тина порока или предупредительное покрываніе нашихъ общественныхъ пошлостей, иными словами: систематическое отрицаніе души и высшаго разума. А бѣдная Психея, потерявшая свои крылья, стонетъ и скорбно вздыхаетъ въ глубинѣ души тѣхъ самыхъ людей, которые ее оскорбляютъ и не хотятъ признать ея правъ.

Благодаря матеріализму, позитивизму и скептизму, конецъ 19-го вѣка утерялъ вѣрное пониманіе истины и прогресса.

Наши ученые, прилагавшіе экспериментальный методъ Бэкона къ изученію видимаго міра съ такими поразительными результатами, сдѣлали изъ Истины идею вполнѣ внѣшнюю и матеріальную. Они думаютъ, что можно приблизиться къ ней, накопляя все бо̀льшее и бо̀льшее количество фактовъ. Въ области изученія формъ они правы. Но что печально, это что наши философы и моралисты стали думать подъ конецъ совершенно такъ же.

Съ матеріалистической точки зрѣнія причина и цѣль жизни останутся навсегда непроницаемы для человѣческаго ума. Ибо если представить себѣ, что мы знаемъ въ точности все, что происходитъ на всѣхъ планетахъ нашей солнечной системы, что, говоря мимоходомъ, было бы великолѣпной основой для индукціи; если представить себѣ что намъ извѣстно даже то, какіе жители обитаютъ на спутникахъ Сиріуса и на нѣкоторыхъ звѣздахъ млечнаго пути,—развѣ мы получили бы вслѣдствіе этого болѣе ясное представленіе о цѣли мірозданія? Съ точки зрѣнія нашей современной науки нельзя смотрѣть на развитіе человѣчества иначе, какъ на вѣчное движеніе къ истинѣ неизвѣстной, не подлежащей опредѣленію и навѣки недоступной.

Таково пониманіе позитивной философіи Огюста Конта и Спенсера, имѣвшей преобладающее вліяніе на сознаніе нашего времени. Но истина являлась совсѣмъ иною для мудрецовъ и теософовъ Востока и Греціи. Они также знали, что ее нельзя установить безъ общаго понятія о физическомъ мірѣ, но въ то же время они сознавали, что истина пребываетъ прежде всего въ насъ самихъ, въ началахъ нашего разума и во внутренней жизни нашей души. Для нихъ душа была единая божественная реальность и ключъ, отмыкающій вселенную. Сосредоточивая свою волю въ своемъ собственномъ духовномъ цент-

рѣ, развивая свои скрытыя способности, они приближались къ тому великому очагу жизни, который называли Богомъ; свѣтъ же, исходящій изъ Него, освѣщалъ ихъ сознаніе, приводилъ ихъ къ самопознанію и помогалъ проникать во всѣ живыя существа. Для нихъ то, что мы называемъ историческимъ и міровымъ прогрессомъ, было не что иное, какъ эволюція во времени и пространствѣ этой центральной Причины и этого послѣдняго Конца.

Можетъ возникнуть вопросъ: не были ли эти теософы лишь отвлеченными созерцателями и безсильными мечтателями? Нѣчто вродѣ факировъ, взобравшихся на свои столбы?

Нѣтъ, міръ не знаетъ болѣе великихъ дѣятелей, говоря въ наиболѣе широкомъ и наиболѣе благомъ смыслѣ этого слова. Они сіяютъ, какъ звѣзды первой величины на духовномъ небосклонѣ. Имена ихъ: Кришна, Будда, Зороастръ, Гермесъ, Моисей, Пиѳагоръ, Іисусъ; это были могучіе формовщики умовъ, энергичные будители душъ, благіе организаторы обществъ. Они жили только для своихъ идей; всегда готовые на всякое испытаніе и сознавая, что умереть за Истину есть величайшій и наиболѣе дѣйствительный изъ подвиговъ, они создавали науки и религіи, литературу и искусство, и ихъ живая сила до сихъ поръ питаетъ и живитъ насъ.

И если поставить на ряду съ такой могучей дѣятельностью стремленія позитивизма и скептицизма нашего времени, что могутъ они принести человѣчеству? Создать сухое поколѣніе безъ идеала, безъ высшаго свѣта и безъ вѣры, не признающее ни души, ни Бога, ни вѣчности, не вѣрящее въ будущность человѣчества, безъ энергіи и безъ воли, сомнѣвающееся въ самомъ себѣ и въ свободѣ человѣческой души... „По плодамъ узнаете ихъ", сказалъ Іисусъ. Это слово Учителя всѣхъ учителей приложимо какъ къ доктринамъ, такъ и къ людямъ.

Невольно возникаетъ мысль: или истина навсегда недоступна человѣку, или же ею владѣли въ широкой степени великіе Мудрецы и первые Посвященные земли. Если послѣднее вѣрно, истина должна находиться въ основѣ всѣхъ великихъ религій и въ священныхъ книгахъ народовъ. Нужно только умѣть разыскать и выдѣлить ее. И въ самомъ дѣлѣ, если на исторію религій посмотрѣть глазами, раскрывшимися подъ вліяніемъ единой истины, которая дается только *внутреннимъ посвященіемъ*, приходишь одновременно и въ изумленіе, и въ восторгъ. То, что развертывается передъ духовнымъ взоромъ, совсѣмъ не похоже на ученія, которыя даетъ церковь, ограничивающая Божественное откровеніе однимъ лишь христіанствомъ, и для самаго хри-

стіанства допускающая только одинъ, установленный догматами смыслъ. Но точно также не похоже оно и на то, чему учитъ матеріалистическая наука, которая преподается въ нашихъ университетахъ, хотя послѣдняя стоитъ все же на болѣе широкой точкѣ зрѣнія, ибо она ставитъ всѣ религіи на одну ступень и прилагаетъ ко всѣмъ единый методъ изслѣдованія. Ея ученость глубока, ея усрдіе достойно удивленія, но она еще не поднялась на *точку зрѣнія сравнительнаго эзотеризма*, который раскрываетъ исторію религій и исторію человѣчества въ совершенно новомъ свѣтѣ.

Вотъ что можно увидать съ *этой* высоты:

Всѣ великія религіи имѣютъ внѣшнюю исторію и исторію внутреннюю; одну—видимую, другую—скрытую. Подъ внѣшней исторіей я подразумѣваю догматы и миѳы, преподаваемые публично, въ храмахъ и школахъ, вошедшіе въ культъ и отразившіеся въ народныхъ суевѣріяхъ. Подъ исторіей внутренней я разумѣю глубокую науку, тайное ученіе, оккультную дѣятельность великихъ Посвященныхъ, Пророковъ и Реформаторовъ, которые создали, поддерживали и распространяли живой духъ религій. Первая, оффиціальная исторія, которая можетъ быть всюду прочтена, происходитъ при дневномъ свѣтѣ; тѣмъ не менѣе она темна, запутана и противорѣчива. Вторая, которую можно назвать эзотерическимъ преданіемъ, или ученіемъ Мистерій, трудно распознаваема, ибо она происходила въ глубинѣ храмовъ, въ замкнутыхъ сообществахъ, и ея наиболѣе потрясающія драмы развертывались во всей своей цѣлости въ душѣ великихъ пророковъ, которые не довѣряли никакимъ пергаментамъ и никакимъ ученикамъ своихъ высокихъ переживаній и своихъ божественныхъ экстазовъ. Исторію эту нужно отгадывать, но разъ ее познаешь, она является полной свѣта и внутренней связи, она остается всегда въ гармоніи сама съ собой. Ее можно назвать также исторіей *единой всемірной вѣчной Религіи*.

Въ ней проявляется внутренняя суть вещей, истинное содержаніе человѣческой совѣсти, тогда какъ внѣшняя исторія показываетъ только ея земныя формы. Тамъ мы схватываемъ исходную точку Религіи и Философіи, которыя на другомъ концѣ элипсиса соединяются вновь при помощи всеобъемлющей науки. Эта точка соотвѣтствуетъ трансцедентнымъ истинамъ. Въ ней мы находимъ причину, происхожденіе и конецъ изумительной работы вѣковъ, Провидѣніе, проявляющееся черезъ своихъ земныхъ дѣятелей. Это—*внутренняя* исторія, которую я буду излагать въ этой книгѣ.

Для Арійской расы зачатокъ и зерно ея заключается въ Ведахъ. Ея первая историческая кристаллизація появляется въ тріѵпостасной

доктринѣ Кришны, которая придаетъ браманизму его могущество, а религiи Индiи—ея неизгладимую печать. Будда, который по хронологiи Брамановъ явился позднѣе Кришны на 2400 лѣтъ, выдалъ мiру другую сторону тайной доктрины, ученiе о метампсихозѣ и о рядѣ человѣческихъ существованiй, связанныхъ между собой закономъ *кармы*. Хотя буддизмъ является революцiей, демократической, соцiальной и моральной, направленной противъ аристократическаго и жреческаго браманизма, его метафизическая основа остается той же самой, хотя нѣсколько менѣе совершенной.

Древность священной доктрины не менѣе поразительна и въ Египтѣ, традицiи котораго относятся къ цивилизацiи гораздо болѣе древней, чѣмъ появленiе Арiйской расы на исторической сценѣ. До послѣдняго времени еще можно было предполагать, что трiѵпостасный монизмъ, изложенный въ греческихъ книгахъ Гермеса Трисмегиста, былъ компиляцiей Александрiйской школы, созданной подъ двойнымъ влiянiемъ iудео-христiанства и неоплатонизма. Съ общаго согласiя вѣрующихъ и невѣрующихъ, историковъ и теологовъ, утвержденiе это длилось до нашихъ дней. Но въ наши дни вся эта теорiя падаетъ передъ открытiями египетскихъ надписей. Основная подлинность книгъ Гермеса, какъ документовъ древней мудрости Египта, выступаетъ съ торжествомъ изъ разгаданныхъ iероглифовъ. Не только надписи надъ обелисками Ѳивъ и Мемѳиса подтверждаютъ всю хронологiю Манеѳона, но они доказываютъ и тотъ фактъ, что жрецы Аммона Ра исповѣдывали высокую метафизику, которая преподавалась подъ другими формами на берегахъ Ганга *).

По этому поводу умѣстно сказать, вмѣстѣ съ еврейскимъ пророкомъ, что „камни говорятъ" и „стѣны вопiютъ". Ибо, подобно полуночному солнцу, которое сiяло въ мистерiяхъ Изиды и Озириса, мысль Гермеса, отразившая древнее ученiе о Богѣ-Словѣ, загорѣлась вновь въ глубинѣ Королевскихъ гробницъ и заискрилась на свиткахъ папируса „*книги Мертвыхъ*", которую въ теченiе четырехъ тысячъ лѣтъ охраняли безмолвныя мумiи.

Въ Грецiи эзотерическая идея въ одно и то же время и болѣе очевидна и болѣе закрыта, чѣмъ гдѣ бы то ни было; болѣе очевидна потому, что она ярко сквозитъ въ очаровательной миѳологiи Эллады, переливается словно кровь Олимпiйскихъ небожителей въ жилахъ жизнерадостной эллинской цивилизацiи и отдѣляется отъ кра-

*) Прекрасныя работы по этому предмету принадлежатъ François Lenormant и M. Maspero.

соты ея Боговъ подобно благоуханію цвѣтовъ и небесной росѣ. Съ другой стороны, глубокую, научную мысль, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ ея миѳовъ, особенно трудно уловить именно благодаря тому покрову очарованія и красоты, который набросили на нее поэты. Но высокіе принципы дорійской теофосіи и дельфійской мудрости начертаны не менѣе ясно въ орфическихъ отрывкахъ и въ синтезѣ пиѳагорійцевъ, чѣмъ въ обнародованной и нѣсколько фантастической діалектикѣ Платона.

Александрійская школа даетъ ко всему этому необходимые ключи. Ибо она первая во времена паденія греческой религіи начала отчасти раскрывать и отчасти комментировать сокровенный смыслъ мистерій.

Оккультная традиція Израиля, которая происходитъ одновременно изъ Египта, Халдеи и Персіи, была сохранена для насъ во всей ея глубинѣ, хотя и подъ покровомъ странныхъ и туманныхъ формъ, *Каббалой*, или устной традиціей, начиная съ Зохара и Сефера (Jézirah), приписываемаго Симону Бенъ-Іохаю, до комментаріевъ Маймонида *). Таинственно скрытая въ книгѣ Бытія и въ символикѣ пророковъ, она выступаетъ поразительнымъ образомъ въ прекрасномъ трудѣ Фабра Д'Оливе „*La Langue hébraique restituée*", который стремится возсоздать истинную космогонію Моисея по египетской методѣ, сообразно тройному смыслу каждаго стиха и почти каждаго слова первыхъ десяти главъ книги Бытія.

Что касается до христіанскаго эзотеризма, онъ сіяетъ самъ по себѣ въ Евангеліяхъ, если ихъ освѣтить эссеянскими и гностическими преданіями. Онъ бьётъ ключемъ, какъ изъ живого родника, изъ словъ Христа, изъ всѣхъ его притчъ и изъ глубины его поистинѣ божественной души. Въ то же время Евангеліе отъ Іоанна даетъ намъ ключъ къ интимному, высоко духовному ученію Іисуса, раскрывая весь смыслъ и весь размѣръ его обѣтованья. У него мы снова находимъ ту же доктрину трехъ Vпостасей и божественнаго Глагола, преподававшуюся въ теченіе тысячелѣтій въ храмахъ Египта и Индіи, но поднятую и олицетворенную Царемъ Посвященныхъ, величайшимъ изъ Сыновъ Божіихъ.

Приложеніе метода, называемаго „эзотеризмомъ", къ исторіи религій, приведетъ насъ къ результату величайшаго значенія, которое можно выразить такъ: *древность, непрерываемость и основное един-*

*) Евр. теологъ и ученый (1134—1204) родомъ изъ Кордовы, переселившійся благодаря религіознымъ преслѣдованіямъ въ Египетъ. Его труды считаются основой ортодоксальнаго іудаизма.

ство эзотерической доктрины. Необходимо признать въ этомъ фактѣ чрезвычайной важности. Ибо онъ устанавливаетъ, что мудрецы и пророки самыхъ различныхъ временъ пришли къ одинаковымъ заключеніямъ относительно основъ, относительно *первыхъ* и *послѣднихъ* истинъ, и притомъ—однимъ и тѣмъ же путемъ внутренняго посвященія и медитаціи *). Прибавимъ, что именно эти мудрецы и пророки были величайшими благодѣтелями человѣчества, именно ихъ искупительная сила вырвала человѣчество изъ бездны низшей природы и отрицанія. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что, по выраженію Лейбница, есть нѣчто вродѣ вѣчной философіи *perennis quaedam philosophia*, которая образуетъ первичную связь между наукой и религіей и утверждаетъ ихъ конечное единство?

Древняя теософія, которая исповѣдывалась въ Индіи, въ Египтѣ и Греціи, составляла цѣлую энциклопедію, раздѣлявшуюся обыкновенно на четыре категоріи: 1) *Теогонія* или наука объ абсолютныхъ принципахъ, тождественная съ «наукой о числахъ» въ ихъ приложеніи ко вселенной, или священная математика. 2) *Космогонія*—осуществленіе вѣчныхъ принциповъ въ пространствѣ и во времени или *инволюція* духа въ матерію; міровые періоды. 3) *Психологія*—организація человѣка; *эволюція* души на протяженіи всей цѣпи существованій. 4) *Физика*, наука о царствахъ земной природы и объ ихъ свойствахъ.

Индуктивный и экспериментальный методы соединялись и контролировали другъ друга въ этихъ различныхъ областяхъ науки, и каждой изъ послѣднихъ соотвѣтствовало опредѣленное искусство. Если начать перечисленіе снизу, съ физическихъ наукъ, то мы получимъ: во 1-хъ *Медицину*, основанную на знаніи оккультныхъ свойствъ минераловъ, растеній и животныхъ; *Алхимію* или превращеніе металловъ; дезинтеграцію и возстановленіе матеріи посредствомъ міровой дѣятельнй силы, искусство, практиковавшееся въ древнемъ Египтѣ по показаніямъ Олимпіодора и названное имъ chrysopée и argyropée; во 2-хъ *Искусства психургическія*, соотвѣтствующія силамъ души: магія и гаданіе; въ 3-хъ *Астрологія* или искусство, раскрывавшее отношеніе между судьбами народовъ и индивидумовъ и движеніями вселенной, которое опредѣлялось обращеніемъ планетъ и, въ 4-ыхъ, *Теургію*, высшее искусство мага, столь же рѣдкое, сколько опасное и трудное, искусство приводить душу въ сознательное соприкосновеніе съ различными видами духовъ и умѣнье вліять на нихъ.

---

*) Глубокое внутреннее размышленіе и созерцаніе при полномъ отвлеченін всѣхъ чувствъ отъ земныхъ впечатлѣній.

Такимъ образомъ и науки и искусства соединялись въ древней Теософіи и истекали изъ одного и того же принципа, который на современномъ языкѣ можно бы назвать: *интеллектуальный монизмъ* или *эволюціонный спиритуализмъ*.

Основные принципы эзотерической доктрины можно формулировать такъ: Духъ есть единственная Реальность, Матерія—лишь его внѣшнее выраженіе, измѣнчивое, мимолетное, его динамизмъ въ пространствѣ и времени. Творчество вѣчно и неперерывно, какъ сама жизнь. Микрокосмъ-человѣкъ, по своей тройственной организаціи (духъ, душа и тѣло), есть подобіе и отраженіе макрокосма-вселенной (міръ божественный, міръ человѣческій и міръ естественный), который въ свою очередь есть тѣло Бога, абсолютнаго Разума, соединяющаго въ своей природѣ: Отца, Мать и Сына (сущность, субстанцію и жизнь). Вотъ почему человѣкъ, образъ и подобіе Бога, можетъ стать его живымъ Глаголомъ.

Гнозисъ, или умозрительная мистика всѣхъ временъ, есть искусство находить Бога въ себѣ, развивая тайныя глубины и скрытыя способности сознанія. Человѣческая душа, индивидуальность, безсмертна по существу. Ея развитіе происходитъ по линіямъ попеременно нисходящимъ и восходящимъ, благодаря то тѣлеснымъ, то духовнымъ существованіямъ. Перевоплощеніе есть законъ ея эволюціи. Достигнувъ совершенства, она освобождается и возвращается къ чистому Духу, къ Богу, ко всей полнотѣ Его Сознанія. Такъ же какъ душа возвышается надъ закономъ борьбы за существованіе, когда начинаетъ сознавать свою человѣчность, такъ же она поднимается и надъ закономъ перевоплощенія, когда начинаетъ сознавать свою божественность.

Перспективы, открывающіяся на порогѣ Теософіи, безпредѣльны, въ особенности если ихъ сравнить съ узкимъ и печальнымъ горизонтомъ, въ кругъ котораго человѣкъ запертъ матеріализмомъ, или съ непріемлемыми разумомъ положеніями клерикальной теологіи. Встрѣчаясь съ этими перспективами въ первый разъ, чувствуешь трепетъ безконечности. Бездны Безсознательнаго разверзаются внутри насъ, открывая передъ нами пучину, изъ которой мы происходимъ, и головокружительныя высоты, къ которымъ мы стремимся. Восхищенные этой безпредѣльностью и въ то же время испытывая трепетъ передъ необъятностью предстоящаго пути, мы жаждемъ небытія, мы призываемъ Нирвану. Но вслѣдъ за тѣмъ мы сознаемъ, что эта слабость—не болѣе какъ утомленіе моряка, готоваго упустить весло передъ напоромъ грозящаго вихря.

Кто-то сказалъ: человѣкъ рожденъ въ углубленіи волны и ничего не знаетъ о широкомъ океанѣ, разстилающемся впереди и позади его. Это—правда, но мистическое откровеніе направляетъ нашу ладью на самый гребень волны и оттуда, хотя и одолѣваемые яростнымъ напоромъ стихіи, мы все же успѣваемъ схватить весь необъятный просторъ океана и весь его величественный ритмъ, а взоръ, измѣряющій глубину небеснаго свода, отдыхаетъ въ тишинѣ лазури.

Удивленіе наше растетъ, когда, изслѣдуя современныя науки, мы убѣждаемся, что онѣ проявляютъ невольную и тѣмъ болѣе непреодолимую наклонность вернуться къ даннымъ древней Теософіи. Не покидая атомистической гипотезы, современная физика пришла незамѣтно къ тому, что отождествила идею матеріи съ идеей силы, что является уже приближеніемъ къ духовному динамизму. Чтобы объяснить свѣтъ, магнетизмъ, злектричество, ученые принуждены были допустить тонкую и совершенно невѣсомую матерію, наполняющую міровое пространство и проникающую всѣ тѣла, которую они назвали эфиромъ, что является уже шагомъ по направленію къ древней теософической идеѣ о *Міровой душѣ.* Что касается до чувствительности и разумной приспособляемости этой матеріи, она выступаетъ въ опытѣ, который былъ сдѣланъ недавно и который доказалъ *передачу звука посредствомъ свѣта* *).

Изъ всѣхъ наукъ наиболѣе противорѣчащими идеямъ спиритуализма кажутся сравнительная зоологія и антропологія. А между тѣмъ, онѣ могли бы послужить доказательствомъ для спиритуалистическихъ идей, если бы былъ уловленъ законъ, по которому совершается взаимодѣйствіе между духовнымъ міромъ и міромъ физическимъ. Дарвинъ положилъ конецъ младенческому представленію первобытной теологіи о сотвореніи міра. Въ этомъ отношеніи онъ только вернулся къ идеямъ древней Теософіи. Уже Пиѳагоръ сказалъ: „человѣкъ сродни животному". Дарвинъ показалъ законы, слѣдуя которымъ природа выполняетъ божественный планъ; законы эти: борьба за существованіе и естественный подборъ. Онъ доказалъ измѣнчивость видовъ, онъ сократилъ ихъ число и установилъ ихъ происхожденіе.

---

*) Опытъ Бэлля. Заставляютъ лучъ свѣта упасть на пластинку ссленіума, который отбрасываетъ его на разстояніе на другую пластинку того же металла. Послѣдняя приведсна въ сообщеніе съ Вольтовымъ столбомъ, къ которому прилаживается телефонъ. Слова, произнссенныя позади первой пластинки, ясно слышны въ телефонѣ. Слѣдовательно, лучъ свѣта замѣнилъ нить телефона. Звуковыя волны преобразились въ свѣтовыя, эти послѣднія въ волны гальваническія, а гальваническія превратились снова въ звуковыя волны.

Но его ученики, теоретики абсолютнаго трансформизма, желавшіе произвести всѣ виды отъ одного первоначальнаго типа и ставившіе ихъ появленіе въ исключительную зависимость отъ вліянія среды, дѣлали большія натяжки въ пользу чисто внѣшняго и матеріалистическаго понятія о природѣ.

Нѣтъ, среда объясняетъ появленіе видовъ не болѣе, чѣмъ физическіе законы объясняютъ законы химическіе, не болѣе, чѣмъ химія объясняетъ эволюціонный принципъ растенія. или эволюція растенія— эволюцію животнаго.

Что касается большихъ отдѣловъ животнаго царства, они соотвѣтствуютъ вѣчнымъ типамъ жизни, обозначающимъ различныя ступени сознанія. Появленіе млекопитающихся послѣ пресмыкающихся и птицъ имѣетъ свою причину не въ измѣненіи земной среды; измѣненная среда являетъ собой только *условія*. Появленіе это обусловлено новой эмбріологіей, слѣдовательно и новой разумной жизненной силой, воздѣйствующей изнутри, изъ той внутренней сути природы, которую можно назвать *потустороннeй* по отношенію къ нашимъ физическимъ чувствамъ. Безъ этой сознательной жизненной силы невозможно объяснить появленія даже самой ничтожной органической клѣточки въ мірѣ неорганическомъ.

Наконецъ, Человѣкъ, это живое подобіе Міровой Души и дѣятельнаго Разума, завершающее собой цѣлый рядъ существъ, раскрываетъ всю полноту божественной мысли гармоніей своихъ органовъ и совершенствомъ своей формы.

Синтезируя всѣ законы эволюціи и всю природу въ своемъ тѣлѣ, онъ покоряетъ ее и поднимается надъ ней для того, чтобы черезъ сознаніе и черезъ свободу вступить въ безпредѣльное царство Духа.

Экспериментальная психологія, опирающаяся на физіологію и стремящаяся съ начала XIX столѣтія снова стать наукой, привела ученыхъ къ порогу потусторонняго міра, этой истинной отчизны души, въ которой хотя и не прекращается аналогія, но управлять ея дѣйствіями начинаютъ уже иные законы; я подразумѣваю разслѣдованія медиковъ относительно животнаго магнетизма, сомнамбулизма и различныхъ внѣбодрствующихъ состояній души, начиная съ ясновидящаго сна и двойного зрѣнія и кончая экстазомъ.

Современная наука двигается лишь ощупью въ той области, въ которой древняя эзотерическая наука дѣйствовала сознательно, обладая недостающими современной наукѣ началами и необходимыми ключами. И тѣмъ не менѣе, ей удалось открыть цѣлый рядъ фактовъ,

которые показались ей изумительными и необяснимыми, потому что факты эти противорѣчатъ матеріалистическимъ теоріямъ, подъ вліяніемъ которыхъ она пріобрѣтала привычку думать и дѣлать свои выводы.

Ничто такъ не поучительно, какъ негодующее недовѣріе нѣкоторыхъ ученыхъ матеріалистовъ, съ которымъ они относятся къ явленіямъ, доказывающимъ существованіе невидимаго духовнаго міра. Въ наше время, когда кто-либо стремится доказать наличность души, онъ настолько же задѣваетъ атеистическое правовѣріе, какъ когда-то церковное правовѣріе задѣвалось отрицаніемъ Бога. Правда, жизнью своею при этомъ уже не рискуютъ, но зато рискуютъ репутаціей.

Но какъ бы то ни было, даже изъ наиболѣе простого явленія мысленнаго внушенія на разстояніи, явленія, подтвержденнаго тысячу разъ въ лѣтописяхъ магнетизма *), логическимъ выводомъ является признаніе дѣятельности духа и воли *внѣ* физическихъ законовъ видимаго міра. Такимъ образомъ, дверь въ невидимый міръ раскрылась. Въ высшихъ явленіяхъ сонамбулизма *этотъ міръ раскрывается вполнѣ.*

Если мы перейдемъ отъ экспериментальной и объективной психологіи къ психологіи интимной и субъективной нашего времени, которая выражается въ поэзіи, музыкѣ и литературѣ, мы найдемъ, что сильное дуновеніе безсознательнаго эзотеризма проникаетъ ихъ.

Никогда стремленіе къ духовной жизни, къ невидимымъ мірамъ, изгнаннымъ матеріалистическими теоріями ученыхъ и моднымъ направленіемъ, не было болѣе серьезно и болѣе искренно. Стремленіе это обнаруживается въ тоскливыхъ исканіяхъ, въ трагическихъ сомнѣніяхъ, въ глубокой меланхоліи, вплоть до богохульства нашихъ натуралистическихъ романистовъ и нашихъ поэтовъ декадентовъ. Никогда душа человѣческая не испытывала болѣе глубокаго чувства ничтожества и нереальности земной жизни, никогда она не стремилась болѣе пламенно къ невидимому, къ потустороннему, сохраняя въ то же время неспособность *вѣрить.*

Иногда ея интуиціи удается даже подняться до сверхчувственныхъ истинъ, не имѣющихъ санкціи ея земного разума, которыя противорѣчатъ ея поверхностнымъ представленіямъ и являются невольнымъ изліяніемъ ея сверхсознанія. Въ доказательство своихъ словъ я приведу отрывокъ изъ книги рѣдкаго мыслителя, который страдалъ всею горечью и всею тоскою нравственнаго одиночества нашего времени.

---

*) Рекомендуемъ прекрасную книгу М. Окоровичъ „О мысленномъ внушеніи"

«Каждая сфера бытія—говоритъ Фредерикъ Амьель—стремится къ болѣе высокой сферѣ, ибо до нея достигаютъ откровенія и предчувствія высшаго. Идеалъ, въ какой бы формѣ онъ ни проявлялся, есть лишь предвидѣніе, пророческое прозрѣніе въ это высшее существованіе, къ которому стремится каждое живое существо. Это высшее существованіе бываетъ всегда и болѣе внутреннее по своей природѣ, т. е. болѣе духовное. И какъ вулканическія изверженія выбрасываютъ на поверхность тайны земныхъ нѣдръ, такъ же и энтузіазмъ и экстазъ—только мимолетные взрывы глубинъ внутренняго міра души. И вся жизнь человѣческая только приготовленіе и преддверіе къ этой жизни духа. Ступени посвященія неисчислимы. Поэтому бодрствовать долженъ ученикъ жизни, тотъ, который несетъ внутри себя будущаго ангела; онъ долженъ работать надъ ускореніемъ расцвѣта своей души, ибо божественная Одиссея не болѣе какъ рядъ метаморфозъ, гдѣ каждая форма, результатъ предшествовавшихъ, является одновременно и условіемъ для послѣдующихъ формъ.

Божественная жизнь есть рядъ послѣдовательныхъ смертей, когда духъ сбрасываетъ свои несовершенства и свои символы и отдается растущей силѣ притяженія, исходящей изъ неизрѣченнаго Центра всѣхъ силъ—„изъ Солнца разума и любви".

Въ обычное время Амьель былъ только очень умный гегельянецъ со свойствами высшаго моралиста. Но въ тотъ день, когда онъ написалъ эти вдохновенныя строки, онъ былъ глубокимъ теософомъ. Ибо трудно лучше освѣтить и съ болѣе захватывающей силой выразить самую суть эзотерической истины.

Даже этого краткаго обозрѣнія достаточно, чтобы показать, что разумъ и современная наука готовятся, сами не подозрѣвая и не желая того, возсоздать древнюю теософію помощью орудій болѣе совершенныхъ и на фундаментѣ болѣе прочномъ.

По выраженію Ламартина, человѣчество подобно ткачу, работающему на станкѣ временъ съ изнанки. Придетъ день, когда взирая на другую сторону ткани, человѣчество узритъ картину дивную и величавую, вытканную на протяженіи вѣковъ его собственными руками, при чемъ само оно не видѣло ничего, кромѣ путаницы нитей на изнанкѣ ткани. Въ этотъ день человѣчество преклонится передъ Провидѣніемъ, проявляющемъ себя въ немъ самомъ. И тогда сбудутся слова современнаго герметическаго писанія, и они не покажутся слишкомъ дерзновенными тому, кто достаточно глубоко проникъ въ эзотерическія преданія: „эзотерическая доктрина не только научна, не только философски обоснована, моральна и религіозна, но она сама

наука, сама философія, сама мораль и сама рергія, по отношенію къ которой всѣ остальныя—лишь подготовленія, выраженія частичныя или ошибочныя, смотря по тому, приближаются онѣ къ ней, или же удоляются отъ нея“ *).

Я далекъ отъ мысли, что далъ достаточно полное свидѣтельство объ этой наукѣ всѣхъ наукъ. Для этого нужно не менѣе, какъ возвести зданіе всѣхъ наукъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, возстановленныхъ въ ихъ преемственномъ порядкѣ и преобразованныхъ въ духѣ эзотеризма.

Я стремился доказать, что ученіе Мистерій нужно отнести къ самому источнику нашей цивилизаціи; что ученіе это создало всѣ великія религіи, какъ арійскія, такъ и симетическія; что христіанство ведетъ именно *къ нему* весь человѣческій родъ своею эзотерическою стороною, и что современная наука стремится роковымъ образомъ къ нему-же всею совокупностью своего поступательнаго движенія; и что въ концѣ концовъ, религія и наука *должны* встрѣтиться въ этомъ ученіи, какъ въ единящей пристани, и найти въ немъ свой синтезъ. Можно сказать навѣрно, что всюду, гдѣ находится какой бы то ни было отрывокъ эзотерической доктрины, тамъ она существуетъ и во всей своей цѣлости. Ибо каждая изъ ея частей предваряетъ или вызываетъ остальныя части.

Великіе мудрецы и истинные пророки всегда владѣли ею, и мудрецы и пророки будущаго будутъ также владѣть ею. Свѣтъ можетъ быть болѣе или менѣе сильный, но это все тотъ же свѣтъ. Форма и подробности могутъ мѣняться до безконечности, но основа, то есть принципы и цѣль—никогда.

Въ этой книгѣ будетъ дано нѣчто вродѣ постепеннаго развитія или послѣдовательнаго раскрытія эзотерической доктрины въ ея различныхъ частяхъ; раскрытіе это будетъ дано такъ, какъ она осуществлялась послѣдовательно великими Посвященными, представителями міровыхъ религій, которые содѣйствовали устроенію человѣчества, и послѣдовательная смѣна которыхъ намѣчаетъ дугу эволюціи, начавшуюся съ древняго Египта и съ первыхъ шаговъ арійской цивилизаціи и завершенную человѣчествомъ въ настоящемъ циклѣ жизни.

Такимъ образомъ, эзотерическая доктрина появится въ нашемъ изложеніи не какъ абстрактное ученіе, но какъ живая сила, проходящая черезъ душу великихъ Посвященныхъ и отражающаяся на живомъ дѣйствіи исторической драмы развивающагося человѣчества. Въ

---

*) The perfect way of finding Christ, A. Kingsford and Mitland. London 1882.

этомъ ряду Посвященныхъ Рама указываетъ лишь на входъ въ храмъ, Кришна и Гермесъ даютъ къ нему ключъ, Моисей, Орфей и Пифагоръ показываютъ внутренность храма, а Іисусъ Христосъ вводитъ въ его святилище.

Эта книга возникла вся изъ пламенной жажды высшей истины, истины цѣльной, вѣчной, утоляющей, внѣ которой частичныя истины лишь дразнятъ, не давая удовлетворенія... Лишь тѣ поймутъ меня вполнѣ, кто сознаетъ такъ же какъ я, что современный моментъ въ исторіи человѣчества со всѣми своими матеріальными богатствами ничто иное, какъ грустная пустыня съ точки зрѣнія духа и его безсмертныхъ стремленій. Переживаемое время глубоко важно, и всѣ крайнія послѣдствія агностицизма даютъ себя знать разрушеніемъ общественности. И для нашей Франціи и для всей Европы вопросъ стоитъ такъ: *быть или не быть.*

Необходимо или возстановить центральныя органическія истины на ихъ нерушимыхъ основахъ, или же упасть окончательно въ бездну матеріализма и анархіи. Наука и религія, эти исконныя охранительницы цивилизаціи, обѣ потеряли свой величайшій магическій даръ —*даръ воспитывать души человѣческія.* Храмы Индіи и Египта произвели самыхъ великихъ мудрецовъ земли. Храмы Греціи создали героевъ и поэтовъ. Апостолы Христа были величайшими изъ мучениковъ и тѣмъ вызывали къ жизни тысячи способныхъ на самоотреченіе и мученичество. Церковь среднихъ вѣковъ, несмотря на свою первобытную теологію, была въ силахъ создавать святыхъ и рыцарей только по тому, что *вѣрила,* и еще потому, что временами духъ Христа еще трепеталъ въ ней. Нынѣ же ни церковь, закованная въ своемъ догматѣ, ни наука, пребывающая въ плѣну у матеріи, не въ состояніи болѣе создавать цѣльныхъ людей. Искусство формировать души человѣческія утеряно въ нашъ вѣкъ, и оно будетъ снова найдено не ранѣе, чѣмъ наука и религія, переплавленныя въ живую силу, *сообща* ничнутъ стремиться и работать для спасенія и для блага человѣчества. Для этого наукѣ не понадобится измѣнять своихъ методовъ, ей придется лишь расширить свою область, и Христіанству не придется отказываться отъ своихъ традицій, ему необходимо лишь понять ихъ происхожденіе, ихъ духъ и истинное значеніе ихъ обѣтованій.

Это время духовнаго возрожденія и соціальнаго преобразованія придетъ, мы въ этомъ глубоко увѣрены. Уже появляются ясныя знаменія. Когда наука будетъ знать, а религіи вернется ея нравственная мощь, тогда и человѣкъ начнетъ дѣйствовать съ новой энергіей. Искусство жизни и искусство творчества можетъ возродиться лишь при сліяніи науки, религіи и общественности въ одно гармоническое цѣлое.

Но пока это возрожденіе еще не настало, *что* дѣлать въ этотъ вѣкъ, когда все стремится по наклонной линіи въ пропасть, когда въ сгущающихся сумракахъ таится угроза, несмотря на то, что начало того же вѣка *) казалось поднятіемъ къ свободнымъ вершинамъ, озареннымъ блистающей зарей?

„Вѣра—сказалъ одинъ мыслитель—есть мужество духа, который стремительно бросается впередъ, увѣренный, что найдетъ истину". Эта вѣра не врагъ разума, а его свѣтъ; это—вѣра Христофора Колумба и Галилея, которая желаетъ провѣрки и доказательствъ; это — единственная вѣра, возможная въ наши дни. Для тѣхъ, кто ее потерялъ безвозвратно, а такихъ много, ибо примѣръ дѣйствовалъ сверху,—дорога легкая и торная: слѣдовать за современнымъ теченіемъ и подчиниться духу времени вмѣсто того, чтобы бороться съ нимъ; предаться сомнѣнію отрицанія, при видѣ человѣческихъ бѣдствій утѣшать себя улыбкой презрѣнія и, прикрывая глубокое ничтожество всего видимаго блестящимъ покровомъ, украшеннымъ прекраснымъ именемъ идеала, оставаться твердо убѣжденнымъ, что послѣдній не болѣе какъ полезная химера.

Что касается до насъ, которые вѣрятъ, что идеалъ есть единственная Реальность и единственная Истина въ вѣчно мѣняющемся и скоротечномъ мірѣ, для насъ, которые вѣрятъ въ утвержденіе и осуществленіе всѣхъ его обѣтованій, какъ въ земной исторіи человѣчества, такъ и въ будущей жизни, которые знаютъ, что это утвержденіе необходимо, какъ врожденное право человѣческаго братства, какъ разумъ вселенной и какъ логика Бога;—для насъ, обладающихъ этимъ убѣжденіемъ, остается только одинъ выходъ: будемъ утверждать эту истину безъ страха со всею силой, на какую мы способны; бросимся *во имя ея и съ нею* на арену дѣятельности и, несмотря на всю царящую запутанность и смятеніе, попробуемъ проникнуть путемъ внутренняго проникновенія и индивидуальнаго посвященія въ Храмъ вѣчныхъ Идей, дабы вооружиться въ его святилищѣ непреоборимыми Основами.

Это именно то, что я пытался провести въ предлагаемой книгѣ, надѣясь, что другіе послѣдуютъ за мной и выполнятъ поставленную задачу болѣе совершенно, чѣмъ ее выполнилъ я.

---

*) Книга написана въ 1895 году.

КНИГА ПЕРВАЯ.

РАМА.

АРІЙСКІЙ ЦИКЛЪ.

Зороастръ спросилъ Ормузда, великаго Творца: „Кто тотъ первый человѣкъ, съ которымъ бесѣдовалъ Ты?“

Ормуздъ отвѣчалъ: „Это—прекрасный Yima, тотъ, который былъ во главѣ Смѣлыхъ.“

Я приказалъ ему бодрствовать надъ принадлежащими мнѣ мірами и я далъ ему золотой мечъ, мечъ побѣды.

И Yima выступилъ на путь Солнца и соединилъ смѣлыхъ людей въ Airyana-Vaèja, которая была создана чистою.

Зендъ—Авеста (Vendidad Jadè 2 Fargard).

О Агни! Священный Огонь! Огонь очищающій! Ты, который спишь въ деревѣ и поднимаешься въ блистающемъ пламени съ алтаря, ты—сердце жертвоприношенія, смѣлое пареніе молитвы, божественная искра скрытая во всемъ, и ты же—преславная душа Солнца.

Ведическій гимнъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Рама.

(Арійскій циклъ).

I.

Человѣческія Расы и Происхожденіе Религій.

Небо—Мой Отецъ, онъ зачалъ меня. Все небесное населеніе—семья моя. *Моя Мать—великая земля.* Самая возвышенная часть ея поверхности—лоно ея; *тамъ отецъ оплодотворяетъ нѣдра той, которая одновременно и супруга и дочь его.»*

Вотъ что четыре или пять тысячъ лѣтъ назадъ пѣлъ ведическій поэтъ передъ жертвенникомъ, на которомъ пылалъ огонь изъ сожигаемыхъ сухихъ травъ. Глубочайшей интуиціей, величавымъ сознаніемъ дышатъ эти странныя слова. Въ нихъ тайна двойного происхожденія человѣчества. Предшествуетъ землѣ и превосходитъ землю божественный типъ человѣка; его душа — небеснаго происхожденія. Но тѣло его происходитъ изъ земныхъ элементовъ, оплодотворенныхъ космической Сущностью. Объятія Урана и великой Матери означаютъ на языкѣ Мистерій — сонмъ душъ или духовныхъ Монадъ, которыя появляются, чтобы оплодотворить земные зародыши; онѣ—организующія начала, безъ которыхъ матерія оставалась бы бездѣйственной и распадающейся массой. Наиболѣе возвышенной частью земной поверхности, которую ведическій поэтъ называетъ ея лономъ, являются континенты и горы, колыбели человѣческихъ расъ. Что же касается Неба, *Варуна* (Уранъ грековъ), оно являетъ собой невидимый сверхфизическій строй, вѣчный и разумный, и оно обнимаетъ собой всю безконечность Пространства и Времени.

Въ этой главѣ мы будемъ разсматривать лишь земное происхожденіе человѣчества, слѣдуя эзотерическимъ традиціямъ, подтвержденнымъ антропологической и этнологической наукой нашего времени.

Четыре расы, которыя раздѣлили между собою весь земной шаръ, возникли въ различныхъ странахъ земли.

Постепенно создававшіеся, медленно перерабатывавшіеся космическимъ творчествомъ континенты поднимались изъ глубины морей, на разстояніи огромныхъ промежутковъ времени, которые древніе жрецы Индіи называли междудилювическими *) циклами.

На протяженіи тысячелѣтій каждый континентъ развивалъ свою флору и фауну и свое человѣчество съ различнымъ цвѣтомъ кожи. Южный континентъ, поглощенный послѣднимъ великимъ потопомъ, былъ колыбелью первобытной красной расы; индѣйцы Америки лишь остатки тѣхъ троглодитовъ **), которые поднялись на вершины горъ передъ тѣмъ, какъ обрушился ихъ континентъ. Африка—мать черной расы, называемая греками эѳіопской. Азія произвела желтую расу, которая удерживается въ китайской народности.

Послѣдній пришлецъ—бѣлая раса, вышелъ изъ лѣсовъ Европы, простиравшихся между бурнымъ Атлантическимъ океаномъ и улыбающимся Средиземнымъ моремъ. Всѣ разновидности человѣческаго рода происходятъ изъ смѣшенія, вырожденія и подбора этихъ четырехъ великихъ расъ.

Въ предыдущихъ циклахъ господствовали поочередно красная и черная раса и онѣ обладали могучими цивилизаціями, оставившими слѣды въ циклопическихъ постройкахъ и въ архитектурѣ Мексики. Въ храмахъ Индіи и Египта имѣлись относительно этихъ угасшихъ цивилизацій краткія указанія въ тайныхъ письменахъ и іероглифахъ.

Въ настоящемъ циклѣ господствуетъ бѣлая раса, и если измѣрить вѣроятную древность Индіи и Египта, начало ея господства слѣдуетъ отнести за семь или восемь тысячъ лѣтъ назадъ ***).

По браманическимъ традиціямъ, цивилизація началась на нашей землѣ пятьдесятъ тысячъ лѣтъ тому назадъ на южномъ континентѣ, гдѣ обитала *красная* раса тогда, когда вся Европа и часть Азіи находились еще подъ водою. Миѳологіи упоминаютъ также о предшествующей расѣ гигантовъ. Въ пещерахъ Тибета были найдены гигантскіе

---

*) Между двумя всемірными потопами.

**) Пещерные люди, которые, по опредѣленію современной науки, принадлежали, главнымъ образомъ, къ четвертичной геологической эпохѣ.

***) Это раздѣленіе человѣчества на четыре послѣдовательныя первоначальныя расы признавалось и древними жрецами Египта. Онѣ представлены въ живописныхъ изображеніяхъ на гробницѣ фараона Сети I въ Ѳивахъ подъ видомъ четырехъ фигуръ съ различной окраской кожи. Красная раса носитъ имя *Ротъ*, азіатская раса съ желтой кожей — имя *Аму*; африканская черная называется *Галасіу* (Halasioa); европейская бѣлая раса съ бѣлокурыми волосами — *Тамху* (Tamahe̮ụ) Lenormant «Histoire des peuples d'Orient» I.

Прим. перев.

человѣческіе скелеты, построеніе которыхъ походитъ болѣе на обезьяну, чѣмъ на человѣка. Ихъ относятъ къ первобытному человѣчеству, посредствующему, еще близкому къ животному состоянію, не владѣвшему еще ни члено-раздѣльной рѣчью, ни общественной организаціей, ни религіей. Ибо эти три вещи возникаютъ всегда одновременно; и въ этомъ скрытый смыслъ тріады бардовъ, который выражается такъ: «Три вещи сосуществовали изначала: Богъ, Свѣтъ и Свобода». Съ первымъ возникновеніемъ рѣчи родится общественность и неясное туманное сознаніе о божественномъ порядкѣ. Это—дыханіе Іеговы въ уста Адама, глаголъ Гермеса, законъ перваго Ману, огонь Прометея, Богъ, содрогающійся въ человѣческой животности.

Красная раса, какъ мы уже сказали, занимала континентъ, погрузившійся на дно океана, называемый Платономъ по египетскимъ традиціямъ—Атлантидой *). Великій катаклизмъ природы уничтожилъ его и раздробилъ на части. Нѣсколько полинезійскихъ расъ, а также индѣйцы Сѣверной Америки и ацтеки, которыхъ Фр. Пизарро встрѣтилъ въ Мексикѣ, вотъ всѣ остатки древней красной расы, которая обладала когда-то цивилизаціей, имѣвшей свои дни славы и величія. Всѣ эти отсталые представители погибшаго прошлаго несутъ въ своей душѣ неизлѣчимую меланхолію древнихъ расъ, вымирающихъ безъ надежды на будущее.

Послѣ красной расы на землѣ господствовала черная раса**. Высшій типъ этой расы нужно искать не среди негровъ, а среди абиссинцевъ и нубійцевъ, у которыхъ сохранился характеръ эпохи ея расцвѣта, когда она достигла наивысшей точки развитія.

Черные наводняли югъ Европы въ доисторическія времена, но были въ свое время вытѣснены оттуда бѣлыми, и самое воспоминанье о нихъ совершенно исчезло изъ народныхъ преданій. Но два неизгладимые слѣда

---

*) По эзотерическимъ ученіямъ древней Мудрости Атлантида находилась между западнымъ побережьемъ теперешней Европы и Африки и обѣими Америками. Въ незапамятныя времена обширный материкъ этотъ погрузился на дно океана, а оторвавшаяся отъ него часть, въ видѣ большого острова, которому Платонъ далъ названіе Poseidonis, существовала еще долго послѣ катастрофы; она погрузилась въ воду около 9500 лѣтъ до Р. X. Атлантида считается родиной четвертой расы, именуемой въ оккультизмѣ Kusha. Ея третьей подрасой были *Толтеки*, отъ которыхъ и произошла красная раса.

**) По тѣмъ же ученіямъ, черная раса произошла отъ существовавшей на южномъ материкѣ, который погибъ ранѣе Атлантиды, третьей коренной расы *Лемурійской*.—Красная раса произошла отъ второй коренной расы отъ *Атлантовъ*.

Прим. перев.

все же оставлены ими въ вѣрованіяхъ народовъ: страхъ передъ дракономъ, который былъ эмблемой ихъ королей, и увѣренность, что дьяволъ чернаго цвѣта. Черные отплатили бѣлымъ за это оскорбленіе и сдѣлали *своего* дьявола бѣлымъ.

Во времена своего господства черные имѣли религіозные центры въ Верхнемъ Египтѣ и въ Индіи. Ихъ циклопическіе города увѣнчивали зубцами горные кряжи Африки, Кавказа и центральной Азіи. Ихъ общественный строй представлялъ собою абсолютную теократію. На верху—жрецы, которыхъ боялись, какъ боговъ; внизу—кишащія, какъ въ муравейникѣ, племена, даже безъ признаннаго семейнаго начала, съ женщинами-рабынями. Ихъ жрецы обладали глубокими познаніями, они признавали божественное единство мірозданія и владѣли звѣзднымъ культомъ, который подъ именемъ *сабеизма*, проникъ и къ бѣлымъ народностямъ *).

Но между наукой черныхъ жрецовъ и грубымъ идолопоклонствомъ народныхъ массъ не было посредствующихъ звеньевъ, не было идеализма въ искусствѣ, не было доступной миѳологіи, хотя уже существовала промышленность, въ особенности строительное искусство, умѣнье строить изъ колоссальныхъ камней и производство изъ металловъ въ гигантскихъ горнахъ, гдѣ выливались металлы съ помощью военноплѣнныхъ.

У этой расы, могучей по своей физической выдержкѣ, по страстной энергіи и способности привязываться, религія являлась царствомъ силы, которое поддерживалось страхомъ. Природа и Богъ являлись сознанію этихъ младенческихъ народовъ не иначе какъ подъ видомъ дракона, страшнаго допотопнаго звѣря, нарисованное изображеніе котораго красовалось и на королевскихъ знаменахъ и вырѣзалось жрецами надъ дверями ихъ храмовъ.

Если черная раса созрѣла подъ палящимъ солнцемъ Африки, расцвѣтъ бѣлой расы совершался подъ ледянымъ дуновеніемъ сѣвернаго полюса. Греческая миѳологія называетъ бѣлыхъ гиперборейцами. Эти люди, рыжеволосые, голубоглазые, шли съ сѣвера черезъ лѣса, освѣщаемые сѣвернымъ сіяніемъ, въ сопровожденіи собакъ и оленей, ведомые смѣлыми предводителями, понуждаемые даромъ ясновидѣнія своихъ женщинъ. Золото волосъ и лазурь глазъ—цвѣта предопредѣленные. Этой расѣ назначено было создать солнечный культъ священ-

---

*) Это утверждается и арабскими историками, какъ Абулъ-Гази, въ генеологической исторіи татаръ и персидскимъ историкомъ Магомедъ-Мошенъ. См. книгу William Jones: «Asiatie Researches.. I. Разсужденіе о татарахъ и персахъ».

наго огня и внести въ міръ тоску по небесной родинѣ. Позднѣе бѣлая раса попеременно то возставала мятежно противъ неба, до желанія взять его приступомъ, то простиралась ницъ передъ его славой въ безграничномъ обожаніи.

Бѣлая раса, подобно остальнымъ расамъ, должна была пройти черезъ всѣ ступени развитія, прежде чѣмъ овладѣть самопознаніемъ. Ея отличительные признаки — потребность индивидуальной свободы, чувствительность, которая создаетъ силу симпатіи, и преобладаніе интеллекта, придающаго воображенію идеальное и символическое направленіе. Способность страстно чувствовать вызвала у мужчины привязанность къ одной опредѣленной женщинѣ — отсюда наклонность этой расы къ единоженству, къ брачному началу и семьѣ. Потребность въ индивидуальной свободѣ, соединенная съ общественностью, создала кланъ съ его избирательнымъ началомъ. Идеальное воображеніе вызвало культъ предковъ, который составляетъ корень и центръ религіи у народовъ бѣлой расы.

Начало соціальное и политическое зарождается въ тотъ день, когда толпа полудикихъ людей, тѣснимая враждебнымъ племенемъ, собирается вмѣстѣ и выбираетъ самаго сильнаго и самаго разумнаго изъ своей среды, чтобы онъ защищалъ ихъ отъ врага и повелѣвалъ ими. Подобный добровольно избранный предводитель—прообразъ будущаго короля; его товарищи—будущее высшее сословіе; старцы, отличающіеся разумомъ, но потерявшіе физическую бодрость, образуютъ уже нѣчто въ родѣ сената или собранія старѣйшихъ.

Какъ же объяснить возникновеніе религіи? По объясненію матеріалистической науки, религія возникла вслѣдствіе страха первобытнаго человѣка передъ силами природы. Но страхъ не имѣетъ ничего общаго съ уваженіемъ и любовью. Страхъ не связываетъ факта съ идеей, видимое съ невидимымъ, человѣка съ Богомъ. Пока человѣкъ *только* дрожалъ передъ природой, онъ еще не былъ человѣкомъ. Онъ сдѣлался человѣкомъ тогда, когда уловилъ связь, которая соединяетъ его съ прошедшимъ и будущимъ и съ тѣмъ высшимъ благимъ Началомъ, которое оставалось для него таинственнымъ Неизвѣданнымъ, но которое онъ все же чувствовалъ и, чувствуя, испытывалъ потребность преклоняться передъ Нимъ. Но *какъ* началось это преклоненіе?

Фабръ Д'Оливе даетъ въ высшей степени удачную и убѣдительную гипотезу, какимъ образомъ возникъ впервые культъ предковъ у бѣлой расы *). Въ воинственномъ кланѣ, между двумя соперничаю-

---

*) «Histoire philosophique du genre humain». Томъ I.

щими воинами, возникаетъ ссора. Разсвирѣпѣвъ, они собираются броситься другъ на друга; нападеніе уже началось; въ эту минуту женщина изъ ихъ клана, съ распущенными волосами, бросается между ними и раздѣляетъ ихъ. Это—сестра одного и жена другого. Глаза ея мечутъ молніи, голосъ ея звучитъ властно. Она восклицаетъ — и слова ея бьютъ какъ молотомъ,—что видѣла въ лѣсу предка племени, побѣдоноснаго воина прежнихъ временъ, явившагося передъ ней глашатаемъ. Онъ не хочетъ, чтобы два воина-брата бились, но желаетъ, чтобы они соединились противъ общаго врага. «Тѣнь великаго предка, его духъ говорилъ со мной!» восклицаетъ женщина въ порывѣ пламеннаго вдохновенія.—«Онъ говорилъ со мной! Я видѣла его»!

Она говоритъ и сама горячо вѣритъ въ правду своихъ словъ. Убѣжденная, она убѣждаетъ. Взволнованные, удивленные и какъ бы пораженные невидимой силой, примиренные противники подаютъ другъ другу руки и смотрятъ на вдохновенную женщину, какъ на нѣчто высшее, божественное.

Подобныя вдохновенія, сопровождавшіяся послѣдствіями въ родѣ описаннаго, должны были происходить нерѣдко, и при томъ при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, въ доисторической жизни бѣлой расы. У варварскихъ племенъ женщина, одаренная большой нервной чуткостью, ранѣе другихъ предчувствуетъ оккультное и утверждаетъ невидимое.

Попробуемъ представить себѣ всѣ неожиданныя послѣдствія, которыя могли послѣдовать за чудеснымъ происшествіемъ, въ родѣ вышеизложеннаго. Внутри клана и во всемъ племени только и говорятъ, что о совершившемся чудѣ. Дубъ, подъ которымъ вдохновенная женщина видѣла тѣнь предка, дѣлается священнымъ деревомъ. Ее снова приводятъ къ нему; и тамъ, подъ магнетическимъ вліяніемъ луны, погружающимъ въ состояніе духовидѣнія, она продолжаетъ пророчествовать именемъ великаго предка. Еще позднѣе, эта же женщина и ей подобныя, ставъ въ величественной позѣ на возвышеніи посреди лѣсной поляны, при шумѣ вѣтра и рокочущаго вдали океана, вызываетъ души предковъ передъ трепещущей толпой, которая видитъ ихъ или воображаетъ, что видитъ, какъ они, привлеченные магическими заклинаніями, появляются въ блѣдномъ туманѣ, волшебно клубящемся въ призрачномъ сіяніи луны. Такъ послѣдній изъ великихъ кельтовъ, Оссіанъ, вызывалъ Фингала *) и его товарищей изъ сгустившихся облаковъ.

*) Миѳическій отецъ Оссіана, герой шотландскихъ народныхъ пѣсенъ, жившій по преданію въ III вѣкѣ по Р. Хр.

Такимъ образомъ въ самомъ началѣ общественной жизни, культъ предковъ водворился у бѣлой расы. Великій предокъ сталъ Божествомъ народности. Вотъ начало религіи.

Но это не все. Вокругъ пророчицы собираются старцы, которые наблюдаютъ за ней во время ея ясновидящихъ сновъ, ея пророческихъ экстазовъ. Они изучаютъ различныя ея состоянія, провѣряютъ ея откровенія, толкуютъ ея предсказанія. Они замѣчаютъ, что когда она пророчествуетъ въ состояніи духовидѣнія, ея лицо преображается, ея рѣчь дѣлается ритмической и голосъ ея крѣпнетъ, когда она произноситъ свои предсказанія величественнымъ и торжественнымъ напѣвомъ *).

Отсюда возникли и строфы, и поэзія, и музыка, происхожденіе которыхъ считается божественнымъ у всѣхъ народовъ арійской расы. Идея откровенія могла создаться у человѣчества лишь на почвѣ подобныхъ фактовъ. И здѣсь мы видимъ, какъ изъ одного и того же источника вытекаютъ и религія, и культъ, и жречество, и поэзія.

Въ Азіи, въ Иранѣ и въ Индіи, гдѣ народы бѣлой расы основали первыя арійскія цивилизаціи, смѣшавшись съ народами другихъ цвѣтовъ, мужчины взяли верхъ надъ женщинами въ дѣлѣ религіознаго вдохновенія. Здѣсь мы постоянно слышимъ о Мудрецахъ, Rishis, Пророкахъ. Изгнанная, подчиненная женщина остается жрицей одного только семейнаго очага. Но въ Европѣ слѣды преобладанія женщины встрѣчаются у народовъ бѣлой расы, оставшихся варварами въ теченіе тысячелѣтій. Роль эта проглядываетъ въ скандинавской волшебницѣ, въ Волюспѣ Эдды, въ кельтической друидессѣ, въ женщинахъ-вѣщуньяхъ, сопровождавшихъ германскія арміи и рѣшавшихъ день

*) Всѣ, кто видѣлъ настоящую сонамбулу, поражаются страннымъ расширеніемъ сознанія, которое происходитъ во время ясновидящаго сна. Для тѣхъ кто не былъ свидѣтелемъ подобныхъ явленій и кто усомнился бы въ сказанномъ, мы приведемъ отрывокъ изъ Давида Штрауса, котораго нельзя заподозрить въ суевѣріи. Онъ увидалъ у своего друга, Юстина Кернера, знаменитую «Превостскую ясновидящую» и описалъ ее въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «вскорѣ ясновидящая впала въ магнетическій сонъ и я въ первый разъ увидалъ это чудесное зрѣлище и притомъ въ его наиболѣе чистомъ и прекрасномъ проявленіи. Лицо ея приняло выраженіе страдающее, но возвышенное и нѣжное и какъ бы залитое небеснымъ сіяніемъ; *рѣчь ея раздавалась чистая, размѣренная, торжественная и музыкальная, нѣчто въ родѣ речитатива;* изобиліе ея чувствъ какъ бы изливалось подобно облачнымъ образованіямъ, то свѣтящимся, то темнымъ, скользящимъ поверхъ души; или же, еще лучше сравнить ихъ съ *дуновеніями, меланхолическими и ясными, проносящимися по струнамъ чудной эоловой арфы.* (Trad R. Lindau, Biographie générale, art. Kerner).

битвы *), вплоть до ѳракійскихъ вакханокъ, которыя появляются въ легендѣ Орфея. Доисторическая пророчица преобразуется въ дельфійскую Пиѳію.

Первобытныя прорицательницы бѣлой расы образовали коллегію друидессъ, подъ наблюденіемъ ученыхъ старцевъ или друидовъ, «людей дуба». Вначалѣ онѣ были благодѣтельнымъ явленіемъ. Своей интуиціей, своимъ пророческимъ даромъ, своимъ энтузіазмомъ онѣ дали сильный толчокъ той расѣ, которая въ это время начинала свою многовѣковую борьбу съ черными. Но быстрая порча и ужасающія излишества этихъ учрежденій были неизбѣжны. Чувствуя себя духовными распорядительницами народовъ, друидессы захотѣли во что бы то ни стало подчинить ихъ и въ смыслѣ земномъ. Когда онѣ лишились вдохновенія, онѣ попробовали господствовать посредствомъ страха. Онѣ потребовали человѣческихъ жертвъ и сдѣлали ихъ необходимыми элементами своего культа. Въ этомъ имъ помогали героическіе инстинкты ихъ расы. Бѣлые были храбры; ихъ воины презирали смерть; при первомъ зовѣ друидессы, они шли добровольно и, чтобы отличиться, бросались подъ ножи своихъ кровожадныхъ жрицъ.

Цѣлыми человѣческими гекатомбами посылались живые къ мертвымъ въ качествѣ вѣстниковъ, въ надеждѣ обрѣсти благосклонность предковъ. Эта постоянная угроза, исходившая изъ устъ пророчицъ и друидовъ и витавшая надъ головами первыхъ народныхъ предводителей, сдѣлалась страшнымъ средствомъ ихъ владычества.

Фактъ этотъ является замѣчательнымъ примѣромъ, какъ неизбѣжно подвергаются порчѣ самые благородные инстинкты человѣческой природы, когда они не подчинены авторитету, *направленному сверхличнымъ сознаніемъ къ добру*. Предоставленное случайному честолюбію и личнымъ страстямъ, вдохновеніе вырождается въ суевѣріе, мужество въ звѣрство, высокая идея самопожертвованія въ средство для тираніи, въ коварную и жестокую эксплоатацію.

Но бѣлая раса была жестокой и безумной только въ продолженіи своего дѣтства. Страстная въ сферѣ душевной, она должна была пройти черезъ много другихъ еще болѣе кровавыхъ кризисовъ. Она была только-что разбужена нападеніями черной расы, которая начинала обступать ее съ юга Европы. Борьба была неравная съ самаго начала. Бѣлые, наполовину дикіе, выходя изъ своихъ лѣсныхъ жилищъ, не имѣли другихъ средствъ обороны, кромѣ топоровъ, пикъ и стрѣлъ

*) Послѣдняя битва между Аріовистомъ и Цезаремъ въ комментаріяхъ Цезаря.

съ каменными наконечниками. Черные имѣли желѣзное оружіе, мѣдное вооруженіе, всѣ средства цивилизаціи и свои циклопическіе города.

Раздавленные при первомъ же столкновеніи и уведенные въ плѣнъ, бѣлые сдѣлались, въ общемъ, рабами черныхъ, заставлявшихъ ихъ обрабатывать камень и носить руду для плавленія въ ихъ печахъ. Между тѣмъ, убѣжавшіе плѣнные приносили въ свою страну обычаи, искусство и обрывки знаній своихъ побѣдителей. Они вынесли отъ черныхъ два важныя искусства: плавленіе металловъ и священное письмо, т. е. искусство запечатлѣвать опредѣленныя идеи таинственными іероглифическими знаками на кожѣ животныхъ, на камняхъ, или на корѣ ясеня; отсюда—кельтическія руны.

Расплавленный и выкованный металлъ сдѣлался оружіемъ для войны; священныя письмена дали начало наукѣ и религіознымъ традиціямъ. Борьба между бѣлой расой и черной продолжалась въ теченіе долгихъ вѣковъ; она передвигалась, разгораясь то между Пиринеями и Кавказомъ, то между Кавказомъ и Гималаями. Спасеніе бѣлыхъ было въ лѣсахъ, гдѣ они могли прятаться какъ дикіе звѣри, чтобы вновь появляться внезапно, въ благопріятныя минуты. Осмѣлѣвъ, привыкнувъ къ войнѣ, вооруженные съ каждымъ вѣкомъ все лучше и лучше, они наконецъ взяли верхъ, разгромили города черныхъ, прогнали ихъ съ береговъ Европы и завладѣли въ свою очередь сѣверомъ Африки и центральной Азіей, которая въ тѣ времена была занята смѣшанными народностями.

Смѣшеніе обѣихъ расъ происходило двумя способами: или посредствомъ колонизацій, или путемъ воинственныхъ завоеваній. Фабръ д'Оливе, этотъ удивительный провидѣцъ доисторическаго прошлаго, бросаетъ яркій свѣтъ на происхожденіе семитическихъ народностей и народовъ арійской расы.

Тамъ, гдѣ бѣлые колонисты подчинились чернокожимъ народамъ, признавъ ихъ владычество и получивъ отъ ихъ священниковъ религіозное посвященье, тамъ — по мнѣнію Фабра д'Оливе — образовались народы семитическіе, какъ египтяне (до Менеса), арабы, финикійцы, халдеи и евреи. Наоборотъ, другія арійскія цивилизаціи какъ иранская, индусская, греческая и этрусская возникали тамъ, гдѣ бѣлые покорили черныхъ путемъ завоеваній. Прибавимъ, что къ числу арійскихъ племенъ мы причисляемъ также всѣ бѣлые народы, оставшіеся въ древности въ состояніи бродячемъ и варварскомъ, какъ, напримѣръ, скиѳы, гэты, сарматы, кельты и позднѣе германцы.

Этимъ и объясняется основное различіе религій, а также и письменности у народовъ семитическаго и арійскаго происхожденія. У се-

митовъ, подпавшихъ подъ интеллектуальное вліяніе черной расы, замѣчается поверхъ народнаго идолопоклонства склонность къ единобожію, къ началу единаго Бога, невидимаго, абсолютнаго и не имѣющаго формы, что было однимъ изъ главнѣйшихъ догматовъ жрецовъ черной расы и ихъ тайнаго посвященія. У бѣлыхъ, какъ смѣшавшихся съ побѣжденными, такъ и сохранившихся въ чистомъ видѣ, замѣчается обратная склонность къ многобожію, къ миѳологіи, къ олицетворенію Божества, что истекаетъ изъ ихъ любви къ природѣ и ихъ страстнаго почитанія предковъ.

Главную разницу между способомъ письма у семитовъ и у арійцевъ Ф. д'Оливе объясняетъ той же причиной. Почему всѣ семиты пишутъ справа налѣво, а всѣ арійцы—слѣва направо? Объясненіе, которое даетъ Ф. д'Оливе, и любопытно, и оригинально. Онъ вызываетъ передъ нашими глазами настоящія видѣнія затеряннаго прошлаго. Всѣ знаютъ, что въ доисторическія времена совсѣмъ не было общедоступнаго письма. Оно распространилось только съ появленіемъ фонетическаго письма или искусства изображать посредствомъ буквъ самые звуки словъ. Что же касается іероглифическаго письма или искусства изображать вещи посредствомъ знаковъ, то оно столь же древне, какъ и сама человѣческая цивилизація. Но въ эти первобытныя времена, когда письмо было исключительной принадлежностью священнослужителей, на него смотрѣли какъ на нѣчто священное, какъ на религіозную дѣятельность, а въ самомъ началѣ какъ на божественное вдохновеніе. Когда въ южномъ полушаріи жрецы черной расы чертили на кожѣ животныхъ или на каменныхъ столахъ свои таинственные знаки, они имѣли обыкновеніе поворачиваться лицомъ къ южному полюсу, рука же ихъ направлялась къ востоку—источнику свѣта. Вотъ почему они писали справа налѣво.

Священники бѣлой или сѣверной расы научились писать отъ черныхъ жрецовъ и вначалѣ писали такъ же, какъ и эти послѣдніе. Но когда у нихъ стало развиваться сознаніе своего происхожденія, національное чувство и расовая гордость, они изобрѣли свои собственные знаки, и вмѣсто того, чтобы обращаться къ югу, къ странѣ черныхъ, они стали оборачиваться къ сѣверу, къ странѣ предковъ, продолжая во время письма направлять руку къ востоку. Отсюда и направленіе ихъ буквъ слѣва направо. Отсюда и способъ начертанія кельтическихъ рунъ, зендскаго, санскритскаго, греческаго, латинскаго письма и всѣхъ начертаній арійской расы. Они стремятся къ солнцу, къ источнику земной жизни, но смотрятъ они на сѣверъ, въ страну предковъ, въ таинственный источникъ небесныхъ зорь.

Теченіе семитическое и теченіе арійское—вотъ два потока, которые принесли намъ всѣ наши идеи, всѣ преданія и религіи, всѣ искусства, науки и философіи. Каждое изъ этихъ теченій несетъ въ себѣ противоположныя понятія о жизни, и только изъ примиренія и гармоническаго сочетанія этихъ противоположностей получится истина.

Семитическое теченіе содержитъ высшіе абсолютные принципы; идея единства и всемірности во имя Верховнаго начала, въ осуществленіи своемъ, ведетъ къ соединенію человѣчества въ одну семью. Арійское теченіе заключаетъ въ себѣ идею восходящей эволюціи во всѣхъ земныхъ и сверхземныхъ царствахъ и ведетъ въ своемъ примѣненіи къ безконечному разнообразію, выражающему все богатство природы и всю сложность стремленій души. Семитическій геній спускается отъ Бога къ человѣку; арійскій геній восходитъ отъ человѣка къ Богу. Первый символизируется карающимъ Архангеломъ, который спускается на землю, вооруженный мечомъ и молніей; второй—Прометеемъ, держащимъ въ рукахъ похищенный съ неба огонь и гордымъ взоромъ измѣряющимъ Олимпъ.

Оба эти генія мы носимъ внутри себя. Мы думаемъ и дѣйствуемъ поочередно подъ вліяніемъ то одного, то другого. Они переплетены, но не сплавлены въ нашемъ разумѣ. Они противорѣчатъ другъ другу и борятся въ глубинѣ нашихъ чувствъ и въ тончайшихъ изгибахъ нашихъ мыслей, такъ же какъ и въ нашей общественной жизни и въ нашихъ учрежденіяхъ. Скрытые подъ сложными формами, которыя можно обозначить родовымъ именемъ спиритуализма и натурализма, они господствуютъ надъ нашими разногласіями и надъ нашей борьбой. Оба кажутся непримиримы и непреодолимы, а между тѣмъ истинный прогрессъ человѣчества и его спасеніе зависятъ отъ примиренія и сліянія обоихъ началъ въ единомъ синтезѣ.

Вотъ почему мы стремимся въ нашей книгѣ проникнуть до источника обоихъ теченій, до появленія въ міръ обоихъ геніевъ. Минуя споры между историческими системами, борьбу различныхъ культовъ, противорѣчія священныхъ текстовъ, мы проникнемъ въ самое сознаніе тѣхъ основателей и пророковъ, которые дали религіямъ ихъ первоначальный толчекъ. Они обладали глубокой интуиціей и вдохновеніемъ свыше, которыя проливаютъ потоки свѣта и въ то же время побуждаютъ къ плодотворному дѣйствію.

Да, тотъ синтезъ, въ которомъ такъ нуждается современное человѣчество, *предсуществовалъ* въ нихъ. Божественный свѣтъ поблѣднѣлъ и затемнился со временемъ, но свѣтъ этотъ появляется

вновь, онъ снова сіяетъ каждый разъ, когда на протяженіи исторической драмы пророкъ, герой или ясновидящій поднимаетъ сознаніе людей къ Первоисточнику. Ибо только изъ точки отправленія возможно увидать цѣль; изъ центральнаго солнца можно видѣть направленіе бѣгущихъ планетъ.

Таково *откровеніе* въ міровой исторіи, непрестанное, постепенно раскрывающееся, многообразное какъ сама природа, но исходящее изъ одного центральнаго источника, единое какъ сама истина, неизмѣнное какъ Богъ.

Изслѣдуя семитическое теченіе, мы придемъ—черезъ Моисея—въ Египетъ, въ храмахъ котораго (по Манеѳону) хранились преданія, древность которыхъ исчисляется въ тридцать тысячъ лѣтъ. Поднимаясь по арійскому теченію, мы проникнемъ въ Индію, гдѣ развернулась первая великая цивилизація, явившаяся результатомъ побѣды бѣлой расы.

Индія и Египетъ, эти двѣ матери религій, обладали тайнами великаго Посвященія. Мы проникнемъ въ ихъ святилища.

Но преданія ихъ поведутъ насъ еще глубже, въ эпоху еще болѣе отдаленную, когда оба различные генія, о которыхъ была рѣчь, являются передъ нами соединенные въ чудную гармонію. Это—первобытная арійская эпоха. Благодаря превосходнымъ работамъ современной науки, благодаря филологіи, миѳологіи и сравнительной этнологіи мы въ состояніи различить очертанія этой эпохи. Она вырисовывается на фонѣ ведическихъ гимновъ, которые являясь лишь ея отраженіемъ, отличаются величавой простотой и чудной чистотою линій. Это былъ вѣкъ зрѣлости, совсѣмъ не напоминающій золотой вѣкъ дѣтства, о которомъ мечтаютъ поэты; и хотя страданія и борьба не отсутствуютъ и въ немъ, все же въ людяхъ того вѣка чувствуется такая полнота вѣры, силы и ясности, вернуть которую человѣчество уже не могло съ тѣхъ поръ.

Въ Индіи мысль углубляется, и чувства утончаются. Въ Греціи страсти и идеи одѣваются въ чары искусствы, въ магическіе покровы красоты. Но никакая поэзія не въ состояніи превзойти нѣкоторые ведическіе гимны по нравственной возвышенности, по всеобъемлющей ширинѣ мысли. Они проникнуты чувствомъ божественности всей природы; они объяты тѣмъ невидимымъ, что̀ окружаетъ проявленный міръ, они настроены тѣмъ великимъ единствомъ, которое соединяетъ *все* въ единую гармонію.

Какимъ образомъ возникла подобная цивилизація? Какъ могла развиться такая высокая интеллектуальность среди постоянныхъ расовыхъ войнъ и борьбы съ природой? Здѣсь останавливается изслѣдо-

ваніе современной науки, но религіозныя преданія народовъ, истолкованныя въ ихъ эзотерическомъ смыслѣ, идутъ гораздо дальше и позволяютъ намъ отгадывать, что первое средоточіе ядра арійской расы въ Иранѣ произошло благодаря опредѣленному подбору, произведенному въ нѣдрахъ самой бѣлой расы подъ руководствомъ побѣдителя и законодателя, который далъ своему народу религію и законы, соотвѣтствующіе генію бѣлой расы.

И въ самомъ дѣлѣ, священная книга персовъ Зендъ-Авеста упоминаетъ объ этомъ древнемъ законодателѣ, называя его Иима (Yima), а Зороастръ, основывая новую религію, ссылается на него, какъ на своего предшественника, какъ на перваго человѣка, съ которымъ говорилъ Ормуздъ, живой Богъ, точно такъ же какъ Іисусъ Христосъ ссылается на Моисея. Персидскій поэтъ Фирдуси называетъ этого законодателя Джэмъ, Завоеватель черныхъ.

Въ индусской эпопеѣ Рамайяна онъ появляется подъ именемъ Рамы, облеченный въ достоинство индусскаго короля, окруженный блескомъ великой цивилизаціи; но при этомъ онъ ясно сохраняетъ обѣ свои характеристики: завоевателя, создающаго новую общественность, и Посвященнаго. Въ египетскихъ преданіяхъ эпоха Рамы обозначается какъ царство Озириса, владыки свѣта, которое предшествовало царству Изиды, царицы мистерій.

Наконецъ, въ Греціи древній герой и полубогъ почитался подъ именемъ Діониса, которое происходитъ отъ санскритскаго Deva Nahousha,—Божественный Преобразователь. Орфей давалъ то же имя божественному Разуму, а поэтъ Ноннусъ, слѣдуя элевзинскимъ преданіямъ, воспѣвалъ покореніе Индіи Діонисомъ.

Какъ лучи одного и того же круга, всѣ эти преданія указываютъ на одинъ общій центръ; слѣдуя по направленію тѣхъ лучей, можно убѣдиться, что всѣ они исходятъ изъ него. Итакъ, минуя Индію Ведъ, минуя Иранъ Зороастра, мы увидимъ—при сумрачномъ разсвѣтѣ бѣлой расы—перваго Создателя арійской религіи, выступающимъ изъ лѣсовъ древней Скиѳіи въ двойной тіарѣ завоевателя и Посвященнаго, несущимъ въ рукѣ мистическій огонь, тотъ священный огонь, отъ котораго загорится духовный свѣтъ для всѣхъ арійскихъ народовъ.

Фабру д' Оливе обязаны мы указаніями на этотъ таинственный и величавый образъ*); онъ проложилъ свѣтлую тропу, слѣдуя по которой попробую и я вызвать его передъ читателями.

---

*) Histoire philosophique du genre humain. Томъ I.

II.

Миссія Рамы.

Четыре или пять тысячъ лѣтъ до нашей эры, непроходимые лѣса покрывали древнюю Скиѳію, которая простиралась отъ Атлантическаго океана до полярныхъ морей. Черные называли этотъ континентъ, на ихъ глазахъ, островъ за островомъ, всплывавшій со дна океана: «землею, рожденной изъ волнъ». Сильно отличалась она отъ ихъ земли, побѣлѣвшей подъ лучами жгучаго солнца, своими зелеными берегами, своими влажными заливами, задумчивыми рѣками, глубокими озерами и вѣчно нависшими на ея горныхъ скатахъ туманами. На покрытыхъ травою равнинахъ, еще не тронутыхъ культурой, необозримыхъ какъ пампасы, не раздавалось иныхъ звуковъ, кромѣ криковъ хищныхъ звѣрей, рева буйволовъ и неукротимаго топота дикихъ коней, мчавшихся большими табунами съ развѣвающимися гривами.

Бѣлый человѣкъ, обитавшій въ лѣсахъ, пересталъ быть пещернымъ человѣкомъ. Онъ могъ уже считать себя хозяиномъ земли; онъ изобрѣлъ кремневые ножи и топоры, лукъ и стрѣлы, пращу и силокъ. И, кромѣ того, онъ пріобрѣлъ двухъ товарищей для борьбы, двухъ превосходныхъ друзей, преданныхъ до смерти: собаку и лошадь. Домашняя собака, ставшая вѣрнымъ стражемъ его деревянной хижины, обезпечила ему безопасность его очага. Покоривъ своей власти лошадь, онъ въ то же время завоевалъ и землю, и подчинилъ себѣ другихъ животныхъ. Онъ сталъ царемъ пространства. Верхомъ, на дикихъ коняхъ, эти первобытные люди носились по равнинамъ какъ вѣтеръ.

Они убивали медвѣдей, волковъ, бизоновъ, и приводили въ ужасъ пантеръ и львовъ, населявшихъ въ тѣ времена европейскіе лѣса.

Начало цивилизаціи было положено; первобытная семья, кланъ, поселокъ, были вызваны къ существованію. Скиѳы, сыны Гиперборейцевъ, всюду воздвигали своимъ предкамъ чудовищные жертвенные камни *).

Когда умиралъ предводитель, съ нимъ вмѣстѣ погребалось его оружіе и его конь для того, чтобы воинъ могъ совершать объѣздъ по небеснымъ равнинамъ и охотиться на томъ свѣтѣ за огненнымъ дракономъ. Отсюда обычай приносить въ жертву коня, который иг-

---

*) Menhir, высокій камень въ видѣ колонны, употреблявшійся друидами при богослуженіи древнихъ Галловъ.

раетъ такую большую роль въ Ведахъ и у Скандинавовъ. Такимъ образомъ, въ основу религіи былъ положенъ культъ предковъ.

Семиты нашли единаго Бога, міровой Духъ въ пустынѣ, на вершинѣ горъ, въ необъятности звѣздныхъ пространствъ. Скиѳы и Кельты нашли многихъ боговъ, многочисленныхъ духовъ въ глубинѣ своихъ лѣсовъ. Тамъ раздавались для нихъ голоса изъ невидимыхъ міровъ, тамъ являлись имъ видѣнія, тамъ они испытывали первый трепетъ предъ Неизвѣданнымъ. И навсегда остались лѣса, съ ихъ жуткой таинственностью и очарованіемъ, дороги для бѣлой расы.

Привлеченные шумомъ деревьевъ и магіей луннаго свѣта, бѣлые люди испытываютъ неудержимую тягу къ своимъ лѣсамъ, они возвращаются къ нимъ снова и снова, какъ къ источнику молодости, какъ къ храму великой матери Герты. Тамъ спятъ ихъ боги, ихъ воспоминанія, ихъ затерянныя мистеріи.

Съ незапамятныхъ временъ, ясновидящія женщины пророчествовали подъ сѣнью деревьевъ. Каждое племя имѣло свою великую пророчицу на подобіе Волюспы у Скандинавовъ съ ея коллегіей друидессъ. Но эти женщины, дѣйствовавшія въ началѣ подъ благороднымъ вдохновеніемъ, сдѣлались впослѣдствіи честолюбивыми и жестокими. Вдохновенныя пророчицы превратились въ злыхъ волшебницъ. Онѣ основали человѣческія жертвоприношенія, и кровь текла безостановочно на дольменахъ при зловѣщемъ пѣніи жрецовъ, при изступленныхъ восклицаніяхъ дикихъ Скиѳовъ.

Среди этихъ жрецовъ находился молодой человѣкъ во цвѣтѣ лѣтъ, по имени Рамъ, который также готовился къ священнослуженію; но его глубокая душа и ясный умъ возмущались при видѣ этого кроваваго культа.

Молодой друидъ былъ нрава кроткаго и серьезнаго, онъ выказывалъ съ раннихъ лѣтъ необычайную способность къ распознаванію цѣлебныхъ и ядовитыхъ свойствъ растеній, къ приготовленію ихъ соковъ, а также къ распознаванію звѣздъ и ихъ вліянія на человѣческую судьбу. Онъ былъ способенъ угадывать и видѣть самыя отдаленныя вещи; отсюда его вліяніе даже на старѣйшихъ друидовъ.

Доброжелательство и величіе исходило изъ его рѣчей и изъ всего его существа. Его мудрость составляла поразительный контрастъ съ безуміемъ друидессъ, съ мрачными проклятіями, которыя изрекали ихъ оракулы въ своемъ изступленномъ бреду.

Друиды называли его: «тотъ, который знаетъ», народъ же прозвалъ его «свыше вдохновеннымъ миротворцемъ». Рамъ, стремившійся къ духовнымъ познаніямъ, странствовалъ по всей Скиѳіи, а также и

въ полуденныхъ странахъ. Очарованные его личными познаніями и его скромностью, жрецы Черныхъ повѣдали ему часть своихъ оккультныхъ знаній.

Вернувшись на сѣверъ, Рамъ былъ потрясенъ при видѣ культа человѣческихъ жертвъ, свирѣпствовавшихъ среди его расы. Онъ видѣлъ въ этомъ признакъ ея гибели; но какъ побороть этотъ страшный обычай, распространившійся благодаря властолюбію друидессъ, корысти жрецовъ и суевѣрію народа? Въ это время новый бичъ былъ ниспосланъ на бѣлыхъ, и Рамъ увидалъ въ этомъ наказаніе свыше за кощунственный культъ.

Благодаря своимъ вторженіямъ въ южныя страны и благодаря соприкосновенію съ Черными, Бѣлые принесли въ свою страну страшную болѣзнь, родъ чумы. Она заражала человѣка черезъ кровь, черезъ самые источники жизни. Все тѣло покрывалось черными пятнами, дыханіе становилось зараженнымъ, распухшіе и разъѣденные нарывами члены искривлялись, и больной умиралъ въ страшныхъ мученіяхъ. Дыханіе живыхъ и смрадъ отъ мертвыхъ распространялъ заразу. Обезумѣвшіе Бѣлые падали тысячами въ предсмертной агоніи въ глубинѣ своихъ лѣсовъ, покинутыхъ даже хищными птицами. Огорченный Рамъ тщетно искалъ средства къ спасенію.

Онъ имѣлъ обыкновеніе предаваться молитвенному размышленію подъ дубомъ, на лѣсной полянѣ. Однажды вечеромъ, онъ долго размышлялъ надъ страданьями своей расы; онъ заснулъ у подножія дерева. Во снѣ онъ услыхалъ, какъ сильный голосъ звалъ его по имени, и ему показалось, что онъ проснулся. Онъ увидѣлъ передъ собой величественнаго человѣка, одѣтаго въ такія же бѣлыя одежды друида, какія были и на немъ. Онъ держалъ жезлъ, вокругъ котораго обвивалась змѣя. Удивленный Рамъ намѣревался спросить у незнакомца, что̀ это значитъ. Но незнакомецъ взялъ его за руку, поднялъ его, и, показавъ ему на томъ самомъ деревѣ, подъ которымъ онъ спалъ, прекрасную вѣтку омелы, сказалъ: «О Рамъ! средство, которые ты ищешь, здѣсь, передъ тобой». Затѣмъ онъ досталъ изъ своихъ одеждъ маленькій золотой серпъ, отрѣзалъ вѣтку и подалъ ему. Онъ произнесъ еще нѣсколько словъ о томъ, какъ приготовляютъ омелу, и исчезъ.

Тогда Рамъ проснулся совсѣмъ и почувствовалъ себя сильно облегченнымъ. Внутренній голосъ сказалъ ему, что онъ нашелъ спасеніе, И онъ приготовилъ омелу по совѣту неземного друга съ золотымъ серпомъ, и далъ выпить этотъ напитокъ больному, и больной выздоровѣлъ. Чудесныя исцѣленія, которыя затѣмъ производилъ Рамъ, до-

ставили ему большую извѣстность во всей Скиѳіи. Всюду призывали его для излѣченія заболѣвавшихъ. Спрошенный друидами своего племени, онъ довѣрилъ имъ свое открытіе, выражая желаніе, чтобы оно осталось тайной жреческой касты, дабы обезпечить ея авторитетъ.

Учениковъ Рамы, переходившихъ съ мѣста на мѣсто по всей Скиѳіи съ вѣтками омелы въ рукахъ, считали божественными вѣстниками, а самого Раму—полубогомъ.

Это событіе стало основой новаго культа. Омела стала съ тѣхъ поръ священнымъ растеніемъ. Въ память событія, Рамъ учредилъ праздникъ Рождества или новаго спасенія, который онъ помѣстилъ въ началѣ года и который назвалъ *Ночь-Мать* (новаго солнца) или *великое Обновленіе*.

Что касается таинственнаго существа, которое указало Рамѣ на омелу, его называли въ эзотерическомъ европейскомъ преданіи *Aesc-heyl-hopa*, что означаетъ: «надежда спасенія скрывается въ лѣсу». Греки сдѣлали изъ этого имени Эскулапа, генія врачебнаго искусства, держащаго въ рукахъ магическій жезлъ—кадуцей.

Но Рамъ, «свыше вдохновенный миротворецъ», видѣлъ передъ собой болѣе обширныя цѣли. Онъ рѣшилъ излѣчить свой народъ отъ нравственной язвы, болѣе печальной, чѣмъ физическая зараза. Избранный начальникомъ жрецовъ своего племени, онъ отдалъ приказаніе всѣмъ коллегіямъ друидовъ и друидессъ положить конецъ человѣческимъ жертвоприношеніямъ. Эта вѣсть облетѣла всѣ страны вплоть до океана и, вызвавъ великую радость въ однихъ, возмутила другихъ какъ святотатственное посягательство. Друидессы, угрожаемыя въ самой основѣ своей власти, подняли страшный ропотъ противъ дерзновеннаго, посылали ему проклятія и провозгласили его приговореннымъ къ смерти. Многіе друиды, видѣвшіе въ человѣческихъ жертвахъ средство для своего господства, присоединились къ нимъ. Рамъ, превозносимый одними, былъ проклинаемъ другими. Но, полный рѣшимости не отступать ни передъ какой борьбой, онъ еще болѣе оттѣнилъ эту борьбу, водрузивъ новый символъ.

Каждое бѣлое племя имѣло свой особый знакъ въ образѣ животнаго, которое олицетворяло качества, наиболѣе цѣнимыя племенемъ. Одни предводители прибивали надъ крышей своего деревяннаго дворца головы журавлей, орловъ или коршуновъ, другіе—головы дикаго вепря или буйвола; отсюда произошла геральдика. Любимымъ знаменемъ Скифовъ былъ быкъ, котораго они называли Торъ, олицетвореніе животной силы и жестокости. Рамъ, въ противоположность быку, далъ другой символъ, овна, храбраго и миролюбиваго предводителя стада,

и онъ сталъ условнымъ знакомъ, соединившемъ всѣхъ приверженцевъ Рама. Это знамя, водруженное въ центрѣ Скиѳіи, сдѣлалось сигналомъ для всеобщаго броженія и произвело настоящую революцію во всѣхъ умахъ. Бѣлые народы раздѣлились на два лагеря. Въ самой душѣ бѣлой расы произошелъ расколъ, благодаря стремленію отдѣлаться отъ грубой животности и подняться на первую ступень невидимаго святилища, которое ведетъ къ богочеловѣчеству.

«Смерть Овну!»—Кричали сторонники Тора. «Война съ Торомъ!»—кричали друзья Рама. Ужасная война была неизбѣжна.

Передъ такой возможностью Рамъ поколебался. Допустивъ такую войну, не усилитъ-ли онъ зло и не поведетъ-ли свою расу къ истребленію? Въ отвѣтъ на эту тревогу онъ имѣлъ новое сновидѣніе.

Грозовое небо было покрыто мрачными тучами, которыя громоздились на горахъ и въ стремительномъ бѣгѣ задѣвали качающіяся вершины лѣсовъ. На высокой скалѣ стояла женщина съ распущенными волосами; она была уже готова нанести смертельный ударъ воину во во цвѣтѣ лѣтъ, лежавшему связаннымъ у ея ногъ. «Во имя предковъ остановись!»—закричалъ Рамъ, бросаясь на женщину. Друидесса, угрожая противнику, бросила на него пронизывающій взглядъ. Въ это время изъ низко нависшихъ тучъ раздался раскатъ грома и, озаренный сверкнувшей молніей, появился ослѣпительный образъ.

Весь лѣсъ освѣтился; друидесса упала какъ сраженная молніей, узы плѣнника распались, и онъ посмотрѣлъ на ослѣпительное видѣніе со страхомъ. Рамъ не дрожалъ, ибо въ представшемъ видѣніи онъ узналъ божественное существо, которое уже бесѣдовало съ нимъ подъ дубомъ. На этотъ разъ оно показалось ему еще прекраснѣе. Отъ его облика исходилъ свѣтъ.

И тогда Рамъ увидалъ, что онъ находится въ открытомъ храмѣ, поддерживаемомъ рядами колонъ. На мѣстѣ жертвеннаго камня возвышался алтарь. Рядомъ съ алтаремъ стоялъ воинъ, но глаза его все еще выражали предсмертный страхъ. Женщина, распростертая на плитахъ храма казалась мертвой, а божественный Вѣстникъ держалъ въ правой рукѣ факелъ, а въ лѣвой—чашу. Онъ посмотрѣлъ на Рама съ благоволеніемъ и сказалъ: «Рамъ я доволенъ тобою. Видишь ты этотъ факелъ? Это—священный огонь божественнаго Духа. Видишь ты эту чашу? Это—чаша Жизни и Любви. Дай факелъ мужчинѣ, а чашу женщинѣ». Рамъ исполнилъ повелѣніе Вѣстника. Только что факелъ коснулся руки воина, а чаша—руки женщины, какъ огонь самъ собою зажегся на алтарѣ, и оба стояли преображенные его свѣтомъ.

Въ то же время храмъ раздвинулся; его колонны поднялись до неба; его куполъ преобразился въ звѣздное небо. И тогда Рамъ, унесенный своимъ сновидѣніемъ, увидѣлъ себя на вершинѣ горы. Стоявшій рядомъ съ нимъ божественный Вѣстникъ объяснялъ ему смыслъ созвѣздій и училъ его читать въ сіяющихъ знакахъ зодіака судьбы человѣчества.

Кто ты, духъ мудрости?—спросилъ Рамъ и Вѣстникъ отвѣчалъ: Меня зовутъ Deva Nahousha, божественный Разумъ. Ты будешь распространять мои лучи по землѣ, и я буду всегда приходить по твоему зову, а теперь иди по предначертанной тебѣ дорогѣ». И Божественный Вѣстникъ указалъ рукой на востокъ.

III.

Исходъ и Побѣда.

Въ этомъ видѣніи Рама увидалъ, какъ бы освѣщенными молніей, свою миссію и великую судьбу своей расы. Съ этихъ поръ онъ уже не колебался. Вмѣсто того, чтобы зажечь братоубійственную войну между народностями Европы, онъ рѣшилъ увести избранниковъ изъ своей расы въ самое сердце Азіи.

Онъ извѣстилъ своихъ, что намѣренъ основать культъ священнаго огня, который поведетъ людей къ счастью; что человѣческія жертвы уничтожаются навсегда; что вызываніе предковъ будетъ совершаться не кровожадными жрицами на дикихъ скалахъ, оскверненныхъ человѣческой кровью, но у каждаго домашняго очага, передъ очищающимъ огнемъ, супругомъ и супругою, соединенными въ одной и той же молитвѣ, въ одномъ гимнѣ поклоненія. Да, видимый огонь алтаря, символъ и проводникъ невидимаго небеснаго огня, соединитъ семью, кланъ, племя, и сдѣлаетъ ихъ центромъ, въ которомъ проявится духъ Бога живого на землѣ.

Но, чтобы собрать эту жатву, необходимо отдѣлить хорошее зерно отъ плевеловъ; нужно, чтобы всѣ смѣлые покинули Европу и завоевавъ новую землю, поселились на дѣвственной почвѣ. Тамъ онъ издастъ свой законъ; тамъ онъ положитъ основаніе культу обновляющаго огня.

Это предложеніе было встрѣчено съ энтузіазмомъ народомъ, находившемся во цвѣтѣ юности, жаждавшимъ новыхъ впечатлѣній. Огни, зажженые и поддерживаемые въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, были сигналомъ для массового переселеніе всѣхъ, кто желалъ слѣдо-

вать за Овномъ. Великое переселеніе, предводительствуемое Рамой, пришло въ движеніе, медленно направляясь въ центръ Азіи. Когда оно достигло Кавказа, предводителю пришлось взять съ боя нѣсколько циклопическихъ крѣпостей, построенныхъ Черными.

Въ память своихъ побѣдъ, бѣлые колонисты высѣкали гигантскія головы Овна на скалахъ Кавказа. Рама оказался достойнымъ своей высокой миссіи. Онъ устранялъ всѣ препятствія, проникалъ въ мысли окружающихъ, предвидѣлъ будущее, исцѣлялъ больныхъ, умиротворялъ мятежниковъ, зажигалъ мужество.

Такимъ образомъ небесныя силы, которыя мы называемъ Провидѣніемъ, вели сѣверную расу къ господству надъ землей, освѣщая, съ помощью генія Рама, яркими лучами ея путь. Эта раса уже имѣла своихъ второстепенныхъ пророковъ, которые стремились вырвать ее изъ состоянія дикости. Но въ лицѣ Рамы, который первый понялъ законъ общественности, какъ выраженіе закона Божія, ей былъ данъ вдохновенный пророкъ первой степени.

Онъ заключилъ дружественный союзъ съ Туранцами, скиѳскими племенами съ примѣсью желтой расы, которыя занимали возвышенности Азіи; онъ увлекъ ихъ къ завоеванію Ирана, откуда окончательно изгналъ Черныхъ, желая, чтобы чистая бѣлая раса занимала центръ Азіи, и оттуда свѣтила всѣмъ другимъ народамъ, какъ яркій свѣточъ.

Онъ основалъ тамъ городъ Веръ, отличавшійся большимъ великолѣпіемъ, по словамъ Зароастра. Онъ научилъ народы обрабатывать землю, онъ былъ отцомъ хлѣбныхъ злаковъ и виноградной лозы. Онъ создалъ касты, соотвѣтствующія занятіямъ людей, и раздѣлилъ народъ на жрецовъ, воиновъ, земледѣльцевъ и ремесленниковъ.

Вначалѣ между кастами не было соперничества; наслѣдственныя привиллегіи, источникъ зависти и ненависти, возникли лишь впослѣдствіи. Рамъ запрещалъ рабство такъ же, какъ и убійство, утверждая, что порабощеніе человѣка человѣкомъ есть источникъ всѣхъ золъ. Что касается клана, этой первобытной формы общественности у бѣлой расы, онъ сохранилъ его неприкосновеннымъ и разрѣшилъ свободное избраніе предводителей и судей.

Но вѣнцомъ дѣятельности Рамы, облагораживающимъ орудіемъ, созданнымъ имъ, была та новая роль, которую онъ далъ женщинѣ.

До тѣхъ поръ мужчина зналъ женщину только въ друхъ роляхъ: или несчастной рабыней въ его хижинѣ, и тогда онъ обращался съ нею съ грубой жестокостью, или же мятежной жрицей дуба и скалы, милости которой онъ искалъ; и тогда она властвовала надъ нимъ во-

преки его волѣ, въ роли волшебницы, очаровывающей и страшной, предсказанія которой наводили на него трепетъ, передъ которой дрожала его суевѣрная душа.

Человѣческія жертвоприношенія были со стороны женщины воздаяніемъ мужчинѣ, она мстила, когда вонзала ножъ въ сердце своего жестокаго тирана. Отмѣнивъ этотъ ужасный культъ и поднявъ женщину въ глазахъ мужчины, въ ея высокихъ обязанностяхъ супруги и матери, Рама сдѣлалъ изъ нея жрицу домашняго очага, охранительницу священнаго огня, равную супругу, призывающую вмѣстѣ съ нимъ души Предковъ.

Какъ всѣ великіе законодатели, Рама лишь оформилъ и развилъ высшіе инстинкты своей расы. Чтобы украсить жизнь, Рама установилъ четыре большіе праздника въ году. Первый былъ праздникъ весны или плодородія. Онъ былъ посвященъ любви супруговъ. Праздникъ лѣта или жатвы былъ установленъ для сыновей и дочерей, которые подносили связанные снопы своимъ родителямъ. Праздникъ осени справляли отцы и матери: они предлагали плоды своимъ дѣтямъ, какъ знакъ веселія.

Но наиболѣе святымъ и таинственнымъ изъ праздниковъ было Рождество или праздникъ великаго сѣва. Рама посвятилъ его одновременно и новорожденнымъ дѣтямъ, плодамъ любви, зачатымъ весною, и душамъ умершихъ, Предкамъ. Символъ соприкосновенія видимаго съ невидимымъ, это религіозное торжество было одновременно и прощаніемъ съ вознесшимися душами и мистическимъ привѣтствіемъ тѣмъ душамъ, которыя возвращаются на землю, чтобы, воплотившись въ матерей, вновь возродиться въ ихъ дѣтяхъ. Въ эту святую ночь древніе Арійцы соединялись въ святилищахъ Aïryana-Vaeïa, какъ они соединялись когда-то въ своихъ лѣсахъ. Огнями и пѣснопѣніями праздновали они возобновленіе земного и солнечнаго года, прозябаніе природы въ нѣдрахъ зимы, трепетаніе жизни въ глубинахъ смерти. Они воспѣвали оживотворяющій поцѣлуй неба, даваемый землѣ, и торжествующее зачатіе новаго солнца великой Матерью-Ночью.

Рама соединилъ такимъ образомъ человѣческую жизнь съ циклами временъ года, съ астрономическимъ годовымъ оборотомъ. И въ то же время, онъ стремился выдвинуть божественный смыслъ человѣческой жизни. Благодаря такой плодотворной дѣятельности, Зороастръ называетъ его «предводителемъ народовъ, благословеннымъ монархомъ», и на томъ же основаніи индусскій поэтъ Вальмики, который переноситъ античнаго героя въ эпоху гораздо болѣе приближенную къ намъ, въ роскошную раму болѣе подвинувшейся цивилизаціи,

сохраняетъ за нимъ черты высочайшаго идеала. «Рама съ очами голубого лотоса,—говоритъ Вальмики,—былъ владыкой міра, господиномъ своей души и предметомъ любви для человѣковъ, отцомъ и матерью своихъ подданныхъ. *Онъ сумѣлъ соединить всѣ существа въ единой цѣпи любви»*.

Водворившись въ Иранѣ у преддверья Гималая, бѣлая раса не была еще господствующей на землѣ. Нужно было, чтобы ея авангардъ углубился въ Индію, гдѣ былъ главный центръ Черныхъ, древнихъ побѣдителей красной и желтой расы. Зенъ-Авеста упоминаетъ объ этомъ движеніи Рамы въ Индію *). Индуская эпопея сдѣлала изъ него одного изъ любимыхъ героевъ. Рама былъ завоевателемъ земли, которая заключала Гимаватъ, страну слоновъ, тигровъ и газелей. Онъ далъ первый толчекъ той гигантской борьбѣ, въ которой двѣ расы соперничали безсознательно изъ-за мірового владычества.

Поэтическое преданіе Индіи, обогащенное на счетъ оккультныхъ традицій храмовъ, сдѣлало изъ нея борьбу между бѣлой и черной магіей.

Въ своей войнѣ съ народами и королями страны Джамбуевъ, какъ ее называли тогда, Рама, какъ его прозвали на Востокѣ, проявилъ чудесныя силы, ибо онѣ превышаютъ обыкновенныя способности

---

*) Замѣчательно, что Зендъ-Авеста, священная книга Парсовъ, разсматривая Зороастра какъ высокое существо, вдохновенное Ормуздомъ, какъ пророка закона Божія, дѣлаетъ его въ то же время послѣдователемъ пророка, несравненно болѣе древняго. Подъ прикрытіемъ символизма древнихъ храмовъ, можно уловить нить великаго откровенія, которое связываетъ всѣхъ истинныхъ Посвященныхъ. Вотъ эти важныя мѣста:

[1]) Заратустра спросилъ Ахура-Мазду (Ормуздъ, Богъ свѣта): Ахура-Мазда, ты, святой и наисвященнѣйшій создатель всѣхъ тѣлесныхъ и чистыхъ существъ:

[2]) Кто тотъ первый человѣкъ, съ кѣмъ ты бесѣдовалъ, ты, который есть Ахура-Мазда?

...[4]) Тогда Ахура-Мазда отвѣтилъ: „Съ прекраснымъ Іимой, съ тѣмъ, который былъ во главѣ собранія, достойнаго похвалъ, о чистый Заратустра".

...[13]) И я сказалъ ему: „Охраняй міры, которые принадлежатъ мнѣ, въ качествѣ ихъ покровителя сдѣлай ихъ плодоносными".

...[17]) И я принесъ ему орудія побѣды, я, который есмь Ахура-Мазда;

...[18]) Золотую пику, и золотой мечъ.

...[31]) Тогда Іима поднялся до самыхъ звѣздъ къ полудню, по дорогѣ, ведущей къ солнцу.

...[37]) И онъ пошелъ по той землѣ, которую сдѣлалъ плодоносной. И она стала на треть значительнѣе, чѣмъ была прежде.

...[43]) И блистательный Іима соединилъ собраніе человѣковъ, наиболѣе добродѣтельныхъ, въ знаменитомъ Aïryana-Vaeja, сотвореннымъ чистымъ. (Vendidad-Sadé, 2-e Fargard.—Переводъ Duperron).

людей; но силами этими всегда владѣли великіе Посвященные, знавшіе скрытыя силы природы, которыя они и подчиняли себѣ. Преданіе изображаетъ Раму то вызывающимъ источникъ воды въ пустынѣ, то находящимъ неожиданную помощь въ маннѣ, которую онъ учитъ употреблять въ пищу, то прекращающимъ эпидемію съ помощью растенія *hom, amomos* Грековъ, *persea* Египтянъ, изъ которой онъ умѣлъ извлекать цѣлебный сокъ. Это растеніе считалось священнымъ между его послѣдователями и замѣнило омёлу европейскихъ Кельтовъ.

Рама пускалъ въ ходъ противъ своихъ враговъ разнообразныя чары. Жрецы Черныхъ господствовали въ тѣ времена съ помощью уже выродившагося культа. Они имѣли обыкновеніе кормить въ своихъ храмахъ огромныхъ змѣй и птеродактилъ *), рѣдкихъ потомковъ допотопныхъ животныхъ, которымъ они заставляли поклоняться какъ богамъ, и которые приводили въ трепетъ толпу. Они заставляли этихъ змѣй поѣдать мясо военноплѣнныхъ. Иногда Рама являлся невзначай въ такіе храмы и при свѣтѣ факеловъ выгонялъ, укрощалъ и приводилъ въ трепетъ и змѣй, и жрецовъ. Иногда онъ показывался въ лагерѣ враговъ безоружный, подвергая себя ударамъ тѣхъ, кто искалъ его смерти, и послѣ этого возвращался назадъ цѣлымъ и невредимымъ, ибо никто не смѣлъ дотронуться до него. Когда же распрашивали тѣхъ, которые допустили его удалиться невредимымъ, спрошенные отвѣчали, что его взглядъ заставилъ ихъ временно окаменѣть; или что, повинуясь слову его, цѣлая гора изъ мѣди становилась между ними и имъ, и они переставали видѣть его.

И наконецъ, какъ завершеніе его подвиговъ, эпическое преданіе Индіи приписываетъ Рамѣ завоеваніе Цейлона, этого послѣдняго прибѣжища чернаго мага Раваны, на котораго бѣлый магъ посылаетъ огненный градъ, перебросивъ предварительно мостъ черезъ одинъ изъ рукавовъ моря и перебравшись по немъ съ арміей обезъянъ, которыя чрезвычайно напоминаютъ первобытныя племена дикарей, увлеченныхъ и вдохновленныхъ этимъ великимъ чародѣемъ народовъ.

Глава IV.

Завѣщаніе великаго Предка.

По свидѣтельству священныхъ книгъ Востока, Рама сдѣлался распорядителемъ Индіи и духовнымъ царемъ земли, благодаря своей духовной силѣ, генію и добротѣ. Жрецы, короли и народы преклоня-

*) Ptérodactyles.

лись передъ нимъ, какъ передъ небеснымъ благодѣтелемъ. Подъ знаменемъ Овна ученики его широко распространяли арійскій законъ, который провозглашалъ равенство побѣжденныхъ и побѣдителей, уничтоженіе человѣческихъ жертвъ и рабства, уваженіе къ женщинѣ у домашняго очага, культъ предковъ и учрежденіе священнаго огня, какъ видимаго символа невидимаго Бога.

Рама состарился. Борода его побѣлѣла, но бодрость не покидала его тѣла, и величіе истиннаго первосвященника покоилось на его челѣ. Короли и посланники народовъ предлагали ему высочайшую власть. Онъ потребовалъ годъ на размышленіе и снова ему приснился сонъ; ибо геній, вдохновлявшій его, говорилъ съ нимъ во время сна.

Онъ увидѣлъ себя въ лѣсахъ своей юности.

Онъ снова сталъ молодымъ и носилъ льняныя одежды друидовъ. Сіялъ лунный свѣтъ. Была святая Ночь, когда народы ожидаютъ возрожденія солнца и года. Рама шелъ подъ дубами, прислушиваясь, какъ онъ это дѣлалъ въ юности, къ волшебнымъ лѣснымъ голосамъ. Прекрасная женщина подошла къ нему. На головѣ у нея была сіяющая корона. Ея густые волосы были цвѣта золота. Кожа ея блистала бѣлизною снѣга, а глаза свѣтились глубиной лазури послѣ грозы.

Она сказала ему: я была дикой друидессой; черезъ тебя я стала свѣтлой Супругой и зовусь я теперь Сита. Я—женщина, возвеличенная тобою, я—бѣлая раса, я—твоя супруга. О, мой король и повелитель! Развѣ не для меня переплылъ ты рѣки, не для меня овладѣлъ сердцами народовъ и побѣдилъ земныхъ королей? Вотъ—награда. Возьми эту корону изъ моей руки, надѣнь ее на твою голову и царствуй вмѣстѣ со мной надъ міромъ. Она преклонила колѣни въ смиренной позѣ, предлагая ему земную корону. Драгоцѣнные камни сверкали тысячью огней, экстазъ любви свѣтился въ глазахъ женщины, и душа великаго Рамы, пастыря народовъ, поддалась волненію.

Но поверхъ лѣсныхъ вершинъ появился Deva Nahousha, его добрый геній, и сказалъ ему: «Если ты надѣнешь эту корону на свою голову, божественный разумъ покинетъ тебя; ты болѣе не увидишь меня. Если ты заключишь эту женщину въ свои объятья, твое счастье убьетъ ее. Но если ты откажешься отъ обладанья ею, она будетъ жить счастливая и свободная на землѣ, и твой невидимый духъ будетъ управлять ею. Выбирай: либо слушать ее, либо слѣдовать за мною». Сита, все еще на колѣняхъ, смотрѣла на своего повелителя глазами полными любви и мольбы, ожидая его отвѣта. Рама молчалъ. Его взоръ, погруженный въ глаза Ситы, измѣрялъ бездну, которая отдѣляетъ совершенное обладаніе отъ вѣчной разлуки. Но почувствовавъ, что

высочайшая любовь есть въ то же время и высочайшее отреченіе, онъ положилъ свою руку на лобъ бѣлой женщины, благословилъ ее и сказалъ: «Прощай! Оставайся свободной и не забывай меня!»

Немедленно женщина исчезла какъ лунный призракъ. Молодая заря подняла свой магическій жезлъ надъ старымъ лѣсомъ. Рама превратился снова въ старца. Его бѣлая борода была увлажнена слезами, а изъ глубины лѣсовъ грустный голосъ взывалъ: «Рама! Рама!».

Послѣ этого сна, который указалъ ему на завершеніе его миссіи, Рама соединилъ всѣхъ королей и народныхъ посланниковъ и сказалъ имъ: «Я не хочу высшей власти, которую вы предлагаете мнѣ. Сохраните ваши короны и соблюдайте мой законъ. Моя задача кончена. Я удаляюсь навсегда съ моими братьями, посвященными, на гору Airyana-Vaeïa. Оттуда я буду наблюдатъ за вами. Оберегайте священный огонь! Если бы онъ погасъ, я появлюсь среди васъ безпощаднымъ судьею и страшнымъ мстителемъ!» Вслѣдъ затѣмъ онъ удалился съ своими приближенными учениками на гору Альбори между Балкъ и Баміанъ, въ убѣжище, извѣстное только Посвященнымъ.

Тамъ онъ поучалъ своихъ учениковъ относительно тайнъ земли и Великаго Существа. Ученики его понесли въ Египетъ и до самой Окситаніи священный огонь, символъ божественнаго единства вещей, и рога Овна, эмблему арійской религіи. Эти рога сдѣлались знаками посвященія, а затѣмъ и священнической и царственной власти *). Издали Рама продолжалъ слѣдить за своими народами и за возлюбленной бѣлой расой. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ былъ занятъ устройствомъ календаря для Арійцевъ.

Ему мы обязаны знаками зодіака. Это было завѣщаніемъ патріарха посвященныхъ. Странная книга, написанная звѣздами, сверкающими іероглифами на небесномъ сводѣ, бездонномъ и безграничномъ, была оставлена Древнѣйшимъ изъ нашей расы. Устанавливая двѣнадцать знаковъ зодіака, Рама придалъ имъ тройной смыслъ. Первый относился къ вліянію солнца на двѣнадцать мѣсяцевъ года; второй передавалъ символически его собственную исторію; третій указывалъ на оккультныя средства, которыми онъ пользовался, когда достигалъ своей цѣли. Вотъ почему эти знаки, читаемые въ обратномъ порядкѣ,

---

*) Рога овна изображаются на головѣ множества людей на египетскихъ памятникахъ. Этотъ головной уборъ королей и первосвященниковъ есть знакъ жреческаго и царскаго посвященія. Два рога папской тіары происходятъ отсюда же.

сдѣлались позднѣе тайными эмблемами постепеннаго посвященія *). Онъ сдѣлалъ распоряженіе своимъ ученикамъ, чтобы они скрыли его смерть и продолжали дѣло его жизни, распространяя свое братство. Въ теченіе многихъ вѣковъ вѣрили, что Рама, въ тіарѣ съ рогами овна, продолжалъ жить на своей святой горѣ. Въ ведическія времена Великій Предокъ превратился въ Іаму, судью мертвыхъ, въ индусскаго Гермеса.

Глава V.

Ведическая Религія.

Благодаря своему организаторскому генію, великій основатель арійскихъ культуръ создалъ въ центрѣ Азіи въ Иранѣ народъ, общество, вихрь бытія, который долженъ былъ свѣтить міру во всѣхъ смыслахъ. Колоніи первобытныхъ Арійцевъ распространились въ Азіи и въ Европѣ, принося съ собой свои нравы, свои культы и своихъ боговъ. Изъ всѣхъ этихъ колоній вѣтвь индусскихъ Арійцевъ приближается больше всего къ первобытнымъ Арійцамъ.

---

*) Вотъ какнмъ образомъ зиаки зодіаки изображаютъ исторію Рамы по Фабръ Д,Оливе, который умѣлъ такъ геніально толковать символы прошлаго по эзотерическому преданію.—1. *Овенъ*, бѣгущій съ обращенной иазадъ головой, означаетъ Раму, покидающаго свою родниу, со взоромъ, обращеинымъ иа оставлеииую страну.—2. *Разсвирѣпѣвшій быкъ* препятствуетъ его движеиію, ио половина его тѣла, погруженная въ тину, мѣшаетъ ему исполнить свое намѣреніе; оиъ падаетъ иа колѣиа. Это—Кельты, обозпачеиные ихъ собствениымъ символомъ, которые, ие смотря иа всѣ свои усилія, коичаютъ тѣмъ, что покоряются.— 3. *Близнецы* выражаютъ союзъ Рамы съ Туранцамн.— 4. *Ракъ*—его медитаціи и его углубленіе въ самого себя.— 5. *Левъ*—его сраженія съ врагами.— 6. *Крылатая дѣва*—побѣду.— 7. *Вѣсы* означаютъ равенство между побѣдителями и побѣждеиными.— 8. *Скорпіонъ*—возстаніе и измѣну.— 9. *Стрѣлецъ*—месть. 10. *Козерогъ*. — 11. *Водолей*, и 12. *Рыбы* отиосятся къ внутренней стороиѣ его исторіи. Можно находить это объясненіе зодіака столько же смѣлымъ, сколько и страннымъ, но до сихъ поръ ии одинъ астрономъ и ии одинъ миѳологъ—даже отдаленнымъ образомъ—не объяснилъ происхожденіе и смыслъ этихъ таинственныхъ зиаковъ небесиой карты, принятыхъ и почитаемыхъ иародами съ самаго начала иашего арійскаго цикла. Гипотеза Фабра Д'Оливе имѣетъ по крайней мѣрѣ то достоинство, что открываетъ уму иовыя и обширныя перспективы.— Я сказалъ, что эти зиаки, читаемые въ обратномъ порядкѣ, обозначали позднѣе на Востокѣ и въ Греціи различныя ступени, которыя слѣдовало пройти, чтобы достигнуть высшаго посвященія. Напомнимъ самыя извѣстныя изъ этихъ эмблемъ: *Крылатая дѣва* означала цѣломудріе, дающее побѣду; *Левъ*—нравственную силу; *Близнецы*—союзъ человѣка съ божественнымъ Разумомъ, образующій вмѣстѣ двухъ непреодолимыхъ борцовъ; *Быкъ* усмиренный—власть надъ природой; *Овенъ*—созвѣздіе огня или мірового Духа.

Священныя индусскія книги Веды имѣютъ для насъ тройную цѣну. Прежде всего, онѣ приводятъ насъ къ очагу античной арійской религіи, блистающими лучами которой являются ведическіе гимны. Затѣмъ, онѣ даютъ намъ ключъ къ Индіи. И наконецъ, онѣ даютъ намъ первую кристаллизацію основныхъ идей эзотерической доктрины, и вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣхъ арійскихъ религій *).

Сдѣлаемъ краткій обзоръ содержанія и ядра ведической религіи.

Ничего не можетъ быть проще и величавѣе этой религіи, въ которой глубокій натурализмъ сливается съ трансцедентной духовностью. Передъ разсвѣтомъ, глава семьи становится передъ алтаремъ, воздвигнутымъ изъ земли, на которомъ горитъ огонь, зажженный посредствомъ двухъ кусковъ сухого дерева. Въ этой дѣятельности, глава семьи въ одно и то же время и Отецъ, и Священнослужитель, и Царь жертвоприношенія. Въ то время—говоритъ ведическій поэтъ,—когда заря восходитъ, подобно выкупавшейся и облекшейся въ бѣлоснѣжную одежду женщинѣ, глава семьи произноситъ молитву, обращаясь къ Усха (зарѣ), къ Савитри (солнцу) и къ Асурамъ (духамъ жизни). Мать и сыновья льютъ въ это время приготовленную изъ растенія *асклепія* жидкость (сома) въ огонь Агни, и поднимающееся пламя несетъ къ невидимымъ Божествамъ очищенную молитву, слетающую съ устъ патріарха и главы семьи.

Настроеніе ведическаго поэта одинаково чуждо и эллинской чувственности (я говорю о народномъ греческомъ культѣ, а не объ ученіи греческихъ посвященныхъ), которая надѣляетъ космическія божества красивымъ человѣческимъ тѣломъ, и еврейскому монотеизму, который молится Вездѣсущему, Безформенному, Предвѣчному.

Для ведическаго поэта природа—прозрачное покрывало, за которымъ живутъ неисповѣдимыя Силы Божества. Къ этимъ Силамъ онъ обращается съ молитвой; онъ олицетворяетъ ихъ, но не забываетъ, что это не болѣе какъ метафоры. Для него Савитри не столько солнце, сколько Вивасватъ—творческая сила жизни, одухотворящая солнеч-

*) Браманы разсматриваютъ Веды какъ священныя книги, принадлежащія по преимуществу имъ. Они находятъ въ нихъ науку всѣхъ наукъ. Слово *Веда* означаетъ знать. Европейскіе ученые видѣли въ нихъ сперва лишь патріархальную поэзію; позднѣе они открыли въ нихъ не только источникъ всѣхъ индо-европейскихъ миѳовъ и всѣхъ классическихъ боговъ, но и искусно организованный культъ, глубокую религіозную и метафизическую систему (Bergaigne. La religion des Védas.—M. Auguste Barth, Les religions de l'Inde). Будущее готовитъ ученымъ еще одну неожиданность, когда откроется, что Веды заключаютъ въ себѣ опредѣленіе оккультныхъ силъ природы, которыя современная наука усиливается снова открыть.

ную систему. Индра, божественный воинъ, который въ своей золотой колесницѣ проѣзжаетъ по небу, извергая громъ и молнію, олицетворяетъ могущество солнца въ атмосферической жизни, «въ великой прозрачности воздушныхъ пространствъ».

Когда они обращаются къ Варунѣ (Уранъ Грековъ), Богу безконечнаго, всеобъемлющаго, лучезарнаго неба, ведическіе поэты поднимаются еще выше. Если Индра символизируетъ творческую и воинстующую жизнь небесъ, то Варуна изображаетъ неизмѣнное величіе Божества. Ни что не можетъ сравниться съ великолѣпіемъ его описанія въ гимнахъ Ведъ. Солнце—Его око, небо—Его одежда, гроза—Его дыханіе. На незыблемыхъ основахъ построилъ Онъ небо и землю и содержитъ ихъ врозь. Онъ все создалъ и все сохраняетъ. Ничто не можетъ выразить неисповѣдимое творчество Варуны; никто не можетъ проникнуть въ Него, но Онъ, всевѣдущій, видитъ все, что есть и что будетъ. Съ вершинъ небесъ, гдѣ Онъ обитаетъ въ своемъ стовратомъ дворцѣ, Онъ различаетъ полетъ птицъ въ воздухѣ и слѣды кораблей на волнахъ. Оттуда, съ высоты своего золотого престола, онъ созерцаетъ человѣческія дѣла. Онъ поддерживаетъ порядокъ въ мірѣ и въ обществѣ; онъ караетъ виновнаго, онъ изливаетъ свое милосердіе на кающагося грѣшника. Крикъ истерзанной совѣсти обращается къ Нему; передъ Его лицомъ грѣшникъ складываетъ бремя своихъ грѣховъ.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ведическая религія обильна ритуалами, въ другихъ—она высоко отвлеченна. Съ Варуной она спускается въ нѣдра совѣсти и раскрываетъ идею святости*). Прибавимъ, что она поднимается до чистаго пониманія Единаго Бога, Который проникаетъ великое Цѣлое и управляетъ имъ.

Между тѣмъ, грандіозные образы, которые льются широкими потоками изъ строфъ ведическихъ гимновъ, представляютъ лишь внѣшнюю оболочку Ведъ. Съ идеей Агни, божественнаго огня, мы прикасаемся къ самому ядру доктрины, къ ея эзотерической и трансцедентной основѣ. Въ дѣйствительности, Агни является космической силой, всемірнымъ началомъ. Агни—не только огонь земной молніи и солнца; его истинная отчизна—невидимое мистическое небо, обитель вѣчнаго Свѣта и первообразовъ всѣхъ вещей. Рожденія его безконечны, сверкаетъ ли онъ изъ куска дерева, въ которомъ спитъ какъ зародышъ въ лонѣ матери, или же, какъ «Сынъ Волнъ» бросается съ гро-

*) A Barth, Les religions de l'inde.

мовымъ шумомъ изъ небесныхъ рѣкъ, гдѣ Асвэны (небесные всадники) зачали его.

Онъ—*старѣйшій между богами,* первосвященникъ на небѣ такъ же, какъ и на землѣ, и онъ священнодѣйствовалъ въ обители Вивасватъ (небо или солнце) много ранѣе, чѣмъ Матарисва (молнія) принесла его смертнымъ, и чѣмъ Атарванъ и Ангиры, древніе жертвоприносители, учредили его здѣсь на землѣ, какъ охранителя, хозяина и друга людей. Владыка и производитель жертвы, Агни сдѣлался носителемъ всѣхъ мистическихъ ученій о жертвоприношеніяхъ. Онъ *зарождаетъ боговъ*, онъ устрояетъ міръ, онъ производитъ и сохраняетъ жизнь вселенной, короче—*Агни есть космогоническая сила.*

Сома соотвѣтствуетъ Агни. Въ дѣйствительности, это—напитокъ изъ перебродившаго растенія, которое возливается при жертвоприношеніяхъ богамъ. Но такъ же, какъ и Агни, онъ существуетъ мистически. Его высшая обитель находится въ глубинахъ третьяго неба, гдѣ Суріа (дочь солнца) очистила его и гдѣ его нашелъ Пушанъ (богъ питающій). Изъ этой обители Соколъ, символъ молніи, или даже самъ Агни похитилъ его у небеснаго Стрѣльца, у Гандарвы, его охранителя, и принесъ его людямъ.

Боги выпили его и сдѣлались безсмертными; люди, въ свою очередь, станутъ безсмертными, когда выпьютъ его у Іамы, въ обители блаженныхъ. А до тѣхъ поръ напитокъ даруетъ имъ здѣсь, на землѣ, силу и долговѣчность; это—амврозія и вода обновленія. Она питаетъ, проникаетъ въ растеніе, оживотворяетъ сѣмя животныхъ, вдохновляетъ поэта и даетъ полетъ молитвѣ. *Душа неба и земли, Индры и Вишну, она составляетъ вмѣстѣ съ Агни нераздѣлимую чету*; чета эта зажгла солнце и звѣзды*).

Идея Агни и Сомы заключаетъ въ себѣ два основныхъ начала вселенной; по ученію эзотерической доктрины и каждой живой философіи, Агни есть *Вѣчно-мужественное*, творческій Разумъ, чистый Духъ; Сома есть *Вѣчно-женственное*, Душа міра, лоно всѣхъ міровъ, видимыхъ и невидимыхъ для тѣлесныхъ очей, сама природа или тонкая матерія въ своихъ безконечныхъ трансформаціяхъ **). Совершенное соединеніе этихъ двухъ сущностей составляетъ величайшую Сущность, суть самого Бога.

---

*) Barth, les religions de l' Inde.

**) Что доказываетъ несомнѣнно, что Сома представляла собою начало абсолютно женственное, это—отождествленіе ея у брамановъ съ луною. Луна же символизируетъ женское начало во всѣхъ античныхъ религіяхъ, какъ солнце символизируетъ мужское начало.

Изъ этихъ двухъ главныхъ идей вытекаетъ третья, не менѣе плодотворная. Веды дѣлаютъ *изъ космогоническаго акта непрестанное жертвоприношеніе.* Чтобы произвести все существующее, Высочайшая Сущность приноситъ Себя въ жертву. Она раздѣляется, чтобы выйти изъ своего единства. Эта жертва разсматривается какъ источникъ всѣхъ отправленій природы. Эта идея, поражающая съ перваго взгляда и чрезвычайно глубокая, когда вдумаешься въ нее, содержитъ въ зачаткѣ всю теософическую доктрину инволюціи Бога въ мірѣ, эзотерическій синтезъ многобожія и единобожія. Она вызываетъ къ жизни Діонисіанскую доктрину паденія и искупленія душъ, расцвѣтъ которой мы найдемъ у Гермеса и у Орфея. Отсюда же истекаетъ ученіе о божественномъ Глаголѣ, провозглашенномъ Кришной и завершенномъ Іисусомъ Христомъ.

Жертвоприношеніе огня со всѣми его церемоніями и молитвами, незыблемое средоточіе ведическаго культа, дѣлается такимъ образомъ олицетвореніемъ этого великаго космогоническаго акта. Веды придаютъ первостепенное значеніе молитвѣ, формулѣ призыва, которая сопровождаетъ жертвоприношеніе. Вотъ почему они дѣлаютъ изъ молитвы богиню *Браманаспати.* Вѣра въ призывающую и созидающую силу человѣческаго слова, когда оно сопровождается могучимъ движеніемъ души или сильнымъ порывомъ воли, есть источникъ всѣхъ культовъ и смыслъ всей египетской и халдейской магіи.

Для ведическихъ и браманическихъ жрецовъ, Асуры, невидимые духи, и Питрисы или души предковъ, совершенно реально присутствуютъ при жертвоприношеніи, размѣщаясь на травѣ кругомъ алтаря, привлеченные изъ своей невидимой обители огнемъ, пѣніемъ и молитвой. Наука, относящаяся до *этой* стороны культа, есть наука о іерархіи невидимыхъ духовъ.

Что касается безсмертія души, Веды утверждаютъ его совершенно опредѣленно и ясно: «Въ человѣкѣ есть безсмертная часть; ее-то, о Агни, нужно согрѣвать твоими лучами, воспламенять твоимъ огнемъ. О Іатаведасъ, въ блистающемъ тѣлѣ, созданномъ тобою, принеси ее въ обитель благочестивыхъ!».

Ведическіе поэты не только указываютъ на судьбу души, они тревожно ищутъ ея происхожденія. «Откуда рождается душа? Души приходятъ къ намъ, уходятъ, снова возвращаются и снова уходятъ». Здѣсь въ двухъ словахъ уже дается ученіе о перевоплощеніи, которое будетъ играть впослѣдствіи такую первенствующую роль въ браманизмѣ и буддизмѣ, у египтянъ и у орфиковъ, въ философіи Пиѳагора и Платона, здѣсь намѣчается эта мистерія изъ мистерій, эта тайна изъ тайнъ.

Какъ послѣ этого не признать въ Ведахъ широкія основныя линіи органической религіозной системы, цѣльнаго философскаго пониманія вселенной?

Въ нихъ заключается не только глубокая интуиція относительно міровыхъ истинъ, превышающихъ наблюденія разума, въ нихъ— единство и ширина взгляда по отношенію природы, проникновеніе въ связь ея явленій. Какъ прекрасный горный кристаллъ, сознаніе ведическаго поэта отражаетъ солнце вѣчной истины и въ его сверкающей призмѣ уже играютъ и преломляются всѣ лучи всемірной Теософіи. Основы вѣчной доктрины выступаютъ здѣсь даже яснѣе, чѣмъ въ иныхъ священныхъ книгахъ Индіи и въ другихъ семитическихъ или арійскихъ религіяхъ, благодаря необычайной смѣлости ведическихъ поэтовъ и благодаря прозрачности этой первобытной религіи, столь чистой и высокой.

Въ эту эпоху различія между мистеріями и народнымъ культомъ еще не существовало, но, читая внимательно Веды, позади отца семейства или поэта, поющаго священные гимны, уже можно различить другое лицо, болѣе важное; мудреца, риши, посвященнаго, отъ котораго священнодѣйствующій получалъ толкованіе истины. Можно также убѣдиться, что эта истина передавалась благодаря непрерывающейся традиціи, которая восходитъ до самыхъ источниковъ арійской расы.

Такимъ образомъ мы видимъ, какъ арійскій народъ положилъ начало своей завоевательной и культурной миссіи вдоль Инда и Ганга. Невидимый геній Рамы, божественный Разумъ, Deva Nahousha, управляетъ имъ. Агни, священный огонь, переливается въ его жилахъ. Молодая заря освѣщаетъ эти вѣка юности, силы и мужества. Семья создана, женщина пользуется уваженіемъ. Она жрица очага, она создаетъ священные гимны и сама поетъ ихъ. «Да живетъ мужъ этой супруги сто осеней»—говоритъ поэтъ.

Тогда умѣли любить жизнь, но точно такъ же умѣли и вѣрить въ потустороннее существованіе. Царь жилъ во дворцѣ, на холмѣ, возвышавшемся надъ поселкомъ. Во время войны онъ выѣзжалъ на блистательной колесницѣ, въ сверкающемъ вооруженіи, увѣнчанный тіарой.

Позднѣе, когда брамайы укрѣпили свой авторитетъ, рядомъ съ великолѣпнымъ дворцомъ *Махараджи* или великаго царя, возникли каменныя пагоды, откуда изошли искусства, поэзія и драма боговъ, изображавшаяся мимикой и пѣніемъ священныхъ танцовщицъ. Въ тѣ времена существовали касты, но не было насилія и не было стѣснительныхъ преградъ. Воинъ былъ въ то же время жрецомъ, и жрецъ—

воиномъ, оставаясь одновременно слугой царя и совершая богослуженіе.

Позднѣе появляется новое лицо, смиренное на видъ, но имѣющее великое будущее, съ отпущенными волосами и бородой, полунагое, покрытое рубищемъ: это *муни*, отшельникъ, онъ живетъ близъ священныхъ озеръ въ дикой пустынѣ, гдѣ и предается медитаціи и аскетизму. Отъ времени до времени онъ является къ предводителю или царю, чтобы усовѣстить его. Часто его отталкиваютъ, не слушаютъ, но въ то же время его уважаютъ и боятся. Онъ уже начинаетъ проявлять страшную власть.

Между царемъ, красующимся на своей золотой колесницѣ, окруженнымъ своими воинами, и этимъ муни, почти нагимъ, не имѣющимъ иного оружія, кромѣ своей мысли, слова и взгляда, возникнетъ современемъ великая борьба. И торжествующимъ побѣдителемъ будетъ не царь; побѣдителемъ будетъ отшельникъ, оборваннный, исхудалый нищій, потому что на его сторонѣ будетъ знаніе и сильная воля.

Исторія этой борьбы и есть исторія самого браманизма, а позднѣе и буддизма, и въ ней сосредоточивается почти вся исторія Индіи.

КНИГА ВТОРАЯ.

КРИШНА.

ИНДІЯ И БРАМАНИЧЕСКОЕ ПОСВЯЩЕНІЕ.

„Тотъ, кто создаетъ безостановочно міры—троиченъ. Онъ есть Брама-Отецъ: онъ есть Майя—Мать; онъ есть Вишну—Сынъ; Сущность, Субстанція и Жизнь. Каждый заключаетъ въ себѣ двухъ остальныхъ и всѣ три составляютъ одно въ Неизрѣченномъ“.

У п а н и ш а д ы.

„Ты несешь внутри себя высочайшаго друга, котораго ты не знаешь. Ибо Богъ обитаетъ внутри каждаго человѣка, но немногіе умѣютъ найти Его. Человѣкъ, который приноситъ въ жертву свои желанія и свои дѣйствія Единому, Тому, изъ Котораго истекаютъ начала всѣхъ вещей и Которымъ создана вселенная, достигаетъ такой жертвой совершенства, ибо тотъ, кто находитъ въ самомъ себѣ свое счастье, свою радость и въ себѣ же несетъ свой свѣтъ, тотъ человѣкъ въ единеніи съ Богомъ. Познай же: душа, которая нашла Бога, освобождается отъ рожденія и смерти, отъ старости и страданія и пьетъ воды безсмертія“.

Б х а г а в а т ъ-Г и т а.

КНИГА ВТОРАЯ.

Кришна.

(Индія и браманическое посвященіе).

I.

Героическая Индія. Сыны Солнца и Сыны Луны.

Побѣда арійцевъ надъ Индіей вызвала изъ жизни одну изъ самыхъ блестящихъ цивилизацій, какія извѣстны міру. Гангъ и его притоки были свидѣтелями появленія великихъ царствъ и необъятныхъ городовъ, какъ Аіодія, Гастинапура и Индрапешта. Эпическія повѣствованія Махабхараты и народная космогонія Пуранъ, которыя заключаютъ въ себѣ древнѣйшія преданія Индіи, передаютъ въ ослѣпительныхъ чертахъ царственную роскошь, героическое величіе и рыцарскій духъ этихъ отдаленныхъ вѣковъ. Нельзя себѣ представить болѣе гордаго и болѣе благодарнаго образа, чѣмъ образъ арійскаго царя Индіи, стоящаго на своей боевой колесницѣ и отдающаго приказы цѣлому войску слоновъ, конныхъ и пѣшихъ воиновъ. Одинъ ведическій жрецъ посвящаетъ своего царя передъ собравшейся толпой такими словами: „Я привелъ тебя въ нашу среду. Весь народъ желаетъ тебя. Небо непоколебимо, земля непоколебима и эти горы непоколебимы".

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ законодательствъ, въ Манава Дхарма-Састрѣ, можно прочесть: „Эти владыки міра, пламенѣя во взаимной борьбѣ, раскрывая свою силу въ битвахъ и никогда не отворачивая лица отъ опасности, восходятъ послѣ смерти прямо на небо". Дѣйствительно, они ведутъ свое происхожденіе отъ боговъ, соперничаютъ съ ними и готовятся стать богоподбными. Сыновнее послушаніе, воинская доблесть и вмѣстѣ съ тѣмъ великодушное чувство относительно всѣхъ—вотъ древне-индусскій идеалъ человѣка.

Что касается женщины, индусская эпопея, бывшая послушной слугой брамановъ, показываетъ намъ ее только подъ видомъ вѣрной супруги. Ни Греція, ни народы Сѣвера, никогда не достигали въ своихъ поэмахъ образа супруги настолько нѣжной, настолько благородной и одухотворенной, какъ страстная Сита или нѣжная Дамаянти.

Но индусская эпопея не говоритъ намъ ничего о глубокихъ тайнахъ смѣшенія расъ и медленнаго развитія религіозныхъ идей, которыя привели къ рѣшительнымъ измѣненіямъ въ общественной организаціи ведической Индіи.

Побѣдители Арійцы, отличавшіеся чистотой своей расы, встрѣтились въ Индіи со смѣшанными, низшими расами, въ которыхъ желтый и красный типъ скрещивался въ самыхъ разнообразныхъ оттѣнкахъ, имѣя своей основой черную расу. Такимъ образомъ, индусская цивилизація является передъ нами подобно великой горѣ, имѣющей въ своей основѣ черную расу, по бокамъ—смѣшанныя расы, а на вершинѣ—чистыхъ арійцевъ. Въ виду того, что раздѣленіе на касты не было строгимъ въ первобытную эпоху, большое смѣшеніе происходило между всѣми этими народами. Чистота расы побѣдителей нарушалась все болѣе и болѣе съ теченіемъ вѣковъ; но и до нашихъ дней замѣтно преобладаніе арійскаго типа въ высшихъ классахъ Индіи, а въ низшихъ слояхъ—преобладаніе черной расы. Изъ самыхъ же низшихъ слоевъ индусскаго населенія поднимались подобно міазмамъ джунглей, смѣшаннымъ съ запахомъ дикихъ звѣрей, жгучія испаренія страстей, смѣсь сладострастія и жестокости.

Большая примѣсь черной крови дала Индусамъ ихъ особую окраску. Она ослабила расу. Но, несмотря на эту примѣсь, главныя идеи бѣлой росы удерживались чудеснымъ образомъ на вершинѣ ея цивилизаціи, несмотря на всѣ революціи, черезъ которыя она проходила.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ этнографическую основу Индіи, ясно опредѣленную: съ одной стороны—геній бѣлой расы съ его нравственнымъ чувствомъ и высшими метафизическими стремленіями; съ другой стороны—геній черной расы съ его страстными энергіями и съ разрушительной силой.

Какимъ образомъ этотъ двойной геній отражается въ древне-религіозной исторіи Индіи? Древнѣйшія преданія говорятъ о династіи солнечной и о династіи лунной. Цари изъ первой династіи вели свое происхожденіе отъ солнца; вторые называли себя сынами луны. Но этотъ символическій языкъ покрывалъ собою двѣ противоположныя религіозныя идеи и означалъ, что эти двѣ категоріи властителей принадлежатъ къ двумъ различнымъ культамъ.

Солнечный культъ приписывалъ Богу вселенной мужское начало. Вокругъ него соединялось все наиболѣе чистое изъ ведическихъ преданій: наука священнаго огня и молитвы, эзотерическое понятіе о верховномъ Богѣ, уваженіе къ женщинѣ и культъ предковъ; въ основѣ же царской власти лежало выборное и патріархальное начало.

Культъ лунный приписывалъ Божеству женское начало, подъ знаменемъ котораго религіи арійскаго цикла обоготворяли во всѣ вѣка природу, по большей части природу слѣпую, непостоянную, въ ея наиболѣе бурныхъ и страшныхъ проявленіяхъ. Этотъ культъ склонялся къ идолопоклонству и къ черной магіи. Онъ благопріятствовалъ многоженству и тираніи, опирающейся на народныя страсти.

Борьба между сынами солнца и сынами луны, между Пандавасами и Куравасами, составляетъ предметъ индусской эпопеи Махабхарата, которая представляетъ нѣчто въ родѣ краткаго перспективнаго изложенія исторіи арійской Индіи до учрежденія браманизма. Эта борьба изобилуетъ ожесточенными битвами и странными безконечными приключеніями. Среди этой гигантской эпопеи, Куравасы, цари луннаго цикла, остаются побѣдителями. Пандавасы, благородные представители солнца, охранители чистаго культа, свергнуты съ престола и изгнаны. Преслѣдуемые, они бродятъ прячась въ лѣсахъ, находя пріютъ у отшельниковъ, одѣтые въ древесную кору, съ посохомъ странника вмѣсто оружія.

Побѣдятъ ли низшіе инстинкты? Силы мрака, изображаемыя въ индусской эпопеѣ въ видѣ черныхъ Ракшазовъ, одержутъ ли побѣду надъ свѣтлыми Девами? Раздавитъ ли тиранія подъ своей побѣдной колесницей избранныхъ и циклонъ мрачныхъ страстей обратитъ ли въ прахъ ведическій алтарь, погасивъ священный огонь предковъ? Нѣтъ! Индія лишь въ началѣ своей религіозной эволюціи, она развернетъ свой матафизическій и организующій геній въ учрежденіи Браманизма. Жрецы, которые служили царямъ и начальникамъ подъ именемъ *pourahitas* (приставленные къ жертвеннымъ огнямъ), уже превратились въ ихъ совѣтниковъ и министровъ. Они обладали большими богатствами и значительнымъ вліяніемъ, но имъ не удалось бы придать своей кастѣ высшую власть и неприкосновенное положеніе, превышавшее даже царскую власть, безъ помощи другого класса людей, который олицетворялъ собою разумъ Индіи въ его наиболѣе оригинальныхъ и наиболѣе глубокихъ проявленіяхъ. Мы говоримъ объ отшельникахъ.

Съ незапамятныхъ временъ эти аскеты обитали въ уединеніи, въ глубинѣ лѣсовъ, на берегу рѣкъ или въ горахъ близъ священныхъ озеръ. Они жили въ одиночествѣ, или соединялись въ братства, но оставались всегда въ духовномъ единеніи, Въ нихъ слѣдуетъ признать духовныхъ вождей, истинныхъ учителей Индіи. Наслѣдники древнихъ мудрецовъ, древнихъ Риши, они одни владѣли тайнымъ толкованіемъ Ведъ. Въ нихъ жилъ геній подвижничества, оккультныхъ

знаній и оккультнаго могущества. Чтобы достигнуть такихъ знаній и такого могущества, они преодолѣвали все: холодъ, голодъ, жгучее солнце, ужасы джунглей. Беззащитные въ своей деревянной хижинѣ, они жили молитвой и медитаціей. Голосомъ или взглядомъ они призывали или отгоняли ядовитыхъ змѣй, укрощали львовъ и тигровъ.

Счастливъ тотъ, кто удостоится ихъ благословенія: всѣ Девы станутъ его друзьями! Горе тѣмъ, кто дотронется до отшельниковъ: ихъ проклятіе—говорятъ поэты—преслѣдуетъ виновнаго до третьяго воплощенія. Цари дрожатъ передъ ихъ угрозами, и, странная вещь, они внушаютъ страхъ самимъ богамъ. Въ Рамайянѣ, Висвамитра, царь, ставшій отшельникомъ, пріобрѣтаетъ такое магущество благодаря своему аскетизму и своимъ медитаціямъ, что боги начинаютъ дрожать за свое существованіе. Тогда Индра посылаетъ ему самую очаровательную изъ *Апсаръ*, которая приходитъ выкупаться въ озерѣ передъ хижиной святого. Нимфа соблазняетъ отшельника; отъ ихъ союза родится герой, и—существованіе вселенной обезпечено на нѣсколько тысячелѣтій.

Подъ этими поэтическими вымыслами можно угадать высокую власть отшельниковъ бѣлой расы, которые, одаренные глубокимъ провидѣніемъ и могучей волей, властвовали изъ глубины своихъ лѣсовъ надъ пламенной душой Индіи.

Братства, состоявшія изъ подобныхъ отшельниковъ, дали толчокъ жреческому перевороту, который сдѣлалъ изъ Индіи могучую теократію. Побѣда духовной силы надъ силой мірской, отшельника надъ царемъ, изъ которой родилась власть браманизма, произошла благодаря великому реформатору. Примиривъ обоихъ борющихся геніевъ, генія бѣлой расы и генія черной расы, солнечнаго культа и луннаго, этотъ бого-человѣкъ былъ истиннымъ творцомъ національной религіи Индіи. Кромѣ того, его могучій геній далъ міру новую идею необъятнаго значенія: идею божественнаго Глагола или Бога, воплощеннаго и проявленнаго въ человѣкѣ. Этотъ первый Мессія этотъ старшій изъ сыновъ Божіихъ, былъ Кришна.

Сказаніе о немъ имѣетъ тотъ первостепенный интересъ, что оно вкратцѣ заключаетъ въ себѣ и драматизируетъ всю браманическую доктрину; но сказаніе это остается какъ бы оторваннымъ и витающимъ въ воздухѣ благодаря тому, что пластическая сила абсолютно отсутствуетъ въ индусскомъ геніи. Неясное миѳическое повѣствованіе Вишну-Пуранъ заключаетъ въ себѣ, тѣмъ не менѣе, историческія данныя о Кришнѣ, носящія черты яркости и индивидуальности. Съ другой стороны, Бхагаватъ-Гита, этотъ удивительный отрывокъ, вставленный въ ве-

ликую поэму Махабхарата, которую браманы считаютъ одной изъ наиболѣе священныхъ своихъ книгъ, содержитъ во всей своей чистотѣ ученіе, приписываемое Кришнѣ. Во время чтенія именно этихъ двухъ книгъ, образъ великаго религіознаго Учителя Индіи предсталъ передо мною, какъ живой. Итакъ, я буду передавать исторію Кришны, черпая изъ этихъ двухъ источниковъ, изъ которыхъ одинъ (Вишну-Пурана) представляетъ народное преданіе, а другой (Бхагаватъ-Гита)—преданіе посвященныхъ.

II.

Царь Мадуры.

Въ началѣ темнаго вѣка Кали-Юга, около трехъ тысячъ лѣтъ до нашей эры (по хронологіи брамановъ), жажда золота и власти овладѣла міромъ. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ—говорятъ древніе мудрецы—Агни, небесный огонь, образующій свѣтлое тѣло Девъ и очищающій душу людей, распространялъ по землѣ свои эфирные токи. Но жгучее дыханіе Кали, богини желанія и смерти, которое поднимается изъ безднъ земли какъ воспаленное дыханіе, пронеслось въ тѣ времена по всѣмъ человѣческимъ сердцамъ.

Справедливость царствовала во времена благородныхъ сыновъ Панду, царей солнечнаго цикла, которые внимали голосамъ мудрецовъ. Побѣдители, они обращались съ побѣжденными какъ съ равными. Но съ тѣхъ поръ какъ сыны солнца были истреблены или смѣщены съ своихъ престоловъ, и ихъ рѣдкіе потомки скрывались у отшельниковъ, несправедливость, честолюбіе и ненависть взяли верхъ.

Измѣнчивые и лживые, какъ ночное свѣтило, которое они взяли своимъ символомъ, цари луннаго цикла воевали между собою безпощадно. Одному изъ нихъ удалось взять верхъ надъ всѣми другими путемъ внушеннаго страха и волшебныхъ чаръ.

На сѣверѣ Индіи, на берегу широкой рѣки, процвѣталъ могучій городъ. Онъ имѣлъ двѣнадцать пагодъ, десять дворцовъ и сто воротъ, окаймленныхъ башнями. Разноцвѣтныя знамена развѣвались на его высокихъ стѣнахъ, напоминая крылатыхъ змѣй. Это была гордая Мадура, несокрушимая какъ крѣпость Индры.

Тамъ царствовалъ Канза, отличавшійся коварнымъ сердцемъ и ненасытной душой. Онъ терпѣлъ вблизи себя одних лишь рабовъ и вѣрилъ въ прочное господство лишь надъ тѣмъ, что ему удавалось сломить, а то, чѣмъ онъ обладалъ, казалось ему ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, къ чему стремилось его ненасытное честолюбіе. Всѣ цари, признавшіе лунный культъ, преклонялись передъ нимъ. Но Кан-

за мечталъ покорить всю Индію, отъ Ланки до Гимавата. Чтобы выполнить это намѣреніе, онъ соединился съ Калаіени, властителемъ горъ Виндіа, съ могучимъ царемъ Іаванъ.

Какъ приверженецъ богини Кали, Калаіени предавался мрачному искусству черной магіи. Его называли другомъ Ракшазовъ или блуждающихъ по ночамъ демоновъ, а также царемъ змѣй, потому что онъ пользовался этими животными, чтобы наводить ужасъ на свой народъ и на своихъ враговъ.

Въ глубинѣ одного непроходимаго лѣса, внутри горы, находился храмъ богини Кали; это была необъятная черная пещера, не имѣвшая конца, входъ въ которую охранялся колоссами съ звѣриными головами, высѣченными въ скалѣ. Въ эту пещеру приводили тѣхъ, кто желалъ преклониться передъ Калаіени и получить отъ него тайную силу.

Онъ появлялся у входа въ храмъ, окруженный множествомъ чудовищныхъ змѣй, которыя извивались вокругъ его тѣла и поднимались по мановенію его жезла. Онъ заставлялъ своихъ данниковъ падать ницъ передъ этими животными, головы которыхъ, переплетаясь, поднимались надъ его головой. При этомъ онъ шепталъ таинственныя формулы. Тѣ, которые выполняли этотъ обрядъ и поклонялись змѣямъ, получали великія милости и имъ давалось все, чего бы они ни пожелали. Но въ то же время они попадали безповоротно во власть Калаіени. Вдали или вблизи, они оставались его рабами, и если кто либо изъ нихъ пытался ослушаться или скрыться отъ него, онъ немедленно видѣлъ передъ собой страшнаго мага, окруженнаго своими пресмыкающимися, онъ видѣлъ около себя ихъ шипящія головы и былъ парализованъ чарами ихъ сверкающихъ глазъ.

Вотъ этого Калаіени Канза выбралъ своимъ союзникомъ. Царь Іавановъ обѣщалъ ему власть надъ землей съ условіемъ, чтобы онъ взялъ себѣ въ жены его дочь.

Горда какъ антилопа и гибка какъ змѣя была дочь царя-мага, прекрасная Низумба. Лицо ея напоминало темное облако, на которомъ играетъ голубой свѣтъ луны. Глаза ея были какъ молніи; ея жадныя уста походили на мякоть краснаго плода съ бѣлыми косточками; можно бы подумать, что это—сама богиня желаній Кали. Вскорѣ она овладѣла сердцемъ Канзы и, разжигая всѣ его страсти, превратила его сердце въ пламенный костеръ. Канза имѣлъ дворецъ, наполненный женщинами всѣхъ цвѣтовъ, но внималъ онъ одной лишь Низумбѣ.

„Даруй мнѣ сына—сказалъ онъ ей—и я сдѣлаю его своимъ наслѣдникомъ и стану владыкой земли и не буду бояться никого“.

Но у Низумбы не было сына, и сердце ея пламенѣло гнѣвомъ. Она завидовала другимъ женамъ Канзы, любовь которыхъ приносила плодъ. Она умножала жертвоприношенія, приносимыя ея отцомъ богинѣ Кали, но ея нѣдра оставались безплодными, какъ песокъ жгучей пустыни. И тогда царь Мадуры приказалъ совершить передъ всѣмъ городомъ великое жертвопринщеніе и вызвать всѣхъ Девъ. Жены Канзы во всемъ великолѣпіи и весь народъ присуствовали при торжествѣ.

Распростертые передъ огнемъ жрецы призывали своимъ пѣніемъ великаго Варуна, Индру, Асвэновъ и Марутовъ. Царица Низумба приблизилась и произнося магическую формулу на незнакомомъ языкѣ, бросила въ огонь горсть благовоній. Дымъ почернѣлъ, языки пламени закружились, и приведенные въ ужасъ жрецы воскликнули:

„О царица! то не Девы, то Ракшазы пронеслись надъ огнемъ. Твое лоно останется безплоднымъ".

Тогда Канза въ свою очередь приблизился къ огню и спросилъ жреца: „Въ такомъ случаѣ скажи мнѣ: отъ которой изъ моихъ женъ родится владыка міра"?

Въ этотъ мигъ Деваки, сестра царя приблизилась къ огню. Это была дѣвственница съ сердцемъ яснымъ и чистымъ, которая провела свое дѣтство за пряжей и за тканьемъ, словно во снѣ. Ея тѣло было на землѣ, душа же ея, казалось, пребывала въ небесахъ. Деваки преклонила смиренно колѣни, прося Девъ дать сына ея брату и прекрасной Низумбѣ. Жрецъ смотрѣлъ поочередно то на огонь то на дѣвственницу. Вдругъ онъ воскликнулъ, исполненный изумленія:

—О царь Мадуры! Ни одинъ изъ твоихъ сыновей не будетъ владыкой міра! Онъ родится изъ нѣдръ твоей сестры, которая присутствуетъ здѣсь.—

Велико было пораженіе Канзы и гнѣвъ Низумбы при этихъ словахъ. Когда царица осталась наеденѣ съ царемъ, она сказала ему:

—Нужно, чтобы Деваки погибла немедленно.—

—Какимъ образомъ возразилъ Канза, смогу я погубить мою сестру? Если Девы покровительствуютъ ей, ихъ месть падетъ на меня".

—Въ такомъ случаѣ,—сказала Низумба, полная ярости,—пусть царствуетъ она на моемъ мѣстѣ и пусть родитъ она того, который приведетъ тебя къ постыдной гибели. Я же не хочу болѣе царствовать вмѣстѣ съ трусомъ, который боится Девъ, я возвращаюсь къ отцу моему Калаіени!—

Глаза Низумбы метали молніи, золотые подвѣски ея трепетали на смуглой шеѣ. Она бросилась на землю и ея прекрасное тѣло извивалось, какъ разъяренная змѣя. Канза, страшась потерять ее и

охваченный безумнымъ порывамъ страсти, былъ одновременно и испуганъ и опаленъ новымъ желаніемъ.

—Хорошо!—воскликнулъ онъ,—Деваки погибнетъ, лишь не покидай меня!—

Молнія торжества сверкнула въ глазахъ Низумбы, волна горячей крови залила ея темное лицо. Она вскочила быстрымъ прыжкомъ и обняла покореннаго тирана своими гибкими руками. Прижимаясь къ нему трепещущей грудью, отъ которой исходило одуряющее благоуханіе, прикасаясь своими жгучими устами къ его устамъ, она проговорила тихимъ голосомъ:

—Мы принесемъ жерву Кали, богинѣ желанія и смерти, и она дастъ намъ сына, который будетъ владыкой міра!—

Въ эту же ночь пурохита, начальникъ жертвоприношеній, увидѣлъ въ сновидѣніи царя Канзу, закалывающимъ свою сестру Деваки. Тотчасъ же онъ отправился къ Деваки, объявилъ ей, что смертельная опасность угрожаетъ ея жизни и приказалъ ей бѣжать безъ замедленія къ отшельникамъ. Деваки, получивъ указаніе отъ жреца, переодѣлась въ странницу, вышла изъ дворца Канзы и покинула городъ Мадуру, не встрѣченная никѣмъ.

Раню утромъ слуги царя искали Деваки, чтобы казнить ее, но нашли ея покои пустыми. Царь допрашивалъ городскую стражу. Стража отвѣчала, что ворота были заперты всю ночь, но во снѣ всѣ видѣли какъ стѣны крѣпости распались, словно расколотыя павшимъ съ неба лучемъ свѣта, и женщина вышла изъ города, слѣдуя за этимъ лучемъ. Тогда Канза понялъ, что непреодолимая сила покровительствуетъ Деваки. Съ этихъ поръ страхъ проникъ въ его душу и онъ возненавидѣлъ свою сестру смертельной ненавистью.

III.

Дѣва Деваки.

Когда Деваки, одѣтая въ одежду изъ древесной коры, скрывавшую ея красоту, вошла въ дебри гигантскихъ лѣсовъ, она пошатнулась, изнуренная усталостью и голодомъ. Но какъ только она почувствовала тѣнь этихъ чудныхъ лѣсовъ и, утоливъ свой голодъ плодами манго, вдохнула влажную свѣжесть лѣсного источника, она ожила, какъ оживаетъ истомившійся цвѣтокъ, освѣженный пронесшимся ливнемъ. Отдохнувъ, она углубилась въ лѣсъ подъ прохладные своды, образовавшіеся изъ величественныхъ стволовъ, вѣтви которыхъ погружались въ почву и, вновь поднимаясь, раскидывали во всѣ стороны свои зеленые шатры·

Долго шла она, защищенная отъ солнца, словно въ темной и прохладной пагодѣ, которой не видно было конца. Жужжаніе пчелъ, крики влюбленныхъ павлиновъ, пѣніе тысячи птицъ, влекли ее все далѣе и далѣе, и все огромнѣе становились деревья, лѣсъ все болѣе темнѣлъ, и древесныя вѣтви все тѣснѣе переплетались въ непроницаемую сѣнь. Стволы прижимались къ стволамъ, зеленая чаща поднималась подобно куполу надъ ея головой, или же становилась стѣной передъ ней. Деваки приходилось то скользить по зеленымъ корридорамъ, куда солнце изрѣдка бросало снопы своихъ лучей и гдѣ ей заграждали путь поваленныя бурей деревья, то она останавливалась подъ сѣнью манго и осока, съ которыхъ ниспадали гирлянды ліанъ и цѣлый дождь цвѣтовъ. Олени и пантеры прыгали въ чащахъ. Нерѣдко тамъ же хрустѣли вѣтви подъ ногами дикихъ быковъ или же цѣлое стадо обезъянъ проносилось въ листвѣ деревьевъ, издавая громкіе крики.

Такъ шла она цѣлый день. Къ вечеру, поверхъ бамбуковой чащи она увидала неподвижную голову мудраго слона. Онъ смотрѣлъ на Деваки съ видомъ разумнымъ и покровительственнымъ и поднималъ свой хоботъ, словно привѣтствуя ее. И тогда лѣсъ прояснился и Деваки увидѣла картину, полную глубокаго мира и небесной прелести.

Передъ ней разстилалось озеро, усыпанное лотосами и голубыми кувшинками: его лазурная грудь открылась среди глубины лѣса, какъ новое небо. Серьозные аисты неподвижно мечтали на его берегахъ и двѣ газели пили, склонившись надъ водой. На противоположномъ берегу, подъ сѣнью пальмъ, виднѣлась обитель отшельниковъ. Спокойный розовый свѣтъ заливалъ озеро, лѣсъ и обитель святыхъ риши. На горизонтѣ возвышалась бѣлая вершина горы Меру надъ океаномъ лѣсовъ. Дыханіе невидимой рѣки оживляло растительность и смягченный грохотъ дальняго водопада доносился вмѣстѣ съ вѣтеркомъ, какъ ласка или какъ отдаленная мелодія.

На берегу озера Деваки увидѣла лодку. Рядомъ человѣкъ преклонныхъ лѣтъ, отшельникъ, казалось ожидалъ кого-то. Молча сдѣлалъ онъ ей знакъ, чтобы она вошла въ лодку и взялся за весла. Когда лодка двинулась, задѣвая за водяныя лиліи, Деваки увидала самку лебедя, плавающую на голубыхъ водахъ озера. Смѣлымъ полетомъ лебедь-самецъ, опускаясь изъ воздушныхъ пространствъ, началъ описывать большіе круги вокругъ нея и затѣмъ опустился около своей подруги, трепеща бѣлоснѣжными крыльями. Деваки вздрогнула, сама не зная почему. Но лодка причалила къ противоположному берегу и дѣва съ очами лотоса увидѣла передъ собой царя отшельниковъ Васишту.

Сидя на шкурѣ газели и самъ одѣтый въ шкуру черной антилопы, онъ болѣе походилъ на неземного жителя, чѣмъ на человѣка. Въ теченіе шестидесяти лѣтъ питался онъ одними дикими плодами. Его волосы и борода были бѣлы подобно вершинамъ Гимавата, его кожа была прозрачна, а взглядъ его таинственныхъ глазъ былъ обращенъ внутрь.

Увидя Деваки, онъ всталъ и привѣтствовалъ ее словами: «Деваки, сестра знаменитаго Канзы, привѣтъ тебѣ отъ насъ! Руководимая Махадевой, ты оставила міръ скорби для міра радостей, ибо ты у святыхъ риши, которые владѣютъ своими чувствами, счастливы своей судьбой и ищутъ путь къ небу. Давно мы тебя ожидаемъ, какъ ночь ожидаетъ зарю, ибо мы, живущіе въ глубинѣ лѣсовъ, мы взираемъ очами Девъ на этотъ міръ. Люди насъ не видятъ, но мы видимъ людей и слѣдимъ за ихъ дѣяніями. Темный вѣкъ жадныхъ желаній, крови и преступленія свирѣпствуетъ на земмѣ. Тебя мы отмѣтили для подвига освобожденія и черезъ насъ Девы избрали тебя. Ибо лучъ божественной красоты облекается въ лонѣ женщины въ человѣческій образъ».

Въ эту минуту святые выходили изъ своей обители для вечерней молитвы. Престарѣлый Васишта приказалъ имъ поклониться до земли передъ Деваки. Они преклонились и Висишта продолжалъ: „Она будетъ матерью всѣмъ намъ, ибо отъ нея родится духъ, который долженъ преобразить всѣхъ". И вслѣдъ за тѣмъ, обращаясь къ ней: „ Пойди, моя дочь, риши отведутъ тебя къ сосѣднему озеру, гдѣ живутъ сестры отшельницы. Ты будешь жить среди нихъ и да сбудется божественная тайна."

Деваки отправилась въ монастырь, окруженный ліанами, къ благочестивымъ женщинамъ, которыя кормили ручныхъ газелей, предаваясь омовеніямъ и молитвамъ. Деваки принимала участіе въ ихъ жертвоприношеніяхъ. Престарѣлая отшельница давала ей тайныя наставленія. Остальнымъ было приказано одѣвать ее, какъ царицу, въ прекрасныя душистыя ткани и предоставлять ей бродить одной по всему лѣсу. Иногда она встрѣчала старыхъ отшельниковъ, возвращавшихся съ рѣки. Увидавъ ее, они преклоняли колѣна, а затѣмъ продолжали свой путь.

Однажды близъ ручья, покрытаго розовыми лотосами, увидала она молящагося молодого отшельника. Онъ поднялся при ея приближеніи, бросилъ на нее глубокій взглядъ, полный грусти и удалился въ молчаніи. И величавый видъ старцевъ, и образъ двухъ лебедей, и взглядъ молодого отшельника, преслѣдовали молодую дѣвушку въ ея мечтахъ.

Вблизи отъ источника стояло съ незапамятныхъ временъ дерево, распростиравшее огромныя вѣтви, которое святые риши называли „древомъ жизни“. Деваки любила сидѣть подъ его тѣнью. Часто, сидя подъ нимъ, она засыпала, посѣщаемая странными видѣніями. Голоса пѣли въ чащѣ листвы: „Слава тебѣ, Деваки! Оно придетъ, вѣнчанное свѣтомъ, это чистое изліяніе, исходящее изъ великой Души, и звѣзды поблѣднѣютъ предъ славой его. Оно придетъ, и жизнь броситъ вызовъ смерти, и обновится имъ кровь всѣхъ существъ. Оно придетъ слаще меда и амриты, чище агнца безпорочнаго и устъ дѣвственницы. И всѣ сердца зажгутся любовью. Слава, слава, слава тебѣ, Деваки!“ *) Были-ли то отшельники? Или Девы пѣли этотъ привѣтъ? Иногда ей казалось, что какое-то далекое вліяніе или таинственное присутсвіе, какъ бы невидимая простертая надъ ней рука заставляла ее засыпать. И тогда она впадала въ глубокій сонъ, сладкій, неизъяснимый, изъ котораго пробуждалась смущенная и взволнованная. Она оборачивалась кругомъ, какъ бы ища кого-то, но никого не было видно. Лишь изрѣдка видѣла она розы, разсыпанная по ея зеленому ложу, или же находила вѣнокъ изъ лотосовъ въ своихъ рукахъ.

Однажды Деваки погрузилась въ глубокій экстазъ. Она услыхала небесную музыку, какъ бы океанъ арфъ и божественныхъ голосовъ. Внезапно небо разверзлось, раскрывая бездны свѣта. Тысячи сіяющихъ существъ смотрѣли на нее и, въ сверканіи молніеноснаго луча, Солнце солнцъ, самъ Махадева, появился передъ нею въ человѣческомъ образѣ. И тогда, чувствуя что міровой Духъ, проникъ въ нея, она потеряла сознаніе и въ забвеніи всего земного, отдавшись безпредѣльному восторгу, она зачала божественнаго младенца.

Когда семь лунъ описали свои магическіе круги вокругъ священнаго лѣса, глава отшельниковъ призвалъ къ себѣ Деваки. „Воля Девъ исполнилась,“ сказалъ онъ. „Ты зачала въ чистотѣ сердца и въ божественной любви. Дѣва и мать, мы преклоняемся передъ тобою. Отъ тебя родится сынъ, который будетъ Спасителемъ міра. Но твой братъ, Канза, ищетъ погубить тебя и святой плодъ, который ты несешь въ своихъ нѣдрахъ. Нужно спасаться отъ него. Братья отведутъ тебя къ пастухамъ, которые живутъ у подножія горы Меру подъ благовонными кедрами въ чистомъ воздухѣ Гимавата. Тамъ ты родишь твоего божественного Сына и ты назовешь его Кришна, священный. Но да будетъ для него невѣдомо твое и его происхожденіе; не говори о немъ никогда. Иди безъ страха, ибо мы бодрствуемъ надъ тобой.“

И Деваки удалилась къ пастухамъ горы Меру.

*) Атхарва—Веда.

IV.

Юность Кришны.

У подножія горы Меру разстилалась свѣжая долина, покрытая лугами и окаймленная обширными кедровыми лѣсами, по которой проносилось чистое дыханіе Гимавата. Въ этой высокой долинѣ обитало племя пастуховъ, которыми правилъ патріархъ Нанда, другъ отшельниковъ. Здѣсь Деваки нашла защиту противъ преслѣдованій тирана Мадуры; и именно здѣсь, въ жилищѣ Нанды появился на свѣтъ ея сынъ Кришна. Кромѣ Нанды никто не зналъ, кто была чужеземка и отъ кого происходилъ ея сынъ. Женщины страны говорили одно: „Это сынъ Гандарвасовъ*), ибо въ любви этой женщины, которая подобна небесной нимфѣ Апсара, должны были участвовать музыканты самаго Индры"...

Чудное дитя неизвѣстной женщины выростало посреди стадъ и пастуховъ, подъ наблюденіемъ своей матери. Пастухи называли его „Лучезарнымъ", ибо самое его присутствіе, его улыбка и его большіе глаза имѣли даръ распространять радость. Животныя, дѣти, женщины, мужчины, всѣ любили его и онъ казалось любилъ всѣхъ, когда улыбался своей матери, игралъ съ ягнятами и съ дѣтьми своего возраста или бесѣдовалъ съ старцами.

Дитя Кришна не знало страха, было полно смѣлости и необычайныхъ проявленій. Иногда его встрѣчали въ лѣсу, лежащимъ на землѣ, обнимающимъ молодыхъ пантеръ, съ рукой въ ихъ раскрытой пасти, при чемъ онѣ не причиняли ему никакого вреда. Отъ времени до времени имъ овладѣвала внезапная неподвижность, глубокое изумленіе, странная грусть. Тогда онъ держался въ одиночествѣ, и задумчивый, поглощенный чѣмъ то, смотрѣлъ не отвѣчая на вопросы.

Но больше всего на свѣтѣ Кришна обожалъ свою молодую мать, такую прекрасную, такую свѣтлую, которая говорила съ нимъ о небѣ и о Девахъ, о героическихъ сраженіяхъ и о многихъ удивительныхъ вещахъ, о которыхъ она узнала отъ отшельниковъ. А пастухи, провожавшіе свои стада подъ кедры горы Меру, говорили: «Кто эта мать и кто ея сынъ? Одежды ея такія же, какъ у нашихъ женщинъ, а сама она походитъ на царицу. Чудное дитя выросло среди нашихъ дѣтей, а между тѣмъ оно совсѣмъ не похоже на нихъ. Кто это? Дева? Можетъ быть богъ? Кто бы это ни былъ, одно вѣрно—что дитя это принесетъ намъ счастье».

*) Это—геніи, которые во всей Индусской поэзіи считаются покровителями браковъ по любви.

Когда Кришнѣ исполнилось пятнадцать лѣтъ, его мать была призвана главою отшельниковъ. Она ушла, не сказавъ прости своему сыну.

Кришна, не видя ее болѣе, пошелъ, разыскалъ патріарха Нанду и спросилъ его:

— Гдѣ моя мать?—

Нанда отвѣчалъ, склонивъ голову:

— Дитя мое, не спрашивай меня. Твоя мать отправилась въ долгое странствованіе. Она возвратилась въ страну, откуда пришла, и мнѣ неизвѣстно, когда она вернется.

Послѣ этого Кришна впалъ въ такую глубокую задумчивость, что всѣ товарищи начали сторониться его, охваченные суевѣрнымъ страхомъ.

Кришна покинулъ своихъ товарищей, ихъ веселыя игры и углубленный въ свои мысли, пошелъ на гору Меру. Онъ бродилъ такимъ образомъ нѣсколько недѣль. Однажды утромъ онъ пришелъ на покрытую лѣсомъ вершину, откуда открывался видъ на горную цѣпь Гимавата. Внезапно онъ увидѣлъ около себя стоящаго подъ огромными кедрами высокаго старца въ бѣлой одеждѣ отшельника, ярко освѣщеннаго утренней зарей. На видъ ему было не менѣе ста лѣтъ. У него была снѣжно-бѣлая борода и на высокомъ его челѣ сіяла печать величія. Юноша, полный жизни, и столѣтній старецъ долго глядѣли молча другъ на друга. Взоры старца покоились съ благоволеніемъ на Кришнѣ. Но Кришна былъ такъ пораженъ, увидавъ его, что долго оставался въ нѣмомъ изумленіи. Хотя онъ видѣлъ его въ первый разъ, ему казалось, что онъ зналъ его уже давно.

— Кого ищешь ты?—спросилъ послѣ долгаго молчанія старецъ.

— Мою мать.

— Ее здѣсь больше нѣтъ.

— Гдѣ же я найду ее?

— У того, Кто не измѣняется никогда.

— Но какъ найти Его?

— Ищи.

— А тебя я увижу?

— Да, когда дочь Змѣя толкнетъ сына Тора на преступленіе, тогда ты увидишь меня снова въ огнистой зарѣ. И тогда ты задушишь Тора и раздавишь главу Змѣя. Сынъ Махадева, знай, что ты и я—мы составляемъ единое въ Немъ! Ищи, ищи, ищи всегда!—

И старецъ простеръ руки въ знакъ благословенія. Затѣмъ онъ повернулся и прошелъ нѣсколько шаговъ подъ высокими кедрами въ направленіи Гимавата.

И тогда Кришнѣ показалось, что его величественный образъ сталъ прозрачнымъ, задрожалъ и исчезъ, обдавъ искрами покрытыя иглами вѣтви, словно растаялъ въ волнистомъ сіяніи *).

Когда Кришна сошелъ съ горы Меру, онъ казался преображеннымъ. Новая энергія излучалась изъ всего его существа. Онъ собралъ товарищей своихъ игръ и сказалъ имъ: «Будемъ бороться противъ Торовъ и Змѣй; будемъ защищать добрыхъ и одолѣвать злыхъ». Вооруженные луками и съ мечами у пояса, Кришна и его товарищи, сыновья пастуховъ, превращенные въ воиновъ, принялись сражаться въ лѣсахъ съ дикими звѣрями.

Въ глубинѣ лѣсовъ началъ раздаваться предсмертный вой гіенъ, шакаловъ и тигровъ и побѣдные крики молодыхъ людей передъ сраженными звѣрями. Кришна побѣждалъ и укрощалъ львовъ; онъ объявлялъ войну царямъ и освобождалъ угнетенные народы. Но великая грусть оставалась въ глубинѣ его сердца. Это сердце лелѣяло одно глубокое желаніе, таинственное и безмолвное—розыскать свою мать и явившагося ему свѣтлаго старца. Онъ постоянно вспоминалъ его слова; «не обѣщалъ ли онъ мнѣ, что я увижу его снова, когда раздавлю главу змѣи? Не сказалъ ли онъ мнѣ, что я розыщу свою мать вблизи отъ Того, Кто не мѣняется никогда?» Но сколько онъ ни боролся, ни побѣждалъ и ни убивалъ, онъ не видѣлъ ни свѣтлаго старца, ни свою прекрасную мать.

Однажды, услыхавъ разговоръ о Калаіени, царѣ змѣй, Кришна вызвался побороть самаго страшнаго изъ его змѣй въ присутствіи самого чернаго мага. Разсказывали, что это животное, воспитанное самимъ Калаіени, уже уничтожило сотни людей и что взглядъ его леденилъ ужасомъ самыхъ смѣлыхъ героевъ.

Въ назначенный день, изъ глубины темнаго храма богини Кали, Кришна увидалъ выползающее по зову Калаіени длинное пресмыкающееся зеленовато-голубого цвѣта. Змѣя медленно подняла свое туловище, надула свой красный гребень, и ея пронизывающіе глаза зажглись мрачнымъ пламенемъ подъ блестящей чешуей, какъ бы шлемомъ прикрывавшимъ ея чудовищную голову.

— Эта змѣя, — сказалъ Калаіени, — знаетъ много, много вещей— это демонъ, исполненный могущества. Онъ откроетъ свои тайны только тому, кто убьетъ его, побѣжденныхъ же онъ убиваетъ самъ. Онъ

*) Въ Индіи твердо вѣрятъ, что великіе аскеты могутъ появляться подъ видимой формой въ то время, какъ ихъ физическое тѣло погружено въ каталепсическій сонъ.

увидалъ тебя, онъ смотритъ на тебя, ты въ его власти. Тебѣ остается или поклониться ему, или погибнуть въ безумной борьбѣ.

При этихъ словахъ душа Кришны загорѣлась праведнымъ гнѣвомъ и онъ почувствовалъ, что сердце его стало подобно острію молніи.

Онъ взглянулъ смѣло на змѣя, бросился на него и сдавилъ его ниже головы. И тогда человѣкъ и змѣя покатились по ступенямъ храма. Но, прежде чѣмъ пресмыкающееся успѣло охватить его своими кольцами, Кришна отрубилъ ему голову своимъ мечомъ, и, освободившись изъ-подъ тѣла, продолжавшаго извиваться, молодой побѣдитель поднялъ съ видомъ торжества и потрясъ главу змѣи. А между тѣмъ голова та была еще жива; она смотрѣла на Кришну и произносила: «Зачѣмъ убилъ ты меня, сынъ Махадева? Ты думаешь обрѣсти истину, убивая живыхъ? Безумецъ, ты найдешь ее лишь въ своей собственной предсмертной агоніи. Смерть—въ жизни и жизнь—въ смерти. Бойся женщину—дочь змѣи, бойся пролитой крови. Берегись!» Вслѣдъ затѣмъ змѣя испустила духъ. Кришна выронилъ ея голову и удалился, полный ужаса. Но Калаіени сказалъ: «Я не властенъ надъ этимъ человѣкомъ: одна богиня Кали могла бы своими чарами побѣдить его».

Послѣ четырехъ недѣль, проведенныхъ въ омовеніяхъ и въ молитвахъ на берегу Ганга, очистившись въ лучахъ Солнца и въ мысли Махадева, Кришна вернулся въ свою родную страну, къ пастухамъ горы Меру.

Осенняя луна поднимала свой сіяющій дискъ надъ кедровыми лѣсами, и ночью воздухъ наполнялся благоуханіемъ дикихъ лилій, въ чашечкахъ которыхъ въ теченіе дня, жужжа, собирали свой медъ дикія пчелы. Сидя подъ большимъ кедромъ, у края лужайки, Кришна, утомленный тщетными земными войнами, устремилъ свои мысли къ небеснымъ битвамъ и къ безконечности неба. Чѣмъ болѣе онъ думалъ о своей свѣтлой матери и о явившемся ему мудромъ старцѣ, тѣмъ ничтожнѣе казались ему его дѣтскіе подвиги и тѣмъ живѣе становилось въ немъ влеченіе къ небесному. Успокоительное очарованіе, воспоминаніе о чемъ-то божественномъ заливало все существо его. И тогда благодарственный гимнъ Махадевѣ вырвался изъ его сердца принявъ форму чудной мелодіи, поднявшейся къ небесамъ.

Привлеченныя этимъ волшебнымъ пѣніемъ, Гопіи, жены и дочери пастуховъ, вышли изъ своихъ жилищъ. Однѣ изъ нихъ, встрѣтивъ по дорогѣ старцевъ изъ своего селенія, возвращались назадъ, сдѣлавъ видъ, что срываютъ цвѣты. Другія подходили ближе, призывая: Кришна! Кришна! и затѣмъ застыдившись, убѣгали. Смѣлѣя все болѣе,

женщины начали окружать Кришну цѣлыми группами, подобно пугливымъ и любопытнымъ ланямъ, зачарованныя его мелодіями. Но онъ, погруженный въ божественныя сновидѣнія, не видѣлъ ихъ. Возбуждаясь все болѣе и болѣе его пѣніемъ, Гопіи, не замѣчаемыя Кришной, начали терять терпѣніе. Никдали, дочь Нанды, упала на землю съ закрытыми глазами въ припадкѣ экстаза. Сестра же ея, Сарасвати, болѣе смѣлая, приблизилась къ сыну Деваки и, прижимаясь къ нему, заговорила ласкающимъ и молящимъ голосомъ:

— О, Кришна! развѣ не видишь ты, что мы слушаемъ тебя, и сонъ не слетаетъ болѣе въ наши жилища? Твои пѣсни зачаровали насъ, о, несравненной герой! Они приковали насъ къ твоему голосу и мы уже не можемъ болѣе жить безъ тебя.

— О спой еще,—молила другая молодая дѣвушка, научи и насъ владѣть нашимъ голосомъ!

— Научи насъ священному танцу,—просила третья женщина.

И Кришна, пробуждаясь отъ своихъ думъ, взглянулъ на Гопій взглядомъ, исполненнымъ благоволенія. Онъ обратился къ нимъ съ тихими рѣчами, посадивъ ихъ на траву подъ шатеръ изъ большихъ кедровъ, которые затѣняли ихъ отъ блеска полной луны. И тогда началъ онъ расказывать о томъ, что проносилось внутри его: исторію боговъ и героевъ, священныя войны Индры и подвиги божественнаго Рамы. Женщины и молодыя дѣвушки слушали его съ восхищеніемъ. Разсказы эти длились до разсвѣта. Когда розовая заря поднялась изъ-за горы Меру и птицы начали щебетать въ вѣтвяхъ кедровъ, женщины и дѣвушки возвратились украдкой въ свои жилища.

Но на слѣдующіе дни, какъ только магическая луна показывалась изъ-за деревьевъ, онѣ возвращались къ большому кедру, еще болѣе жаждущія. Кришна, видя какъ женщинъ восхищали его разсказы, научилъ ихъ мелодичному пѣнію и изображенію жестами высокихъ дѣйствій героевъ и боговъ. Однѣмъ онъ далъ лютни, струны которыхъ отзывались трепетно на каждое движеніе души, другимъ звучные кимвалы, передающіе дерзновенную отвагу воиновъ, третьимъ барабаны, издающіе перекаты, похожіе на громъ. И, выбирая наиболѣе прекрасныхъ изъ женщинъ, онъ оживотворялъ ихъ своими мыслями. Такъ, съ простертыми руками, ритмически двигаясь какъ бы въ божественномъ снѣ, священныя танцовщицы представляли то величіе Варуны, то гнѣвъ Индры, убивающаго дракона, то отчаяніе покинутой Майи. Такимъ образомъ битвы боговъ, которыя Кришна созерцалъ внутри себя, оживали въ этихъ женщинахъ, радостныхъ и преображенныхъ.

Однажды, раннимъ утромъ Гопіи удалялись въ свои жилища. Отзвуки различныхъ инструментовъ и ихъ радостно поющихъ голосовъ замирали въ отдаленіи. Кришна, оставшійся въ одиночествѣ, увидѣлъ, какъ двѣ дочери Нанды—Сарасвати и Никдали повернули обратно и приближались къ нему. Подойдя къ нему, онѣ опустились на землю рядомъ съ нимъ. Сарасвати, обвивая шею Кришны своими руками, на которыхъ звенѣли золотыя подвѣски, сказала: „научивъ насъ священному пѣнію и священнымъ танцамъ, ты далъ намъ великое счастье, но насъ ожидаетъ такое же великое страданіе, когда ты покинешь насъ. Что станетъ съ нами, когда мы болѣе не увидимъ тебя? О, Кришна! возьми насъ въ супруги, мою сестру и меня, мы будемъ твоими вѣрными женами и очи наши не будутъ страдать отъ разлуки съ тобой". Въ то время, когда Сарасвати произносила эти слова, вѣки Накдали закрылись, словно она погружалась въ экстазъ.

— Никдали! почему закрываешь ты глаза?—спросилъ Кришна.

— Она ревнуетъ,—смѣясь отвѣтила Сарасвати;—она не хочетъ видѣть, какъ мои руки обвиваютъ твою шею.

— Нѣтъ,—отвѣтила Никдали краснѣя,—я закрываю глаза, чтобы созерцать твой образъ, который навѣки запечатлѣлся въ моей глубинѣ. Кришна, ты можешь удалиться, я не потеряю тебя никогда.—

Кришна глубоко задумался. Съ мягкой улыбкой освободилъ онъ себя изъ рукъ Сарасвати, страстно охватившихъ его. Затѣмъ онъ пристально посмотрѣлъ поочередно на Сарасвати и Никдали и обнялъ ихъ обѣими руками сразу. Онъ запечатлѣлъ поцѣлуй сперва на устахъ Сарасвати, а потомъ на очахъ Никдали. Въ этихъ двухъ долгихъ поцѣлуяхъ молодой Кришна, казалось, вкусилъ и измѣрилъ всѣ страстныя переживанія земли. Затѣмъ онъ сказалъ:

— Ты прекрасна, Сарасвати, уста твои благоухаютъ болѣе амбры и болѣе всѣхъ цвѣтовъ земли; ты очаровательна, о, Никдали, вѣки твои скрываютъ тайну твоихъ очей, и ты умѣешь смотрѣть въ свою собственную глубину. Я люблю васъ обѣихъ. Но какъ могу я взять васъ въ супруги, если сердце мое должно раздѣлиться между вами?

— Ахъ, онъ не полюбитъ никогда,—сказала Сарасвати съ горечью.

— Я могу любить лишь вѣчною любовью.—

— Что же нужно, чтобы ты полюбилъ вѣчною любовью?—спросила Никдали съ нѣжностью.

Кришна поднялся во весь ростъ, его глаза метали молніи.

— Чтобы полюбить любовью вѣчною — сказалъ онъ, — нужно, чтобы денной свѣтъ погасъ, чтобы небесная молнія упала въ мое сердце,

и чтобы душа моя, вырвавшись изъ тѣла, вознеслась въ самую глубину небесъ!—

Въ то время, какъ онъ это говорилъ, молодымъ дѣвушкамъ казалось, что онъ выросталъ на ихъ глазахъ, и вдругъ имъ стало страшно, и онѣ, заливаясь слезами, пошли къ себѣ домой. Кришна направился въ одиночествѣ къ горѣ Меру. На слѣдующую ночь Гопіи вновь соединились подъ кедрами, но тщетно ожидали онѣ своего учителя. Онъ исчезъ, оставивъ имъ, какъ воспоминаніе о себѣ, какъ благоуханіе своего существа, священныя пѣсни и священные танцы.

Глава V.

Посвященіе.

Между тѣмъ царь Канза, узнавъ, что его сестра Деваки нашла убѣжище у отшельниковъ, которое онъ, несмотря на всѣ усилія, открыть не могъ, разгнѣвался на нихъ и принялся преслѣдовать ихъ и выслѣживать, какъ дикихъ звѣрей. Они принуждены были прятаться въ самой отдаленной и самой дикой части лѣсовъ. И тогда ихъ глава, древній Васишта, несмотря на свой столѣтній возрастъ, пустился въ путь, чтобы увидаться съ царемъ Мадуры. Дворцовая стража смотрѣла съ удивленіемъ на слѣпого старца, ведомаго газелью, которую онъ держалъ на привязи, когда приближался къ воротамъ дворца. Исполненная уваженія къ святому, стража пропустила его.

Васишта приблизился къ трону, на которомъ возсѣдалъ Канза рядомъ съ Низумбой, и сказалъ ему: „Канза, царь Мадуры, горе тебѣ, сыну Тора, преслѣдующему отшельниковъ въ священныхъ лѣсахъ! Горе тебѣ, дочери Змѣя, отравляющей царя дыханіемъ ненависти. День возмездія приближается. Знайте, что сынъ Деваки живъ. Онъ придетъ, покрытый непроницаемыми доспѣхами, и прогонитъ тебя съ царскаго трона въ позорное одиночество. Отнынѣ трепещите и живите въ страхѣ, ибо Девы рѣшили наказать васъ."

Воины, стражи и слуги пали ницъ передъ святымъ старцемъ, который удалился, ведомый своей газелью, и никто не осмѣлился прикоснуться къ нему. Но съ этого дня Канза и Низумба замыслили погубить главу отшельниковъ. Деваки умерла, и никто кромѣ Васишты не зналъ, что Кришна былъ ея сыномъ. Но слава объ его подвигахъ разнеслась широко и достигла до царя. Канза подумалъ: „я нуждаюсь въ человѣкѣ сильномъ, который могъ бы защитить меня. Тотъ, который убилъ большого змѣя Калаіени, не почувствуетъ страха и передъ отшельникомъ". Подумавъ такъ, Канза послалъ сказать патріарху

Нандѣ: ,,Пришли мнѣ молодого героя Кришну, я хочу сдѣлать изъ него возничаго моей колесницы и перваго совѣтника *). Нанда сообщилъ Кришнѣ приказаніе царя, и Кришна отвѣчалъ: „Я пойду". Внутри себя онъ подумалъ: „Не окажется ли царь Мадуры тѣмъ, который не мѣняется никогда? Черезъ него я узнаю, гдѣ моя мать".

Канза, увидавъ силу, ловкость и разумъ Кришны, почувствовалъ къ нему благосклонность и поручилъ ему наблюденіе за всѣмъ царствомъ своимъ. Между тѣмъ, Низумба, увидавъ героя горы Меру, испытала трепетъ нечистаго желанія, и въ ея коварномъ умѣ началъ складываться темный замыселъ подъ вліяніемъ преступной мечты. Безъ вѣдома царя, она приказала позвать царскаго возничаго въ свой гинекей. Она владѣла волшебными чарами, благодаря которымъ могла мгновенно возвращать своему тѣлу юность. Сынъ Деваки нашелъ Низумбу почти безъ всякихъ покрововъ на ложѣ изъ пурпура; золотыя кольца сжимали ея ноги и руки, діадема изъ драгоцѣнныхъ камней сверкала на ея головѣ. У ногъ ея горѣла курильница, изъ которой поднимались облака опьяняющихъ благоуханій.

— Кришна,—сказала дочь волшебника,—твое чело болѣе невозмутимо, чѣмъ снѣга Гимавата, а сердце твое подобно острію молніи. Въ невинности своей ты блистаешь превыше всѣхъ царей земныхъ. Здѣсь тебя никто не призналъ, и ты самъ не знаешь себя. Я одна вѣдаю кто ты; Девы поставили тебя господиномъ надъ людьми, но лишь я одна могу сдѣлать тебя господиномъ міра сего. Хочешь?—

— Если Махадева говоритъ твоими устами,—сказалъ Кришна, сохраняя серьезную сосредоченность,—ты скажешь мнѣ, гдѣ находится моя мать, и гдѣ я найду святого старца, который говорилъ со мной подъ кедрами горы Меру.—

— Твоя мать?—сказала Низумба съ презрительной улыбкой,—о ней ты узнаешь конечно не отъ меня! Что касается твоего старика, я не знаю его. Безумецъ, ты гоняешься за сновидѣніями и не видишь сокровищъ земли, которыя я предлагаю тебѣ. Бываютъ цари, несущіе корону на головѣ и не обладающіе царственной природой, и бываютъ сыны пастуховъ, царственная душа которыхъ начертана на ихъ челѣ и которые не подозрѣваютъ своей силы. Ты силенъ, ты молодъ, ты прекрасенъ, всѣ сердца принадлежатъ тебѣ. Убей царя, когда онъ заснетъ, и я возложу корону на твою голову, и ты будешь

*) Въ древней Индіи обѣ эти обязанности соединялись часто въ одномъ лицѣ. Возничіе царской колесницы бывали въ то же время значительными лицами и часто министрами монарха. Примѣры такого соединенія попадаются безпрестанно въ индусской поэзіи.

господиномъ всего міра, ибо я люблю тебя, и ты предназначенъ для меня. Я хочу, я приказываю!—

Произнеся эти слова, царица поднялась повелительная, чарующая, сверкающая страшной красотой. Выпрямившись на своемъ ложѣ, она метала изъ черныхъ глазъ своихъ искры такого мрачнаго пламени, что Кришна содрогнулся отъ ужаса. Передъ нимъ въ этомъ взглядѣ раскрылись нѣдра самого ада. Онъ увидалъ преисподнюю храма богини Кали, богини Желанія и Смерти, и множество змѣй, которыя тамъ извивались какъ бы въ вѣчной агоніи. И тогда глаза Кришны загорѣлись внезапнымъ огнемъ и превратились въ два пылающіе меча. Они пронзили царицу насквозь, и герой горы Меру воскликнулъ:

— Я останусь вѣренъ царю, который отдался подъ мою защиту, ты же знай, что гибель ожидаетъ тебя!—

Низумба испустила пронизывающій крикъ и упала на свое ложе, въ ярости кусая пурпуровыя покровы. Вся ея искуственная молодость исчезла; она снова стала старой и покрылась морщинами. Кришна, увидавъ ее въ порывѣ безумнаго гнѣва, удалился.

Преслѣдуемый днемъ и ночью словами отшельника, царь Мадуры сказалъ своему возничему: «Съ тѣхъ поръ какъ врагъ вступилъ въ мой дворецъ, я не нахожу себѣ болѣе покоя. Ненавистный магъ, по имени Васишта, который живетъ въ глубинѣ лѣсовъ, явился сюда, чтобы бросить мнѣ въ лицо проклятіе. Съ тѣхъ поръ я не дышу спокойно. Старикъ отравилъ мои дни. Но съ тобой, который не боится ничего, я не испытываю болѣе страха. Пойдемъ со мной въ проклятый лѣсъ. Вожатый, знающій всѣ тропинки, приведетъ насъ къ нему. И въ тотъ мигъ, какъ ты его увидишь, бросайся на него и пронзи его прежде чѣмъ онъ успѣетъ произнести слово или взглянуть на тебя. Когда онъ будетъ смертельно раненъ, спроси его, гдѣ сынъ моей сестры Деваки и какъ зовутъ его. Судьба моего царства зависитъ отъ этой тайны».

— Будь покоенъ,—отвѣтилъ Кришна.—Я не побоялся Калаіени и не побоялся змѣя Кали. Что же могло бы заставить меня дрожать теперь? Какъ бы ни былъ могущественъ этотъ человѣкъ, я узнаю его тайну.—

Переодѣтые охотниками, царь и Кришна помчались на колесницѣ, запряженной стремительными конями. Проводникъ, хорошо знавшій лѣсъ, стоялъ позади ихъ. Начиналось дождливое время года. Рѣки вздулись, ползучія растенія покрывали дороги, и длинная лента журавлей бѣлѣлась на темныхъ облакахъ. Когда они приблизились къ священному лѣсу, небо потемнѣло, солнце закрылось тучами, окрестности

потонули въ темномъ туманѣ. Съ хмуро-посинѣвшаго неба на косматыя верхушки лѣса нависли странныя облака; нѣкоторыя изъ нихъ напоминали охотничьи трубы.

— Почему,—спросилъ Кришна царя,—небо потемнѣло и почему лѣсъ сталъ совсѣмъ чернымъ?—

— Я вижу,—сказалъ царь Мадуры,—это злой отшельникъ Васишта затемнилъ небо и ощетинилъ противъ меня проклятый лѣсъ. Но, Кришна, вѣдь ты не боишся?—

— Пусть все небо перемѣнитъ свой ликъ и земля измѣнитъ свой цвѣтъ, я все же не боюсь!—

— Тогда... впередъ!..—

Кришна погналъ коней, и колесница очутилась подъ темнымъ сводомъ баобабовъ. Все страшнѣе и чудовищнѣе становился лѣсъ; молніи освѣщали его; громъ гремѣлъ не переставая.

— Никогда,—произнесъ Кришна,—я не видалъ, чтобы небо такъ чернѣло, а деревья такъ изгибались. Твой магъ дѣйствительно могущественъ!—

— Кришна, побѣдитель змѣй, герой горы Меру, неужели ты боишься?—

— Пусть земля дрожитъ, пусть небо обрушивается, я не боюсь!

— Тогда спѣши впередъ!—

Снова смѣлый возничій погналъ лошадей, и колесница устремилась въ глубь лѣса. И тогда гроза усилилась до такихъ ужасающихъ размѣровъ, что гигантскія деревья начали сгибаться. Потрясаемый лѣсъ стоналъ словно отъ завыванія тысячи демоновъ. Молнія ударила около самой колесницы. Раздробленный баобабъ загородилъ имъ дорогу; кони стали, дрожа, и земля заколебалась.

— Не божественнаго ли происхожденія твой врагъ, разъ Индра покровительствуетъ ему такъ явно?—спросилъ Кришна.

— Мы приближаемся къ цѣли,—сказалъ проводникъ царя.—Посмотри на этотъ сводъ изъ зелени. Въ концѣ находится бѣдная хижина. Тамъ и живетъ Васишта, великій Муни, котораго любятъ птицы и боятся дикіе звѣри и котораго водитъ газель. Но даже за цѣлое царство я не сдѣлаю ни шага далѣе!—

При этихъ словахъ царь Мадуры поблѣднѣлъ: «Онъ здѣсь? въ самомъ дѣлѣ? за этими деревьями»? И, прижимаясь къ Кришнѣ, онъ заговорилъ взволнованнымъ шопотомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ:

— Васишта! Васишта, который замышляетъ мою погибель, онъ здѣсь... Онъ смотритъ на меня изъ глубины своего убѣжица... Глаза его преслѣдуютъ меня... Спаси меня отъ него!—

— Клянусь Махадевой,—воскликнулъ Кришна, спустившись съ колесницы и перепрыгнувъ черезъ стволъ баобаба,—я хочу видѣть того, кто заставляетъ тебя такъ дрожать?—

Столѣтній Муни Васишта жилъ въ этой хижинѣ, затерянной въ самой глубинѣ священнаго лѣса, въ ожиданіи смерти. Но еще до смерти тѣла онъ былъ освобожденъ изъ тѣлесной темницы. Его земное зрѣніе уже погасло, но онъ видѣлъ помощью души. Его кожа уже не ощущала ни тепла ни холода, но духъ его жилъ въ совершенномъ единствѣ съ высшимъ духомъ. Онъ уже не видѣлъ явленій этого міра иначе, кака въ свѣтѣ Брамы, молясь, размышляя и созерцая безпрерывно. Вѣрный ученикъ приносилъ ему ежедневно изъ обители отшельниковъ немного рису, который и составлялъ все его питаніе. Газель, щипавшая траву около него, предупреждала его своимъ крикомъ о приближеніи дикихъ звѣрей. Тогда онъ произносилъ шопотомъ Мантру, протягивалъ свой бамбуковый посохъ о семи узлахъ, и дикіе звѣри удалялись. Что касается людей, онъ видѣлъ приближеніе каждаго внутреннимъ зрѣніемъ на разстояніи нѣсколькихъ миль.

Кришна, пройдя подъ темнымъ сводомъ, внезапно очутился лицомъ къ лицу съ Васиштой.

Глава отшельниковъ сидѣлъ скрестивъ ноги на циновкѣ, прислонившись къ стѣнѣ своей хижины въ состояніи глубокаго покоя. Изъ его слѣпыхъ глазъ свѣтилось внутреннее сіяніе высокаго ясновидѣнія. Какъ только Кришна увидалъ его, онъ немедленно узналъ въ немъ «святого старца». Онъ почувствовалъ радостное сотрясеніе; восторгъ и благоговѣніе наполнили его душу и, забывая царя, его колесницу и царство его, онъ склонилъ колѣна передъ святымъ и поклонился ему.

Васишта, казалось, увидалъ его, по тѣлу его пробѣжала легкая дрожь, онъ протянулъ обѣ руки, чтобы благословить своего гостя, и уста его прошептали священное слово: АУМ*)·

Между тѣмъ царь Канза, не слыша ожидаемаго крика и не видя своего возницу, проскользнулъ подъ сѣнью деревьевъ и остановился, какъ вкопанный, потрясенный при видѣ Кришны на колѣняхъ передъ святымъ отшельникомъ. Послѣдній направилъ свои слѣпые глаза на царя и поднявъ посохъ, сказалъ:

— «О царь Мадуры, ты пришелъ убить меня; привѣтствую тебя! Ибо ты освободишь меня отъ бѣдствій тѣлеснаго существованія. Ты

---

*) Въ брамоническомъ посвященіи слогъ этотъ означаетъ: верховный Богъ или Божественный Духъ. Каждая изъ буквъ соотвѣтствуетъ одному изъ божественныхъ аспектовъ или одной изъ Vпостаси св. Троицы.

хочешь знать гдѣ находится сынъ твоей сестры Деваки, тотъ, который возсядетъ на твой престолъ? Вотъ онъ, склонившійся передо мною и передъ Махадевой, Кришна, твой собственный возничій! Пойми, о царь, до чего достигло твое безуміе, когда твой самый страшный врагъ есть тотъ, котораго ты самъ привелъ ко мнѣ, дабы я могъ открыть ему его великое предназначеніе. Трепещи! Ты погибнешь и твоя низкая душа станетъ добычей демоновъ.—

Потрясенный Канза слушалъ. Онъ не смѣлъ смотрѣть въ лицо старцу; блѣдный отъ ярости, видя Кришну все еще на колѣняхъ, онъ взялъ лукъ и натянувъ его изъ всѣхъ силъ, пустилъ стрѣлу въ сына Деваки.

Но его рука дрогнула и стрѣла пронзила грудь Васишты, который, скрестивъ руки на груди, казалось, ожидалъ удара въ молитвенномъ экстазѣ.

Раздался крикъ, страшный крикъ, но не изъ груди отшельника, а изъ груди Кришны. Онъ слышалъ, какъ стрѣла пронеслась мимо его уха, какъ она вонзилась въ тѣло святого.. и ему казалось что она впилась въ его собственное тѣло, до такой степени его душа слилась въ этотъ мигъ съ душой Васишты. На острiѣ этой стрѣлы все страданіе міра проникло въ душу Кришны и какъ бы разсѣкло ее до самыхъ глубинъ.

Между тѣмъ Васишта, съ стрѣлой въ груди, не мѣняя положенія, продолжалъ еле слышно:

— Сынъ Махадевы, зачѣмъ испускать этотъ крикъ? Убійство тщетно; стрѣла не достигаетъ души, и жертва всегда побѣждаетъ убійцу.—

— Торжествуй Кришна: судьба совершается, я возвращаюсь къ Тому, который не мѣняется никогда. Да приметъ Брама душу мою. Ты же, его избранникъ, спаситель міра, возстань!—

И Кришна всталъ съ мечомъ въ рукѣ, онъ повернулся къ царю, но Канзы уже не было, онъ спасся бѣгствомъ.

И тогда яркій свѣтъ прорѣзалъ черное небо, и Кришна упалъ, пораженный ослѣпительнымъ свѣтомъ. И въ то время, какъ тѣло его оставалось неподвижнымъ, его душа, соединившаяся силою любви съ душою старца, поднялась въ горнія пространства. Земля съ своими рѣками, морями и материками исчезла какъ темный шаръ и оба поднялись до седьмого неба Девъ къ Отцу всѣхъ сущихъ, къ Солнцу солнцъ, къ Махадевѣ, божественному Разуму. Они погрузились въ океанъ свѣта, раскрывшагося передъ ними. Въ центрѣ этого свѣта Кришна увидалъ Деваки, свою свѣтлую мать, окруженную славой, которая съ

невыразимой любовью протягивала къ нему свои руки, привлекая его на свою грудь. Тысячи Девъ тѣснились вокругъ, упиваясь сіяніемъ Дѣвы-Матери. И Кришна почувствовалъ себя поглощеннымъ въ лучахъ любви Деваки. И тогда изъ сіяющаго сердца матери начало излучаться его собственное существо. Онъ почувствовалъ, что онъ—Сынъ, божественная Душа всѣхъ существъ, Слово жизни, творческій Глаголъ. Превышая міровую жизнь, онъ, тѣмъ не менѣе, проникалъ ее сущностью страданій, огнемъ молитвы и силой божественной жертвы *).

---

*) Легенда Кришны указываетъ намъ на самый источникъ идеи Дѣвы Матери, Бого-Человѣка и св. Троицы. Въ Индіи эта идея появляется въ глубочайшей древности въ прозрачныхъ символахъ со всею глубиною присущаго ей метафизическаго смысла. Въ книгѣ V, глава II *Вишну Пурана*, послѣ расказа о зачатіи Кришны, находятся слѣдующіе слова: «никто не могъ глядѣть на Деваки благодаря яркому свѣту, окружавшему ее, и тѣ, кто взирали на ея славу, испытывали великое смущеніе; невидимые смертнымъ боги воздавали ей непрестанные хвалы съ тѣхъ поръ, какъ Вишну заключилъ себя въ нѣдра ея. Они говорили: „Ты—та Пракрити безконечная и тончайшая, которая несла Браму въ своихъ нѣдрахъ; ты явилась затѣмъ богинею Слова, энергіей Создателя Вселенной и матерью Ведъ. О, вѣчная сущность, которая заключаетъ въ своей субстанціи суть всѣхъ сотворенныхъ вещей, ты была тождественна съ міровымъ творчествомъ, ты была жертвоприношеніемъ, изъ котораго произошли всѣ произведенія земли; ты—то древо, которое треніемъ производитъ огонь. Подобно Адити, ты—мать боговъ; подобно Дити, ты—мать Датіасовъ, ихъ враговъ, ты—свѣтъ, рождающій день, ты—смиреніе, рождающее истинную мудрость, ты—предначертаніе царей, производящее порядокъ, ты—желаніе родящее любовь, ты—удовлетвореніе, изъ котораго происходитъ отреченіе; ты—разумъ, создающій науки; ты—терпѣніе, родящее отвагу. Весь небесный сводъ и всѣ звѣзды твои дѣти: отъ тебя происходитъ все существующее... ты спустилась на землю для спасенія міра. Имѣй къ намъ состраданіе, о, богиня и окажи твое благоволеніе міру, гордись тѣмъ, что несешь въ себѣ бога, который поддерживаетъ вселенную". Это мѣсто показываетъ, что браманы отождествляли мать Кришны съ міровой матеріей и съ женскимъ началомъ природы. Они сдѣлали изъ нея вторую Vпостась божественной Троицы, первичной, непроявленной Тріады, Отецъ, *Nara* (вѣчно-мужественное); Мать, *Nari* (вѣчно - женственное) и Сынъ, *Viradi* (творческій глаголъ)—таковы божественныя проявленія. Иными словами ихъ можно выразить такъ: начало разумное, начало пластическое и начало производительное Всѣ три составляютъ вмѣстѣ *natura-naturans*, употребляя выраженіе Спинозы. Организованный міръ, natura-naturata, есть продуктъ творческаго Глагола который въ свою очередь, проявляется подъ тремя видами: *Брама*, Духъ, соотвѣтствуетъ міру божественному; *Вишну*, душа—міру человѣческому, *Шива*, тѣло —міру природы. Въ этихъ трехъ мірахъ начало мужское и начало женское (сущность и субстанція) одинаково дѣятельны, и „Вѣчно-Женственное" проявляется одновременно въ природѣ земной, человѣческой и божественной. Изида—троична Цибела—также. Изъ этого слѣдуетъ, что двойная троичность Бога и вселенной

Когда Кришна пришелъ въ себя, громъ еще гремѣлъ въ небесахъ, тьма еще не прояснялась, и потоки дождя продолжали обливать хижину. Газель лизала кровь на тѣлѣ пронзеннаго отшельника, отъ «божественнаго старца» остался трупъ, но Кришна всталъ съ земли внутренно воскресшій. Цѣлая пропасть раздѣляла его отъ міра и его обманчивыхъ видимостей. Онъ пережилъ великую истину, онъ понялъ свою миссію.

Въ это время царь Канза, исполненный ужаса, спасался на своей колесницѣ, гонимый бурей, и кони его неслись, словно бичуемые демонами.

Глава VI.

Ученіе Посвященныхъ.

Отшельники преклонились передъ Кришной, какъ передъ ожидаемымъ и свыше назначеннымъ преемникомъ Васишты. Въ глубинѣ священнаго лѣса была совершена *srada* или погребальная церемонія надъ святымъ старцемъ, и сынъ Деваки получилъ знакъ верховной власти—посохъ о семи узлахъ, послѣ того, какъ было совершено жертвоприношеніе огня въ присутствіи старѣйшихъ отшельниковъ, тѣхъ, которые знали наизустъ всѣ три Веды. Затѣмъ Кришна удалился на гору Меру для размышленія надъ своимъ ученіемъ и надъ путемъ спасенія людей. Его медитація и его аскетическія упражненія длились семь лѣтъ. По окончаніи этого времени онъ почувствовалъ, что подчинилъ свою земную природу природѣ божественной и настолько отождествилъ себя съ солнцемъ Махадевы что получилъ право на имя Сына Божія. И тогда лишь призвалъ онъ къ себѣ отшельниковъ, молодыхъ и старыхъ, чтобы открыть имъ свое ученіе. Они нашли Кришну очищеннымъ и обновленнымъ; герой преобразился въ святого, онъ не утерялъ свою львиную силу, но пріобрѣлъ кротость голубки. Между тѣми, которые поспѣшили на призывъ, находился

содержитъ въ себѣ и начала, и очертаніе божественнаго плана и Космогоніи. Справедливость требуетъ признать, что эта идея, мать всѣхъ позднѣйшихъ религіозныхъ идей, исходитъ изъ Индіи Всѣ древніе храмы, всѣ великія религіи и многія распространенныя философіи приняли ее. Во времена апостоловъ, въ первые вѣка христіанства, христіанскіе посвященные почитали женское начало природы, видимой и невидимой, подъ именемъ Духа Святого, изображаемаго голубемъ, который былъ знакомъ женской власти во всѣхъ храмахъ Азіи и Европы. И хотя съ тѣхъ поръ церковь и потеряла ключъ къ своимъ мистеріямъ, ихъ смыслъ продолжаетъ быть начертаннымъ на церковныхъ символахъ.

и Арджуна, потомокъ царей солнечнаго цикла, одинъ изъ Пандавасовъ, лишенныхъ престола Куравасами, представителями луннаго цикла. Молодой Арджуна былъ полонъ огня, но легко поддавался розочарованію и впадалъ въ сомнѣнія. Онъ страстно привязался къ Кришнѣ.

Сидя подъ кедрами горы Меру, съ лицомъ, обращеннымъ къ Гимавату, Кришна началъ проповѣдывать истины, недоступныя для людей, живущихъ въ рабствѣ у своей чувственной природы. Онъ поучалъ ихъ безсмертію души, ея возрожденіямъ и ея мистическому соединенію съ Богомъ. «Тѣло—говорилъ онъ—внѣшній покровъ души, есть нѣчто конечное; но душа, пребывающая въ немъ, есть нѣчто невидимое, невѣсомое, недоступное тлѣнію, вѣчное *). Земной человѣкъ троиченъ подобно Богу, котораго онъ отражаетъ въ себѣ: у него есть разумъ, душа и тѣло. Если душа соединяется съ разумомъ, она достигаетъ «*Сатвы*», т. е. мудрости и мира; если она колеблется между разумомъ и тѣломъ, она попадаетъ подъ господство *Раджасъ*, страсти, и вращается отъ предмета къ предмету въ роковомъ кругѣ; если же она подчиняется тѣлу, она отдается во власть *Тамасъ*, безразсудству, невѣдѣнію и временной смерти. Вотъ что можетъ каждый человѣкъ наблюдать внутри себя и въ окружающей средѣ» **).

— Но,—спросилъ Арджуна,—какова судьба души послѣ смерти? Слѣдуетъ ли она все тому же закону, или она можетъ избѣжать дѣйствія его?

— Она никогда не можетъ избѣжать закона и всюду послушна ему,—отвѣчалъ Кришна.—Въ этомъ и заключается тайна возрожденія. Глубины жизни освѣщаются свѣтомъ этой истины. По распаденіи тѣла, когда побѣдитъ *Сатва* (мудрость), душа поднимается въ безпорочныя области тѣхъ чистыхъ Существъ, которыя пріобрѣли вѣдѣніе Единаго. По распаденіи тѣла, въ которомъ господствуетъ *Раджасъ* (страсть), душа возвращается вновь въ среду тѣхъ, кто привязанъ ко всему земному. Точно такъ же если распадается тѣло въ которомъ преобладаетъ *Тамасъ* (невѣдѣніе), душа, затемненная матеріей, снова привлекается въ лоно неразумныхъ существъ ***).

— Это истинно,—сказалъ Арджуна,—но повѣдай намъ теперь, чему подвергаются въ теченіе вѣковъ тѣ, кто слѣдовалъ мудрости и кто послѣ смерти переходитъ въ божественныя обители.

---

*) Изложеніе этого ученія, принятаго позднѣе Платономъ, находится въ первой книгѣ Бхагаватъ-Гиты подъ видомъ діалога между Кришной и Арджуной.

**) Книга XIII—XVIII Бхагаватъ-Гиты.

***) Тамъ же, книга XIV.

— Человѣкъ, застигнутый смертью во время молитвы,—отвѣтилъ Кришна,—испытаетъ въ небесахъ въ теченіе долгаго времени награду за свою праведность и затѣмъ возвратится на землю, чтобы воплотиться въ святомъ и почитаемомъ семействѣ. Но этотъ видъ возрожденія достигается весьма трудно въ земной жизни.—

Человѣкъ, возраждающійся на землѣ, является съ тѣми же способностями и тѣмъ же разумѣніемъ, которыя онъ имѣлъ въ прежнемъ тѣлѣ; и онъ начинаетъ снова работать, чтобы усовершенствоваться.

— Итакъ,—сказалъ Арджуна,—добрые тоже принуждены рождаться и возобновлять тѣлесную жизнь; но повѣдай намъ, о, Господи, можетъ ли для того, кто слѣдуетъ по пути мудрости, настать конецъ воплощеніямъ?—

— Выслушайте,—сказалъ Кришна,—великую и глубокую тайну. Чтобы достигнуть совершенства, нужно овладѣть *Наукой Единства*, которая выше мудрости; нужно подняться къ божественной Сущности, которая выше души и даже выше разума.

— Божественная та сущность, верховный тотъ другъ пребываетъ въ каждомъ изъ насъ, ибо Богъ находится внутри каждаго человѣка, но мало кто умѣетъ найти его. Узнай же путь спасенія. Когда вы познаете совершенную сущность, которая выше міра и которая заключена въ васъ самихъ, рѣшитесь покинуть врага, принимающаго форму желанія. Побѣждайте ваши страсти. Наслажденіе, доставляемое чувствами, подобно нѣдрамъ, рождающимъ страданіе. Не только дѣлайте добро, но и сами будьте добры. Достигайте того, чтобы побужденіе заключалось въ самомъ дѣйствіи, а не въ плодахъ его. Отрекитесь отъ плодовъ вашихъ дѣлъ, чтобы каждое изъ вашихъ дѣйствій было какъ бы даромъ, приносимымъ Всевышнему. Человѣкъ, приносящій въ жертву свои желанія и свои дѣла Тому, отъ кого произошли начала всѣхъ вещей, кто создалъ вселенную, достигаетъ посредствомъ этой жертвы совершенства.

— Въ духовномъ единеніи съ Нимъ человѣкъ пріобрѣтаетъ духовную мудрость, которая превышаетъ всѣ дары, и онъ испытываетъ божественное блаженство, ибо тотъ, кто находитъ въ себѣ самомъ свое счастье, свою радость и въ себѣ самомъ находитъ свѣтъ, тотъ въ единеніи съ Богомъ. Знайте же, что душа, которая нашла Бога, освобождается отъ рожденія и смерти, отъ старости и отъ страданій и пьетъ воду безсмертія.

Такъ излагалъ Кришна свое ученіе ученикамъ и путемъ внутренняго созерцанія подготовлялъ ихъ постепенно къ воспріятію высокихъ истинъ, раскрывшихся передъ его духовнымъ взоромъ въ минуту

просвѣтлѣнія. Когда онъ говорилъ о Махадевѣ, его голосъ измѣнялся и всѣ черты его освѣщались внутреннимъ свѣтомъ.

Однажды Арджуна, въ порывѣ смѣлости, сказалъ ему: «Дай намъ узрѣть Махадеву въ его божественной формѣ. Сможемъ ли мы лицезрѣть его»?

И тогда Кришна началъ говорить съ невыразимый силой о Существѣ, которое дышитъ во всякой твари, обладаетъ сто тысячью формъ съ безчисленными очами, съ лицами, обращенными во всѣ стороны, и которое въ то же время превышаетъ все сотворенное всѣмъ объемомъ безконечности, которое содержитъ въ своемъ неподвижномъ тѣлѣ всю движущуюся вселенную со всѣми мірами. Если бы въ небесахъ зажглось одновременно сіяніе тьмы солнцъ, сказалъ Кришна, оно не сравнилось бы съ сіяніемъ Единаго Всемогущаго.

Когда онъ говорилъ такимъ образомъ о Махадевѣ, зажегся въ глазахъ Кришны лучъ свѣта такой могучей силы, что ученики не выдержали его блеска и пали ницъ къ его ногамъ. Волосы на головѣ Арджуны стали дыбомъ и покорно сложивъ руки и склоняясь, онъ сказалъ: «Господи, твои слова ужасаютъ насъ, мы не въ состояніи смотрѣть на высокое существо, которое ты вызываешь передъ нашими глазами. Его видъ потрясаетъ насъ» *).

Далѣе Кришна поучалъ;

— Многія рожденія остались позади меня и позади тебя, о, Арджуна! Я знаю ихъ всѣ, но ты не знаешь своихъ. И хотя я по природѣ моей не подлежу рожденію и смерти и есмь Творецъ всего сущаго, тѣмъ не менѣе, повелѣвая своей природой, я проявляюсь собственной силой. И каждый разъ, когда добродѣтель падаетъ въ мірѣ, а порокъ и несправедливость преобладаютъ, я дѣлаюсь видимымъ, и такимъ образомъ я рождаюсь изъ вѣка въ вѣкъ для спасенія справедливаго, для сокрушенія злого и для возстановленія праведнаго закона.

Тотъ, кто воистину знаетъ Мою природу и Мое божественное творчество, тотъ, покинувъ тѣло, не вернется къ новому рожденію, тотъ придетъ ко Мнѣ» **).

Говоря такъ, Кришна смотрѣлъ на своихъ учениковъ съ кротостью и благоволеніемъ. Арджуна воскликнулъ:

---

*) Преображеніе Кришны, изложено въ XI главѣ Бхагаватъ-Гита. Э. Шюре измѣняетъ смыслъ текста, передавая всю сцену преображенія, какъ не слова, а *видъ* преображеннаго Кришны потрясли Арджуну. Онъ проситъ Кришну вернуть свой прежній человѣческій образъ, такъ какъ у него нѣтъ силъ выносить его преображенный видъ.

**) Бхагаватъ-Гита, гл. IV, 5—9.

— Господи, ты Сынъ Махадевы!! Меня убѣждаетъ въ этомъ. Твоя великая доброта, Твое невыразимое очарованіе еще болѣе, чѣмъ Твой устрашающій блескъ. Не столько въ безконечности ищутъ Тебя Девы и стремятся къ Тебѣ, подъ человѣческимъ образомъ любятъ они Тебя и поклоняются Тебѣ. Ни послушаніе, ни милостыни, ни Веды, ни жертвоприношенія не стоятъ единаго изъ взглядовъ Твоихъ. Ты— истина. Веди насъ къ борьбѣ, къ подвигамъ, къ смерти. И куда бы ни повелъ Ты насъ, мы послѣдуемъ за Тобой!—

Въ радости и восторгѣ ученики тѣснились къ Кришнѣ, говоря:

— Какъ могли мы не познать этого ранѣе? Самъ Махадева говоритъ въ Тебѣ.—

Онъ отвѣтилъ:

— Ваши глаза не были еще отверзты. Я повѣдалъ вамъ великую тайну. Сообщайте ее лишь тѣмъ, которые могутъ вмѣстить. Вы— мои избранные; вы видите цѣль; толпа же видитъ лишь часть дороги. И потому идите со Мной проповѣдывать народу Путь спасенія.—

Глава VII.

Торжество и Смерть.

Окончивъ обученіе своихъ учениковъ на горѣ Меру, Кришна отправился вмѣстѣ съ ними на берега Джамуны и Ганга, чтобы поучать народъ. Онъ посѣщалъ хижины и останавливался въ городахъ. По вечерамъ, на краю деревни, толпа окружала его. Онъ проповѣдывалъ народу прежде всего милосердіе относительно ближнихъ своихъ. «Боль, которую мы наносимъ своему ближнему, слѣдуетъ за нами также, какъ тѣнь слѣдуетъ за нашимъ тѣломъ. Дѣла, въ основѣ которыхъ лежитъ любовь къ ближнимъ, должны быть предметомъ исканія для праведнаго, ибо такія дѣла вѣсятъ на чашѣ божественныхъ вѣсовъ болѣе всего. Если ты будешь искать общенія съ добрыми, твой примѣръ не принесетъ пользы; не бойся жить среди злыхъ и стремись обратить ихъ къ добру. Праведный человѣкъ подобенъ огромному дереву, благодѣтельная тѣнь котораго поддерживаетъ въ окружающихъ растеніяхъ свѣжесть жизни».

Иногда Кришна, сердце котораго переполнялось благоуханіемъ любви, говорилъ объ отреченіи и самопожертвованіи голосомъ проникновеннымъ, въ образахъ обольстительныхъ: «Подобно тому, какъ земля питаетъ тѣхъ, которые топчатъ ее ногами и, вспахивая ниву, разрываютъ ея грудь, такъ и мы должны отдавать добромъ за зло».

— Добрый человѣкъ долженъ погибать подъ ударами злыхъ подобно сандальному дереву, которое умирая, изливаетъ свое благоуханіе и на срубающую его сѣкиру.—

Когда невѣрующіе, ученые или гордецы просили его объяснить природу Бога, онъ отвѣчалъ изрѣченіями вродѣ слѣдующихъ: «Ученость человѣка полна тщеславія; всѣ добрыя дѣла человѣка обманчивы, если онъ дѣлаетъ ихъ не во имя Бога».

— Кто кротокъ сердцемъ и позналъ Бога, тотъ любимъ Богомъ; такой человѣкъ не нуждается болѣе ни въ чемъ. Безконечное одно можетъ понимать безконечное; одинъ лишь Богъ можетъ понимать Бога.—

Ученіе Кришны восхищало и увлекало толпу, въ особенности потому, что онъ говорилъ о Богѣ живомъ, о Вишну. Онъ училъ, что Владыко вселенной воплощался уже не разъ среди людей. Онъ появлялся послѣдовательно въ лицѣ семи Риши, въ Віязѣ и въ Васиштѣ. И онъ появится вновь. Но Вишну, по словамъ Кришны, говоритъ иногда и устами смиренныхъ. Онъ влагаетъ свою мысль то въ нищаго, то въ кающуюся женщину, то въ малое дитя. Кришна разсказывалъ народу притчу о бѣдномъ рыболовѣ Дургѣ, который встрѣтилъ однажды маленькое дитя, умиравшее отъ голода подъ тамариновымъ деревомъ. Добрый Дурга, хотя и страдавшій подъ тяжестью нищеты и обремененный многочисленной семьей, которую не зналъ какъ прокормить, проникся жалостью къ маленькому дитяти и взялъ его съ собой. И когда, послѣ заката солнца, луна взошла надъ Гангомъ и семья рыбака произнесла свою вечернюю молитву, спасенное дитя проговорило вполголоса: «плодъ Катаки очищаетъ воду; точно также добрыя дѣла очищаютъ душу. Возьми свои сѣти, Дурга; лодка твоя плыветъ по Гангу». Тогда Дурга пошелъ и закинулъ свои сѣти и онѣ едва выдержали великое множество попавшейся рыбы.

Между тѣмъ, спасенное дитя исчезло. Такимъ образомъ, говорилъ Кришна, Вишну являетъ себя человѣку, забывающему свои собственныя бѣдствія ради страданія другихъ, и такъ приноситъ онъ счастье сердцу его. Такими примѣрами Кришна проповѣдывалъ поклоненіе Вишну. Всѣ радовались и дивились, находя Бога столь близкимъ своему сердцу каждый разъ, когда съ ними говорилъ сынъ Деваки.

Слава пророка горы Меру распространялась по Индіи. Пастухи, которые знали его съ дѣтства и присутствовали при его первыхъ подвигахъ, не могли повѣрить, что этотъ святой былъ тотъ самый пылкій герой, котораго они знали. Стараго Нанды уже не было въ живыхъ, но двѣ его дочери, Сарасвати и Никдали, которыхъ Кришна

любилъ, были еще живы. Различна была ихъ судьба. Сарасвати, разгнѣванная удаленіемъ Кришны, искала забвенія въ бракѣ. Она стала женою человѣка изъ высшей касты, взявшаго ее за красоту, но впослѣдствіи онъ развелся съ нею и продалъ ее купцу. Сарасвати, презирая купившаго ее, начала вести дурную жизнь. Однажды, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, охваченная раскаяніемъ и отвращеніемъ, она возвратилась въ свою родную страну и тайно разыскала свою сестру Никдали. Послѣдняя, не переставая думать о Кришнѣ, какъ будто бы онъ всегда былъ передъ ней, отказалась отъ замужества и жила съ своимъ братомъ, прислуживая ему. Когда Сарасвати повѣдала ей свои несчастья и свой позоръ, Никдали сказала ей:

— Бѣдная сестра моя! Я тебя прощаю, но нашъ братъ не простить тебя. Одинъ Кришна могъ бы спасти тебя.—

— Кришна! воскликнула она, что сталось съ нимъ?—

— Онъ сдѣлался святымъ, великимъ пророкомъ. Онъ проповѣдуетъ на берегахъ Ганга.—

— Пойдемъ искать его,—сказала Сарасвати, и обѣ сестры пустились въ путь, одна, увядшая отъ страстей, другая—благоухающая невинностью и обѣ сжигаемыя одной и той же любовью.

Кришна въ это время готовился преподавать свое ученіе кшатріамъ (воинамъ). Ибо онъ обучалъ поочередно то брамановъ, то людей изъ касты воиновъ, то народъ. Браманамъ онъ объяснялъ со средоточеннымъ спокойствіемъ зрѣлаго возраста глубокія истины божественной мудрости; передъ кшатріами онъ пояснялъ воинскія и семейныя добродѣтели въ рѣчахъ, исполненныхъ молодого огня; къ народу онъ обращался съ простыми рѣчами о самоотреченіи, милосердіи и надеждѣ.

Кришна находился за праздничнымъ столомъ у одного изъ славныхъ военачальниковъ, когда двѣ женщины стали просить доступа къ нему. Ихъ впустили благодаря монашеской одеждѣ. Сарасвати и Никдали бросились къ ногамъ Кришны. Сарасвати воскликнула, проливая потоки слезъ:

— Съ тѣхъ поръ какъ ты покинулъ насъ, я проводила жизнь въ заблужденіяхъ и грѣхахъ, но если ты захочешь, Кришна, ты можешь спасти меня!..—

Никдали произнесла:

— О, Кришна, когда я увидала тебя въ первый разъ, я знала, что полюбила тебя навсегда; нынѣ же, увидавъ тебя въ твоей славѣ, я узнала, что ты Сынъ Махадевы!—

И обѣ прильнули къ его ногамъ. Раджи, между тѣмъ, упрекали его:

— Почему, святой Риши, позволяешь ты этимъ женщинамъ изъ среды народа оскорблять тебя безумными рѣчами?—

Кришна отвѣчалъ имъ:

— Не мѣшайте раскрыться ихъ сердцамъ; онѣ стоятъ ближе къ истинѣ, чѣмъ вы. Ибо вотъ эта обладаетъ вѣрою, а та—любовью. Сарасвати спасена отнынѣ, ибо она повѣрила въ меня, а Никдали въ своемъ безмолвіи любила истину болѣе, чѣмъ вы со всѣми вашими рѣчами. Знайте, что моя свѣтлая мать, живущая въ сіяніи Махадевы, научитъ ее тайнамъ вѣчной любви, когда вы все еще будете погружены въ темноту низшихъ жизней.

Съ этого дня, Сарасвати и Никдали всюду слѣдовали за Кришной, сопровождая его вмѣстѣ съ учениками. Вдохновленныя имъ, онѣ проповѣдывали другимъ женщинамъ.

Между тѣмъ Канза все еще царствовалъ въ Мадурѣ. Со дня смерти святого Васишты царь не находилъ себѣ покоя.

Пророчество отшельника сбылось: сынъ Деваки былъ живъ! Царь видѣлъ его и чувствовалъ, какъ таяла подъ вліяніемъ взгляда святого старца его сила, и его царственная власть. Онъ дрожалъ за свою жизнь и часто, несмотря на присутствіе стражи, оборачивался внезапно, ожидая увидать молодого героя, лучезарнаго и страшнаго, стоящаго у его двери. Съ своей стороны и Низумба среди всей роскоши царскаго гинекея съ горечью размышляла о своей утерянной власти. Когда она узнала, что Кришна, ставшій пророкомъ, проповѣдывалъ на берегахъ Ганга, она убѣдила царя послать противъ него отрядъ солдатъ и привести его во дворецъ связаннымъ. Когда Кришна увидалъ солдатъ, онъ улыбнулся и сказалъ:

— Я знаю, кто вы и зачѣмъ пришли. Я готовъ слѣдовать за вами къ вашему царю; но прежде дайте мнѣ сказать вамъ о небесномъ Царѣ, который также и мой Царь.—

И онъ началъ говорить о Махадевѣ, о Его славѣ и Его проявленіяхъ. Когда онъ кончилъ, солдаты отдали свое оружіе Кришнѣ и сказали:

— Мы не поведемъ тебя плѣнникомъ къ нашему царю, мы послѣдуемъ за тобой къ твоему Царю.—

И они остались при немъ. Канза, узнавъ о томъ, былъ сильно испуганъ. Низумба сказалъ ему:

— Пошли къ нему первыхъ людей государства.—

Желаніе ея исполнилось. Первые люди Мадуры пошли въ городъ, гдѣ проповѣдывалъ Кришна. Они обѣщали не слушать его рѣчей. Но когда они увидали сіяніе его взгляда, величіе его облика и почитаніе,

которымъ онъ былъ окруженъ, они не выдержали и стали слушать его. Кришна говорилъ имъ о внутреннемъ рабствѣ тѣхъ, кто дѣлаетъ зло, и о небесной свободѣ тѣхъ, кто дѣлаетъ добро. Кшатріи исполнились радостью, изумленіемъ и почувствовали себя какъ бы освобожденными отъ великой тяжести.

— Воистину ты великій чудотворецъ, сказали они. Ибо мы поклялись привести тебя къ царю закованнымъ въ цѣпи; но мы не можемъ сдѣлать этого, ибо ты освободилъ насъ отъ *нашихъ* цѣпей. И они возвратились къ Канзѣ и сказали ему:

— Мы не могли привести къ тебѣ этого человѣка. Это—великій пророкъ и тебѣ нечего бояться его.—

Царь, видя, что всѣ его попытки оказались безполезными, утроилъ свою стражу и велѣлъ привѣсить желѣзныя цѣпи ко всѣмъ дверямъ своего дворца.

Но однажды онъ услыхалъ большой шумъ на улицахъ города, крики радости и торжества. Стража прибѣжала съ извѣстіемъ:

— Это Кришна вступаетъ въ Мадуру. Народъ ломится въ двери, онъ разбиваетъ желѣзныя цѣпи.—Канза хотѣлъ бѣжать, но стража принудила его оставаться во дворцѣ.

И дѣйствительно, Кришна въ сопровожденіи своихъ учениковъ и великаго множества отшельниковъ, вступалъ въ Мадуру, расцвѣченную яркими знаменами, пролагая свой путь среди огромнаго скопища людей, напоминавшаго волнуемое вѣтромъ море. Онъ вступалъ въ городъ, осыпаемый дождемъ цвѣтовъ и гирляндъ. Всѣ привѣтствовали его радостными восклицаніями.

Браманы собирались группами подъ священными бананами, окружавшими храмы, чтобы поклониться сыну Деваки, побѣдителю змѣя, герою горы Меру и пророку Вишны. Сопровождаемый блестящей свитой и привѣтствуемый какъ освободитель народомъ и кшатріями, Кришна предсталъ передъ царемъ и царицею.

— Ты царствовалъ насиліемъ и зломъ и ты заслужилъ тысячу смертей, убивъ святого старца Васишту. Но ты еше не умрешь. Я покажу міру, что надо одерживать побѣду надъ побѣжденнымъ врагомъ не убивая его, но прощая ему.—

— Злой чародѣй! воскликнулъ Канза; ты укралъ мою корону и мое царство. Кончай и со мной.—

— Ты говоришь, какъ безумецъ, отвѣтилъ Кришна. И еслибы ты умеръ въ этомъ безуміи ожесточенія и преступности, ты бы погибъ безвозвратно и въ будущей жизни. Если ты поймешь свое безуміе и раскаешься въ немъ, твое наказаніе будетъ легче въ той жизни,

и благодаря посредничеству чистыхъ духовъ Махадева спасетъ тебя въ будущемъ.—

Низумба, наклонившись къ уху царя, прошептала:

— Безумецъ, воспользуйся его сумасшедшей гордостью. Пока мы еще живы, остается надежда отомстить.

Кришна, не слыхавшій ея словъ, узналъ, чтò она сказала и бросилъ на нея взглядъ, исполненный проникновеннаго состраданія:

— Несчастная! ты продолжаешь разливать свой ядъ. Совратительница и злая волшебница, твое сердце вмѣщаетъ одинъ лишь змѣиный ядъ. Исторгни его, или я буду принужденъ раздавить твою главу. А теперь ты послѣдуешь за царемъ въ мѣсто покаянія, гдѣ будешь искупать свои преступленія подъ наблюденіемъ брамана.—

Послѣ этого событія, Кришна, съ согласія представителей государства и народа, посвятилъ своего ученика Арджуну, славнаго потомка солнечной расы, въ цари Мадуры.

Онъ передалъ высшую власть браманамъ, которые сдѣлались наставниками царей. Самъ же онъ остался главою отшельниковъ, которые составляли высшій совѣтъ брамановъ. Чтобы защитить этотъ совѣтъ отъ преслѣдованій, онъ выстроилъ для него сильную крѣпость посреди горъ, защищенную высокой оградой и избраннымъ населеніемъ. Крѣпость эта называлась Дварка. Въ ея серединѣ находился храмъ посвященныхъ, наиболѣе важная часть котораго была скрыта въ подземеліяхъ *).

Между тѣмъ, когда цари луннаго культа узнали, что царь солнечнаго культа взошелъ на тронъ Мадуры, и что браманы черезъ его посредство будутъ господствовать въ Индіи, они заключили между

*) Вишну Пурана (кн. V гл. XXII и XXX) говоритъ въ прозрачныхъ выраженіяхъ объ этомъ городѣ: «Кришна порѣшилъ построить крѣпость, въ которой племя Іаду могло бы найти вѣрное убѣжище, и которая была бы такъ устроена, что даже двѣ женщины могли бы защитить ее. Городъ Дварка былъ окруженъ высокой оградой, украшенъ садами и фонтанами, и былъ столь же блистателенъ, какъ Амаравати, городъ Индры». Въ этомъ городѣ Кришна посадилъ древо Париджата, «благоуханіе котораго наполняетъ воздухъ земли; всѣ приближавшіеся къ нему были въ состояніи вспомнить свои предыдущія существованія». Это дерево, очевидно символъ божественной мудрости и посвященія,—тотъ же, который мы снова находимъ въ халдейскомъ преданіи и который оттуда перешелъ въ книгу Бытія евреевъ. Послѣ смерти Кришны городъ покрылся водой, дерево поднялось на небо, но храмъ сохранился. Если все это имѣетъ какой нибудь историческій смыслъ, для каждаго, кто знакомъ съ символическимъ утонченнымъ языкомъ Индусовъ, это означаетъ ничто иное, какъ появленіе тирана, который уничтожилъ до основанія городъ, послѣ чего посвященіе дѣлалось все болѣе и болѣе тайнымъ.

собой могущественный союзъ для того, чтобы опрокинуть его власть. Арджуна, съ своей стороны, соединилъ вокругъ себя всѣхъ царей солнечнаго культа, принявшихъ арійское ведическое преданіе. Изъ глубины храма, находившагося въ крѣпости Дварка, Кришна слѣдилъ за ними и направлялъ ихъ; подъ конецъ обѣ арміи сошлись лицомъ къ лицу и рѣшительная битва была неизбѣжна. Между тѣмъ Арджуна, не видя болѣе около себя своего учителя, почувствовалъ какъ смутился его разумъ и какъ ослабѣла его рѣшимость. Однажды на разсвѣтѣ Кришна появился передъ палаткой царя и ученика своего:—Почему,— сказалъ ему строго учитель, не начинаешь ты битву, которая должна рѣшить, будутъ ли сыны солнца или сыны луны царствовать на землѣ?—

— Безъ тебя я не могу рѣшиться, сказалъ Арджуна. Посмотри на эти два огромныя войска и на это множество людей, которые будутъ убивать другъ друга.—

Съ возвышенія, на которомъ они находились, Кришна и царь Мадуры смотрѣли на двѣ безчисленныя рати, расположенныя въ боевомъ порядкѣ одна противъ другой. Видно было, какъ сверкали позолоченыя латы начальниковъ и какъ тысячи пѣхотинцевъ и воиновъ на коняхъ и слонахъ ожидали лишь сигнала, чтобы начать битву. Въ эту минуту начальникъ вражеской арміи, старѣйшій изъ Куравасовъ, затрубилъ въ свою морскую раковину, звукъ которой напоминалъ рыканіе льва. Въ отвѣтъ на этотъ грозный призывъ съ обширнаго поля битвы понеслися ржанья коней, крики слоновъ, звонъ оружія, шумъ барабановъ и трубъ, и поднялась великая тревога. Арджунѣ оставалось только вскочить на свою боевую колесницу, влекомую бѣлыми конями, и затрубить въ свою боевую лазурную раковину, подавая знакъ битвы сынамъ солнца; но, вмѣсто того, великая жалость овладѣла сердцемъ царя, и онъ сказалъ, тоскуя:

„Видя людей моего племени, выстроенныхъ въ боевые ряды, о Кришна, и готовыхъ вступить въ бой,

Мои члены слабѣютъ, уста высыхаютъ, и тѣло мое дрожитъ и волосы становятся дыбомъ.

Мечь выпадаетъ изъ руки моей, и кожа моя пылаетъ, ноги мои подкашиваются и мысли мои мутятся.

И я вижу дурныя предзнаменованія, о Кешава! Не могу я признать пользы отъ убійства моихъ единоплеменниковъ.

Ибо не желаю я ни побѣды, ни царства, ни радости; что можетъ представлять для насъ, о Кришна, и царства, и радости, и даже сама жизнь?

Тѣ самые, для которыхъ мы желаемъ царства, блага и радости, стоятъ здѣсь на полѣ битвы, готовые отдать и жизнь, и богатства.

Учителя, отцы, сыновья, дѣды, дяди, внуки и другіе родственники.

Не могу я желать убить ихъ, хотя бы и самъ я былъ убитъ, не могу даже ради власти надъ всѣми тремя мірами; могу ли я рѣшиться на то ради власти земной?

Какая мнѣ радость убивать моихъ противниковъ? поражая предателей, я лишь навлеку грѣхъ на насъ! (Бхагаватъ-Гита пѣснь I, 28—36).

Отвѣчалъ Кришна:

— Откуда это молодушіе, одолѣвшее тобою въ часъ опасности, малодушіе наблагородное, безславное, закрывающее входъ въ небо*), о Арджуна!

Не поддавайся безсилію, оно не приличествуетъ тебѣ. Стряхни съ себя это недостойное молодушіе. Возстань! — (Бхагаватъ-Гита пѣснь II, 2, 3).

Ты оплакиваешь тѣхъ, которыхъ не слѣдуетъ, оплакивать и въ то же время произносишь слова мудрости. Но мудрые не оплакиваютъ ни живыхъ, ни мертвыхъ.

Ибо воистину не было того времени, когда бы я, или ты, или эти князья не существовали; и въ будущемъ не будетъ того времени воистину, когда бы мы перестали существовать.

Какъ живущій въ тѣлѣ находитъ въ немъ дѣтство, юность и старость, такъ же испытаетъ онъ ихъ и въ другомъ тѣлѣ; мудрые не дѣлаютъ изъ этого предмета печали.

Прикосновенія чувствъ даютъ ощущенія холода и жара, наслажденія и страданія; непостоянныя, они приходятъ и уходятъ; выдерживай ихъ мужественно, о Барата!

Человѣкъ, надъ которымъ они не имѣютъ власти, уравновѣшенный въ страданіи и радости, непоколебимый, такой человѣкъ заслуживаетъ безсмертія.

Нереальное не имѣетъ бытія; реальное никогда не перестаетъ быть; эту истину провидѣли познавшіе сущность вещей.

Узнай, что сущность эта, которая все проникаетъ, неразрушима. И никто не въ силахъ уничтожить ее.

Эти тѣла, въ которыхъ пребываетъ она, вѣчная, нерушимая, безграничная, подлежатъ разрушенію; поэтому сражайся, Барата!

Думающій, что онъ убиваетъ, и тотъ, кто думаетъ, что его убили, оба проявляютъ невѣдѣнье. Нельзя ни убить, ни быть убитымъ.

---

*) *Swarga.*

Какъ человѣкъ, сбрасывая изношенное платье, облекается въ новое, такъ и живущій въ тѣлѣ, сбрасываетъ изношенныя тѣла, и переходитъ въ новыя.

Оружіе не можетъ пронзить его, огонь не можетъ сжечь его, вода не можетъ залить его и вѣтеръ не можетъ изсушить его.

Для рожденнаго неизбѣжна смерть, а для умѣршаго неизбѣжно рожденіе; поэтому не печалься о неизбѣжномъ, Арджуна!

Глядя на свою собственную Дхарму, ты не долженъ дрожать; ибо ничто не должно быть столь желаннымъ для кшатрія, какъ праведный бой.

Счастливы кшатріи, которымъ дается праведный бой, внезапно открывающій двери въ Сваргу.

Но если ты не хочешь выдержать до конца праведный бой, тогда, отбросивъ свою собственную Дхарму *) и свою честь, ты впадешь въ грѣхъ. (Бхагаватъ Гита II. пѣснь 11—18, 22—24, 31—33).

При этихъ словахъ учителя, Арджуна устыдился и почувствовалъ, какъ его царственная кровь закипѣла отвагой. Онъ бросился къ своей боевой колесницѣ и далъ знакъ, по которому началась битва. И тогда Кришна простился съ своимъ ученикомъ и покинулъ поле битвы, увѣренный, что побѣда останется за сынами солнца.

Въ то же время Кришна зналъ, что побѣжденные примутъ его религію только въ томъ случаѣ, если онъ одержитъ побѣду надъ ихъ душами, болѣе трудную, чѣмъ побѣду оружіемъ. Также какъ святой Васишта умеръ, пронзенный стрѣлою для того, чтобы открыть высшую истину Кришнѣ, также и Кришна долженъ былъ добровольно погибнуть подъ ударами своего смертельнаго врага для того, чтобы вселить въ сердца своихъ противниковъ вѣру, которую онъ проповѣдовалъ своимъ ученикамъ и міру. Онъ зналъ что прежній царь Мадуры, далекій отъ раскаянія, нашелъ себѣ убѣжище у своего тестя Калаіени, властителя змѣй. Его ненависть, постоянно возбуждаемая Низумбой, заставляла его непрестанно подстерегать Кришну въ ожиданіи минуты, удобной для того, чтобы погубить его. Между тѣмъ Кришна чувствовалъ, что миссія его закончена и что она требовала только одного для своего завершенія: печати добровольной жертвы. Тогда онъ пересталъ избѣгать своего врага и бороться съ нимъ могуществомъ своей воли.

Онъ зналъ что, переставъ защищать себя внутренной силой, онъ навлечетъ на себя ударъ, который уже давно замышлялся противъ

*) *Долгъ* (по отношенію къ міру), *законъ души* по отношенію къ себѣ.

него. Но сынъ Деваки хотѣлъ умѣреть вдали отъ людей, въ пустыняхъ Гимавата.

Тамъ онъ будетъ ближе къ своей свѣтлой матери, къ святому старцу и къ солнцу Махадевы.

И такъ, Кришна отправился въ пустыню, находившуюся въ дикомъ и печальномъ мѣстѣ у подножья высокихъ вершинъ Гимавата. Ни одинъ изъ учениковъ не проникъ въ его намѣренье, лишь Сарасвати и Никдали, съ прозорливостью любящихъ женщинъ, прочли его въ глазахъ учителя. Когда Сарасвати поняла, что онъ желаетъ умереть, она бросилась къ его ногамъ, охватила ихъ съ пламенной силой и воскликнула: «Учитель, не покидай насъ!» Никдали взглянула на него и сказала просто: «я знаю, куда ты идешь; если ты признаешь, что мы любили тебя, дозволь намъ слѣдовать за тобой!»

Кришна отвѣчалъ:

— Въ моемъ небѣ любовь будетъ всегда услышана, идите за мной!—

Послѣ долгаго пути, пророкъ и святыя женщины подошли къ нѣсколькимъ хижинамъ, расположеннымъ вокругъ большого кедра на площадкѣ скалистой горы; съ одной стороны—огромные снѣговые куполы Гимавата, съ другой—цѣлый лабиринтъ горныхъ хребтовъ, вдали—далина, и на ней раскинулась Индія, потонувшая какъ греза въ золотомъ туманѣ. Въ этихъ кельяхъ жило нѣсколько отшельниковъ; тѣла ихъ, изъѣденныя грязью и пылью и высохшія подъ дыханіемъ жгучихъ вѣтровъ и палящаго солнца, не знали иного прикрытія, кромѣ древесной коры. Нѣкоторые изъ нихъ представляли собою страшный скелетъ, обтянутый кожею. Увидавъ это грустное мѣсто, Сарасвати воскликнула:

— Земля далеко и небо молчитъ. Господи, зачѣмъ привелъ ты насъ въ эту пустыню, покинутую Богомъ и людьми? —

— Молись если ты хочешь, чтобы земля приблизилась и небо заговорило съ тобой,—отвѣчалъ Кришна.

— Съ тобой небо всегда здѣсь, сказала Никдали; но почему оно хочетъ покинуть насъ? —

— Нужно, чтобы сынъ Махадевы умеръ, пронзенный стрѣлою, дабы міръ увѣровалъ въ его слово. —

— Объясни намъ эту тайну. —

— Вы поймете ее послѣ моей смерти. Будемъ молиться. —

Въ теченіе семи дней они свершали молитвы и омовенія.

Часто лицо Кришны преображалось и отъ него исходило сіяніе. На седьмой день, при закатѣ солнца, обѣ женщины увидали стрѣлковъ, поднимающихся къ кельямъ отшельниковъ.

— Вотъ стрѣлки Канзы; они ищутъ тебя, учителъ, защищайся! —

Кришна, колѣнопреклоненный подъ кедромъ, не прекращалъ своей молитвы. Стрѣлки приблизились. Они увидѣли женщинъ и отшельниковъ. Это были суровые солдаты, съ почернѣвшими отъ солнца лицами. Увидавъ преображенный ликъ святого, они остановились пораженные. Затѣмъ они пробовали нарушить его экстазъ, задавая ему вопросы, оскорбляя его и даже бросая въ него каменья. Но ничто не могла нарушить его восторженной молитвы. Тогда они бросились на него и привязали его къ стволу кедра. Кришна допустилъ это, оставаясь какъ бы во снѣ. Затѣмъ стрѣлки отступили и начали цѣлить въ него, возбуждая одинъ другого. Когда первая стрѣла пронзила его и брызнула кровь, Кришна воскликнулъ:» Васишта! Сыны солнца побѣдили!» Когда вторая стрѣла, дрожа, вонзилась въ его тѣло, онъ сказалъ:

— Свѣтлая мать моя, даруй, чтобы любящіе меня вступили вмѣстѣ со мной въ твой сіяющій чертогъ.—При третьей стрѣлѣ онъ произнесъ одно только слово „Махадева"! и затѣмъ, съ именемъ Брамы на устахъ, испустилъ духъ.

Солнце зашло. Поднялась великая буря. Снѣговой буранъ опустился съ Гимаваты на землю. Небо покрылось тучами. Черный вихрь пронесся надъ горами. Испугавшіеся своего злодѣянія убійцы бѣжали, а обѣ женщины, окаменѣвшія отъ ужаса, упали замертво.

Тѣло Кришны было сожжено его учениками въ священномъ городѣ Дварка. Сарасвати и Никдали обѣ бросились въ костеръ, чтобы не разставаться съ своимъ Учителемъ, и толпѣ казалось, что сынъ Махадевы поднимается изъ пламени въ просвѣтленномъ тѣлѣ, увлекая за собою обѣихъ сестеръ.

Послѣ этого бо̀льшая часть Индіи приняла культъ Вишну который примирилъ солнечный и лунный культы въ Браманизмѣ.

Глава VIII.

Сіяніе божественнаго Глагола.

Такова легенда о Кришнѣ, возстановленная во всей своей органической цѣльности и поставленная въ исторической перспективѣ.

Она бросаетъ яркій свѣтъ на происхожденіе браманизма. Несомнѣнно, нельзя установить документально, что за миѳомъ о Кришнѣ скрывается реальное историческое лицо. Тройной покровъ, наброшенный на происхожденіе всѣхъ восточныхъ религій, въ Индіи еще болѣе непроницаемъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Ибо брамины, истинные

властелины индусской общественности, единственные хранители индусскихъ традицій, много разъ передѣлывали и измѣняли ихъ въ теченіе истекшихъ вѣковъ. Но справедливость требуетъ прибавить, что они сохранили неприкосновенными всѣ главныя черты браманизма и, развивая въ подробностяхъ священное ученіе, никогда не перемѣщали его истиннаго ядра. Вотъ почему мы не можемъ, подобно большинству европейскихъ ученыхъ, принимать образъ, подобный Кришнѣ, за „дѣтскую сказку на подкладкѣ солнечнаго миѳа, затканную философскими фантазіями".

Нѣтъ, не такъ создается религія, которая длится многія тысячелѣтія, которая вызвала къ жизни чудную поэзію и нѣсколько великихъ философскихъ системъ, которая устояла передъ могучимъ напоромъ буддизма*), выдержала вторженіе монголовъ, магометанъ, англійское завоеваніе и сохранила до нашихъ дней, даже въ періодъ глубокаго упадка, сознаніе своего высокаго происхожденія.

Несомнѣнно, что при основаніи каждаго великаго учрежденія долженъ неизбѣжно находится и великій человѣкъ. Разсматривая выдающуюся роль Кришны въ эпическомъ религіозномъ преданіи, его человѣческія черты съ одной стороны, и его постоянныя отождествленія съ проявленнымъ Богомъ (Вишну, второе лицо св. Троицы) съ другой стороны, мы принуждены заключить, что именно *онъ* былъ создателемъ культа Вишну, который придалъ браманизму его достоинство и его обояніе. Вполнѣ логично допустить, что среди религіознаго и общественнаго

---

*) Величіе Сакія-Муни заключается въ его божественномъ милосердіи, въ преобразованіи нравственныхъ устоевъ и въ той общественной революціи, которую онъ вызвалъ уничтоженіемъ кастъ. Будда далъ устарѣвшему барманизму толчекъ, подобный тому, какой протестантизмъ далъ триста лѣтъ тому назадъ католицизму, вызвавъ въ немъ потребность борьбы и возрожденія. Но Сакія-Муни не прибавилъ ничего къ эзотерическому ученію браманов, онъ лишь обнародовалъ нѣкоторыя части его. Его психологія въ сущности та же самая, хотя и направленная по иному пути. (См. статью Шюре La légende Bouddha, Révue de Deux-Mondes, 1 іюля 1885 г.).

Если въ нашей книгѣ и нѣтъ Будды, то это не потому, что мы не признаемъ его мѣста въ цѣпи великихъ Посвященныхъ, но въ виду ея опредѣленнаго плана.

Каждый изъ реформаторовъ и религіозныхъ философовъ, выбранныхъ нами, долженъ показать ученіе Мистерій съ новой стороны и въ новый періодъ его эволюціи. Съ этой точки зрѣнія Будда соприкасается съ одной стороны съ Пиѳагоромъ, въ связи съ которымъ я коснусь ученія о перевоплощеніи и объ эволюціи души, съ другой же стороны, онъ соприкасался съ Іисусомъ Христомъ. который провозгласилъ какъ для Запада, такъ и для Востока, всемірную братскую любовь.

хаоса, который былъ вызванъ въ первобытной Индіи побѣдоноснымъ наше ствіемъ естественныхъ культовъ, появился великій преобразователь, который возродилъ чистую арійскую религію идеей Троицы и божественнаго Глагола и далъ такимъ образомъ Индіи ея религіозную душу, ея національный характеръ и ея окончательную организацію.

Значеніе Кришны предстанетъ передъ нами въ еще большихъ размѣрахъ и окажется воистину вселенскимъ, если мы убѣдимся, что его ученіе заключаетъ въ себѣ двѣ основныя идеи, два руководящихъ принципа, лежащіе въ основѣ всѣхъ послѣдующихъ религій и ихъ эзотеризма.

Первый изъ нихъ относится до безсмертія души и даетъ идею послѣдовательныхъ земныхъ существованій воплощающагося человѣка, а второй указываетъ на троичность Бога и человѣка, на природу божественнаго Глагола, раскрывающуюся въ человѣкѣ. Выше я указалъ на великое философское значеніе этой центральной идеи, которую вдумчивый мыслитель найдетъ отраженной во всѣхъ областяхъ на уки, искусства и жизни. Здѣсь же я долженъ ограничиться лишь историческимъ замѣчаніемъ.

Мысль, что въ сознаніи человѣка Богъ, Истина, Красота и Добро раскрываются путемъ любви и жертвы съ такой великой силой, которая проникаетъ до самыхъ высшихъ сферъ духовнаго міра,—эта великая мысль появляется въ первый разъ у Кришны. Она возникаетъ въ тотъ самый моментъ, когда человѣчество, покончивъ съ своей юностью, погружается все болѣе и болѣе въ глубину матеріальности. Кришна открываетъ ему тайну божественнаго Глагола. Человѣчество не забудетъ ее. Оно будетъ тѣмъ болѣе жаждать Искупителей и Сыновъ Божіихъ, чѣмъ глубже будетъ чувствовать свое паденіе.

Подъ вліяніемъ Кришны является могучее излученіе этой идеи во всѣхъ храмахъ Азіи, Африки и Европы. Въ Персіи, это—Митра, примиритель свѣтлаго Ормузда и темнаго Аримана; въ Египтѣ, это —Горусъ, сынъ Озириса и Изиды; въ Греціи, это—Аполлонъ, богъ солнца и лиры, это—Діонисъ, воскреситель душъ. Всюду солнечный богъ есть въ то же время и богъ-посредникъ, а свѣтъ является вездѣ одновременно и словомъ жизни. Не изъ этой ли идеи происходитъ и понятіе о Мессіи? Какъ бы то ни было, Кришна внесъ эту идею въ древній міръ, а черезъ Іисуса ея свѣтъ засіялъ по всей землѣ.

Я укажу въ позднѣйшемъ изложеніи эзотеризма религій, какого рода связь существуетъ между ученіемъ о божественной Троицѣ и ученіемъ о человѣческой душѣ и ея эволюціи—*какъ* и *почему* они взаимно пополняютъ одно другое. Прибавимъ немедленно, что эта

точка ихъ соприкосновенія и составляетъ жизненный центръ, свѣтящійся фокусъ всего эзотерическаго ученія.

Если разсматривать великія религіи Индіи, Египта, Греціи и Іудеи лишь по внѣшнимъ ихъ проявленіямъ, мы не увидимъ ничего, кромѣ раздоровъ, суевѣрій и хаоса, но если углубиться въ символы, если вопрошать мистеріи, если разыскивать источникъ, изъ котораго черпали основатели религій и пророки, тогда передъ нами займется свѣтъ и возстановится гармонія. Путями чрезвычайно различными и часто трудными, мы подойдемъ къ одной исходной точкѣ.

Такимъ образомъ, проникнуть въ тайну одной религіи значитъ проникнуть въ тайны всѣхъ остальныхъ. И тогда произойдетъ странное явленіе: постепенно, но расширяясь все болѣе и болѣе, начинаетъ сіять въ центрѣ всѣхъ религій ученіе Посвященныхъ, подобно солнцу, разсѣивающему окружающіе туманы. И тогда каждая религія предстанетъ передъ нами какъ особая планета, отличающаяся своей атмосферой и своимъ особымъ направленіемъ въ небесныхъ пространствахъ, но освѣщаемая тѣмъ же солнцемъ, которое свѣтитъ и другимъ планетамъ.

Индія, великая мечтательница, погружаетъ насъ въ безпредѣльную мечту о Вѣчности. Величественный Египетъ, суровый какъ его пирамиды, зоветъ насъ къ посмертному странствованію. Очаровательная Греція увлекаетъ насъ къ магическому торжеству жизни, она придаетъ своимъ мистеріямъ все очарованіе своихъ формъ, то прекрасныхъ, то страшныхъ, все обаяніе своей безгранично страстной души. И наконецъ, Пиѳагоръ придаетъ эзотерическому ученію научную форму, даетъ ему выраженіе, наиболѣе совершенное изъ всѣхъ, дошедшихъ до насъ. Платонъ и Александрійцы лишь обнародовали его. Что касается его источника, мы только что прикасались къ нему въ джунгляхъ Ганга и въ пустыняхъ Гималая.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ГЕРМЕСЪ.

МИСТЕРІИ ЕГИПТА.

О слѣпая душа! Вооружись факеломъ мистерій и въ земной ночи ты откроешь твой сіяющій Двойникъ, твою небесную Душу. Слѣдуй за этимъ божественнымъ Руководителемъ и да будетъ онъ твоимъ Геніемъ. Ибо онъ держитъ ключъ къ твоимъ существованіямъ, прошедшимъ и будущимъ.

Воззваніе къ Посвященнымъ.
(по Книгѣ Мертвыхъ).

Слушайте въ своей собственной глубинѣ и смотрите въ безконечность Пространства и Времени. Тамъ звучитъ пѣніе небесныхъ Свѣтилъ, голосъ Чиселъ, гармонія Сферъ.

Каждое солнце есть мысль Бога и каждая планета—видоизмѣненіе этой мысли. Для того, чтобы познать божественную мысль, о души! спускаетесь и поднимаетесь вы по тяжкому пути семи планетъ и окружающихъ ихъ семи небесъ.

— Что дѣлаютъ небесныя Свѣтила? Что говорятъ Числа? Что вращаютъ въ себѣ Сферы?

— О, души, погибшія или спасенныя, онѣ говорятъ онѣ поютъ, онѣ вращаютъ—ваши судьбы!

Отрывокъ (по Гермесу).

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Гермесъ.

(Мистеріи Египта).

Глава I.

Сфинксъ.

Въ противоположность Вавилону, мрачной родинѣ деспотизма, Египетъ былъ для древняго міра истинной крѣпостью священной науки, школой для его наиболѣе славныхъ пророковъ, убѣжищемъ и вмѣстѣ лабораторіей наиболѣе благородныхъ преданій человѣчества. Благодаря безчисленнымъ раскопкамъ и превосходнымъ научнымъ работамъ, египетскій народъ извѣстенъ намъ такъ, какъ ни одна цивилизація, предшествовавшая Греціи, ибо онъ развертываетъ передъ нами всю свою исторію, написанную на страницахъ изъ камня *). Многіе изъ его памятниковъ возстановлены, многіе изъ его іероглифовъ разобраны и прочитаны; тѣмъ не менѣе, намъ все еще остается проникнуть въ глубину святилища его мысли.

Это святилище—оккультное ученіе его жрецовъ. Научно обработанное въ храмахъ, осторожно скрытое подъ мистеріями, оно показываетъ намъ въ одно и то же время и душу Египта, и тайну его политики, и его главную роль въ исторіи міра.

Наши историки говорятъ однимъ и тѣмъ же тономъ и о фараонахъ, и о деспотахъ Ниневіи и Вавилона. Для нихъ Египетъ—такая же абсолютная и завоевательная монархія, какъ и Ассирія, и отличается она отъ послѣдней лишь тѣмъ, что существованіе ея было на нѣсколько тысячъ лѣтъ продолжительнѣе. А между тѣмъ, въ Ассиріи царская власть раздавила жреческую и сдѣлала изъ нея свое орудіе, тогда какъ въ Египтѣ жречество дисциплинировало царскую власть, не уступало никогда своихъ правъ и даже въ самыя трудныя эпохи

*) Шампольонъ, *Египетъ подъ владычествомъ фараоновъ;* Бунзенъ, *Египетская Старина;* Лепсіусъ, *Памятники*; Поль Пьерэ, *Книга мертвыхъ;* Фл. Лекорманъ, *Исторія народовъ Востока;* Масперо, *Древняя исторія восточныхъ народовъ* и т. д.

имѣло вліяніе на царей, изгоняло деспотовъ и всегда управляло народомъ; и вліяніе это исходило изъ умственнаго превосходства, изъ глубокой мудрости, какой не достигло ни одно правящее сословіе нигдѣ и ни въ какой странѣ.

Думается, что наши историки и не подозрѣваютъ объ истинномъ значеніи этого факта. Ибо вмѣсто того, чтобы сдѣлать изъ него всѣ необходимые выводы, они едва касаются его и повидимому, не придаютъ ему никакого значенія. А между тѣмъ, не будучи археологомъ или лингвистомъ, не трудно понять, что непреодолимая ненависть между Ассиріей и Египтомъ происходила отъ того, что эти два народа представляли собой два противоположные міровые принципа, и что египетская народность обязана своимъ долгимъ существованіемъ религіозно-научнымъ основамъ, на которыя опирались всѣ ея общественныя учрежденія, оказавшіяся сильнѣе всякихъ революцій.

Начиная съ арійской эпохи, черезъ весь смутный періодъ, слѣдовавшій за ведическими временами до персидскаго завоеванія и до александрійской эпохи, слѣдовательно въ теченіе болѣе пяти тысячъ лѣтъ, Египетъ являлся убѣжищемъ чистыхъ и высокихъ ученій, которыя, въ общемъ, составляли религіозную науку или эзотерическую доктрину древняго міра. Пятьдесятъ династій смѣняли одна другую, Нилъ покрывалъ цѣлые города наносной землей, и финикійцы успѣли затопить страну и быть снова изгнанными: среди всѣхъ этихъ историческихъ приливовъ и отливовъ, подъ видимымъ идолопоклонствомъ внѣшняго многобожія, Египетъ сохранялъ непоколебимую основу своей оккультной теогоніи и жреческой организаціи. Онъ не поддавался дѣйствію времени такъ же, какъ пирамида Гизеха, наполовину погребенная въ пескахъ и все же сохранившаяся.

Благодаря своимъ чертамъ сфинкса, безмолвно хранящаго тайну, благодаря своей гранитной непоколебимости, Египетъ сдѣлался той осью, вокругъ которой вращалась религіозная идея человѣчества. Іудея, Греція, Этрурія—все это были различные жизненные центры, изъ которыхъ произошли послѣдующія цивилизаціи. Но *гдѣ* черпали они свои основныя идеи, какъ не въ богатомъ запасѣ древняго Египта?

Моисей и Орфей создали двѣ противоположныя религіи, изъ которыхъ одна поражаетъ своимъ строгимъ единобожіемъ, другая—своимъ сверкающимъ многобожіемъ. По какому же образцу складывался ихъ геній? Откуда черпалъ Моисей ту силу, энергію и смѣлость, которыя были необходимы, чтобы переплавить на половину дикій народъ, какъ переплавляютъ металлъ въ горнилѣ? А Орфей—откуда бралъ

онъ свою магическую силу, заставлявшую боговъ говорить на подобіе сладкозвучной лиры душѣ очарованныхъ варваровъ? Въ храмахъ Озириса, въ античныхъ Ѳивахъ, которыя посвященные называли городомъ Солнца или солнечнымъ ковчегомъ, потому что въ нихъ сохранялся синтезъ божественной мудрости и всѣ тайны посвященія.

Ежегодно, во время лѣтняго солнцестоянія, когда изъ Абиссиніи несутся дождевые ливни, Нилъ мѣняетъ окраску и принимаетъ оттѣнокъ крови, о которомъ говорится въ Библіи. Рѣка продолжаетъ подниматься до осенняго равноденствія и покрывать берега своими волнами до самаго горизонта. И лишь одни храмы, высѣченные изъ гранита, покоющіеся на своихъ каменныхъ площадкахъ, да облитые ослѣпительнымъ солнцемъ гробницы, сфинксы и пирамиды, отражаютъ величавыя очертанія своихъ развалинъ въ Нилѣ, превратившемся въ море. Такимъ образомъ египетская религія выдержала неисчислимые вѣка съ своей организаціей и съ своими символами, остающимися и до сихъ поръ неразгаданными тайнами. Въ этихъ храмахъ, подземельяхъ и пирамидахъ развивалось великое ученіе о Словѣ-Свѣтѣ, о божественномъ Глаголѣ, заключенномъ Моисеемъ въ золотой ковчегъ, а Христомъ превращенномъ въ живой свѣточъ.

Истина неизмѣнна сама по себѣ; она одна переживаетъ все преходящее; но она мѣняетъ и обители, и формы, и въ ея откровеніяхъ являются перерывы, и Свѣтъ Озириса, который нѣкогда освѣщалъ для посвященныхъ глубины природы и бездны небесныхъ сводовъ, погасъ въ покинутыхъ склепахъ навсегда. Осуществилось слово Гермеса, сказанное Асклепію: «О, Египетъ, Египетъ! Прекратится твое существованіе и останутся отъ тебя для будущихъ поколѣній лишь невѣроятныя сказки и ничего не сохранится отъ твоихъ сокровищъ, кромѣ словъ, вырѣзанныхъ на камнѣ».

А между тѣмъ, мы попытаемся, слѣдуя по тайному пути древняго египетскаго посвященія, оживить лучи какъ разъ *этою* таинственнаго солнца святилищъ, насколько то позволитъ интуиція эзотеризма и убѣгающая даль вѣковъ.

Но прежде чѣмъ проникнуть въ храмъ, бросимъ общій взглядъ на главные періоды, черезъ которые Египетъ проходилъ до водворенія Гиксовъ.

Почти столь же древняя, какъ и очертаніе нашихъ континентовъ, первая египетская цивилизація соприкасается съ первобытной красной расой. Колоссальный сфинксъ Гизеха подлѣ большой пирамиды

созданъ ею *). Во времена, когда дельта, образовавшаяся позднѣе изъ наносной земли, приносимой Ниломъ, еще не существовала, огромный символическій звѣрь уже лежалъ на своемъ гранитномъ холмѣ, позади котораго возвышалась Ливійская горная цѣпь, и смотрѣлъ своими каменными очами въ море, разбивавшееся у его ногъ тамъ, гдѣ въ настоящее время разстилается песчаная пустыня. Сфинксъ былъ первымъ творчествомъ Египта и онъ же сдѣлался его главнымъ символомъ, его отличительнымъ признакомъ.

Наиболѣе древніе представители религіи человѣчества изваяли этотъ символъ природы, безстрастный и страшный въ своей неразгаданной тайнѣ. Голова человѣка на тѣлѣ могучаго быка съ львиными когтями и орлиными крыльями, сложенными по бокамъ. Это—земная Изида, сама природа въ живомъ единствѣ различныхъ своихъ царствъ. Ибо уже тогда, въ незапамятной древности, жрецы знали и учили, что въ великой эволюціи нашей солнечной системы человѣческая природа возникаетъ изъ природы животной **). Въ этомъ соединеніи быка, льва, орла и человѣка заключаются и четыре звѣря видѣнія пророка Езекіила, представляющія основу оккультной науки, и четыре составныхъ элемента микрокосма и макрокосма: землю, воду, воздухъ и огонь. Вотъ почему въ позднѣйшіе вѣка, при видѣ священнаго животнаго, лежащаго на порогѣ храма или въ глубинѣ склеповъ, посвященные чувствовали, какъ оживала эта тайна внутри ихъ души и они безмолвно склоняли крылья своего разума передъ внутренней истиной. Ибо еще ранѣе Эдипа они знали, что разгадка тайны сфинкса есть *человѣкъ*, микрокосмъ, божественный проводникъ, который включаетъ въ себѣ всѣ элементы и всѣ силы природы.

Такимъ образомъ красная раса оставила послѣ себя въ сфинксѣ Гизеха единственнаго свидѣтеля, неопровержимо доказывающаго, что она ставила великую проблему о человѣкѣ и по своему разрѣшила ее.

---

*) Въ одной изъ надписей четвертой династіи говорится о сфинксѣ, какъ о памятникѣ, происхожденіе котораго теряется во мракѣ временъ и который былъ найденъ случайно въ царствованіе фараона этой династіи; сфинксъ этотъ былъ погребенъ подъ песками пустыни, гдѣ и пролежалъ забытымъ въ теченіе многихъ и многихъ поколѣній. «Исторія Востока» Ленормана, 2-ой томъ. Если вспомнить, что четвертая династія переноситъ насъ за четыре тысячи лѣтъ до Р. Хр., можно себѣ представить, какова должна быть древность сфинкса!

**) Это толкованіе Шюре не совпадаетъ съ истиннымъ эзотерическимъ ученіемъ, которое никогда не выводитъ человѣческую природу изъ животной.

Примѣч. перев.

Глава II.

Гермесъ.

Черная раса, которая въ господствѣ надъ міромъ смѣнила южную красную расу, сдѣлала изъ Верхняго Египта свое главное святилище. Имя *Гермеса-Тота,* перваго таинственнаго посвятителя Египта въ тайныя ученія, относится безъ сомнѣнія къ первому мирному смѣшенію бѣлой и черной расъ въ областяхъ Ефіопіи и Верхняго Египта задолго до появленія Арійцевъ. Гермесъ—такое же родовое имя, какъ Ману и Будда. Оно обозначаетъ одновременно и человѣка, и касту, и божество. Человѣкъ-Гермесъ есть первый посвятитель Египта; каста—жречество, хранящее оккультныя традиціи; божество—планета Меркурій, уподобляемая—вмѣстѣ съ своей сферой—опредѣленной категоріи духовъ, божественныхъ посвятителей; однимъ словомъ, Гермесъ—представитель сверхземной области небеснаго посвященія. Въ духовной экономіи міра всѣ эти явленія соединяетъ тайное сродство какъ бы невидимой нитью. Имя Гермеса представляетъ собою талисманъ, который всѣхъ ихъ въ себѣ содержитъ, магическій звукъ, который ихъ вызываетъ. Отсюда его обояніе. Греки, ученики Египтянъ, называли его Гермесомъ-Трисмегистомъ, или трижды великимъ, ибо они видѣли въ немъ царя, законодателя и жреца.

Онъ олицетворяетъ собой эпоху, когда жречество, судебная власть и царская власть находились въ одномъ и томъ же правящемъ учрежденіи. Египетская хронологія Манеѳона называетъ эту эпоху царствованіемъ боговъ. Тогда не было ни папирусовъ, ни фонетическаго письма, но священная тайнопись (идеографія) уже существовала, и жреческая наука была записана въ іероглифахъ на колоннахъ и стѣнахъ подземныхъ склеповъ. Позднѣе она перешла въ библіотеки храмовъ. Египтяне приписывали Гермесу сорокъ двѣ книги, относящіяся до оккультной науки. Греческая книга, извѣстная подъ названіемъ *Гермеса-Трисмегиста*, содержитъ лишь искаженные и, тѣмъ не менѣе, чрезвычайно интересные остатки древней теогоніи, той fiat lux, откуда Моисей и Орфей получили первые лучи своей мудрости. Доктрина Начала-Огня и Слова-Свѣта, заключенная въ *Видѣніи Гермеса*, останутся навсегда вершиной египетскаго посвященія.

Попробуемъ же снова найти это видѣніе Учителей, эту мистическую розу, которая распускается лишь въ ночи святилища и въ святая святыхъ великихъ религій. Извѣстныя слова Гермеса, проникнутыя древнею мудростью, могутъ служить хорошимъ введеніемъ. «Ни одна изъ нашихъ мыслей,—говоритъ онъ своему ученику Асклепію

не въ состоянiи понять Бога, и никакой языкъ не въ состоянiи опредѣлить Его. То, что безтѣлесно, невидимо и не имѣетъ формы, не можетъ быть воспринято нашими чувствами; то, что вѣчно, не можетъ быть измѣрено короткою мѣрою времени; слѣдовательно, Богъ невыразимъ. Правда, Богъ можетъ сообщить нѣсколькимъ избраннымъ способность подниматься поверхъ естественныхъ вещей, дабы прiобщиться къ сiянiю его духовнаго совершенства, но эти избранные не находятъ словъ, которыя могли бы перевести на обыденный языкъ безплотное видѣнiе, повергнувшее ихъ въ трепетъ. Они могутъ объяснить человѣчеству второстепенныя причины творчества, которыя проходятъ передъ ихъ глазами какъ образцы космической жизни, но Первопричина остается нераскрытой, и постигнуть Ее возможно лишь по ту сторону смерти». Такъ—на порогѣ подземнаго храма посвященiя—выражался Гермесъ о неизвѣданномъ Богѣ. Ученики, которые проникали съ нимъ въ глубины этихъ храмовъ, научались познавать Его какъ живое Существо *).

Книга говоритъ о его смерти, какъ объ отходѣ бога. Гермесъ видѣлъ совокупность вещей и узрѣвъ ее, понялъ, а понявъ онъ получилъ силу проявлять и открывать. То, что было въ его мысляхъ, онъ записалъ; то, что онъ записалъ, онъ скрылъ большею частью, одновременно и высказываясь и умалчивая съ мудростью, и дабы всѣ, на протяженiи будущихъ временъ, искали этихъ вещей. Затѣмъ, поручивъ своимъ братьямъ-богамъ слѣдовать за нимъ, онъ поднялся къ звѣздамъ.

Политическую исторiю народовъ раздѣлить еще возможно, но нельзя разъединить ихъ религiозную исторiю. Религiи Ассирiи, Египта, Iудеи и Грецiи могутъ быть поняты лишь когда уловишь ихъ точки соприкосновенiя съ древней индо-арiйской религiей. Взятыя въ отдѣльности,

---

*) Эзотерическая теологiя, говоритъ Масперо,—монотеистична со временъ Древней Имперiи. Утвержденiе основного единства божественной Сущности выражено терминами опредѣленными и энергичными, въ текстахъ, восходящихъ до этой эпохи. Богъ есть Одинъ, единый, который есть по существу единый, который живетъ въ субстанцiи, единый зарождающiй и въ небѣ, и на землѣ, который самъ не подлежитъ рожденiю. Одновременно и Отецъ, и Мать, и Сынъ. Онъ зарождаетъ, производитъ и существуетъ вѣчно; и эти три Лица, ни сколько не нарушая единства божественной природы, содѣйствуютъ ея безконечному совершенству. Атрибуты ихъ суть: безпредѣльность, вѣчность, свобода, всемогущая воля, безграничная доброта. «Онъ создаетъ свои собственные члены, которые суть боги»—говорятъ древнiе тексты. Каждый изъ этихъ второстепенныхъ боговъ, признаваемыхъ тождественными съ единымъ Богомъ, можетъ создать новый типъ, изъ котораго изойдутъ въ свою очередь такимъ же способомъ другiе, низшiе типы.—*Древняя исторiя восточныхъ народовъ*, Масперо.

онѣ представляютъ какъ бы загадки и шарады, но разсматриваемыя сверху, и въ единствѣ между собой онѣ являются дивной духовной эволюціей, гдѣ все связано и все взаимно объясняетъ одно другое.

Исторія одной религіи будетъ всегда и узкой, и суевѣрной, и ограниченной; истинной можетъ быть лишь исторія общечеловѣческой религіи. Съ этой высоты начинаешь чувствовать духовные потоки, обѣгающіе *весь* міръ земной. Египетскій народъ наиболѣе независимый и не поддающійся внѣшнимъ воздѣйствіямъ, не могъ не подчиниться тому же міровому закону.

За пять тысячъ лѣтъ до нашей эры, свѣтъ Рамы, зажженный въ Иранѣ, свѣтилъ надъ Египтомъ и проникъ въ законы Аммона-Ра, солнечнаго героя Ѳивъ. Это государственное устройство выдержало всевозможныя революціи. Менесъ былъ первымъ фараономъ исполнителемъ этого закона. Онъ не рѣшился отнять у Египта его древнюю теологію, въ которой воспитывался и самъ. Онъ лишь развилъ и подтвердилъ ее, прибавивъ къ ней новую общественную организацію: жречество, т. е. обученіе принадлежало высшему совѣту, правосудіе—низшему, управленіе государствомъ—обоимъ совѣтамъ; царская власть признавалась за ихъ уполномоченнаго и подчинялась ихъ контролю; относительная независимость общинъ (номы) лежала въ основѣ всего общественнаго строя.

Этотъ строй можно съ полнымъ основаніемъ назвать правленіемъ посвященныхъ. Оно вѣнчалось синтезомъ всѣхъ наукъ, извѣстнымъ подъ названіемъ O-Sir-Is, владыка разума. Большая пирамида представляетъ собою его символъ. Такимъ образомъ фараонъ, получавшій свое имя посвященія въ храмѣ, былъ совершенно инымъ явленіемъ, чѣмъ ассирійскій деспотъ, власть и произволъ котораго покоились на крови и преступленіи. Фараонъ былъ вѣнчаннымъ посвященнымъ, или, по крайнѣй мѣрѣ, ученикомъ и орудіемъ посвященныхъ.

Въ теченіе многихъ вѣковъ фараоны защищали противъ Азіи, ставшей деспотической, и противъ анархической Европы, законъ Овна, который представлялъ собою въ тѣ времена права правосудія и международнаго третейскаго суда. Около 2200 л. до Р. Х. Египетъ перенесъ самое страшное бѣдствіе, какое выпадаетъ на долю народа: вторженіе чужеземцевъ и частичное завоеваніе. Вторженіе финикійцевъ было, въ свою очередь, послѣдствіемъ великаго религіознаго раскола въ Азіи, который поднялъ народныя массы и посѣялъ раздоры въ храмахъ. Подъ предводительствомъ своихъ царей-пастуховъ, называемыхъ Гиксами, чужеземцы затопили Дельту и средній Египетъ. Цари отщепенцы принесли съ собой испорченную цивилизацію,

іонійскую изнѣженность, азіатскую роскошь, нравы гарема, грубое идолопоклонство. Національное существованіе Египта было подорвано, его духовная жизнь была въ опасности, его міровой миссіи угрожала гибиль. Но Египетъ обладалъ душой, полной жизни, то есть организованнымъ учрежденіемъ посвященныхъ, хранителей древней науки Гермеса и Аммона-Ра. Какъ же проявилась эта душа? Она удалилась въ глубину святилищъ и собиралась съ силами, чтобы противодѣйствовать врагу.

Съ виду жречество покорилось вражескому вторженію и признало похитителей престола, которые принесли съ собой законъ Тора и культъ быка Аписа. Скрытые въ храмахъ, оба жреческіе «совѣта» хранили какъ священный залогъ, свою науку, свои преданія, древнюю чистую религію и съ ней вмѣстѣ надежду на возстановленіе національной династіи. Именно въ эту эпоху жрецы распространили среди народа легенду объ Изидѣ и Озирисѣ, о растерзаніи послѣдняго и о его грядущемъ воскресеніи при содѣйствіи его сына Горуса, который отыщетъ его разсѣянные члены, унесенные потоками Нила. На воображеніе толпы старались подѣйствовать великолѣпіемъ публичныхъ религіозныхъ церемоній. Любовь къ древней религіи поддерживалась яркимъ изображеніемъ страданій богини Изиды, ея потрясающими жалобами по поводу погибели ея небеснаго супруга и надеждами, которыя она возлагала на сына своего Горуса, божественнаго Посредника.

Но въ то же время посвященные считали необходимымъ оградить эзотерическую истину, и они сдѣлали ее недоступной, набросивъ на нее тройной покровъ. Одновременно съ распространеніемъ народнаго культа Изиды и Озириса, посвященные установили внутреннюю организацію малыхъ и великихъ мистерій. Ихъ окружили трудно переступаемой оградой и большими опасностями; изобрѣли нравственныя испытанія, потребовали клятву молчанія и безпощадно подвергали смерти того изъ посвященныхъ, который выдавалъ что-либо изъ подробностей мистерій. Благодаря этой строгой организаціи, египетское посвященіе сдѣлалось не только убѣжищемъ для эзотерическаго ученія, но и источникомъ національнаго возрожденія и школой будущихъ религій. Въ то время, когда коронованные похитители престола властвовали въ Мемфисѣ, Ѳивы медленно подготовляли возрожденіе страны.

Изъ глубины храма вышелъ спаситель Египта, Амосъ, изгнавшій Гиксовъ послѣ девяти вѣковъ владычества и возстановившій въ своихъ правахъ египетскую науку и религію Озириса.

Такимъ образомъ, мистеріи спасли душу Египта въ періодъ чужеземнаго ига, и это имѣло значеніе не для одного Египта, а для блага всего человѣчества. И такъ велика была сила ихъ дисциплины и могущество посвященія, что онѣ сохранили въ цѣлости лучшія нравственныя силы египетскаго народа, наиболѣе одаренный цвѣтъ его интеллигенціи.

Древнее посвященіе основывалось на представленіи о человѣкѣ одновременно и болѣе здоровомъ, и болѣе возвышенномъ, чѣмъ наше представленіе. Мы раздробили воспитаніе тѣла, ума и души. Наши физическія и естественныя науки, достигшія сами по себѣ большой высоты, совершенно устранили человѣческую душу и ея воздѣйствіе на окружающее; религія перестала удовлетворять требованіямъ разума, медицина не хочетъ знать ни о душѣ, ни о духѣ человѣка. Современный человѣкъ ищетъ удовольствія безъ счастія, счастія безъ знанія и знанія безъ мудрости.

Древній міръ не допускалъ, чтобы эти вещи раздѣлялись. Во всѣхъ областяхъ принималась имъ въ расчетъ тройная природа человѣка. Посвященіе было постепеннымъ поднятіемъ всего человѣческаго существа на головокружительныя высоты духа, откуда возможно господство надъ жизнью. «Чтобы достигнуть такого господства, говорили древніе мудрецы—человѣкъ нуждается въ полнѣйшемъ переплавленіи всего своего существа, физическаго, нравственнаго и умственнаго; передѣлка же эта возможна лишь при одновременномъ упражненіи воли, интуиціи и разума. Посредствомъ ихъ полнаго согласованія человѣкъ можетъ развить свои способности до неограниченныхъ предѣловъ. Душа обладаетъ не проснувшимися чувствами; посвященіе будитъ ихъ. Благодаря углубленному изученію и неутомимому прилежанію, человѣкъ можетъ войти въ сознательныя сношенія съ скрытыми силами природы. Болѣе того, великимъ душевнымъ усиліемъ онъ можетъ достигнуть непосредственнаго духовнаго вѣдѣнья, открыть передъ собой дорогу въ потусторонній міръ и быть способнымъ проникнуть туда. И лишь тогда онъ можетъ сказать, что побѣдилъ судьбу и завоевалъ для себя даже здѣсь, на землѣ, божественную свободу. Тогда только посвященный можетъ стать посвятителемъ, пророкомъ и теургомъ, иными словами—ясновидящимъ и создателемъ душъ. Ибо только тотъ, кто господствуетъ надъ самимъ собою, можетъ господствовать надъ другими; только тотъ, кто самъ свободенъ, можетъ приводить къ свободѣ другихъ».

Такъ думали древніе посвященные. Наиболѣе великіе изъ нихъ и жили, и поступали на основаніи этихъ мыслей. Слѣдовательно,

истинное посвященіе было совсѣмъ не мечтой, а чѣмъ-то гораздо болѣе значительнымъ, чѣмъ обыкновенное научное обученіе; это было *творческое созиданіе души ея собственными усиліями*, ея раскрытіе на высшемъ космическомъ планѣ, ея расцвѣтаніе въ высшихъ условіяхъ бытія.

Постараемся же перенестись во времена Рамзеса, въ эпоху Моисея и Орфея, за тысячу триста лѣтъ до христіанской эры, и попробуемъ проникнуть въ самое сердце египетскаго посвященія. Покрытые іероглифами памятники, книги Гермеса, іудейскія и греческія *) преданія дадутъ намъ возможность оживить его восходящія ступени и составить представленіе объ его высочайшихъ откровеніяхъ.

Глава III.

Изида.—Посвященіе.—Испытанія.

Во времена Рамзеса египетская цивилизація достигла вершины своей славы. Фараоны двадцатой династіи, ученики и меченосцы святилищъ, героически выдерживали борьбу противъ Вавилона. Египетскіе стрѣлки не давали покоя Ливійцамъ, Бодонамъ и Нумидійцамъ и гнали ихъ до самаго центра Африки. Флотъ изъ четырехсотъ кораблей преслѣдовалъ союзъ схизматиковъ до самаго впаденія въ Индъ. Чтобы лучше противостоять нападенію Ассирійцевъ и ихъ союзниковъ, Рамзесы провели стратегическія дороги до самаго Ливана и построили цѣпь крѣпостей между Магеддо и Каркемишъ. Нескончаемые караваны двигались по пустынѣ изъ Радазіи въ Элефантину. Архитектурныя работы совершались безостановочно, и для этого были собраны рабочіе съ трехъ частей свѣта. Большая зала Карнака, въ которой каждая колонна достигала высоты вандомской колонны, была возстановлена; Абидосскій храмъ обогащался чудесами скульптуры, а «царская долина» величественными памятниками. Постройки шли и въ Бубастѣ, и въ Луксорѣ, и въ Спеозѣ Ибсамбулѣ. Въ Ѳивахъ тріумфальный пилонъ напоминалъ о взятіи Кадеша. Въ Мемѳисѣ поднимался Рамессеумъ, окруженный цѣлымъ лѣсомъ обелисковъ, статуй, гигантскихъ монолитовъ **).

Среди этой лихорадочной дѣятельности и этой ослѣпительной жизни не мало чужеземцевъ, стремившихся къ мистеріямъ, приплывали изъ отдаленной малой Азіи или изъ гористой Фракіи въ Египетъ,

*) Jamblixoy περὶ Μυστηρίων λόγος.

**) Памятникъ изъ цѣльнаго камня.

привлеченные славой его храмовъ. Высаживаясь въ Мемѳисѣ, они бывали потрясены развертывавшейся передъ ними картиной: памятники, всевозможныя зрѣлища, народныя празднества, все производило на прибывшихъ впечатлѣніе изобилія и величія. Послѣ церемоніи царскаго посвященія, происходившаго въ тайникахъ святилища, они видѣли, какъ фараонъ выходилъ изъ храма къ народу, какъ онъ передъ несмѣтной народной толпой поднимался на большой щитъ, несомый двѣнадцатью носителями опахалъ изъ числа его тѣлохранителей. Впереди двѣнадцать молодыхъ жрецовъ несли на подушкахъ, вышитыхъ золотомъ, царскіе знаки: царскій скипетръ съ головою овна, мечъ, лукъ и булаву. Позади слѣдовали дворъ и жреческія коллегіи, сопровождаемыя посвященными въ великія и малыя мистеріи. Первосвященники носили бѣлую тіару и ихъ нагрудникъ сверкалъ и переливался символическими драгоцѣнными камнями. Сановники двора несли знаки Агнца, Овна. Льва, Лилии и Пчелы, подвѣшенные на массивныхъ цѣпяхъ художественной работы. Различныя корпораціи съ своими эмблемами и развернутыми знаменами замыкали шествіе *).

По ночамъ великолѣпно расцвѣченныя барки скользили по искусственнымъ озерамъ, и на нихъ помѣщались царскіе оркестры, посреди которыхъ виднѣлись—въ позахъ священнаго танца—танцовщицы и играющія на теорбахъ (лютняхъ).

Но не этого подавляющаго великолѣпія искалъ пришлый чужеземецъ. Жажда проникнуть въ тайны вещей—вотъ что привлекало его въ Египетъ. Ему было извѣстно, что въ его святилищахъ жили маги, іерофанты, владѣющіе божественной наукой. Его влекло желаніе пріобщиться къ тайнамъ боговъ. Онъ слышалъ отъ жреца своей страны о *Книгѣ Мертвыхъ*, объ этомъ таинственномъ свиткѣ, который клали подъ голову муміи какъ священное причастіе, и въ которомъ, подъ символической формой, излагалось потустороннее странствіе души, какъ оно передавалось жрецами Аммона-Ра.

Онъ слушалъ съ жаднымъ вниманіемъ и внутреннимъ трепетомъ, смѣшаннымъ съ сомнѣніемъ, разсказы о долгомъ странствіи души послѣ смерти; объ ея искупительныхъ страданіяхъ въ области палящаго огня; объ очищеніи ея астральной оболочки; о ея встрѣчѣ съ дурнымъ кормчимъ, сидящимъ въ лодкѣ съ повернутой назадъ головой, и съ добрымъ кормчимъ, смотрящимъ прямо въ лицо; о ея появленіи

---

*) Подобныя зрѣлища изображены на стѣнахъ царскихъ гробницъ; снимокъ съ такихъ изображеній имѣется въ книгѣ Франсуа Ленорманъ, описаніе ихъ имѣется также въ книгѣ „*la Mission des Juifs*" Saint Ives d'Alveydre (глава объ Египтѣ).

въ судъ передъ сорока двумя земными судьями; о ея оправданіи Тотомъ; и наконецъ, о ея вступленіи въ свѣтъ Озириса и преображеніи въ его лучахъ.

Мы можемъ судить о вліяніи этой книги и о томъ переворотѣ, который египетское посвященіе производило въ умахъ, по слѣдующему отрывку изъ *Книги Мертвыхъ*. «Эта глава была найдена въ Гермополисѣ, написанная голубымъ на алебастровой плиткѣ, у ногъ бога Тота (Гермеса), во времена царя Менкары, княземъ Гастатефомъ, когда послѣдній путешествовалъ для провѣрки храмовъ. Онъ отнесъ камень въ храмъ царей. О, великая тайна! Онъ пересталъ видѣть, онъ пересталъ слышать, когда онъ прочелъ эту чистую и святую главу, и онъ не приближался болѣе ни къ одной женщинѣ и не ѣлъ болѣе мяса животныхъ и рыбъ» *).

Что же было истиннаго въ этихъ волнующихъ разсказахъ, въ этихъ священныхъ образахъ, позади которыхъ трепетала страшная тайна потусторонняго міра? «Изида и Озирисъ знаютъ о томъ!»—отвѣчали ему на это. Но кто же были эти боги, о которыхъ жрецы упоминали не иначе, какъ приложивъ палецъ къ устамъ? Чтобы получить на это отвѣтъ, чужеземецъ стучался въ двери великаго храма Ѳивъ или Мемѳиса.

Служители вводили его подъ портикъ внутренняго двора, огромныя колонны котораго казались гигантскими лотосами, поддерживающими своею силой и чистотой солнечный Ковчегъ, храмъ Озириса. Іерофантъ подходилъ къ вновь пришедшему. Величіе его облика, спокойствіе его лица, тайна его непроницаемыхъ глазъ, свѣтящихся внутреннимъ свѣтомъ, производили сильное впечатлѣніе на новичка. Взглядъ Іерофанта проникалъ какъ остріе копья. Чужеземецъ чувствовалъ себя лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, передъ которымъ невозможно что-либо скрыть.

Жрецъ Озириса вопрошалъ пришедшаго объ его родномъ городѣ, объ его семьѣ и о томъ храмѣ, гдѣ онъ получилъ свои познанія. Если послѣ этой короткой, но приникновенной провѣрки онъ оказывался недостойнымъ приблизиться къ мистеріямъ, молчаливымъ, но непреклоннымъ жестомъ ему указывали на дверь.

Если же Іерофантъ находилъ въ ищущемъ искреннее исканіе истины, онъ предлагалъ ему слѣдовать за собой. И тогда они проходили черезъ портики, черезъ внутренніе дворы, черезъ аллею, высѣченную въ скалѣ, открытую сверху и окаймленную обелисками и

---

*) **Книга Мертвыхъ, гл. LXIV.**

сфинксами, которая вела къ небольшому храму, служившему входомъ въ подземныя пещеры. Дверь ведущая къ нимъ, была закрыта статуей Изиды въ натуральную величину. Богиня изображалась сидящею съ закрытой книгой на колѣняхъ, въ позѣ глубокаго размышленія. Лицо ея было закрыто; подъ статуей виднѣлась надпись: *ни единый смертный не поднималъ моего покрывала.*

«Вотъ дверь въ тайное святилище,—говорилъ Іерофантъ.—Посмотри на эти двѣ колонны. Красная представляетъ восхожденіе духа къ свѣту Озириса; темная означаетъ его плѣненіе въ матеріи и паденіе его можетъ окончиться полнымъ уничтоженіемъ. Каждый прикасающійся къ нашему ученію, ставитъ на ставку свою жизнь. Безуміе или смерть, вотъ что находитъ здѣсь слабый или порочный; одни лишь сильные и добрые находятъ здѣсь жизнь и безсмертіе. Много легкомысленныхъ вошли этой дверью и не вышли живыми изъ нея. Это—бездна, которая возвращаетъ назадъ лишь смѣлыхъ духомъ. Подумай основательно о томъ, куда ты направляешься, объ опасностяхъ, которыя ожидаютъ тебя. И если твое мужество несовершенно, откажись отъ своего желанія. Ибо послѣ того, какъ эта дверь закроется за тобой, отступленіе уже невозможно».

Если чужеземецъ продолжалъ настаивать, Іерофантъ отводилъ его во внѣшній дворъ и передавалъ служителямъ храма, съ которыми онъ долженъ былъ провести недѣлю, отбывая самыя смиренныя работы, слушая гимны и производя омовенія. При этомъ онъ долженъ былъ сохранять абсолютное молчаніе.

Когда наступалъ вечеръ испытаній, два неокора *) или помощника отводили его къ двери тайнаго святилища. Входомъ служили совершенно темныя сѣни безъ видимаго выхода. Съ двухъ сторонъ этой темной залы чужестранецъ различалъ при свѣтѣ факеловъ рядъ статуй съ человѣческими тѣлами и съ головами животныхъ: львовъ, быковъ, хищныхъ птицъ и змѣй, которыя, казалось, смотрѣли на него оскаливъ зубы. Въ концѣ этого темнаго прохода, черезъ который шли въ глубокомъ молчаніи, находилась мумія и человѣческій скелетъ въ стоячемъ положеніи другъ противъ друга. Молчаливымъ жестомъ оба неокора указывали вступающему отверстіе въ стѣнѣ какъ разъ противъ него. Это былъ входъ въ корридоръ, настолько низкій, что проникнуть туда можно было только согнувшись и передвигаясь на колѣняхъ.

---

*) Мы даемъ здѣсь всѣ египетскія названія въ греческомъ переводѣ, болѣе легкомъ для европейцевъ.

— Ты еще можешь вернуться назадъ,—произносилъ одинъ изъ неокоровъ.—Дверь святилища еще не заперта. Иначе ты долженъ продолжать свой путь черезъ это отверстіе и уже безвозвратно.—

Если вступающій не отступалъ, ему давали въ руку маленькую зажженную лампу. Неокоры удалялись, съ шумомъ закрывая за собою двери святилища.

Колебаться было безполезно; нужно было вступить въ корридоръ. Лишь только онъ проникалъ туда, ползя на колѣняхъ съ лампой въ рукѣ, какъ въ глубинѣ подземелья раздавался голосъ: «здѣсь погибаютъ безумные, которые жадно восхотѣли знанія и власти».

Благодаря акустическому приспособленію, эхо повторяло эти слова черезъ опредѣленные промежутки семь разъ. Но подвигаться было все же необходимо; корридоръ расширялся, спускаясь все болѣе и болѣе крутымъ наклономъ. Подъ конецъ передъ путникомъ раскрывалось воронкообразное отверстіе. Въ отверстіи виднѣлась висячая желѣзная лѣстница; онъ спускался по ней. Достигнувъ послѣдней ступеньки, смѣлый путникъ погружалъ взоры въ бездонный колодецъ. Его маленькая лампа, которую онъ сжималъ въ рукѣ, бросала блѣдный свѣтъ въ страшную темноту. Что было дѣлать ему? Возвратъ на верхъ былъ невозможенъ; внизу ожидало паденіе въ темноту, въ устрашающую ночь.

Въ эту минуту великой нужды онъ замѣчалъ слѣва углубленіе въ стѣнѣ. Держась одной рукой за лѣстницу, а другой протягивая свою лампу, онъ—при ея свѣтѣ—замѣчалъ ступеньки, слабо выдѣлявшіяся въ отверстіи. Лѣстница! Онъ угадывалъ въ ней спасеніе и бросался туда. Лѣстница вела наверхъ; пробитая въ скалѣ, она поднималась спиралью. Въ концѣ ея путникъ видѣлъ передъ собой бронзовую рѣшетку, ведущую въ широкую галлерею, поддерживаемую большими каріатидами. Въ промежуткахъ между каріатидами виднѣлись на стѣнѣ два ряда символическихъ фресокъ, по одиннадцати съ каждой стороны, нѣжно освѣщаемыя хрустальными лампами, которыя были утверждены въ поднятыхъ рукахъ прекрасныхъ каріатидъ.

Магъ, называемый пастофоръ (хранитель священныхъ символовъ), открывалъ рѣшетку передъ посвященнымъ, принимая его съ благосклонной улыбкой. Онъ поздравлялъ его съ благополучнымъ окончаніемъ перваго испытанія, затѣмъ, проходя съ нимъ по галлереѣ, объяснялъ ему смыслъ священной живописи. Подъ каждой изъ картинъ виднѣлись буква и число. Двадцать два символа изображали двадцать двѣ первыя тайны (arcanes) и составляли азбуку оккультной науки,

т. е. абсолютные принципы, ключи, которые становятся источникомъ мудрости и силы, если приводятся въ дѣйствіе волей.

Эти принципы запечатлѣвались въ памяти благодаря ихъ соотвѣтствію съ буквами священнаго языка и съ числами связанными съ этими буквами. Каждая буква и каждое число выражаютъ на этомъ языкѣ троичный законъ, имѣющій свое отраженіе въ мірѣ *божественномъ*, въ мірѣ *разума* и въ мірѣ *физическомъ*.

Подобно тому, какъ палецъ, трогающій струну на лирѣ, заставляя звучать одну ноту въ гаммѣ, приводитъ въ колебаніе и всѣ гармонирующіе съ нею тона, такъ и умъ, созерцающій свойства числа, и голосъ, произносящій букву съ сознаніемъ всего ея значенія, вызываютъ силу, которая отражается во всѣхъ трехъ мірахъ.

Такимъ образомъ буква А, которая соотвѣтствуетъ единицѣ, выражаетъ *въ божественномъ мірѣ*: Абсолютную Сущность, изъ которой происходятъ всѣ существа; *въ мірѣ разума*: единство—источникъ и синтезъ чиселъ; *въ мірѣ физическомъ:* человѣка, вершину земныхъ существъ, могущаго, благодаря расширенію своихъ способностей, подниматься въ концентрическія сферы Безконечнаго.

Первый символъ у египтянъ носилъ изображеніе іерофанта въ бѣломъ облаченіи со скипетромъ въ рукѣ, съ золотой короной на головѣ. Бѣлое облаченіе означало чистоту, скипетръ—власть; золотая корона—свѣтъ вселенной.

Тотъ, кого подвергали испытаніямъ, былъ далекъ отъ пониманія всего окружающаго; но неизвѣданныя перспективы раскрывались передъ нимъ, когда онъ слушалъ рѣчи пастофора передъ таинственными изображеніями, которыя смотрѣли на него съ безстрастнымъ величіемъ боговъ. Позади каждаго изъ нихъ онъ провидѣлъ какъ бы молніей освѣщаемые ряды идей и образовъ, внезапно выступающихъ изъ темноты. Онъ начиналъ подозрѣвать въ первый разъ *внутреннюю суть міра*, благодаря таинственной цѣпи причинъ. Такимъ образомъ отъ буквы къ буквѣ, отъ числа къ числу, учитель объяснялъ ученику смыслъ таинственнаго состава вещей и велъ его черезъ Изиду Уранію къ *колесницѣ Озириса, отъ молніей разбитой башни къ пылающей звѣздѣ* и, наконецъ, къ *коронѣ маговъ*.

«И запомни,—говорилъ пастофоръ,—что означаетъ эта корона: всякая воля, которая соединяется съ божественной волей, чтобы проявлять правду и творить справедливость, вступаетъ еще въ этой жизни въ кругъ силы и власти надъ всѣмъ сущимъ и надъ всѣми вещами; это и есть вѣчная награда для освобожденнаго духа». Слушая эти слова учителя, посвящаемый испытывалъ и удивленіе, и страхъ, и

восторгъ. Это были первые отблески святилища и предчувствіе раскрывающейся истины казалось ему зарей какого-то небеснаго воспоминанія.

Но испытанія только еще начались. Послѣ окончанія своей рѣчи, пастофоръ открывалъ дверь, за которой былъ входъ въ сводчатый корридоръ, узкій и длинный; на дальнемъ его концѣ трещалъ и пылалъ огненный костеръ. Но вѣдь это смерть! говорилъ посвященный и смотрѣлъ на своего руководителя съ содроганіемъ. «Сынъ мой,— отвѣчалъ пастофоръ—смерть пугаетъ лишь незрѣлыя души. Въ свое время я проходилъ черезъ это пламя, какъ по долинѣ розъ». И рѣшетка, отдѣляющая галлерею символовъ, закрывалась за посвящаемымъ. Подойдя къ самому огню, онъ увидѣлъ, что пламенѣющій костеръ происходитъ отъ оптическаго обмана, создаваемаго легкими переплетеньями горящихъ смолистыхъ вѣтокъ, расположенныхъ косыми рядами на проволочныхъ рѣшеткахъ, Тропинка обозначенная между ними, позволяла быстро пройти, минуя огонь.

За испытаніемъ огнемъ слѣдовало *испытаніе водой*. Посвящаемый былъ принужденъ пройти черезъ стоячую, чернѣющую воду, освѣщенную заревомъ, падающимъ отъ оставшагося позади костра.

Послѣ этого два неокора вели его въ темный гротъ, гдѣ ничего не было видно кромѣ мягкаго ложа, таинственно освѣщеннаго блѣднымъ свѣтомъ бронзовой лампы, спускающейся съ высоты свода. Здѣсь его обсушивали, растирали, поливали его тѣло душистыми эссенціями и одѣвъ его въ льняныя ткани, оставляли въ одиночествѣ, говоря: «отдохни и ожидай іерофанта».

Посвящаемый растягивалъ свои усталые члены на пушистыхъ коврахъ великолѣпнаго ложа. Послѣ всѣхъ перенесенныхъ волненій, минута покоя казалась ему необыкновенно сладкой. Священная живопись, которую онъ только-что видѣлъ, всѣ эти таинственные образы, сфинксы и каріатиды, вереницей проходили въ его воображеніи. Почему же одно изъ этихъ изображеній снова и снова возвращалось къ нему, преслѣдуя его какъ галлюцинація?

Передъ нимъ упорно вставалъ десятый символъ, который изображалъ колесо, подвѣшенное на своей оси между двумя колоннами. Съ одной стороны на него поднимается Германубисъ, геній добра, прекрасный, какъ молодой эѳебъ; съ другой стороны—Тифонъ, геній зла, бросается головой внизъ въ пропасть. Между обоими, на самой вершинѣ колеса, виднѣется сфинксъ, держащій мечъ въ своихъ когтяхъ.

Слабые звуки отдаленной музыки, которые, казалось, исходили изъ глубины грота, заставили исчезнуть это видѣніе. Это были звуки легкіе и неопредѣленные, полные грустнаго и проникающаго томленія. Металлическій перезвонъ раздражалъ его ухо, смѣшиваясь со стонами арфы, съ пѣніемъ флейты, съ прерывающимися вздохами, подобными горячему дыханію. Охваченный огненной грезой, чужеземецъ закрывалъ глаза. Раскрывъ ихъ снова, онъ увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своего ложа видѣніе, потрясающее силою огневой жизни и дьявольскаго соблазна. Женщина, нубійка, одѣтая въ прозрачный пурпуровый газъ съ ожерельемъ изъ амулетовъ на шеѣ, подобная жрицамъ мистерій Милитты, стояла передъ нимъ, пожирая его взглядомъ и держа въ лѣвой рукѣ чашу, увитую розами.

Она была того нубійскаго типа, знойная и пьянящая чувственность котораго сосредоточиваетъ въ себѣ все мугущество животной стороны женщины: бархатистая смуглая кожа, подвижныя ноздри, полныя губы, красныя и влажныя, какъ сочный плодъ, жгучіе черные глаза, мерцающіе въ полутьмѣ.

Чужеземецъ вскочилъ на ноги, удивленный, взволнованный, не зная радоваться ему, или страшиться. Но красавица медленно подвигалась къ нему и, опуская глаза, шептала тихимъ голосомъ: «Развѣ ты боишься меня, прекрасный чужеземецъ? Я приношу тебѣ награду побѣдителей, забвеніе страданій, чашу наслажденій»...

Посвящаемый колебался; тогда, словно охваченная усталостью, Нубійка опустилась на ложе и не отрывая глазъ отъ чужеземца, окутывала его молящимъ взглядомъ, словно влажнымъ пламенемъ.

Горе ему, если онъ поддавался соблазну, если онъ склонялся къ ея устамъ и, пьянѣя, вдыхалъ тяжелое благоуханіе, поднимавшееся отъ ея смуглыхъ плечъ. Какъ только онъ дотрагивался до этой руки и прикасался губами къ этой чашѣ, онъ терялъ сознаніе въ огневыхъ объятіяхъ... Но послѣ насыщенія пробужденнаго желанія, выпитая имъ влага погружала его въ тяжелый сонъ.

При пробужденіи онъ чувствовалъ себя покинутымъ и охваченнымъ глубокимъ отчаяніемъ. Висячая лампа бросала зловѣщій свѣтъ на измятое ложе. Кто-то стоялъ передъ нимъ: это былъ іерофантъ. Онъ говорилъ ему: «Ты остался побѣдителемъ въ первыхъ испытаніяхъ. Ты восторжествовалъ надъ смертью, надъ огнемъ и водою, но ты не сумѣлъ побѣдить самого себя. Ты, дерзающій стремиться на высоты духа и познанія, ты поддался первому искушенію чувствъ и упалъ въ бездну матеріи. Кто живетъ рабомъ своей плоти, тотъ живетъ во мракѣ. Ты предпочелъ мракъ свѣту, оставайся же въ немъ!

Я предупреждалъ тебя объ ожидавшихъ тебя опасностяхъ. Ты сохранишь жизнь, но потеряешь свободу; ты останешься подъ страхомъ смерти рабомъ при храмѣ».

Если же посвящаемый опрокидывалъ чашу и отталкивалъ искусительницу, тогда двѣнадцать неокоровъ съ факелами въ рукахъ окружали его и вели торжественно въ святилище Изиды, гдѣ іерофанты въ бѣлыхъ облаченіяхъ ожидали его въ полномъ составѣ. Въ глубинѣ ярко освѣщеннаго храма находилась колоссальная статуя Изиды изъ литой бронзы съ золотой розой на груди, увѣнчанная діадемой о семи лучахъ. Она держала своего сына Горуса на рукахъ. Передъ богиней глава іерофантовъ въ пурпуровомъ облаченіи принималъ посвящаемаго, который подъ страшными заклятіями произносилъ обѣтъ молчанія и подчиненія. Вслѣдъ затѣмъ его привѣтствовали, какъ брата и будущаго посвященнаго. Передъ этими величавыми Учителями, вступившій въ храмъ Изиды чувствовалъ себя словно въ присутствіи боговъ. Переросшій себя самого, онъ входилъ въ первый разъ въ область вѣчной Истины.

Глава IV.

Озирисъ.—Смерть и Воскресеніе.

Такъ вступалъ принятый ученикъ на порогъ Истины, и теперь начинались для него длинные годы труда и обученія. Прежде чѣмъ подняться до Изиды Ураніи, онъ долженъ былъ узнать земную Изиду, подвинуться въ физическихъ наукахъ. Его врéмя раздѣлялось между медитаціями въ своей кельѣ, изученіемъ іероглифовъ въ залахъ и дворахъ храма, не уступавшаго по своей обширности цѣлому городу, и уроками учителей. Онъ проходилъ науку минераловъ и растеній, исторію человѣка и народовъ, медицину, архитектуру и священную музыку.

Въ продолженіе этого долгаго ученичества онъ долженъ былъ не только пріобрѣсти познанія, но и преобразиться, достигнуть нравственной силы путемъ отреченія.

Древніе мудрецы были убѣждены, что человѣкъ можетъ овладѣть истиной лишь тогда, когда она станетъ частью его внутренней сути, естественнымъ проявленіемъ его души. Но въ этой глубокой работѣ внутренняго творчества ученикъ предоставлялся самому себѣ. Его учителя не помогали ему ни въ чемъ, и часто удивляли его своей наружной холодностью и равнодушіемъ. Въ дѣйствительности же онъ подвергался самому внимательному наблюденію.

Его обязывали къ самымъ неумолимымъ правиламъ, отъ него требовали абсолютнаго послушанія, но передъ нимъ не раскрывали ничего, переступающаго извѣстныя границы. На всѣ его тревоги и на всѣ его вопросы отвѣчали одно: «работай и жди». И тогда онъ поддавался вспышкамъ возмущенія, горькому сожалѣнію, тяжелымъ подозрѣніямъ. Не сдѣлался ли онъ рабомъ смѣлыхъ обманщиковъ, овладѣвшихъ его волей для своихъ собственныхъ цѣлей?

Истина скрывалась отъ него, боги покидали его; онъ былъ одинокъ и въ плѣну у жрецовъ храма. Истина являлась ему подъ видомъ сфинкса, и теперь сфинксъ говорилъ: я—Сомнѣніе! И крылатый звѣрь съ безстрастной головой женщины и съ когтями льва уносилъ его, чтобы растерзать на части среди жгучихъ песковъ пустыни.

Но эти тяжелые кошмары смѣнялись часами тишины и божественнаго предчувствія. И тогда онъ начиналъ понимать символическій смыслъ испытаній, черезъ которыя онъ проходилъ, когда вступалъ въ храмъ, ибо темнѣе бездоннаго мрака того колодца, который грозилъ поглотить его, являлась бездна неизвѣданной истины; пройденный огонь былъ менѣе страшенъ, чѣмъ все еще сжигавшія его страсти. Ледяная и темная вода, въ которую онъ долженъ былъ погрузиться, была не такъ холодна, какъ сомнѣнія, затоплявшія его душу въ часы духовнаго мрака.

Въ одномъ изъ залъ храма тянулись въ два ряда священныя изображенія, такія же, какъ тѣ, что ему объясняли въ подземной пещерѣ въ ночь первыхъ испытаній; они изображали двадцать двѣ тайны бытія. На этихъ тайнахъ, которыя давали лишь угадывать на порогѣ оккультнаго обученія, основывалось все богопознаніе; но нужно было пройти черезъ все посвященіе, чтобы вполнѣ понять ихъ. Съ той первой ночи ни одинъ изъ учителей не говорилъ съ нимъ о нихъ.

Ему разрѣшалось лишь прогуливаться въ этой залѣ и размышлять надъ символическими изображеніями. Онъ проводилъ тамъ длинные часы уединенія. Посредствомъ этихъ образовъ, цѣломудренныхъ и важныхъ, невидимая и неосязаемая истина проникала медленно въ сердце ученика. Въ нѣмомъ общеніи съ этими молчаливыми божествами безъ имени, каждое изъ которыхъ—казалось—стояло во главѣ одной изъ сферъ жизни, онъ начиналъ испытывать нѣчто совершенно новое: сперва углубленіе въ суть своего существа, а затѣмъ отдѣленіе отъ земного міра, какъ бы вознесеніе надъ всѣмъ земнымъ.

Отъ времени до времени онъ обращался къ Посвященнымъ съ вопросомъ: «будетъ-ли мнѣ когда-нибудь дозволено вдохнуть розу Изиды и увидѣть свѣтъ Озириса»? На это ему отвѣчали: «Это зависитъ

не отъ насъ, истину дать нельзя. Ее можно найти или внутри самого себя, или совсѣмъ не найти. Мы не можемъ сдѣлать изъ тебя адепта, ты самъ долженъ сдѣлаться имъ. Лотосъ долго растетъ подъ водою, прежде чѣмъ раскроется его цвѣтокъ. Не ускоряй раскрытія божественнаго цвѣтка. Если раскрытіе это должно совершиться, оно настанетъ въ свое время. Работай и молись».

Послѣ этого ученикъ, одновременно и радостный и грустный, возвращался къ своимъ занятіямъ и къ своимъ размышленіямъ. Онъ испытывалъ суровое очарованіе этого одиночества, въ которомъ словно проносилось дуновеніе вѣчнаго. Такъ протекали мѣсяцы и годы. И онъ начиналъ чувствовать, какъ въ немъ медленно происходило преображеніе. Страсти, которыя раньше осаждали его, удалялись отъ него словно угасающія тѣни, а мысли, окружавшія его въ одиночествѣ, начинали привѣтствовать его какъ безсмертные друзья. Минутами онъ испытывалъ, какъ поглощалось его земное *я* и какъ возникало другое, болѣе чистое и возвышенное. И въ такія минуты онъ падалъ ницъ передъ ступенями закрытаго святилища, и въ немъ не оставалось ни возмущенія, ни желанія, ни сожалѣнія. Была лишь беззавѣтная отдача своей души божественному Началу, совершенное пожертвованіе своей личности неизмѣнной истинѣ. «О, Изида, молился онъ; душа моя— лишь слеза изъ твоихъ очей, и пусть падетъ она — подобно каплѣ росы—на душу другихъ людей, и пусть, умирая, я почувствую, какъ ея благоуханіе поднимается къ Тебѣ. Я готовъ принести себя въ жертву».

Послѣ одного изъ такихъ нѣмыхъ обращеній, передъ ученикомъ, еще погруженнымъ въ восторгъ молитвы, возникалъ— подобно видѣнію— образъ іерофанта, величественный и свѣтлый.

Учитель, казалось, читалъ въ мысляхъ ученика и проникалъ въ драму его внутренней жизни.

«Сынъ мой» говорилъ онъ, часъ приближается, когда истина будетъ открыта передъ тобой, ибо ты уже предчувствуешь ее, спускаясь въ свою собственную глубину и находя въ ней божественную жизнь. Ты вступишь въ общеніе съ посвященными, ибо ты этого заслужилъ чистотою сердца, любовью къ истинѣ и силою отреченія. Но, никто не переступалъ порога Озириса, не пройдя черезъ смерть и воскресеніе. Мы будемъ сопровождать тебя въ склепъ. Не имѣй страха, ибо ты уже одинъ изъ братьевъ нашихъ».

Въ сумерки жрецы Озириса съ факелами въ рукахъ сопровождали новаго адепта въ низкій склепъ, поддерживаемый четырьмя стол-

бами, укрѣпленными на сфинксахъ. Въ углу стоялъ открытый мраморный саркофагъ *).

«Ни одинъ человѣкъ» говорилъ іерофантъ «не можетъ избѣжать смерти, и каждая живая душа подлежитъ воскресенію. Адептъ проходитъ живымъ черезъ могилу, чтобы вступить еще при этой жизни въ сіяніе Озириса.

«Ложись же въ эту гробницу и ожидай появленія свѣта. Въ эту ночь ты долженъ побороть Страхъ и достигнуть порога Самообладанія.»

Адептъ ложится въ открытый саркофагъ, іерофантъ протягиваетъ руку, чтобы благословить его, и толпа посвященныхъ удаляется въ молчаніи изъ склепа. Маленькая лампа, поставленная на полъ, освѣщаетъ колеблющимся свѣтомъ четырехъ сфинксовъ, поддерживающихъ приземистыя колонны склепа. Раздается тихій хоръ голосовъ, печальный и заглушенный. Откуда доносится онъ? То—погребальное пѣніе!.. Оно затихаетъ, лампа бросаетъ послѣдній отблескъ свѣта и погасаетъ совсѣмъ. Адептъ остается одинъ во мракѣ, холодъ могилы проникаетъ въ него, леденитъ его члены. Онъ проходитъ постепенно черезъ всѣ страданія смерти и впадаетъ въ летаргію. Его жизнь развертывается передъ нимъ въ послѣдовательныхъ картинахъ, а земное его сознаніе становится все болѣе и болѣе смутнымъ. Но по мѣрѣ того, какъ его тѣло цѣпенѣетъ, эфирная его часть освобождается. Онъ впадаетъ въ экстазъ.

Что это за блестящая отдаленная точка, которая появляется на черномъ фонѣ мрака? Она приближается, она увеличивается, она становится звѣздою о пяти концахъ, лучи которой переливаются всѣми оттѣнками радуги и бросаютъ въ темноту снопы магнетическаго свѣта. Теперь это уже солнце, втягивающее его въ бѣлизну своего раскаленнаго центра. Что это? Магія Учителей, вызывающая это небесное видѣніе? Невидимое ли становится видимымъ? Или то предчувствіе небесной истины, пылающая звѣзда надежды и безсмертія?

---

*) Археологи въ теченіе долгаго времени считали саркофагъ большой пирамиды Гизеха за гробницу фараона Сезостриса, основываясь на показаніи Геродота, который никогда не былъ посвященнымъ и которому египетскіе жрецы не открыли ничего, кромѣ народныхъ сказаній. Но властители Египта имѣли свои гробницы въ другомъ мѣстѣ. Странное внутреннее расположеніе пирамиды доказываетъ, что она служила мѣстомъ церемоніаловъ посвященія и тайныхъ служеній жрецовъ Озириса. Тамъ находятъ *Колодецъ Истины*, который мы описали, витую лѣстницу, ведущую вверхъ, въ залу символовъ... Горница, именуемая *царской*, заключающая саркофагъ, была та самая, куда отводили посвящаемаго наканунѣ великаго посвященія. То же самое расположеніе воспроизводилось и въ великихъ храмахъ Средняго и Верхняго Египта.

Она исчезаетъ, и на ея мѣстѣ раскрывается во мракѣ цвѣтокъ, не матерьяльный, но одаренный жизнью и душой, ибо онъ раскрывается передъ нимъ подобно бѣлой розѣ; онъ развертываетъ свои листки, и посвященному видно, какъ трепещутъ живые его лепестки и какъ краснѣетъ его пламенѣющая чашечка.

Это ли цвѣтокъ Изиды, мистическая Роза мудрости, заключающая въ сердцѣ своемъ безсмертную Любовь? Но вотъ она блѣднѣетъ и таетъ, какъ благоухающее облако.

Тогда погруженный въ экстазъ чувствуетъ себя обвѣяннымъ теплымъ и ласкающимъ дуновеніемъ. Сгущаясь въ разнообразныя формы, облако постепенно превращается въ человѣческій образъ. Это—образъ женщины, Изиды тайнаго святилища, но болѣе молодой, сіящей и улыбающейся. Прозрачный покровъ обвивается вокругъ ея тѣла, которое свѣтится сквозь тонкую ткань. Въ рукѣ она держитъ свитокъ папируса. Она приближается тихо, склоняется надъ лежащимъ въ саркофагѣ посвященнымъ, и говоритъ ему: «я—твоя невидимая сестра, я—твоя божественная душа, а это—книга твоей жизни. Она заключаетъ страницы, хранящія повѣсть твоихъ прошлыхъ существованій, и бѣлыя страницы твоихъ будущихъ жизней. Придетъ день, когда я разверну ихъ всѣ передъ тобою. Теперь ты узналъ меня. Позови меня, я приду!» По мѣрѣ того, какъ она говоритъ, лучи небесной нѣжности льются изъ ея глазъ... Онъ видитъ въ нихъ обѣщаніе божественнаго, чудесное сліяніе съ высшими мірами.

Но вотъ свѣтъ погасаетъ, видѣніе покрывается мракомъ. Страшное потрясеніе... и адептъ чувствуетъ себя какъ бы сброшеннымъ въ свое собственное тѣло. Онъ пробуждается изъ летаргическаго сна; всѣ члены его сдавлены словно желѣзными кольцами; страшная тяжесть давитъ его мозгъ; онъ пробуждается... и видитъ передъ собой іерофанта съ сопровождающей его свитой. Его окружаютъ, ему даютъ выпить укрѣпляющее питье, онъ поднимается.

«Ты воскресъ къ новой жизни» говоритъ іерофантъ «идемъ вмѣстѣ съ нами на собраніе посвященныхъ и раскажи намъ свое странствіе въ свѣтломъ царствѣ Озириса. Ибо отнынѣ ты—нашъ братъ.»

Попробуемъ перенестись вмѣстѣ съ іерофантомъ и новымъ посвященнымъ на обсерваторію храма въ чудную, теплую египетскую ночь. Тамъ глава храма передавалъ новому адепту великое откровеніе въ образахъ *видѣнія Гермеса*. Это видѣніе не было записано ни на какомъ папирусѣ. Оно было отмѣчено символическими знаками на колоннахъ тайнаго склепа, извѣстнаго одному главѣ іерофантовъ.

Отъ первосвященника къ первосвященнику видѣніе это передавалось устно.

«Слушай внимательно» говорилъ іерофантъ, «видѣніе это заключаетъ въ себѣ вѣчную исторію вселенной и кругъ всѣхъ вещей.»

V.

Видѣніе Гермеса *).

«Однажды Гермесъ, долго размышлявшій надъ происхожденіемъ вещей, впалъ въ забытье. Тяжелое оцѣпенѣніе овладѣло его тѣломъ; но по мѣрѣ того, какъ оно цѣпенѣло, духъ его поднимался въ пространства. И тогда ему показалось, что Существо, необъятное по размѣрамъ, безъ опредѣленной формы, звало его по имени.—Кто ты? спросилъ Гермесъ въ испугѣ.—Я, Озирисъ, верховный Разумъ, и я могу снять покровъ со всѣхъ вещей. Что желаешь ты видѣть?—Я желаю созерцать источникъ всего сущаго, я желаю познать Бога.

И немедленно Гермесъ почувствовалъ себя залитымъ чуднымъ свѣтомъ. Въ его прозрачныхъ волнахъ проходили очаровательныя тѣни всѣхъ существъ. Но внезапно страшный мракъ, наполненный ползучими тѣнями, опустился на него. Гермесъ былъ погруженъ во влажный хаосъ, полный испареній и зловѣщаго шума. И тогда голосъ поднялся изъ глубины бездны. Это былъ *Призывъ Свѣта*. И вслѣдъ затѣмъ быстрый огонь устремился изъ влажныхъ глубинъ въ неизмѣримыя высоты эфира. Гермесъ поднялся за огнемъ въ свѣтлыя пространства. Хаосъ свивался и развертывался въ безднѣ; хоры свѣтилъ сверкали надъ его головой, и *Голосъ Свѣта* наполнялъ Безконечность.

— Понялъ ли ты видѣнное тобой?—спросилъ Озирисъ Гермеса, плѣненнаго своей мечтой.—Нѣтъ, отвѣтилъ Гермесъ.—Узнай же, что видѣла твоя душа. Ты видѣлъ пребывающее въ вѣчности. Свѣтъ, видѣнный тобою вначалѣ, есть божественный Разумъ, который все содержитъ своимъ могуществомъ и заключаетъ въ себѣ прообразы всѣхъ существъ. Мракъ, въ который ты вслѣдъ затѣмъ былъ погруженъ, есть тотъ матеріальный міръ, въ которомъ живутъ обитатели земли. Огонь же, устремившійся изъ темныхъ глубинъ, есть божественный Глаголъ. Богъ—Отецъ, Глаголъ—Сынъ, ихъ соединеніе есть Жизнь.—

*) Видѣніе Гермеса находится во главѣ книгъ *Гермеса Трисмегиста* подъ названіемъ *Poimandrès.* Древнее египетское преданіе дошло до иасъ лишь въ александрійскомъ нзложеніи, слегка нзмѣненномъ. Я пытался возстановнть этотъ важный документъ герметической доктрины въ духѣ высокаго посвященія н эзотерическаго синтеза, которые онъ и представляетъ собой.

—Какое чудо происходитъ во мнѣ!—воскликнулъ Гермесъ, я не вижу болѣе тѣлесными глазами, я вижу очами духа. Какъ могло произойти подобное чудо?—Происходитъ оно потому, отвѣчалъ Озирисъ,—что Глаголъ пребываетъ въ тебѣ. То, что въ тебѣ слышитъ, видитъ, дѣйствуетъ, есть самъ Глаголъ, священный Огонь, творческое Слово!—

— Если это такъ,—сказалъ Гермесъ,—дай мнѣ видѣть жизнь міровъ, стезю душъ, *откуда* приходитъ человѣкъ и *куда* онъ возвращается.—

— Да будетъ по желанію твоему.—

И тогда Гермесъ испыталъ снова притяженіе къ землѣ; онъ сталъ тяжелѣе камня и спустился подобно аэролиту, съ страшной быстротой проносясь черезъ пространство. Опустился онъ на вершинѣ горы. Была ночь. Обнаженная земля была окутана мракомъ. Его члены казались ему тяжелыми, словно они были изъ желѣза.—

— Подними глаза и взирай!—раздался голосъ Озириса.

И тогда Гермесъ увидалъ чудное зрѣлище. Безграничное пространство—звѣздная твердь—окружала его семью сіяющими сферами. Однимъ взглядомъ Гермесъ окинулъ семь небесъ, расширяюшихся поподобно семи прозрачнымъ, концентрическимъ шарамъ, въ звѣздномъ центрѣ которыхъ находился онъ самъ.

Центръ этотъ былъ опоясанъ млечнымъ путемъ. Въ каждой сферѣ вращалась планета, сопровождаемая Геніемъ, отличнымъ по формѣ, знаку и свѣту. Въ то время какъ пораженный Гермесъ созерцалъ ихъ расцвѣтаніе и ихъ величавое движеніе, голосъ говорилъ:

— Взирай, слушай и понимай. Передъ тобой семь сферъ, обнимающія всѣ ступени жизни. Въ ихъ предѣлахъ происходитъ паденіе и восхожденіе душъ. Семь Геніевъ суть семь лучей Глагола-Свѣта. Каждый изъ нихъ господствуетъ надъ одной сферой Духа, надъ одной ступенью въ жизни души. Ближайшій отъ тебя есть Геній Луны, съ безпокойной улыбкой, вѣнчанный серебристымъ серпомъ. Онъ управляетъ рожденіями и смертями. Онъ освобождаетъ душу изъ тѣла и притягиваетъ ее въ кругъ своего вліянія. Надъ нимъ блѣдный Меркурій указываетъ своимъ кадуцеемъ путь душамъ, спускающимся и поднимающимся. Еще выше, блистающая Венера держитъ зеркало Любви, въ которомъ души попеременно забываютъ и узнаютъ другъ друга. Поверхъ ея Геній Солнца поднимаетъ факелъ торжества вѣчной Красоты. Еще выше Марсъ потрясаетъ мечемъ Правосудія. На престолѣ лазурной сферы, Юпитеръ держитъ скипетръ верховнаго могущества, который есть Божественный Разумъ. На границахъ все-

ленной, подъ знаками зодіака, Сатурнъ несетъ державу всемірной Мудрости» *).

— Я вижу, сказалъ Гермесъ,—семь областей, заключающихъ въ себѣ міръ видимый и невидимый; я вижу семь лучей Глагола-Свѣта, единаго Бога, который господствуетъ посредствомъ нихъ. Но, о, Господи, какъ осуществляется странствіе человѣка черезъ всѣ эти міры?

— Видишь—раздался голосъ Озириса,—свѣтящійся посѣвъ, который ниспадаетъ изъ предѣловъ млечнаго пути въ седьмую сферу? Это—зародыши душъ человѣческихъ. Онѣ живутъ, какъ легкія облака въ царствѣ Сатурна, счастливыя, беззаботныя, но не сознающія своего счастья. Но, опускаясь изъ сферы въ сферу, онѣ облекаются въ оболочки все болѣе тяжелыя. Въ каждомъ воплощеніи онѣ пріобрѣтаютъ новое тѣлесное чувство, соотвѣтствующее обитаемой средѣ. Ихъ жизненная энергія увеличивается; но, по мѣрѣ того, какъ онѣ проникаютъ въ тѣла все болѣе плотныя, онѣ теряютъ воспоминаніе о своемъ небесномъ происхожденіи. Такъ совершается паденіе душъ, появляющихся изъ божественнаго Эфира. Все болѣе и болѣе закованныя въ матерію, все болѣе опьяненныя жизнью, онѣ низвергаются, подобно огненному дождю, съ содроганіями страсти, черезъ области Страданія, Любви и Смерти, въ глубину земной своей темницы. Въ такой же темницѣ и ты стонешь, удерживаемый огненнымъ центромъ земли, и изъ этой темницы божественная жизнь представляется тебѣ лишь тщетнымъ сномъ.

— Могутъ ли души умирать?—спросилъ Гермесъ.

— Да, отвѣтилъ голосъ Озириса, многія погибаютъ, спускаясь въ матерію. Душа есть дочь небесъ, и ея странствіе есть испытаніе. Если въ своей безудержной любви къ матеріи она потеряетъ воспоминаніе о своемъ происхожденіи, таившаяся въ ней божественная искра, способная превратиться въ сіяющую звѣзду, возвращается обратно въ эфирное пространство, и душа разсѣвается въ вихряхъ грубыхъ элементовъ.—

При этихъ словахъ Озириса Гермесъ затрепеталъ, ибо страшная бушующая буря окружила его чернымъ облакомъ со всѣхъ сторонъ. Семь сферъ исчезли въ густыхъ туманахъ. Онъ увидалъ въ нихъ тѣни людей, бьющихся и испускающихъ страшные крики; ихъ хватали

---

*) Само собой разумѣется, что эти божества иначе назывались у Египтянъ. Но семь космогоническихъ божествъ совпадаютъ во всѣхъ миѳологіяхъ и по смыслу, и по атрибутамъ. Ихъ общій корень въ древнемъ эзотерическомъ преданіи. Такъ какъ западное преданіе приняло латинскія имена, мы и сохраняемъ ихъ для большей ясности.

и разрывали на части призраки чудовищъ и животныхъ посреди невыразимыхъ стоновъ и проклятій...

— Такова—раздался голосъ Озириса—судьба душъ неисправимо злыхъ и низкихъ. Ихъ мученіе кончается лишь съ ихъ уничтоженіемъ, которое есть потеря всякаго сознанія. Но взирай: туманы разсѣиваются, семь сферъ появляются вновь. Посмотри съ этой стороны. Видишь ты этотъ рой душъ, пытающійся подняться въ лунную сферу? Однѣ изъ нихъ падаютъ на землю, смѣтенныя вихремъ, какъ стая птицъ подъ напорами бури, другія, сильными движеніями крыльевъ достигаютъ высшей сферы, которая и увлекаетъ ихъ въ своемъ вращеніи.

Достигая ея, души снова начинаютъ узнавать божественное. Но на этотъ разъ онѣ не удовлетворяются возможностью отражать его въ однѣхъ лишь мечтахъ о недостижимомъ счастіи. Онѣ проникаются имъ, впитываютъ его въ себя, удерживаютъ его съ ясностью сознанія, просвѣтленнаго страданіемъ, съ энергіей воли, выкованной въ борьбѣ. Онѣ становятся свѣтлыми, ибо онѣ хранятъ въ себѣ божественное и излучаютъ его въ своихъ проявленіяхъ. Укрѣпи же свою душу, Гермесъ, и да прояснится твой затуманенный духъ, при видѣ этихъ летящихъ душъ, поднимающихся до седьмой сферы и разсыпающихся тамъ подобно снопамъ искръ, ибо и ты можешь послѣдовать за ними; для этого необходимо лишь одно: *желаніе подняться.*

— Взгляни, какъ онѣ роятся и, описывая круги, соединяются въ божественные хоры. Каждая приближается къ *своему* генію. Наиболѣе прекрасныя пребываютъ въ области Солнца, наиболѣе сильныя устремляются къ Сатурну. И лишь немногія поднимаются до самого Отца, становясь среди совершенныхъ сами совершенными; ибо тамъ, гдѣ все кончается, все начинается вѣчно, и всѣ семь сферъ возглашаютъ: «Мудрость! Любовь! Правосудіе! Красота! Слава! Знаніе! Безсмертіе!—

— Вотъ что видѣлъ древній Гермесъ—говорилъ іерофантъ—и что передали намъ его преемники. Слова мудреца подобны семи нотамъ лиры, заключающимъ въ себѣ всю полноту музыки, вмѣстѣ съ числами и законами вселенной. Видѣніе Гермеса походитъ на небо, неизмѣримыя глубины котораго усѣяны созвѣздіями. Для ребенка это—синій сводъ съ золотыми гвоздями; для мудреца это—безграничное пространство, въ которомъ вращаются міры въ чудномъ и таинственномъ ритмѣ. Въ этомъ видѣніи заключаются знаки, числа и ключи, отмыкающіе все сущее; чѣмъ болѣе ты научишься созерцать и понимать это видѣніе, тѣмъ болѣе будутъ раздвигаться передъ тобой его границы, ибо одинъ и тотъ же основной законъ управляетъ всѣми мірами.—

И пророкъ храма начиналъ объяснять священные тексты. Онъ сообщалъ, что доктрина Глагола-Свѣта представляетъ Бога въ состояніи *полнаго равновѣсія;* онъ доказывалъ его тройственную природу, которая въ одно и то же время и разумъ, и сила, и матерія; духъ, душа и тѣло; свѣтъ, глаголъ и жизнь. Сущность, проявленіе и вещество—вотъ что образуетъ законъ тройственнаго единства, сверху до низу дѣйствующій во всей вселенной.

Приведя, такимъ образомъ, своего ученика къ идеальному центру мірозданія, къ началу творческому, Учитель развертывалъ его сознаніе во времени и пространствѣ и во всемъ разнообразіи расцвѣтанія жизни, ибо вторая часть видѣнія Гермеса изображаетъ Бога въ *состояніи динамическомъ,* т. е. въ процессѣ дѣятельной эволюціи видимой и невидимой вселенной.

Семь сферъ, соединенныхъ съ семью планетами, символизируютъ семь жизненныхъ началъ, семь различныхъ состояній матеріи и духа, семь міровъ солнечной системы, черезъ которые каждый человѣкъ долженъ пройти въ теченіе своей эволюціи. Семь Геніевъ или семь космогоническихъ Божествъ являются владыками и представителями каждой изъ семи сферъ, при чемъ сами они представляютъ собою наивысшіе плоды предшествующей эволюціи.

Такимъ образомъ, каждое изъ Божествъ было для древняго посвященнаго символомъ и покровителемъ легіона духовъ, воспроизводящихъ его типъ въ безконечномъ разнообразіи формъ, и которое, изъ своей сферы, могло оказывать вліяніе на человѣка и на земныя дѣла.

Семь Геніевъ видѣнія Гермеса суть семь Девъ Индіи, семь Амешаспент'овъ Персіи, семь великихъ ангеловъ Халдеи, семь Сефиротовъ *) Каббалы, семь Архангеловъ христіанскаго Апокалипсиса. И всеобщая семиричность нашей вселенной отражается не только въ семи нотахъ гаммы, она проявляется также и въ строеніи человѣка, который троиченъ по существу, но семириченъ по своей эволюціи **).

---

*) Изъ десяти Сефиротовъ Каббалы три первые являются единой божественной Троицей, а остальные семь представляютъ эволюцію вселенной.

**) Мы даднмъ здѣсь египетскія выраженія семирнчнаго состава человѣка, которыя повторяются и въ Каббалѣ: *Chat*—фнзическое тѣло, *Anch*—жизненная снла, *Ka*—астральиое тѣло, *Hati*—животная душа, *Bai*—разумная душа, *Cheybi*—духовная душа, *Kou*—божественный духъ, соотвѣтствующій δαίμονες, ἥρωες илн ψυχαί ἄχραντοι грековъ. Развнтіе этихъ основныхъ ндей эзотерическаго ученія читатель найдетъ въ книгѣ „Орфей“, н въ особенности въ кннгѣ „Пиѳагоръ“.

— Такимъ образомъ—говорилъ іерофантъ—ты проникъ до самаго порога великой тайны. Божественная жизнь предстала предъ тобой подъ призраками реальности. Гермесъ показалъ тебѣ невидимое небо, свѣтъ Озириса, Бога, скрытаго во вселенной, дышащаго милліонами душъ, которыми онъ оживляетъ движущіяся планеты. Отъ тебя зависитъ нынѣ избрать путь восхожденія къ царству чистаго духа, ибо отнынѣ ты принадлежишь къ *воскресшимъ изъ мертвыхъ*. Не забывай, что наука обладаетъ двумя главными ключами. Вотъ первый изъ нихъ: «Внѣшнее подобно внутреннему; малое таково же, какъ и большое; законъ одинъ для всего. Нѣтъ ничего малаго и нѣтъ ничего великаго въ божественной экономіи». Вотъ второй ключъ: «Люди—смертные боги, а боги—безсмертные люди». Счастливъ тотъ, кто понимаетъ эти слова, ибо понявъ ихъ, онъ овладѣетъ ключомъ ко всему. Не забывай, что законъ таинства покрываетъ собою великую истину. Полное знаніе можетъ быть открыто лишь тѣмъ изъ нашихъ братій, которые прошли черезъ тѣ же испытанія, что и мы. Раскрывать истину слѣдуетъ въ мѣру разума, прикрывая ее передъ слабыми, чтобы не свести ихъ съ ума, пряча ее отъ злыхъ, чтобы они не могли схватить ея отрывки и сдѣлать изъ нихъ орудіе разрушенія. Замкни ее въ сердцѣ своемъ и да проявится она черезъ дѣла твои. Знаніе будетъ твоей силой, вѣра—твоимъ мечомъ, а молчаніе—твоими непроницаемыми доспѣхами.—

Откровенія пророка Аммона-Ра, который раскрывалъ передъ новымъ посвященнымъ столь обширные горизонты и давалъ ему пониманіе и собственной природы, и вселенной, производили безъ сомнѣнія глубокое впечатлѣніе; особенно если имѣть въ виду, что они давались на обсерваторіи Ѳивскаго храма, въ свѣтлой тишинѣ египетской ночи. Колоннады, крыши и бѣлыя террасы храмовъ дремали у его ногъ между темными чащами смоковницъ и тамариндовъ. На берегу тихаго озера коллоссальныя статуи боговъ стояли рядами, какъ неподкупные судьи, застывшіе въ задумчивомъ молчаніи.

Три пирамиды, геомитрически изображавшія тетраграммъ и священное семиричное число, поднимались на горизонтѣ, выдѣляясь своими треугольниками въ сѣроватомъ воздухѣ лѣтней ночи. Неизмѣримый небосводъ сверкалъ миріадами звѣздъ.

Какъ оживали передъ душой ученика эти свѣтила, мѣсто его будущаго пребыванія! И когда золотистый серпъ луны всплывалъ изъ-за темнозеркальной поверхности Нила, который, подобно длинной голубоватой змѣѣ, терялся за горизонтомъ, молодому посвященному казалось, что онъ видитъ барку Изиды, несущую души усопшихъ въ сіяніе Озириса.

Онъ вспоминалъ содержаніе *Книги Мертвыхъ,* и смыслъ всѣхъ этихъ символовъ разоблачался теперь передъ его сознаніемъ. Послѣ всего, что онъ увидѣлъ и узналъ, онъ легко могъ вообразить себя въ сумрачной области *Аменти*, въ таинственномъ междуцарствіи, слѣдующемъ за жизнью земной и предшествующемъ жизни небесной, гдѣ умершіе, вначалѣ лишенные зрѣнія и рѣчи, снова овладѣваютъ способностью видѣть и говорить. И онъ также готовъ предпринять великое странствіе, путь безконечности черезъ различные міры и многочисленныя существованія.

Уже Гермесъ оправдалъ его и призналъ достойнымъ. Онъ далъ ему разгадку великой тайны: «Единая душа, великая душа ВСЕЕ'ТО зачала, отдѣливъ отъ себя, всѣ души, которыя наполняютъ своимъ стремленіемъ вселенную». Вооруженный знаніемъ тайны, онъ вступалъ въ барку Изиды. Она отправлялась въ путь. Поднятая въ эфирныя высоты, она плавала въ межзвѣздныхъ пространствахъ. Уже могучіе лучи великой зари пронизывали лазурные покровы небесъ, уже хоры просвѣтленныхъ духовъ, *Akhimou-Sèkou,* достигшихъ вѣчнаго покоя, пѣли: «Пробудись, *Ra-Hermakouti!* Солнце духовъ! Находящіеся въ баркѣ объяты трепетомъ! Несутся возгласы отъ нихъ, плывущихъ на *баркѣ милліоновъ лѣтъ*. Великій божественный кругъ, славословя священную барку, наполняется радостью. Восторгъ проникаетъ въ таинственное святилище. О, поднимись *Ammon-Ra Hermakouti*! Самотворящее Солнце! На что посвященный отвѣчалъ слѣдующими гордыми словами: «я достигъ страны истины и оправданія. Я воскресъ, какъ живой Богъ, и я сіяю въ хорѣ Боговъ-Небожителей, ибо я изъ ихъ породы».

Подобныя гордыя мысли и дерзновенныя надежды посѣщали духъ адепта въ ночь, которая слѣдовала за мистической церемоніей воскресенія изъ мертвыхъ. На другой день, когда онъ ходилъ по аллеямъ храма, освѣщеннымъ ослѣпительнымъ солнцемъ, эта ночь казалась ему лишь сновидѣніемъ, мечтой, но какой незабываемой мечтой осталось въ его душѣ это первое проникновеніе въ невидимые міры!

Снова читалъ онъ надпись на статуѣ Изиды: «Ни одинъ смертный не поднималъ моего покрывала». И все же одинъ край покрывала *былъ* приподнятъ, хотя бы для того, чтобы немедленно опуститься снова. Онъ же проснулся вновь въ обители могилъ, и какъ безконечно далеко казалось ему достиженіе его сна, ибо долгъ путь, совершаемый на *баркѣ милліоновъ лѣтъ*! И, тѣмъ не менѣе, онъ все же проникнулъ въ тайну конечной цѣли. Его видѣніе потустороннято міра могло быть лишь сномъ, незрѣлымъ наброскомъ воображенія,

еще отяжелѣвшаго отъ испареній земли, но могъ ли онъ сомнѣваться въ этомъ новомъ сознаніи, раскрывавшемся внутри его, въ этомъ таинственномъ *двойникѣ*, въ этомъ божественномъ Я, которое появилось передъ нимъ въ своей сіяющей красотѣ какъ живой образъ, говорившій съ нимъ во время его сна? Была ли то родная ему душа, былъ ли то его Геній, или это было лишь отраженіе скрытой глубины его духа, предчувствіе его будущаго бытія?

Это чудо и эта тайна были все же реальностью, и если это была его собственная душа, она все же была его истинной душой. Чтобы снова найти ее, чего бы ни сдѣлалъ онъ! И если бы онъ жилъ тысячелѣтія, онъ не могъ бы забыть этого божественнаго часа, когда увидѣлъ свое истинное Я, сіяющее и чистое *).

Посвященіе было окончено. Адептъ былъ посвященъ въ жрецы Озириса. Если онъ былъ египтяниномъ, онъ оставался при храмѣ. Чужеземцу же дозволялось иногда вернуться на родину, чтобы основать тамъ новый культъ или выполнить ту или иную миссію. Но, прежде чѣмъ отправиться, онъ давалъ торжественный обѣтъ сохранять абсолютное молчаніе относительно всѣхъ храмовыхъ тайнъ. Онъ не долженъ былъ выдавать никогда и никому то, что видѣлъ и слышалъ, ни раскрывать ученія Озириса иначе, какъ подъ тройнымъ покровомъ мистерій или миѳологическихъ символовъ. Если онъ нарушалъ клятву, роковая смерть настигала его рано или поздно, гдѣ бы онъ ни былъ, тогда какъ ненарушенное молчаніе становилось щитомъ его силы.

Возвратившись на берега Іоніи въ свой кипучій городъ, живя среди толпы людей, находившихся подъ властью своихъ страстей и не сознававшихъ своего истиннаго я, онъ часто возвращался мыслью въ Египетъ, къ пирамидамъ, къ храму Аммона-Ра. И тогда къ нему возвращались видѣнія склепа. И такъ же, какъ бѣлый лотосъ качается надъ волнами Нила, такъ и это чудное бѣлое видѣніе всплывало надъ мутной поверхностью волнующейся земной жизни. Въ часы вдохновенія онъ слышалъ голосъ, и это былъ голосъ Свѣта. Пробуждая въ глубинѣ его существа сокровенную музыку, онъ говорилъ ему: «Душа есть свѣтъ, закрытый покрываломъ; когда за нимъ нѣтъ ухода, свѣтъ темнѣетъ и гаснетъ, когда же онъ поддерживается—какъ свѣтильня масломъ—святой любовью, онъ разгорается въ неугасимую лампаду».

---

*) По египетскому тайному ученію человѣкъ сознаетъ въ своей земной жизни лишь свою животную и свою разсудочную душу, которыя носили названіе *hati* и *baï*. Высшая часть его существа—духовная душа и божественный духъ, *cheybi* и *kou*, существуютъ въ немъ въ состояніи безсознательнаго зародыша и развиваются по окончаніи земной жизни, когда онъ самъ становится Озирисомъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

МОИСЕЙ.

(МИССІЯ ИЗРАИЛЯ).

Ничего не было сокровеннаго для него, и онъ набрасывалъ покрывало на сущность всего, что видѣли его очи.

(Слова, написанныя подъ статуей Птахмера, первосвященника Мемфиса. Музей Лувра).

Самая трудная и самая непонятная изъ священныхъ книгъ, Книга Бытія, содержитъ въ себѣ столько же тайнъ, сколько и словъ, и каждое слово, въ свою очередь, содержитъ нѣсколько тайнъ.

Святой Іеронимъ.

Сынъ прошлаго и чреватое будущимъ, это писаніе (первыя десять главъ Бытія), наслѣдіе всей науки Египтянъ, несетъ въ себѣ и зародыши наукъ будущаго. Все, что въ природѣ есть наиболѣе глубокаго и наиболѣе таинственнаго, всѣ чудеса, доступныя сознанію человѣка, все наиболѣе возвышенное, чѣмъ владѣетъ разумъ— все это заключено въ немъ.

(Фабръ д'Оливе. Возстановленный еврейскій языкъ. Fabre d'Olivet. La langue hébraïque restituée. Discours préliminaire).

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Моисей.

(Миссія Израиля).

Глава I.

Монотеистическое преданіе и патріархи пустыни.

Преданіе столь же древне, какъ и сознаніе человѣчества; вызванное вдохновеніемъ, оно затеривается во мракѣ вѣковъ. Достаточно просмотрѣть внимательно священныя книги Ирана, Индіи и Египта, чтобы убѣдиться, что основныя идеи эзотерическаго ученія составляютъ ихъ сокровенный нерушимый фундаментъ. Въ нихъ заключена невидимая душа, творческое начало этихъ великихъ религій.

Всѣ могучіе основатели религій проникали хотя бы на мгновенья въ сіяніе центральной истины; но свѣтъ, который они извлекли изъ нея, переломлялся и окрашивался сообразно ихъ генію и сообразно временамъ и странамъ, въ которыхъ осуществлялась ихъ миссія.

Мы прикоснулись къ арійскому посвященію вмѣстѣ съ Рамой, къ браманическому вмѣстѣ съ Кришной, къ посвященію Изиды и Озириса съ жрецами Ѳивъ.

Можно ли отрицать, послѣ всего указаннаго нами, что духовное начало Бога, лежащее въ основѣ монотеизма и единства природы, было извѣстно браманамъ и жрецамъ Аммона-Ра? Несомнѣнно, что они не вызывали вселенную къ жизни посредствомъ внезапнаго акта творчества, благодаря произвольной прихоти ея Творца, какъ это дѣлаютъ наши наивные теологи. Нѣтъ, они извлекали послѣдовательно и постепенно, основываясь на божественной эманаціи и на законѣ эволюціи, видимое изъ невидимаго, проявленную вселенную изъ неизмѣримыхъ глубинъ живого Бога. Двойственность мужского и женскаго начала исходила изъ первичнаго единства, троичность человѣка и вселенной изъ творческой тройственности и т. д. Священныя числа составляли вѣчный глаголъ, ритмъ и орудіе Божественности.

Проводя эти идеи съ ясностью и силой передъ сознаніемъ посвящаемаго, браманы и жрецы вызывали въ немъ пониманіе сокровеннаго строенія вселенной по аналогіи съ строеніемъ самого человѣка, подобно тому, какъ вѣрная нота, вызванная смычкомъ, проведеннымъ по покрытому пескомъ стеклу, начертываетъ на немъ въ маломъ видѣ

тѣ же гармоническія формы вибрацій, какія наполняютъ своими звуковыми волнами необъятныя воздушныя пространства.

Но эзотерическій монотеизмъ въ Египтѣ не выходилъ никогда изъ предѣловъ святилищъ. Священная наука была тамъ привиллегіей самаго ограниченнаго меньшинства. Внѣшніе враги начинали пробивать бреши въ этомъ древнемъ оплотѣ цивилизаціи. Въ эпоху, о которой пойдетъ сейчасъ рѣчь, въ XII столѣтіи до Р. Х., Азія погружалась въ культъ матеріальности. И Индія быстро подвигалась къ своему упадку. Могучее государство возникло на берегахъ Тигра и Евфрата. Вавилонъ, этотъ страшный колоссъ среди городовъ, производилъ огромное впечатлѣніе на кочевые народы, которые бродили вокругъ. Ассирійскіе цари объявили себя властителями четырехъ частей свѣта и мечтали распространить свое царство по всему міру. Они завоевывали народы, изгоняли ихъ цѣлыми массами, употребляли ихъ на защиту своихъ границъ и натравливали ихъ другъ на друга.

Человѣческія права и религіозные принципы были ничто для преемниковъ Нина и Семирамиды, единственнымъ закономъ которыхъ было безпредѣльное личное честолюбіе. Наука халдейскихъ жрецовъ была глубока, но въ то же время она была менѣе чиста, менѣе возвышенна и дѣйствительна, чѣмъ наука жрецовъ египетскихъ. Въ Египтѣ власть не разрывала своей связи съ наукой. Жреческое вліяніе дѣйствовало обуздывающимъ образомъ на царскую власть. Фараоны оставались учениками Посвященныхъ и никогда не превращались въ ненавистныхъ деспотовъ, какими были цари Вавилона.

Тамъ, наоборотъ, раздавленное жреческое сословіе дѣлалось орудіемъ царской тираніи. На одномъ изъ барельефовъ Ниневіи изображенъ Немвродъ въ видѣ могучаго великана, задушившаго мускулистыми руками молодого льва, котораго онъ прижимаетъ къ своей груди. Это краснорѣчивый символъ: онъ означаетъ, что монархи Ассиріи задушили Иранскаго льва, героическій народъ Зороастра, уничтоживъ его первосвященниковъ, разрушивъ его оккультныя школы, обложивъ тяжелыми податями его царей.

Если считать, что святые (rishis) Индіи и жрецы Египта содѣйствовали своей мудростью проявленію *Божественнаго Провидѣнья* на землѣ, можно сказать, что господство Вавилона являлось символомъ *Рока*—силы слѣпой и жестокой. Вавилонъ сдѣлался такимъ образомъ тираническимъ центромъ всемірной анархіи, средоточіемъ соціальной бури, которая охватила Азію своими вихрями, страшнымъ, неподвижнымъ окомъ судьбы, всегда открытымъ, какъ бы подстерегающимъ народы, чтобы ихъ поглотить.

Что могъ сдѣлать Египетъ противъ этого стремительнаго насильническаго потока? Передъ тѣмъ, его едва не поглотили Гиксы; Египетъ мужественно сопротивлялся, но это сопротивленіе не могло длиться безконечно. Еще шесть вѣковъ, и персидскій циклонъ, послѣдовавшій за вавилонскимъ нашествіемъ, смелъ съ лица земли его храмы и его фараоновъ. Египетъ, обладавшій въ высокой степени геніемъ посвященія и отличавшійся консервативностью, никогда не проявлялъ наклонности къ расширенію и пропагандѣ.

Неужели же накопленныя сокровища его науки должны были погибнуть? Бóльшая часть ихъ была погребена подъ песками, и когда появились Александрійцы, они въ состояніи были откопать лишь частицы погибшихъ сокровищъ. И тогда два народа, одаренные противоположными геніями, зажгли свои факелы въ возстановленныхъ Александрійцами святилищахъ, и факелы эти изливали два потока свѣта, одинъ изъ которыхъ освѣщалъ глубины неба, другой — преображалъ своимъ сіяньемъ землю: первый—былъ геній Израиля, второй—геній Греціи.

Большое значеніе израильскаго народа для человѣчества обусловлено двумя причинами: первая состоитъ въ томъ, что онъ далъ міру единобожіе, вторая—въ томъ, что отъ него произошло христіанство. Но вся миссія Израиля, во всей ея цѣлости, становится понятной только тому, кто узнаетъ, что въ символахъ Древняго и Новаго Завѣта заключается все эзотерическое преданіе прошлаго, хотя и въ формѣ значительно поврежденной—въ особенности Ветхій Завѣтъ—многочисленными редакціями и переводчиками, изъ которыхъ большинство не понимало первоначальнаго смысла этихъ символовъ. Только для разобравшихъ ихъ внутренній смыслъ станетъ яснымъ роль Израиля въ міровой исторіи, ибо этотъ народъ является необходимымъ звеномъ между древнимъ и новымъ цикломъ, между Востокомъ и Западомъ.

Идея единобожія *должна* имѣть своимъ послѣдствіемъ объединеніе человѣчества подъ господствомъ единаго Бога и единаго закона. Но эта идея не въ состояніи осуществиться, пока представители теологіи стараются удержать Бога на уровнѣ, пригодномъ для дѣтей *), а люди науки или не признаютъ, или отрицаютъ Его; пока это положеніе вещей не измѣнится, нравственное, общественное и религіозное единство нашей планеты останется лишь добрымъ пожеланіемъ или безжизненнымъ догматомъ, не способнымъ осуществиться.

*) „Я питалъ васъ молокомъ, а не твердой пищей, ибо вы были еще не въ силахъ"... (I посланіе къ Коринѳ. Ап. Павла III, 2).

Наоборотъ, подобное органическое единство становится вполнѣ возможнымъ, если въ божественномъ Началѣ будетъ признанъ ключъ къ пониманію какъ міра и жизни, такъ и эволюціи человѣка и общественности.

И само христіанство появляется передъ нами во всей своей высотѣ и всемірности лишь тогда, когда передъ нами раскрывается вся его эзотерическая сторона. Тогда лишь предстанетъ оно передъ нашимъ сознаніемъ какъ результатъ всего предшествовавшаго, какъ сокровищница, заключающая въ себѣ и принципы, и цѣли, и средства всеобщаго возрожденія человѣчества. Лишь раскрывая передъ нами полноту своихъ мистерій, христіанство станетъ тѣмъ, чѣмъ оно можетъ быть въ дѣйствительности: религіей всеобщаго *вселенскаго посвященія.*

Моисей, египетскій посвященный и жрецъ Озириса, былъ несомнѣнно учредителемъ единобожія. Черезъ него этотъ принципъ, скрытый до него подъ тройнымъ покрываломъ мистерій, вышелъ изъ глубины храмовъ на поверхность, чтобы начать свое открытое воздѣйствіе на исторію человѣчества. Моисей съ мужествомъ смѣлаго генія сдѣлалъ изъ высочайшей идеи посвященія единый догматъ національной религіи, и въ то же время онъ выказалъ мудрую осторожность, открывъ всю глубину ея лишь небольшому числу посвященныхъ, народной же массѣ, еще не подготовленной, онъ ту же идею внушалъ посредствомъ страха передъ единымъ Богомъ. Въ этомъ пророкъ Синая имѣлъ, очевидно, очень отдаленныя цѣли, которыя на много превышали судьбу его собственнаго народа. Единая, вселенская, всемірная религія человѣчества—вотъ къ чему сводится истинная миссія Израиля, которая была понята вполнѣ лишь его великими пророками.

Но чтобы эта миссія могла осуществиться, нужно было пожертвовать народомъ, который являлся ея представителемъ. Еврейская нація была разсѣяна по лицу земли и уничтожена, какъ народность. Но идея Моисея и пророковъ продолжала жить и расти. Преображенная посредствомъ христіанства, возобновленная—хотя и на низшей ступени Исламомъ,—она должна была оказать воздѣйствіе на варваровъ Запада и повліять отраженнымъ образомъ и на Азію.

И съ этихъ поръ, что бы ни случилось съ человѣчествомъ, какъ бы оно не возмущалось и не боролось противъ своего собственнаго духа, сознаніе его не перестанетъ вращаться вокругъ этой центральной идеи, какъ туманность вращается вокругъ солнца, которое организуетъ ее. Вотъ въ чемъ состояло великое дѣло Моисея.

Для осуществленія этого предначертанія, величайшаго со временъ доисторическаго пришествія Арійцевъ, Моисей нашелъ уже

готовое орудіе въ еврейскихъ племенахъ, въ особенности въ томъ изъ нихъ, которое водворилось въ Египтѣ, въ долинѣ Гошена, и жило тамъ въ рабствѣ подъ именемъ Бенъ-Іакова. Предшественниками Моисея въ дѣлѣ водворенія единобожія были тѣ кочующіе мирные цари, которыхъ Библія рисуетъ намъ подъ образомъ Авраама, Исаака и Іакова.

Посмотримъ же, что представляютъ собою эти Евреи и ихъ патріархи. А затѣмъ, попробуемъ освободить образъ ихъ великаго пророка отъ миражей пустыни, съ ея мрачными ночами на горѣ Синая, гдѣ гремѣли раскаты грома легендарнаго Іеговы.

За много тысячелѣтій были извѣстны эти неутомимые кочевники, эти вѣчные изгнанники подъ именемъ Ибримовъ *). Братья Арабовъ, Евреи, какъ и всѣ Семиты, представляютъ собою древнюю помѣсь бѣлой расы съ черной. Ихъ видѣли кочующими съ мѣста на мѣсто на сѣверѣ Африки подъ именемъ Бодоновъ (Бедуины), вѣчно безъ крова и убѣжища, разбивающими свои подвижныя палатки въ обширныхъ пустыняхъ между Краснымъ моремъ и Персидскимъ заливомъ, между Евфратомъ и Палестиной. Аммониты, Эламиты или Эдомиты, всѣ они отличались одними и тѣми же признаками. Средствомъ передвиженія служили для нихъ верблюдъ и оселъ, жилищемъ—палатка, единственнымъ богатствомъ ихъ были стада, такія же бродячія, какъ и они сами, питающіяся на чужой землѣ.

Подобно предкамъ своимъ Гиборимамъ, подобно первобытнымъ Кельтамъ, эти непокорныя племена чувствовали отвращеніе къ обтесыванію камня, къ укрѣпленнымъ городамъ, къ податямъ, къ подневольнымъ работамъ и къ каменнымъ храмамъ. И рядомъ съ этимъ, чудовищные города Вавилона и Ниневіи съ ихъ гигантскими дворцами, съ ихъ преступной роскошью и съ ихъ мистеріями, производили на этихъ дикарей непреодолимое очарованіе.

Привлекаемые отъ времени до времени этими каменными темницами, заманиваемые солдатами ассирійскихъ царей въ ряды ихъ войскъ, они безудержно предавались вавилонскимъ оргіямъ. Иногда сыны Израиля бывали соблазняемы женщинами изъ племени Моавитовъ, смѣлыми обольстительницами, славившимися яркимъ блескомъ своихъ глазъ. Онѣ заставляли ихъ поклоняться своимъ идоламъ изъ камня и дерева, увлекая ихъ вплоть до страшнаго культа Молоха. Но кончалось всегда тѣмъ, что жажда пустыни захватывала ихъ снова и тогда они бросали все и убѣгали на ея просторъ.

---

*) *Ибримъ* означаетъ „съ той стороны, перешедшій рѣку". *Исторія израильскаго народа, Ренана.*

Возвратившись въ суровыя долины, гдѣ не было слышно ничего, кромѣ рева дикихъ звѣрей, въ необъятныя степи, гдѣ можно было направлять свой путь лишь по небеснымъ созвѣздіямъ, и гдѣ не было другого освѣщенія кромѣ свѣтилъ, передъ которыми преклонялись ихъ предки, люди эти начинали стыдиться самихъ себя, и если при этомъ одинъ изъ ихъ патріарховъ начиналъ вдохновенно говорить объ единомъ Богѣ, Элоимѣ, Саваоѳѣ, о Владыкѣ небеснаго воинства, который все видитъ и не преминетъ наказать виновнаго,—эти большія дѣти, пламенныя и дикія, склоняли голову, приникали молитвенно къ землѣ и позволяли вести себя, какъ стадо послушныхъ овецъ.

И постепенно эта идея великаго Элоима, Бога единаго и всеобъемлющаго, наполняла ихъ душу.

Что же представляли изъ себя въ дѣйствительности патріархи? Аврамъ, Авраамъ или отецъ Орамъ былъ царемъ Ура, халдейскаго города, невдалекѣ отъ Вавилона. Ассирійцы изображали его, по преданію, сидящимъ въ креслѣ съ видомъ благоволенія *). Эта древняя личность, перешедшая въ миѳологіи всѣхъ народовъ, упоминаемая Овидіемъ **), въ библейскомъ разсказѣ переселяется изъ Ура въ землю Ханаанскую по велѣнію Господа: «Господь явился Аврааму и сказалъ ему: Я, Богъ Всемогущій, ходи предо Мною и будь непороченъ; и поставлю завѣтъ Мой между Мною и тобою и между потомками твоими послѣ тебя въ роды ихъ, завѣтъ вѣчный въ томъ, что Я буду Богомъ твоимъ и потомковъ твоихъ, послѣ тебя» (Бытіе, гл. XVII, ст. 1 и 7).

Это мѣсто, переведенное на языкъ нашихъ дней, означаетъ, что древній начальникъ Семитовъ, по имени Авраамъ, получившій по всей вѣроятности халдейское посвященіе, былъ руководимъ внутреннимъ голосомъ, который внушилъ ему вести племя свое къ Западу и внѣдрить въ него культъ Элоима.

Имя Исаака, своей приставкой *Ис* указываетъ на египетское посвященіе, тогда какъ имя Іакова и Іосифа заставляетъ предполагать финикійское происхожденіе. Какъ бы то ни было, можно думать, что три патріарха были тремя родоначальниками различныхъ племенъ, жившихъ въ разныя эпохи. Много времени спустя послѣ Моисея, израильская легенда соединила ихъ въ одну семью. Исаакъ превратился въ сына Авраама, а Іаковъ въ сына Исаака. Этотъ способъ изобра-

*) „Народъ Израиля", Ренана.

**) Rexit Achaemenias pater Orchamus, isque
Septimus a prisco numeratur origine Belo.

Ovid. Metam. IV, 212

жать духовное родство родствомъ физическимъ былъ въ большомъ употребленіи у древнихъ священнослужителей.

Изъ этой легендарной генеологіи выступаетъ одинъ важный фактъ: преемственная связь культа единобожія у всѣхъ посвященныхъ патріаховъ пустыни. Что патріархи имѣли внутреннія предувѣдомленія и духовныя откровенія подъ видомъ сновъ, а иногда и подъ видомъ видѣній въ состояніи бодрствованія, въ этомъ нѣтъ ничего противорѣчащаго эзотерической наукѣ или міровому психическому закону, который господствуетъ надъ душами и мірами. Эти явленія передаются въ библейскихъ разсказахъ въ наивной формѣ посѣщенія ангеловъ, которымъ предлагаютъ угощеніе въ палаткѣ.

Обладали ли эти патріархи глубокимъ прозрѣніемъ въ духовность божественнаго Начала и великой цѣли человѣческаго бытія? Безъ всякаго сомнѣнія. Уступая въ положительныхъ знаніяхъ какъ халдейскимъ магамъ, такъ и египетскимъ жрецамъ, они превышали ихъ—по всѣй вѣроятности—той нравственной высотой и широтой души, которыя являются обычнымъ спутникомъ бродячей и свободной жизни.

Для нихъ божественный порядокъ, посредствомъ котораго Элоимъ управляетъ вселенной, переходитъ въ патріархальный семейный строй, въ уваженіе къ своимъ женщинамъ, въ страстную любовь къ потомству, въ попеченіе обо всемъ племени, въ гостепріимство по отношенію чужеземцевъ. Патріархи были естественными посредниками между семьей и племенемъ; посохъ патріарха являлся одновременно и жезломъ правосудія. Вліяніе ихъ было цивилизующимъ и дышало кротостью и миромъ. Но отъ времени до времени, сквозь легенду о патріархахъ просвѣчиваетъ и эзотерическая идея. Такъ, когда Іаковъ видѣлъ въ Веѳилѣ видѣніе-лѣстницу съ Элоимомъ на вершинѣ, по которой всходили и нисходили ангелы, въ этомъ видѣніи можно узнать іудейскій варіантъ видѣнія Гермеса и ученія о восходящей и нисходящей эволюціи душъ.

Историческій фактъ величайшаго значенія, относящійся до эпохи патріарховъ, дается намъ двумя библейскими стихами. Дѣло идетъ о встрѣчѣ Авраама съ собратомъ по посвященію. Послѣ окончанія войны съ царями Содома и Гоморры, Авраамъ идетъ засвидѣтельствовать свое почтеніе Мельхиседеку. Этотъ царь имѣлъ свое пребываніе въ крѣпости, которая позднѣе получила названіе Іерусалима. «Мельхиседекъ, царь Салимскій, вынесъ хлѣбъ и вино—онъ былъ священникъ Бога Всевышняго—и благословилъ его и сказалъ: благословенъ Авраамъ отъ Бога Всевышняго, Владыки неба и земли». (Бытіе XIV, 18, 19). Здѣсь мы имѣемъ царя Салимскаго, который въ то же время и пер-

восвященникъ того же Бога, которому поклоняется и Авраамъ. Послѣднiй относится къ Мельхиседеку какъ къ высшему, какъ къ господину, и сообщается съ нимъ при посредствѣ хлѣба и вина во имя Элоима, что въ древнемъ Египтѣ было знакомъ общенiя между посвященными. Была, слѣдовательно, братская связь и существовали условные знаки и общая цѣль у всѣхъ поклонниковъ Элоима отъ предѣловъ Халдеи до Палестины, и вплоть до нѣкоторыхъ святилищъ Египта.

Эта невидимая монотеистическая цѣпь ожидала только своего организатора.

Такимъ образомъ, между крылатымъ Быкомъ Ассирiи и Сфинксомъ Египта, издали охранявшимъ пустыню, между давящей тиранiей и непроницаемой тайной посвященiя, выдвигались избранныя племена Абрамитовъ, Iаковитовъ и Бенъ-Израилей.

Они спасаются бѣгствомъ отъ разнузданныхъ пиршествъ Вавилона, они отворачиваются отъ оргiй Моавитовъ, отъ ужасовъ Содома и Гоморры, отъ чудовищнаго культа Ваала. Подъ защитой патрiарховъ, племена эти слѣдуютъ по дорогѣ, отмѣченной оазисами съ рѣдкими источниками и стройными пальмами. Подъ палящимъ зноемъ дня, подъ пурпуромъ заката и подъ покровомъ сумрака, теряются они длинной лентой въ необъятности пустыни, надъ которой властвуетъ Элоимъ. Женщины и дѣти не знали цѣли своего вѣчнаго передвиженiя, но всѣ подвигались впередъ, уносимые безропотными, терпѣливыми верблюдами. Куда стремились они въ своемъ вѣчномъ движенiи? Про то знали патрiархи, о томъ повѣдаетъ имъ Моисей.

Глава II.

Посвященiе Моисея въ Египтѣ.—Его бѣгство къ Iоѳору.

Рамзесъ II былъ однимъ изъ великихъ монарховъ Египта. Его сынъ носилъ имя Менефта. По обычаю египетскому, онъ получилъ свое образованiе у жрецовъ, въ храмѣ Аммона-Ра въ Мемфисѣ, ибо въ тѣ времена искусство царствовать разсматривалось какъ вѣтвь священнической науки. Менефта былъ въ молодости робокъ, любопытенъ, и обладалъ ограниченными умственными способностями. Имъ владѣла мало просвѣтленная страсть къ оккультнымъ наукамъ, которая и толкнула его позднѣе во власть маговъ и астрологовъ низшей ступени. Товарищемъ по ученiю онъ имѣлъ молодого человѣка, одареннаго острымъ генiемъ и сильнымъ, замкнутымъ характеромъ.

Хозарсифъ *) считался двоюроднымъ братомъ Менефты, сыномъ царственной сестры Рамзеса II. Былъ ли онъ роднымъ сыномъ или пріемнымъ,—объ этомъ нѣтъ вѣрныхъ свѣдѣній**).

Хозарсифъ былъ прежде всего сыномъ египетскаго храма, выросшимъ подъ сѣнью его колоннъ. Посвященный Изидѣ и Озирису своею матерью, онъ провелъ свое отрочество среди священниковъ, принималъ участіе во всѣхъ священныхъ праздникахъ, въ жреческихъ процессіяхъ, носилъ эфудъ***), св. чашу или кадильницу, внутри же храма, серьезный и внимательный по природѣ, онъ постоянно прислушивался къ священной музыкѣ, къ гимнамъ и къ глубокимъ поученіямъ жрецевъ.

Хозарсифъ былъ небольшого роста, видъ у него былъ смиренный и задумчивый; отличительной чертой его наружности былъ широкій лобъ и черные, пронизывающіе глаза съ глубокимъ и пристальнымъ выраженіемъ, вызывавшимъ тревогу. Его прозвали «молчальникомъ», до того онъ былъ сосредоточенъ и такъ рѣдко онъ говорилъ. Разговаривая, онъ часто заикался, какъ бы подыскивая слова и какъ бы боясь высказать свою мысль. Онъ казался застѣнчивымъ, но отъ времени до времени, подобно вспышкѣ молніи, великая идея вырывалась у него, оставляя послѣ себя сверкающій слѣдъ. И тогда стано-

*) Первое египетское имя Моисея (Филонъ, цитирующій Манеэона).

**) Библейскій разсказъ (Исходъ, II, ст. 1—10) дѣлаетъ изъ Моисея Еврея изъ племени Левія, найденнаго дочерью фараона въ камышахъ рѣки Нила, куда онъ былъ положенъ матерью въ надеждѣ тронуть дочь фараона и тѣмъ спасти младенца отъ преслѣдованія, сходнаго съ преслѣдованіемъ Ирода. Между тѣмъ, Манеѳонъ, египетскій жрецъ, которому мы обязаны самыми точными свѣдѣніями относительно египетскихъ династій, свѣдѣніями, подтвержденными нынѣ надписями на памятникахъ,—Манеѳонъ утверждаетъ, что Моисей былъ жрецомъ Озириса. Страбонъ, свѣдѣнія котораго идутъ изъ того же источника, т. е. отъ Египетскихъ жрецовъ, подтверждаетъ то же самое. Египетскіе источники имѣютъ въ этомъ случаѣ больше цѣнности, чѣмъ еврейскіе, ибо для жрецовъ Египта не было ни малѣйшаго интереса сообщать Грекамъ или Римлянамъ, что Моисей принадлежалъ къ ихъ средѣ, тогда какъ для національнаго самолюбія Евреевъ было естественно сдѣлать изъ основателя своей національной исторіи человѣка своей собственной крови. Но и библейскій разсказъ признаетъ, что Моисей былъ воспитанъ въ Египтѣ и посланъ своимъ правительствомъ въ качествѣ надзирателя надъ евреями Гесема. Это — фактъ чрезвычайной важности, устанавливающій тайную связь между религіей Моисея и египетскимъ посвященіемъ. Климентъ Александрійскій признавалъ, что Моисей былъ глубоко посвященъ въ священную науку Египта, и мы прибавимъ къ этому, что все дѣло создателя Израиля осталось бы совершенно непонятнымъ безъ этого факта.

***) Эфудъ—поясъ, отличавшій посвященныхъ.

вилось яснымъ, что если «молчальникъ» начнетъ дѣйствовать, онъ проявитъ устрашающую смѣлость. Уже въ молодости между бровями его появилась та роковая складка, которая отличаетъ человѣка, предназначеннаго для труднаго подвига; казалось, что на его лбу какъ бы застыла грозовая туча.

Женщины боялись взгляда молодого жреца, безстрастнаго и непроницаемаго, какъ запертая дверь, ведущая въ храмъ Изиды. Можно подумать, что онѣ предчувствовали врага женской стихіи въ этомъ будущемъ основателѣ религіи, мужское начало которой обладало всѣмъ, что въ немъ есть наиболѣе абсолютнаго и наиболѣе непреклоннаго.

Между тѣмъ, его мать, дочь фараона, мечтала о царской власти для него. Хозарсифъ былъ несравненно умнѣе Менефты; съ помощью жрецовъ онъ могъ надѣяться взойти на тронъ Египта. Правда, по обычаю страны, фараоны назначали своихъ преемниковъ изъ числа своихъ собственныхъ сыновей. Но, отъ времени до времени, въ интересахъ государства, жрецы отмѣняли постановленіе фараона послѣ его смерти. Не разъ они устраняли отъ трона недостойныхъ и слабыхъ и вручали скипетръ одному изъ посвященныхъ царской крови. Менефта съ самаго начала завидовалъ своему двоюродному брату; Рамзесъ не выпускалъ изъ вида молодого молчаливаго жреца и не довѣрялъ ему.

Однажды, мать Хозарсифа встрѣтила своего сына въ Серапеумѣ Мемфиса, огромной площади, усѣянной обелисками, мавзолеями, большими и малыми храмами, тріумфальными пилонами—нѣчто въ родѣ огромнаго музея національной славы подъ открытымъ небомъ, входъ въ который пролегалъ по аллеѣ изъ шестисотъ сфинксовъ. Увидавъ свою царственную мать, жрецъ склонился до земли и ждалъ по обычаю, чтобы она первая заговорила съ нимъ.

— Настало для тебя время проникнуть въ мистеріи Изиды и Озириса,—сказала она.—Въ теченіе долгаго времени я не увижу тебя, мой сынъ. Но не забывай никогда, что въ тебѣ—кровь фараоновъ, и что я—твоя мать. Посмотри вокругъ... Если ты захочешь, со временемъ... все это будетъ принадлежать тебѣ!

Говоря это, она указала на окружающіе обелиски, дворцы, Мемфисъ, и на весь видимый горизонтъ.

Улыбка презрѣнія скользнула по лицу Хозарсифа, въ обыкновенное время неподвижному, какъ ликъ, вылитый изъ бронзы.

— Ты хочешь,—сказалъ онъ,—чтобы я властвовалъ надъ этимъ народомъ, поклоняющимся богамъ съ головою шакала, ибиса и гіены? Отъ всѣхъ этихъ идоловъ, что̀ сохранится черезъ нѣсколько вѣковъ?

И Хозарсифъ, наклонившись, поднялъ пригоршню песка и, пропуская его между тонкими пальцами передъ своей удивленной матерью, сказалъ «вотъ *что* останется отъ нихъ».

— Ты презираешь религію нашихъ отцовъ и науку нашихъ жрецовъ?—спросила она.

— Наоборотъ, я стремлюсь къ ней. Но пирамида неподвижна. Нужно, чтобы она двинулась впередъ. Я никогда не буду фараономъ. Моя родина далеко отсюда... Она—тамъ, въ пустынѣ!

— Хозарсифъ!—воскликнула дочь фараона съ упрекомъ.—Зачѣмъ кощунствуешь ты? Огненный вихрь зародилъ тебя въ моемъ лонѣ и я вижу, грозовая сила унесетъ тебя отъ меня! Я родила тебя на свѣтъ, и я же не знаю тебя! Во имя Озириса, скажи: кто ты и что ты собираешься дѣлать?

— Могу ли я это знать? Одинъ Озирисъ знаетъ. Онъ научитъ меня, когда настанетъ время. А ты, мая мать, дай мнѣ свое благословеніе, чтобы Изида покровительствовала мнѣ и чтобы земля Египта оказалась благопріятной для меня.

Хозарсифъ преклонилъ колѣна передъ своей матерью и, скрестивъ руки на груди, склонилъ голову.

Снявъ съ чела цвѣтокъ лотоса, который она носила по обычаю женщинъ храма, она подала его своему сыну, и понявъ, что мысль его останется для нея вѣчной тайной, она удалилась, шепча молитву.

Хозарсифъ прошелъ побѣдоносно все посвященіе Изиды. Съ душой непоколебимой, съ желѣзной волей, онъ шутя перенесъ всѣ испытанія. Владѣя синтетическимъ геніемъ, онъ проявилъ силу гиганта въ пониманіи и владѣніи священными числами, примѣнительной символизмъ которыхъ былъ въ тѣ времена безграниченъ. Его духъ, презиравшій видимости и временные личные интересы, дышалъ свободно лишь на высотѣ вѣчныхъ идей. Съ этой высоты онъ спокойно и увѣренно проникалъ во всѣ явленія, надъ всѣмъ господствовалъ и не проявлялъ при этомъ ни желанія, ни возмущенія, ни любопытства.

Для своихъ учителей, такъ же какъ и для своей матери, Хозарсифъ оставался загадкой. Что ихъ особенно поражало — это его цѣльность и непоколебимость. Они чувствовали, что его нельзя ни согнуть, ни свернуть съ намѣченнаго пути. Онъ шелъ по этому неизвѣстному для нихъ пути съ такой же неуклонностью, съ какой небесныя свѣтила слѣдуютъ по своей невидимой орбитѣ. Первосвященникъ Мембра захотѣлъ узнать, до какихъ предѣловъ простирается его глубоко-сосредоточенное честолюбіе. Однажды, Хозарсифъ съ тремя другими жрецами Озириса несъ золотой ковчегъ, который предше-

ствовалъ первосвященнику во всѣхъ большихъ религіозныхъ церемоніяхъ. Этотъ ковчегъ заключалъ въ себѣ десять наиболѣе сокровенныхъ книгъ храма, въ которыхъ заключалась священная наука магіи и теургіи.

Возвратившись въ святилище вмѣстѣ съ Хозарсифомъ, Мембра сказалъ ему:

— Ты—изъ царскаго рода. Твоя сила и твое знаніе превышаютъ твой возрастъ. Чего добиваешься ты?

— Ничего, кромѣ вотъ этого.—И Хозарсифъ положилъ руку на священный ковчегъ, прикрытый сверкающими крыльями литыхъ изъ золота символическихъ птицъ.

— Слѣдовательно, ты хочешь стать первосвященникомъ Аммона-Ра и пророкомъ Египта?

— Нѣтъ, я хочу знать, *что* заключено въ этихъ книгахъ.

— Какъ же узнаешь ты ихъ содержаніе, разъ никто, кромѣ первосвященника, не можетъ знать его?

— Озирисъ говоритъ *когда* хочетъ, *какъ* хочетъ, и *кому* хочетъ. Заключенное въ этомъ ковчегѣ лишь мертвыя книги. Если Духъ захочетъ говорить со мною, Онъ заговоритъ.

— Что же думаешь ты предпринять для достиженія твоей цѣли?

— Ждать и повиноваться.

Эти отвѣты, переданные Рамзесу II, усилили его недовѣріе. Онъ началъ страшиться честолюбія Хозарсифа, думать—какъ бы онъ не отнялъ тронъ у сына его Менефта. Вслѣдствіе этого фараонъ приказалъ, чтобы сынъ его сестры былъ назначенъ священнымъ писцомъ храма Озириса. Эта важная должность приводила занимающаго ее въ соприкосновеніе съ символизмомъ подъ всѣми его формами, съ космографіей и астрономіей; но въ то же время она удаляла его отъ трона. Сынъ дочери фараона предался съ обычнымъ ему жаромъ и съ обычной покорностью своей обязанности іерограммата, съ которой соединялась также и должность инспектора различныхъ областей или провинцій Египта.

Обладалъ ли Хозарсифъ той гордостью, которую приписывали ему? Да, если можно назвать гордостью, когда плѣненный левъ поднимаетъ голову и, не видя ближайшаго, устремляетъ свой взоръ на далекій горизонтъ, теряющійся позади желѣзныхъ запоровъ его клѣтки. Да, если можно назвать гордостью, когда прикованный орелъ трепещетъ въ неволѣ и, вытянувъ шею и развернувъ крылья, устремляетъ свой орлиный взоръ къ солнцу. Какъ всѣ сильные, отмѣченные для великаго подвига, Хозарсифъ не подчинялся слѣпому року; онъ

чувствовалъ, что неисповѣдимое Провидѣніе бодрствуетъ надъ нимъ и приведетъ его къ намѣченнымъ цѣлямъ.

Въ то время, когда Хозарсифъ выполнялъ должность священнаго писца, его послали на провѣрку начальниковъ провинцій Дельты. Евреи, данники Египта, жившіе тогда въ долинѣ Гесемъ, выполняли тяжелыя общественныя работы. Рамзесъ II рѣшилъ соединить Пелузій *) съ Геліополисомъ цѣлой цѣпью крѣпостей. Всѣ провинціи Египта обязаны были представить опредѣленное число рабочихъ для выполненія этого гигантскаго предпріятія. Самыя тяжелыя работы доставались при этомъ на долю Израиля; люди этого племени должны были по преимуществу обтесывать камни и дѣлать кирпичи. Независимые и гордые, они не подчинялись такъ легко, какъ туземцы, египетскимъ надсмотрщикамъ, и когда надъ ними поднималась ихъ палка, они выражали возмущеніе, иногда даже отвѣчая ударомъ на ударъ. Жрецъ Озириса не могъ отрѣшиться отъ тайной симпатіи къ этимъ непокорнымъ, съ «непреклонной волей», старѣйшины которыхъ, вѣрные преданію Абрамидовъ, преклонялись передъ единымъ Богомъ, почитали своихъ *хаговъ* и своихъ *закеновъ*, и въ то же время сопротивлялись подъ ярмомъ рабства и протествовали противъ несправедливости.

Однажды Хозарсифъ увидѣлъ какъ египетскій надсмотрщикъ осыпалъ ударами беззащитнаго еврея. Сердце его загорѣлось; онъ бросился на египтянина, вырвалъ у него оружіе и убилъ его наповалъ. Это убійство, произведенное подъ вліяніемъ благороднаго гнѣва, рѣшило его судьбу. Жрецы Озириса, виновные въ убійствѣ, были строго судимы всей жреческой коллегіей. И безъ того фараонъ подозрѣвалъ въ сынѣ своей сестры будущаго похитителя престола. Жизнь его висѣла на волоскѣ. Онъ предпочелъ покинуть родину и самъ назначить себѣ искупленіе своего грѣха. Все толкало его въ одиночество пустыни, въ обширное неизвѣданное: его тайное желаніе, предчувствіе его миссіи и болѣе всего тотъ внутренній голосъ, таинственный и непреодолимый, который говорилъ ему: «Иди, тамъ твое назначеніе».

По ту сторону Краснаго моря и Синайскаго полуострова, въ странѣ Мадіамской, находился храмъ, не зависѣвшій отъ египетскихъ жрецовъ. Эта область простиралась зеленой лентой между Эламитскимъ заливомъ и Аравійской пустыней. Издали, по ту сторону морского залива, виднѣлись темныя массы Синая и его обнаженная вершина. Заключенная между пустыней и Краснымъ моремъ, защищенная

*) Въ Ветхомъ Завѣтѣ „Синъ“,

вулканическимъ гребнемъ, эта уединенная страна была въ безопасности отъ вторженій.

Упомянутый храмъ былъ посвященъ Озирису, но въ немъ же поклонялись Богу и подъ именемъ Элоима, ибо это святилище, эфіопскаго происхожденія, служило религіознымъ центромъ для Арабовъ, для Семитовъ, а также и для представителей черной расы, искавшихъ посвященія.

Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ горы Синай и Хоривъ представляли собой мистическій центръ культа единобожія. Величественный видъ, обнаженный и дикій, горы Синая, одиноко возвышающіяся между Египтомъ и Аравіей, вызывалъ идею Единаго Бога. Множество Семитовъ стекалось сюда для поклоненія Элоиму. Они проводили нѣсколько дней въ постѣ и молитвѣ въ глубинѣ пещеръ и галлерей, высѣченныхъ внутри Синая. Передъ этимъ они подвергались очищенію и получали наставленія въ храмѣ Мадіамскомъ.

Здѣсь-то и нашелъ убѣжище Хозарсифъ.

Первосвященникомъ Мадіамскимъ или Рагуиломъ былъ въ то время «Іоѳоръ» *). Онъ принадлежалъ къ наиболѣе чистому типу древней эфіопской расы **), которая за четыре или пять тысячъ лѣтъ до Рамзесовъ господствовала надъ Египтомъ и которая еще не забыла своихъ преданій, доводившихъ ея происхожденіе до самыхъ древнѣйшихъ расъ. Іоѳоръ не обладалъ ни выдающимися вдохновеніями, ни дѣятельной энергіей, но онъ былъ большимъ мудрецомъ. Онъ владѣлъ сокровищами знанія, накопленными въ его памяти и вырѣзанными на камнѣ въ Мадіамскомъ храмѣ. Кромѣ того, онъ былъ защитникомъ обитателей пустыни: Ливійцевъ, Арабовъ, кочевыхъ Семитовъ.

Эти вѣчные странники, никогда не измѣнявшіе своему смутному стремленію къ Единому Богу, представляли собой нѣчто постоянное среди измѣнявшихся культовъ и смѣнявшихъ одна другую цивилизацій. Въ нихъ чувствовалось какъ бы присутствіе Вѣчнаго, какъ бы отраженіе отдаленныхъ вѣковъ, какъ бы запасное войско Элоима. Іоѳоръ былъ духовнымъ отцомъ этихъ непокорныхъ, свободолюбивыхъ скитальцевъ. Онъ зналъ ихъ душу и предчувствовалъ ихъ судьбу.

Когда Хозарсифъ попросилъ у него убѣжища во имя Озириса-Элоима, онъ встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями. Возможно,

*) Исходъ, III, 1.

**) Позднѣе (Числа, III, 1), послѣ исхода, Ааронъ и Марія, братъ и сестра Моисея по Библіи, упрекали его за вступленіе въ бракъ съ эфіопкой. Слѣдовательно, Іоѳоръ, отецъ Сепфоры, былъ изъ этой расы.

что онъ угадалъ судьбу этого человѣка, предназначеннаго стать пророкомъ изгнанниковъ, вождемъ народа Божьяго.

Прежде всего, Хозарсифъ рѣшилъ подвергнуть себя искупленію грѣха, которое законъ посвященныхъ предписывалъ убійцѣ изъ своей среды.

Когда посвященный совершалъ убійство, даже если бы оно было и невольное, онъ признавался потерявшимъ преимущество преждевременнаго воскресенія изъ мертвыхъ въ «сіяніе Озириса», преимущество, достигаемое благодаря испытаніямъ посвященія, которое поднимало его высоко надъ обыкновенными смертными. Чтобы искупить свое преступленіе, чтобы возстановить свой внутренній свѣтъ, онъ долженъ былъ пройти черезъ испытанія гораздо болѣе страшныя, подвергнуть себя еще разъ опасности смерти. Послѣ продолжительнаго поста, посредствомъ особымъ образомъ приготовленнаго питья, посвященнаго погружали въ летаргическій сонъ; затѣмъ его оставляли въ склепѣ храма. Онъ оставался тамъ нѣсколько дней или даже нѣсколько недѣль *). Въ это время онъ долженъ былъ совершить странствіе въ потустороннемъ мірѣ, Эребѣ или области Аменти, глѣ «плаваютъ» души мертвыхъ, еще не вполнѣ отдѣлившіяся отъ земной атмосферы.

Тамъ онъ долженъ былъ найти свою жертву, подвергнуться всѣмъ ея страданіямъ, получить ея прощенье и помочь ей найти путь къ Свѣту. Лишь послѣ этого его считали искупившимъ свой грѣхъ, омывшимъ свое астральное тѣло отъ черныхъ пятенъ, которыми его загрязнили проклятія и отравленный духъ его жертвы.

Но изъ этого странствія согрѣшившій могъ и совсѣмъ не возвратиться, и случалось, что когда жрецы появлялись въ склепъ, чтобы пробудить искупавшаго свой грѣхъ изъ глубокаго сна, они на его мѣстѣ находили лишь трупъ.

Хозарсифъ не колеблясь подвергъ себя этому испытанію **). Подъ вліяніемъ убійства, совершеннаго имъ, онъ понялъ неизмѣнность

*) Путешественники нашего времени утверждаютъ, что индусскіе факиры заставляли закапывать себя въ могилу въ состояніи каталептическаго сна, при чемъ они заранѣе назначали часъ, когда ихъ слѣдуетъ откопать. Одинъ изъ нихъ, послѣ 3-недѣльнаго пребыванія подъ землей, былъ выкопанъ живымъ и невредимымъ при свидѣтеляхъ, которые и подписались подъ описаніемъ этого факта.

**) Семь дочерей Іоѳора, о которыхъ говоритъ Библія (Исх., II, 16—20), представляютъ, очевидно, символическій смыслъ, какъ и все, что дошло до насъ въ библейской передачѣ подъ формой популярныхъ легендъ. Болѣе чѣмъ невѣроятно, чтобы первосвященникъ большого храма заставлялъ своихъ дочерей пасти стада и чтобы онъ принудилъ египетскаго жреца къ роли пастуха. Семь

законовъ духовнаго порядка, вызывающую глубокое смятенiе въ глубинѣ человѣческой совѣсти, когда законы эти нарушены. Съ полнымъ самоотреченiемъ предложилъ онъ себя въ жертву Озирису, прося объ одномъ: если суждено ему вернуться на землю, да будетъ ему *дана сила проявить законъ справедливости.*

Когда Хозарсифъ пробудился отъ страшнаго сна въ подземельи храма Мадiамскаго, онъ почувствовалъ себя преображеннымъ. Его прошлое было словно отрѣзано отъ него. Египетъ пересталъ быть его родиной и передъ нимъ развернулась необъятность пустыни съ ея кочующими племенами, ризвернулась какъ предназначенное для него поле дѣятельности. Онъ смотрѣлъ на гору Элоима, возвышавшуюся на горизонтѣ, и въ первый разъ—подобно видѣнiю грозовой бури въ молнiеносныхъ облакахъ Синая—сознанiе его миссiи пронеслось передъ его душою: создать изъ этихъ подвижныхъ племенъ сильный народъ, способный отстоять законъ Единаго Живого Бога посреди идолопоклонства и всеобщей анархiи народовъ,—народъ-воинъ, который понесетъ въ будущiя времена истину, сокрытую въ золотомъ ковчегѣ посвященiя.

Въ этотъ день, чтобы отмѣтить новую эру своей жизни, Хозарсифъ принялъ имя Моисей, что значитъ Спасенный.

Глава III.

Сеферъ-Берешитъ.

Моисей женился на Сепфорѣ, дочери Iоѳора, и оставался много лѣтъ вблизи мудреца Мадiамскаго. Благодаря эфiопскимъ и халдейскимъ преданiямъ, которыя онъ нашелъ въ его храмѣ, онъ могъ дополнить и провѣрить все то, что узналъ въ святилищахъ египетскихъ, могъ расширить свой взглядъ на древнѣйшiе циклы человѣчества и проникнуть пророчески въ отдаленнѣйшiя перспективы будущаго. У Iоѳора же онъ нашелъ двѣ книги о космогонiи, упоминаемыя въ Библiи: «*Войны Iеговы и Поколѣнiя Адама.*» Онъ погрузился въ изученiе ихъ.

Для подвига, который онъ замышлялъ, нужно было приготовиться. Передъ нимъ Рама, Кришна, Гермесъ, Зороастръ, Фо-Хи со-

---

дочерей Iоѳора символизируютъ семь добродѣтелей, которыми посвященный долженъ былъ овладѣть, чтобы раскрылся передъ нимъ источникъ истины. Этотъ источникъ называется въ исторiи Агари и Измаила „Источникомъ Живого, который видитъ меня“ (Беэрлахай-рои).

здавали религіи для своихъ народовъ, Моисей же хотѣлъ создать народъ для вѣчной религіи. Для осуществленія этой цѣли, столь новой и необьятной, нужна была могучая основа. Ради этого Моисей написалъ Сеферъ-Берешитъ—*Книгу Началъ*, сжатый синтезъ науки прошлаго и очеркъ науки будущаго, ключъ къ мистеріямъ, факелъ посвященныхъ, центръ соединенія для всего народа.

Попробуемъ же понять, какъ складывалась книга Бытія въ сознаніи Моисея. Конечно, въ нее вливался иной свѣтъ, въ ней заключены міры иныхъ размѣровъ, чѣмъ тотъ младенческій міръ и та ничтожная земля, которые являются передъ нами въ греческомъ переводѣ «Септанты» и въ латинскомъ переводѣ святого Іеронима.

Библейскія разслѣдованія XIX вѣка вызвали предположеніе, что Пятикнижіе вовсе не принадлежитъ Моисею, что этотъ пророкъ могъ даже совсѣмъ не существовать, быть чисто легендарной личностью, сфабрикованной четыре или пять вѣковъ позднѣе еврейскимъ священствомъ для того, чтобы придать себѣ божественное происхожденіе. Современная критика основываетъ эту мысль на томъ обстоятельствѣ, что Пятикнижіе состоитъ изъ различныхъ отрывковъ (Элоистовъ и Іеговистовъ), сшитыхъ вмѣстѣ, и что настоящая его редакція моложе по крайней мѣрѣ на 400 лѣтъ той эпохи, когда Израиль покинулъ Египетъ.

Факты, установленные современной критикой, точны только по отношенію времени редакціи существующихъ текстовъ; что же касается до ея выводовъ, то они произвольны и нелогичны. Изъ того, что Элоисты и Іеговисты писали 400 лѣтъ спустя послѣ Исхода, вовсе не слѣдуетъ, что они-то и были создателями кн. Бытія, а не трудились надъ передачей документа, уже существовавшаго и лишь плохо ими понятаго. И изъ того, что Пятикнижіе даетъ намъ легендарный разсказъ о жизни Моисея, точно такъ же нельзя вывести заключенія, что въ немъ не находится ничего истиннаго.

Моисей становится живымъ, и вся его чудесная судьба объясняется вполнѣ, если поставить его въ истинную, прирожденную ему среду: въ Мемфисскій храмъ Озириса. Вся глубина кн. Бытія раскрывается лишь при свѣтѣ факеловъ, освѣщавшихъ посвященіе Изиды и Озириса.

Религія не можетъ создаться безъ иниціатора. Судьи, Пророки и вся исторія Израиля доказываютъ существованіе Моисея. Даже Іисусъ не можетъ быть понятъ безъ него. Если же принять, что Книга Бытія содержитъ въ себѣ всю сущность Моисеева преданія,—какимъ бы превращеніямъ она ни подвергалась, подъ всѣмъ налетомъ вѣковой

пыли и безчисленныхъ прикосновеній священства она все же должна сохранить свою основную идею, живую мысль, завѣщаніе пророка Израиля.

Израиль вращается вокругъ Моисея такимъ же неизбѣжнымъ и роковымъ образомъ, какъ земля обращается вокругъ солнца. Допустивъ это, попробуемъ понять, каковы же были основныя идеи книги Бытія? Чтó, собственно, Моисей хотѣлъ заповѣдать потомству въ этомъ тайномъ завѣщаніи Сеферъ-Берешитъ?

Задача эта можетъ быть разрѣшена только съ точки зрѣнія эзотеризма. Ее можно попытаться выразить такъ: въ качествѣ египетскаго посвященнаго, разумѣніе Моисея должно было стоять на высотѣ египетской науки, которая признавала—какъ и современная наука—неизмѣнность законовъ вселенной, развитіе міровъ путемъ постепенной эволюціи и сверхъ того, обладала обширными и точными познаньями относительно невидимыхъ міровъ и души человѣческой. Если такова была наука Моисея—а какъ могъ жрецъ Озириса не имѣть ея—*какъ* помирить это съ дѣтскими мыслями книги Бытія относительно сотворенія міра и происхожденія человѣка? Эта исторія сотворенія, которая, взятая буквально, вызываетъ улыбку у школьника нашихъ дней, не скрываетъ ли въ себѣ глубокій символическій смыслъ, и нѣтъ ли ключа, который могъ бы раскрыть ее?

Если это такъ, каковъ этотъ смыслъ и гдѣ найти этотъ ключъ?

Этотъ ключъ можно найти: 1) въ египетской символикѣ: 2) въ символахъ всѣхъ религій древняго цикла; 3) въ синтезѣ ученій посвященныхъ, который получается изъ сопоставленія эзотерическихъ ученій, начиная съ ведической Индіи и до христіанскихъ посвященныхъ первыхъ вѣковъ нашей эры включительно.

Египетскіе жрецы, по словамъ греческихъ авторовъ, владѣли тремя способами объяснять свою мысль. Первый способъ былъ ясный и простой, второй символическій и образный, третій священный и іероглифическій. То же самое слово принимало, по ихъ желанію, либо свой обычный смыслъ, либо образный, либо трансцендентный. Такъ великъ былъ геній ихъ языка. Гераклитъ прекрасно выразилъ эти различія, опредѣляя ихъ языкъ какъ *говорящій, обозначающій и скрывающій* *).

Когда дѣло касалось теософическихъ и космогоническихъ наукъ, египетскіе жрецы всегда употребляли третій способъ письма. Ихъ іероглифы имѣли при этомъ три смысла, и соотвѣтствующіе, и различные

*) Фабръ д'Оливе, *Vers dorés de Pythagore*.

въ одно и то же время. Два послѣдніе смысла не могли быть поняты безъ ключа. Этотъ способъ письма, таинственный и загадочный, исходилъ изъ основного положенія герметической доктрины, по которой одинъ и тотъ же законъ управляетъ міромъ естественнымъ, міромъ человѣческимъ и міромъ божественнымъ.

Языкъ этого письма, поразительно сжатый и совершенно непонятный для толпы, обладалъ своей особой выразительностью, доступной только Адепту, ибо посредствомъ единаго знака онъ вызывалъ въ его сознаніи начала, причины и послѣдствія, которыя, исходя отъ Бога, отражаются и въ слѣпой природѣ, и въ сознаніи человѣческомъ, и въ мірѣ чистыхъ духовъ. Благодаря этому способу письма Адептъ обнимаетъ всѣ три міра сразу.

И нѣтъ сомнѣнія, что Моисей, обладавшій герметическими знаніями, написалъ свою Книгу Бытія египетскими іероглифами, заключавшими въ себѣ всѣ три смысла. Онъ передалъ ключи отъ нихъ и далъ устныя объясненія своимъ преемникамъ. Когда же, во времена Соломона, Книга Бытія была переведена на языкъ финикійскій, когда, послѣ плѣна вавилонскаго, Ездра переписывалъ ее арамейско-халдейскими письменами, еврейское священство владѣло этими ключами уже очень не совершенно.

Когда-же очередь дошла го греческихъ переводчиковъ Библіи, послѣдніе имѣли лишь очень слабое понятіе объ эзотерическомъ смыслѣ переводимыхъ текстовъ. Св. Іеронимъ, несмотря на свои серьезныя намѣренія и большой умъ, не могъ уже, дѣлая свой латинскій переводъ съ греческаго текста, проникнуть до первобытнаго смысла Библіи, а если бы даже и могъ, условія времени заставили бы его молчать.

Слѣдовательно, когда мы читаемъ Книгу Бытія въ существующихъ переводахъ, мы имѣемъ лишь низшій, первый смыслъ ея содержанія. И даже сами толкователи и ученые теологи, правовѣрные или свободомыслящіе, и тѣ свѣряются съ еврейскимъ текстомъ черезъ Вульгату *). Смыслъ же—и уподобляющій, и высочайшій, который и есть истинный смыслъ первоначальнаго текста, ускользаетъ отъ нихъ.

Но это не мѣшаетъ имъ зарываться въ тонкости еврейскаго текста, который корнями своими прикасается къ священному языку храмовъ, переплавленному Моисеемъ, языку, гдѣ каждая гласная и каждая согласная обладала вселенскимъ смысломъ, имѣвшимъ отношеніе и къ акустическому значенію буквы, и къ душевному состоянію произносившаго ее человѣка.

*) Латинскій переводъ Библіи.

Для одаренныхъ интуиціей этотъ скрытый смыслъ вырывается иногда, какъ яркая искра, изъ текста; для ясновидящихъ онъ просвѣчиваетъ въ фонетическомъ расположеніи словъ, принятыхъ или созданныхъ Моисеемъ: то магическіе слоги, въ которые посвященный Озириса вливалъ свою мысль, какъ звучный металлъ въ совершенную литейную форму.

Благодаря изученію того звукового способа, который несетъ на себѣ печать священнаго языка древнихъ храмовъ, благодаря ключамъ, которыми насъ снабжаетъ Каббала и часть которыхъ восходитъ до временъ Моисея, и, наконецъ, благодаря сравнительному эзотеризму, для насъ является уже возможнымъ угадать и возстановить истинную Книгу Бытія. И такимъ образомъ, мысль Моисея вновь появится изъ горнила вѣковъ, сіяющая, какъ чистое золото, освободившаяся отъ шлаковъ первобытной теологіи и изъ подъ пепла отрицающей критики *).

---

*) Истинный возстановитель космогоніи Монсея, иесмотря иа свой геній, почти забытъ въ наше время. Но придетъ часъ, когда Франція отдастъ ему должиое, и это будетъ тогда, когда эзотерическая наука, заключающая въ себѣ всю полноту знанія, будетъ возстаиовлеиа на своихъ нерушимыхъ основахъ. Фабръ д'Оливе не могъ быть понятъ своими современниками, т. к. оиъ на цѣлое столѣтіе опередилъ ихъ. Умъ всеобъемлющій, онъ обладалъ въ равной степени тремя качествами, соединеніе которыхъ создаетъ трансцедеитиый умъ: интуиціей, аиализомъ и синтезомъ. Родившійся въ Ганжѣ (Ganges, Hérault) въ 1767 г., оиъ подошелъ къ изученію мистнческихъ доктриитъ древняго Востока послѣ того, какъ получилъ осиовательиыя свѣдѣнія въ наукахъ, философіяхъ и литературахъ Запада К. де-Жебелэнъ (Court de Gébelin) своимъ сочиненіемъ «Первобытиый Міръ» открылъ ему впервые снмволическій смыслъ древиихъ миѳовъ н священнаго языка храмовъ. Чтобы проникнуть въ тайное учеиіе Востока, оиъ изучилъ китайскій, саискритскій, арабскій и еврейскій языки. Въ 1815 г. онъ издалъ свою главную книгу: «*Возстановленный еврейскій языкъ*» (La Langue hébraïque restituée). Эта кинга содержнтъ: 1) вводное разсужденіе по поводу пронсхожденія языка; 2) еврейскую грамматику, осиоваиную на иовыхъ началахъ; 3) корни еврейскаго языка, разсматриваемые иа основаиіи этимологической науки; 4) предварительная статья; 5) переводъ французскій и англійскій 10 первыхъ главъ Ки. Бытія, заключающихъ въ себѣ космогоиію Моисея. Этотъ переводъ сопровождается комментаріями велнчайшаго интереса. Я могу здѣсь указать лишь на принципы и на суть этой книги, являющейся въ полиомъ смыслѣ слова откровеніемъ. Она проникнута духомъ самаго глубокаго эзотеризма н построена по самой строгой научной снстемѣ. Методъ Фабра д'Оливе, которымъ онъ пользуется, чтобы проникнуть въ скрытый смыслъ еврейскаго текста Ки. Бытія, состоитъ въ сравненіи еврейскаго съ арабскимъ, сирійскнмъ, арамейскимъ и халдейскнмъ языками *съ точки зрѣнія первичныхъ и всеобщихъ корней*; оиъ даетъ достойиый удивлеиія словарь, снабженный примѣрами нзъ всѣхъ языковъ, который можетъ служить ключомъ для священныхъ имеиъ у всѣхъ народовъ. Кромѣ того, Фабръ д'Олнве

Два примѣра помогутъ выяснить, *какъ* слагался священный языкъ древнихъ храмовъ, и какимъ образомъ три кроющіяся въ немъ значенія оказались тождественными и въ символахъ Египта, и въ Книгѣ Бытія. На множествѣ египетскихъ памятниковъ встрѣчается такой символъ: вѣнчанная женщина держитъ въ одной рукѣ крестъ—символъ вѣчной жизни, а въ другой—скипетръ, украшенный цвѣтами лотоса, символъ посвященія; это—богиня Изида. Изида же имѣетъ три различныхъ значенія. Въ прямомъ смыслѣ она изображаетъ женщину, слѣдовательно и все міровое женское начало; въ аналогическомъ смыслѣ она олицетворяетъ совокупность всей земной природы со всѣми ея зарождающимися силами; въ высшемъ смыслѣ, она символизируетъ невидимую небесную природу, элементъ душъ и духовъ, духовный свѣтъ, разумный по существу, который одинъ только можетъ даровать посвященіе.

Символъ, соотвѣтствующій Изидѣ въ текстѣ Кн. Бытія и въ сознаніи іудео-христіанскомъ, есть Ева, IÉVÉ, вѣчная женственность.

даетъ прекрасное объясненіе исторіи Библіи и возможныя причины, по которымъ ея истинный смыслъ утерянъ и остается до нашихъ дней совершенно неизвѣстнымъ наукѣ и официальной теологіи.

Заговоривъ о Фабръ д'Оливе, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ и о другой позднѣйшей книгѣ, вызванной къ жизни трудами Фабръ д'Оливе. Я говорю о *Mission des Juifs*, Saint-Ives d'Alveydre (1884 Calmann Lévy). Сентъ-Ивъ обязанъ своимъ философскимъ посвященіемъ книгамъ Ф. д'Оливе. Толкованіе Кн. Бытія взято имъ во всѣхъ существенныхъ чертахъ изъ *La Langue hébraïque restituée* Фабръ д' Оливе, метафизика—изъ *Золотыхъ стиховъ Пиѳагора*, а философія исторіи его книги заимствована изъ «*Histoire philosophique du genre humain*» Фабра д'Оливе. Цѣль этой книги двойная: доказать, что наука и религія Моисея были необходимымъ послѣдствіемъ предшествовавшихъ религіозныхъ движеній въ Азіи и Египтѣ, что Фабръ д'Оливе уже освѣтилъ въ своихъ геніальныхъ произведеніяхъ; и доказать, что тройственное начало всякаго правленія, состоящаго изъ трехъ видовъ власти: экономической, судебной и религіозной или научной, было во всѣ времена вѣнцомъ доктрины посвященныхъ и существенной частью религій древняго цикла, до Греціи. Такова собственная идея Сентъ-Ива, идея, достойная полнаго вниманія. Онъ называетъ ее *синархіей* или управленіемъ, основаннымъ на принципахъ; онъ находитъ въ ней органическій законъ общественнаго устроенія и единственное спасеніе для будущаго. Если не считать того обстоятельства, что Сентъ-Ивъ не любитъ указывать на свои источники, необходимо признать высокое значеніе его книги, которой и я обязанъ многимъ. Въ ней, несомнѣнно, одно великое качество, передъ которымъ нельзя не преклониться, это—цѣлая жизнь, посвященная одной и той же идеѣ. Кромѣ этой книги, онъ издалъ еще «La Mission des souverains» и «La France vraie»; въ послѣдней онъ, хотя и поздно и какъ бы нехотя, все же отдаетъ должное своему учителю Фабръ д'Оливе.

Въ этомъ смыслѣ Ева не только жена Адама, но и Божественная Супруга. Она составляетъ три четверти Его сущности. Ибо имя IÉVÉ, изъ котораго сдѣлали Jéhovah и Iavèh, состоитъ изъ приставки Jod и имени Evè.

Первосвященникъ Iерусалима произносилъ однажды въ годъ божественное имя, провозглашая его—буква за буквой—слѣдующимъ образомъ Iod, hè, vau, hè. Первый слогъ выражалъ божественную мысль *) и теогоническія науки; три буквы имени Evè выражали три порядка природы **), три міра, въ которыхъ эта мысль осуществляется, слѣдовательно и науки космогоническія, и физическія, соотвѣтствующія тремъ мірамъ ***). Неизрѣченный содержитъ въ своихъ глубокихъ нѣдрахъ Вѣчно-Мужественное и Вѣчно-Женственное начала. Ихъ нерасторжимый союзъ составляетъ Его силу и Его тайну, но Моисей, заклятый врагъ всякаго изображенія Бога, не говорилъ о томъ народу; онъ внесъ образно эту идею въ построеніе Божественнаго Имени, объяснивъ его значеніе своимъ Адептамъ. Такимъ образомъ природа, не получившая выраженія въ Iудейскомъ культѣ, таится въ самомъ имени Бога. Супруга Адама, женщина любопытная, грѣховная и очаровательная, раскрываетъ передъ нами свое глубокое сродство съ Изидой земной и божественной, матерью боговъ, которая хранитъ въ своихъ нѣдрахъ вихри душъ и свѣтилъ.

Другой примѣръ. Большую роль въ исторіи Адама и Евы играетъ Змій. Кн. Бытія называетъ его *Nahash*. Какое же значеніе имѣла змѣя для древнихъ храмовъ? Мистеріи Индіи, Египта и Греціи отвѣчаютъ въ одинъ голосъ: змѣя, свернувшаяся кольцомъ, означаетъ міровую жизнь, магической силой которой является астральный свѣтъ. Въ еще болѣе глубокомъ смыслѣ *Nahash* означаетъ силу, которая

---

*) Natura naturans Спинозы.

**) Natura naturata, его-же.

***) Вотъ какъ Фабръ Д'Оливе объясняетъ слово IÈVÈ: „Это имя являетъ прежде всего знакъ, указывающій на жизнь, удвоенный и образующій существенно живой корень EE (הה). Этотъ корень никогда не употребляется какъ имя; онъ съ самаго начала представляетъ собою не только глаголъ, но глаголъ Единственный, отъ котораго всѣ остальные глаголы лишь производятся; слѣдовательно глаголъ הוה (ÈVÈ) равнозначущъ *сущему бытію*. Здѣсь, какъ читатель видитъ и какъ я уже объяснилъ въ своей грамматикѣ, второй знакъ ו (Vau) находится посреди корня жизни. Моисей, взявъ этотъ глаголъ для образованія изъ него имени единосущаго, прибавляетъ къ нему знакъ потенціальнаго проявленія Вѣчности י (I) и получаетъ יהוה (IÈVÈ), въ которомъ сущее помѣщено между безначальнымъ прошедшимъ и безконечнымъ будущимъ. Это достойное удивленія имя означаетъ въ точности: Бытіе, которое есть, было и будетъ.

приводитъ жизнь въ движенiе, то взаимное притяженiе, въ которомъ Жофруа Сентъ-Илеръ видѣлъ причину всемiрнаго тяготѣнiя. Греки называли это притяженiе Эросомъ, Любовью или Желанiемъ. Попробуйте примѣнить эти два смысла къ исторiи Адама, Евы и Змiя, и вы увидите, что грѣхопаденiе первой пары или «первородный грѣхъ» превратится въ великое устремленiе природы съ ея царствами, видами и родами въ могучiй круговоротъ жизни.

Эти два примѣра даютъ намъ возможность заглянуть въ глубины Моисеевой космогонiи. Уже изъ этого мы можемъ предположить, чѣмъ была космогонiя для древняго посвященнаго и въ какой степени она отличается отъ космогонiи въ современномъ смыслѣ. Для современной науки она сводится къ космографiи. Въ ней заключается описанiе части видимой вселенной и изученiе связи физическихъ причинъ и послѣдствiй въ данной сферѣ. Такова, напримѣръ, мiровая система Лапласа, въ которой наша солнечная система познается по ея настоящей дѣятельности и выводится лишь изъ матерiи, находящейся въ движенiи, что представляетъ чистую гипотезу;—или исторiя земли, въ которой различныя наслоенiя почвы являются неопровержимыми свидѣтелями. Древняя наука не была въ невѣдѣнiи относительно развитiя видимой вселенной, если она имѣла объ этомъ менѣе точныя понятiя, чѣмъ современная наука, зато она установила путемъ интуицiи общiе законы ея развитiя.

Но для мудрецовъ Индiи и Египта все видимое развитiе было лишь внѣшнимъ аспектомъ мiра, его отраженнымъ движенiемъ. И они искали объясненiя его въ аспектѣ внутреннемъ, въ движенiи прямомъ и изначальномъ. Они находили его въ другомъ порядкѣ законовъ, который открывается нашему разуму. Для древней науки безграничная вселенная не была мертвой матерiей, управляемой механическими законами, она была живое цѣлое, одаренное разумомъ, душой и волей. Это великое тѣло вселенной имѣло для нея безконечное число органовъ, соотвѣтствующихъ его безконечнымъ способностямъ.

Какъ въ человѣческомъ тѣлѣ всѣ движенiя происходятъ отъ мыслящей души и отъ дѣйствующей воли, такъ въ глазахъ древней науки *видимый порядокъ вселенной былъ лишь отраженiемъ порядка невидимаго*, т. е. космогоническихъ силъ и духовныхъ монадъ всѣхъ царствъ, видовъ и родовъ, вызывающихъ своей безпрерывной *инволюцiей* въ матерiю *эволюцiю* жизни.

Въ то время, какъ современная наука разсматриваетъ лишь внѣшнее, поверхность вселенной, наука древнихъ храмовъ имѣла цѣлью раскрыть внутреннюю суть, распознать скрытый составъ вещей. Она

не выводила разума изъ матеріи, но матерію изъ разума. Она не приписывала рожденіе вселенной слѣпому сцѣпленію атомовъ, но зарожденіе атомовъ объясняла вибраціями міровой Души. Она подвигалась концентрическими кругами отъ общаго къ частному, отъ Невидимаго къ Видимому, отъ чистаго Духа къ организованной Матеріи, отъ Бога къ человѣку. Этотъ нисходящій порядокъ Силъ и Душъ, обратно пропорціональный порядку восходящему Жизни и Тѣлъ, представлялъ онтологію или науку объ общихъ свойствахъ сущаго и составлялъ основу космогоніи.

Всѣ великія посвященія Индіи, Іудеи и Греціи, посвященія Кришны, Гермеса, Моисея и Орфея знали—подъ различными формами—этотъ порядокъ началъ, силъ, душъ и поколѣній, которыя исходятъ изъ Первопричины, отъ неизрѣченнаго Отца. Нисходящій порядокъ воплощеній одновремененъ съ восходящимъ порядкомъ жизни, и онъ одинъ служитъ къ пониманію послѣдняго. Инволюція производитъ эволюцію и объясняетъ ее.

Въ Греціи храмы дорическіе, представлявшіе религію мужского начала, храмы Юпитера и Аполлона, и въ особенности Дельфійскій храмъ, были единственными, вполнѣ обладавшими знаніемъ нисходящаго порядка. Іоническіе храмы, представлявшіе въ религіи женское начало, были знакомы съ нимъ лишь отчасти. А такъ какъ вся греческая цивилизація была іонической, дорическая наука и дорическій порядокъ закрывались тамъ все болѣе и болѣе. Но несомнѣнно, что всѣ великіе инициаторы Греціи, ея герои и ея философы, отъ Орфея до Пиѳагора, отъ Пиѳагора до Платона и до александрійцевъ, придерживались именно этого порядка. Всѣ они признавали Гермеса за своего учителя.

Но вернемся къ Кн. Бытія. Въ мысли Моисея первыя десять главъ Кн. Бытія составляютъ истинную онтологію. Все, что имѣетъ начало, должно имѣть и конецъ. Кн. Бытія повѣствуетъ одновременно объ эволюціи во времени и о творчествѣ въ вѣчности, единственномъ достойномъ Бога.

Я намѣреваюсь въ книгѣ о Пиѳагорѣ дать живую картину эзотерической теогоніи и космогоніи въ рамѣ менѣе отвлеченной, нежели ученіе Моисея, и, кромѣ того, болѣе близкой къ современному пониманію. Несмотря на форму многобожія, несмотря на чрезвычайное разнообразіе символовъ, смыслъ этой пиѳагорейской космогоніи, выраженной въ орфическомъ посвященіи и въ святилищахъ Аполлона, вполнѣ тождественъ по существу съ космогоніей израильскаго пророка.

У Пиѳагора она какъ бы освѣщена своимъ естественнымъ дополненіемъ—ученіемъ о человѣческой душѣ и ея эволюціи. Ученіе это передавалось въ греческихъ святилищахъ подъ символами миѳа о Персефонѣ. Оно носило также названіе *земной и небесной исторіи Психеи*. Эта исторія, соотвѣтствующая тому, что въ христіанствѣ называется искупленіемъ, совершенно отсутствуетъ въ Ветхомъ Завѣтѣ. Не потому, чтобы Моисей и пророки не знали ея, но они считали ее слишкомъ недоступной для всеобщаго обученія и сохраняли ее для устной передачи посвященнымъ. Божественная Психея оставалась сокрытой подъ герметическими символами Израиля такъ долго лишь для того, чтобы воплотиться въ великій и свѣтлый образъ Христа.

Что касается до космогоніи Моисея, въ ней сказывается и суровый характеръ семитическаго генія и математическая точность генія египетскаго. Самый стиль повѣствованія напоминаетъ образы, украшающіе внутренность царскихъ гробницъ; прямые, сухіе и строгіе, они таятъ въ своей суровой наготѣ непроницаемую тайну. Цѣлое этой космогоніи заставляетъ думать о циклопическихъ постройкахъ, но по временамъ, подобно потоку раскаленной лавы между гигантскими гранитами, мысль Моисея прорывается съ огненной силой среди неустойчивыхъ стиховъ переводчиковъ. Въ первыхъ главахъ, неподражаемыхъ по величію, чувствуется какъ подъ дыханіемъ Элоима переворачиваются—одна за другой—могучія страницы вселенной.

Прежде чѣмъ итти дальше, взглянемъ еще разъ на нѣкоторые изъ этихъ величавыхъ іероглифовъ, созданныхъ пророкомъ Синая. Какъ за дверью, ведущей въ подземный храмъ, за каждымъ ихъ нихъ раскрывается цѣлая галлерея оккультныхъ истинъ, которыя, подобно неподвижнымъ свѣточамъ, освѣщаютъ ряды міровъ и тысячелѣтій. Попробуемъ проникнуть въ нихъ съ ключами посвященія. Попытаемся увидать эти странные символы, эти загадочныя формулы въ ихъ магической силѣ, какими ихъ видѣлъ посвященный Озириса, когда они выступали огненными буквами изъ пламеннаго горнила его мысли.

Въ склепѣ храма Іоѳора, прислонившись къ саркофагу, Моисей размышляетъ въ глубокой тишинѣ. Стѣны и колонны покрыты іероглифами и живописью, изображающими имена и образы боговъ всѣхъ народовъ земли. Эти символы рисуютъ исторію исчезнувшихъ цикловъ и предсказываютъ циклы будущіе. Таинственно мерцающій свѣтильникъ слабо освѣщаетъ эти знаки, и каждый изъ знаковъ говоритъ съ Моисеемъ своимъ собственнымъ языкомъ. Но вотъ онъ уже не видитъ болѣе ничего внѣшняго; онъ ищетъ въ глубинѣ своей души

живой Глаголъ своей Книги, образъ своего творенія, то Слово, которое превратится въ Дѣйствіе. Свѣтильникъ погасъ, но передъ его внутреннемъ взоромъ, во мракѣ склепа, запылало имя:

JÈVÈ.

Первая буква J окрашена бѣлымъ цвѣтомъ, три остальныя сверкаютъ подобно переливающемуся огню, въ которомъ вспыхиваютъ всѣ цвѣта радуги. И какой удивительной жизнью исполнены эти начертанія! Въ заглавной буквѣ Моисей провидитъ мужское Начало, Озириса, Духа творческаго по преимуществу; Èvè—способность зарождающую, небесную Изиду. Такимъ образомъ божественныя силы, которыя заключаютъ въ себѣ всѣ міры, развертываются и располагаются въ нѣдрахъ Бога. Своимъ совершеннымъ союзомъ, неизрѣченные Отецъ и Мать образуютъ Сына, живой Глаголъ, который творитъ вселенную. Это—тайна всѣхъ тайнъ, закрытая для земного разума, но которая говоритъ посредствомъ знаменія Бога, какъ Духъ говоритъ съ Духомъ. И священная тетраграмма разгорается все болѣе яркимъ свѣтомъ. Моисей видитъ исходящими изъ нея въ блистающихъ свѣтовыхъ снопахъ три міра, всѣ царства природы и божественный порядокъ познаванія. И тогда его пламенный взоръ сосредоточивается на знакѣ мужского начала творческаго духу. Его онъ призываетъ, въ Его верховной волѣ ищетъ онъ силу совершить свое личное творчество послѣ созерцанія творчества Предвѣчнаго.

И вотъ во мракѣ склепа передъ нимъ заблистало другое божественное имя:

ÆLOHIM.

Оно означаетъ для посвященнаго: Онъ,—Боги, Богъ Боговъ*). Это уже болѣе не Сущность, углубленная въ себя и въ Абсолютное, но Господь проявленныхъ міровъ, мысль котораго распускается въ милліоны свѣтилъ, въ милліоны подвижныхъ сферъ вращающейся вселенной.

«Въ началѣ Богъ создалъ небо и землю». Но это небо было сперва лишь мыслью о времени и о безпредѣльномъ пространствѣ, наполненномъ пустотой и безмолвіемъ. «И духъ Божій носился надъ

---

*) Ælohim представляетъ множественное число Aelo, имя, даваемое высшему Существу евреями и халдейцами, и происходитъ оно отъ корня AEI, который выражаетъ возвышенность, сила, могущество и означаетъ въ общемъ Бога. Hoâ, т. е. Онъ—по-еврейски, халдейски, сирійски, эѳіопски и арабски есть одно изъ священныхъ именъ Божества.—Fabre d'Olivet. *Le Langue hébraïque restituée.*

бездной *)». Что же изойдетъ ранѣе всего изъ его нѣдръ? Солнце? Земля? Туманность? Одна изъ субстанцій видимаго міра? Нѣтъ. Прежде всего отъ него родился *Aour*—Свѣтъ.

Но этотъ свѣтъ не былъ физическимъ, это былъ свѣтъ Разума, рожденный отъ содроганія небесной Изиды въ лонѣ Безконечнаго; всемірная душа, астральный свѣтъ, субстанція, изъ которой возникаютъ души; тончайшій элементъ, благодаря которому мысль переносится на безконечное пространство; божественный свѣтъ, который былъ ранѣе и будетъ послѣ того, какъ погаснутъ всѣ солнца вселенной. Вначалѣ онъ распространился въ Безконечности, это—могучее *выдыханіе* Бога. Затѣмъ онъ возвращается обратно, движимый побужденіемъ любви, это—глубокое *вдыханіе* Бога. Въ волнахъ божественнаго эфира, какъ бы подъ просвѣчивающимъ покровомъ, трепещутъ астральныя формы міровъ и существъ. И все это для Мага-Ясновидца вливается въ содержаніе произносимыхъ имъ словъ, которыя сверкаютъ во мракѣ огненными буквами:

ROUA ÆLOHIM AOUR **).

«Да будетъ свѣтъ и сталъ свѣтъ». Дыханіе Элоима есть Свѣтъ!

Изъ глубинъ этого изначальнаго, невещественнаго свѣта появляются шесть первыхъ дней Творенья, т. е. сѣмена, начала, формы, живыя души всякаго бытія. Это—Вселенная во всей своей мощи, проявленная въ Духѣ. Каково же послѣднее слово Творчества, какова

*) *Rouah Ælohim*, дыханіе Божіе, обозначаетъ символически стремленіе къ распространенію, къ расширенію. Это—въ іероглифическомъ смыслѣ—сила, противоположная мраку. Тогда какъ словомъ *темнота* опредѣляется сила сжимающая, слово *vouah* обозначаетъ силу расширяющую. Въ томъ и въ другомъ коренится вѣчный порядокъ двухъ противоположныхъ силъ, который мудрецы и ученые всѣхъ вѣковъ, начиная съ Парменида и Пиѳагора до Декарта и Ньютона, видѣли въ природѣ и обозначали различными именами.—Fabre d'Olivet. La langue hébraïque restituée.

**) *Дыханіе—Aelohim—Свѣтъ*. Эти три имени представляютъ іероглифическое сокращеніе второго и третьяго стиха Кн. Бытія. Вотъ изображенный латинскими буквами еврейскій текстъ 3-го стиха: *Wa,—iaômer Aelohim iêhi—aoûr, wa iêhi aoûr*. Вотъ буквальный переводъ, который даетъ Фабръ Д'Оливе: «И онъ сказалъ—Онъ, Сущій всѣхъ Сущихъ: будетъ сдѣланъ свѣтъ; и былъ сдѣланъ свѣтъ». Слово *roua*, которое означаетъ дыханіе находится во второмъ стихѣ. Надо замѣтить, что слово *aour*, которое означаетъ свѣтъ, есть перевернутое слово roua. Божественное дыханіе, возвращаясь къ себѣ, создаетъ свѣтъ разума.

формула, выражающая Бытіе въ дѣйствіи, живой Глаголъ, въ которомъ проявляется первая и послѣдняя мысль Абсолютнаго? Это послѣднее слово слѣдующее:

ADAM ÈVE.

Мужчина—Женщина. Этимъ символомъ не обозначается, какъ учатъ церковные догматы, первая человѣческая пара на нашей землѣ; имъ обозначается Богъ, дѣйствующій во вселенной, и символическое Человѣчество, проявленное во всѣхъ космическихъ сферахъ. «Богъ создалъ человѣка по образу Своему... мужчину и женщину сотворилъ ихъ». Эта божественная двойственность и есть творческій Глаголъ, посредствомъ котораго Ièvè проявляетъ свою собственную природу во всѣхъ мірахъ. Обитаемая имъ изначала сфера, которую Моисей охватилъ своей могучей мыслью, не есть легендарный земной рай, Эдемъ; она есть безграничная сфера Зороастра, сверхфизическій міръ Платона, всемірное небесное царство, Héden, Hadama, субстанція всѣхъ земныхъ міровъ.

Но какова будетъ эволюція человѣчества во времени и пространствѣ? Моисей созерцаетъ ее въ скрытой формѣ въ исторіи паденія. Въ Книгѣ Бытія Психея, человѣческая душа, названа *Аиша*; это—другое имя Евы *). Ея родина Shamaïm—небо. Она живетъ тамъ въ божественномъ эфирѣ, счастливая, но не сознающая себя. Она наслаждается небомъ, не понимая того, ибо чтобы его сознавать, нужно его забыть и снова вспомнить; чтобы его любить, нужно потерять и вновь обрѣсти его.

Она познаетъ его черезъ страданіе, она пойметъ его черезъ паденіе. И возможно ли представить себѣ болѣе глубокое и болѣе трагическое паденіе, чѣмъ то, которое разсказано въ младенческомъ повѣствованіи Библіи! Притягиваемая къ темной безднѣ жаждой познанія, Аиша не противится паденію... Она перестаетъ быть душой чистой, обладающей лишь звѣзднымъ тѣломъ и живущей божественнымъ эфиромъ. Она облекается въ матеріальное тѣло и вступаетъ въ кругъ рожденій. И воплощенія ея повторяются безсчетно, въ тѣлахъ все болѣе плотныхъ и грубыхъ соотвѣтственно мірамъ, въ ко-

*) Бытіе, глава II, 23. *Aïsha*, Душа, уподобляемая въ этомъ случаѣ Женщинѣ, является супругой *Aïsh*, Разума, уподобляемаго Мужчинѣ. Она взята отъ него, она составляетъ его неотдѣлимую половину, его способность хотѣть. То же отношеніе существуетъ между Діонисомъ и Персефоной въ орфическихъ Мистеріяхъ.

торыхъ она обитаетъ. Она спускается изъ сферы въ сферу... она спускается и забываетъ...

Темное покрывало закрываетъ ея внутренній взоръ: погасло божественное сознаніе, исчезло воспоминаніе о небесахъ въ грубой ткани матеріи.

Блѣднѣе погибшей надежды слабое воспоминаніе потеряннаго счастья все еще тлѣетъ въ ней. Изъ этой тлѣющей искры она должна будетъ возродиться и сама преобразить себя.

Да, Аиша все еще живетъ въ этой человѣческой парѣ, пребывающей безъ защиты на одичалой землѣ, подъ враждебнымъ небомъ, въ которомъ, не переставая, гремитъ гроза.

Потерянный рай? Это—безпредѣльность сокрывшагося неба, позади и впереди нея. Такъ созерцалъ Моисей родъ Адама во вселенной *).

Затѣмъ онъ изслѣдовалъ земныя судьбы человѣка. Онъ видѣлъ прошедшіе циклы и настоящіе.

Въ земной «Аиша», въ душѣ человѣчества, божественное сознаніе просвѣчивало нѣкогда огнемъ *Агни*, въ странѣ Куша, на склонахъ Гималая.

Но оно уже готово погаснуть, затоптанное идолопоклонствомъ, уничтоженное мрачными страстями, среди враждующихъ народовъ и борющихся культовъ. И Моисей далъ себѣ клятву, что онъ разбудитъ въ человѣчествѣ погасающее божественное сознаніе и для этого онъ учредилъ культъ Элоима.

Собирательное человѣчество, также какъ и индивидуальный человѣкъ, должно быть образомъ Іеве.

Но гдѣ найдется народъ, который могъ бы воплотить его и стать живымъ Глаголомъ человѣчества?

Тогда Моисей, завершивъ въ духѣ своемъ предстоящій ему подвигъ и измѣривъ глубины человѣческой души, объявилъ войну земной Евѣ, физической природѣ человѣка, слабой и испорченной. Чтобы побѣдить ее и затѣмъ поднять, онъ взывалъ къ всемогущему Духу, Іеве, къ источнику котораго поднялась его собственная душа. Онъ чувствовалъ, что его изліянія зажигаютъ и закаляютъ его какъ сталь. Имя ему Воля.

И въ черномъ безмолвіи склепа, Моисей услыхалъ голосъ. Голосъ этотъ исходилъ изъ глубины его собственнаго сознанія, онъ приказалъ ему: «Поднимись на гору Божію, у Хорива».

---

*) Въ самаритянскомъ переводѣ Библіи, къ имени Адамъ прибавлено прилагательное *всемірный*, *безконечный*. Отсюда видно, что дѣло идетъ обо всемъ родѣ человѣческомъ, а не объ отдѣльномъ человѣкѣ.

Глава IV.

Видѣніе Синая.

Темная масса гранита, оголенная и изрытая подъ огнемъ палящаго солнца, словно молнія провела по ней борозды, словно ударами грозы изваяны ея склоны. Это—вершина Синая, тронъ Элоима, какъ называютъ его сыны пустыни. Передъ ней менѣе высокая гора, скалы Сервала, такія же обрывистыя и дикія. Въ ихъ нѣдрахъ цѣлыя залежи мѣди и множество пещеръ. Между горами черная долина, цѣлый хаосъ каменныхъ глыбъ, которую арабы называютъ Хоривъ; это—Эребъ семитической легенды. Эта печальная долина производитъ зловѣщее впечатлѣніе, когда ночью тѣнь Синая падаетъ на нее, и еще мрачнѣе становится она, когда вершина горы окутана темными тучами, изъ которыхъ вырываются огненныя зигзаги молній. Въ такія минуты страшный вѣтеръ стонетъ въ узкомъ проходѣ. Арабы говорятъ, что то Элоимъ опрокидываетъ тѣхъ, кто пытается бороться съ нимъ, низвергая ихъ въ бездну, куда стремительно несутся дождевые вихри. Тамъ же, говорятъ Мадіаниты, бродятъ тлетворныя тѣни великановъ *Рефаимовъ*, которые обрушиваютъ скалы на всѣхъ, дерзающихъ приблизиться къ святому мѣсту. По народному преданію Богъ Синая появляется иногда освѣщенный молніями, и горе тому, кто увидитъ его ликъ. Увидать его значитъ умереть.

Вотъ что разсказывали Номады, сидя по вечерамъ въ своихъ палаткахъ. И дѣйствительно, лишь самые смѣлые изъ посвященныхъ Іоѳора поднимались въ пещеру Сербала и проводили тамъ нѣсколько дней въ постѣ и молитвѣ. Мудрецы Идумеи находили тамъ свои вдохновенья. Это было мѣсто, посвященное съ незапамятныхъ временъ мистическимъ видѣніямъ, Элоиму и свѣтлымъ духамъ. Ни одинъ священникъ и ни одинъ охотникъ не согласились бы провести туда странника.

Моисей поднялся безъ страха по ущелью Хорива. Онъ прошелъ безстрашно долину смерти съ ея хаосомъ скалъ. Какъ всякое человѣческое усиліе, посвященіе имѣетъ свои фазисы смиренія и гордости; поднявшись на священную гору, Моисей достигнулъ вершины гордости, онъ былъ на высотѣ человѣческаго могущества. Уже чувствовалъ онъ себя единымъ съ Господомъ.

Солнце, окруженное пламеннымъ пурпуромъ, спускалось надъ вулканическимъ хребтомъ Синая и лиловыя тѣни ложились на долины,

когда Моисей подошелъ къ пещерѣ, закрытой отъ глазъ колючими растеніями. Онъ собирался проникнуть туда, но былъ ослѣпленъ внезапнымъ свѣтомъ, озарившимъ всю окресность.

Ему казалось, что почва загорѣлась подъ нимъ и что гранитныя горы превратились въ море пламени. При входѣ въ пещеру ослѣпительно сіяющее видѣніе появилось передъ нимъ и огненнымъ мечомъ загородило ему дорогу. Моисей упалъ ницъ, какъ пораженный громомъ. Вся его гордость разбилась въ прахъ. Взглядъ лучезарнаго Ангела пронизалъ его своимъ свѣтомъ. Съ тѣмъ глубокимъ проникновеніемъ, которое возникаетъ у ясновидца, онъ понялъ, что это лучезарное Существо повѣдаетъ ему нѣчто страшное. И ему захотѣлось уклониться, скрыться въ нѣдра земныя.

Но голосъ произнесъ: «Моисей, Моисей!» И онъ отвѣтилъ: «здѣсь я, Господи».

«Не приближайся сюда, сними обувь съ ногъ твоихъ, ибо мѣсто, на которомъ ты стоишь, свято».

Моисей скрылъ лицо свое. Онъ страшился снова увидѣть Ангела и встрѣтить его пылающій взоръ.

И Ангелъ сказалъ ему: «Ты, который ищешь Элоима, почему ты дрожишь передо мной»?

«Кто ты?»

«Я — лучъ Элоима, вѣстникъ Того, который былъ, есть и будетъ во вѣкъ».

«Что приказываешь ты?»

«Ты скажешь сынамъ Израиля: Господь Богъ отцовъ вашихъ, Богъ Авраама, Богъ Исаака, Богъ Іакова, послалъ меня къ вамъ, чтобы извлечь васъ изъ страны рабства».

«Кто я,»—сказалъ Моисей,—«чтобы извлекать сыновъ Израиля изъ Египта?»

«Дерзай», сказалъ Ангелъ, «ибо я буду съ тобою. Я вложу пламя Элоима въ твое сердце, Его глаголъ въ твои уста. Сорокъ лѣтъ подрядъ ты призывалъ Его. Твой голосъ достигъ до Него, и вотъ я беру тебя во имя Его. Сынъ Элоима, ты принадлежишь мнѣ навсегда».

И Моисей, ободренный, воскликнулъ: «покажи мнѣ Элоима, дабы видѣть мнѣ Его живой огонь!»

Онъ поднялъ голову. Но море пламени погасло и Ангелъ исчезъ подобно сверкнувшей молніи. Солнце спустилось за погасшіе вулканы, мертвое молчаніе носилось надъ долиной Хорива, и голосъ, который пронесся по лазури неба и замеръ въ безконечности, сказалъ:

«Я Тотъ, который есмь».

Моисей пробудился послѣ этого видѣнія глубоко измѣненный. Въ первую минуту ему казалось, что тѣло его сгорѣло въ огнѣ эфира. Зато духъ его обрѣлъ новую силу. Когда онъ спустился къ храму Іоѳора, онъ былъ готовъ для своей миссіи. Его пламенная мысль предшествовала ему подобно Ангелу, вооруженному огненнымъ мечомъ.

Глава V.

Исходъ.—Пустыня —Магія.—Теургія.

Намѣреніе Моисея было самое необыкновенное и самое дерзновенное, какое когда либо возникало въ душѣ человѣческой. Вырвать цѣлый народъ изъ подъ ярма столь могущественной націи, какъ Египтяне, повести его къ завоеванію страны, занятой враждебнымъ населеніемъ, значительно лучше вооруженнымъ, влачить его въ теченіе десяти, двадцати, мало того—сорока лѣтъ по пустынѣ; испалить его жаждой, изнурить его голодомъ, довести его до смертельнаго утомленія подъ стрѣлами Хетитовъ и Амалекитовъ, готовыхъ растерзать его въ куски; разобщить его вмѣстѣ съ его Скиніей Завѣта отъ всѣхъ языческихъ народовъ; внушить ему единобожіе подъ угрозой огненнаго меча и исполнить его такимъ страхомъ и такимъ благоговѣніемъ передъ этимъ единымъ Богомъ, чтобы Онъ воплотился въ самое тѣло народа, сдѣлался его національнымъ символомъ, цѣлью всѣхъ его стремленій, смысломъ самого существованія народнаго,—таковъ былъ ни съ чѣмъ несравнимый подвигъ Моисея.

Исходъ былъ медленно подготовляемъ самимъ пророкомъ, главными начальниками Израиля и Іоѳоромъ. Чтобы привести свой планъ въ исполненіе, Моисей воспользовался моментомъ, когда Менефта, прежній его товарищъ по ученію, ставъ фараономъ, долженъ былъ отразить страшное вторженіе ливійскаго царя Мермаіу. Египетская армія, занятая во всей своей цѣлости на Западѣ, не могла удержать Евреевъ, и массовое переселеніе совершилось мирнымъ образомъ.

И вотъ племя Израиля двинулось въ путь. Эта длинная нить каравановъ съ верблюдами, несущими палатки на своихъ спинахъ, сопровождаемая большими стадами, собиралась обойти Красное море. Всѣхъ переселенцевъ было вначалѣ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Позднѣе, къ нимъ присоединились «всякаго рода люди», какъ говоритъ Библія, Ханаане, Эдомиты, Арабы и Семиты всѣхъ видовъ, привлеченные и очарованные пророкомъ пустыни, который призывалъ ихъ со всѣхъ концовъ, чтобы переплавить самую душу ихъ по своему.

Ядро этого создаваемаго Моисеемъ народа составлялъ Бенъ-Израиль, характера прямого, но жесткаго, упрямаго и мятежнаго. Его *хаги* или начальники внушали ему культъ единаго Бога, и у нихъ существовала возвышенная патріархальная традиція. Но для этихъ первобытныхъ, страстныхъ натуръ единобожіе представляло лишь идеалъ, и какъ только пробуждались ихъ дурныя страсти, инстинктъ многобожія, столь свойственный человѣку въ началѣ его эволюціи, бралъ верхъ. И тогда они впадали въ дикія суевѣрія, въ колдовство и идолопоклонство сосѣднихъ съ Египтомъ народовъ, съ чѣмъ Моисей боролся съ помощью истинно драконовскихъ законовъ.

Вокругъ пророка и народнаго повелителя образовалась группа священниковъ съ Аарономъ во главѣ, братомъ Моисея по посвященію, и съ пророчицей Маріей, которая представляетъ собою женское посвященіе у Израиля. Изъ этой группы и образовалось сословіе священниковъ. Рядомъ съ ними семьдесятъ начальниковъ, избранныхъ или посвященныхъ мірянъ, окружаютъ пророка, которымъ онъ и передастъ свое тайное ученіе, и которыхъ пріобщитъ къ своему могуществу, допустивъ ихъ участвовать въ своихъ вдохновеніяхъ и въ своихъ видѣніяхъ.

Въ центрѣ этой группы двигался золотой ковчегъ, идея котораго была заимствована Моисеемъ у египетскихъ храмовъ, гдѣ онъ служилъ вмѣстилищемъ священныхъ книгъ. Но Моисей приказалъ вылить ковчегъ по новому образцу, составленному имъ самимъ; ковчегъ Израиля былъ окруженъ съ четырехъ сторонъ херувимами изъ золота, напоминающими сфинксовъ или четырехъ символическихъ звѣрей видѣнія пророка Іезекіила. Одинъ изъ нихъ имѣетъ голову льва, второй—голову быка, третій—голову орла, а послѣдній — человѣческую голову. Они олицетворяли четыре космическихъ элемента: землю, воду, воздухъ и огонь, а также и четыре міра, изображенные буквами священной тетраграммы. Своими крыльями херувимы прикрывали священную жертву примиренія.

Этотъ ковчегъ былъ орудіемъ электрическихъ и свѣтовыхъ явленій, производимыхъ магіей жреца Озириса, явленій, которыя, пройдя черезъ легенды, послужили основаніемъ для библейскихъ разсказовъ. Кромѣ того, Ковчегъ Завѣта содержалъ Сеферъ-Берешитъ, написанную Моисеемъ египетскими іероглифами, и магическій жезлъ, упоминаемый въ Библіи. Въ немъ же будутъ сохраняться и Скрижали Завѣта, законодательство Синая. Моисей назвалъ золотой ковчегъ трономъ Элоима, потому что въ немъ заключены и священныя преданія, и миссія Израиля, и идея Іеговы.

Какое же политическое устройство намѣренъ былъ дать Моисей своему народу? По этому поводу слѣдуетъ привести одну изъ самыхъ любопытныхъ страницъ Исхода. Эта страница носитъ на себѣ тѣмъ болѣе древній и подлинный характеръ, что она указываетъ на слабую сторону Моисея, на его наклонность къ гордости, на его теократическій деспотизмъ, сдерживаемый посвятившимъ его Іоѳоромъ.

«На другой день сѣлъ Моисей судить народъ, и стоялъ народъ передъ нимъ съ утра до вечера.

«И видѣлъ Іоѳоръ, тесть Моисея, все, что онъ дѣлаетъ съ народомъ, и сказалъ: что это дѣлаешь ты съ народомъ? для чего ты сидишь одинъ, а весь народъ стоитъ передъ тобой съ утра до вечера?

«И сказалъ Моисей тестю своему: народъ приходитъ ко мнѣ просить суда у Бога;

«Когда случается у нихъ какое дѣло, они приходятъ ко мнѣ, и я сужу между тѣмъ и другимъ и объявляю имъ уставы Божіи и законы Его.

«Но тесть Моисея сказалъ ему: не хорошо ты это дѣлаешь;

«Ты измучилъ и себя и народъ сей, который съ тобою, ибо слишкомъ тяжело для тебя это дѣло: ты одинъ не можешь исправлять его;

«Итакъ, послушай словъ моихъ: я далъ тебѣ совѣтъ, и будетъ Богъ съ тобою; будь ты для народа посредникомъ передъ Богомъ и представляй Богу дѣла его;

«Научай ихъ уставамъ Божіимъ и законамъ Его, указывай имъ путь Его, по которому они должны идти, и дѣла, которыя они должны дѣлать;

«Ты же усмотри себѣ изъ всего народа людей способныхъ, боящихся Бога, людей правдивыхъ, ненавидящихъ корысть, и поставь ихъ надъ нимъ тысяченачальниками, стоначальниками, пятидесятиначальниками и десятиначальниками и письмоводителями;

«Пусть они судятъ народъ во всякое время и о всякомъ важномъ дѣлѣ доносятъ тебѣ, а всѣ малыя дѣла судятъ сами: и будетъ тебѣ легче, и они понесутъ съ тобою бремя;

«Если ты сдѣлаешь это, и Богъ повелитъ тебѣ, то ты можешь устоять, и весь народъ сей будетъ отходить въ свое мѣсто съ миромъ.

«И послушалъ Моисей словъ тестя своего и сдѣлалъ все, что онъ говорилъ ему». *)

Изъ этого отрывка слѣдуетъ, что въ учрежденномъ Моисеемъ общественномъ строѣ Израиля исполнительная власть разсматривалась какъ исходящая изъ власти судебной и была поставлена подъ контроль власти священнической. Таково было народное управленіе, запо-

*) Исходъ XVIII, ст. 13—24.

вѣданное Моисеемъ своимъ преемникамъ. Оно оставалось неизмѣннымъ во времена Судей отъ Осіи до Самуила.

Во времена царей подавленная священническая власть начала терять истинную традицію Моисея, которая сохранилась въ своей чистотѣ лишь у пророковъ.

Мы уже сказали, что Моисей не былъ евреемъ-патріотомъ; онъ былъ укротителемъ народа, и имѣлъ въ виду судьбы всего человѣчества. Израиль былъ для него лишь средствомъ. Его цѣлью была всемірная религія и, проникая далѣе въ судьбы ведомыхъ имъ кочующихъ племенъ, мысль его стремилась въ неизвѣданныя дали будущаго. Со времени исхода изъ Египта до самой смерти Моисея, вся исторія Израиля была однимъ непрестаннымъ единоборствомъ между пророкомъ и его народомъ.

Моисей повелъ племена Израиля сначала въ безплодную пустыню, посвященную Элоиму, туда, гдѣ онъ самъ получилъ впервые свое откровеніе. Тамъ, гдѣ его Геній овладѣлъ душой пророка, пророкъ рѣшилъ овладѣть своимъ народомъ, и наложить на его чело печать Іеговы: десять заповѣдей, могучій выводъ изъ нравственнаго закона и дополненіе къ трансцендентальной истинѣ, заключенной въ герметической книгѣ Ковчега Завѣта.

Трудно себѣ представить что либо болѣе трагическое, чѣмъ эта первая бесѣда между пророкомъ и его народомъ. Тамъ происходили необычайныя драмы, страшныя и кровавыя, налагавшія какъ-бы раскаленнымъ желѣзомъ печать на укрощаемаго Израиля. Подъ покровомъ библейской легенды можно догадаться о происходившихъ дѣйствительныхъ событіяхъ.

Избранные изъ всѣхъ племенъ раскинули свой лагерь на нагорной равнинѣ Фаранъ, у входа въ дикое ущелье, ведущее къ скаламъ Сербала. Грозная вершина Синая господствуетъ надъ этой каменистой равниной, вулканической и изрытой.

Передъ всѣми собравшимися Моисей объявляетъ торжественно, что онъ поднимется на вершину къ Элоиму, который дастъ ему законъ, и законъ этотъ онъ принесетъ людямъ, написанный на каменныхъ скрижаляхъ. Онъ приказываетъ всему народу бодрствовать и поститься и ожидать его съ душою цѣломудренной, въ чистотѣ и молитвѣ. Онъ оставляетъ переносный Ковчегъ подъ охраной семидесяти Старѣйшинъ. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ исчезаетъ въ проходѣ, сопровождаемый лишь однимъ вѣрнымъ ученикомъ, Іисусомъ Навиномъ.

Проходили дни за днями; Моисей не возвращался. Народъ сначала безпокоился; затѣмъ началъ роптать: «зачѣмъ увели насъ

въ эту пустыню, подвергая нападенію Амаликитянъ? Моисей обѣщалъ повести насъ въ страну Ханаанскую, гдѣ текутъ молоко и медъ, а теперь мы умираемъ въ пустынѣ. Лучше было рабство въ Египтѣ, чѣмъ эта жизнь, полная бѣдствій. Если бы Господь послалъ намъ тѣ мясныя кушанья, которыя мы ѣли тамъ! Если Богъ Моисея есть истинный Богъ, пусть онъ это докажетъ, пусть наши враги разсѣятся и пусть мы немедленно войдемъ въ страну обѣтованную». Ропотъ все увеличивался: начинался мятежъ; начальники принимали въ немъ участіе.

Въ разгаръ этого мятежа, появилась группа женщинъ, громко роптавшая. То были дочери Моава съ черной кожей, съ гибками тѣлами, наложницы или служанки начальниковъ Эдомитянъ, примкнувшихъ къ Израилю. Онѣ вспомнили, что были жрицами Астарты, вспомнили, какъ онѣ праздновали оргіи своей богини въ священныхъ рощахъ родной страны. Онѣ чувствовали, что часъ ихъ торжества насталъ. Онѣ появились разукрашенныя въ золото и въ яркія ткани, съ улыбкой на устахъ, сверкая на солнцѣ своими гибкими членами и металлическими отливами своихъ нарядовъ. Онѣ ходили среди раздраженной толпы, смотрѣли на мятежниковъ разгорѣвшимися глазами и, обольщая ихъ сладкими рѣчами, говорили: «что, въ сущности, представляетъ изъ себя этотъ жрецъ Египта съ своимъ Богомъ? Онъ навѣрное умеръ на Синаѣ. Рефаимы сбросили его въ бездну, и не онъ поведетъ ваши племена въ Ханаанъ. Пусть же дѣти Израиля обратятся съ мольбой къ богамъ Моава, Бельфегору и Астартѣ! Этихъ боговъ можно видѣть, и они творятъ чудеса! Они поведутъ народъ въ землю Ханаанскую».

Мятежная толпа слушала Моавитянокъ, бунтующіе возбуждали другъ друга, крики разростались и неслись отъ всей толпы: «Ааронъ, Ааронъ! Сдѣлай намъ боговъ, которые бы вели насъ; ибо мы не знаемъ, что стало съ Моисеемъ, который увелъ насъ изъ страны Египетской».

Ааронъ тщетно старался успокоить толпу. Дочери Моава призвали финикійскихъ жрецовъ, пришедшихъ съ караваномъ. Жрецы принесли деревянную статую Астарты и воздвигли ее на жертвенникѣ изъ камня. Мятежники заставили Аарона, подъ страхомъ смерти, вылить золотого тѣльца, который представлялъ собой одну изъ формъ Бельфегора.

Начинаются жертвоприношенія быковъ и козловъ чужимъ богамъ, начинается пированіе и вокругъ идоловъ возникаютъ сладострастныя пляски, ведомыя дочерьми Моава подъ звуки гуслей, кимваловъ и тимпановъ, потрясаемыхъ руками женщинъ.

Семьдесятъ Старѣйшинъ, избранныхъ Моисеемъ для охраненія священнаго Ковчега, напрасно старались остановить разгорающійся

мятежъ. Безсильные, они опустились на землю, посыпавъ головы свои пепломъ. Окруживъ тѣснымъ кольцомъ Скинію съ Ковчегомъ, они съ глубокимъ смущеніемъ слушали дикіе крики, необузданныя пѣсни и заклинанія, обращенныя къ страшнымъ божествамъ, демонамъ сладострастія и жестокости; съ ужасомъ видѣли они этотъ народъ, объятый изступленіемъ бунта противъ своего Бога. Что станется съ Ковчегомъ Завѣта, съ Книгой Израиля, если Моисей не возвратится?

А между тѣмъ, Моисей возвратился. Плодомъ его долгаго уединенія, его одиночества на горѣ Элоима былъ законъ, начертанный на каменныхъ скрижаляхъ *).

Спускаясь съ горы съ скрижалями въ рукахъ, онъ увидѣлъ сразу всю оргію своего народа передъ воздвигнутымъ идоломъ. При видѣ жреца Озириса, пророка Элоима, танцы останавливаются, чужіе жрецы бѣгутъ, мятежники, дрогнувъ, колеблются. Пожирающимъ огнемъ разгорается великій гнѣвъ въ душѣ Моисея. Онъ разбиваетъ каменныя скрижали и всѣмъ становится ясно, что онъ въ силахъ разбить такимъ же образомъ и весь народъ, и что Божья сила владѣетъ имъ.

Израиль дрожитъ, но подъ страхомъ, покорившимъ мятежниковъ, таится скрытая ненависть. Одно слово, одинъ жестъ колебанія со стороны первосвященника-пророка и чудовище облеченной въ идопоклонство анархіи подняло бы противъ него свои безчисленныя головы и смело бы подъ дождемъ камней и Священный Ковчегъ, и самаго пророка, и его идею.

Но Моисей не дрогнулъ. Онъ стоялъ передъ народомъ, окруженный невидимыми охранявшими его силами. Онъ понялъ, что прежде всего нужно поднять духъ семидесяти Старѣйшинъ до своей собственной высоты и черезъ нихъ поднять и весь народъ. Онъ призывалъ Элоима-Іегову, Небесный Огонь, изъ глубины своего духа и изъ глубины Небесъ.

— Ко мнѣ, семьдесятъ избранныхъ! воскликнулъ Моисей. Да возьмутъ они священный ковчегъ и да поднимутся со мной на гору Божію, народъ же пусть ждетъ и дрожитъ. Я принесу ему судъ Элоима.

Левиты вынесли изъ палатки золотой Ковчегъ, прикрытый пеленами, и шествіе изъ семидесяти Старѣйшинъ съ пророкомъ во главѣ исчезло въ ущельяхъ Синая. И неизвѣстно, кто болѣе дрожалъ: левиты, пораженные всѣмъ совершившимся, или народъ, приведенный

*) Въ древности все написанное на камнѣ считалось особенно священнымъ. Такъ, іерофантъ Элевзиса читалъ передъ посвященными написанное на камнѣ, беря съ нихъ клятву никому не передавать услышаннаго. Вырѣзанное на камнѣ въ храмѣ Элевзиса не было записано нигдѣ въ иномъ мѣстѣ.

въ ужасъ ожидаемой карой, которую Моисей поднялъ надъ ихъ головами какъ невидимый мечъ.

— Если бы только возможно было уклониться отъ страшной силы этого жреца Озириса, этого пророка несчастія! говорили мятежники, и половина лагеря спѣшно складывала свои палатки, сѣдлала своихъ верблюдовъ и готовилась къ бѣгству.

Но вотъ какой то странный туманъ, густой сумрачный покровъ разостлался по небу; острый сѣверный вихрь подулъ съ Краснаго моря, пустыня окрасилась красновато-блѣднымъ свѣтомъ, позади Синая взгромоздились тяжелыя тучи. Небо почернѣло. Порывы вихря приносили горы песку и молніи пронизывали крутящіяся облака, которыя проносились надъ вершиной Синая, низвергая на нее потоки дождя.

Вслѣдъ затѣмъ разразилась гроза, и ея громовые голоса перекатывались по всѣмъ горнымъ ущельямъ и доносились до израильскаго лагеря устрашающимъ грохотомъ. Народъ не сомнѣвался, что то былъ гнѣвъ Элоима, вызванный Моисеемъ. Моавитянки исчезли; идолы были повержены, начальники племенъ пали ницъ, женщины и дѣти искали спасенія за тѣлами верблюдовъ. И это длилось цѣлую ночь и цѣлый день. Молніи зажигали палатки, убивали людей и животныхъ, и громъ не переставалъ грозно гремѣть.

Къ вечеру слѣдующаго дня гроза начала затихать, но облака продолжали дымиться надъ Синаемъ и небо оставалось чернымъ. Внезапно у выхода изъ горнаго ущелья показались семьдесятъ Старѣйшинъ и во главѣ ихъ Моисей. И въ невѣрномъ освѣщеніи наступившихъ сумерекъ, лица пророка и его избранныхъ сіяли сверхъестественнымъ свѣтомъ, словно они несли на себѣ отблескъ божественнаго видѣнія. Надъ золотымъ Ковчегомъ, надъ пылающими крыльями херувимовъ сверкалъ, подобно фосфорическому столбу, колеблющійся электрическій свѣтъ. Передъ этимъ необычайнымъ зрѣлищемъ, начальники и народъ, мужчины и женщины пали ницъ въ отдаленіи.

— Пусть всѣ, которые остались вѣрны Единому Богу, приблизятся ко мнѣ,—сказалъ Моисей.

Три четверти изъ предводителей Израиля выстроились вокругъ Моисея; мятежники спрятались въ своихъ палаткахъ. Тогда пророкъ, подвигаясь впередъ, приказалъ всѣмъ, сохранившимъ вѣрность, поразить мечемъ зачинщиковъ возстанія и всѣхъ жрицъ Астарты, дабы Израиль трепеталъ на вѣкъ передъ Элоимомъ, дабы онъ вспоминалъ законъ Синая и его первую заповѣдь: «Я Господь Богъ твой, который вывелъ тебя изъ страны египетской, изъ дома рабства; да не будетъ у тебя другихъ боговъ передъ лицомъ Моимъ. Не дѣлай себѣ кумира и

никакого изображенія того, что на небѣ вверху, и что на землѣ внизу, и что въ водѣ ниже земли». (Исходъ, XX, 2—4).

Такъ, перемѣшивая страхъ съ таинственнымъ, Моисей внѣдрялъ свой законъ и свой культъ народу израильскому. Онъ хотѣлъ запечатлѣть идею Іеговы пылающими буквами въ глубинѣ его души, и безъ этой безпощадности единобожіе не могло бы побѣдить многобожія, наводнявшаго изъ Вавилона и Финикіи окрестныя страны.

Но что же видѣли семьдесятъ Старѣйшинъ на вершинѣ Синая? Второзаконіе (XXXIII, 2) говоритъ о величественномъ видѣніи, о тысячахъ святыхъ, появившихся среди грозовыхъ тучъ на вершинѣ Синая въ яркихъ молніяхъ Іеговы. Не было ли то появленіе мудрецовъ древняго цикла, арійскихъ посвященныхъ Индіи, Персіи и Египта, всѣхъ благородныхъ сыновъ Азіи, не пришли ли они всѣ на помощь Моисею, чтобы воздѣйствовать рѣшающимъ образомъ на сознаніе его сотрудниковъ?

Духовныя силы, неизмѣнно бодрствующія надъ человѣчествомъ, всегда окружаютъ насъ, но покровъ, отдѣляющій насъ отъ нихъ, разрывается лишь въ великіе часы и только для рѣдкихъ избранниковъ.

Какъ бы то ни было, Моисею удалось передать семидесяти Старѣйшинамъ божественный огонь своей собственной энергіи и непоколебимой воли. Они являли собой первый храмъ, предшествовавшій храму Соломона: живой храмъ, двигавшійся впереди Израиля, его сердце, свѣтъ, освѣщавшій ему путь.

Благодаря явленіямъ на вершинѣ Синая и благодаря казни мятежниковъ, Моисей пріобрѣлъ великую власть надъ Семитами, которыхъ онъ крѣпко держалъ въ своей желѣзной рукѣ. И тѣмъ не менѣе новыя возмущенія, сопровождаемыя новыми карами, возникали отъ времени до времени при безконечныхъ переходахъ по пути въ Ханаанъ.

Подобно Магомету, Моисей долженъ былъ проявить одновременно и геній пророка, и дарованія воина и общественнаго организатора. Онъ долженъ былъ бороться и противъ общаго изнеможенія, и противъ клеветъ, и противъ заговоровъ.

Вслѣдъ за народнымъ возстаніемъ, ему предстояло поразить гордость священниковъ-левитовъ, которые желали сравняться съ нимъ и выдавали себя за непосредственно вдохновляемыхъ Богомъ; а позднѣе ему приходилось бороться съ опасными заговорами честолюбивыхъ начальниковъ, вродѣ Корея, Датана и Абирама, которые разжигали народныя возстанія, чтобы низвергнуть пророка и провозгласить царскую власть, какъ это и осуществилось позднѣе съ Сауломъ, несмотря на противодѣйствіе пророка Самуила.

Въ этой борьбѣ Моисей переходилъ отъ негодованія къ состраданію, отъ отеческой нѣжности къ страшному гнѣву противъ своего народа, который бился въ крѣпкихъ тискахъ его неукротимаго духа и поневолѣ покорялся ему. Отголосокъ этой борьбы мы находимъ въ бесѣдѣ, которую библейскій разсказъ приписываетъ Моисею и Богу, и которая раскрываетъ все, что творилось въ глубинѣ души пророка.

Въ Пятикнижіи Моисей побѣждаетъ всѣ препятствія невѣроятными чудесами. Іегова, понимаемый какъ личный Богъ, всегда къ его услугамъ. Онъ появляется надъ священной скиніей въ видѣ свѣтлаго облака, названнаго *славой Господней*. Одинъ Моисей можетъ приблизиться къ Нему; всѣ остальные, приближаясь, падаютъ мертвыми.

Скинія Завѣта, заключавшая въ себѣ священный ковчегъ, играетъ въ библейскомъ разсказѣ роль гигантской электрической батареи, заряженной огнемъ Іеговы, который поражалъ на смерть цѣлыя толпы людей. Сыновья Аарона, двѣсти пятьдесятъ единомышленниковъ Корея и Датана и наконецъ четырнадцать тысячъ изъ народа (!) были убиты этимъ огнемъ.

Болѣе того, Моисей вызываетъ въ опредѣленный часъ землетрясеніе, которое и поглощаетъ трехъ возмутившихся начальниковъ съ ихъ палатками и ихъ семьями. Этотъ послѣдній разсказъ проникнутъ устрашающей поэзіей, но въ то же время онъ носитъ характеръ такого преувеличенія и такой явной легендарности, что говорить о его реальности не приходится.

Что въ особенности придаетъ оттѣнокъ наносный всѣмъ этимъ разсказамъ, это роль—разгнѣваннаго и непостояннаго Бога, которую въ нихъ играетъ Іегова. Онъ постоянно готовъ грозить, распаляться гнѣвомъ и разрушать, въ то время какъ самъ Моисей являетъ собою и милосердіе, и мудрость. Представленіе о Богѣ столь младенческое и столь противорѣчащее божественнымъ свойствамъ, должно быть не менѣе чуждо для посвященнаго Озириса, чѣмъ для самого Іисуса Христа.

И тѣмъ не менѣе, эти колоссальныя преувеличенія произошли—по видимому—подъ вліяніемъ дѣйствительныхъ необычайныхъ явленій, вызванныхъ магическими силами Моисея, силами, о которыхъ постоянно упоминается въ преданіяхъ древнихъ храмовъ.

Здѣсь умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о такъ называемыхъ чудесахъ Моисея, освѣщая ихъ свѣтомъ теософіи и ея оккультной науки. Вызываніе электрическихъ феноменовъ разнообразнаго вида могучей волей посвященныхъ относилось въ древности не къ одному только Моисею.

Халдейское преданіе приписывало то же самое своимъ магамъ, греческая и латинская традицая—извѣстнымъ жрецамъ Юпитера и Апполона *). Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ феномены принадлежатъ къ области электричества.

Но при этомъ самое электричество приводится въ дѣйствіе силою, гораздо болѣе тонкой, разлитой во всей вселенной, которую великіе Адепты умѣли привлекать, сосредоточивать и направлять. Эта сила носитъ названіе *Аказа* у брамановъ, *огненное начало* у маговъ халдейскихъ, *великая магическая сила* у каббалистовъ среднихъ вѣковъ.

Съ точки зрѣнія современной науки ее можно назвать *эфирной силой*. Можно привлекать эту силу или непосредственно, или вызывать ее при помощи невидимыхъ посредниковъ, сознательныхъ или полусознательныхъ, которыми кишитъ земная атмосфера, и которыхъ воля маговъ умѣетъ подчинять себѣ.

Эта теорія не заключаетъ въ себѣ ничего противорѣчащаго разумному представленію о вселенной и она даже необходима для объясненія множества феноменовъ, которые иначе оставались бы непонятными. Слѣдуетъ только прибавить къ этому, что всѣ подобные феномены управляются неизмѣнными законами, и размѣръ ихъ соотвѣтствуетъ всегда умственнымъ нравственнымъ и магнетическимъ силамъ Адепта.

Было бы противно разуму приписывать такія явленія тому, что человѣкъ приводитъ въ дѣйствіе Первопричину, самого Бога, что̀ привело бы къ отождествленію смертнаго съ Богомъ. Человѣкъ поднимается къ Богу лишь посредственно, путемъ мысли или молитвы, путемъ дѣйствія или экстаза. И Богъ не проявляется въ мірѣ непосредственно, а лишь путемъ всемірныхъ и незыблемыхъ законовъ, которые служатъ выраженіемъ Его мысли, осуществляемой человѣчествомъ, которое является представителемъ Его во времени и пространствѣ.

Утвердивъ эту точку зрѣнія, мы считаемъ вполнѣ возможнымъ что Моисей, поддержанный духовными силами, которыя ему покрови-

---

*) Дважды осада храма Дельфійскаго была отбита при такихъ же обстоятельствахъ. Въ 480 году до Рождества Христова войска Ксеркса бросились на храмъ, но должны были отступить, устрашенныя грозой, которая сопровождалась изверженіемъ изъ земли пламенныхъ языковъ и паденіемъ огромныхъ каменныхъ глыбъ (Геродотъ). Въ 279 году до Рождества Христова на храмъ было совершено новое нападеніе при вторженіи Галловъ и Кимвровъ; Дельфійскій храмъ защищалъ лишь небольшой отрядъ Фокейцевъ. Варвары пошли на приступъ; въ тотъ моментъ, когда они готовились проникнуть въ храмъ, разразилась гроза и Фокейцы опрокинули Галловъ. (См. прекрасный разсказъ въ *Исторіи Галловъ* Амедея Тьери книга II).

тельствовали, и владѣя эфирной силой съ полнымъ сознаніемъ, могъ пользоваться Ковчегомъ какъ своего рода пріемникомъ для производства электрическихъ феноменовъ угрожающаго характера.

Онъ изолировалъ себя, своихъ священниковъ и довѣренныхъ лицъ льняными одеждами и куреніями, защищавшими его отъ ударовъ эфирнаго огня; но подобные феномены вызывались лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; священническая легенда преувеличила ихъ. Моисею было достаточно поразить нѣсколько мятежныхъ начальниковъ или непослушныхъ левитовъ подобнымъ способомъ, чтобы устрашить весь народъ и овладѣть имъ.

Глава VI.

Смерть Моисея.

Когда Моисей привелъ свой народъ до входа въ Ханаанъ, онъ почувствовалъ, что дѣло его завершилось.

Чѣмъ являлся Іегова-Элоимъ для ясновидца Синая? Божественнымъ порядкомъ, проявленнымъ сверху до низу, на протяженіи всѣхъ сферъ вселенной и осуществленнымъ на видимой землѣ по образу небесныхъ іерархій. Онъ не вотще созерцалъ ликъ Вѣчнаго, который отражался во всѣхъ мірахъ. Его книга Бытія была заключена въ Ковчегъ, Ковчегъ охранялся сильнымъ народомъ, живымъ храмомъ Господа.

Основаніе культа единому Богу совершилось на землѣ; имя Іеговы сіяло пламенными буквами въ сознаніи Израиля; отнынѣ вѣка могутъ катить свои волны надъ измѣнчивой душой человѣческой, онѣ уже не въ силахъ будутъ стереть съ нея имя Вѣчнаго.

Убѣдившись въ этомъ, Моисей сталъ призывать Ангела смерти. Онъ благословилъ своего преемника Іисуса Навина передъ Ковчегомъ Завѣта, чтобы Духъ Божій сошелъ на него, онъ благословилъ все человѣчество въ лицѣ двѣнадцати племенъ Израиля и поднялся на гору Нево, сопровождаемый Іисусомъ и двумя левитами.

Ааронъ въ это время былъ уже отозванъ къ праотцамъ и пророчица Марія послѣдовала за нимъ. Настала очередь и Моисея. Каковы были мысли столѣтняго пророка, когда изъ глазъ его исчезалъ лагерь Израиля, и когда онъ поднимался въ великое одиночество Элоима? Что испытывалъ онъ, окидывая глазами обѣтованную землю, отъ Галаада до Іерихона, отѣненнаго пальмами?

Истинный поэтъ, *) рисуя рукою мастера состояніе его души, влагаетъ въ уста Моисея такое восклицаніе:

«О Господи! я жилъ могучимъ и одинокимъ,
Дай же мнѣ уснуть сномъ всей земли».

Эти стихи говорятъ о душѣ Моисея болѣе чѣмъ комментаріи сотни теологовъ. Эта душа похожа на великую пирамиду Гизеха, массивную, обнаженную и замкнутую извнѣ, но содержащую въ своихъ нѣдрахъ великія тайны и хранящую въ своемъ центрѣ саркофагъ *Воскресенія изъ Мертвыхъ*. Оттуда черезъ проходъ, пробитый вкось, можно было видѣть полярную звѣзду. Подобнымъ же образомъ и непроницаемый духъ Моисея взиралъ изъ своего центра на конечную цѣль всѣхъ вещей.

Да, всѣ могучія души познали одиночество, которое создается истиннымъ величіемъ; но Моисей былъ особенно одинокъ, потому что его руководящее начало было наиболѣе абсолютнымъ и трансцедентнымъ. Его Богъ былъ по преимуществу олицетвореніемъ мужского начала, олицетвореніемъ чистаго духа.

Чтобы внѣдрить Его въ человѣчество, онъ долженъ былъ объявить войну началу женскому, богинѣ Природѣ, Евѣ, Вѣчной Женщинѣ, которая живетъ въ душѣ земли и въ сердцѣ человѣка; онъ долженъ былъ бороться съ ней безпощадно, не для того, чтобы уничтожить ее, но чтобы подчинить и овладѣть ею.

Что же удивительнаго, если природа и женщина, между которыми существуетъ таинственный союзъ, дрожали передъ нимъ? Что удивительнаго, если онѣ радовались его уходу и желая снова поднять головы, ожидали, чтобы тѣнь Моисея перестала бросать на нихъ предвидѣнье смерти.

Таковы были, вѣроятно, мысли ясновидца, когда онъ поднимался на пустынную гору Нево. Люди не могли любить его, ибо самъ онъ любилъ только Бога. Но дѣло его—будетъ ли оно жить вѣчно? Его народъ останется ли вѣрнымъ его миссіи? О, роковое ясновидѣніе умирающихъ, трагическій даръ пророковъ, который срываетъ всѣ покровы въ послѣдній часъ!

По мѣрѣ того, какъ духъ Моисея освобождался отъ земного праха, онъ провидѣлъ будущее: онъ видѣлъ измѣны Израиля; анархію, поднимающую голову; царства, смѣняющія Судей; преступленія царей, пятнающія храмъ Господа; его Книгу искаженную и непонятую, его идею искалѣченную и униженную невѣжественными священниками или

---

*) Альфредъ де Виньи.

лицемѣрами; отступничества царей; грѣховную связь іудейскаго племени съ идолопоклонниками; чистое преданіе и священное ученіе, потерявшее свою чистоту; и владѣющихъ живымъ глаголомъ пророковъ, преслѣдуемыхъ и изгоняемыхъ въ глубину пустыни.

Во время своего пребыванія въ пещерѣ горы Нево, Моисей созерцалъ всѣ эти образы внутри своей души. Но приближавшаяся смерть уже развернула надъ нимъ свое темное крыло и прикоснулась холодной рукой къ его сердцу. И тогда это львиное сердце вспыхнуло еще разъ великой яростью; разгнѣванный на свой народъ, Моисей призвалъ на него возмездіе Элоима.

Онъ поднялъ свою отяжелѣвшую руку. И Іисусъ Навинъ, и левиты, окружавшіе его, услыхали съ ужасомъ слѣдующіе слова, исходившія изъ устъ умиравшаго пророка: «Израиль предалъ своего Бога, да будетъ онъ разсѣянъ по всѣмъ четыремъ концамъ свѣта!»

Между тѣмъ левиты и Іисусъ смотрѣли съ трепетомъ на своего господина, который не подавалъ болѣе признаковъ жизни. Послѣднимъ его словомъ было проклятіе. Испустилъ ли онъ и духъ свой вмѣстѣ съ нимъ? Но Моисей открылъ глаза въ послѣдній разъ и сказалъ: «Вернитесь къ Израилю. Когда настанутъ времена, Господь воздвигнетъ пророка изъ среды братьевъ вашихъ, такого какъ я, и вложитъ въ уста его, и онъ будетъ говорить имъ все, что Господь повелитъ ему. А кто не послушаетъ словъ его, которыя пророкъ тотъ будетъ говорить именемъ Божіемъ, съ того Господь взыщетъ» (Второзаконіе XVIII, 18, 19).

Послѣ этихъ пророческихъ словъ, Моисей испустилъ духъ.

Ангелъ свѣта съ пылающимъ мечомъ, который являлся ему на вершинѣ Синая, увлекъ его въ глубокія нѣдра небесной Изиды, въ блистающія волны ея свѣта. Вдали отъ земныхъ пространствъ, они проносились мимо легіоновъ душъ все увеличивающейся славы до тѣхъ поръ, пока Ангелъ свѣта не показалъ ему Духа съ печатью чудной красоты и небесной кротости, и такого великаго сіянія и такой сверкающей ясности, что его собственный свѣтъ показался ему тѣнью рядомъ съ нимъ. Онъ несъ не мечъ возмездія, а пальму жертвы и и побѣды. Моисей понялъ, что именно Онъ закончитъ его дѣло и приведетъ людей къ Отцу силою Вѣчной Женственности, Благодатью Бога и совершенствомъ Любви.

И Законадатель простерся передъ Искупителемъ, Моисей поклонился Іисусу Христу.

КНИГА ПЯТАЯ.

ОРФЕЙ.

(МИСТЕРІИ ДІОНИСА).

Какъ трепещетъ онѣ въ необъятной вселенной, какъ онѣ вьются и ищутъ другъ друга, эти безчисленныя души, которыя исходятъ изъ единой великой Души Міра! Онѣ падаютъ съ планеты на планету и оплакиваютъ въ безднѣ забытую отчизну... Это—твои слезы, Діонисъ... О, великій Духъ, о божественный Освободитель, прими обратно твоихъ дочерей въ твое лоно неизреченнаго свѣта.

Орфическій отрывокъ.

Эвридика! о божественный Свѣтъ! проговорилъ Орфей умирая.—Эвридика! простонали — обрываясь семь струнъ его лиры.—И его голова, уносимая навсегда потокомъ временъ, продолжаетъ призывать. Эвридика! Эвридика!

Легенда Орфея.

КНИГА ПЯТАЯ.

Орфей.

(Мистеріи Діониса).

Глава I.

Доисторическая Греція.—Вакханки.—Появленіе Орфея.

Въ святилищахъ Аполлона, которыя владѣли Орфическимъ преданіемъ, во время весенняго равноденствія, праздновалось мистическое торжество. Это было время, когда нарцисы расцвѣтали вновь у источника Кастальскаго. Треножники и лиры храма звучали сами собой и были знаменія, что невидимый Богъ возвращается изъ страны гиперборейской на колесницѣ, влекомой лебедями.

И тогда великая жрица, въ одеждахъ Музы, увѣнчанная лаврами, съ священной повязкой на челѣ, начинала пѣть посвященнымъ гимнъ о *рожденіи Орфея*, сына Аполлона и жрицы священнаго храма. Она призывала душу Орфея, отца мистовъ, создателя священныхъ мелодій, властителя душъ, Орфея безсмертнаго и трижды увѣнчаннаго: въ аду, на землѣ и въ небесахъ, шествующаго съ звѣздою на челѣ, среди Свѣтилъ и Боговъ.

Мистическое пѣніе дельфійской жрицы давало указаніе на одну изъ тайнъ, хранимыхъ жрецами Аполлона и невѣдомыхъ непосвященной толпѣ. Орфей былъ животворящимъ геніемъ священной Греціи, будителемъ ея божественной души. Его лира о семи струнахъ обнимала всю вселенную. Каждая изъ струнъ соотвѣтствовала также одному изъ состояній человѣческой души и содержала законъ одной науки и одного искусства. Мы потеряли ключъ къ ея полной гармоніи, но ея различные тона никогда не переставали звучать для человѣчества.

Теургическій импульсъ и вѣяніе духа Діониса, которые Орфей сумѣлъ сообщить Греціи, перебросились позднѣе въ Европу. Нашъ вѣкъ перестаетъ вѣрить въ красоту жизни, и если, не смотря ни на что, онъ продолжаетъ сохранять о ней воспоминаніе, исполненное тайной и непреодолимой надежды, этимъ онъ обязанъ великому Вдохнови-

телю—Орфею. Преклонимся передъ этимъ великимъ посвященнымъ Греціи, передъ Отцемъ Поэзіи и Музыки, понимая послѣднія какъ откровенія вѣчной истины.

Но прежде чѣмъ извлекать исторію Орфея изъ преданій святилища, посмотримъ, что представляла собой Греція при его появленіи.

Это было въ эпоху Моисея, пять вѣковъ до Гомера, тринадцать вѣковъ до Христа. Индія погружалась въ свою Кали-Югу, въ вѣка темноты, и являла лишь тѣнь своего прежняго величія. Ассирія, благодаря вавилонской тираніи, спустила въ міръ бичъ анархіи и продолжала топтать Азію. Египетъ, все еще крѣпкій наукой своихъ жрецовъ и своихъ фараоновъ, противодѣйствовалъ всѣми своими силами этому всеобщему разложенію; но вліяніе его останавливалось у Евфрата и у Средиземнаго моря. Израиль развернулъ въ пустынѣ знамя единаго Бога, внушеннаго ему гремящимъ голосомъ Моисея, но отголосокъ этого клича еще не пронесся надъ землей.

Греція того времени была поглощена религіей и политикой.

Гористый полуостровъ, развернувшій свои тонкіе вырѣзы на лазури Средиземнаго моря и окруженный гирляндой островов, былъ населенъ съ незапамятныхъ временъ отпрыскомъ бѣлой расы, близкой къ Гетамъ, Скиѳамъ и первобытнымъ Кельтамъ.

Эта раса подвергалась смѣшеніямъ и получала воздѣйствія со стороны всѣхъ предшествовавшихъ цивилизацій. Колонисты изъ Индіи, Египта и Финикіи толпились на ея берегахъ, населяли ея мысы и вносили въ ея долины разнообразные обычаи и вѣрованія. Множество кораблей съ распущенными парусами скользили между ногами колосса Родосскаго, опиравшагося на каменныя стѣны своей гавани.

Цикладское море, гдѣ въ ясные дни мореплаватель можетъ увидать то тотъ, то другой островъ, выплывающій на горизонтѣ,—было все испещрено красными кораблями Финикійцевъ и черными галерами лидійскихъ пиратовъ. Они уносили внутри своихъ кораблей всѣ богатства Азіи и Африки: слоновую кость, расписную посуду, сирійскія ткани, золотые кубки, пурпуръ и жемчугъ, часто и женщинъ, похищенныхъ на какомъ-либо пустынномъ берегу.

Благодаря постоянному скрещиванію расъ, образовалось гармоническое и легкое нарѣчіе, смѣсь первобытнаго кельтскаго, зендскаго, санскритскаго и финикійскаго. Этотъ языкъ, который величіе океана изображалъ именемъ *Посейдонъ*, а ясность небесъ—именемъ *Уранъ*, подражалъ всѣмъ голосамъ природы, начиная съ щебетанія птицъ до удара мечей и шума грозы. Языкъ Эллады былъ многоцвѣтенъ какъ ея темно-синее море съ переливающейся лазурью, много-

звученъ, какъ тревожныя волны, то журчащія въ ея заливахъ, то разбивающіяся съ ропотомъ о безчисленные подводные рифы,—*poluphlosboïo Thalassa,* какъ говоритъ Гомеръ.

Во главѣ этихъ купцовъ или пиратовъ стояли часто жрецы, которые распоряжались ими. Они скрывали въ своей баркѣ деревянныя изваянія какого-нибудь божества; изваяніе было, безъ сомнѣнія, грубо вырѣзано, но моряки тѣхъ временъ высказывали ему такое же поклоненіе, какое многіе изъ нашихъ матросовъ оказываютъ мадоннѣ; но жрецы эти обладали, тѣмъ не менѣе, извѣстнымъ количествомъ знаній и божество, которое они переносили изъ своего храма въ чужую страну, представляло для нихъ опредѣленное понятіе о природѣ, совокупность законовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и религіозную и общественную организацію. Ибо въ тѣ времена вся руководящая жизнь исходила изъ святилищъ.

Въ Аргосѣ поклонялись Юнонѣ, въ Аркадіи—Артемидѣ; въ Коринѳѣ финикійская Астарта превратилась въ Афродиту, рожденную изъ пѣны морской.

Нѣкоторые эзотерическіе наставники появились въ Аттикѣ. Египетскіе колонисты перенесли въ Элевзисъ культъ Изиды подъ видомъ Деметры (Цереры), матери Боговъ. Эрехтей основалъ между горой Гиметтой и Пентеликомъ культъ Богини-Дѣвы, дочери неба, покровительницы маслины и мудрости. Во время враждебныхъ нашествій, при первомъ знакѣ тревоги, населеніе укрывалось въ Акрополѣ, тѣснясь вокругъ богини и вымаливая у нея побѣду.

Надъ мѣстными божествами царило нѣсколько космогоническихъ боговъ. Но въ уединеніи, на своихъ высокихъ горахъ, вытѣсненные блестящимъ кортежемъ божествъ, представлявшихъ женское начало, они имѣли мало вліянія. Богъ солнечнаго цикла, Аполлонъ дельфійскій*), уже существовалъ, но не игралъ еще выдающейся роли. У подножія снѣговыхъ вершинъ Иды, на высотахъ Аркадіи и подъ дубами Додона,

---

*) По древнему фракійскому преданію поэзія была изобрѣтена *Олен'омъ*. Имя же это по финикійски означаетъ *Всемірное Существо*. Имя Аполлонъ имѣетъ тотъ же корень. *Ap Olen* или *Ap Wholon* означаетъ *всемірный Отецъ*. Вначалѣ въ Дельфахъ поклонялись Высшему Существу подъ именемъ *Olen*. Культъ Аполлона былъ введенъ однимъ жрецомъ подъ вліяніемъ ученія о Глаголѣ-Солнцѣ, которое было распространено въ святилищахъ Индіи и Египта. Этотъ реформаторъ отождествилъ небеснаго Отца съ его двойнымъ проявленіемъ: съ духовнымъ свѣтомъ и съ видимымъ солнцемъ. Но эта реформа не пошла далѣе святилищъ древнихъ храмовъ. Орфей первый придалъ могущество солнечному культу Аполлона, оживотворивъ его и наэлектризовавъ мистеріями Діониса (см. Fabre D'Olivet, Les vers dorés de Pythagore).

жили жрецы Зевса Вседержителя. Но народъ предпочиталъ таинственному и всемірному Богу своихъ богинь, которыя представляли собою природу въ ея могуществѣ, съ ея силами, ласкающими или грозящими.

Подземныя рѣки Аркадіи, горныя пещеры, спускающіяся до глубокихъ нѣдръ земли, вулканическія изверженія на островахъ Эгейскаго моря, вызывали съ давнихъ временъ у Грековъ наклонность къ обоготворенію таинственныхъ силъ земли. Благодаря этому, и на ея высотахъ, и въ ея глубинахъ природу познавали, боялись и почитали. Но въ виду того, что всѣ эти божества не сливались въ религіозномъ синтезѣ, между ними происходила ожесточенная война.

Враждебные храмы, соперничающіе города, разъединенные религіозными обрядами и честолюбіемъ жрецовъ и королей, народы, раздѣленные различіемъ богослуженія,—всѣ ненавидѣли другъ друга и вели между собой кровавыя битвы.

Позади Греціи находилась дикая и суровая Фракія. Къ сѣверу, цѣпи горъ, покрытыя гигантскими дубами и увѣнчанныя скалистыми вершинами, слѣдовали одна за другой, то понижаясь, то повышаясь, то развертываясь огромными амфитеатрами. Сѣверные вѣтры взрывали лѣсистые горные склоны и частыя грозы проносились надъ ихъ вершинами. Пастухи горныхъ долинъ и воины равнинъ принадлежали къ сильной бѣлой расѣ Дорійцевъ. Эта мужественная раса, отличалась въ своей красотѣ—рѣзко очерченными чертами и рѣшительнымъ характеромъ, а въ безобразіи — тѣмъ устрашающимъ и въ то же время величественнымъ выраженіемъ, которое служитъ отличіемъ маски Медузы и античныхъ Горгонъ.

Какъ всѣ древніе народы, получившіе свою организацію изъ центровъ мистерій, каковы Египетъ, Израиль и Этрурія,—Греція также имѣла свою священную географію, по которой каждая страна становилась символомъ той или другой области духа, разумной и сверхфизической.

Почему Греки почитали всегда Фракію *) за священную страну міра и истинную родину Музъ? Потому что на ея высокихъ горахъ

---

*) Фракія—по Фабръ Д'Оливе происходитъ отъ финикійскаго *Rakhiwa*, что означаетъ эфирное пространство или небесная твердь. Для поэтовъ и для посвященныхъ Греціи, какъ Пиндаръ, Эсхилъ или Платонъ, имя Фракіи имѣло символическій смыслъ и означало страну чистой диктрины и происходящей отъ нея священной поэзіи. Слово это имѣло для нихъ и философскій, и историческій смыслъ. Съ философской точки зрѣнія, оно опредѣляло интеллектуальную область: совокупность ученій и традицій, которыя утверждаютъ происхожденіе міра отъ божественнаго Разума. Исторически, это имя напоминало расу и страну, гдѣ впервые возникла дорійская поэзія, этотъ могучій отпрыскъ древне-арійскаго духа, чтобы расцвѣсти затѣмъ въ Греціи, пройдя черезъ святилище

находились самыя древнія святилища Кроноса, Зевса и Урана. Оттуда спустились въ священныхъ мольпическихъ риѳмахъ Поэзія, Законы и священныя Искусства.

Баснословные поэты Фракіи убѣждаютъ въ этомъ. Возможно, что имена Тамариса, Линоса и Амфіона соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ личностямъ, но на языкѣ храмовъ они олицетворяютъ прежде всего три рода поэзіи.

Въ тогдашнихъ храмахъ исторія писалась не иначе, какъ аллегорически. Личность была ничто, доктрина и дѣло—все. Тамарисъ, который воспѣвалъ борьбу Титановъ и былъ ослѣпленъ Музами, олицетворяетъ пораженіе космогонической поэзіи и побѣду новыхъ вѣяній. Линосъ, который ввелъ въ Грецію меланхолическія пѣсни Азіи и былъ убитъ Геркулесомъ, указываетъ на вторженіе во Фракію чувствительной поэзіи, слезливой и сладострастной, которая вначалѣ оттолкнула отъ себя мужественный духъ сѣверныхъ Дорійцевъ. Тотъ же Линосъ означаетъ и побѣду луннаго культа надъ солнечнымъ.

Наоборотъ, Амфіонъ, который, судя по аллегорической легендѣ, приводилъ своими пѣснями камни въ движеніе и воздвигалъ цѣлые храмы звуками своей лиры,—представляетъ собою ту пластическую силу, которая таилась въ солнечномъ миѳѣ и въ дорійской поэзіи, отражаясь на эллинскомъ искусствѣ и на всей эллинской цивилизаціи *).

Аполлона.—Употребленіе этого рода символизма доказано позднѣйшей исторіей. Въ Дельфахъ былъ цѣлый классъ *Фракійскихъ жрецовъ*. Это были хранители высшей доктрины. Трибуналъ Амфиктіоновъ былъ въ древности охраняемъ *Фракійской гвардіей*, т. е. группой посвященныхъ воиновъ. Спартанская тиранія упразднила эту неподкупную фалангу и замѣнила ее грубыми наемниками. Позднѣе, глаголъ: *фракійствовать* (thraciser) прилагался въ ироническомъ смыслѣ къ приверженцамъ старыхъ доктринъ.

*) Страбонъ утверждаетъ положительно, что древняя поэзія есть ничто иное, какъ аллегорическій языкъ. Діонисій Галикарнасскій подтверждаетъ это и признаетъ, что тайны природы и наиболѣе возвышенныя нравственныя идеи скрывались подъ ея покровомъ. Древняя поэзія называлась *языкомъ боговъ* не только метафорически; тайный и магическій смыслъ, который составлялъ ея силу и ея очарованіе, содержался въ самомъ ея имени. Большинство лингвистовъ производитъ слово *поэзія* отъ греческаго глагола *poïeïn*, дѣлать, создавать; этимологія эта кажется очень простой и естественной съ виду, но она мало согласуется съ священнымъ языкомъ храмовъ, изъ которыхъ исходила первоначальная поэзія. Логичнѣе признать вмѣстѣ съ Фабръ Д'Оливе, что *poïésis* происходитъ отъ финикійскаго *phohe* (уста, голосъ, языкъ) и отъ *ish* (Высшее Существо, въ переносномъ смыслѣ: Богъ). Этрусское *Aes* или *Aesar*, галльское *Aes*, скандинавское *Ase*, коптское *Os* (Господь), египетское *Osiris* происходятъ отъ одного и того же корня.

Совсѣмъ инымъ свѣтомъ сіяетъ Орфей. Онъ просвѣчиваетъ на протяженіи вѣковъ лучемъ индивидуальнаго творческаго генія, душа котораго трепетала любовью къ Вѣчно-Женственному, и на эту любовь отвѣчало такою же любовью то вѣчное Начало, что живетъ и дрожитъ подъ тройнымъ видомъ въ Природѣ, въ Человѣчествѣ и въ Небесахъ. Поклоненіе святилищамъ, преданія посвященныхъ, голоса поэтовъ, мысль философовъ и болѣе всего остального: его твореніе, прекрасная Греція,—свидѣтельствуетъ о его живой реальности!

Въ эту эпоху Фракія была добычей ожесточенной борьбы. Солнечные культы и культы лунные оспаривали одни у другихъ главенство.

Эта борьба между поклонниками солнца и луны не была—какъ можно бы подумать—пустой распрей двухъ суевѣрій; эти два культа представляли двѣ теологіи, двѣ космогоніи, и двѣ общественныя организаціи совершенно противоположнаго характера. Культы Урана и солнечный имѣли свои храмы на возвышенностяхъ и на горахъ; представителями ихъ были жрецы и они обладали строгими законами.

Лунные культы царили въ лѣсахъ, въ глубинѣ долинъ и имѣли жрицами женщинъ; они отличались сладострастными обрядами, безпорядочнымъ примѣненіемъ оккультныхъ искусствъ и наклонностью къ оргіазму.

Между жрецами солнца и жрицами луны происходила борьба на жизнь и смерть. То была борьба половъ, идущая изъ древности, открытая или замаскированная, никогда не прекращавшаяся между началомъ мужскимъ и началомъ женскимъ, наполняющая своими превратностями всемірную исторію и въ которой отражается тайна міровъ. Такъ же, какъ совершенное соединеніе мужского и женскаго начала образуетъ самую суть и тайну божественности, такъ и равновѣсіе этихъ двухъ началъ—можетъ одно лишь производить великія цивилизаціи.

Всюду, во Фракіи какъ и въ Греціи, боги мужского начала, космогоническіе и солнечные,—принуждены были удалиться на высокія горы въ безлюдіе пустынныхъ мѣстностей. Народъ предпочиталъ имъ тревожный характеръ божествъ женскаго начала, которыя вызывали къ жизни опасныя страсти и слѣпыя силы природы. Эти культы приписывали высшему божеству женское начало.

Послѣдствіемъ этого появились страшныя излишества. У фракійцевъ жрицы луны или тройной Гекаты захватили верховную власть, овладѣвъ древнимъ культомъ Вакха и придавъ ему страшный и кровавый характеръ. Какъ признакъ своей побѣды, онѣ приняли имя

Вакханокъ, чтобы подчеркнуть свое главенство, верховное царство женщины, ея господство надъ мужчиной.

Поочередно то волшебницы, то соблазнительницы, то жрицы кровавыхъ человѣческихъ жертвъ, онѣ устраивали свои святилища въ уединенныхъ равнинахъ.

Въ чемъ же состояло мрачное очарованіе, которое притягивало одинаково и мужчинъ и женщинъ въ эти пустынныя мѣста, заросшія роскошной растительностью?

Обнаженныя формы, похотливые танцы въ лѣсныхъ чащахъ... Крики, хохотъ, и сотни вакханокъ бросалось на любопытнаго чужеземца, чтобы повергнуть его на землю. Онъ долженъ былъ выразить полную покорность и подвергнуться ихъ церемоніямъ и обрядамъ, или же погибнуть. Вакханки приручали пантеръ и львовъ, которые должны были участвовать въ ихъ празднествахъ. По ночамъ онѣ поклонялись передъ тройной Гекатой; затѣмъ, въ бѣшеныхъ круговыхъ плясках вызывали подземнаго Вакха, двуполаго и съ лицомъ быка *). Но горе чужеземцу, горе жрецу Юпитера или Аполлона, приблизившемуся, чтобы подсматривать за ними: его безпощадно растерзывали въ куски.

Первыя вакханки были такимъ образомъ друидессами Греціи. Многіе изъ начальниковъ Фракіи оставались вѣрными древнему мужскому культу. Но вакханки проникли къ нѣкоторымъ изъ фракійскихъ царей, которые соединяли въ своей жизни варварскіе нравы съ азіатской роскошью и утонченностью. Онѣ ихъ соблазнили сладострастіемъ и укротили страхомъ.

Такимъ образомъ, Боги раздѣлили Фракію на два враждебные лагеря. Но жрецы Юпитера и Аполлона, уединившіеся на пустынныхъ, озаряемыхъ молніями вершинахъ, были безсильны передъ Гекатой, которая пріобрѣтала все больше вліянія въ знойныхъ долинахъ, и оттуда начинала угрожать алтарямъ сыновъ Свѣта.

---

*) Вакхъ съ лицомъ быка встрѣчается въ XXIX орфическомъ гимнѣ. Это— остатокъ стариннаго культа, который никоимъ образомъ не принадлежитъ къ чистому ученію Орфея. Ибо послѣдній очистилъ и преобразилъ народнаго Вакха въ небеснаго Діониса, символа божественнаго духа, который раскрывается на протяженіи всѣхъ царствъ природы. Интересно, что мы находимъ подземнаго Вакха вакханокъ въ Сатанѣ съ лицомъ быка, котораго вызывали и которому поклонялись вѣдьмы среднихъ вѣковъ въ своихъ ночныхъ шабашахъ. Это и есть знаменитый *Бафометъ*, въ поклоненіи которому церковь обвинила Темпліеровъ, чтобы уронить ихъ значеніе.

Въ эту эпоху во Фракіи появился молодой человѣкъ изъ царскаго рода, обладавшій непобѣдимой силой обаянія. Его считали сыномъ одной изъ жрицъ Аполлона. Его музыкальный голосъ производилъ необычайное очарованіе. Онъ говорилъ о Богахъ съ особымъ, ему одному свойственнымъ ритмомъ и на немъ была ясная печать вдохновенія. Его бѣлокурые волосы, гордость Дорійцевъ, падали золотистыми волнами на плечи, а музыка его рѣчей проникала до глубины души. Его темно-голубые глаза сіяли нѣжно и проникновенно и взглядъ ихъ былъ полонъ магической силы. Свирѣпые фракійцы боялись его взгляда, но женщины, всегда чувствовавшія болѣе тонко, говорили, что въ его глазахъ соединялся могучій свѣтъ солнца съ нѣжнымъ сіяніемъ луны. Даже и вакханки, привлеченныя его красотой, бродили вокругъ него, жадно прислушиваясь къ его непонятнымъ для нихъ рѣчамъ.

Такъ продолжалось нѣкоторое время, пока молодой человѣкъ, котораго называли сыномъ Аполлона, не исчезъ внезапно. Говорили что онъ умеръ и спустился въ адъ. Въ дѣйствительности, онъ удалился втайнѣ въ Самофрасъ, затѣмъ въ Египетъ, гдѣ и попросилъ убѣжища у жрецовъ Мемфиса. Пріобщившись къ ихъ мистеріямъ, онъ черезъ двадцать лѣтъ возвратился на родину подъ новымъ именемъ, которое получилъ при посвященіи послѣ ряда выдержанныхъ испытаній, отъ своихъ учителей. Въ этомъ имени выражалась его миссія; онъ назывался теперь Орфей или Арфа *), что означаетъ *исцѣляющій свѣтомъ*.

Самое древнее святилище Юпитера возвышалось тогда на горѣ Каукаіонъ. Въ древнія времена его іерофанты считались великими первосвященниками. Съ вершинъ этой горы они господствовали надъ всей Фракіей, но съ тѣхъ поръ какъ божества долинъ пріобрѣли перевѣсъ, ихъ приверженцы сохранились лишь въ небольшомъ числѣ, и храмъ ихъ почти опустѣлъ. Жрецы горы Каукаіонъ приняли посвященнаго египетскаго храма какъ спасителя. Своими знаніями и своимъ энтузіазмомъ, Орфей увлекъ большую часть Фракіи, совершенно преобразилъ культъ Вакха и укротилъ Вакханокъ.

Скоро его вліяніе проникло во всѣ святилища Греціи. Онъ установилъ первенствующее значеніе Зевеса во Фракіи и Аполлона въ Дельфахъ, гдѣ и положилъ основу для трибунала Амфиктіоновъ, который привелъ Грецію къ общественному единству; и, наконецъ, созданіемъ Мистерій онъ сформировалъ религіозную душу своей родины. Ибо, на

*) Финикійское имя, состоящее изъ *aour*—свѣтъ и изъ *rophae*—исцѣленіе.

вершинѣ посвященія онъ слилъ религію Зевеса съ религіей Діониса въ единую міровую идею. Въ его поученіяхъ посвященные получали чистый свѣтъ духовныхъ истинъ, и этотъ же свѣтъ достигалъ до народныхъ массъ, но умѣряемый и прикрытый покровомъ поэзіи и очаровательныхъ празднествъ.

Такимъ образомъ, Орфей сталъ первосвященникомъ Фракіи, великимъ жрецомъ Олимпійскаго Зевеса, а для посвященныхъ— Учителемъ, раскрывшимъ значеніе небеснаго Діониса.

Глава II.

Храмъ Юпитера.

Вблизи источниковъ Эбра возвышается гора Каукаіонъ. Густые дубовые лѣса опоясываютъ ее со всѣхъ сторонъ. Дикія скалы и циклопическіе камни вѣнчаютъ ее. Въ теченіе тысячелѣтій это мѣсто считалось священнымъ. Пелазги, Кельты, Скиѳы и Геты, изгоняя послѣдовательно другъ друга, приближались одни за другими къ священной горѣ, чтобы поклоняться на ея вершинѣ различнымъ богамъ. Поднимаясь на такую высоту и созидая съ такимъ напряженіемъ въ царствѣ вихрей и молній свой храмъ, не ищетъ ли человѣкъ все того же единаго Бога, какимъ бы именемъ онъ не называлъ его?

Храмъ Юпитера возвышался въ центрѣ священной ограды, прочной и недоступной подобно крѣпости. Перистиль изъ дорійскихъ колоннъ велъ въ темный входный портикъ. Сіяющее небо Греціи заволакивалось нерѣдко грозовыми тучами надъ горами Фракіи, и тогда ея изрытыя долины разстилались подобныя бурному морю, изборожденному молніями.

Настаетъ часъ жертвоприношенія. Жрецы Каукаіона не приносятъ иной жертвы, кромѣ жертвы огню. Они спукаются по ступенямъ храма и зажигаютъ принесеннымъ изъ святилища факеломъ костеръ, сложенный изъ ароматическаго дерева. Затѣмъ, изъ храма выходитъ первосвященникъ. Одѣтый въ бѣлыя льняныя ткани, какъ и другіе жрецы, онъ отличается отъ нихъ вѣнкомъ изъ миртъ и капариса, священнымъ скипетромъ и золотымъ поясомъ, который сверкаетъ темными огнями драгоцѣнныхъ камней, символами таинственной власти. Это—Орфей.

Онъ ведетъ за руку ученика, молодого жреца Дельфійскаго храма, который, поблѣднѣвъ и дрожа отъ восторга, ожидаетъ словъ великаго посвященнаго. Орфей видитъ его дрожь, и чтобы успокоить избраннаго ученика, онъ нѣжно обнимаетъ его плечи рукой. Его глаза полны

глубокой нѣжности и въ то же время сверкаютъ силой. И пока внизу, у ихъ ногъ, жрецы обходятъ вокругъ зажженнаго жертвенника и поютъ гимнъ огню, Орфей торжественно произноситъ слова посвященія, которыя проникаютъ въ самую глубину сердца молодого миста. Постараемся привести окрыленныя слова Орфея:

«Погрузись въ свою собственную глубину, прежде чѣмъ подниматься къ Началу всѣхъ вещей, къ великой Тріадѣ, которая пылаетъ въ непорочномъ Эфирѣ. Сожги свою плоть огнемъ твоей мысли; отдѣлись отъ матеріи, какъ отдѣляется пламя отъ дерева, когда сжигаетъ его. Тогда твой духъ устремится въ чистый эфиръ предвѣчныхъ Причинъ, подобно орлу, какъ стрѣла летящему къ трону Юпитера.

«Я раскрою передъ тобой тайну міровъ, душу природы, сущность Бога. Прежде всего узнай великую мистерію: единая Сущность господствуетъ и въ глубинѣ небесъ, и въ безднѣ земли, Зевесъ—громовержецъ, Зевесъ—небожитель. Въ немъ одновременно и глубина указаній, и мощная ненависть, и восторгъ любви. Дыханіе всѣхъ вещей неугасимый Огонь, мужское и женское Начало; Онъ и Царь, и Богъ, и великій Учитель.

«Юпитеръ—и божественный Супругъ, и Супруга, Отецъ и Мать Отъ Ихъ священнаго брака исходятъ непрерывно Огонь и Вода, Земля и Эфиръ, Ночь и День, гордые Титаны и неизмѣнные Боги, и разносятся сѣмена человѣческаго рода.

«Любовный союзъ Неба и Земли чуждъ для непосвященныхъ. Мистеріи Супруга и Супруги раскрыты только передъ людьми, достигшими божественности. Но я хочу провозгласить истину. Сейчасъ громъ потрясалъ эти скалы; молніи падали на нихъ съ неба подобно живому огню, подобно катящемуся пламени, а эхо горъ разносило вдаль радостные раскаты грозы. Но ты дрожалъ, не зная, откуда этотъ огонь и куда онъ упадетъ. Это — огонь мужского Начала, сѣмя Зевеса, творческое пламя, оно исходитъ изъ сердца и ума Юпитера; оно проникаетъ всѣ существа. Когда падаетъ молнія, она вырывается изъ Его правой десницы; но намъ, Его жрецамъ, извѣстна Его Сущность; мы можемъ отстранять, а иногда и направлять Его стрѣлы.

«А теперь взгляни на небесный сводъ. Взгляни на этотъ блестящій кругъ созвѣздій, на который наброшено легкое покрывало Млечнаго Пути, сверкающая пыль міровъ и солнцъ. Взгляни, какъ пылаетъ Оріонъ, какъ переливаются Близнецы и какъ сіяетъ Лира. Это тѣло божественной Супруги, которая вращается въ гармоническомъ круговоротѣ подъ пѣніе Супруга. Взирай очами духа и ты увидишь ея

опрокинутую голову, ея простертыя руки, и ты поднимешь ея покрывало, усѣянное звѣздами. Юпитеръ одновременно и Супругъ и Божественная Супруга. Вотъ—первая тайна.

«А теперь приготовься ко второму посвященію. Трепещи, плачь, радуйся, обожай! Ибо духъ твой долженъ проникнуть въ пылающую область, въ которой великій Деміургъ смѣшиваетъ души и міры въ чашѣ жизни. Утоляя свою жажду въ этой опьяняющей чашѣ, всѣ существа забываютъ свое небесное происхожденіе и опускаются въ страдальческую бездну рожденій.

«Зевесъ есть великій Деміургъ. Діонисъ—Его сынъ, Его проявленный Глаголъ, Діонисъ—Духъ свѣтлый, живой Разумъ, сіялъ въ обителяхъ Отца Своего, въ храмѣ неизмѣннаго Эфира. Однажды, когда онъ склонившись созерцалъ бездны неба черезъ покровъ созвѣздій, онъ увидалъ въ голубой безднѣ свой собственный образъ, простирающій къ нему руки. Увлеченный этимъ прекраснымъ видѣніемъ, очарованный своимъ двойникомъ, онъ бросился, чтобы схватить его. Но призракъ удалялся все болѣе и болѣе и притягивалъ его въ глубину бездны.

«И наконецъ онъ спустился въ тѣнистую долину, обвѣянную страстными дуновеніями, которыя ласкали его тѣло.

«Въ одномъ изъ гротовъ онъ увидалъ Персефону. Прекрасная Майя ткала покровъ, въ которомъ переливались образы всего сущаго. Передъ божественной дѣвственницей Діонисъ остановился въ нѣмомъ восторгѣ. Въ это время гордые Титаны и свободныя Титаниды увидали его. Первые—завидуя его кросотѣ, вторыя—охваченныя безуміемъ любви, подобно грознымъ элементамъ бросились на него и растерзали его въ куски. Распредѣливъ между собой его члены, они бросили ихъ въ кипящій котелъ и погребли его сердце. Юпитеръ поразилъ своими громами Титановъ, а Минерва поднялась въ высоты эфира съ сердцемъ Діониса; тамъ это сердце превратилось въ пылающее солнце.

«Изъ клубовъ же фиміама, которые поднимались отъ сожигаемаго тѣла Діониса, произошли человѣческія души и поднялись къ небу. Когда ихъ блѣдныя тѣни достигнутъ до пылающаго сердца Бога, онѣ зажгутся яркимъ пламенемъ, и тогда Діонисъ воскреснетъ, болѣе живой чѣмъ прежде, въ высотахъ Эмпирея.

«Теперь ты позналъ мистерію о смерти Діониса. Выслушай мистерію его воскресенія. Человѣчество—плоть и кровь Діониса. Страдающіе люди, это—его растерзанные члены, которые ищутъ другъ друга, терзаясь въ ненависти и преступленіяхъ, въ бѣдствіяхъ и въ любви, на протяженіи многихъ тысячъ существованій.

«Огневая теплота земли, бездна низшихъ силъ, притягиваетъ ихъ все болѣе и болѣе въ пропасть, все болѣе разрываетъ ихъ. Но мы, посвященные, знающіе то, что на верху, и что внизу, мы — спасители душъ, мы—Гермесы человѣчества, подобно магниту мы притягиваемъ ихъ къ себѣ, сами притягиваемые Богами. Такимъ образомъ помощью небесныхъ чаръ мы возсоздаемъ живое тѣло божества. Мы заставляемъ небо проливать слезы и землю издавать ликованіе; подобно драгоцѣннымъ камнямъ, мы несемъ въ сердцѣ своемъ слезы всѣхъ живыхъ существъ; чтобы преобразить ихъ въ улыбки, Богъ умираетъ въ насъ; въ насъ же Онъ воскресаетъ».

Такъ говорилъ Орфей. Ученикъ дельфійскаго храма преклонилъ колѣни передъ своимъ учителемъ, а первосвященникъ Юпитера простеръ руку надъ его головой и произнесъ слѣдующія слова посвященія: «Да будетъ неизреченный Зевесъ и Діонисъ, трижды проявляющійся въ аду, на землѣ и въ небесахъ, милостивъ къ твоей молодости и да прольетъ онъ въ твое сердце науку Боговъ».

Затѣмъ посвященный покидалъ перестиль храма и шелъ къ жертвеннику, чтобы бросить въ его огонь стираксъ и трижды призвать Зевеса-Громовержца. Жрецы, составивъ кругъ, медленно двигались вокругъ него, распѣвая гимны. Первосвященникъ оставался подъ портикомъ, пока вновь принятый ученикъ снова не подошелъ къ нему.

«Сладкозвучный Орфей,—сказалъ онъ,— возлюбленный Сынъ Безсмертныхъ и нѣжный цѣлитель душъ! Съ того дня, какъ я услыхалъ твои гимны Богамъ на празднествѣ Аполлона Дельфійскаго, ты восхитилъ мое сердце, и я готовъ слѣдовать за тобой повсюду. Твои гимны подобны опъяняющему нектару, твои поученія подобны острому напитку, который возрождаетъ поникшее тѣло, разливая по его членамъ новую силу.»

«Тяжелъ путь, ведущій отсюда къ Богамъ! произнесъ Орфей, который, казалось, прислушивался къ внутреннимъ голосамъ болѣе, чѣмъ къ голосу своего ученика.» Цвѣтущая тропинка, крутой подъемъ и затѣмъ острыя скалы, надъ которыми сверкаютъ молніи, и безграничное пространство, вотъ—судьба Ясновидца и Пророка на землѣ. Оставайся же, дитя мое, на цвѣтущихъ тропинкахъ равнины, не ищи того, что за ними.»

«Моя жажда усиливается по мѣрѣ того, какъ ты ее утоляешь, отвѣчалъ молодой посвященный.» Ты поучалъ меня о сути Боговъ, но повѣдай мнѣ, великій учитель Мистерій, вдохновляемый божественнымъ Эросомъ, смогу ли я ихъ *увидѣть* когда-нибудь?»

«Очами духа», отвѣтилъ первосвященникъ Юпитера, «но не тѣлесными очами. Нынѣ же ты въ состоянiи видѣть лишь земными очами. Необходимъ великiй трудъ, или же тяжкiя страданiя, чтобы открылся внутреннiй взоръ.»

«Ты одинъ можешь открыть его, Орфей! Оставаясь съ тобой, я не вѣдаю страха.»

«Если ты хочешь того, слушай. Въ Фессалiи, въ долинѣ Тэмпейской, возвышается мистическiй храмъ, закрытый для непосвященныхъ. Въ этомъ храмѣ Дiонисъ обнаруживается передъ мистами и ясновидящими. Черезъ годъ приходи на его праздникъ; я погружу тебя въ магическiй сонъ, я раскрою твои очи, чтобы они увидѣли божественный мiръ, а до тѣхъ поръ сохраняй цѣломудрiе жизни и бѣлизну души, ибо знай, что божественный огонь ужасаетъ слабыхъ и убиваетъ нечестивыхъ.»

Послѣ этихъ словъ учитель повелъ дельфiйскаго ученика во внутренность храма и указалъ ему назначенную для него келью. Тамъ была зажжена египетская лампа, которую поддерживалъ крылатый генiй, и тамъ, въ сундукахъ изъ душистаго кедра, находились многочисленные свитки папирусовъ, покрытые египетскими iероглифами и финикiйскими письменами, а также свитки, написанные Орфеемъ на греческомъ языкѣ, которые заключали его тайное ученiе. *)

Учитель и ученикъ бесѣдовали въ кельѣ до глубокой ночи.

Глава III.

Празникъ Дiониса въ долинѣ Тэмпейской **).

Это было въ Ѳессалiи, въ свѣжей долинѣ Тэмпейской. Святая ночь, посвященная Орфеемъ мистерiямъ Дiониса, наступила. Въ сопровожденiи одного изъ служителей храма, дельфiйскiй ученикъ шелъ

---

*) Среди многочислеиныхъ утеряиныхъ книгъ, которыя орфическiе писатели Грецiи приписывали Орфею, были *Аргонавтики*, которыя трактовали произведенiя гермеоизма; *Деметраида*, поэма, относившаяся къ матери Боговъ, которой соотвѣтствовала *Космогонiя*; *священныя пѣсни Вакха*, дополненiемъ къ которымъ служила *Теогонiя*; не говоря уже о другихъ произведенiяхъ, какъ *Покровъ или Сѣть душъ*, искусство мистерiй и храмовыхъ обрядовъ; *Книга превращенiй*, химiя и алхимiя; *Корибанты*, или земныя тайны и землетрясенiя; *Анемоскопiя*, наука атмосферы; ботаника естественная и магическая, и т. д.

**) Павзанiй разсказываетъ, что каждый годъ храмовые ученики отправлялись изъ Дельфъ въ долину Тэмпейскую, чтобы собирать тамъ священный лавръ. Этотъ обычай долженъ напоминать ученикамъ Аполлона, что они примыкаютъ къ Орфическому посвященiю и что первоначальное вдохновенiе Орфея

по узкому и глубокому ущелью между островерхими скалами. Въ темнотѣ ночи не было слышно иного звука кромѣ журчанія рѣки, которая протекала въ зеленыхъ берегахъ долины. Наконецъ, серебрянный дискъ луны показался изъ-за черной гривы скалъ. Ея магнетическій свѣтъ скользнулъ по всѣмъ глубинамъ, и вдругъ—волшебная долина освѣтилась вся неземнымъ свѣтомъ. Словно сдернули съ нея покрывало и вся она раскрылась съ своими зелеными оврагами, рощами изъ ясеней и тополей, своими хрустальными ручьями, гротами, заросшими вьющимся плющемъ, и съ своей извилистой рѣчкой, то охватывающей своими рукавами тѣнистые островки, то катящей свои волны подъ сплетенными вѣтвями большихъ деревьевъ. Блѣдный туманъ и сказочный сонъ окутывалъ всѣ растенія. Казалось, что вздохи нимфъ проносились по зеркальной поверхности рѣки и что смутные звуки флейтъ поднимались изъ чащей неподвижныхъ тростниковъ. Надо всей долиной носились незримыя чары Діаны.

Дельфійскій ученикъ шелъ какъ во всѣ. Онъ останавливался отъ времени до времени, чтобы вдохнуть ароматъ жимолости и горькаго лавра. Но магическій свѣтъ длился лишь одну минуту. Луна закрылась облакомъ и все патемнѣло: скалы приняли угрожающій видъ и блуждающіе огни засвѣтились во всѣхъ направленіяхъ, подъ густою тѣнью деревьевъ, на берегу рѣки и въ углубленіяхъ долины.

«Это Мисты, — сказалъ проводникъ,—пускаются въ путь. Каждая группа имѣетъ своего проводника-факелоносца. Мы послѣдуемъ за ними.»

Наши путники встрѣчали много живописныхъ процессій, выходившихъ изъ глубины рощъ; вначалѣ они увидали *мистовъ молодого Вакха*, юношей, одѣтыхъ въ длинныя туники изъ тонкой льняной ткани и въ вѣнкахъ изъ плюща. Они несли чаши изъ рѣзного дерева, символъ чаши жизни. Затѣмъ прошли молодые люди съ гордой и смѣлой осанкой, которыхъ называли *мистами сражающагося Геркулеса;* на этихъ были короткія туники, обнаженныя ноги, львиныя шкуры, спадающія съ одного плеча, оливковые вѣнки на головахъ. Затѣмъ

можно сравнить съ могучимъ стволомъ, отъ котораго дельфійскій храмъ собираетъ молодые побѣги. Это сліяніе традиціи Аполлона съ орфической традиціей выражается еще и другимъ способомъ въ исторіи храма. Такъ, знаменитый споръ между Аполлономъ и Вакхомъ изъ-за треножника храма не имѣетъ другого смысла. Вакхъ, гласитъ легенда, уступилъ треножникъ своему брату и удалился на Парнасъ. Это означаетъ что Діонисъ и орфическое посвященіе осталось привиллегіей однихъ лишь посвященныхъ, тогда какъ Аполлонъ давалъ свои оракулы внѣшнему міру.

появились *мисты растерзаннаго Вакха* съ пятнистыми пантеровыми шкурами на плечахъ, съ пурпурной повязкой на волосахъ, съ тирсомъ въ рукѣ.

Проходя мимо одной пещеры они увидали распростертыхъ на землѣ *мистовъ Аидонаи и подземнаго Эроса*. Это были люди, оплакивающіе своихъ умершихъ родственниковъ и друзей; они пѣли тихими голосами:

«Аидонаи! Аидонаи! Возврати намъ тѣхъ, кого ты взяла у насъ, или дозволь намъ спуститься въ твое царство».

Вѣтеръ, врываясь въ пещеру, какъ бы продолжалъ подъ землей протяжные стоны мрачнаго напѣва. Внезапно одинъ изъ мистовъ повернулся къ ученику дельфійскаго храма и сказалъ ему:

«Ты переступилъ порогъ Аидонаи. Ты не увидишь болѣе свѣта живущихъ».

Другой мистъ, проходя мимо, задѣлъ его и шепнулъ ему на ухо: «Тѣнь, ты сдѣлаешься жертвой тѣни. Ты, который принадлежишь ночи, ты вернешься въ царство Эреба!» И онъ пустился бѣжать.

Ученикъ дельфійскаго храма почувствовалъ себя оледенѣвшимъ отъ страха. Онъ шепнулъ своему проводнику: «что означаетъ все это?» Служитель храма, казалось, ничего не слыхалъ. Онъ произнесъ равнодушнымъ тономъ: «Нужно перейти черезъ мостъ. Никто не можетъ избѣжать конца». Они перешли деревянный мостъ, переброшенный черезъ Пенею.

«Откуда, спросилъ ученикъ, исходятъ эти печальные голоса и эта жалобная мелодія? Кто эти свѣтлыя тѣни, проходящія длинными вереницами подъ тополями?»

«Это женщины, которыя собираются принять участіе въ мистеріяхъ Діониса.»

«Знаешь ли ты ихъ имена?»

«Здѣсь никто не знаетъ имени другого и старается забыть свое собственное имя. Ибо, какъ при входѣ въ священную обитель мисты оставляютъ свои запыленныя одежды, чтобы искупаться въ рѣкѣ и облечься въ чистыя льняныя ткани, также покидаетъ каждый изъ нихъ свое прежнее имя и принимаетъ новое. Въ теченіе семи дней и семи ночей люди преображаются, какъ бы переходятъ въ новую жизнь. Посмотри на всѣ эти вереницы женщинъ. Онѣ соединились не по семьямъ или странамъ, а по тому Богу, который вдохновляетъ ихъ.»

И они увидѣли шествіе молодыхъ дѣвушекъ въ вѣнкахъ изъ нарцисовъ и въ голубыхъ пеплумахъ, которыхъ проводникъ называлъ *нимфами Персефоны*. Онѣ несли въ своихъ рукахъ урны и другіе

предметы, отданные ими въ силу обѣта; затѣмъ появились въ красныхъ пеплумахъ *мистическія возлюбленныя, пламенныя искательницы Афродиты.* Онѣ углубились въ темную рощу и оттуда понеслись горячіе призывы, смѣшанные съ слабыми рыданіями. Затѣмъ, изъ другой темной миртовой рощи раздались страстные напѣвы; они поднимались къ небу медленными призывами:

«Эросъ! Ты ранилъ наше сердце! Афродита! Ты сокрушила наши члены! Мы покрыли грудь нашу кожей молодого оленя, но въ груди мы несемъ кровавый пурпуръ нашихъ ранъ. Въ нашемъ сердцѣ—пожираюшій огонь. Мы умираемъ, но не отъ болѣзни: насъ сожигаетъ любовь. Поглоти насъ, Эросъ! Эросъ! Или освободи насъ, Діонисъ! Діонисъ!»

Затѣмъ приблизилось другое шествіе. Здѣсь женщины были совершенно закутаны въ черныя одежды, съ длинными вуалями, падавшими на землю. И всѣ казались огорченными, словно онѣ были въ большой скорби. Проводникъ назвалъ ихъ *оплакивающими Персефону.* Въ этомъ мѣстѣ возвышался большой мраморный мавзолей, опутанный плющемъ. Женщины опустились на колѣни возлѣ него, распустили свои волосы и стали испускать жалобные крики. На каждую строфу желанія, онѣ произносили отвѣтную строфу скорби.

«Персефона! стонали онѣ, ты умерла, похищенная Аидонаи; ты спустилась въ царство мертвыхъ. Но мы, оплакивающія возлюбленнаго, мы—живые мертвецы. Да не взойдетъ надъ нами заря новаго дня. Да даруетъ намъ вѣчный сонъ та земля, которая покрываетъ тебя, о великая богиня! И пусть моя тѣнь бродитъ въ объятіяхъ возлюбленной тѣни! Услышь насъ, Персефона!»

Передъ этими странными сценами, подъ заразительнымъ восторгомъ всѣхъ этихъ глубокихъ ощущеній, ученикъ дельфійскаго храма почувствовалъ себя объятымъ тысячью ощущеній разнородныхъ и мучительныхъ; онъ пересталъ быть самимъ собою; желанія, мысли и страданія всѣхъ этихъ существъ проникли въ него и сдѣлались *его* желаніями и *его* страданіями. Его душа какъ бы раздробилась, проникая въ тысячи тѣлъ, смертельное томленіе овладѣло имъ. Онъ не зналъ болѣе—живой ли онъ человѣкъ, или—лишь тѣнь человѣка.

Проходившій по той же тропѣ посвященный высокаго роста подошелъ къ женщинамъ и сказалъ: «Миръ опечаленнымъ тѣнямъ! Страдающія женщины, стремитесь къ свѣту Діониса, Орфей васъ ожидаетъ!» И всѣ женщины окружили его въ молчаливомъ ожиданіи, сняли съ себя вѣнки, а онъ своимъ тирсомъ показалъ имъ дорогу.

Тогда нѣкоторыя изъ нихъ наклонились къ источнику и зачерпнули воды въ рѣзныя чаши; затѣмъ шествіе пришло въ порядокъ и двинулось впередъ. Молодыя дѣвушки пошли впереди. Онѣ пѣли гимнъ съ такимъ припѣвомъ: «потрясайте цвѣтами мака! Утоляйте жажду изъ волнъ Леты! Дай намъ желанный цвѣтокъ и да расцвѣтаетъ нарциссъ для сестеръ нашихъ! Персефона! Персефона!».

Ученикъ еще долго шелъ съ своимъ проводникомъ. Они проходили черезъ луга, покрытые златоцвѣтомъ; они шли подъ тѣнью кипарисовъ, грустно шелестившихъ надъ ихъ головами. Они слышали заунывное пѣніе, которые носилось въ воздухѣ и достигало до нихъ неизвѣстно откуда. Они видѣли на деревьяхъ страшныя маски и фигурки изъ воска, напоминавшія спеленатыхъ дѣтей.

То тамъ, то здѣсь, черезъ рѣку переплывали лодки, наполненныя молчаливами людьми, словно привидѣніями. Подъ конецъ долина раздвинулась, вершины горъ освѣтились, появилась заря. Вдали виднѣлись темныя ущелья горы Осса, прорѣзанныя пропастями, въ которыхъ громоздились обломки скалъ. Ближе къ путникамъ, посреди гористаго амфитеатра, на лѣсистомъ холмѣ засіялъ, освѣщенный розовой зарей, храмъ Діониса.

Уже солнце золотило вершины горъ. По мѣрѣ того, какъ они приближались къ храму, со всѣхъ сторонъ появились толпы мистовъ, шествія женщинъ и группы посвященныхъ. Все это множество людей, серьезныхъ съ виду, но внутренно взволнованныхъ тревожнымъ ожиданіемъ, встрѣтилось у подошвы холма и начало подниматься по тропинкамъ къ святилищу. Всѣ привѣтствовали другъ друга какъ друзья, потрясая миртовыми вѣтвями и тирсами.

Провожатый ученика исчезъ, а самъ ученикъ дельфійскаго храма очутился—неожиданно для себя—въ группѣ посвященныхъ, которые отличались разноцвѣтными повязками, придерживавшими ихъ волосы на головѣ. Онъ ихъ никогда не видалъ ранѣе этой минуты, а между тѣмъ ему казалось, что онъ узнаетъ ихъ, и это вызвало въ немъ чувство большой радости. И они также, казалось, ожидали его и привѣтствовали какъ брата и поздравляли его съ благополучнымъ прибытіемъ.

Смѣшавшись съ ними и какъ-бы несомый на крыльяхъ, онъ поднялся на самыя высокія ступени храма, когда внезапно яркій лучъ свѣта ослѣпилъ его глаза. Это было восходящее солнце, которое бросило свои первые снопы свѣта на равнину, освѣтивъ яркими лучами всѣхъ мистовъ и посвященныхъ, тѣснившихся на ступеняхъ храма и группами подвигавшихся къ нему.

Въ это время хоръ запѣлъ священный гимнъ. Бронзовыя двери храма открылись безшумно, и сопровождаемый факелоносцемъ, появился Іерофантъ Орфей. Ученикъ дельфійскаго храма, узнавъ его, задрожалъ отъ радости. Одѣтый въ пурпуровыя одежды, съ лирой въ рукѣ, Орфей сіялъ вѣчной юностью. Онъ заговорилъ:

«Привѣтъ всѣмъ вамъ, которые пришли, чтобы возродиться послѣ страданій земной жизни, привѣтъ вамъ, возрождающимся въ этотъ часъ! Войдите, чтобы испить отъ источника свѣта, вы, которые пришли изъ темноты, мисты, женщины, посвященные! Войдите и радуйтесь, вы, которые страдали; войдите и отдохните, вы—которые боролись. Солнце, которое я призову на ваши головы и которое засіяетъ въ вашихъ сердцахъ, не есть солнце смертныхъ; оно—чистый свѣтъ Діониса, великая звѣзда посвященныхъ. Силою вашихъ пережитыхъ страданій и того усилія, которое васъ привело сюда, вы побѣдите, а если вѣра ваша въ божественное слово крѣпка, вы побѣдили уже и теперь. Ибо, послѣ долгаго круговорота темныхъ существованій, вы освободитесь изъ скорбнаго круга рожденій и соединитесь всѣ, какъ единое тѣло и какъ одна душа, въ свѣтѣ Діониса.

«Божественная искра, которая освѣщаетъ намъ путь на землѣ —въ насъ самихъ; въ храмѣ она становится яркимъ факеломъ, на небесахъ—свѣтлой звѣздой. Такъ растетъ свѣтъ Истины.

«Послушайте, какъ звучитъ лира о семи струнахъ, лира Бога... Она вызываетъ движеніе міровъ. Слушайте! и да проникнутъ ея звуки въ васъ, и да откроются передъ вами глубины небесъ!

«Здѣсь дается помощь ослабѣвшимъ, утѣшеніе страждущимъ, надежда всѣмъ! Но горе злымъ и нечестивымъ, они будутъ уличены. Ибо въ экстазѣ мистерій каждый видитъ душу другого до самой глубины. Злые поражаются ужасомъ, а нечестивые—смертью.

«Нынѣ, когда свѣтъ Діониса засіялъ надъ вами, я призываю небеснаго Эроса, милостиваго и всемогущаго. Да будетъ онъ въ вашей любви, въ вашихъ слезахъ и въ вашихъ радостяхъ. Любите, ибо все любитъ: и демоны въ безднахъ, и боги въ эфирѣ. Любите, ибо все любитъ, но любите свѣтъ, а не мракъ. Вспоминайте во время пути о цѣли. Когда души возвращаются въ обитель свѣта, онѣ несутъ на своихъ звѣздныхъ*) тѣлахъ—подобно безобразнымъ пятнамъ—всѣ грѣхи жизни... И, чтобы изгладить ихъ, душа должна перенести искупленіе и возвратиться на землю... И одни лишь чистые и сильные входятъ въ обитель свѣта Діониса.

*) Астральныхъ.

«А теперь воспоемъ Эвохэ!»

«Эвохэ!» возгласили герольды въ четырехъ концахъ храма и раздалась священная музыка. Эвохэ! отвѣтили всѣ собравшіеся съ энтузіазмомъ, тѣснясь на ступеняхъ святилища. И крикъ Діониса, священный призывъ къ возрожденію и къ вѣчной жизни, прокатился по долинѣ, повторяемый тысячью голосовъ и отбрасываемый всѣми горными эхо. И пастухи въ дикихъ горныхъ проходахъ Оссы, затерявшіеся съ своими стадами въ тѣни лѣсовъ, задѣваемыхъ облаками, отвѣчали тѣмъ же крикомъ: «Эвохэ!»*).

Глава IV.

Видѣнія посвященнаго.

Празднество прошло какъ сонъ; наступилъ вечеръ. Священные танцы, гимны и молитвы словно растаяли въ розовомъ туманѣ. Орфей и его ученикъ спустились по подземной галлереѣ въ священный склепъ, находившійся въ серединѣ горы, куда одинъ Іерофантъ имѣлъ свободный доступъ. Тамъ предавался онъ своимъ одинокимъ медитаціямъ или занимался съ своими адептами высшими искусствами магіи и теургіи.

*) Возгласъ „Эвохэ", который произносится какъ *Hê*, *Vau*, *Hê*, былъ священнымъ возгласомъ всѣхъ посвященныхъ Египта, Іудеи, Финикіи, Малой Азіи и Греціи. Четыре священныя буквы, произносимыя слѣдующихъ образомъ: *Iod*, *Hê*, *Vau*, *Hê*, выражали Бога въ его вѣчномъ сліяніи съ Природой. Онѣ обнимали собой все сущее, всю живую Вселенную. *Iod* (Озирисъ) означалъ божественное въ прямомъ смыслѣ, творческій Разумъ, *Вѣчно-Мужественное*, которое находится во всемъ, вездѣ и поверхъ всего. *Hê-Vau-Hê* выражало *Вѣчно-Женственное*, Еву, Изиду, Природу подъ всѣми формами, видимыми и невидимыми, оплодотворенную Озирисомъ, творческимъ Разумомъ. Высшее посвященіе въ теогоническія науки и теургическія искусства соотвѣтствовало буквѣ *Iod*. Другой разрядъ наукъ соотвѣтствовалъ остальнымъ тремъ буквамъ *Hê Vau Hê*. Такъ же какъ Моисей, Орфей сохранилъ науки, соотвѣтствующія буквѣ *Іодъ* (Іовъ, Зевесъ, Юпитеръ), и идею единства Божія для посвященныхъ первой степени, народу же онъ стремился передать ее въ поэзіи, искусствахъ и въ живыхъ символахъ. Поэтому возгласъ Эвохэ былъ открыто произносимъ во время празднествъ Діониса, на которыя допускались, кромѣ посвященныхъ, и всѣ стремящіеся къ мистеріямъ. Въ этомъ повидимому заключается вся разница между дѣломъ Моисея и Орфея. Оба исходятъ изъ Египетскаго посвященія и обладаютъ одной и той же истиной, но осуществляютъ ее въ противоположныхъ направленіяхъ. Моисей сурово и ревниво прославляетъ Отца, мужское начало Бога. Онъ ввѣряетъ охрану Его замкнутому священническому сословію и подчиняетъ народъ неумолимой дисциплинѣ, лишая его откровенія. Орфей, боготворившій *Вѣчно-Женственное* въ природѣ, прославляетъ его во имя того Бога, которымъ оно проникнуто, и стремится пробудить его въ душѣ человѣчества. И вотъ почему кличъ Эвохэ! встрѣчается во всѣхъ мистеріяхъ древней Греціи.

Они вступили въ обширную пещеру. Два факела, вставленные въ полу, слабо освѣщали трещины ея стѣнъ и таинственный мракъ ея далей. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ зіяла черная разсѣлина; горячій вѣтеръ исходилъ изъ нея и казалось, что глубокая трещина спускается до самыхъ нѣдръ земли. На краю ея стоялъ небольшой жертвенникъ, на которомъ горѣли куски лавроваго дерева и стоялъ сфинксъ, высѣченный изъ порфира. Очень далеко, на неизмѣримой высотѣ, пещера освѣщалась продольной трещиной, черезъ которую въ эту минуту виднѣлось звѣздное небо. Этотъ слабый лучъ голубоватаго свѣта являлся какъ-бы окомъ небесъ, проникающимъ въ черную бездну.

«Ты пилъ изъ источника божественнаго Свѣта,» сказалъ Орфей, «ты вступилъ съ чистымъ сердцемъ въ нѣдра мистерій. Торжественный часъ пробилъ и я дамъ тебѣ проникнуть до самыхъ источниковъ жизни и свѣта. Тѣ, которые еще не приподняли густой покровъ, скрывающій невидимый міръ отъ взора человѣческаго, тѣ еще не пріобщились къ сынамъ Божіимъ.

«Внимай же истинамъ, которыя необходимо умалчивать передъ толпой и которыя составляютъ силу святилищъ.

«*Богъ единъ* и всегда подобенъ Себѣ Самому. Онъ управляетъ всей вселенной. *Но Боги* разнообразны и безчисленны; ибо божественное вѣчно и не имѣетъ конца. Величайшіе изъ нихъ—души свѣтилъ. Солнце, звѣзды, земли, луны, каждое свѣтило имѣетъ свою душу, и всѣ онѣ изошли изъ небеснаго огня и изъ первозданнаго свѣта. Недоступныя, неизмѣнныя, онѣ управляютъ великимъ цѣлымъ своими ритмическими движеніями. И каждое свѣтило, вращаясь, вовлекаетъ въ свою эфирную сферу сонмы полубоговъ или просвѣтленныхъ душъ, которые были когда то людьми и, спустившисъ по лѣстницѣ воплощенныхъ царствъ, побѣдоносно вознеслись снова на высоту, гдѣ кончается кругъ рожденій. Посредствомъ этихъ чистыхъ духовъ Богъ дышитъ, дѣйствуетъ, проявляется. Болѣе того, они являются дыханіемъ Его Души, лучами Его вѣчнаго Разума. Они направляютъ цѣлыя воинства низшихъ духовъ, которые дѣйствуютъ въ элементахъ; они же управляютъ мірами. И вдали, и вблизи, они окружаютъ насъ и, хотя по сути своей безсмертные, они облекаются въ формы, мѣняющіяся сообразно временамъ, народамъ и странамъ. Нечистивый отрицаетъ и все же боится ихъ; праведный поклоняется имъ, хотя и не видитъ ихъ; посвященный знаетъ ихъ, видитъ и способенъ привлекать ихъ.

«Если я боролся, чтобы найти ихъ, если я не побоялся смерти и, какъ говорятъ, спускался въ адъ, я дѣлалъ это, чтобы побѣдить

демоновъ бездны и призвать свыше боговъ на мою возлюбленную Грецію; я дѣлалъ это, чтобы глубокое небо сочеталось съ землей, и очарованная земля услыхала музыку божественныхъ голосовъ... Небесная красота воплотится въ тѣло женщины, огонь Зевеса потечетъ въ крови героевъ, и ранѣе, чѣмъ подняться къ свѣтиламъ, сыны Боговъ засіяютъ славой подобно Безсмертнымъ.

«Извѣстно ли тебѣ, что такое Лира Орфея? Это—звукъ вдохновенныхъ храмовъ. Струны ея—боги; подъ ихъ мелодіи Греція настроится подобно лирѣ, и самый мраморъ запоетъ въ стройныхъ размѣрахъ и въ свѣтлыхъ гармоніяхъ небожителей.

«А теперь я вызову *моихъ* Боговъ, дабы они появились передъ тобой живыми и показали тебѣ въ пророческомъ видѣніи мистическій гименей, который я готовлю міру и который узрятъ посвященные.

«Ложись въ углубленіе этой скалы. Не бойся ничего Магическій сонъ сомкнетъ твои вѣжды; вначалѣ ты будешь содрагаться и увидишь страшныя вещи; но затѣмъ—чудный свѣтъ и невѣдомое блаженство овладѣетъ всѣмъ твоимъ существомъ.»

Ученикъ легъ въ нишу, высѣченную въ видѣ ложа въ скалѣ. Орфей бросилъ горсть благовоній въ жертвенный огонь; затѣмъ, взявъ въ руку свой скипетръ, на вершинѣ котораго переливался всѣми цвѣтами радуги сверкающій кристаллъ, подошелъ къ сфинксу и началъ вызывать: «Цибела, Цибела! Великая мать, услыши меня! Первозданный свѣтъ, эфирное пламя, вѣчно вспыхивающее въ безпредѣльныхъ пространствахъ, въ которомъ таятся отголоски и образы всѣхъ вещей! Я призываю твоихъ сверкающихъ Вѣстниковъ, о душа вселенной, согрѣвающая бездны, сѣющая солнца, влачащая въ Эфирѣ свою звѣздотканную мантію... тончайшій Свѣтъ, скрытый и невидимый для тѣлесныхъ очей... великая Мать всѣхъ міровъ и Боговъ, хранящая всѣ первообразы въ нѣдрахъ своихъ... Цибела! ко мнѣ! ко мнѣ! Силой моего магическаго жезла, силой моего договора съ великими Властями, душою Эвридики заклинаю тебя: явись! Явись, Супруга многоликая, покорная и отзывчивая подъ огнемъ вѣчнаго творчества... Изъ высочайшихъ пространствъ, изъ глубочайшихъ безднъ, со всѣхъ сторонъ, появляйся, притекай, наполняй эту пещеру твоими эманаціями! Окружи сына Мистерій прозрачной оградой и дай ему узрѣть въ твоемъ глубокомъ лонѣ Духовъ бездны, земли и небесъ»...

При этихъ словахъ подземный гулъ потрясъ нѣдры горы, и скала задрожала. Тѣло ученика покрылось холоднымъ потомъ. Орфея онъ видѣлъ уже неясно сквозь клубы разраставшагося дыма. Въ первую минуту онъ пробовалъ бороться съ страшной силой, которая одолѣвала

его, но онъ почувствовалъ, какъ сознаніе его ослабѣваетъ и воля перестаетъ дѣйствовать. Онъ испытывалъ ужасъ утопающаго, задыхающагося подъ напоромъ воды и въ страшной борьбѣ теряющаго сознаніе.

Когда онъ пришелъ въ себя, ночь окружала его;—ночь, въ которой прокрадывался ползучій полусвѣтъ, мутный и призрачный. Онъ долго смотрѣлъ, ничего не видя; отъ времени до времени онъ чувствовалъ прикосновеніе къ своему тѣлу словно крыльевъ невидимыхъ летучихъ мышей. Наконецъ онъ началъ смутно различать двигавшіяся во мракѣ чудовищныя формы центавровъ, гидръ и горгонъ. И первое, что онъ различилъ явственно, была большая фигура женщины, сидящей на тронѣ. Она была окутана длиннымъ покрываломъ, въ складкахъ котораго блѣдно мерцали звѣзды, а на головѣ ея виднѣлся вѣнокъ изъ распустившихся маковъ. Ея широко открытые глаза бодрстровали, неподвижные. Множество человѣческихъ тѣней носилось вокругъ нея подобно усталымъ птицамъ, и онѣ шептали вполголоса: «Царица мертвыхъ! Душа земли! О, Персефона! Мы—дочери неба.. Почему находимся мы въ изгнаніи, въ темномъ царствѣ тѣней? О Жница небесная! Зачѣмъ сорвала ты наши души, которыя, блаженно-счастливыя въ волнахъ свѣта, свободно двигались среди своихъ сестеръ въ безграничномъ пространствѣ эфира?»

Персефона отвѣтила: «Я сорвала нарциссъ, я спустилась на брачное ложе, я выпила смерть вмѣстѣ съ жизнью, и такъ же, какъ вы, я страдаю во мракѣ.»

«Когда же мы будемъ освобождены?» со стономъ спрашивали души.

«Когда появится мой небесный Супругъ — божественный Освободитель,» отвѣтила Персефона.

Вслѣдъ за тѣмъ появились страшныя женщины: глаза ихъ были налиты кровью, на головахъ ихъ были вѣнки изъ ядовитыхъ цвѣтовъ. Вокругъ ихъ обнаженныхъ рукъ и вокругъ бедеръ извивались змѣи, которыми женщины размахивали какъ плетями: «Души, призраки, ларвы!» кричали онѣ своими свистящими голосами, «не вѣрьте безумной царицѣ мертвыхъ! Мы—жрицы жизни во мракѣ, слуги элементовъ и чудовищъ бездны, мы—вакханки на землѣ и фуріи въ преисподней! Мы—ваши истинныя царицы, несчастныя души! Вы не выйдете изъ проклятаго круга рожденій! Мы заставимъ васъ возвращаться въ него снова и снова нашими бичами! Извивайтесь вѣчно между свистящими кольцами нашихъ змѣй, въ сѣтяхъ желанія, ненависти и раскаянія!»— И онѣ бросились, разъяренныя, на сонмъ обезумѣвшихъ отъ ужаса

душъ, и подъ ударами ихъ бичей души начали кружиться въ воздухѣ, подобно вихрямъ сухихъ листьевъ, испуская томительные стоны.

При этомъ зрѣлищѣ Персефона начала блѣднѣть. Теперь она походила на лунный призракъ. Она тихо произнесла: «Небо... Свѣтъ... Боги... Одна мечта!.. Сонъ, лишь вѣчный сонъ!»... Цвѣты въ ея вѣнкѣ завяли; ея глаза закрылись въ смертельной тоскѣ. Царица мертвыхъ впала въ глубокій сонъ на своемъ тронѣ, и все исчезло во мракѣ.

Видѣніе измѣнилось. Ученикъ дельфійскаго храма увидѣлъ себя въ цвѣтущей долинѣ. Гора Олимпъ въ отдаленіи. У входа въ темную пещеру на ложѣ изъ цвѣтовъ лежала прекрасная Парсефона. Вѣнокъ изъ нарциссовъ замѣнилъ на ея головѣ зловѣщіе цвѣты маковъ, и заря возрождающейся жизни отражалась на ея прекрасномъ лицѣ. Темныя косы ея падали на бѣлыя плечи, и нѣжная грудь тихо приподнималась подъ поцѣлуями легкаго вѣтерка. Нимфы двигались въ ритмическомъ танцѣ на лужайкѣ. Бѣлыя блестящія облака передвигались въ лазури неба. Звуки лиры доносились изъ храма.

Въ этихъ неземныхъ звукахъ, въ этихъ священныхъ ритмахъ ученикъ услыхалъ скрытую музыку всѣхъ вещей. Изъ листьевъ, изъ травъ, изъ волнъ, изъ пещеръ исходила безплотная нѣжная мелодія, и до его слуха долетали изъ далека отдаленные голоса посвященныхъ женщинъ, которыя проходили съ пѣніемъ въ горахъ.

Однѣ изъ нихъ, какъ бы въ отчаяніи, призывали Бога, другія, падая въ безсиліи подъ тѣнью деревьевъ, словно ожидали его появленія.

Затѣмъ небесная лазурь раскрылась въ зенитѣ, и изъ нея появилось блестящее облако. Подобно парящей птицѣ, которая, продержавшись мгновеніе на высотѣ, стрѣлою падаетъ на землю, изъ облака появился богъ и, съ тирсомъ въ рукѣ, предсталъ передъ Парсефоной. Онъ былъ прекрасенъ. Въ его глазахъ сіялъ священный восторгъ, предвѣстникъ зачатія міровъ. Онъ долго взиралъ на нее, затѣмъ протянулъ надъ ней свой тирсъ и дотронулся до ея груди; она улыбнулась. Онъ прикоснулся къ ея челу; она открыла глаза, медленно поднялась и взглянула на Свѣтлаго Бога. Ея очи, затемненныя сновидѣніями Эреба, засіяли, какъ двѣ яркія звѣзды. «Узнаешь ты меня?» спросилъ богъ.—«О Діонисъ! Чистый Духъ, Глаголъ Юпитера, небесный Свѣтъ, сіяющій подъ видомъ человѣка! Каждый разъ, какъ ты пробуждаешь меня, мнѣ кажется, что я живу впервые, міры возрождаются въ моемъ воспоминаніи; прошедшее и будущее снова стано-

вится безсмертнымъ *настоящимъ*, и я чувствую, какъ въ моемъ сердцѣ, сіяя, оживаетъ вся вселенная!»

Въ это время надъ горами, на рубежѣ серебристыхъ облаковъ, появились свѣтозарные боги, пытливо склонившіеся къ землѣ.

Внизу, группы мужчинъ, женщинъ и дѣтей, выходившія изъ долинъ и изъ пещеръ, смотрѣли на Безсмертныхъ въ нѣмомъ восторгѣ. Пламенные гимны поднимались изъ храмовъ вмѣстѣ съ волнами фиміама. Между землей и небомъ готовилось одно изъ тѣхъ соединеній, которое вызываетъ зачатіе боговъ и героевъ; и когда розовый свѣтъ зари разлился надъ землей, царица мертвыхъ, снова превратившаяся въ божественную жницу, поднималась къ небу, уносимая въ объятіяхъ своего Супруга. Огневое облоко закрывало ихъ, и уста Діониса прикоснулись къ устамъ Персефоны... И тогда безмѣрный крикъ любви прозвучалъ отъ неба до земли, словно священный трепетъ боговъ пронесся надъ великой лирой, обрывая всѣ ея струны и разнося повсюду на крыльяхъ вѣтра ея звуки... Въ тотъ же мигъ изъ облака, возносившаго Діониса и Персефону, вырвался цѣлый ураганъ ослѣпительнаго свѣта... И все исчезло.

На мгновенье ученикъ Орфея почувствовалъ себя словно поглощеннымъ въ самый центръ источника всякой жизни, словно утонувшимъ въ солнцѣ Бытія. Но, погружаясь въ его пламенную глубину, онъ исторгался изъ нея одаренный небесными крыльями и, подобно молніи, проносился надъ мірами, чтобы на рубежѣ ихъ прикоснуться къ Вѣчности.

Когда физическое сознаніе вернулось къ нему, онъ увидалъ себя въ полной темнотѣ. Лишь свѣтлая лира сіяла въ глубинѣ мрака. Она удалялась, удалялась, и наконецъ превратилась въ звѣзду. Только тогда понялъ ученикъ, что онъ находится въ склепѣ, и что эта свѣтлая точка—отверстіе въ скалѣ, черезъ которое просвѣчиваетъ небо.

Большая тѣнь неподвижно стояла около него. Онъ узналъ Орфея по длиннымъ волосамъ и по сверкающему оконечнику его скипетра.

«Дитя дельфійскаго храма,» обратился къ нему Орфей, «откуда приходишь ты?»

«О, учитель посвященныхъ, чудо-творящій Орфей! Мнѣ снился дивный сонъ. Что это — чары магіи или даръ боговъ? Что случилось? Развѣ измѣнился міръ? И гдѣ нахожусь я въ эту минуту?»

«Ты завоевалъ вѣнецъ посвященія и ты позналъ мою мечту— безсмертную Грецію! Но пойдемъ отсюда; чтобы исполнилась эта мечта, нужно, чтобы я принялъ смерть, а ты остался жить.»

ГЛАВА V.

Смерть Орфея.

Дубовые лѣса стонали, бичуемые бурей на склонахъ горы Каукаіонъ; громъ разносился отраженными голосами по обнаженнымъ скаламъ и заставлялъ дрожать до самаго основанія храмъ Юпитера. Жрецы Зевеса сошлись въ одномъ изъ сводчатыхъ склеповъ святилища. Они сидѣли на своихъ бронзовыхъ креслахъ и составляли полукругъ. Орфей стоялъ посреди нихъ подобно осужденному. Онъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго, но глубокое пламя горѣло въ его спокойныхъ глазахъ.

Самый древній изъ жрецовъ заговорилъ голосомъ судьи:

«Орфей, ты, котораго называютъ сыномъ Аполлона, мы провозгласили тебя первосвященникомъ и царемъ, мы дали тебѣ мистическій скипетръ сына Божія; ты управляешь Ѳракіей помощью священнаго царственнаго знанія. Ты воздвигъ въ этой странѣ храмы Юпитера и Аполлона, и ты зажегъ въ ночи мистерій божественное солнце Діониса. Но извѣстно ли тебѣ, *что* угрожаетъ намъ? Ты, который знаешь самыя страшныя тайны, ты, который не разъ предсказывалъ намъ будущее и издали бесѣдовалъ съ своими учениками, появляясь передъ ними во снѣ, ты не вѣдаешь, что творится вокругъ тебя. Въ твое отсутствіе мрачныя жрицы, вакханки, соединились въ долинѣ Гекаты. Ведомыя Аглаонисой, волшебницей Ѳессаліи, онѣ убѣдили начальниковъ племенъ, обитающихъ у береговъ Эбры, возстановить культъ мрачной Гекаты и онѣ грозятъ разрушить храмы нашихъ Боговъ и алтари Всевышняго! Возбужденные ихъ пламенными рѣчами, ведомые при свѣтѣ ихъ мятежныхъ факеловъ, тысяча ѳракійскихъ воиновъ расположились лагеремъ у подошвы горы и завтра, возбуждаемые кровожадными женщинами, они пойдутъ на приступъ нашего храма. Аглаониса, главная жрица Гекаты, ведетъ ихъ; это—самая страшная изъ волшебницъ, неумолимая и злобная подобно фуріи. Ты долженъ знать ее! Каковъ будетъ твой отвѣтъ?..»

«Я зналъ все это,» отвѣтилъ Орфей, «и все, что ты говоришь, было неизбѣжно.»

«Почему же не сдѣлалъ ты ничего, чтобы защитить насъ? Аглаониса поклялась убить насъ на нашихъ алтаряхъ, передъ лицомъ того же Неба, которому мы поклоняемся. Но что станется съ этимъ храмомъ, съ его сокровищами, съ твоей наукой и съ самимъ Зевесомъ, если ты покинешь насъ?»

«Развѣ я не съ вами?» отвѣтилъ Орфей съ кротостью.

«Ты пришелъ, но слишкомъ поздно, — сказалъ жрецъ. — Аглаониса ведетъ вакханокъ, а вакханки ведутъ ѳракійцевъ. Не молніями ли Юпитера и не стрѣлами ли Аполлона будешь ты защищаться отъ нихъ? Почему не позвалъ ты своевременно ѳракійскихъ начальниковъ, вѣрныхъ Зевесу, чтобы они раздавили мятежъ?»

«Не оружіемъ защищаютъ Боговъ, а живымъ словомъ. И не съ начальниками нужно бороться, а съ вакханками. Я иду одинъ. Сохраните спокойствіе. Ни одинъ непосвященный не проникнетъ за эту ограду. Завтра же придетъ конецъ царству кровожадныхъ жрицъ. И знайте вы всѣ, которые дрожите передъ ордой, предавшейся Гекатѣ, побѣдятъ не онѣ, а свѣтлые, солнечные Боги. Тебѣ же, жрецъ, который усомнился во мнѣ, я оставляю скипетръ и вѣнецъ Іерофанта.»

«Что задумалъ ты сдѣлать?» спросилъ испуганный старый жрецъ.

«Я возвращаюсь къ Богамъ... А вамъ всѣмъ привѣтъ!»

И Орфей вышелъ, оставивъ жрецовъ въ нѣмомъ изумленіи. Внутри храма онъ разыскалъ ученика дельфійскаго храма и, взявъ его за руку, сказалъ:

«Я иду въ лагерь Ѳракійцевъ. Слѣдуй за мной.»

Они пошли подъ тѣнью дубовъ. Гроза удалялась. Сквозь густыя вѣтви сверкали звѣзды.

«Верховный часъ для меня насталъ» сказалъ Орфей. «Другіе понимали меня, ты же меня любилъ. Эросъ—древнѣйшій изъ Боговъ, говорятъ посвященные; у него ключъ отъ всякаго бытія. Тебѣ одному я далъ проникнутъ въ самую глубину мистерій; Боги говорили съ тобой; ты видѣлъ ихъ!.. Теперь, вдали отъ людей, лицомъ къ лицу, въ верховный часъ своей смерти, Орфей долженъ оставить своему возлюбленному ученику руководящее слово своей жизни, безсмертное наслѣдіе, чистый огонь своей души.

«Учитель, я слушаю и повинуюсь,» сказалъ ученикъ Дельфійскаго храма.

«Идемъ, — сказалъ Орфей, — по этой тропинкѣ внизъ. Нужно спѣшить, время не ждетъ. Я долженъ застать моихъ враговъ врасплохъ. Пока мы идемъ, слушай и запечатлѣвай мои слова въ своей памяти, но сохрани ихъ какъ тайну.»

«Они выжгутся огненными буквами въ моемъ сердце; вѣка не изгладятъ ихъ.»

«Ты уже знаешь, что душа есть дочь неба. Ты взиралъ на свое происхожденіе и на свой конецъ, и ты начинаешь уже вспоминать.

Когда душа спускается въ тѣло, она продолжаетъ, хотя и въ слабой степени, получать воздѣйствіе свыше. И это дуновеніе свыше достигаетъ до насъ въ началѣ нашей жизни черезъ посредство нашихъ матерей. Молокомъ изъ своей груди онѣ питаютъ наше тѣло; духъ же нашъ, устрашенный тѣснотой тѣлесной темницы, питается душою матери. Моя мать была жрицей Аполлона; въ моихъ первыхъ воспоминаніяхъ я вижу священную рощу, нашъ храмъ и женщину, несущую меня въ своихъ объятіяхъ и покрывающую мое тѣло своими нѣжными волосами, какъ грѣющимъ покрываломъ. Земные предметы и лица людей приводили меня въ неописанный ужасъ. Но какъ только моя мать брала меня въ свои объятія, я встрѣчался съ ея взоромъ и изъ него исходило на меня чудное воспоминаніе о небѣ. Но этотъ лучъ погасъ въ печальныхъ потемкахъ земной жизни. Однажды моя мать исчезла; она умерла, и я не видѣлъ ее болѣе. Лишенный ея нѣжнаго взора, удаленный отъ ея ласкъ, я ужаснулся передъ моимъ одиночествомъ. А когда я увидалъ кровь, стекающую съ жертвеннаго алтаря, я возненавидѣлъ храмъ и спустился внизъ, въ долины. Уже тогда «вакханки» поразили мою юность. Аглаониса царствовала надъ ними. Мужчины и женщины—всѣ боялись ея. Отъ нея вѣяло мрачнымъ желаніемъ, и она приводила въ ужасъ. Всѣхъ приближавшихся къ ней она привлекала роковымъ образомъ. Съ помощью чародѣйства мрачной Гекаты она привлекала молодыхъ дѣвушекъ въ свою очарованную долину и вводила ихъ въ свой культъ. Въ это время Аглаониса замѣтила Эвридику. Она почувствовала къ ней преступное необузданное влеченіе. Она стремилась увлечь ее въ культъ вакханокъ, завладѣть ея волей и предать ее адскимъ демонамъ. И уже начала она зачаровывать Эвридику своими соблазнительными обѣщаніями и ночными чарами.

«Привлеченный какимъ-то неяснымъ предчувствіемъ въ долину Гекаты, я шелъ однажды посреди густыхъ травъ луга, покрытаго ядовитыми растеніями, и кругомъ царствовалъ ужасъ темныхъ лѣсовъ, посѣщаемыхъ вакханками. Странное дуновеніе, какъ бы горячія дыханія желанія носились вокругъ. Я увидалъ Эвридику. Она медленно шла, не видя меня, направляясь къ пещерѣ, словно зачарованная какой-то невидимой силой. Отъ времени до времени легкій смѣхъ доносился изъ рощи вакханокъ, иногда странный вздохъ. Эвридика останавливалась, трепеща, нерѣшительная, а затѣмъ возобновляла свой путь, словно побуждаемая магической властью. Ея золотыя кудри падали на бѣлыя плечи, ея синіе глаза горѣли блаженствомъ, тогда какъ сама она подвигалась къ пасти ада. Но я различилъ спящее небо въ ея взорахъ. Я позвалъ ее, я взялъ ее за руку, я крикнулъ ей:

Эвридика! куда идешь ты? Какъ бы пробужденная отъ сна, она испустила крикъ ужаса и, освобожденная отъ чаръ, упала на мою грудь. И тогда Божественный Эросъ покорилъ насъ, мы обмѣнялись взглядами, и Эвридика—Орфей стали супругами навѣкъ.

«Вслѣдъ за тѣмъ Эвридика, прижимавшаяся въ страхѣ ко мнѣ, указала на гротъ жестомъ ужаса. Я приблизился къ нему и увидалъ въ его глубинѣ сидящую женщину. Это и была Аглаониса. Возлѣ нея небольшая статуя Гекаты изъ воска, раскрашенная краснымъ, бѣлымъ и чернымъ, съ бичемъ въ рукѣ. Она бормотала волшебныя слова, вращая магическое колесо своей прялки, и ея глаза, устремленные въ пустоту, казалось, пожирали невидимую жертву. Я разбилъ ея прялку, я затопталъ Гекату ногами, я пронизалъ волшебницу взглядомъ и воскликнулъ: именемъ Юпитера, я запрещаю тебѣ думать о Эвридикѣ, запрещаю подъ страхомъ смерти, ибо знай, сыны Аполлона не боятся тебя!

«Приведенная въ смятеніе, Аглаониса корчилась какъ змѣя подъ моимъ взглядомъ и наконецъ исчезла въ глубинѣ пещеры, бросивъ на меня взглядъ смертельной ненависти.

«Я увелъ Эвридику къ своему храму. Дѣвушки Эбро *) въ вѣнкахъ изъ гіацинтовъ воспѣвали гименей вокругъ насъ. Я узналъ счастье.

«Луна трижды обогнула небосводъ, когда одна вакханка, по наущенію Аглоанисы, предложила Эвридикѣ чашу съ виномъ, обѣщая, что если она выпьетъ его, передъ ней раскроется наука магическихъ травъ и любовныхъ напитковъ. Эвридика—въ порывѣ любопытства—выпила ее и пала, какъ бы пораженная молніей. Чаша заключала смертельный ядъ.

«Когда я увидѣлъ тѣло Эвридики, сжигаемое на кострѣ, когда могила поглотила ея пепелъ, когда послѣдніе слѣды ея живой формы исчезли, я спросилъ себя: гдѣ же ея душа? И я пошелъ въ невыразимомъ отчаяніи, я бродилъ по всей Греціи. Я молилъ жрецовъ Самоѳракіи вызвать ея душу; я искалъ эту душу въ нѣдрахъ земли и вездѣ, куда могъ проникнуть, но тщетно. Подъ конецъ я пришелъ къ пещерѣ Трофонійской.

«Тамъ жрецы вводятъ смѣлаго посѣтителя черезъ трещину до огненныхъ озеръ, которыя кипятъ въ нѣдрахъ земли и показываютъ ему, что происходитъ въ этихъ нѣдрахъ. Уже на пути, подвигаясь впередъ, человѣкъ приходитъ въ экстазъ, и у него открывается внут-

*) Св. гора Эбро.

реннее зрѣніе; онъ начинаетъ съ трудомъ дышать, у него является удушье, онъ теряетъ голосъ и можетъ говорить лишь знаками. Одни отступаютъ въ испугѣ и возвращаются съ полпути, другіе упорствуютъ и умираютъ отъ удушья, а большая часть тѣхъ, которые возвращаются живыми, сходятъ съ ума. Проникнувъ до конца и увидавъ то, что ни одни уста не должны произносить, я вернулся въ пещеру и впалъ въ глубокій латаргическій сонъ. Во время этого сна ко мнѣ явилась Эвридика. Она носилась, окруженная сіяніемъ, блѣдная и нѣжная какъ лунный свѣтъ, и говорила мнѣ:

«Ради меня ты не побоялся ада, ты искалъ меня между мертвыми. Я услышала твой голосъ, я пришла. Я обитаю не въ нѣдрахъ земли, но въ областяхъ Эреба, въ обители мрака между землей и луной. Я кружусь на краю обоихъ міровъ и плачу такъ же, какъ ты. Если ты хочешь освободить меня, спаси Грецію и дай ей свѣтъ. И тогда мнѣ будутъ возвращены мои крылья, и я поднимусь къ свѣтиламъ, и ты снова найдешь меня въ свѣтлой области Боговъ. А до тѣхъ поръ я должна бродить въ царствѣ мрака, тревожномъ и скорбномъ»...

«Трижды я хотѣлъ схватить ее, трижды она исчезала изъ моихъ объятій, неулавимая какъ тѣнь. Я услышалъ звукъ словно отъ разорванной струны, и затѣмъ голосъ, слабый какъ дуновеніе, грустный, какъ прощальный поцѣлуй, прошепталъ: Орфей!

«При этомъ звукѣ я пробудился. Это имя, данное мнѣ ея душой, преобразило все мое существо. Я почувствовалъ, какъ въ меня проникъ священный трепетъ безпредѣльнаго желанія и сила сверхчеловѣческой любви. Живая Эвридика дала бы мнѣ блаженство счастья, мертвая Эвридика повела меня къ истинѣ. Изъ любви къ ней я облекся въ льняныя одежды и достигъ великаго посвященія и жизни аскета. Изъ любви къ ней я проникнулъ въ тайны магіи и въ глубины божественной науки; изъ любви къ ней я прошелъ черезъ пещеры Самоѳраксія, черезъ колодцы Пирамидъ и черезъ могильные склепы Египта. Я проникалъ въ нѣдра смерти, чтобы найти въ ней жизнь. И по ту сторону жизни я видѣлъ грани міровъ, я видѣлъ души, свѣтящіяся сферы, эфиръ Боговъ. Земля раскрыла передо мной свои бездны, а небо—свои пылающіе храмы. Я исторгалъ тайную науку изъподъ пеленъ мумій. Жрецы Изиды и Озириса выдали мнѣ свои тайны. У нихъ были только ихъ Боги, у меня же былъ Эросъ. Его силою я говорилъ, пѣлъ и побѣждалъ. Его силою я проникъ въ глаголы Гермеса и Зороастра; его силой я произнесъ глаголъ Юпитера и Аполлона!

«Но послѣдній часъ, верховный часъ моего служенія пробилъ... Я долженъ еще разъ спуститься въ адъ, прежде чѣмъ подняться

въ небеса. Внимай, дорогое дитя моего сердца: ты понесешь мое ученіе въ храмъ дельфійскій, къ трибуналу Амфиктіоновъ. Діонисъ—солнце посвященныхъ; Аполлонъ будетъ свѣтомъ Греціи; Амфиктіоны—хранителями его правосудія».

Іерофантъ и его ученикъ достигли долины у подножія горы. Передъ ними раскрылась лужайка, окаймленная темными массами деревьевъ, и на ней раскинутыя палатки и люди, спящіе на землѣ. Въ глубинѣ лѣса погасающіе костры и догорающіе факелы. Орфей подвигался спокойнымъ шагомъ посреди спящихъ ѳракійцевъ, уставшихъ отъ ночной оргіи. Ночная стража спросила его имя.

«Я вѣстникъ Юпитера; позови своихъ начальниковъ.»

«Жрецъ храма!»—Этотъ крикъ ночной стражи пронесся тревожнымъ кличемъ по всему лагерю. Всѣ вскочили, начали вооружаться, переговариваться; засверкали мечи, появились начальники; окружили первосвященника.

«Кто ты? Зачѣмъ пришелъ ты сюда?»

«Я посланникъ храма. Вы всѣ: цари, начальники и воины Ѳракіи, откажитесь отъ борьбы съ сынами свѣта и признайте божественность Юпитера и Аполлона. Сами Боги говорятъ съ вами моими устами. Я пришелъ какъ другъ, если вы выслушаете меня; какъ судья, если вы откажитесь внимать мнѣ.»

«Говори,» сказали начальники.

Стоя подъ большимъ вязомъ, Орфей сталъ говорить. Онъ говорилъ о величіи Боговъ, о красотѣ и очарованіи божественнаго свѣта и о той чистой жизни, которую онъ велъ наверху съ своими братьями посвященными, подъ покровительствомъ великаго Урана, о сіяющей истинѣ, которую онъ желалъ сообщить всѣмъ людямъ; онъ говорилъ, обѣщая утишить всѣ распри, исцѣлить всѣ болѣзни, открыть сѣмена, которыя произведутъ наиболѣе прекрасные плоды земли и еще болѣе драгоцѣнныя сѣмена, которыя дадутъ плоды высшей жизни: *радость, любовь, красоту*. И по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, его глубокій и нѣжный голосъ, звучавшій, какъ струны лиры, проникалъ все глубже въ сердца потрясенныхъ ѳракійцевъ. Изъ глубины лѣсовъ любопытныя вакханки подвигались все ближе и ближе съ разныхъ сторонъ, освѣщенныя факелами, которые онѣ держали въ рукахъ. Едва прикрытыя кожей пантеры виднѣлись ихъ смуглыя тѣла, а глаза ихъ, въ которыхъ отражалось пламя факеловъ, сверкали сладострастіемъ и жестокостью. Но постепенно успокоенныя голосомъ Орфея, онѣ опустились къ его ногамъ, какъ укрощенные звѣри. Однѣ, мучимыя раскаяніемъ, смотрѣли въ землю мрачнымъ взоромъ; другія

слушали какъ очарованныя. И взволнованные ѳракійцы говорили другъ другу: «Его устами говоритъ самъ Богъ, самъ Аполлонъ очаровываетъ вакханокъ!»

Между тѣмъ, изъ глубины лѣса Аглаониса слѣдила за всѣмъ происходившимъ. Мрачная жрица Гекаты, видя неподвижныхъ ѳракійцевъ и вакханокъ, подчинившихся болѣе могучей магіи, чѣмъ ея собственная, почувствовала побѣду неба надъ адомъ и поняла, что ея власть рушится отъ могучаго слова божественнаго посланника. И застонавъ отъ ярости, она бросилась къ Орфею.

«Вы говорите, что онъ Богъ? А я говорю вамъ, что это Орфей, такой же человѣкъ, какъ и вы, чародѣй, обманывающій васъ, тиранъ, подбирающійся къ вашей царской власти... Богъ, говорите вы? Сынъ Аполлона? Онъ, этотъ жрецъ? Этотъ гордый первосвященникъ? Бросайтесь на него! Если онъ Богъ, пусть защититъ себя... А если я обманываю васъ, пусть разорвутъ *меня!*»

За Аглаонисой слѣдовало нѣсколько начальниковъ, возбужденныхъ ея волшебными чарами и воспламененныхъ ея ненавистью. Они бросились на Іерофанта. Орфей упалъ, пронзенный ихъ мечами. Онъ протянулъ руку своему ученику и сказалъ:

«Я умираю, но Боги не перестанутъ жить»!

Произнеся эти слова, онъ испустилъ духъ. Склонившись надъ его тѣломъ, ѳессаліская волшебница, видъ которой напоминалъ Тизифону *), съ дикой радостью выжидала послѣдній вздохъ Орфея и готовилась уже вынимать его внутренности, чтобы по нимъ составить свои прорицанія; но каковъ же былъ испугъ Аглаонисы, когда, при невѣрномъ свѣтѣ факеловъ, она увидѣла, что жизнь снова появилась на лицѣ мертвеца, его глаза раскрылись во всю ширину, и взглядъ, глубокій, нѣжный и въ то же время страшный, остановился на ней... И въ послѣдній разъ губы его зашевелились, и странный, неземной голосъ явственно произнесъ знакомое мелодическое имя:

«Эвридика!»

Передъ этимъ взглядомъ и передъ этимъ звукомъ устрашенная жрица отступила въ ужасѣ, восклицая;

«Онъ не умеръ! Они будутъ меня преслѣдовать! Орфей... Эвридика!»

И выкрикивая эти слова, Аглаониса исчезла, словно бичуемая фуріями. Обезумѣвшія вакханки и охваченные ужасомъ ѳракійцы разбѣжались, испуская крики ужаса и печали.

---

*) Одна изъ фурій.

Ученикъ остался одинъ около тѣла своего учителя. Когда блѣдный лучъ Гекаты скользнулъ по окровавленнымъ одеждамъ и по блѣдному лицу убитаго Орфея, ученику почудилось, что вся долина, рѣки, горы и лѣса испускаютъ стоны подобно одной необъятой лирѣ. Тѣло Орфея было сожжено жрецами, а урна съ пепломъ отнесена въ отдаленное святилище Аполлона, гдѣ ему поклонялись наравнѣ съ свѣтлымъ Богомъ. Ни одинъ изъ возмутившихся не осмѣлился подняться къ храму Каукаіона.

Преданіе Орфея, его наука и его мистеріи распространились по всѣмъ храмамъ Юпитера и Аполлона. Греческіе поэты говорили, что Аполлонъ почувствовалъ ревность къ Орфею, ибо послѣдняго призывали даже чаще, чѣмъ его самого. Въ дѣйствительности же, когда поэты воспѣвали Аполлона, великіе посвященные призывали душу Орфея—спасителя и пророка.

Позднѣе Ѳракійцы, обращенные въ религію Орфея, стали утверждать, что Орфей спускался въ адъ, чтобы найти тамъ душу своей супруги, и что вакханки, ревнуя къ его непреходящей любви, растерзали его въ куски, и что голова его, брошенная въ Эбро и уносимая его бурными волнами, продолжала взывать: «Эвридика! Эвридика!»

Такимъ образомъ Ѳракійцы прославляли какъ великаго пророка того, котораго сами же убили какъ преступника. Мученической смертью его они были обращены къ той религіи, съ которой враждовали пока онъ былъ живъ. Такъ проникалъ духъ Орфея, таинственно разливаясь по невидимымъ артеріямъ святилищъ и тайнаго посвященія, въ сознаніе Эллады. Боги приходили въ согласіе подъ звуки его голоса подобно тому, какъ въ храмѣ хоръ посвященныхъ поетъ въ согласіи съ невидимой лирой, и—*душа Орфея стала душой Греціи.*

КНИГА ШЕСТАЯ.

ПИѲАГОРЪ.

(ДЕЛЬФІЙСКІЯ МИСТЕРІИ).

Познай самого себя, и ты узнаешь Вселенную и Боговъ..

Надпись надъ дельфійскимъ храмомъ.

Сонъ, сновидѣніе и экстазъ—вотъ три двери, ведущія въ потусторонній міръ, откуда исходитъ наука души и искусство пророчества.

Эволюція есть законъ Жизни.
Число есть законъ Вселенной.
Единство есть законъ Бога.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Пиѳагоръ.

(Дельфійскія мистеріи).

Глава I.

Греція въ шестомъ столѣтіи.

Душа Орфея пронеслась подобно сіяющему метеору по грозовому небу рождающейся Греціи. Когда онъ погасъ, казалось, что мракъ окуталъ ее снова. Послѣ цѣлаго ряда революцій ѳракійскіе тираны сожгли книги Орфея, опрокинули его храмы, изгнали его учениковъ.

Цари Греціи и многіе города, дорожившіе своей разнузданностью болѣе, чѣмъ порядкомъ и справедливостью, вытекающей изъ чистыхъ ученій Орфея, послѣдовали за ними. Рѣшено было изгладить самое воспоминаніе о немъ, уничтожить его послѣдніе слѣды, и это было выполнено въ такой степени, что черезъ нѣсколько столѣтій послѣ его смерти часть Греціи сомнѣвалась даже въ его существованіи. Тщетно посвященные охраняли его традиціи въ теченіе болѣе тысячи лѣтъ; тщетно Пиѳагоръ и Платонъ говорили о немъ, какъ о богочеловѣкѣ. Софисты и риторы не признавали за его именемъ ничего иного, кромѣ легенды о происхожденіи музыки.

И въ наши дни многіе ученые отрицаютъ категорическимъ образомъ существованіе Орфея. Они ссылаются главнымъ образомъ на тотъ фактъ, что ни у Гомера, ни у Гезіода не встрѣчается его имени. Но молчаніе этихъ поэтовъ объясняется слишкомъ ясно запретомъ, подъ которымъ находилось имя великаго посвятителя у мѣстныхъ правительствъ. Ученики Орфея не переставали стремиться къ сосредоточенію всякой власти въ высшемъ авторитетѣ дельфійскаго храма и не уставали повторять, что всѣ несогласія между различными государствами Греціи слѣдовало подчинить рѣшенію совѣта Амфиктіоновъ. Такое подчиненіе стѣсняло одинаково и демагоговъ, и тирановъ.

Гомеръ, который получилъ свое посвященіе, по всей вѣроятности, въ святилищѣ Тирскомъ, и миѳологія котораго является поэтическимъ переводомъ теологіи Санконіатонской, іоніецъ Гомеръ могъ легко быть неосвѣдомленнымъ относительно дорійца Орфея, преданіе котораго

сохранялось тѣмъ въ большей тайнѣ, чѣмъ болѣе его преслѣдовали. Что касается Гезіода, родившагося вблизи Парнасса, онъ долженъ былъ узнать въ святилищѣ дельфійскомъ и имя Орфея, и его ученіе, но посвящавшіе его имѣли полное основаніе требовать отъ него молчанія.

Тѣмъ не менѣе Орфей продолжалъ жить въ своемъ твореніи. Онъ жилъ въ своихъ ученикахъ и даже въ тѣхъ, которые отрицали его. Гдѣ же искать силу его творчества? Въ чемъ сохранилась его живая душа? Въ военной ли олигархіи Спарты, гдѣ наука презиралась, гдѣ невѣжество было возведено въ систему, и грубость нравовъ требовалась какъ выраженіе мужества? Или въ безпощадныхъ мессинскихъ войнахъ, когда спартанцы преслѣдовали сосѣдній народъ до полнаго его уничтоженія, и когда эти греческіе римляне, предвѣщая Тарпейскую скалу и кровавые лавры Капитолія, сбросили въ бездну героическаго Аристолина, защитника своей родины? Или же въ буйной демократіи Аѳинъ, постоянно готовой перейти въ тиранію? Или искать его въ преторіанскихъ стражникахъ Пизистрата, или въ кинжалѣ Гармодіуса и Аристогитона, притаившагося подъ миртовой вѣткой? Или въ многочисленныхъ городахъ Эллады, великой Греціи и Малой Азіи, двумя яркими типами которыхъ являлись Аѳины и Спарта? Искать ли его во всѣхъ этихъ демократіяхъ и тираніяхъ, ревнивыхъ, завистливыхъ и готовыхъ растерзать другъ друга?

Нѣтъ, душа Греціи не тамъ. Она въ ея храмахъ, въ ея мистеріяхъ и въ ея посвященныхъ.

Она въ святилищѣ Юпитера на Олимпѣ, Юноны въ Аргосѣ, Цереры въ Элевзисѣ; она царствуетъ въ Аѳинахъ съ Минервой, сіяетъ въ Дельфахъ съ Аполлономъ, который освѣщаетъ своимъ свѣтомъ всѣ храмы,—вотъ гдѣ центръ и жизнь древней Греціи, ея мозгъ и ея сердце.

Тамъ поучались поэты, переводившіе для непосвященныхъ высокія истины въ животрепещущіе образы, и мудрецы, распространявшіе тѣ же истины въ тонкихъ діалектическихъ построеніяхъ. Духъ Орфея живетъ вездѣ, гдѣ просвѣчиваетъ душа безсмертной Греціи. Мы находимъ его и въ состязаніяхъ поэтовъ и атлетовъ, и въ играхъ дельфійскихъ и олимпійскихъ, которыя были созданы преемниками Орфея для мирнаго слiянія двѣнадцати греческихъ племенъ. Мы прикасаемся къ его духу и въ трибуналѣ Амфиктіоновъ, который былъ не что иное, какъ собраніе посвященныхъ; собраніе это являло собой высшій третейскій судъ, собиравшійся въ Дельфахъ, и благодаря ему Греція снова обрѣла свое единство въ періодъ героизма и самопожертвованія*).

*) Вотъ амфиктіоническая клятва союзныхъ народовъ, которая даетъ понятіе о величіи и общественномъ значеніи этого учрежденія: «Клянемся никогда

Между тѣмъ, орфическая Грецiя, черпавшая свою духовную жизнь въ чистомъ ученiи, хранившемся въ храмахъ, и душою которой являлась пластическая религiя, а тѣломъ—верховный судъ, сосредоточенный въ Дельфахъ,—эта, Грецiя находилась начиная съ седьмого вѣка, въ большой опасности.

Дельфiйскiй порядокъ потерялъ свое обаянiе; исчезало уваженiе къ священной территорiи. Это произошло оттого, что великихъ вдохновителей болѣе не стало, и умственный и нравственный уровень храмовъ понизился. Жрецы продавались господствующей политической власти, и въ самыя мистерiи начала съ этихъ поръ проникать порча. Общiй видъ Грецiи измѣнился. За старинной царской властью земледѣльческой и священнической, въ одномъ мѣстѣ послѣдовала обыкновенная тиранiя, въ другомъ мѣстѣ—военный аристократическiй строй, въ третьемъ—анархическая демократiя. Храмы сдѣлались безсильными и не могли предотвратить грозящее разоренiе; они нуждались въ новой поддержкѣ. Обнародованiе эзотерическихъ ученiй становилось необходимо. Чтобы мысль Орфея могла жить и развертываться во всемъ своемъ блескѣ, было необходимо, чтобы наука храмовъ перешла къ мiрянамъ. И она начала проникать подъ различными покровами въ сознанiе гражданскихъ законодателей, въ школы поэтовъ, подъ портики философовъ. Послѣднiе испытывали такую же потребность, для своего ученiя, какую Орфей призналъ для своей религiи, въ двухъ различныхъ доктринахъ, въ одной—открытой для всѣхъ и въ другой—тайной, которыя передавали бы одну и ту же истину, но подъ различными формами и въ мѣрѣ, приспособленной для степени развитiя ихъ учениковъ.

Эта эволюцiя дала Грецiи ея три великiе вѣка художественнаго творчества и умственнаго блеска. Она позволила орфической идеѣ, которая является одновременно и первымъ толчкомъ, и идеальнымъ синтезомъ Грецiи, сосредоточить всю силу своего свѣта и затѣмъ излучить его на весь тогдашнiй мiръ; это было ранѣе, чѣмъ ея политическое зданiе, ослабленное внутренними раздорами, начало колебаться подъ ударами Македонiи, чтобы окончательно разрушиться подъ желѣзной рукой Рима.

Эволюцiя, о которой мы упомянули, имѣла многихъ работниковъ, Она породила такихъ физиковъ какъ Ѳалесъ, такихъ законодателей

не вредить амфиктiоническимъ городамъ, никогда—ни въ мирное время, ни въ военное—не посягать на источники ихъ жизненныхъ потребностей. Если посягнетъ на то посторонняя сила, мы будемъ бороться съ нею. Если нечестивые посягнуть на приношенiя храму Аполлона, мы клянемся употребить въ дѣло наши ноги, руки, голоса и всѣ наши силы противъ нихъ и ихъ сообщниковъ».

какъ Солонъ, поэтовъ какъ Пиндаръ, героевъ какъ Эпаминондъ, но она имѣла кромѣ того и своего признаннаго главу, посвященнаго высшаго порядка, обладавшаго великимъ творческимъ умомъ.

Пиѳагоръ является такимъ же учителемъ для мірянъ Греціи, какимъ Орфей былъ для жрецовъ ея священныхъ храмовъ. Онъ продолжаетъ религіозную мысль своего предшественника и примѣняетъ ее къ новымъ временамъ. Но это примѣненіе въ то же время и творчество, ибо оно приводитъ всѣ орфическія вдохновенія въ полную и стройную систему; Пиѳагоръ даетъ этой системѣ научное обоснованіе, а нравственное доказательство ея даетъ въ своей школѣ воспитанія, въ пиѳагорейскомъ орденѣ, который пережилъ его.

Несмотря на то, что Пиѳагоръ появляется при полномъ свѣтѣ исторіи, онъ все же остается личностью полулегендарной; главную причину этого слѣдуетъ искать въ ожесточенномъ преслѣдованіи, жертвой котораго онъ сдѣлался въ Сициліи, и благодаря которому погибло столько Пиѳагорейцевъ. Одни изъ нихъ кончили свою жизнь подъ обломками пылающаго зданія пиѳагорейской школы, другіе погибли голодной смертью въ храмѣ.

Воспоминаніе объ учителѣ и его ученіи распространялось лишь тѣми немногими, которымъ удалосъ спастись и бѣжать въ Грецію.

Съ великимъ трудомъ и большою цѣной добылъ Платонъ черезъ Архита одинъ изъ манускриптовъ Пиѳагора, который къ тому же никогда не записывалъ свое эзотерическое ученіе иначе, какъ тайными знаками и подъ различными символами.

Его истинная дѣятельность, подобно всѣмъ другимъ реформаторамъ, происходила путемъ устнаго поученія. Но суть его системы сохранилась въ *Золотыхъ Стихахъ* Лизія, въ комментаріяхъ Гераклеса, въ отрывкахъ Ѳилолаиса и Архита, а также и въ *Тимеи* Платона, которая заключаетъ въ себѣ космогонію Пиѳагора.

Кромѣ того, всѣ античные писатели переполнены кротонскимъ философомъ. У нихъ встрѣчаются безчисленные анекдоты, рисующіе его умъ, его красоту, его волшебное вліяніе на людей. Неоплатоники Александріи, гностики и даже первые Отцы Церкви приводятъ его, какъ авторитетъ. Это—драгоцѣнныя свидѣтельства, и въ нихъ все еще звучитъ могучая волна энтузіазма, которую великая личность Пиѳагора сумѣла сообщить Греціи и послѣдніе отголоски которой все еще чувствуются черезъ восемь вѣковъ послѣ его смерти.

Обозрѣваемое съ высоты, отпираемое ключами сравнительнаго эзотеризма, его ученіе представляетъ собой великолѣпное цѣлое, стройное и прочное, отдѣльныя части котораго внутренно спаены основ-

нымъ умозрѣніемъ. Въ немъ мы находимъ разумное воспроизведеніе эзотерической доктрины Индіи и Египта, которой Пиѳагоръ придалъ ясность и простоту эллинской мысли, присоединивъ къ ней болѣе энергично и ясно выраженную идею человѣческой свободы.

Въ ту же эпоху, на различныхъ точкахъ земного шара, рядъ великихъ реформаторовъ обнародовалъ аналогичное ученіе. Лао-Тзе въ Китаѣ исходилъ изъ эзотеризма Фо-Хи; послѣдній Будда, Сакіа-Муни, проповѣдывалъ на берегахъ Ганга; въ Италіи этрусское жречество послало въ Римъ посвященнаго съ книгами Сивиллъ; царь Нума пытался обуздать мудрыми государственными учрежденіями угрожающее честолюбіе римскаго сената.

И не случайно всѣ эти реформаторы появляются въ одно и то же время у самыхъ разнообразныхъ народовъ. Ихъ различныя миссіи ведутъ къ одной общей цѣли. Они доказываютъ, что въ извѣстныя эпохи одно и то же духовное теченіе таинственно протекаетъ черезъ все человѣчество. Откуда появляется оно? Изъ того невидимаго духовнаго міра, который внѣ поля нашего зрѣнія, но изъ котораго къ намъ посылаются всѣ наши геніи и пророки.

Пиѳагоръ посѣтилъ весь древній міръ прежде, чѣмъ сказалъ свое слово Греціи. Онъ видѣлъ Африку и Азію, Мемфисъ и Вавилонъ, ихъ политику и ихъ посвященіе. Его бурная жизнь напоминаетъ карабль, борящійся среди грозно взволнованнаго моря: съ распущенными парусами подвигается онъ неуклонно къ цѣли своего назначенія, прекрасный образъ спокойствія и силы посреди разъяренныхъ элементовъ.

Его ученіе производитъ впечатлѣніе ночной прохлады, смѣняющей палящій зной кроваваго дня. Оно вызываетъ мысль о красотѣ звѣзднаго неба, которое постепенно развертываетъ свои сверкающіе узоры и свои эфирныя гармоніи надъ головой созерцателя.

Попробуемъ отдѣлить его жизнь и его ученіе отъ неясностей легенды и отъ предубѣжденія научной школы.

Глава II.

Годы странствованія.

Въ началѣ шестого вѣка до Р. Х., Самосъ былъ однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ острововъ Іоніи. Рейдъ его порта находился какъ разъ напротивъ лиловыхъ горъ изнѣженной Малой Азіи, откуда шли вся роскошь и всѣ соблазны. Расположенный по берегу широкаго залива, городъ красовался на зеленѣющемъ побережьи, поднимаясь

красивымъ амфитеатромъ по горѣ, увѣнчанной выступомъ, на которомъ виднѣлся храмъ Нептуна.

На самомъ верху горы бѣлѣли колоннады великолѣпнаго дворца. Тамъ царствовалъ тиранъ Поликратъ. Лишивъ Самосъ всѣхъ его свободъ, онъ придалъ его жизни весь блескъ искусствъ, которымъ онъ покровительствовалъ, и всю яркость азіатскаго великолѣпія.

Вызванныя имъ изъ Лесбоса гетеры водворились во дворцѣ, сосѣднемъ съ его дворцомъ, и онѣ зазывали молодыхъ людей на пиры, гдѣ происходило развращеніе въ самыхъ утонченныхъ формахъ, приправленное музыкой, танцами и всевозможными пиршествами.

Анакреонъ, призванный Поликратомъ въ Самосъ, приплылъ туда на роскошной галерѣ съ пурпуровыми парусами и золочеными мачтами; съ драгоцѣннымъ кубкомъ въ рукѣ распѣвалъ поэтъ передъ дворомъ тирана свои мелодическія и благоухающія оды.

Счастье Поликрата вошло въ поговорку по всей Греціи. Онъ имѣлъ другомъ фараона Амазиса и тотъ предупреждалъ его, что не слѣдуетъ довѣряться такому непрерывному счастью и въ особенности не слѣдуетъ хвалиться имъ. Въ отвѣтъ на совѣты египетскаго властителя, Поликратъ бросилъ свой любимый перстень въ воду. «Отдаю его въ жертву богамъ», сказалъ онъ при этомъ. На другой день золотое кольцо было возвращено тирану, найденное въ пойманной рыбѣ, которая очевидно проглотила его.

Когда фараонъ узналъ объ этомъ, онъ объявилъ, что разрываетъ свою дружбу съ Поликратомъ, увѣренный что столь дерзновенное счастье должно навлечь на него гнѣвъ боговъ. Какова бы ни была цѣнность приведеннаго анекдота, конецъ Поликрата былъ трагическій. Одинъ изъ его сатраповъ заманилъ его въ сосѣднюю провинцію, гдѣ тотъ и погибъ въ медленныхъ мученіяхъ, послѣ чего его тѣло было привязано слугами сатрапа къ кресту на горѣ Микальской. Такимъ образомъ, жители Самоса могли со всѣхъ сторонъ видѣть при багровомъ заревѣ заката трупъ своего тирана, распятый на возвышенномъ мысѣ лицомъ къ острову, гдѣ онъ царствовалъ въ радости и великолѣпіи.

Но вернемся къ началу царствованія Поликрата. Въ одну ясную ночь, невдалекѣ отъ храма Юноны, дорійскій фасадъ котораго былъ освѣщенъ мягкимъ свѣтомъ полной луны, придававшимъ ему еще бо̀льшую мистическую величавость, подъ деревьями ближайшаго лѣса сидѣлъ молодой пришелецъ. Свертокъ папируса съ пѣснями Гомера соскользнулъ къ его ногамъ. Онъ глубоко размышлялъ въ чуткомъ молчаніи ночи. Прошло уже много времени послѣ заката солнца, но

его пылающій дискъ продолжалъ стоять передъ взоромъ молодого мечтателя, и мысль его блуждала далеко отъ видимаго міра.

Пиѳагоръ былъ сыномъ богатаго самосскаго ювелира и его жены, которая называлась Парѳениса. Дельфійская пиѳія, спрошенная во время путешествія молодыми новобрачными, предрекла имъ «сына, который принесетъ благо всѣмъ людямъ на всѣ времена»; по совѣту оракула, супруги отправились въ Финикію, въ Сидонъ, чтобы предназначенный имъ сынъ появился на свѣтъ вдали отъ волнующихъ вліяній ихъ родины.

Еще до рожденія ребенокъ былъ посвященъ своими родителями свѣту Аполлона. Когда ему исполнился годъ, его мать, по заранѣе данному дельфійскими жрецами совѣту, понесла его въ храмъ Адонаи, находившійся въ Ливанской долинѣ. Тамъ великій жрецъ благословилъ его. Затѣмъ семья возвратилась въ Самосъ.

Сынъ Парѳенисы былъ чрезвычайно красивъ, кротокъ, разуменъ и съ дѣтства отличался справедливостью. Въ его глазахъ сверкала пламенная мысль и она придавала всѣмъ его дѣйствіямъ сосредоточенную энергію.

Родители не только не противодѣйствовали, а наоборотъ, скорѣе поощряли его преждевременную наклонность къ наукѣ. Онъ могъ свободно бесѣдовать съ жрецами Самоса, которые къ тому времени начали основывать въ Іоніи школы, гдѣ они и преподавали начала физики. Въ восемнадцать лѣтъ онъ занимался съ Гермодамомъ въ Самосѣ; въ двадцать лѣтъ слушалъ уроки Фересида въ Сиросѣ и вступалъ въ диспуты съ Ѳалесомъ и Анаксимандромъ въ Милетѣ.

Эти учителя открыли передъ нимъ новые горизонты, но ни одинъ не удовлетворялъ его. Среди ихъ противорѣчивыхъ ученій онъ искалъ живой связи, синтеза, единства великаго Цѣлаго. Онъ подошелъ къ одному изъ тѣхъ кризисовъ, когда, умъ, встревоженный противорѣчіемъ явленій, сосредоточиваетъ всѣ свои способности въ великомъ усиліи увидать цѣль, найти путь, ведущій къ свѣту истины, къ центру жизни.

Въ эту теплую и яркую ночь, сынъ Парѳенисы смотрѣлъ поочередно на землю, на храмъ и на звѣздное небо.

Она была здѣсь, вокругъ него, мать-земля, Деметра, Природа, въ которую онъ хотѣлъ проникнуть; онъ вдыхалъ ея могучія эманаціи, онъ чувствовалъ непреодолимую тягу, которая его влекла на ея грудь, его, мыслящую частицу, нераздѣлимую отъ нея.

Тѣ мудрецы, которыхъ онъ спрашивалъ, говорили ему: «Все исходитъ отъ нея. Изъ ничего не можетъ исходить ничто. Душа

8 *

происходитъ изъ воды или огня, или же изъ обоихъ элементовъ. Тончайшая эманація элементовъ, она исходитъ изъ нихъ только для того, чтобы возвратиться къ нимъ. Вѣчная Природа слѣпа и неумолима. Покорись роковому закону. Единственное твое достоинство состоитъ въ томъ, чтобы познать его и покориться ему».

Затѣмъ онъ погружалъ взоръ въ небо и смотрѣлъ на огненныя буквы, которыя въ неизиѣримой глубинѣ пространства слагаются изъ сверкающихъ созвѣздій. Эти начертанія должны имѣть смыслъ. Ибо, если безконечно малое, если движеніе атомовъ имѣетъ свой смыслъ, какъ можетъ не имѣть его безконечно великое, посѣвъ свѣтилъ, распредѣленіе которыхъ являетъ собою тѣло вселенной?

Да, каждый изъ этихъ міровъ имѣетъ свой собственный законъ, а все вмѣстѣ движется по закону *Числа* въ верховной гармоніи. Но кто разберетъ когда-либо языкъ небесныхъ свѣтилъ? Жрецы Юноны говорили ему: «Небеса боговъ явились ранѣе земли. Твоя душа происходитъ оттуда. Проси боговъ, чтобы она могла вознестись обратно на свою сторону».

Это размышленіе было прервано страстнымъ пѣніемъ, донесшимся изъ сада, съ береговъ Имбразуса. Голоса лесбіянокъ томительно сливались съ звуками цитры. Молодые люди отвѣчали на нихъ вакхическими пѣснями. Къ этимъ голосамъ внезапно присоединились другіе крики, пронзительные и зловѣшие, доносившіеся изъ порта. То были крики мятежниковъ, которыхъ по приказанію Поликрата согнали въ барку, чтобы продать ихъ какъ рабовъ въ Азію. Ихъ били ремнями, усѣянными гвоздями, загоняя въ подводную часть барки. Ихъ вой и проклятія разнеслись по ночной тишинѣ, а затѣмъ все снова затихло.

Молодой человѣкъ почувствовалъ дрожь страданія, но онъ подавилъ ее, чтобы еще глубже сосредоточиться надъ загадкой которая встала передъ нимъ еще настойчивѣе.

Земля говорила: *Слѣпой Рокъ!* Небо говорило: *Провидѣніе!* А человѣчество, которое какъ бы брошено между обоими, кричало: *Страданіе! Безуміе! Рабство!*

Но въ глубинѣ своей души будущій адептъ слышалъ непреодолимый голосъ, который отвѣчалъ и на цѣпи земли, и на сверканіе небесъ однимъ крикомъ: *Свобода!* Кто же былъ правъ: мудрецы, жрецы, безумцы, страдающіе, или онъ самъ?

Въ сущности, всѣ эти голоса выражали правду, каждый въ своей собственной сферѣ, но ни одинъ изъ нихъ не раскрывалъ передъ нимъ смысла существованія.

Три міра пребывали неизмѣнные, какъ нѣдра Деметры, какъ сіяніе свѣтилъ и какъ сердце человѣческое, но лишь тотъ, кто съумѣетъ найти ихъ гармоническое сочетаніе и законъ ихъ равновѣсія,—станетъ истиннымъ мудрецомъ, лишь онъ овладѣетъ божественнымъ знаніемъ и будетъ въ состояніи помогать людямъ.

Въ синтезѣ трехъ міровъ кроется тайна Космоса! Произнеся это слова, Пиѳагоръ поднялся. Его очарованный взглядъ былъ устремленъ на дорійскій фасадъ храма. Строгія линіи храма казались преображенными подъ нѣжными лучами Діаны. Душа Пиѳагора увидала въ немъ идеальный образъ міра и разрѣшеніе загадки, которое она искала. Ибо основаніе, колонны, и треугольный фронтонъ предстали передъ нимъ внезапно, какъ тройная природа человѣка и вселенной, микрокосма и макрокосма, вѣнчанныхъ божественнымъ единствомъ, которое съ своей стороны является троичнымъ началомъ.

Космосъ, управляемый и проникнутый Богомъ, образуетъ:

> **Священную Тетраду, необъятный и чистый символъ,**
> **Источникъ Природы и образецъ Боговъ! *)**

Да, здѣсь, скрытый въ этихъ геометрическихъ линіяхъ, таился ключъ вселенной, законъ тройственности, который управляетъ строеніемъ существъ, и семиричности, лежащей въ основѣ ихъ эволюціи. И Пиѳагоръ увидалъ въ грандіозномъ видѣніи міры, двигающіеся подъ ритмъ и гармонію священныхъ чиселъ. Онъ увидалъ равновѣсіе земли и неба, которое поддерживается человѣческой свободой.

Три міра: естественный, человѣческій и божественный, взаимно поддерживая и опредѣляя другъ друга, исполняютъ вселенскую драму двойнымъ движеніемъ—нисходящимъ и восходящимъ. Онъ угадывалъ сферы невидимаго міра, окружающія міръ видимый и безпрерывно оживляющія его; онъ понялъ наконецъ возможность очищенія и освобожденія человѣка еще на землѣ путемъ тройного посвященія. Онъ увидалъ все это, а также и жизнь свою, и свое назначеніе въ мгновенной яркой вспышкѣ, съ непоколебимой увѣренностью духа, который чувствуетъ себя лицомъ къ лицу съ Истиной. Какъ бы молнія освѣтила его.

Теперь ему оставалось доказать умомъ то, что его могучая интуиція схватила въ области Абсолютнаго, а для этого нужна была жизнь человѣка и нуженъ былъ трудъ Геркулеса. Но гдѣ найти знаніе, необходимое, чтобы довести такой подвигъ до конца? Для этого недостаточно было ни пѣсенъ Гомера, ни мудрецовъ Іонійскихъ, ни храмовъ Греціи.

---

*) Золотые стихи Пиѳагора, въ переводѣ Фабра д'Оливэ.

Духъ Пиѳагора, который внезапно обрѣлъ крылья, началъ проникать въ свое прошлое, въ свое происхожденіе, окутанное покровомъ тайны, и въ таинственную любовь своей матери. Одно воспоминаніе дѣтства появилось передъ нимъ съ необыкновенной яркостью. Онъ вспоминалъ, какъ мать несла его, годовалаго ребенка, по долинѣ Ливанской къ храму Адонаи.

Онъ увидалъ себя маленькимъ, прижавшимся къ груди Парѳенисы, посреди огромныхъ горъ и вѣковыхъ лѣсовъ, и увидалъ въ тѣни деревьевъ падающій водопадъ. Его мать стояла на террасѣ, отѣненной большими кедрами. Передъ ней стоялъ жрецъ съ бѣлой бородой и съ величавой осанкой; онъ улыбался матери и ребенку и говорилъ непонятныя для него слова. Его мать часто вспоминала эти таинственныя слова Іерофанта Адонаи: «О женщина Іонійская! Твой сынъ будетъ великъ мудростью, но помни, что если Греки обладаютъ знаніемъ *Боговъ*, знаніе *Единаго Бога* сохраняется лишь въ одномъ Египтѣ».

Эти слова вспомнились ему вмѣстѣ съ улыбкой матери, вмѣстѣ съ прекраснымъ лицомъ Іерофанта и съ отдаленнымъ шумомъ водопада, въ рамѣ грандіозной картины, похожей на сновидѣніе изъ иной жизни. Впервые онъ угадывалъ смыслъ предсказанія. Онъ много слышалъ о чудесномъ знаніи египетскихъ жрецовъ и объ ихъ никому невѣдомыхъ тайнахъ; но онъ думалъ обойтись безъ нихъ. Теперь же онъ понялъ, что долженъ овладѣть «Божественнымъ Знаніемъ», чтобы проникнуть въ глубину природы, и что онъ не найдетъ его нигдѣ, кромѣ храмовъ Египта. И подготовила его къ этому подвигу его нѣжная мать, кроткая Парѳениса, которая, слѣдуя внутреннему голосу, отдала его въ даръ Верховному Богу!

Съ этой минуты рѣшеніе въ душѣ Пиѳагора было принято: онъ рѣшилъ отправиться въ Египетъ и принять посвященіе.

Поликратъ любилъ покровительствовать философамъ и поэтамъ. Онъ далъ Пиѳагору рекомендательное письмо къ фараону Амазису, который представилъ его жрецамъ Мемфиса. Послѣдніе приняли его очень неохотно. Египетскіе мудрецы не довѣряли Грекамъ, которыхъ они считали непостоянными и легкомысленными.

Они сдѣлали все, чтобы лишить бодрости молодого Самосца, но онъ подчинился съ непоколебимымъ терпѣніемъ и мужествомъ всѣмъ препятствіямъ и испытаніямъ, которыя ему пришлось перенести. Онъ заранѣе зналъ, что «божественное знаніе» пріобрѣтается лишь послѣ того, какъ воля побѣдитъ все низшее существо человѣка.

Его посвященіе длилось двадцать два года подъ руководствомъ великаго жреца Сопхиза.

Въ книгѣ о Гермесѣ мы описывали испытанія и искушенія, ужасы и экстазы посвященнаго Изиды, вплоть до видимой смерти адепта и до его воскресенія въ сіяніи Озириса. Пиѳагоръ прошелъ черезъ всѣ фазы, которыя давали возможность провѣрить не какъ отвлеченную теорію, а какъ нѣчто пережитое, ученіе о Глаголѣ-Свѣтѣ или творческомъ Словѣ и ученіе о человѣческой эволюціи на протяженіи семи планетарныхъ цикловъ.

На каждомъ шагу этого головокружительнаго восхожденія, испытанія становились все труднѣе и труднѣе. Сотни разъ приходилось рисковать жизнью, въ особенности когда пріобрѣталась власть надъ оккультными силами и на очереди были опасные опыты магіи и теургіи.

Какъ всѣ великіе люди, Пиѳагоръ вѣрилъ въ свою звѣзду. Его не устрашало ничто, когда дѣло шло о пріобрѣтеніи знаній, и самая смерть не остановила бы его, тѣмъ болѣе что онъ видѣлъ жизнь и по ту сторону смерти.

Когда египетскіе жрецы увидали въ немъ необычайную силу души и ту сверхличную страсть къ мудрости, которая появляется такъ рѣдко въ этомъ мірѣ, они открыли передъ нимъ всѣ сокровища своего опыта. Среди нихъ онъ переплавилъ всю свою природу и закалилъ ее. У нихъ же онъ глубоко изучилъ священную математику, науку чиселъ или всемірныхъ принциповъ, изъ которой онъ сдѣлалъ центръ своей системы, давъ ей совершенно новую формулировку.

Въ то же время строгость дисциплины въ египетскихъ храмахъ убѣдила его, до какой страшной силы можетъ дойти человѣческая воля, когда она сознательно упражняется и развивается, и до какой степени безгранично ея вліяніе какъ на тѣло, такъ и на душу человѣка.

«Наука чиселъ и искусство воли—вотъ два ключа магіи, говорили жрецы Мемфиса; они открываютъ всѣ двери вселенной».

Такимъ образомъ Пиѳагоръ пріобрѣлъ въ Египтѣ свой широкій кругозоръ, который далъ ему возможность познавать различныя ступени жизни и усвоить науки въ концентрическомъ порядкѣ; понять *инволюцію* духа въ матерію путемъ мірового творчества и его *эволюцію* или восхожденіе къ единству посредствомъ индивидуальнаго творчества, которое осуществляется благодаря развитію сознанія.

Пиѳагоръ достигъ до вершины египетскаго жречества и вѣроятно уже думалъ о возвращеніи въ Грецію, когда война обрушилась на долину Нила со всѣми ея бѣдствіями и вовлекла посвященныхъ Озириса въ новый круговоротъ испытаній.

Деспоты Азіи уже давно замышляли погибель Египта. Ихъ повторявшіяся нападенія на протяженіи вѣковъ не удавались благодаря

мудрости египетскихъ учрежденій, благодаря силѣ жрецовъ и энергіи фараоновъ.

Но древнее царство, убѣжище герметической науки, не могло длиться безконечно. Сынъ вавилонскаго завоевателя, Камбизъ, двинулся на Египетъ со своими безчисленными войсками, напоминавшими тучи голодной саранчи; онъ-то и положилъ конецъ царствованію фараоновъ, начало котораго теряется во тьмѣ вѣковъ.

Въ глазахъ мудрецовъ это была катастрофа для всего міра. До тѣхъ поръ Египетъ защищалъ Европу отъ нападенія со стороны Азіи. Его вліяніе простиралось на все побережье Средиземнаго моря, благодаря храмамъ Финикіи, Греціи и Этруріи, съ которыми высшее жречество Египта было въ постоянныхъ сношеніяхъ. Но разъ эта твердыня была опрокинута, грубая сила должна была затопить побережье Греціи.

Пиѳагоръ пережилъ вторженіе Камбиза въ Египетъ; онъ видѣлъ какъ этотъ персидскій деспотъ, достойный наслѣдникъ коронованныхъ злодѣевъ Ниневіи и Вавилона, разграбилъ храмы Мемфиса и Ѳивъ и разрушилъ храмы Аммона. Онъ могъ видѣть и то, какъ фараонъ Псамменитъ, закованный въ цѣпи, былъ приведенъ къ Камбизу и поставленъ на возвышеніи, вокругъ котораго были выстроены въ рядъ жрецы, члены самыхъ именитыхъ семей и весь дворъ фараона.

Онъ могъ видѣть дочь фараона, одѣтую въ рубище, въ сопровожденіи всей своей свиты, переодѣтой также въ лохмотья, и наслѣдника престола съ двумя тысячами знатныхъ молодыхъ людей, приведенныхъ сюда же съ уздечками во рту и съ поводами на шеѣ, послѣ чего всѣ они были обезглавлены.

Онъ могъ видѣть фараона Псамменита, заглушающаго рыданіе при видѣ этой страшной картины, и безжалостнаго Камбиза, сидящаго на тронѣ и наслаждающагося страданіями своего повергнутаго противника.

Жестокій, но поучительный урокъ исторіи... Какая яркая картина животной природы человѣка, разнузданной и незнающей препонъ, ведущей къ тому чудовищному деспотизму, который все топчетъ подъ своими ногами и навязываетъ человѣчеству царство самаго неумолимаго произвола...

Камбизъ распорядился о перемѣщеніи части египетскихъ жрецовъ въ Вавилонъ и поселилъ ихъ внутри страны. Въ числѣ ихъ былъ и Пиѳагоръ. Этотъ колоссальный городъ, сравниваемый Аристотелемъ съ цѣлой страной, окруженной стѣнами, представлялъ въ то время необъятное поле для наблюденій.

Древній Вавилонъ, «великая блудница» еврейскихъ пророковъ, былъ послѣ персидскихъ завоеваній болѣе чѣмъ когда либо калейдоскопомъ всѣхъ народовъ, культовъ и религій, посреди которыхъ азіатскій деспотизмъ воздвигалъ свою высокую башню.

По персидскимъ традиціямъ основаніе Вавилона приписываютъ легендарной Семирамидѣ. По этимъ преданіямъ она построила его чудовищное основаніе, имѣвшее въ окружности восемьдесятъ пять километровъ, его стѣны, Имгумъ-Бэль, по которымъ двѣ колесницы могли нестись въ рядъ, его висячія террасы, его огромные дворцы съ расцвѣченными барельефами, его храмы, поддерживаемые каменными слонами, на вершинѣ которыхъ красовались многоцвѣтные драконы.

Тамъ цѣлый рядъ деспотовъ слѣдовалъ одинъ за другимъ, и онито и завоевали Халдею, Ассирію, Персію, часть Татаріи, Іудеи, Сиріи и Малой Азіи. Туда же повлекъ Навуходоносоръ, убійца маговъ, плѣненный еврейскій народъ, который и послѣ этого оставался вѣрнымъ своему культу въ уголкѣ необъятнаго города, въ которомъ теперешній Лондонъ могъ бы помѣститься четыре раза.

Евреи дали царю могучаго министра въ лицѣ пророка Даніила. При Валтасарѣ, сынѣ Навуходоносора, стѣны стараго Вавилона рухнули наконецъ подъ мстительными ударами Кира, и Вавилонъ перешелъ на нѣсколько столѣтій подъ владычество Персовъ.

Благодаря этимъ внѣшнимъ событіямъ, въ моментъ появленія въ Вавилонѣ Пиѳагора, три различныя религіи сталкивались въ духовной жизни Вавилона: древніе жрецы Халдеи, остатки персидскихъ маговъ и избранный элементъ изъ среды плѣненныхъ Іудеевъ. Доказательствомъ, что эти различныя религіозныя теченія имѣли общую эзотерическую основу, служитъ роль Даніила, который, утверждая Бога Моисеева, оставался въ Вавилонѣ первымъ министромъ при Навуходоносорѣ, Валтасарѣ и Кирѣ.

Пиѳагоръ долженъ былъ расширить свой, и безъ того уже широкій горизонтъ, изучая всѣ эти религіи, доктрины и культы, синтезъ которыхъ все еще сохранялся нѣкоторыми посвященными. Онъ имѣлъ въ Вавилонѣ возможность основательно изучить знаніе маговъ, наслѣдниковъ Зороастра. Если египетскіе жрецы одни обладали ключами къ священнымъ наукамъ, персидскіе маги считались болѣе искусными въ практическомъ примѣненіи оккультныхъ знаній. Они утверждали, что въ состояніи владѣть оккультными силами природы, носящими названіе пантоморфнаго огня и астральнаго свѣта.

Въ ихъ храмахъ, говоритъ преданіе, при яркомъ солнечномъ днѣ наступала тьма, свѣтильники зажигались сами собой, появлялось

небесное сіяніе и слышались раскаты грома. Маги называли этотъ невещественный огонь, этотъ проводникъ электричества, который они умѣли сосредоточивать и разсѣивать по своему усмотрѣнію, «небесный левъ», а электрическія теченія атмосферы и магнетическія теченія земли они называли «змѣи» и приписывали себѣ способность направлять ихъ—подобно вещественнымъ токамъ—на людей. Они изучали также и силу внушающую, притягивающую и творческую. Они употребляли для вызыванія духовъ формулы, заимствованныя у древнѣйшихъ нарѣчій земли, давая при этомъ такое объясненіе: «Не измѣняй ни одного первобытнаго названія въ заклинаніяхъ, ибо всѣ они—пантеистическія имена Боговъ; они проникнуты магнетизмомъ обожанія множества людей и могущество ихъ невыразимо» *). Эти заклинанія среди очистительныхъ церемоній и молитвъ были—собственно говоря — то, что получило впослѣдствіи названіе Бѣлой Магіи.

Такимъ образомъ, Пиѳагоръ проникъ въ Вавилонѣ во всѣ мистеріи древней магіи. Въ то же время, передъ нимъ развертывалось въ этомъ вертепѣ деспотизма, великое зрѣлище: на развалинахъ разрушающихся религій Востока, поверхъ его выродившагося жречества, группа посвященныхъ, безстрашныхъ и тѣсно сплоченныхъ, защищала свою науку, свою вѣру и, насколько это было возможно, стояла на стражѣ справедливости. Лицомъ къ лицу съ деспотами, подъ постояннымъ опасеніемъ быть растерзанными подобно Даніилу во львиномъ рву, они укрощали дикаго звѣря неограченной тираніи своей духовной силой и оспаривали у него почву шагъ за шагомъ.

Послѣ своего египетскаго и халдейскаго посвященія, Пиѳагоръ зналъ гораздо больше, чѣмъ его учителя физики или кто-либо изъ ученыхъ Грековъ его времени. Ему извѣстны были вѣчныя начала вселенной и примѣненіе этихъ началъ. Природа раскрыла передъ нимъ свои глубины; грубые покровы матеріи разорвались передъ нимъ, чтобы показать ему чудныя сферы разоблаченной природы и одухотвореннаго человѣчества. Въ храмѣ Нейѳъ-Изиды въ Мемфисѣ и въ храмѣ Бэла въ Вавилонѣ онъ узналъ много тайнъ относительно происхожденіе религій и относительно исторіи континентовъ и человѣческихъ расъ. Онъ могъ сравнивать преимущества и недостатки еврейскаго единобожія, политеизма Грековъ, троичности Индусовъ и дуализма Персовъ.

---

*) *Оракулы Зороастра*, собранные въ Теургіи Прокла.

Онъ зналъ, что всѣ эти религіи—ключи къ единой истинѣ, видоизмѣняющіеся для различныхъ ступеней сознанія и для различныхъ общественныхъ условій. Онъ владѣлъ ключомъ т. е. синтезомъ всѣхъ этихъ доктринъ, обладая эзотерическимъ знаніемъ. Его внутренній взоръ, обнимавшій прошлое и погружавшійся въ будущее, долженъ былъ прозрѣвать съ необыкновенной ясностью и настоящее. Его вѣдѣніе показывало ему человѣчество, угрожаемое величайшими бичами: невѣжествомъ священниковъ, матеріялизмомъ ученыхъ и отсутствіемъ дисциплины у демократіи. Среди всеобщаго разслабленія, онъ видѣлъ выростающій азіатскій деспотизмъ и изъ этой черной тучи страшный циклонъ собирался обрушиться на беззащитную Европу.

Настало время вернуться въ Грецію и начать тамъ свое великое дѣло.

Пиѳагоръ поселился въ Вавилонѣ и оставался тамъ не по своей волѣ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ. Чтобы уйти оттуда, нужно было разрѣшеніе персидскаго царя. Его единоплеменникъ, Дэмоседъ, царскій врачъ, просилъ за него и добылъ для философа свободу. Пиѳагоръ вернулся въ Самосъ послѣ тридцатичетырехлѣтняго отсутствія.

Онъ нашелъ свою родину раздавленной подъ деспотизмомъ персидскаго сатрапа. Школы и храмы были закрыты. Поэты и ученые бѣжали отъ персидскаго цезаризма. Но онъ имѣлъ по крайней мѣрѣ то утѣшеніе, что ему удалось принять послѣдній вздохъ своего перваго учителя, Гермодама, и найти въ живыхъ свою мать Парѳенису, которая одна не сомнѣвалась въ его возвращеніи; ибо всѣ остальные были увѣрены въ его смерти.

Но она никогда не сомнѣвалась въ пророчествѣ жреца Аполлона. Она знала, что подъ бѣлымъ одѣяніемъ египетскаго жреца сынъ ея готовится къ высокой миссіи. Она вѣрила, что изъ храма Нейѳъ-Изиды появится тотъ благой учитель и свѣтлый пророкъ, который снился ей въ священной рощѣ дельфійскаго храма и котораго іерофантъ Адонаи обѣщалъ ей подъ кедрами Ливана.

Пиѳагоръ пробылъ на родинѣ не долго; легкая барка уносила по лазурнымъ волнамъ Циклады и мать, и сына въ новое изгнаніе. Они покидали навсегда погибающій Самосъ, направляясь въ Грецію. Пиѳагора манили не олимпійскіе вѣнки и не лавры поэта; его дѣло было необычайно велико: разбудить заснувшую душу боговъ въ святилищахъ, вернуть силу и обаяніе храму Аполлона и основать школу науки и жизни, изъ которой бы выходили не политики и софисты, а посвященные мужчины и женщины, истинныя матери и истинные герои...

Глава III.

Дельфійскій храмъ.—Наука Аполлона.—Теорія прорицанія.—Пиѳія Ѳеоклея.

Изъ долины Фокиды улыбающіеся луга вели по берегамъ рѣки Плистіосъ къ изрытой долинѣ, расположенной въ высокихъ горахъ. Долина эта становилась все болѣе узкой, а вся страна—все болѣе пустынной и дико-величавой.

Наконецъ путникъ подходилъ къ естественному цирку, образуемому изъ обрывистыхъ горъ, вѣнчанныхъ обнаженными острыми вершинами; то былъ настоящій электрическій пріемникъ, надъ которымъ разражались частыя грозы.

И внезапно, въ глубинѣ горнаго ущелья появлялся городъ Дельфы, подобно орлиному гнѣзду, на скалѣ, окруженной пропастями, надъ которыми господствовали обѣ вершины Парнасса. Издали видны были сверкающія бронзовыя статуи Побѣды, мѣдные кони, безчисленныя золотыя статуи, выстроенныя рядами на священной дорогѣ и стоящія подобно стражникамъ боговъ и героевъ—вокругъ дорійскаго храма Феба-Аполлона.

Это мѣсто было наиболѣе священнымъ въ древней Греціи. Тамъ пророчествовала Пиѳія; тамъ собирались амфиктіоны; тамъ всѣ эллинскія племена выстроили вокругъ святилища часовни, въ которыхъ хранились всѣ жертвуемыя сокровища. Тамъ группы мужчинъ, женщинъ и дѣтей, приходившихъ издалека, поднимались по священной тропѣ, чтобы поклониться Богу свѣта. Съ незапамятныхъ временъ Дельфы были мѣстомъ поклоненія народовъ. Ихъ центральное положеніе въ Элладѣ и защищенная мѣстность способствовали этому. Необычайный видъ окружающей природы поражалъ воображеніе.

Позади храма находилась пещера съ трещиной, откуда вырывались холодные пары, вызывавшіе—по преданію—вдохновеніе и экстазъ. Плутархъ разсказываетъ, что въ очень древнія времена одинъ пастухъ, сѣвшій на краю этой трещины, началъ предсказывать. Сначала его сочли за сумашедшаго, но когда всѣ его предсказанія исполнились, случай этотъ обратилъ на себя вниманіе жрецовъ, которые и завладѣли пещерой и посвятили эту мѣстность Божеству. Отсюда и учрежденіе пророчества Пиѳіи, которая садилась на треножникъ поверхъ трещины; вырывавшіеся оттуда пары вызывали въ ней конвульсіи, странные припадки и *второе зрѣніе*, которымъ отличаются сонамбулы.

Эсхилъ, показанія котораго имѣютъ значеніе, такъ какъ онъ былъ сыномъ элевзинскаго жреца и посвященнымъ, говоритъ въ *Эвменидахъ* устами Пиѳіи, что вначалѣ Дельфы были посвящены Землѣ, затѣмъ Ѳемидѣ (справедливость), затѣмъ Фебеѣ (Луна-Посредница) и наконецъ, Аполлону, солнечному Богу. Каждое изъ этихъ именъ представляетъ собой въ символикѣ храма различные древніе періоды и обнимаетъ цѣлые вѣка.

Но извѣстность Дельфъ начинается съ Аполлона. Юпитеръ, говорятъ поэты, желая узнать центръ земли, выпустилъ двухъ орловъ— отъ востока и отъ заката, и они встрѣтились въ Дельфахъ. Откуда происходитъ это обаяніе, это всемірное и неоспоримое значеніе, сдѣлавшее изъ Аполлона греческаго бога по преимуществу и сохранившее за нимъ навсегда непонятное очарованіе?

Исторія не говоритъ ничего по этому поводу. Спросите ораторовъ, поэтовъ, философовъ, они дадутъ вамъ лишь поверхностное объясненіе. Истинный отвѣтъ на этотъ вопросъ оставался тайной храмовъ. Попробуемъ проникнуть въ нее.

Въ орфическомъ смыслѣ Діонисъ и Аполлонъ были два различныя откровенія одного и того же божества. Діонисъ представляетъ собой эзотерическую истину, основу и внутреннюю суть вещей, открытую лишь для посвященныхъ. Онъ являетъ собой тайны жизни, прошедшія и будущія существованія, отношенія души къ тѣлу и неба къ землѣ.

Аполлонъ олицетворялъ ту же идею въ ея примѣненіи къ земной жизни и къ общественному порядку. Вдохновитель поэзіи, медицины и законодательства, онъ раскрывался въ наукѣ пророчествомъ, въ искусствѣ—красотой, въ судьбахъ народа—справедливостью, въ этикѣ—очищеніемъ.

Такимъ образомъ, для посвященнаго Діонисъ означалъ раскрытіе божественнаго духа во вселенной, а Аполлонъ—ея проявленіе въ жизни земного человѣка. Жрецы давали объ этомъ понятіе народу посредствомъ слѣдующей легенды. Во времена Орфея Вакхъ и Аполлонъ заспорили по поводу дельфійскаго треножника. Вакхъ добровольно уступилъ его своему брату, а самъ удалился на вершины Парнасса, гдѣ женщины Ѳивъ справляли его мистеріи. И дѣйствительно, оба великіе сына Юпитера раздѣлили владычество надъ міромъ между собой. Одинъ царствовалъ надъ таинственнымъ и потустороннимъ; другой—надъ живущимъ на землѣ.

Слѣдовательно, подъ идеей Аполлона мы вновь находимъ солнечный Глаголъ, творческое Слово, великаго Посредника, Вишну Индусовъ, Митру Персовъ, Горуса Египтянъ. Но древнія идеи азіатскаго

эзотеризма облеклись въ легендѣ Аполлона такой пластической красотой и такимъ проникающимъ свѣтомъ, который заставилъ ихъ глубже внѣдриться въ человѣческое сознаніе, подобно «стрѣламъ Бога, тѣмъ бѣлокрылымъ змѣямъ, которыя устремляются изъ его золотого лука», по выраженію Эсхила.

Аполлонъ появляется изъ темноты великой ночи въ Дэлосѣ; всѣ богини привѣтствуютъ его рожденіе; онъ идетъ, онъ схватываетъ лукъ и лиру; его кудри развѣваются по вѣтру; его колчанъ звучитъ за его плечами, и море начинаетъ трепетать, и весь островъ сіяетъ въ волнахъ золота и пламени.

Это—епифанія божественнаго Свѣта, создающаго порядокъ, сіяніе и гармонію, чуднымъ отзвукомъ которыхъ служитъ поэзія. Аполлонъ направляется въ Дельфы, гдѣ своими стрѣлами пронзаетъ чудовищнаго змѣя, который мучилъ страну, возрождаетъ край и основываетъ храмъ, являя собой образъ побѣды божественнаго свѣта надъ мракомъ и зломъ.

Въ древнихъ религіяхъ змѣй символизировалъ и роковой кругъ рожденій, и зло, исходящее отсюда. А между тѣмъ изъ этой жизни, понятой и побѣжденной, возникаетъ знаніе. Аполлонъ, убивающій змѣя, есть символъ посвященнаго, который побѣждаетъ природу знаніемъ, укрощаетъ ее волею, и, разрывая кругъ тѣлесности, поднимается въ сіяніи духовности въ то время, какъ разбитыя звенья человѣческой животности корчатся въ прахѣ.

Вотъ почему Аполлонъ считается представителемъ искупленія и очищенія души и тѣла. Забрызганный кровью чудовища, онъ искупилъ и очистилъ себя въ теченіе восьмилѣтняго уединенія подъ цѣлебными лаврами Тэмпейской долины. Аполлонъ, воспитатель людей, охотно пребываетъ среди нихъ, въ городахъ, въ толпѣ юношей, участвуя въ борьбѣ поэтовъ и на ристалищахъ, но надолго онъ не остается у нихъ. Осенью онъ возвращается на родину, въ страну Гиперборейскую.

Это—таинственная страна свѣтлыхъ и прозрачныхъ душъ, которыя живутъ въ вѣчномъ сіяніи совершеннаго блаженства. Тамъ—его истинные жрецы и жрицы. Онъ живетъ въ глубочайшемъ общеніи съ ними и когда желаетъ дать людямъ свой лучшій даръ, онъ посылаетъ изъ страны Гиперборейской одну изъ этихъ великихъ, свѣтлыхъ душъ, чтобы она воплотилась на землѣ ради помощи смертнымъ. А самъ онъ возвращается въ Дельфы каждую весну, когда поются гимны. Онъ появляется въ своей гиперборейской бѣлизнѣ, видимый однимъ лишь посвященнымъ, на колесницѣ, влекомой благозвучными лебедями.

Онъ возвращается въ свое святилище, гдѣ Пиѳія передаетъ людямъ его пророчества и гдѣ ему внимаютъ мудрецы и поэты. И тогда начинаютъ пѣть соловьи, Кастальскій источникъ разливается серебряными струями и потоки небеснаго свѣта и небесной музыки звучатъ въ сердцѣ человѣка и проникаютъ даже въ невидимыя артеріи природы.

Въ этой легендѣ о Гиперборейцахъ просвѣчиваетъ эзотерическая основа миѳа объ Аполлонѣ. Подъ страной Гиперборейской слѣдуетъ понимать потусторонній міръ, эмпирей побѣдившихъ душъ, сіяющихъ въ своей неземной красотѣ. Самъ Аполлонъ олицетворяетъ свѣтъ, невещественный и разумный, изъ котораго исходитъ всякая истина и физическимъ подобіемъ котораго является видимое солнце; влекущіе его лебеди означаютъ поэтовъ, высокихъ геніевъ, посланниковъ его солнечной души, оставляющей послѣ себя струящіяся волны свѣта и музыкальныхъ мелодій.

Такимъ образомъ, гиперборейскій Аполлонъ есть сошествіе неба на землю, внѣдреніе духовной красоты въ тѣло и кровь, изліяніе непреходящей истины чрезъ вдохновеніе и пророчества.

А теперь мы попробуемъ приподнять золотое покрывало легендъ и проникнуть въ самое сердце храма. Какимъ образомъ возникло самое пророчество? Здѣсь мы прикасаемся къ тайнамъ науки Аполлона и къ дельфійскимъ мистеріямъ.

Глубокая связь соединяла въ древности пророчества съ солнечными культами, и эта связь является золотымъ ключемъ всѣхъ древнихъ мистерій.

Поклоненіе Арійцевъ солнцу, какъ источнику свѣта, тепла и жизни, возникло при самомъ основаніи арійской цивилизаціи. Но когда мысль мудрецовъ поднялась отъ проявленнаго міра къ его причинѣ, она постигла, что за этимъ осязаемымъ огнемъ и видимымъ свѣтомъ скрывается невещественный огонь и свѣтъ разумѣнія.

Первый мудрецы отождествили съ началомъ мужскимъ, съ творческимъ духомъ или съ разумной сутью вселенной, а второй—съ его женскимъ началомъ, съ его организующей душой, съ его пластической субстанціей. Эта интуиція идетъ отъ незапамятныхъ временъ и встрѣчается въ древнѣйшихъ миѳологіяхъ.

Она появляется въ ведическихъ гимнахъ подъ формой Агни, всемірнаго огня, проникающаго все сущее. Она раскрывается въ религіи Зороастра, эзотерическая сторона которой кроется въ культѣ Миѳраса. Миѳрасъ есть мужской огонь, а Митра—женскій свѣтъ. Зороастръ ясно высказываетъ, что Предвѣчный создалъ посредствомъ живого Глагола небесный свѣтъ, сѣмя Ормузда, начало матеріальнаго свѣта и огня.

Для посвященнаго въ мистеріи Миѳраса, солнце—лишь грубое отраженіе этого свѣта. Изъ своей темной пещеры, своды которой были разрисованы звѣздами, онъ призывалъ солнце благодати, огонь любви, побѣдителя зла, примирителя Ормузда и Аримана, очистителя и посредника, который обитаетъ въ душѣ святыхъ пророковъ.

Въ склепахъ Египта посвященные призываютъ то же солнце подъ именемъ Озириса. Когда Гермесъ пожелалъ созерцать происхожденіе вещей, онъ почувствовалъ себя погруженнымъ въ эфирныя волны живого свѣта, въ которомъ двигались всѣ живыя формы. Затѣмъ, погруженный во мракъ плотной матеріи, онъ услыхалъ голосъ и узналъ въ немъ голосъ *Свѣта*. Въ то же время изъ глубинъ мрака вспыхнулъ огонь и немедленно хаосъ началъ приходить въ порядокъ и проясняться. Въ *Книгѣ Мертвыхъ* души умершихъ медленно плывутъ къ этому Свѣту въ баркѣ Изиды.

И Моисей усвоилъ ту же доктрину въ книгѣ Бытія: «и сказалъ Богъ: да будетъ свѣтъ. И сталъ свѣтъ». Созданіе этого свѣта предшествовало созданію солнца и звѣздъ. Это означаетъ, что въ порядкѣ космогенезиса невещественный свѣтъ предшествуетъ вещественному.

Греки, которые отливали въ человѣческую форму и драматизировали самую отвлеченную идею, выразили ту-же самую идею въ миѳѣ Аполлона Гиперборейскаго.

Такимъ образомъ, духъ человѣческій—путемъ внутренняго созерцанія вселенной—пришелъ къ познаванію невещественнаго свѣта, элемента неосязаемаго и невѣсомаго, который служитъ посредникомъ между матеріей и духомъ. Можно было бы доказать, что современные физики приходятъ къ тому-же выводу съ противоположнаго конца, изслѣдуя составъ матеріи и убѣждаясь въ невозможности объяснить ее однимъ матеріальнымъ путемъ. Уже въ XVI вѣкѣ Парацельсъ, изучая химическія комбинаціи и трансформаціи матеріальныхъ тѣлъ, пришелъ къ выводу, что должна существовать всемірная оккультная дѣятельная сила, посредствомъ которой всѣ эти измѣненія происходятъ.

Физики XVII и XVIII вѣка, которые смотрѣли на вселенную какъ на машину, утверждали абсолютную пустоту небесныхъ пространствъ. Но съ тѣхъ поръ какъ ученые признали, что свѣтъ не есть продуктъ лучистой матеріи, а вибрація невѣсомаго элемента,—пришлось допустить, что все пространство наполнено безконечно тонкимъ флюидомъ, который проникаетъ всѣ тѣла и посредствомъ котораго передаются волны тепла и свѣта.

Такимъ образомъ начали возвращаться къ идеямъ физики и теософіи древнихъ Грековъ. Ньютонъ, который провелъ всю жизнь, наблюдая движенія небесныхъ тѣлъ, пошелъ еще дальше. Онъ назвалъ этотъ элементъ или эфиръ *sensorium Dei*, или мозгомъ Бога, т. е. органомъ, посредствомъ котораго Божественная Мысль дѣйствуетъ какъ въ безконечно великомъ, такъ и въ безконечно маломъ. Высказывая эту идею, которая казалась ему необходимой для выясненія движенія небесныхъ свѣтилъ, Ньютонъ попалъ въ самый центръ эзотерической философіи. Эфиръ, который Ньютонъ нашелъ въ пространствѣ, Парацельсъ нашелъ на днѣ своихъ ретортъ и назвалъ его *астральнымъ свѣтомъ*.

Гораздо позднѣе нѣмецкій физикъ Рейхенбахъ въ рядѣ научно обставленныхъ опытовъ констатировалъ повсемѣстное присутствіе этого невѣсомаго элемента, тонкаго, но необходимаго проводника для невидимаго физическому зрѣнію свѣта, отъ котораго происходятъ всевозможныя свѣтовыя явленія.

Рейхенбахъ замѣтилъ, что субъекты съ очень тонкой нервной организаціей, помѣщенные въ темной комнатѣ, въ которой находится магнитъ, видятъ на обоихъ его концахъ ясные лучи краснаго, желтаго и голубого цвѣта. Нѣкоторые видятъ эти лучи волнообразно двигающимися. Онъ продолжалъ свои опыты со всевозможными тѣлами и особенно съ кристаллами. Вокругъ всѣхъ этихъ тѣлъ чувствительные субъекты видѣли свѣтящіяся излученія. Вокругъ головы людей, помѣщенныхъ въ темной комнатѣ, они видѣли бѣлые лучи; изъ оконечностей ихъ пальцевъ также исходилъ свѣтъ.

Въ первомъ фазисѣ засыпанія сонамбулы видятъ иногда своего магнетизера съ тѣми же признаками. Чистый астральный свѣтъ можно видѣть только въ высшемъ экстазѣ, но онъ поляризуется во всѣхъ тѣлахъ, соединяется со всѣми земными флюидами и играетъ различныя роли въ электричествѣ, въ земномъ и животномъ магнетизмѣ *).

Главный интересъ всѣхъ опытовъ Рейхенбаха состоитъ въ томъ, что онъ подошелъ къ границамъ, отдѣляющимъ физическое зрѣніе отъ астральнаго, которое служитъ переходомъ къ зрѣнію духовному. Опыты эти заставляютъ угадывать безконечную утончаемость невѣсомой матеріи. Продолжая подвигаться по этому пути, ничто не помѣшаетъ намъ представить себѣ ее въ такой степени текучей, тонкой и всепроникающей, что она станетъ въ нѣкоторомъ родѣ однородной съ мыслію, служа для послѣдней совершеннымъ проводникомъ.

*) Рейхенбахъ назвалъ его *одомъ*.

Мы видѣли сейчасъ, что современная физика должна была признать всемірную невѣсомую дѣйствующую силу для того, чтобы объяснить мірозданіе, что она даже подтвердила ея присутствіе, не подозрѣвая при этомъ, что тѣмъ самымъ подходитъ къ древнимъ теософическимъ идеямъ.

Попробуемъ теперь опредѣлить природу и назначеніе космическаго флюида съ точки зрѣнія оккультной философіи всѣхъ временъ. Ибо относительно этой важной основы космогоніи Зороастръ сходится съ Гераклитомъ, Пиѳагоръ съ Апостоломъ Павломъ, Каббалисты съ Парацельсомъ. Она распространена повсюду, Цибелла-Майа, великая Мировая Душа, вибрирующая и пластическая субстанція, которую формуетъ по своему усмотрѣнію дуновеніе Творческаго Духа. Ея эфирные океаны служатъ цементомъ, соединяющимъ міры между собою. Она служитъ посредникомъ между духомъ и матеріей, между видимымъ и невидимымъ, между внутреннимъ и внѣшнимъ вселенной.

Скопляясь огромными массами въ атмосферѣ, подъ воздѣйствіемъ солнца она разражается грозой. Проникая въ землю, она циркулируетъ внутри нея магнетическими токами. Утончившись въ нервной системѣ животнаго, она передаетъ его волю различнымъ частямъ организма, его ощущенія—мозгу.

Болѣе того, этотъ тонкій элементъ образуетъ живые организмы, подобные матеріальнымъ тѣламъ. Ибо онъ служитъ субстанціей для астральнаго тѣла души, свѣтящимся покровомъ, который духъ ткетъ для себя безостановочно.

Соотвѣтственно тѣмъ душамъ, которыя онъ облекаетъ, и соотвѣтственно тѣмъ мірамъ, которые онъ окружаетъ, этотъ флюидъ преобразуется, утончается или сгущается. И не только онъ воплощаетъ духъ и одухотворяетъ матерію, онъ отражаетъ въ своихъ живыхъ нѣдрахъ вещи, предметы, волю и мысли людей въ безпрерывныхъ отраженіяхъ *).

Сила и продолжительность этихъ образовъ пропорціональна силѣ воли, которая ихъ произвела. И въ самомъ дѣлѣ, не существуетъ другого способа, чтобы объяснить внушеніе и передачу мыслей на разстояніи, эти пріемы древней магіи, въ настоящее время признанные наукой **).

---

*) Отраженіе въ тончайшей субстанціи эфира всего происходящаго въ физическомъ мірѣ извѣстно въ оккультизмѣ подъ названіемъ *Акаша—Хроники*. По этой хроникѣ оккультистъ, прошедшій правильную оккультиую школу и обладающій развитымъ астральнымъ зрѣніемъ, можетъ прослѣдить всю постепенную эволюцію земли и всего происходившаго на ней. *Прим. перев.*

**) Le Bulletin de la Société de Psychologie physiologique presidée par Charcot, 1885. De la Suggestion mentale. M. Ochorowicz. Paris, 1887.

Такимъ образомъ, все прошлое міровъ дрожитъ въ астральномъ свѣтѣ въ видѣ отраженныхъ образовъ, и будущее пребываетъ тамъ же вмѣстѣ съ живыми душами, которыя непреодолимой силой влекутся къ воплощенію на землѣ. Вотъ—смыслъ покрывала Изиды и мантіи Цибеллы, въ которую заткано все бытіе.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что теософическое ученіе объ астральномъ свѣтѣ тождественно съ тайной доктриной Глагола-Солнца въ религіяхъ Востока и древней Греціи. Кромѣ того, выясняется, въ какой связи съ этой доктриной стоитъ ученіе о прорицаніяхъ. Астральный свѣтъ является въ ней какъ передаточное средство для всѣхъ явленій ясновидѣнія и экстаза и служитъ для ихъ объясненія. Онъ одновременно и проводникъ, передающій всѣ вибраціи мысли, и живое зеркало, въ которомъ душа можетъ созерцать отраженіе матеріальнаго и духовнаго міровъ.

Перенесенное въ астральную область, сознаніе ясновидца выступаетъ изъ предѣловъ физическихъ условій. Мѣра пространства и времени измѣняется для него. Онъ начинаетъ въ нѣкоторомъ родѣ участвовать въ вездѣсущности мірового астральнаго флюида. Плотная матерія становится для него прозрачной и душа, освободившаяся отъ тѣла, поднимается въ свою собственную сферу, проникаетъ путемъ экстаза въ духовный міръ и видитъ тамъ души, облеченныя въ тончайшія тѣла, съ которыми и входитъ въ сношеніе.

Всѣ древніе посвященные имѣли совершенно точныя понятія объ этомъ *второмъ зрѣніи.* Въ примѣръ можно привести Эсхила, который заставляетъ тѣнь Клитемнестры говорить: «Посмотри на эти раны, твой духъ можетъ видѣть ихъ; когда мы спимъ, духъ обладаетъ болѣе проницательнымъ зрѣніемъ; въ великій день, не охватываютъ-ли смертные несравненно болѣе обширное поле зрѣнія?»

Прибавимъ, что эта теорія ясновидѣнія и экстаза прекрасно согласуется съ многочисленными опытами, произведенными учеными и медиками въ наше время надъ сонамбулами и ясновидящими всякаго рода *). Мы попробуемъ, сообразуясь съ этими современными опытами, дать краткую характеристику различныхъ психическихъ состояній, начиная съ ясновидѣнія и кончая каталептическимъ экстазомъ.

---

*) По этому вопросу существуетъ обильная литература, весьма различная по внутренней цѣнности, какъ во Франціи, такъ и въ Германіи и въ Англіи. Приведемъ два труда, въ которыхъ эти вопросы трактуются научнымъ образомъ людьми, достойными довѣрія:

1) *Letters on animal magnetism. William Gregory*. Грегори былъ профессоромъ химіи въ Эдинбургскомъ университетѣ. Въ книгѣ приводятся результаты

Состояніе ясновидящаго транса есть психическое состояніе, одинаково отличающееся и отъ сна, и отъ бодрствованія. Вмѣсто того, чтобы уменьшаться, способности человѣка во время такого транса повышаются поразительнымъ образомъ. Его память становится болѣе точной, воображеніе—болѣе живымъ, умъ—болѣе быстрымъ. Болѣе того, новое чувство, принадлежащее уже не физическому организму, развивается въ немъ.

Онъ не только воспринимаетъ мысли гипнотизера, что бываетъ и при явленіяхъ внушенія, которыя необходимо причислить уже къ явленіямъ сверхфизическимъ,— но ясновидящій можетъ читать мысли присутствующихъ, видѣть сквозь толстыя стѣны, проникать на сотни лье въ дома, гдѣ онъ никогда не бывалъ, и въ интимную жизнь людей, которыхъ никогда не зналъ. Глаза его закрыты и не видятъ ничего, но духъ его видитъ несравненно дальше и лучше, чѣмъ открытые глаза, и свободно проносится—по всѣмъ видимостямъ—въ пространствѣ. *)

Такимъ образомъ, если ясновидѣніе съ точки зрѣнія тѣла—состояніе анормальное, то съ точки зрѣнія духа это состояніе вполнѣ нормальное,только поднятое на высшую ступень. Ибо сознаніе ясновидящаго стало глубже и кругозоръ его несравненно шире. «Я» человѣка осталось то же, но оно перешло на высшій планъ, гдѣ его взоръ, освобожденный отъ ограниченій физическихъ органовъ, охватываетъ несравненно болѣе широкіе горизонты **)

глубокаго изученія животнаго магнетизма, и приводятся наблюденія—начиная съ внушенія и кончая зрѣніемъ на разстояніи и ясновидѣніемъ—надъ лицами, которыхъ профессоръ самъ изслѣдовалъ съ соблюденіемъ всѣхъ предосторожностей и съ величайшей точностью.

2) *Die mystischen Erscheinungen der menschlichen Natur*, *von Maximilian Perty*. М. Перти — профессоръ философіи и медицины при Бернскомъ университетѣ. Его книга представляетъ собою огромный сводъ всѣхъ оккультныхъ явленій, имѣющихъ какую бы то ни было историческую цѣнность. Замѣчательна глава относительно ясновидѣнія (Schlafwachen) въ первомъ томѣ; она заключаетъ въ себѣ двадцать исторій сонамбулъ женщинъ и пять—сонамбулъ мужчинъ, разсказанныхъ лечившими ихъ медиками. Исторія ясновидящей Вейнеръ, которую лечилъ авторъ книги, чрезвычайно интересна. Достойны также вниманія трактаты о магнитизмѣ Дюпотэ и Делейза, и чрезвычайно интересная книга *Ясновидящая изъ Превоста*, *Юстина Кернера*.

*) Многочисленные примѣры въ письмахъ XVI, XVII и XVIII. *Letters on animal magnetism*. *W. Gregory*.

**) Нѣмецкій философъ Шеллингъ призналъ огромную важность сонамбулизма для выясненія вопроса о безсмертіи души. Онъ наблюдалъ, что въ ясновидящемъ снѣ происходитъ поднятіе души и ея освобожденіе отъ тѣла, котораго

Слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторыя сонамбулы, подвергаясь пассамъ магнетизера, чувствуютъ себя залитыми волнами все болѣе и болѣе яркаго свѣта, тогда какъ пробужденіе кажется имъ тягостнымъ возвратомъ въ темноту.

Внушеніе, чтеніе чужихъ мыслей, способность видѣть на разстояніи, это уже факты, доказывающіе независимое состояніи души, и они переносятъ насъ выше физическаго плана вселенной, не заставляя насъ покидать этотъ планъ.

Ясновидѣніе отличается безконечными разновидностями и являетъ собою гораздо бо́льшее число состояній, чѣмъ бодрствующее сознаніе. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ поднимается по ступенямъ ясновидѣнія, явленія становятся все болѣе рѣдкими и все болѣе необыкновенными. Приведемъ лишь главныя изъ этихъ состояній. *Созерцаніе* прошедшаго (*retrospection*) есть видѣніе прошлыхъ событій, сохраненныхъ въ астральномъ свѣтѣ. *Прорицаніе* (*divination*) есть предвидѣніе будущихъ событій или путемъ проникновенія въ мысль живыхъ людей, содержащую зачатки будущихъ поступковъ, или подъ высшимъ оккультнымъ вліяніемъ, когда въ живыхъ образахъ развертываются передъ душой

совсѣмъ не бываетъ въ состояніи нормальномъ. У сонамбулъ все свидѣтельствуетъ о высокой сознательности, какъ будто бы все ихъ существо сосредоточилось въ одномъ свѣтломъ центрѣ, гдѣ соединилось и прошлое, и настоящее, и будущее. Онѣ не только не теряютъ памяти, но прошлое становится для нихъ гораздо яснѣе и даже съ будущаго временами сбрасывается скрывающій его покровъ. Если это возможно при земной жизни—спрашиваетъ себя Шеллингъ—не слѣдуетъ ли изъ этого, что наша духовная индивидуальность, проявляющаяся послѣ смерти, существуетъ въ насъ и въ настоящее время, что она послѣ смерти не рождается вновь, а лишь освобождается и обнаруживается, какъ только связь ея съ внѣшнимъ міромъ посредствомъ физическихъ чувствъ обрывается? Такимъ образомъ посмертное состояніе болѣе реально, чѣмъ состояніе земное. Ибо, въ этой жизни случайное, примѣшиваясь ко всему, парализуетъ въ насъ существенное. Шеллингъ называетъ будущее состояніе *ясновидѣніемъ*. Духъ, освобожденный отъ всего, что есть случайнаго въ земной жизни, становится болѣе сильнымъ: злой становится болѣе злымъ, добрый болѣе добрымъ.

Въ послѣдное время Шарль дю-Прэль поддерживалъ то-же положеніе въ прекрасной книгѣ *Philosophie der Mystik*. Онъ исходитъ изъ слѣдующаго факта: личное сознаніе не исчерпываетъ всего человѣка. «Душа и сознаніе—два термина неравнозначущіе. Они не покрываютъ одно другое, ибо ихъ объемъ неодинаковъ. Сфера души на много превышаетъ сферу сознанія». Такимъ образомъ въ насъ кроется *скрытое я*. Это скрытое я, которое проявляется во снѣ, есть истинное наше я, сверхземное и трансцендентное, бытіе котораго предшествовало нашему земному я, заключенному въ тѣло. Земное я преходяще, трансцендентное я—безсмертно. Вотъ почему апостолъ Павелъ говоритъ: «еще на землѣ мы шествуемъ по небесамъ».

ясновидящаго будущія событія. Въ обоихъ случаяхъ это—проэкціи мыслей въ астральномъ свѣтѣ. И, наконецъ, *экстазъ*, который можно опредѣлить какъ созерцаніе духовнаго міра, гдѣ добрые и злые духи являются ясновидящему подъ человѣческими образами и сообщаются съ нимъ.

При этомъ кажется, что душа дѣйствительно унеслась изъ тѣла, которое коченѣетъ и носитъ всѣ внѣшніе признаки смерти. Человѣческія слова не могутъ передать— по увѣренію испытавшихъ экстазы —красоту и великолѣпіе этихъ видѣній, и чувство невыразимаго единенія съ Божественной сутью, которую они переживаютъ въ это время.

Можно сомнѣваться въ реальности этихъ видѣній, но не слѣдуетъ забывать, что разъ способности души даже въ состояніи ясновидящаго сна обостряются въ такой сильной степени, логика требуетъ допустить, что въ болѣе высокомъ состояніи душа способна видѣть и болѣе высокую реальность.

Въ будущемъ люди признаютъ за трансцендентными способностями человѣческой души великое общественное значеніе и поставятъ ихъ подъ контроль науки, опираясь при этомъ на воистину *всеміриую* религію, открытую для всѣхъ истинъ. И тогда наука, обновленная истинной вѣрой и духомъ милосердія, будетъ увѣренно оріентироваться въ тѣхъ сферахъ, гдѣ умозрительная философія бродитъ въ наше время ощупью и съ завязанными глазами.

Да, наука сдѣлается зрячей и мощной въ той мѣрѣ, въ какой въ нее будетъ вливаться любовь къ человѣчеству. И возможно, что «какъ разъ черезъ двери сна и сновидѣнія», какъ говорилъ Гомеръ, возвратится изгнанная нашей цивилизаціей и безмолвно плачущая подъ своимъ покрываломъ божественная Психея, чтобы снова овладѣть своими алтарями.

Но какъ бы то ни было, различныя явленія ясновидѣнія, наблюдавшіяся учеными и медиками XIX столѣтія, бросаютъ новый свѣтъ на роль прорицаній въ древности и на множество феноменовъ съ виду сверхъестественныхъ, которыми наполнены лѣтописи всѣхъ народовъ. Конечно, необходимо отличать среди нихъ вымыслы отъ истины, галлюцинаціи отъ истинныхъ видѣній.

Экспериментальная психологія нашихъ дней учитъ не отбрасывать факты, которые входятъ въ предѣлы возможныхъ проявленій человѣческой природы, а изучать ихъ съ точки зрѣнія провѣренныхъ законовъ.

Если ясновидѣніе есть способность души, нельзя выбрасывать пророковъ, оракуловъ и сивиллъ въ область суевѣрія. Предсказанія

могли практиковаться въ древнихъ храмахъ по опредѣленнымъ методамъ, въ цѣляхъ соціальныхъ и религіозныхъ. Сравнительное изученіе религій и эзотерическихъ преданій доказываетъ, что основы этихъ методовъ были всюду одинаковы, хотя примѣненіе ихъ видоизмѣнялось до безконечности.

Искусство предсказанія потеряло свое значеніе благодаря тому, что испорченность нравовъ вызвала всевозможныя злоупотребленія съ одной стороны, а съ другой стороны потому, что прекрасныя явленія въ этой области возможны лишь черезъ посредство людей исключительной духовной высоты и чистоты.

Искусство прорицанія, какъ оно являлось въ Дельфахъ, покоилось на тѣхъ же основахъ, и вся внутренняя организація храма основывалась на этомъ исскуствѣ.

Какъ и въ великихъ храмахъ Египта, прорицаніе у Грековъ состояло изъ искусства и изъ науки. Искусство состояло изъ проникновенія въ отдаленное прошедшее и будущее посредствомъ ясновидѣнія или пророческаго экстаза; наука являлась методомъ вычисленія будущаго на основаніи законовъ 'міровой эволюціи. Искусство и наука взаимно контролировали одна другую.

Мы не будемъ говорить о той наукѣ, которая древними называлась генеѳліалогія (предсказаніе по гороскопу), по сравненію съ которой средневѣковая астрологія лишь плохо понятый отрывокъ; упомянемъ только, что въ нее входила эзотерическая энциклопедія, примѣненная къ будущей судьбѣ народовъ и индивидуумовъ. Очень полезная въ смыслѣ общихъ соображеній она оставалась довольно проблематичной въ примѣненіи. Лишь первоклассные умы были способны пользоваться ею. Пиѳагоръ проникъ въ глубину этой науки, когда оставался въ Египтѣ. Въ Греціи она владѣла менѣе полными и менѣе точными данными; и наоборотъ, ясновидѣніе и даръ прорицанія были въ Греціи развиты довольно сильно.

Изъ исторіи извѣстно, что дельфійскія прорицанія происходили съ помощью женщинъ, и молодыхъ, и старыхъ, которыя носили названіе Пиѳій и играли пассивную роль ясновидящихъ-сонамбулъ. Жрецы давали толкованія, переводили и приводили въ порядокъ ихъ прорицанія, часто запутанныя и неясныя, благодаря недостатку развитія у сонамбулы.

Современные историки не видятъ въ дельфійскихъ оракулахъ ничего иного, кромѣ эксплоатаціи народнаго суевѣрія съ корыстными цѣлями. Но кромѣ серьезнаго отношенія всего античнаго просвѣщеннаго міра къ искусству прорицанія при дельфійскомъ храмѣ, многіе

оракулы, приводимые Геродотомъ, какъ напримѣръ, относящіеся къ Крезу и къ битвѣ при Саламинѣ, говорятъ въ пользу прорицанія.

Какъ и все въ мірѣ, искусство это имѣло свое начало, свой расцвѣтъ и свое увяданіе. Подъ конецъ и сюда примѣшались обманъ и испорченность, о чемъ свидѣтельствуетъ царь Клеоменъ, который подкупилъ главную жрицу Дельфъ, чтобы лишить Демарата царскаго трона.

Плутархъ написалъ трактатъ, въ которомъ старался выяснить причины упадка оракуловъ. И этотъ упадокъ признавался всѣмъ античнымъ обществомъ за большое несчастіе.

Въ раннія эпохи искусство прорицанія производилось съ религіозной искренностью и съ научной глубиной, которыя поднимали его на высоту истиннаго священнодѣйствія. На фронтонѣ храма виднѣлась слѣдующая надпись: «познай самого себя», а на входной двери—другая: «да не войдетъ сюда никто съ нечистыми руками». Эти слова говорили каждому входящему, что страсти, ложь и лицемѣріе не должны переступать черезъ порогъ святилища, и что внутри храма божественная правда должна царить безъ всякой примѣси.

Пиѳагоръ явился въ Дельфы послѣ того, какъ обошелъ всѣ храмы Греціи. Онъ оставался нѣкоторое время у Эпименида, въ святилищѣ Юпитера; онъ присутствовалъ при олимпійскихъ играхъ; онъ стоялъ во главѣ мистерій Элевзиса, гдѣ іерофантъ уступилъ ему свое первенствующее мѣсто. Всюду встрѣчали его, какъ власть имѣющаго; ожидали его также и въ Дельфахъ. Искусство прорицанія приходило тамъ уже въ упадокъ, и Пиѳагоръ рѣшилъ возвратить ему его силу, глубину и обаяніе.

Онъ появился въ Дельфахъ не столько для поклоненія Аполлону, сколько для просвѣщенія его жрецовъ, для воспламененія ихъ энтузіазма и для пробужденія ихъ энергіи. Дѣйствовать на нихъ—значило дѣйствовать на душу самой Греціи и подготовлять ея будущее.

Къ счастью, онъ нашелъ въ храмѣ чудное орудіе, словно подготовленное для него Провидѣніемъ.

Молодая Ѳеоклеа принадлежала къ коллегіи жрицъ Аполлона. Она происходила изъ семьи, въ которой званіе жреца было наслѣдственное. Величавое впечатлѣніе святилища, священныя церемоніи и торжественные гимны, праздники Аполлона пиѳійскаго и гиперборейскаго питали ея юность.

Она была, вѣроятно, одной изъ тѣхъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя питаютъ отвращеніе къ тому, что привлекаетъ всѣхъ остальныхъ. Онѣ не любятъ Цереру и боятся Венеры, ибо тяжелая земная

атмосфера тревожитъ ихъ, и физическая любовь, смутно предчувствуемая, кажется имъ насиліемъ надъ душой, разбиваніемъ ихъ цѣломудреннаго существа.

И наоборотъ, онѣ необыкновенно чувствительны къ таинственнымъ вліяніямъ, къ астральнымъ воздѣйствіямъ. Когда луна освѣщала темныя рощи вокругъ Кастальскаго источника, Ѳеоклеа видѣла повсюду скользящія бѣлыя тѣни. При дневномъ свѣтѣ она слышала голоса. Когда она глядѣла на лучи восходящаго солнца, ихъ свѣтовыя вибраціи погружали ее въ экстазъ, и ей слышались невидимые хоры. И въ то же время она была совершенно равнодушна ко всѣмъ внѣшнимъ проявленіямъ культа; статуи боговъ оставляли ее совершенно безразличной, но она испытывала ужасъ при жертвоприношеніи животныхъ.

Она ни съ кѣмъ не говорила о видѣніяхъ, которыя нарушали ея сонъ. Она чувствовала съ предвидѣніемъ ясновидящей, что жрецы Аполлона не обладаютъ тѣмъ высшимъ свѣтомъ, въ которомъ нуждалась ея душа. Но они, съ своей стороны, наблюдали за ней, желая склонить ее къ роли Пиѳіи. Она же чувствовала себя какъ бы притягиваемой къ высшему міру, который оставался закрытымъ для нея. Кто были эти боги, отъ которыхъ на нее вѣяло неземнымъ дыханіемъ? Она хотѣла знать это прежде, чѣмъ слѣпо отдаться имъ. Ибо большія души испытываютъ всегда потребность сознавать ясно даже и тогда, когда отдаются высшимъ силамъ.

Весь внутренній обликъ Ѳеоклеи заставляетъ предвидѣть, какое таинственное предчувствіе и какое глубокое потрясеніе должны были взволновать ея душу, когда она впервые увидала Пиѳагора и услыхала его выразительный голосъ, раздававшійся подъ колоннадами святилища Аполлона... Она почувствовала присутствіе посвященнаго, котораго ждала ея душа, она узнала своего Учителя.

Она *хотѣла знать*; и она узнаетъ черезъ него, а этотъ внутренній міръ, который она носила въ себѣ, онъ наконецъ раскроется передъ ней *его* силою!

И онъ, съ своей стороны, долженъ былъ узнать въ ней съ присущей ему проницательностью ту живую и тонко вибрирующую душу, которую онъ искалъ для передачи своей мысли и для внесенія новаго духа въ храмъ. Послѣ перваго же взгляда, которымъ они обмѣнялись, послѣ перваго сказаннаго слова, невидимая цѣпь связала жреца Самосскаго съ молодой жрицей, которая молча слушала его, жадно воспринимая каждое его слово. Не помню, кто сказалъ, что лира

начинаетъ вибрировать, когда поэтъ подходитъ къ ней. Такъ узнали другъ друга Пиѳагоръ и Ѳеоклеа.

На восходѣ солнца Пиѳагоръ велъ продолжительныя бесѣды съ жрецами Аполлона, носившими названіе святыхъ и пророковъ. Онъ потребовалъ отъ нихъ, чтобы и молодая жрица была допущена къ этимъ бесѣдамъ и была посвящена въ его тайное обученіе. Такимъ образомъ она могла пользоваться уроками, которые учитель давалъ ежедневно въ святилищѣ.

Пиѳагоръ достигъ въ то время полной зрѣлости. Онъ носилъ бѣлыя одежды по египетски и пурпуровую перевязь на лбу. Когда онъ говорилъ, его серьезные, глубокіе глаза проникали въ душу собесѣдника, вызывая въ немъ глубокое волненіе, и самый воздухъ вокругъ него казался болѣе легкимъ и проникнутымъ духовностью.

Бесѣды Самосскаго мудреца съ высшими представителями греческой религіи имѣли очень важное значеніе. Вопросъ шелъ не только объ искусствѣ прорицанія и о вдохновеніяхъ, но и о будущемъ Греціи и о судьбахъ всего міра. Знанія и силы, которыя онъ пріобрѣлъ въ храмахъ Мемфиса и Вавилона, придали ему высокій авторитетъ. Онъ имѣлъ право говорить какъ власть имѣющій съ руководителями Греціи, и онъ выполнилъ это со всею силою своего генія и со всѣмъ энтузіазмомъ сознанной миссіи.

Чтобы просвѣтить и подготовить ихъ сознаніе, онъ началъ ихъ знакомить съ своей юностью, съ перепетіями своей борьбы и съ египетскимъ посвященіемъ. Онъ говорилъ имъ объ этомъ Египтѣ, усыновившемъ Грецію, древнемъ и неизмѣнномъ какъ покрытая іероглифами мумія въ глубинѣ его пирамидъ, но владѣющимъ въ своихъ склепахъ тайнами народовъ, языковъ и религій. Онъ развернулъ передъ ихъ глазами мистеріи великой Изиды, земной и небесной, матери боговъ и человѣчества. Онъ провелъ ихъ черезъ всѣ необходимыя испытанія и подъ конецъ далъ имъ проникнуть вмѣстѣ съ собою въ свѣтлую область Озириса.

Вслѣдъ за тѣмъ, онъ раскрылъ передъ ними тайны халдейскихъ маговъ, ихъ оккультныя знанія, сохранявшіяся въ массивныхъ храмахъ Вавилона, гдѣ они вызывали живой огонь, въ которомъ появлялись образы демоновъ и боговъ.

Слушая Пиѳагора, Ѳеоклеа испытывала потрясающія ощущенія. Все, что говорилъ онъ, отпечатывалось огненными буквами въ ея сознаніи, и все это казалось ей одновременно и необычнымъ, и знакомымъ. Поучаясь у него, она точно вспоминала забытое. Слова Учителя заставляли ее перелистывать страницы вселенной, словно стра-

ницы книги. Боги не являлись болѣе передъ ней подъ человѣческимъ ликомъ, но въ своей истинной сущности, которая создаетъ формы и даетъ душу этимъ формамъ. Она возносилась и опускалась вмѣстѣ съ ними въ пространствѣ.

Иногда ей казалось, что она выходитъ изъ своихъ границъ и расплывается въ безконечности. Такимъ образомъ воображеніе ея проникало въ невидимый міръ, и тѣ слѣды его, которые она находила въ своей собственной душѣ, говорили ей, что въ немъ—истинная реальность, а физическій міръ не болѣе, какъ одна видимость. И она чувствовала, что ея внутренніе глаза скоро раскроются, чтобы непосредственно читать въ невидимомъ.

Съ этихъ высотъ Учитель возвратилъ ее внезапно на землю, заговоривъ о несчастіяхъ Египта. Развернувъ передъ ея сознаніемъ все величіе египетской науки, онъ показалъ затѣмъ, какъ она подвергалась вторженію Персовъ, какіе ужасы проникли въ Египетъ вмѣстѣ съ полчищами Камбиза, какъ разрушались храмы, сожигались на кострахъ священныя книги, какъ убивались и разгонялись жрецы Озириса, какъ чудовище персидскаго деспотизма собрало подъ свою желѣзную руку всѣ варварскія азіатскія племена, явившіяся изъ центра Азіи и изъ глубины Индіи для того, чтобы ринуться на Европу. Да, этотъ растущій циклонъ *долженъ* былъ разразиться надъ Греціей такъ же неизбѣжно, какъ изъ скопившихся въ воздухѣ тучъ неизбѣжно появляется гроза.

Могла ли раздробленная Грецiя противостоять этому страшному напору? Народы не могутъ избѣжать своей судьбы, если они не бодрствуютъ безпрерывно и неослабно. И самъ мудрый народъ Гермеса и его Египетъ, не разрушился ли и онъ послѣ шести тысячъ лѣтъ процвѣтанія?

Жизнь Греціи, красавицы Іоніи, должна быть еще скоротечнѣе!... Придетъ время, когда солнечный Богъ покинетъ этотъ храмъ, когда варвары разрушатъ его, такъ что камня не останется на камнѣ, и когда пастухи поведутъ свои стада пастись на развалинахъ Дельфъ.

При этихъ мрачныхъ пророчествахъ лицо Ѳеоклеи измѣнилось. Она склонилась къ землѣ и охвативъ руками ближайшую колонну, съ остановившимися глазами, погруженная въ свои внутреннія видѣнія, походила на генія Скорби, плачущаго надъ погибшей Греціей.

«Но,—продолжалъ Пиѳагоръ—эти тайны должны быть погребены въ глубинѣ храмовъ. Посвященный привлекаетъ смерть или отдаляетъ ее по своему произволу. Образуя магическую цѣпь соединенной силы воли, посвященные могутъ воздѣйствовать и на продленіе жизни

народовъ. Отъ васъ зависитъ задержать роковой часъ, отъ васъ зависитъ процвѣтаніе Греціи, вы можете вызвать въ ней сіяніе Аполлона. Народы формуются по волѣ своихъ боговъ, но боги открываются лишь тѣмъ, которые ихъ призываютъ.

«Что такое Аполлонъ? Глаголъ Единаго Бога, вѣчно проявляющійся въ мірѣ. Истина есть душа Бога, а свѣтъ есть Его тѣло. Мудрецы, ясновидящіе и пророки видятъ Его; обыкновенные люди видятъ лишь тѣнь Его. Прославленные духи, которыхъ мы называемъ героями или полубогами, пребываютъ среди этого свѣта. Вотъ истинное тѣло Аполлона, этого солнца посвященныхъ, и безъ него не совершается ничто великое на землѣ. Подобно магниту, привлекающему желѣзо, мы нашими молитвами, словами и дѣяніями привлекаемъ божественное вдохновеніе. Отъ васъ зависитъ осіять Грецію глаголомъ Аполлона, и тогда Греція преобразится въ безсмертномъ свѣтѣ!»

Подобными рѣчами Пиѳагоръ старался внушить жрецамъ Дельфійскаго храма значеніе ихъ великой миссіи. Ѳеоклеа поглащала эти рѣчи съ молчаливой и сосредоточенной страстью. Она видимо преображалась подъ чарами мысли и воли Учителя. Среди изумленныхъ старцевъ она стояла, вся—вдохновеніе и духовный восторгъ, съ глазами расширенными и сіяющими, словно передъ ней проносились чудныя видѣнія свѣтлыхъ духовъ.

Однажды она погрузилась въ глубокій ясновидящій сонъ.

Пять старшихъ жрецовъ окружили ее, но она не чувствовала ихъ прикосновенія и не отзывалась на ихъ голоса. Пиѳагоръ приблизился къ ней и сказалъ: «встань и иди, куда посылаетъ тебя моя мысль. Ибо отнынѣ ты будешь Пиѳіей»!

При звукѣ голоса Учителя дрожь пробѣжала по ея тѣлу, но глаза ея оставались закрытыми. Она видѣла внутреннимъ взоромъ.

— Гдѣ ты находишься?—спросилъ Пиѳагоръ.

— Я поднимаюсь... все выше и выше.

— А теперь?

— Я плаваю въ свѣтѣ Орфея.—

— Что видишь ты въ будущемъ?—

— Великія войны... мѣдные люди... бѣлыя побѣды... Аполлонъ возвращается въ свое святилище и я буду его голосомъ!... Но ты, его посланникъ, ты покинешь меня... И ты понесешь его свѣтъ въ Италію.—

Ясновидящая съ закрытыми глазами говорила еще долго, и звукъ ея голоса былъ музыкальный, прерывающійся, ритмическій. Затѣмъ—внезапныя рыданія, и она упала какъ мертвая. Такъ вливалъ Пиѳагоръ свое чистое ученіе въ ея сердце и настраивалъ его подобно лирѣ

для воспринятія дыханія боговъ. Поднятая имъ на такую высоту вдохновенія, она и для него стала факеломъ, при свѣтѣ котораго онъ могъ измѣрять свою собственную судьбу, проникать въ возможное будущее и направляться въ безбрежныя пространства невидимыхъ міровъ. Это животрепещущее доказательство истинности его ученій поразило жрецовъ, вызвало въ нихъ энтузіамъ л оживило ихъ вѣру. Отнынѣ храмъ имѣлъ вдохновенную Оиѳію и жрецовъ, посвященныхъ въ божественныя науки и искусства. Дельфы могли снова стать центромъ жизни и духовной дѣятельности.

Пиѳагоръ оставался среди нихъ цѣлый годъ и лишь послѣ того, какъ жрецы были посвящены во всѣ тайны оккультнаго ученія и Ѳеоклеа была вполнѣ готова для своей миссіи,—онъ направился далѣе, въ Великую Грецію.

Глава IV.

Орденъ Пиѳагора и его Ученіе.

Городъ Кротонъ занималъ оконечность Тарентскаго залива. Рядомъ съ Сибарисомъ Кротонъ былъ наиболѣе цвѣтущимъ городомъ южной Италіи. Онъ славился своимь дорійскимъ общественнымъ строемъ, своими отлетами, побѣждавшими на Олимпійскихъ играхъ, своими врачами, соперничавшими съ Асклепіадами. Сибариты прославились своей роскошью и нѣгой; Кротонцы, не смотря на свои добродѣтели, были бы вѣроятно забыты, если бы они не дали пріюта эзотерической философіи. извѣстной подъ именемъ Пиѳагорейской секты, которую можно разсматривать какъ мать школы Платониковъ и какъ праматерь всѣхъ идеалистическихъ школъ. Хотя, не смотря на все благородство послѣднихъ, праматерь во многомъ превосходила ихъ. Школа Платониковъ уже не владѣетъ полнымъ посвященіемъ, а школа стоиковъ и совсѣмъ утеряла истинное преданіе. Другія системы древней и современной философіи—лишь болѣе или менѣе удачныя умозрительныя теоріи, тогда какъ ученіе Пиѳагора было основано на опытномъ знаніи и всесторонне проникало въ самый строй жизни.

Подобно развалинамъ исчезнувшаго города, мысли Пиѳагора и найны его ордена погребены глубоко подъ землей. Попробуемъ, несмотря на это, вновь оживить ихъ. Это дастъ намъ проникнуть до самаго сердца теософической доктрины, до святая святыхъ религіи и философіи и, при свѣтѣ эллинскаго генія, приподнять край покрывала Изиды.

Было нѣсколько причинъ, почему Пиѳагоръ избралъ эту колонію какъ центръ своей дѣятельности. Его цѣль была не только передать

свое ученіе группѣ избранныхъ учениковъ, но и примѣнить идеи этого ученія къ воспитанію юношества и къ жизни государства. Этотъ планъ требовалъ основанія школы для посвященія мірянъ, чтобы этимъ путемъ постепенно преобразовать политическую организацію городовъ по образцу его религіознаго и философскаго идеала.

Несомнѣнно, что ни одна изъ республикъ Эллады или Пелопонеса не допустила бы такого новшества. Философа обвинили бы въ заговорѣ противъ государства. Греческіе города Тарентскаго залива были менѣе заражены демагогіей и поэтому тамъ допускалась большая свобода. Пиѳагоръ не ошибся, надѣясь найти благопріятное отношеніе къ своимъ реформамъ въ Кротонскомъ сенатѣ. Слѣдуетъ прибавить, что намѣренія его шли далѣе Греціи. Предвидя эволюцію идей, онъ угадывалъ паденіе эллинизма и намѣревался внести въ человѣческое сознаніе начала научной религіи.

Основавъ свою школу при Тарентскомъ заливѣ, онъ распространилъ эзотерическое ученіе въ Италіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ драгоцѣнномъ сосудѣ своего ученія сохранилъ для народовъ Запада самую суть восточной Мудрости. Появившись въ Кротонѣ, который склонялся уже къ изнѣженной жизни своего сосѣда Сибариса, Пиѳагоръ произвелъ тамъ истинную революцію.

Порфирій и Ямблихъ описываютъ его первое выступленіе въ Кротонѣ скорѣе въ роли мага, чѣмъ въ роли философа. Онъ призвалъ молодыхъ людей въ храмъ Аполлона и силою своего необыкновеннаго краснорѣчія вырвалъ ихъ изъ сѣтей распутства. Онъ собралъ женщинъ въ храмъ Юноны и убѣдилъ ихъ принести всѣ золотыя одежды и драгоцѣнныя украшенія, въ видѣ дара въ этотъ самый храмъ, какъ доказательство полной побѣды надъ тщеславіемъ и изнѣженностью. Онъ облекалъ необыкновеннымъ очарованіемъ строгость своихъ поученій; изъ его мудрости вырывалось пламя, вдохновлявшее и заражавшее всѣхъ. Красота его облика, благородство осанки, очарованіе его выразительнаго лица и голоса, довершали побѣду. Женщины сравнивали его съ Юпитеромъ, а молодые люди съ Аполлономъ гиперборейскимъ. Онъ покорялъ и увлекалъ толпу, которая изумлялась, слушая его, и противъ воли начинала любить правду и добродѣтель.

Сенатъ Кротона или *Совѣтъ тысячи* встревожился этимъ вліяніемъ Пиѳагора. Онъ призвалъ его, требуя отчета, какими средствами достигаетъ онъ такого поразительнаго господства надъ умами. Это было для него случаемъ развить свои идеи воспитанія юношества и доказать, что онѣ не только не грозятъ дорійской конституціи Кротона, но, наоборотъ, помогутъ укрѣпить ее.

Когда онъ склонилъ къ своему плану самыхъ богатыхъ гражданъ и большинство сената, онъ предложимъ имъ создать новое учрежденіе для него и для его учениковъ. Это братство посвященныхъ мірянъ должно было вести общую жизнь въ зданіи, приспособленномъ для этой цѣли, но не уклоняться отъ гражданской жизни. Тѣ изъ нихъ, которые заслужатъ званіе учителя, допускаются къ обученію физическимъ, психическимъ и религіознымъ наукамъ. Что касается молодыхъ людей, то, оставаясь подъ контролемъ главы ордена, они могли быть допущены къ различнымъ степенямъ посвященія въ соотвѣтствіи съ ихъ развитіемъ и выработанной волей. Они должны были начать съ подчиненія правиламъ общественной жизни, проводя весь день въ школѣ подъ наблюденіемъ учителей. Тѣ, которые пожелали бы вступить формальнымъ образомъ въ орденъ, должны были передать свое имущество попечителю, оставляя за собой право получить его обратно. Въ орденѣ предполагалось отдѣленіе для женщинъ съ параллельнымъ посвященіемъ, но видоизмѣненнымъ и приспособленнымъ къ обязанностямъ ихъ пола.

Этотъ проектъ былъ принятъ съ энтузіазмомъ совѣтомъ Кротона и черезъ нѣсколько лѣтъ въ окрестностяхъ города возникло зданіе, окруженное обширными портиками и прекрасными садами. Кротонцы дали ему званіе храма Музъ; и дѣйствительно, въ самомъ центрѣ поселенія, рядомъ съ скромнымъ жилищемъ Учителя, возвышался храмъ, посвященный этимъ богинямъ.

Такъ возникъ институтъ пиѳагорейцевъ, который сдѣлался одновременно и коллегіей этическаго воспитанія, и академіей наукъ, и образцовой общиной, подъ руководствомъ великаго Посвященнаго. Путемъ теоріи и практики, соединеніемъ наукъ и искусствъ подходили ученики Пиѳагора къ этой наукѣ всѣхъ наукъ, къ этой гармоніи души и интеллекта съ вселенной, которую пиѳагорейцы считали за скрытую основу и философіи, и религіи. Школа пиѳагорейцевъ представляетъ для насъ высочайшій интересъ какъ наиболѣе замѣчательная попытка посвященія мірянъ.

Предвосхитивъ синтезъ эллинизма и христіанства, она имѣла цѣлью привить науку къ «древу жизни»; она владѣла внутреннимъ осуществленіемъ истины въ душѣ человѣческой, которое одно способно создать глубокую вѣру. Осуществленіе чрезвычайной важности, такъ какъ оно создавало живой примѣръ.

Чтобы составить себѣ понятіе, какимъ образомъ достигалась эта цѣль, проникнемъ вмѣстѣ съ дельфійскимъ ученикомъ въ пиѳагорейскую школу и прослѣдимъ шагъ за шагомъ его посвященіе.

Испытаніе.

Бѣлое жилище посвященныхъ возвышалось на холмѣ среди кипарисовъ и оливъ.

Снизу, идя по берегу моря, можно было видѣть его портики, его сады, его гимназіумъ. Храмъ Музъ возвышался своими полукруглыми колоннами, воздушными и изящными, надъ обоими крыльями главнаго зданія. Съ терассы наружныхъ садовъ открывался видъ на городъ, на его гавань и на мѣсто общественныхъ собраній. Вдали разстилался заливъ среди острыхъ прибрежныхъ скалъ, словно въ чашѣ изъ агата, а на горизонтѣ сверкало Іоническое море, замыкая его своей лазурной линіей. Отъ времени до времени изъ лѣваго крыла зданія выходили женщины въ разноцвѣтныхъ одеждахъ и, слѣдуя одна за другой по кипарисовой аллеѣ, спускались къ морю. Онѣ направлялись къ храму Цереры. Изъ праваго крыла выходили мужчины въ бѣлыхъ одеждахъ, направляясь вверхъ къ храму Аполлона. И въ этомъ крылось большое очарованіе для молодого воображенія искателей истины, что школа посвященныхъ находилась подъ покровительствомъ двухъ божествъ, изъ которыхъ одна, великая Богиня, обладала глубокими тайнами Женщины и Земли, а другой, солнечный Богъ, раскрывалъ тайны Мужественности и Неба.

Эта маленькая община избранныхъ какъ бы освѣщала собой раскинувшійся внизу многолюдный городъ. Ея свѣтлая ясность привлекала благородные инстинкты юности, но не легко было проникнуть въ ея внутреннюю жизнь, и всѣ знали, какъ труденъ доступъ въ среду немногочисленныхъ избранныхъ.

Простая живая изгородь служила защитой для садовъ, прилегавшихъ къ пиѳагорейскимъ зданіямъ, и входная дверь оставалась весь день открытой. Но у двери возвышалась статуя Гермеса, и на цоколѣ ея виднѣлась надпись: *Eskato Bêbêloï*, прочь непосвященные! Всѣ подчинялись этому приказанію.

Пиѳагоръ съ большимъ трудомъ допускалъ новичковъ, говоря «что не изъ каждаго дерева можно вырѣзать Меркурія». Молодые люди, желавшіе вступить въ общину, должны были пройти черезъ періодъ испытанія. Рекомендованные или родителями, или однимъ изъ учителей, они получали вначалѣ доступъ лишь въ пиѳагорейскій гимнастическій залъ, гдѣ новички упражнялись въ различныхъ играхъ.

Съ перваго же взгляда молодой человѣкъ замѣчалъ, что этотъ залъ совсѣмъ не походилъ на такое же гимнастическое упражненіе въ городѣ: ни громкихъ криковъ, ни буйныхъ проявленій, никакого признака бахвальства или тщеславнаго выставленія своей силы, своихъ мускуловъ атлета; здѣсь царствовали вѣжливость, изящныя манеры и взаимное доброжелательство среди молодыхъ людей, которые или прогуливались парами подъ сѣнью портиковъ, или предавались играмъ на аренѣ. Съ ласковой простотой приглашали они новичка принять участіе въ ихъ бесѣдахъ, никогда не позволяя себѣ любопытныхъ взглядовъ или насмѣшливой улыбки.

На аренѣ упражнялись въ бѣгахъ и въ метаніи дротиковъ. Тамъ же происходили воинственныя упражненія въ видѣ дорійскихъ танцевъ, но Пиѳагоръ строго запрещалъ въ своей школѣ единоборство, говоря, что рядомъ съ развитіемъ ловкости это вводитъ въ гимнастическія упражненія элементъ гордости и озлобленія; что люди, стремящіеся къ осуществленію истинной дружбы, не должны позволять себѣ сваливать другъ друга съ ногъ и кататься по песку подобно дикимъ звѣрямъ; что истинный герой долженъ биться съ мужествомъ, но безъ ярости, и что озлобленный человѣкъ предоставляетъ всѣ преимущества надъ собой своему противнику.

Новичекъ узнавалъ эти правила изъ устъ юношей пиѳагорейцевъ, которые спѣшили сообщить ему эти крупицы усвоенной мудрости. Одновременно съ этимъ, они приглашали его свободно высказаться и не стѣсняясь оспаривать ихъ мнѣнія. Поощренный ихъ предупредительностью, новичекъ не замедливалъ раскрыть свою истинную природу. Въ восторгѣ, что его такъ любезно слушаютъ, онъ начиналъ разглагольствовать.

Въ это время начальники зорко наблюдали за нимъ, не останавливая его никакимъ замѣчаніемъ. Неожиданно появлялся и самъ Пиѳагоръ, чтобы незамѣтнымъ образомъ слѣдить за его жестами и словами. Онъ придавалъ особенное значеніе смѣху и походкѣ молодыхъ людей. Смѣхъ, говорилъ онъ, самое несомнѣнное указаніе на характеръ человѣка и никакое притворство не можетъ украсить смѣхъ злого. Онъ былъ такой глубокій знатокъ человѣческой наружности, что умѣлъ читать по ней до глубины души *).

Благодаря подобнымъ наблюденіямъ, учитель составлялъ точное представленіе о своихъ будущихъ ученикахъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ приходила очередь рѣшающимъ испытаніямъ.

---

*) Оригенъ предполагаетъ, что Пиѳагоръ былъ творцомъ физіономики.

Испытанія эти были взяты изъ египетскаго посвященія, но смягчены и примѣнены къ натурѣ Грековъ, впечатлительность которыхъ не вынесла бы смертельныхъ ужасовъ Мемѳисскихъ и Ѳивійскихъ склеповъ.

Стремящагося къ посвященію заставляли провести ночь въ пещерѣ, находившейся въ окрестностяхъ города, въ которой — по слухамъ—появлялись чудовища и привидѣнія. Не имѣвшихъ силы выдержать зловѣщія впечатлѣнія одиночества и ночного мрака, отказывавшихся войти или обращавшихся въ бѣгство, признавали слишкомъ слабыми для посвященія и ихъ отправляли назадъ.

Нравственное испытаніе носило болѣе серьезный характеръ. Внезапно, безъ всякихъ предупрежденій, ученика заключали въ келью, печальную и обнаженную. Ему давали доску и короткій приказъ: найти внутренній смыслъ одного изъ пиѳагорейскихъ символовъ, напримѣръ: «что означаетъ треугольникъ, вписанный въ кругъ»? или: «почему додекаэдръ, заключенный въ сферу, является основной цифрой вселенной?»

Онъ проводилъ 12 часовъ въ пустой кельѣ наединѣ съ своей задачей, имѣя лишь кружку воды и кусокъ хлѣба вмѣсто обычной пищи. Затѣмъ его вводили въ залу собраній, гдѣ всѣ ученики были въ сборѣ. Они должны были безпощадно поднимать на смѣхъ испытуемаго, который, голодный и въ дурномъ настроеніи, появлялся передъ ними подобно осужденному.

«Вотъ, кричали они, явился новый философъ! Какой у него вдохновенный видъ! Онъ сейчасъ повѣдаетъ намъ о своихъ открытіяхъ! Не скрывай же отъ насъ свои мысли! Еще немного — и ты станешь великимъ мудрецомъ!»

Въ это время учитель наблюдалъ за всѣми проявленіями молодого человѣка съ глубокимъ вниманіемъ. Удрученный постомъ и одиночествомъ, раздраженный сарказмами, униженный своимъ безсиліемъ разгадать непонятную задачу, онъ долженъ былъ сдѣлать огромное усиліе, чтобы овладѣть собою. Нѣкоторые плакали слезами ярости; другіе отвѣчали грубыми словами, третьи бросали доску внѣ себя отъ гнѣва, осыпая бранью и школу, и учителя, и его учениковъ.

Послѣ этого появлялся Пиѳагоръ и спокойно заявлялъ, что юноша, выдержавшій такъ плохо испытаніе въ самообладаніи, не могъ оставаться въ школѣ, о которой онъ такого не лестнаго мнѣнія. Изгнанный уходилъ пристыженный и иногда дѣлался опаснымъ врагомъ для ордена, какъ тотъ знаменитый Килонъ, который позднѣе вызвалъ мятежъ противъ Пиѳагорейцевъ и привелъ ихъ къ роковой катастрофѣ.

Тѣ же юноши, которые выдерживали нападеніе съ твердостью, которые на дерзкіе вызовы отвѣчали разумно и съ присутствіемъ духа, заявляя, что они готовы сто разъ подвергнуться испытаніямъ, если это дастъ имъ хотя бы малую частицу мудрости,—такіе юноши торжественно объявлялись вступившими въ школу и принимали полныя энтузіазма поздравленія отъ остальнымъ сотоварищей.

Первая ступень.—Подготовленіе.—Жизнь пиѳагорейскаго послушника.

Только съ этого момента начиналось послушничество, называемое *подготовленіемъ* (paraskéié), которое длилось не менѣе двухъ лѣтъ и могло продлиться до пяти лѣтъ. Послушники или *слушающіе* (akoustikoï) должны были соблюдать во время уроковъ абсолютное молчаніе. Они не имѣли права ни возражать, ни распрашивать своихъ учителей. Они должны были принимать ихъ поученія съ молчаливымъ уваженіемъ и долго размышлять надъ ними въ одиночествѣ. Чтобы внѣдрить это правило въ сознаніе новаго *слушателя*, ему показывали статую женщины, окутанную бѣлымъ покрываломъ, съ пальцемъ, приложеннымъ къ губамъ, Музу молчанія.

Пиѳагоръ считалъ молодежь еще не готовой понимать происхожденіе и конецъ вещей. Онъ думалъ, что упражнять молодыхъ людей въ діалектикѣ и въ разсужденіи прежде, чѣмъ они не прочувствуютъ смыслъ истины, значило подготовлять софистовъ, исполненныхъ претензій. Онъ стремился прежде всего развить въ своихъ ученикахъ высшую способность человѣка: *интуицію*.

Но онъ не бралъ для этой цѣли предметомъ своихъ толкованій чего-либо труднаго и таинственнаго. Онъ исходилъ ихъ естественныхъ чувствъ, изъ основныхъ обязанностей человѣка при его вступленіи въ жизнь, и показывалъ соотношеніе послѣднихъ съ міровыми законами. Запечатлѣвая въ сердцахъ молодыхъ людей прежде всего любовь къ родителямъ, онъ расширялъ это чувство отождествленіемъ идеи отца съ идеей Бога, великаго Творца вселенной.

«Ничего нѣтъ почетнѣе званія отца, говорилъ онъ. «Гомеръ называлъ Юпитера королемъ Боговъ, но желая показать все его величіе, онъ называлъ его отцомъ Боговъ и людей». Пиѳагоръ сравнивалъ мать съ природой, великодушной и благодѣтельной; какъ небесная Цибелла производитъ свѣтила, какъ Деметра зарождаетъ плоды и цвѣты земли, такъ питаетъ мать своего ребенка всѣми радостями, доступными для него. Поэтому сынъ долженъ почитать въ своемъ отцѣ и въ своей матери земныхъ представителей этихъ великихъ божествъ.

Онъ доказывалъ, что любовь къ родинѣ происходитъ изъ любви, которую человѣкъ питалъ въ дѣтствѣ къ своей матери. Родители не даются намъ случайно, какъ думаетъ невѣдующій, но благодаря тому высшему порядку, связанному со всѣмъ предшествующимъ человѣка, который можно назвать его судьбою. Родителей нужно уважать какіе бы они ни были, а друзей своихъ нужно *выбирать*.

Вступающимъ въ пиѳагорейскую школу предлагали соединяться по двое, сообразно душевному сродству. Младшій долженъ былъ искать въ старшемъ тѣ качества, къ которымъ самъ онъ стремится, и оба товарища должны были возбуждать другъ друга къ лучшей жизни. «Другъ есть наше второе я. Его нужно почитать, какъ Бога» говорилъ Учитель.

Насколько по отношенію къ Учителю пиѳагорейскія правила требовали абсолютнаго подчиненія, настолько же въ дружескихъ отношеніяхъ они предоставляли полную свободу; болѣе того, Пиѳагоръ дѣлалъ изъ чувства дружбы стимулъ всѣхъ добродѣтелей, поэзію жизни, путь къ идеалу.

Такимъ путемъ будилась въ ученикахъ индивидуальная энергія, мораль оживотворялась и принимала характеръ поэзіи, съ любовью принятыя правила жизни переставали быть стѣсненіемъ и служили— наоборотъ—къ утвержденію индивидуальности. Пиѳагоръ добивался, чтобы послушаніе было добровольнымъ.

Кромѣ того, преподаваніе морали подготовляло къ воспринятію философіи, ибо связь, которая выяснилась между общественными обязанностями и гармоніей Космоса, вызывала предчувствіе всемірнаго закона аналогій и соотвѣтствій. Въ этой связи и заключается основа мистерій, оккультнаго ученія и всякой философіи. Умъ ученика привыкалъ видѣть печать невидимаго порядка на всей видимой дѣйствительности. Общія правила и краткія предписанія раскрывали перспективы этого высшаго міра. Утромъ и вечеромъ ученики пѣли подъ акомпаниментъ лиры *золотые стихи:*

> Воздай безсмертнымъ Богамъ благоговѣйное поклоненіе
> И сохрани затѣмъ твою вѣру...

Комментируя это правило, ученику разъясняли, что Боги, различные съ виду, были въ сущности одни и тѣ же у всѣхъ народовъ, потому что они соотвѣтствуютъ тѣмъ разумнымъ силамъ, которыя дѣйствуютъ во всей вселенной. Благодаря такому пониманію, мудрый могъ почитать Боговъ своей родины, имѣя въ то же время совершенно иное представленіе объ ихъ сущности, нежели человѣкъ невѣжественный.

Терпимость ко всѣмъ культамъ; единство всѣхъ народовъ въ человѣческой эволюціи, единство религій въ эзотерической наукѣ; всѣ эти новыя идеи начинали возникать въ умѣ вновь вступившаго ученика. А золотая лира продолжала свои глубокія поученія:

Почитай память благодѣтельныхъ героевъ,
Почитай безсмертный духъ полу-боговъ.

За этими стихами вступившій начиналъ различать — какъ бы сквозь покрывало—божественную Психею, душу человѣческую. Небесный путь загорался передъ его внутреннимъ взоромъ. Ибо въ культѣ героевъ и полубоговъ, посвященный созерцалъ ученіе о будущей жизни и тайну міровой эволюціи. Эта великая тайна раскрывалась передъ ученикомъ не сразу; его подготовляли къ ея воспріятію, говоря ему о цѣлой іерархіи превышающихъ человѣка существъ, называемыхъ героями и полубогами, которые и являются его руководителями и покровителями его жизни. Къ этому добавляли, что они служатъ посредниками между человѣкомъ и божествомъ, что черезъ нихъ, проявляя героическія качества, онъ можетъ достигнуть приближенія къ божеству.

«Но какимъ образомъ войти въ сношеніе съ этими невидимыми геніями? Откуда происходитъ душа? Куда уходитъ она? И зачѣмъ эта мрачная тайна смерти?» Вступающій не смѣлъ задавать этихъ вопросовъ, но ихъ можно было угадать по выраженію его лица; вмѣсто отвѣта, учитель указывалъ ему на борющихся на землѣ, на статуи въ храмѣ и на просвѣтленныя души въ небесахъ, этой «огненной крѣпости Боговъ», куда проникнулъ Геркулесъ.

Въ глубинѣ античныхъ мистерій всѣ Боги сводились къ единому верховному Богу. Это откровеніе, понятое до конца, становилось ключемъ Космоса. Идею эту сохраняли въ тайнѣ до посвѣщенія въ собственномъ смыслѣ этого слова. Вступившій не зналъ о ней ничего. Ему давали лишь предвидѣніе этой истины въ отраженіяхъ, перенесенныхъ на музыку и на числа. Ибо числа, поучалъ Учитель, заключаютъ въ себѣ тайну вещей, а всемірная гармонія есть совершенное выраженіе Бога. Семь священныхъ ладовъ, построенныхъ на семи нотахъ семиструнника, соотвѣтствуютъ семи цвѣтамъ свѣта, семи планетамъ и семи видамъ существованія, повторяющимся во всѣхъ сферахъ матеріальной и духовной жизни, начиная съ самой смиренной и кончая самой великой. Мелодіи этихъ ладовъ, введенныя въ душу ученика, должны были настраивать ее и дѣлать ее настолько гармоничной, чтобы она могла отвѣтно вибрировать на каждое дуновеніе истины.

Этому очищенію души соотвѣтствовало и очищеніе тѣла, которое достигалось правильной гигіеной и строгой дисциплиной нравовъ. Побѣждать свои страсти было первымъ долгомъ посвященнаго. Кто не привелъ свою собственную природу въ гармонію, тотъ не можетъ отражать и божественную гармонію.

Но въ идеалъ пиѳагорейской жизни не входилъ аскетизмъ, такъ какъ бракъ разсматривался у пиѳагорейцевъ какъ нѣчто священное. При этомъ отъ учениковъ требовалось цѣломудріе, для посвященныхъ же воздержаніе служило источникомъ силы и совершенства. «Уступать чувственности, значитъ соглашаться на униженіе передъ самимъ собою», говорилъ Учитель. Онъ прибавлялъ, что сладострастіе есть иллюзія, что его можно сравнить «съ пѣніемъ сиренъ, которыя, какъ только приблизишься къ нимъ, исчезаютъ, а на мѣстѣ, откуда раздавалось пѣніе, оказываются поломанныя кости и окровавленные куски тѣла на скалѣ, изъѣденной морскими волнами; тогда какъ истинная радость подобная концерту Музъ, который оставляетъ въ душѣ слѣды небесной гармоніи».

Пиѳагоръ довѣрялъ добродѣтели посвященной женщины, но относился съ большимъ недовѣріемъ къ женщинѣ обыкновенной. Одному ученику, который спрашивалъ Пиѳагора, когда же ему можно будетъ приблизиться къ женщинѣ, онъ отвѣчалъ: «когда тебя утомитъ твой покой».

Пиѳагорейскій день распредѣлялся слѣдующимъ образомъ: какъ только пламенный дискъ солнца выплывалъ изъ голубыхъ волнъ Іоническаго моря, золотя колонны храма Музъ, который возвышался надъ жилищемъ посвященныхъ, молодые пиѳагорейцы пѣли гимнъ Аполлону, исполняя въ то же время священный дорійскій танецъ, одновременно и мужественный и торжественный.

Послѣ обычныхъ омовеній совершалась прогулка по храму въ полномъ молчаніи. Каждое пробужденіе разсматривалось какъ воскресеніе въ новую жизнь. Начиная свой день, душа должна была сосредоточиться, чтобы въ цѣломудренной чистотѣ внимать послѣдующему уроку. Подъ сѣнью священной рощи ученики группировались вокругъ самого Учителя, или вокругъ его представителей, и урокъ происходилъ въ тѣнистой свѣжести деревьевъ или подъ портиками храма. Въ полдень произносилась молитва героямъ и доброжелательнымъ геніямъ. Эзотерическая традиція утверждаетъ, что добрые духи приближаются къ землѣ вмѣстѣ съ солнечными лучами, тогда какъ злые духи ищутъ темноты и появляются только съ наступленіемъ ночи. Умѣренный обѣдъ состоялъ обыкновенно изъ хлѣба, меда и оливъ.

Послѣобѣденное время посвящалось гимнастическимъ упражненіямъ, затѣмъ урокамъ, медитаціямъ и внутреннему подготовленію къ уроку слѣдующаго дня. Послѣ заката солнца происходила общая молитва, пѣли гимнъ космогоническимъ Богамъ, небесному Юпитеру, Минервѣ, Провидѣнію, Діанѣ, покровительницѣ мертвыхъ. Въ это время ладанъ или иные ѳиміамы сжигались на алтарѣ подъ открытымъ небомъ, и звуки гимна, соединяясь съ волнами ароматовъ, тихо поднимались въ потемнѣвшемъ воздухѣ, когда первыя звѣзды зажигались въ глубокой лазури неба. День заканчивился вечерней трапезой, послѣ чего самый молодой изъ учениковъ читалъ вслухъ, а самый старшій пояснялъ прочитанное.

Такъ протекали дни пиѳагорейцевъ, чистые и ясные, какъ утреннее небо безъ облаковъ. Годъ вычислялся по большимъ астрономическимъ праздникамъ. Такъ, возвратъ Аполлона гиперборейскаго и празднованіе мистерій Цереры соединялъ всѣхъ, и вновь вступившихъ учениковъ, и посвященныхъ всѣхъ степеней, какъ мужчинъ такъ и женщинъ.

На этихъ празднествахъ молодыя дѣвушки играли на лирахъ, замужнія женщины въ пеплумахъ пурпуроваго и шафраннаго цвѣта исполняли чередующіеся хоры, сопровождаемые пѣснями съ гармоническими переходами строфъ и антистрофъ, которые впослѣдствіи переняла трагедія

Во время этихъ торжественныхъ празднествъ, на которыхъ, казалось, божественное отражалось и въ граціи движеній, и въ проникающей мелодіи хоровъ, молодой ученикъ проникался предчувствіемъ оккультныхъ силъ, могучихъ законовъ оживотворенной природы, глубокихъ тайнъ прозрачнаго неба.

Брачныя церемоніи и погребальные обряды носили болѣе интимный, но не менѣе торжественный характеръ.

Иногда устраивалась оригинальная церемонія, вѣроятно для того, чтобы поразить воображеніе учениковъ: когда кто-либо изъ нихъ покидалъ добровольно школу и возвращался къ прежней жизни, или когда ученикъ выдавалъ тайну эзотерическаго ученія, что случилось одинъ лишь разъ, посвященные воздвигали ему гробницу въ оградѣ святилища, какъ бы для умершаго. Совершая эту церемонію, Учитель говорилъ: «онъ болѣе мертвъ чѣмъ мертвецы, ибо онъ возвратился къ дурной жизни; его тѣло двигается среди людей, но душа его умерла; будемъ оплакивать его». И эта гробница, воздвигнутая живому человѣку, преслѣдовала его подобно неотвязной тѣни, подобно зловѣщему предзнаменованію.

Вторая ступень—очищенiе *). Числа. Теогонiя.

Счастливый день, «золотой день», какъ говорили древнiе, былъ тотъ, когда Пиѳагоръ принималъ новаго ученика въ своемъ жилищѣ и торжественно присоединялъ его къ рядамъ своихъ учениковъ. Послѣдствiемъ этого были непосредственныя сношенiя съ Учителемъ; принятый ученикъ проникалъ во внутреннiй дворъ, куда допускались лишь одни вѣрные послѣдователи. Отсюда названiе *эзотерическiе* (тѣ, которые внутри), противопалагавшiеся *экзотерическимъ* (тѣ, которые внѣ). Съ этого и начиналось настоящее посвященiе.

Откровенiе состояло въ полномъ, обоснованномъ изложенiи оккультнаго ученiя, начиная съ первоосновъ, заключенныхъ въ таинственной наукѣ чиселъ, до послѣднихъ результатовъ мiровой эволюцiи, до высшаго назначенiя божественной Психеи, души человѣческой. Эта наука чиселъ была извѣстна подъ различными именами въ храмахъ Египта и Азiи, и такъ какъ она давала ключъ ко всей тайной доктринѣ, ее тщательно скрывали отъ непосвященнаго.

Цифры, буквы, геометрическiя фигуры и другiя начертанiя, служившiя знаками этой алгебры оккультизма, были понятны одному лишь посвященному. Этотъ послѣднiй раскрывалъ ихъ смыслъ новому адепту лишь послѣ того, какъ получалъ отъ него клятву молчанiя.

Пиѳагоръ формулировалъ священную науку въ книгѣ, написанной его рукой и носившей названiе: *Hiéros Logos*, священное слово. Эта книга не дошла до насъ, но позднѣйшее произведенiе пиѳагорейцевъ Филолая, Архита и Гiероклеса, а также дiалоги Платона и трактаты Аристотеля, Порфирiя и Iамблиха, знакомятъ насъ съ ея принципами. И если принципы эти оставались до сихъ поръ непонятными для современныхъ философовъ, это произошло оттого, что смыслъ и значенiе ихъ можно понять лишь путемъ сравненiя всѣхъ эзотерическихъ доктринъ Востока.

Пиѳагоръ называлъ своихъ учениковъ «математиками» потому, что его обученiе начиналось съ ученiя о числахъ. Но эта священная математика или наука принциповъ была иная, чѣмъ та, которой владѣютъ наши ученые и философы: она была одновременно и болѣе трансцендентна и болѣе жизненна, и разсматривала *Число* не какъ абстрактное количество, но какъ существенное и дѣятельное качество

*) *Katharsis* по гречески.

верховной *Единицы*, Бога, источника міровой гармоніи. Наука чиселъ была наукой живыхъ силъ, *божественныхъ качествъ* въ дѣйствіи, какъ въ мірахъ, такъ и въ человѣкѣ, какъ въ макрокосмѣ, такъ и въ микрокосмѣ. Слѣдовательно, проникая въ свойство чиселъ, схватывая и объясняя ихъ разнообразныя сочетанія, Пиѳагоръ создавалъ въ сущности цѣлую теогонію или обоснованную на разумѣ теологію.

Истинная теологія должна бы заключать основы всѣхъ наукъ. И она можетъ возвыситься до науки о Богѣ лишь тогда, когда ясно покажетъ единство и взаимную связь всѣхъ остальныхъ наукъ, лишь тогда, когда станетъ синтезомъ, объединяющихъ ихъ въ одно цѣлое.

Такую именно роль играла въ древнихъ, египетскихъ храмахъ наука *Священнаго Глагола*, и ее-то Пиѳагоръ и формулировалъ болѣе точнымъ образомъ подъ именемъ Науки Чиселъ. Она имѣла притязаніе обладать ключемъ жизни и сути бытія. Адептъ, направляемый Учителемъ, начиналъ съ созерцанія ея началъ въ своемъ собственномъ разумѣ, прежде чѣмъ примѣнять эти начала къ концентрической необъятности развивающихся міровъ.

Современный поэтъ предчувствовалъ эту истину, когда заставлялъ Фауста спускаться къ *Матерямъ* для того, чтобы возвратить жизнь призраку Елены. Фаустъ хватаетъ магическій ключъ, земля разверзается подъ его ногами, онъ почти теряетъ сознаніе, онъ погружается въ пустоту пространства. Наконецъ онъ достигаетъ Матерей, которыя бодрствуютъ надъ первозданными формами великаго Цѣлаго. Эти Матери ничто иное, какъ числа Пиѳагора, божественныя силы міра.

Поэтъ передаетъ намъ содроганіе своей собственной мысли передъ этимъ вверженіемъ въ бездну Неисповѣдимаго. Для древняго посвященнаго, у котораго духовное зрѣніе пробуждалось постепенно какъ новое чувство воспріятія, это внутреннее откровеніе являлось скорѣе вознесеніемъ въ центръ пламенѣющаго солнца Истины, откуда онъ созерцалъ всѣ существа и формы, брошенныя въ водоворотъ жизни божественной эманаціей.

Конечно, посвященный не сразу приходилъ къ внутреннему обладанію истиной, къ тому могучему сосредоточенью всѣхъ силъ, которое даетъ постиженіе міровой жизни. Для достиженія столь трудной гармоніи между разумомъ и волей требовались годы упражненій. Прежде чѣмъ овладѣть творческимъ словомъ, необходимо научиться складывать священный глаголъ, буквы за буквой, слогъ за слогомъ.

Пиѳагоръ имѣлъ обыкновеніе давать свои наставленія въ храмѣ Музъ. Сенаторы Кротона построили его по плану и по личнымъ

указаніямъ Пиѳагора рядомъ съ его собственнымъ жилищемъ, среди деревьевъ окружающаго сада. Только ученики второй степени проникали туда вмѣстѣ съ Учителемъ.

Внутри этого круглаго храма виднѣлись девять мраморныхъ Музъ; по серединѣ стояла Гестія, закутанная въ покрывало, торжественная и таинственная. Лѣвой рукой она защищала пламя очага, правой рукой указывала на небо.

У Грековъ, точно такъ же какъ и у Римлянъ, Гестія или Веста была хранительницей божественнаго начала, которое скрыто во всѣхъ вещахъ. Представительница божественнаго огня имѣла свой алтарь въ храмѣ Дельфовъ, въ Пританеи Аѳинъ и при каждомъ домашнемъ очагѣ.

Въ святилищѣ Пиѳагора она олицетворяла собою божественную науку или Теософію. Окружавшія ее эзотерическія Музы носили— кромѣ обычныхъ своихъ миѳологическихъ именъ—еще имена тѣхъ оккультныхъ наукъ и священныхъ искусствъ, которыя находились подъ непосредственной охраной каждой изъ нихъ.

Уранія наблюдала за астраноміей и астрологіей; *Полимнія* владѣла наукой потусторонней жизни души и искусствомъ прорицанія; *Мельпомена* съ своей трагической маской представляла науку жизни и смерти, трансформацій и перевоплощеній. Эти три верховныя Музы, вмѣстѣ взятыя, олицетворяли собой всю космогонію или небесную физику, *Калліопа*, *Кліо* и *Эвтерпа* являлись представительницами человѣческой или психологической науки съ соотвѣтствующими ей искусствами: медициной, магіей и моралью.

Послѣдняя группа—*Терпсихора*, *Эрата* и *Талія* завѣдывали земной физикой, наукой элементовъ, камней, растеній и животныхъ.

Такимъ образомъ сразу передъ ученикомъ появлялись сразу всѣ линіи наукъ, начертанныя на организмѣ вселенной, и выраженныя въ лицѣ Музъ, освѣщенныхъ божественнымъ пламенемъ.

Вступивъ съ своими учениками въ это тихое святилище, Пиѳагоръ раскрывалъ книгу Глагола и начиналъ свое эзотерическое обученіе.

«Эти Музы, говорилъ онъ, не болѣе какъ земной образъ божественныхъ силъ, духовную красоту которыхъ вы будете созерцать внутри себя. Какъ онѣ устремляютъ свои взоры на огонь Весты, изъ котораго всѣ онѣ произошли и который даетъ имъ движеніе, ритмъ и мелодію, также должны и вы погружаться въ центральный Огонь вселенной, въ божественный Разумъ, чтобы вмѣстѣ съ Нимъ изливаться во всѣ Его видимыя проявленія».

Затѣмъ Пиѳагоръ увлекалъ своихъ учениковъ изъ міра формъ и видимостей, уничтожалъ время и пространство и съ могучей силой уносилъ ихъ съ собой въ *великую Монаду*, въ самую суть несотвореннаго Бытія. Пиѳагоръ называлъ ее Единицей, заключающей въ себѣ всю полноту гармоніи, которая есть мужское начало всепроникающаго Огня, самодвижущійся Разумъ, нераздѣльный и непроявленный, творящій преходящіе міры, Единый, Вѣчный, Неизмѣнный, скрытый подъ многообразіемъ формъ, которыя приходятъ, уходятъ и измѣняются.

«Суть вещей ускользаетъ отъ человѣка, «говоритъ пиѳагореецъ Филолай». Онъ познаетъ лишь явленія этого міра, въ которомъ конечное сочетается съ безконечнымъ. Какъ же можетъ онъ узнать ихъ? Только поскольку существуетъ между нимъ и остальнымъ міромъ гармонія, единеніе, общее начало; а это общее начало даетъ вещамъ Единый, который вмѣстѣ съ Своей Сутью придаетъ имъ мѣру и смыслъ. Онъ есть мѣра, опредѣляющая отношеніе между объектомъ и субъектомъ, тотъ смыслъ вещей, посредствомъ котораго душа участвуетъ въ Разумѣ Единаго». *)

Но какъ приблизиться къ Нему, Непознаваемому? Видѣлъ ли кто либо руководителя временъ, душу солнцъ, источникъ разумовъ? Нѣтъ; лишь сливаясь съ Нимъ, можно проникнуть въ Его сущность.

Онъ подобенъ невидимому огню, дѣйствующему изъ центра вселенной, подвижное пламя котораго протекаетъ по всѣмъ мірамъ, приводя во вращеніе окружность.

Пиѳагоръ прибавлялъ къ этому, что дѣло посвященія состоитъ въ приближеніи къ великому Существу, въ уподобленіи Ему, въ возможномъ усовершенствованіи, въ господствованіи надъ всѣми вещами посредствомъ разума, въ достиженіи той же *активности*, какой отличается тотъ невидимый огонь.

«Ваше собственное существо, ваша душа, не представляетъ ли изъ себя микрокосмъ, малую вселенную? Она полна бурь и несогласій. И задача въ томъ, чтобы осуществить въ ней *единство гармоніи*.

---

*) Въ трансцендентной математикѣ доказывается алгебраически, что нуль, помноженный на безконечное, равняется Единицѣ. Въ порядкѣ абсолютныхъ идей нуль обозначаетъ безконечное Бытіе. Вѣчный, на языкѣ храмовъ, обозначался кругомъ или змѣей, кусающей свой хвостъ; символъ этотъ обозначалъ Безконечное, движущееся по собственному импульсу. Но съ того момента, когда Безконечное опредѣляетъ Себя, Оно производитъ всѣ числа, которыя и заключаетъ въ Свое великое единство и управляетъ ими въ совершенной гармоніи. Таковъ трансцендентный смыслъ первой проблемы пиѳагорейской теогоніи, причина, почему великая Монада заключаетъ въ себѣ всѣ малыя и почему всѣ числа исходятъ изъ великаго единства, приведеннаго въ движеніе.

И лишь тогда Богъ проникнетъ въ ваше сознаніе и лишь тогда вы раздѣлите Его власть и создадите изъ вашей воли жертвенникъ очага, алтарь Весты и тронъ Юпитера!»

Богъ, Нераздѣлимая Сущность, имѣетъ своимъ *числомъ* Единицу, которая содержитъ въ себѣ Безконечность, *именемъ*—имя Отца, Создателя, или Вѣчно-Мужеское, *знакомъ*—живой огонь, символъ Духа, въ которомъ сущность всего. Вотъ первое изъ всѣхъ началъ.

Но божественныя способности подобны мистическому Лотосу, появляющемуся передъ египетскимъ посвященнымъ, распростертымъ въ своей гробницѣ, изъ темноты ночной. Въ началѣ это—лишь блестящая точка, затѣмъ она раскрывается подобно цвѣтку, и пламенная сердцевина распускается подобно свѣтящейся розѣ о тысячѣ лепестковъ.

Пиѳагоръ говорилъ, что великая Монада дѣйствуетъ посредствомъ творческой Діады. Съ момента проявленія Богъ *двойственъ*: нераздѣлимая сущность и раздѣлимая субстанція; начало мужеское, активное, животворящее, и начало женское, пассивное, или пластическая живая матерія. Діада представляетъ такимъ образомъ сліяніе Вѣчно-Мужескаго и Вѣчно-Женственнаго въ Богѣ, два основныя божественныя свойства. Орфей поэтически выразилъ эту мысль въ стихѣ:

«*Юпитеръ одновременно и Супругъ и божественная Супруга*».

Всѣ системы политеизма владѣли интуитивно этой идеей, изображая Божество то въ мужскомъ образѣ, то въ женскомъ.

И эта Природа, вѣчная, одушевленная, эта великая Супруга Бога—не только та земная природа, которую мы видимъ, но и невидимая небесная природа, недоступная нашему плотскому зрѣнію, Міровая Душа, первозданный Свѣтъ, поочередно—Майя, Изида или Цибелла, которая, вибрируя подъ божественнымъ воздѣйствіемъ, содержитъ въ себѣ сущность всѣхъ душъ, идеальные типы всѣхъ существъ.

Она же и Деметра, земля, проникнутая жизнью, со всѣми заключенными въ ней тѣлами, въ которыя воплощаются всѣ эти души. Она же и Женщина, подруга Мужчины.

Въ человѣчествѣ—женщина представляетъ собою природу, и совершеннымъ подобіемъ Бога является не человѣкъ, но мужчина *и* женщина. Отсюда — ихъ непреодолимое, могучее и роковое влеченіе другъ къ другу; отсюда и упоеніе любви, въ которомъ проносится мечта безконечнаго творчества и темное предчувствіе, что Вѣчно-Мужественное и Вѣчно-Женственное достигнутъ совершеннаго сліянія лишь въ нѣдрахъ Бога.

«Отдадимъ же честь женщинѣ на землѣ и на небесахъ», говорилъ Пиѳагоръ вмѣстѣ со всѣми древними посвященными, «она даетъ

намъ пониманіе Великой Женщины—Природы. Да будетъ она ея освѣщеннымъ образомъ и да поможетъ она намъ постепенно подняться до великой Души, которая зарождаетъ, сохраняетъ и обновляетъ; до божественной Цибеллы, которая въ своей свѣтотканной мантіи влачитъ за собою безчисленные сонмы душъ».

Монада изображаетъ сущность Бога. Діада—его производительное свойство. Послѣднее вызываетъ къ жизни вселенную, это—видимое раскрываніе Бога въ пространствѣ и во времени.

Проявленный міръ — тройственъ, ибо какъ человѣкъ состоитъ изъ трехъ различныхъ элементовъ, сплавленныхъ вмѣстѣ, изъ тѣла, души и духа, такъ же и вселенная дѣлится на три концентрическія сферы: міръ естественный, міръ человѣческій и міръ божественный. Такимъ образомъ, Тріада или *законъ троичности* есть образующій законъ вещей и истинный ключъ жизни. Ибо, онъ снова и снова встрѣчается на всѣхъ ступеняхъ лѣстницы жизни, начиная съ органической клѣтки, онъ проходитъ черезъ физическій строй животнаго тѣла, черезъ всю дѣятельность кровеносныхъ сосудовъ и спинно-мозговой системы, до сверхъ-физической организаціи человѣка, вселенной и самого Бога включительно.

Ключъ этотъ раскрываетъ, какъ бы по волшебству, передъ изумленнымъ разумомъ внутреннее строеніе вселенной; онъ же указываетъ и на безконечныя соотношенія между макрокосмомъ и микрокосмомъ. Законъ этотъ дѣйствуетъ подобно свѣту, который, проходя черезъ предметы, дѣлаетъ ихъ прозрачными и заставляетъ всѣ міры, и малые и великіе, свѣтиться подобно волшебнымъ фонарямъ.

Попробуемъ выяснить этотъ законъ путемъ аналогіи между человѣкомъ и вселенной.

Пиѳагоръ признавалъ, что человѣческій духъ въ своей безсмертной, невидимой и абсолютно-дѣятельной природѣ, происходитъ отъ Бога. Ибо духъ есть то, что двигается само по себѣ. Пиѳагоръ называлъ тѣло—его смертной, дѣлимой и пассивной частью. Онъ полагалъ, что то, что мы называемъ душой, тѣсно связано съ духомъ, но состоитъ изъ третьяго посредствующаго элемента, который происходитъ отъ *космическаго флюида;* поэтому душа подобна эфирному тѣлу, которое духъ ткётъ и образуетъ для себя самъ. Безъ этого эфирнаго тѣла матеріальное тѣло не могло бы развивать живыхъ силъ и было бы инертной массой безъ жизни. *)

*) Сходное ученіе даетъ Апостолъ Павелъ, который говоритъ о тѣлѣ *духовномъ*.

Душа обладаетъ формой, сходной съ тѣломъ, которое она оживляетъ, переживая его послѣ смерти и распаденія. Она становится тогда—по выраженію Пиѳагора и Платона—*легкой колесницей,* которая *увлекаетъ духъ въ божественныя сферы*, или же низвергаетъего въ мрачныя области матеріи, смотря по ея свойствамъ, хорошимъ или дурнымъ.

Организація и эволюція человѣка повторяются на всѣхъ ступеняхъ жизни и во всѣхъ сферахъ бытія. Подобно тому, какъ человѣческая Психея бьется между духомъ, который ее привлекаетъ, и тѣломъ, которое ее задерживаетъ, такъ и все человѣчество развивается между міромъ естественнымъ и животнымъ, въ которомъ оно погружено своими земными корнями, и божественнымъ міромъ чистыхъ духовъ, гдѣ скрывается истинный источникъ, къ которому оно и стремится подняться.

И то, что происходитъ въ человѣкѣ, повторяется и на всѣхъ планетахъ и во всѣхъ солнечныхъ системахъ, лишь въ различныхъ соотношеніяхъ и въ постоянно возобновляющихся различныхъ видахъ

Растяните кругъ до безконечности, и постарайтесь охватить въ единомъ понятіи всѣ безграничные міры. Что найдете вы въ нихъ? Творческую мысль, астральный флюидъ и міры въ процессѣ эволюціи: духъ, душу и тѣло Бога. Приподнимая покровъ за покровомъ и измѣряя свойства самого Бога, мы увидимъ въ Немъ Діаду, и Тріаду, которыя облекаются въ неисповѣдимыя глубины Монады, подобно звѣздамъ, возникающимъ въ безднахъ безконечности.

Уже по этому краткому изложенію можно судить, какое первенствующее значеніе придавалъ Паѳагоръ закону троичности. Можно сказать, что законъ этотъ представляетъ краеугольный камень всей эзотерической науки. Всѣ великіе создатели религій знали этотъ законъ, всѣ теософы предчувствовали его. Оракулъ Зороастра говоритъ:

Число три царствуетъ повсюду во вселенной,
Монада же есть начало его.

Великая заслуга Пиѳагора состояла въ томъ, что онъ формулировалъ этотъ законъ съ ясностью грескаго генія. Онъ сдѣлалъ изъ него центръ теогоніи и основу всѣхъ наукъ.

Уже прикрытая покровомъ въ экзотерическихъ писаніяхъ Платона и совершенно непонятая позднѣйшими философами, идея эта была постигнута въ новѣйшія времена лишь немногими посвященными въ оккультныя науки *).

---

*) Изъ числа этихъ оккультистовъ на первомъ мѣстѣ стоитъ Фабръ д'Оливе (*Золотые стихи Пиѳагора*). Это живое пониманіе силъ вселенной не имѣетъ ничего общаго съ умозрѣніями чистыхъ метафизиковъ, какъ напримѣръ: *теза, антитеза и синтезъ* Гегеля, которыя представляютъ собою чистѣйшую игру ума.

Изъ всего сказаннаго ясно, какую широкую и прочную основу давалъ законъ всеобщей троичности, какъ для классификаціи наукъ, такъ и для построенія космогоніи и психологіи.

Подобно тому, какъ міровая троичность сосредоточивается въ единствѣ Бога, такъ и человѣческая троичность сосредоточивается въ самосознаніи и волѣ, въ которыхъ всѣ способности тѣла, души и духа сливаются въ одномъ живомъ единствѣ.

Человѣческая и божественная троичность, заключенная въ Монадѣ, образуетъ *священную Тетраду*.

Но человѣкъ осуществляетъ свое единство лишь условнымъ образомъ. Ибо его воля, вліяющая на все его существо, не можетъ дѣйствовать одновременно и совершенно во всѣхъ его трехъ проводникахъ, т. е. въ инстинктѣ, въ душѣ и въ интеллектѣ.

Вселенная и самъ Богъ представляются ему поочередно и послѣдовательно отраженными въ этихъ трехъ зеркалахъ. Во 1-хъ, видимый черезъ инстинктъ и черезъ калейдоскопъ чувствъ Богъ многообразенъ и безконеченъ, какъ его проявленія; отсюда — политеизмъ, въ которомъ число боговъ неограничено. Во 2-хъ, отраженный въ разумной душѣ, Богъ — двойственъ, т. е. состоитъ изъ духа и матеріи; отсюда—дуализмъ Зороастра, Манихеевъ и нѣкоторыхъ другихъ религій. Въ 3-хъ, отраженный въ чистомъ Разумѣ, Богъ—тройственъ, т. е. является духомъ душой и тѣломъ во всѣхъ проявленіяхъ вселенной; отсюда культы Троицы въ Индіи (Брама Вишну, Шива) и Св. Троицы въ христіанствѣ (Отецъ, Сынъ и Святой Духъ).

И наконецъ, познанный волею, въ которой сливается все, Богъ является Единымъ и отсюда исходитъ герметическій монотеизмъ Моисея во всей своей строгости. Здѣсь нѣтъ уже олицетворенія, нѣтъ воплощенія. Здѣсь мы выходимъ изъ предѣловъ видимой вселенной и вступаемъ въ царство Абсолютнаго. Предвѣчный царствуетъ одинъ надъ міромъ, обращеннымъ въ прахъ.

Различіе религій происходитъ отъ того, что человѣкъ постигаетъ Бога лишь черезъ призму своего собственнаго существа, условнаго и конечнаго, тогда какъ Богъ неустанно осуществляетъ единство трехъ міровъ въ общей гармоніи вселенной.

Это уже само по себѣ указываетъ на магическое значеніе *Тетраграммы* въ порядкѣ идей. Въ ней заключены не только основы наукъ, законъ существъ и способъ ихъ эволюціи, но и источникъ различныхъ религій и ихъ верховнаго единства. Въ ней скрывался дѣйствительно всеобщій ключъ. Отсюда — энтузіазмъ, съ которымъ Лизисъ говоритъ о ней въ *Золотыхъ стихахъ* и въ этомъ же мо-

жно видѣть причину, почему пиѳагорейцы клялись этимъ великимъ символомъ:

Клянусь тѣмъ, который запечатлѣлъ въ нашихъ сердцахъ
Священную Тетраду, величавый и чистый символъ,
Источникъ Природы и образецъ Боговъ.

Пиѳагоръ шелъ еще дальше въ своемъ ученіи чиселъ. Въ каждомъ изъ нихъ онъ опредѣлялъ тотъ или другой принципъ, тотъ или другой законъ, ту или другую активную силу вселенной. Онъ говорилъ, что главныя основы содержатся въ четырехъ первыхъ числахъ, ибо складывая или помножая ихъ между собой, можно найти и всѣ остальныя числа.

Точно также и безконечное разнообразіе существъ, образующихъ вселенную, происходитъ изъ сочетанія трехъ первичныхъ силъ: матеріи, души и духа, подъ творческимъ импульсомъ божественнаго единства, которое ихъ смѣшиваетъ и дифференцируетъ, сосредоточиваетъ и даетъ силу имъ.

Вмѣстѣ съ другими учителями эзотерической науки, Пиѳагоръ придавалъ большую важность числамъ *семь* и *десять*. Состоя изъ трехъ и четырехъ, семь означаетъ соединеніе человѣка съ божествомъ: это—число адептовъ, великихъ посвященныхъ и такъ какъ оно выражаетъ полное осуществленіе всего, проходящаго черезъ семь ступеней,—оно является изображеніемъ закона эволюціи. Число десять, образуемое изъ сложенія первыхъ четырехъ чиселъ и заключающее въ себѣ число семь, есть совершенное число, ибо оно выражаетъ собою всѣ начала Божества, сперва развивавшіяся, а затѣмъ—слившіяся въ новомъ единствѣ.

Заканчивая преподаваніе своей теогоніи, Пиѳагоръ показывалъ своимъ ученикамъ девять Музъ, олицетворяющихъ науки, сгруппированныя по три вмѣстѣ, — Музъ, соотвѣтствующихъ тройной троичности, проявленной въ девяти мірахъ и образующихъ вмѣстѣ съ Вестой, хранительницей первичнаго Огня, *священную Декаду*.

Третья ступень: Совершенство *).—Космогонія и Психологія.—Эволюція души.

Ученикъ получилъ отъ Учителя всѣ основы священной науки. Благодаря этому первому посвященію, съ него какъ бы спала густая чешуя, которая закрывала его духовное зрѣніе. Разрывая сверкающій

*) По гречески *Jéléiôtès*.

покровъ миѳологіи, посвященіе отрывало его отъ міра видимаго, чтобы бросить его въ безграничныя пространства и погрузить въ свѣтовыя волны высшаго Разума, откуда Истина излучается на всѣ три міра.

Но наука чиселъ была лишь вступленіемъ, предварительной подготовкой къ великому посвященію. Вооруженный этими знаніями, онъ долженъ былъ спуститься съ высоты Абсолютнаго въ глубины природы, чтобы схватить божественную идею въ процессѣ образованія вещей и эволюцію человѣческой души на протяженіи всѣхъ міровъ.

Эзотерическія космогонія и психологія прикасались къ величайшимъ проблемамъ жизни, къ опаснымъ и ревниво охраняемымъ тайнамъ оккультныхъ наукъ и искусствъ. Поэтому Пиѳагоръ и предпочиталъ излагать свое ученіе въ ночной тишинѣ, на уединенныхъ террасахъ храма Цареры, подъ легкій ропотъ Іоническихъ волнъ и при таинственномъ мерцаніи звѣзднаго купола, или же въ склепахъ святилища, гдѣ египетскія лампады распространяли ровный и тихій свѣтъ. Посвященныя женщины присутствовали при этихъ ночныхъ собраніяхъ.

Отъ времени до времени пришлые изъ Дельфъ или изъ Элевзиса жрецы и жрицы подтверждали ученіе Учителя разсказами о своихъ личныхъ переживаніяхъ.

Матеріальная и духовная эволюція міра—два противоположныя и въ то же время параллельныя и соотвѣтствующія движенія на лѣстницѣ бытія. Одна объясняетъ другую, а взятыя вмѣстѣ, онѣ объясняютъ міръ. Матеріальная эволюція выражаетъ собой проявленіе Бога въ матеріи посредствомъ воздѣйствующей на нее Міровой Души. Духовная эволюція представляетъ собой ростъ сознанія въ индивидуальныхъ монадахъ и усилія ихъ возсоединиться черезъ циклъ жизней съ Божественнымъ Духомъ, изъ котораго онѣ изошли.

Смотрѣть на міръ съ точки зрѣнія физической или духовной, не значитъ разсматривать различные объекты; это значитъ смотрѣть на міръ съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Съ земной точки зрѣнія, разумное объясненіе міра должно начинаться съ матеріальной эволюціи, потому что міръ представляется намъ именно съ *этой* стороны; но, показывая намъ творчество міроваго Духа въ матеріи и дальнѣйшее развитіе монадъ, объясненіе это приводитъ насъ незамѣтно къ духовной точкѣ зрѣнія и заставляетъ насъ отъ *внѣшней* формы перейти *внутрь* вещей, съ поверхности углубиться въ самую суть. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣлъ Пиѳагоръ, который видѣлъ во вселенной живую Сущность, воодушевленную великой Душой и великимъ Разумомъ. Вотъ почему вторая часть его ученія начиналась съ космогоніи.

Если держаться тѣхъ дѣленій неба, которыя мы находимъ въ эзотерическихъ отрывкахъ Пиѳагорейцевъ, то окажется, что ихъ астрономія схожа съ птоломеевской, по которой земля неподвижна, а солце съ планетами и со всѣмъ небомъ вращаются вокругъ нея.

Но самый принципъ этой астрономіи указываетъ намъ, что она чисто символическая. Въ центрѣ вселенной Пиѳагоръ ставитъ огонь (относительно котораго солнце—лишь отраженіе). Въ эзотеризмѣ-же всего Востока Огонь есть символъ Духа, божественнаго, вселенскаго Сознанія.

Такимъ образомъ то, что наши философы обыкновенно принимаютъ за физику Пиѳагора и Платона, ничто иное, какъ образное описаніе ихъ тайной философіи, ясной для посвященныхъ, но непроницаемой для непосвященныхъ, тѣмъ болѣе, что ее выдавали за простую физику. Слѣдовательно, въ ней мы должны искать нѣчто вродѣ космографіи жизни души, не болѣе того.

Подлунная сфера означаетъ ту сферу, въ которой проявляется земное притяженіе, и называется она *«кругомъ рожденія»*. Этимъ посвященные хотѣли сказать, что земля для насъ—область тѣлесной жизни. Въ ней происходятъ всѣ процессы, сопровождающіе воплощеніе и развоплощеніе душъ.

Сфера шести планетъ и солнца соотвѣтствуетъ восходящимъ категоріямъ духовъ. Олимпъ, понимаемый какъ вращающаяся сфера, именуется *небомъ неподвижныхъ звѣздъ,* потому что онъ символизируетъ сферу совершенныхъ душъ. Такимъ образомъ эта младенческая астрономія скрываетъ за собой духовное воззрѣніе на вселенную.

Но все заставляетъ насъ думать, что древніе посвященные, и въ особенности Пиѳагоръ, имѣли гораздо болѣе правильное представленіе о физическомъ мірѣ. Аристотель положительно утверждаетъ, что Пиѳагорейцы знали о движеніи земли вокругъ солнца. Коперникъ разсказываетъ, что идея о вращеніи земли вокругъ своей оси пришла ему въ голову при чтеніи Цицерона, у котораго сказано, что какой-то Гицетій изъ Сиракузъ говорилъ о суточномъ движеніи земли.

Своимъ ученикамъ третьей степени Пиѳагоръ объяснялъ двойное движеніе земли. Не обладая точными измѣреніями современной науки, онъ—тѣмъ не менѣе—зналъ, какъ и жрецы Мемфиса, что исшедшія изъ солнца планеты вращаются вокругъ него, и что звѣзды—тѣ же солнечныя системы, управляемыя такими же законами, какъ и наша система, и что каждая изъ нихъ имѣетъ свое опредѣленное мѣсто въ великой вселенной.

Онъ зналъ также, что каждый солнечный міръ образуетъ маленькую вселенную, которая имѣетъ свое соотвѣтствіе въ мірѣ духовномъ и обладаетъ своимъ собственнымъ небомъ. Планеты были какъ-бы ступенями ведущей къ нему лѣстницы. Но эти идеи, способныя перевернуть всю народную миѳологію, показались бы толпѣ кощунственными, и поэтому онѣ никогда не высказывались публично. Ихъ передавали не иначе, какъ подъ строжайшей тайной *).

Видимая вселенная, говорилъ Пиѳагоръ, небо со всѣми его звѣздами, есть ничто иное, какъ преходящая форма Міровой Души, великой Майи, которая сосредоточиваетъ матерію, разбросанную въ безконечномъ пространствѣ, а затѣмъ растворяетъ ее и разбрасываетъ въ видѣ невѣсомаго космическаго флюида. Каждый солнечный вихрь обладаетъ частицей этой Міровой Души, которая въ теченіе милліона вѣковъ развивается въ его лонѣ съ особой, свойственной *этому* вихрю энергіей и мѣрой.

Что же касается силъ, царствъ, породъ и живыхъ душъ, которыя долженствуютъ явиться на свѣтилахъ этой малой вселенной,— они приходятъ отъ Бога, они спускаются отъ Отца; т. е. они исходятъ изъ высшаго духовнаго порядка и изъ предшествовавшей матеріальной эволюціи, иными словами—изъ потухшей солнечной системы.

Изъ этихъ духовныхъ силъ, однѣ абсолютно безсмертны и онѣ руководятъ образованіемъ новаго міра; другія же ожидаютъ его рожденія въ состояніи космическаго сна, чтобы, сообразно своему роду и въ соотвѣтствіи съ вѣчнымъ закономъ, снова вступить въ ряды видимыхъ существъ.

Между тѣмъ, солнечная душа и ея центральный огонь, непосредственно движимый великой Монадой, работаетъ надъ расплавленной

---

*) Нѣкоторыя страиныя опредѣлеиія, дошедшія до насъ въ видѣ метафоръ. которыя и принадлежали тайному ученію Пиѳагора, позволяютъ предполагать, если ихъ понимать въ ихъ оккультномъ значеніи, какое величавое представлеіе о Космосѣ имѣлъ Пиѳагоръ. Говоря о созвѣздіяхъ, оиъ называлъ малую и большую медвѣдицу: «*руки Реи-Цибеллы*». Эзотерически Реа-Цибелла означаетъ астральный вращающійся свѣтъ, Божествеиную Супругу вселеискаго Огня или Духа Творца, который, сосредоточиваясь въ солиечиыхъ системахъ, притягиваетъ нематеріальную суть существъ, схватываетъ ихъ и втягиваетъ въ водоворотъ жизней. Оиъ также иазывалъ плаиеты: «*собаки Прозерпины*». Это странное выражеіе имѣетъ опредѣлениый эзотерическій смыслъ. Прозерпина, богиня душъ, руководила ихъ воплощеніями въ матерію. Слѣдовательно, Пиѳагоръ называлъ планеты «собаками Прозерпины» потому, что онѣ удерживаютъ и охраняютъ воплощенныя души, какъ миѳологическій Церберъ охраняетъ души въ аду.

матеріей. Планеты — дочери Солнца. Каждая изъ нихъ, созданная присущими матеріи силами притяженія и вращенія, одарена полусознательной душой, исшедшей изъ солнечной души, и имѣетъ свой особый характеръ, свою спеціальную роль въ эволюціи. Такъ какъ каждая планета есть особое выраженіе Божественной Мысли, и каждая исполняетъ особую функцію въ планетарной цѣпи, то древніе отождествили имена планетъ съ именами великихъ боговъ, которые представляютъ собой божественныя качества, дѣйствующія во вселенной.

Четыре элемента, изъ которыхъ образовались свѣтила и всѣ существа, обозначаютъ четыре постепенныя состоянія матеріи. Первый изъ нихъ, какъ самый плотный и самый грубый, является самымъ несовершеннымъ проводникомъ духа; послѣдній, самый тонкій элементъ въ то же время наиболѣе родственной духу, является наиболѣе совершеннымъ проводникомъ.

Земля представляетъ состояніе плотное; *вода*—жидкое; *воздухъ*—газообразное; *огонь*—невѣсомое состояніе. Пятый элементъ, *эфиръ*—представляетъ собой состояніе матеріи столь тонкое и подвижное, что оно уже лишено атомистичности и обладаетъ свойствомъ всепроникающимъ. Это и есть первичный космическій флюидъ или астральный свѣтъ.

Затѣмъ Пиѳагоръ бесѣдовалъ съ своими учениками о космическихъ измѣненіяхъ земли по египетскому и азіатскому преданію. Онъ зналъ, что расплавленная земля была первоначально окружена газообразной атмосферой, которая, постепенно охлаждаясь, превратилась въ жидкость и образовала моря. По своему обыкновенію, онъ синтезировалъ свою мысль въ аллегоріи, выражаясь, что моря были образованы изъ *слезъ Сатурна* (космическое время).

Но вотъ появляются царства природы и невидимые зародыши, витающіе въ эѳирной *аурѣ* земли, вихрями носятся они въ ея воздушномъ покровѣ, а затѣмъ привлекаются въ глубокое лоно морей и на первые выступившие изъ водъ континенты. Еще смѣшанные, растительный и животный міры являются почти одновременно.

Эзотерическая доктрина допускаетъ трансформацію зоологическихъ видовъ не только вслѣдствіе второстепеннаго закона *подбора*, но и вслѣдствіе основного закона *проникновенія* въ землю сверхфизическихъ силъ и воздѣйствія разумныхъ началъ и невидимыхъ силъ на всѣ живыя существа. Если на земномъ шарѣ появляется новый видъ, это означаетъ, что болѣе высокаго типа души воплощаются въ данную эпоху въ потомковъ прежняго вида для того, чтобы поднять его на высшую ступень, формуя и преобразуя его по своему образу.

Съ точки зрѣнія земной эволюціи, человѣкъ есть послѣдній отпрыскъ и вѣнецъ всѣхъ предыдущихъ видовъ. Но эта идея объясняетъ его появленіе на сценѣ жизни не болѣе, чѣмъ она объяснила бы появленіе первой водоросли или перваго ракообразнаго въ глубинѣ морей. Все это постепенное творчество требуетъ—какъ и каждое рожденіе—проникновенія въ землю невидимыхъ силъ, творящихъ жизнь. Созданію человѣка должно предшествовать царство духовнаго человѣчества, которое руководитъ развитіемъ земнаго человѣчества и посылаетъ ему все новые потоки душъ, которыя воплощаются въ его нѣдрахъ и озаряютъ первыми лучами божественнаго свѣта это безпомощное, требующее воздѣйствія и все же отважное существо, которое, едва освободившись отъ мрака животности, принуждено бороться со всѣми силами природы для поддержанія своего существованія.

Получивъ свои знанія въ храмахъ Египта, Пиѳагоръ имѣлъ точныя представленія о большихъ переворотахъ на земномъ шарѣ. Индусская и египетская доктрина знала о существованіи древняго континента, на которомъ возникла красная раса и расцвѣла могучая цивилизація, названная греками Атлантидой.

Эзотерическая доктрина приписывала поперемѣнное погруженіе и появленіе континентовъ колебанію земныхъ полюсовъ и признавала, что человѣчество должно было пережить шесть такихъ потоповъ. Каждый циклъ между двумя потопами несетъ съ собой преобладаніе одной изъ великихъ человѣческихъ расъ. Посреди временныхъ и частичныхъ затемнѣній цивилизаціи и человѣческихъ способностей, общее непрерывное восхожденіе вверхъ не прекращается никогда.

Такъ образовалось человѣчество и началась эволюція расъ среди различныхъ земныхъ катаклизмовъ. Но въ чемъ же состоитъ вѣчная, мучительная загадка этого міра, который мы, рождаясь, принимаемъ за незыблемую основу вселенной, тогда какъ онъ самъ несется, увлеченный въ пространство? Въ чемъ загадка этихъ появляющихся со дна морей и снова исчезающихъ континентовъ, этихъ смѣняющихся народовъ и разрушающихся цивилизацій?

Это—великая внутренняя тайна каждаго и всѣхъ, это—проблема души, которая открываетъ въ себѣ двѣ бездны—и мрака, и свѣта, которая созерцаетъ себя поочередно то съ восторгомъ, то съ ужасомъ, и говоритъ себѣ: «Я не отъ міра сего, ибо міръ не въ силахъ меня объяснить. Я пришелъ не отъ земли и я иду въ иное мѣсто. Но куда? Это—тайна Психеи, заключающая въ себѣ всѣ остальныя тайны».

Космогонія видимаго міра, говорилъ Пиѳагоръ, привела насъ къ исторіи земли, а послѣдняя къ тайнѣ человѣческой души. Этой тайной мы соприкасаемся съ святая-святыхъ, съ тайной тайнъ. Разъ ея сознаніе пробудилось, душа становится для самой себя самымъ удивительнымъ изъ всѣхъ зрѣлищъ. Но самое сознаніе, это—не болѣе, какъ освѣщенная поверхность ея существа, въ глубинѣ котораго таятся темныя, и неизмѣримыя бездны. Въ непознанныхъ своихъ глубинахъ божественная Психея созерцаетъ очарованнымъ взоромъ всѣ жизни и всѣ міры: прошедшее, настоящее и будущее, которыя сливаются въ Вѣчности.

«Познай самаго себя и ты познаешь вселенную». Такова тайна мудрыхъ посвященныхъ. Но, чтобы проникнуть черезъ эту узкую дверь въ необъятность невидимой вселенной, необходимо пробудить въ себѣ непосредственное вѣдѣніе очистившейся души и вооружиться свѣтильникомъ Разума, наукой началъ и священныхъ чиселъ.

Такъ переходилъ Пиѳагоръ отъ физической космогоніи къ космогоніи духовной.

Послѣ эволюціи земли онъ разъяснялъ эволюцію души на протяженіи міровъ. Внѣ посвященія эта доктрина извѣстна какъ *переселеніе душъ* (трансмиграція). Ни одна часть оккультной доктрины не была такъ измѣнена, какъ эта, благодаря чему древняя и современная литература знаютъ ее только въ нелѣпыхъ искаженіяхъ. Самъ Платонъ, болѣе всѣхъ философовъ способствовавшій ея популяризаціи, давалъ или изъ осторожности, или вслѣдствіе обѣта молчанія, только фантастическіе и странные обрывки этого ученія.

Немногіе подозрѣваютъ въ наше время, что ученіе эта могло имѣть для посвященныхъ цѣнность научной истины, что оно открывало передъ ними безконечныя перспективы и давало душѣ небесное утѣшеніе. Ученіе о восходящей жизни души черезъ послѣдовательный рядъ земныхъ существованій принадлежитъ всѣмъ эзотерическимъ преданіямъ и представляетъ собой вѣнецъ теософіи. Прибавлю, что и для насъ оно имѣетъ первенствующее значеніе. Ибо современный человѣкъ съ одинаковымъ презрѣніемъ отбрасываетъ и отвлеченное туманное безсмертіе философіи и младенческое небо ортодоксальной религіи. А между тѣмъ, сухость и пустота матеріализма приводятъ его въ ужасъ. Невольно стремится онъ къ сознанію *органическаго безсмертія*, которое отвѣчало бы и на запросы его разума, и на вѣчную потребность его души,

Не трудно понять, *почему* посвященные древнихъ религій, зная эти истины, держали ихъ втайнѣ. Онѣ недоступны для неразвитыхъ

умовъ и могутъ вызвать лишь смятеніе. Онѣ тѣсно связаны съ глубокими тайными духовнаго зарожденія, съ проблемой пола и тѣлеснаго рожденія, отъ котораго зависятъ судьбы будущаго человѣчества.

Въ виду всего этого можно понять, съ какимъ трепетомъ ожидался этотъ важный часъ эзотерическаго откровенія. Подъ вліяніемъ силы Пиѳагоровой рѣчи, какъ подъ непреодолимымъ дѣйствіемъ чаръ, тяжелая матерія какъ бы теряла свой вѣсъ, земныя вещи дѣлались прозрачными, а небесныя становились видимыми для духа. Золотыя и лазурныя сферы, озаренныя самой сущностью свѣта, расширялись до безконечности.

Въ этотъ часъ ученики, мужчины и женщины, окружавшіе Учителя въ подземной части храма Цареры, называвшейся гротомъ Прозерпины, слушали съ глубокимъ волненіемъ *небесную повѣсть Психеи.*

Что такое душа человѣческая? Частица великой Міровой Души, искра божественнаго Духа, безсмертная Монада. Но если ея возможное будущее открывается въ бездонномъ сіяніи божественнаго сознанія, ея таинственное рожденіе относится къ началамъ организованной матеріи. Чтобы достигнуть своего настоящаго состоянія, она должна была пройти черезъ всѣ царства природы, подняться по всѣмъ ступенямъ лѣстницы существованія, постепенно развиваясь путемъ безчисленныхъ существованій.

Духъ, работающій надъ мірами и сгущающій космическую матерію въ громадныя массы, проявляется съ различной силой и все увеличивающейся энергіей въ различныхъ послѣдовательныхъ царствахъ природы. Слѣпая и смутная въ минералѣ, индивидуализованная въ растеніи, поляризованная въ чуствительности и въ инстинктѣ животныхъ, сила эта, на протяженіи всего медленнаго процесса стремится къ *сознательной* Монадѣ; что же касается элементарной монады, то она является уже въ самомъ низшемъ животнымъ.

Итакъ, душевный и духовный элементъ существуетъ во всѣхъ царствахъ, хотя въ низшихъ царствахъ онъ является въ состояніи непробужденномъ. Души, существующія въ состояніи зародышей въ низшихъ царствахъ, пребываютъ тамъ въ теченіе необъятныхъ періодовъ, и переходятъ въ высшее царство лишь послѣ большихъ космическихъ перемѣнъ и уже на другой планетѣ. Въ теченіе жизни одной и той же планеты онѣ могутъ подняться выше лишь на нѣсколько видовъ.

Гдѣ начинается монада? Это такъ же трудно рѣшить, какъ опредѣлить часъ образованія туманности, или моментъ, въ который солнце впервые начало свѣтить. Какъ бы то ни было, то, что составляетъ сущность каждаго человѣка, должно было развиваться въ теченіе

милліоновъ лѣтъ на протяженіи планетной цѣпи, проходя черезъ всѣ низшія царства и сохраняя во всѣхъ этихъ существованіяхъ индивидуальное начало. Эта еще неясная, но неразрушимая индивидуальность является божественной печатью монады, въ которой Богъ хочетъ проявиться черезъ сознаніе.

Чѣмъ выше поднимаются ряды организмовъ, тѣмъ болѣе развиваетъ монада дремлющія въ ней начала. Поляризованная сила дѣлается чувствительной, чувствительность становится инстинктомъ, а инстинктъ—разумомъ. И по мѣрѣ того, какъ зажигается колеблющійся факелъ сознанія, душа дѣлается все болѣе независимой отъ тѣла, все болѣе способной вести свободное существованіе.

Флюидическая и неполяризованная душа минераловъ и растеній связана съ элементами земли. Покинувъ трупъ, душа животныхъ, сильно привлекаемая земнымъ огнемъ, пребываетъ нѣкоторое время въ немъ, а затѣмъ возвращается на поверхность земного шара, чтобы снова воплотиться въ свой видъ, не покидая никогда низшихъ слоевъ космоса.*) Эти слои населены элементалями или животными душами, которыя участвуютъ въ жизни атмосферы и оказываютъ большое оккультное вліяніе на человѣка.

Только одна человѣческая душа приходитъ изъ высшихъ міровъ и послѣ смерти возвращается туда же. Но въ какую эпоху своего длиннаго космическаго существованія элементарная душа стала человѣческой? Черезъ какое пламенное горнило, черезъ какой эфирный огонь прошла она для этого? Преображеніе было возможно въ междупланетарный періодъ только при помощи уже совершенно сформированныхъ человѣческихъ душъ, которыя развивали въ элементарной душѣ ея духовное начало и наложили свой божественный прообразъ, подобно огненной печати, на ея пластическое вещество **).

---

*) Эзотерическая доктрина древняго востока даетъ ученіе о *групповой душѣ* каждаго вида животныхъ; собравъ опытъ, умирающее животное направляетъ свое индивидуальное сознаніе въ общую групповую душу и тѣмъ обогащаетъ ее; если опытъ животнаго начинаетъ сильно разниться отъ опыта всего вида, что бываетъ благодаря воздѣйствію человѣка на животное (напр. искусственно пріобрѣтенные инстинкты охотничьихъ собакъ, или состязающихся на нпподромѣ лошадей), тогда въ групповой душѣ вида происходнтъ раздѣленіе и образуется новый видъ. Прим. перев.

**) По тѣмъ же эзотерическимъ ученіямъ животное-человѣкъ, тѣло котораго развивалось постепенно по закону эволюціи, достигло въ серединѣ 3-ей, Лемурійской, расы такой законченности, при которой оно могло уже служить проводникомъ для *индивидуальнаго* сознанія, и тогда совершилось соединеніе человѣка съ его божественной Монадой. Прим. перев.

Но сколько предстоитъ еще странствованій, воплощеній, сколько надо пройти цикловъ для того, чтобы душа сдѣлалась тѣмъ человѣкомъ, какимъ мы знаемъ его!

По эзотерическимъ преданіямъ Индіи и Египта, индивиды, составляющіе нынѣшнее человѣчество, начали свое человѣческое существованіе на другихъ планетахъ, гдѣ матерія гораздо менѣе плотная, чѣмъ на нашей. Тѣло человѣка было въ то время почти прозрачное, а воплощенія его были легкія. Его способности духовнаго воспріятія были повидимому очень сильныя и энергичныя въ этотъ первый человѣческій фазисъ; зато разумъ и интеллектъ были въ зачаточномъ состояніи. Въ этомъ полутѣлесномъ и полудуховномъ состояніи человѣкъ видѣлъ духовъ; все сіяло въ его глазахъ красотой и очарованіемъ, все было музыкой для его слуха. Онъ слышалъ гармонію сферъ. Онъ не думалъ и не размышлялъ, онъ едва умѣлъ хотѣть. Онъ отдавался жизни, вбирая въ себя звуки, формы и свѣтъ, витая подобно сновидѣнію отъ жизни къ смерти и отъ смерти къ жизни. Такое состояніе Орфики называли *небомъ Сатурна.* По ученію Гермеса человѣкъ матеріализовался, воплощаясь на планетахъ все болѣе и болѣе плотныхъ.

Воплощаясь въ болѣе плотной матеріи, человѣчество утеряло свое духовное сознаніе, но усиливающейся борьбой съ внѣшнимъ міромъ оно сильно развило свой разумъ, свой интеллектъ, свою волю. Земля есть послѣдняя ступень этого спусканія въ матерію, которое Моисей называетъ «изгнаніемъ изъ рая», а Орфей «паденіемъ въ подлунный кругъ».

Отсюда человѣкъ, путемъ многихъ новыхъ воплощеній, можетъ медленно подняться и свободнымъ проявленіемъ ума и воли снова обрѣсти свои духовныя чувства. Только тогда, говорятъ ученики Гермеса и Орфея, человѣкъ обрѣтаетъ собственной *дѣятельностью* сознаніе божественнаго; лишь тогда онъ становится *Сыномъ Божіимъ.* И тѣ, которые назывались на землѣ этимъ именемъ, должны были,— раньше чѣмъ появиться среди насъ—спуститься и снова подняться по этой трудной спирали.

Что же представляла изъ себя при своемъ рожденіи Психея? Преходящее дуновеніе, витающій зародышъ, гонимая вѣтромъ птица, скитающаяся отъ жизни къ жизни. И все же, переходя отъ крушенія къ крушенію, черезъ милліоны лѣтъ, она стала чадомъ Божіимъ и не признаетъ иной родины, кромѣ неба! Вотъ почему греческая поэзія полная такого глубокаго и свѣтлаго символизма, сравнивала душу съ крылатымъ насѣкомымъ, которое то ползетъ по землѣ червякомъ, то возносится къ небу бабочкой. Сколько разъ она была гусеницей

и сколько разъ—бабочкой? Она этого никогда не узнаетъ, но она чувствуетъ, что у нея есть крылья!

Таково прошлое человѣческой души. Оно объясняетъ намъ его настоящее состояніе и позволяетъ провидить его будущее.

Каково же мѣсто, которое божественная Психея занимаетъ въ земной жизни? Если вдуматься, то нельзя вообразить себѣ болѣе трагической судьбы. Съ тѣхъ поръ, какъ она страдальчески пробудилась въ тяжелой атмосферѣ земли, она стала плѣнницей плоти, она сдавлена въ изгибахъ ея. Она живетъ, дышитъ и думаетъ только черезъ нее; а между тѣмъ сама она не отъ плоти.

По мѣрѣ того, какъ она развивается, она чувствуетъ, какъ въ ней загорается мерцающій свѣтъ, нѣчто невидимое и нематеріальное, что̀ она называетъ *своимъ* духомъ, *своимъ* сознаніемъ.

Да, у человѣка есть врожденное чувство своей тройственной природы, ибо даже въ рѣчи своей онъ инстиктивно различаетъ свое тѣло отъ души, и душу отъ духа.

Но плѣненная и терзаемая душа бьется между своими двумя спутниками, изъ которыхъ одинъ—змѣй, сжимающій ее въ безчисленныхъ кольцахъ, а другой—невидимый геній, призывающій ее, присутствіе котораго она ощущаетъ лишь по трепету его крыльевъ и по молніеноснымъ зарницамъ, вспыхивающимъ въ ея глубинѣ.

То отдается она плоти и живетъ одними *ея* ощущеніями и страстями, переходя отъ кровавыхъ оргій гнѣва къ тяжелому угару сладострастія, пока ее самою *не ужаснетъ глубокое безмолвіе невидимаго спутника.* То, привлеченная къ нему, она теряется въ такой высотѣ мысли, что забываетъ о существованіи тѣла до того момента, когда оно властнымъ призывомъ напомнитъ о себѣ. И все же внутренній голосъ говоритъ ей, что между нею и невидимымъ спутникомъ связь—ненарушима, тогда какъ связь ея съ тѣломъ временна и кончается со смертью.

Но, разрываясь между ними, душа, въ своей вѣчной борьбѣ тщетно ищетъ счастья и истины, тщетно ищетъ она *себя* въ своихъ преходящихъ ощущеніяхъ, въ своихъ смѣняющихся мысляхъ, въ томъ мірѣ, который мѣняется, какъ миражъ. Не находя ничего постояннаго гонимая, какъ вѣтромъ оторванный листъ, мятежная душа сомнѣвается въ себѣ самой и въ божественномъ мірѣ, который раскрывается для нея только въ минуты неодолимаго влеченія къ нему и въ минуты скорби.

И знанія раскрываются для нея тщетно, потому что, какъ бы обширны они ни были, рожденіе и смерть заключаютъ человѣка между

двумя роковыми границами. Это—двѣ двери, ведущія во мракъ, за которымъ онъ не видитъ ничего. Пламя его жизни загорается при вступленіи въ одну изъ нихъ и потухаетъ при выходѣ его черезъ другую. Не то же ли самое и съ душой? А если нѣтъ, то какова-же ея истинная судьба?

Отвѣтъ, даваемый философами на этотъ мучительный вопросъ, весьма различенъ. Лишь отвѣтъ посвященныхъ теософовъ всѣхъ временъ одинъ и тотъ же по существу. Онъ согласуется съ интимнымъ чувствомъ каждой души и съ сокровеннымъ духомъ религіи.

Но религіи выражали истину лишь подъ покровомъ символовъ, которые въ темномъ сознаніи толпы переходили въ суевѣрія, тогда какъ эзотерическая доктрина, открывая гораздо болѣе обширныя перспективы, согласуется съ законами міровой эволюціи.

Вотъ что говорятъ человѣку посвященные, знакомые съ эзотерическимъ преданіемъ, просвѣтленные глубокимъ опытомъ души: то, что волнуется въ тебѣ, что ты называешь своей душой, есть *эфирный двойникъ* тѣла, который заключаетъ въ себѣ безсмертный духъ. Духъ строитъ и ткетъ для себя силою своей собственной дѣятельности свое духовное тѣло. Пиѳагоръ называетъ это тѣло «*тонкой колесницей души*», потому что послѣ смерти ему суждено удалить духъ отъ праха земного. *Это духовное тѣло есть органъ духа*, его чувствительная оболочка, его волевое орудіе, черезъ которое тѣло оживотворяется и безъ котораго оно было бы безжизненно. Этотъ *двойникъ* дѣлается видимымъ при появленіи умирающихъ или умершихъ. Тонкость, могущество, совершенство духовнаго тѣла разнятся, смотря по качеству заключающагося въ немъ духа; а между субстанціей душъ, сотканныхъ изъ астральныхъ лучей, но проникнутыхъ невѣсомыми флюидами земли и неба, существуетъ бо̀льшее различіе, чѣмъ между всѣми земными тѣлами изъ вѣсовой матеріи.

Хотя это тѣло гораздо тоньше и совершеннѣе земного тѣла, оно не безсмертно, какъ заключенная въ немъ монада. Оно измѣняется и очищается соотвѣтственно той средѣ, черезъ которую проходитъ.

Духъ формуетъ и неустанно преобразуетъ его по образу своему, а затѣмъ, постепенно освобождаясь оть него, облекается въ еще болѣе эфирные покровы.

Вотъ чему училъ Пиѳагоръ, не признававшій *отвлеченной* духовной сущности, безформенной монады. Дѣятельный духъ на небесахъ и на землѣ долженъ имѣть органъ; этотъ органъ есть живая душа, животная или божественная, темная или лучезарная, но облеченная въ человѣческій образъ, который есть подобіе Божіе.

Что происходитъ во время смерти? При приближенiи агонiи, душа обыкновенно предчувствуетъ свою скорую разлуку съ тѣломъ. Она обозрѣваетъ всю свою земную жизнь въ сжатыхъ, быстро смѣняющихся и страшно яркихъ картинахъ. Когда весь свитокъ изжитой жизни развернулся такимъ образомъ, душа теряетъ сознанiе.

Если это святая и чистая душа, то ея духовныя чувства уже пробудились. Передъ смертью у нея такъ или иначе, хотя бы проникновенiемъ въ свою собственную глубину, уже появилось сознанiе иного мiра. Подъ влiянiемъ безмолвныхъ призывовъ и занимающагося невидимаго свѣта, земля уже потеряла свою власть надъ душой, и когда она наконецъ покидаетъ холодный трупъ, восхищенная своимъ освобожденiемъ, она чувствуетъ, какъ ее несетъ волна великаго сiянiя къ братьямъ по духу, къ которымъ она принадлежитъ.

Но не такъ переживаетъ смерть обыкновенный человѣкъ, жизнь котораго дѣлилась между матерiальными инстинктами и высшими стремленiями. Онъ пробуждается въ полусознательномъ состоянiи, какъ подъ гнетомъ кошмара. У него нѣтъ болѣе ни рукъ, чтобы хватать, ни голоса, чтобы крикнуть, но онъ помнитъ, онъ страдаетъ, онъ живетъ въ области мрака и невѣдѣнiя. Единственное, что онъ тамъ видитъ, это свой трупъ, съ которымъ онъ болѣе не связанъ, но къ которому его тянетъ непреодолимое влеченiе. Ибо онъ жилъ съ его помощью, а теперь—что же онъ такое? Онъ со страхомъ ищетъ себя въ своемъ мозгу, въ остановившейся крови своихъ жилъ и не находитъ себя. Умеръ онъ, или онъ живъ? Онъ хотѣлъ бы видѣть, схватиться за что-нибудь, но онъ ничего не видитъ и не за что ему схватиться. Мракъ окружаетъ его; вокругъ него и въ немъ—одинъ хаосъ. Онъ видитъ только одну вещь, и эта вещь и влечетъ его, и заставляетъ содрагаться... Это—зловѣщее мерцанiе его собственныхъ останковъ, и—кошмаръ возобновляется снова.

Такое состоянiе можетъ длиться мѣсяцы и годы. Длительность его зависитъ отъ силы матерiальныхъ инстинктовъ души. Но какова бы ни была эта душа, добрая или худая, темная или свѣтлая, она постепенно приходитъ къ самосознанiю и осваивается съ своимъ новымъ состоянiемъ. Освобожденная отъ тѣла, она бросается въ воздушныя бездны земли, и электрическiе потоки подхватываютъ ее и начинаютъ носить туда и сюда, и тогда она становится способной различать многообразныхъ скитальцевъ, болѣе или менѣе похожихъ на нее, выплывающихъ передъ ней какъ бы изъ густого тумана.

Тогда начинается ожесточенная борьба еще угнетенной души, чтобы пробиться въ высшiя области, освободиться отъ земной тяги и

достигнуть той сферы, которая принадлежитъ ей по праву и къ которой ее могутъ направить только добрые руководители. Но иногда требуется много времени, чтобы душа увидѣла и услышала ихъ.

Этотъ фазисъ жизни души носилъ различныя именованія въ религіяхъ и въ миѳологіяхъ. Моисей называлъ его Хоривъ; Орфей—Эребъ; христіанство—чистилищемъ или *долиной смерти*. Греческіе посвященные отождествляли его съ тѣневымъ конусомъ, который земля влачитъ всегда за собой и который достигаетъ до самой луны: поэтому они называли его «бездной Гекаты». По ученію Орфиковъ и Пиѳагорейцевъ, въ этомъ темномъ колодцѣ кружатся души, дѣлая отчаянныя усилія, чтобы достигнуть луннаго круга, но бурные порывы вѣтра отбрасываютъ ихъ и во множествѣ кидаютъ ихъ снова на землю. Гомеръ и Виргилій сравнивали ихъ съ несущимися листьями, съ роями обезумѣвшихъ отъ бури птицъ.

Луна играла большую роль въ древнемъ эзотеризмѣ. Считилось, что передъ продолженіемъ своего небеснаго восхожденія, души очищали свое астральное тѣло на той части луны, которая была повернута къ небу. На противоположной сторонѣ пребывали извѣстное время герои и геніи, чтобы облечься въ тѣло передъ новымъ воплощеніемъ. Лунѣ приписывалась сила какъ бы намагничивать душу для земного воплощенія и размагничивать ее для неба. Вообще эти утвержденія, которыя для посвященныхъ имѣли одновременно и реальное и символическое значеніе,—означали, что душа должна пройти черезъ переходное состояніе очищенія и освободиться отъ земной нечистоты прежде, чѣмъ продолжать свой путь.

Но какъ описать возвращеніе чистой души въ ея собственный міръ? Земля исчезла какъ сновидѣнье. Новый сонъ, очаровательное забытье охватываетъ ее какъ ласка. Она не видитъ ничего, кромѣ своего окрыленнаго Руководителя, который уноситъ ее съ быстротой молніи въ глубины пространства. Какъ описать ея пробужденіе въ долинахъ эѳирнаго свѣта, безъ земной атмосферы, гдѣ все: горы, цвѣты, растительность, все изящно, разумно и все звучитъ? И что сказать объ этихъ лучезарныхъ образахъ мужчинъ и женщинъ, которые окружаютъ ее подобно священной процессіи, чтобы посвятить ее въ святую мистерію ея новой жизни? Что это: боги или богини? Нѣтъ, это такія же души, какъ и она сама; и чудо въ томъ, что всѣ ихъ сокровенныя мысли отпечатываются на ихъ лицѣ, нѣжность, любовь, мудрость просвѣчиваютъ сквозь ихъ прозрачныя тѣла цѣлой гаммой сіяющихъ красокъ.

Здѣсь тѣла и лица болѣе не маски души, но сама душа является въ своемъ истинномъ видѣ, сверкая чистотой своей правды. Психея

снова обрѣла свою божественную родину. Ибо сокровенный свѣтъ, въ которомъ она купается, который исходитъ изъ нея самой и возвращается къ ней въ улыбкѣ возлюбленныхъ, этотъ свѣтъ блаженства... это—Міровая Душа и здѣсь чувствуется присутствіе Бога!

Нѣтъ болѣе преградъ; она будетъ любить, знать и жить безъ иныхъ границъ, кромѣ границъ собственной воли. И, странно, она чувствуетъ себя соединенной со всѣми своими спутницами глубокимъ сходствомъ. Ибо въ потусторонней жизни, только тѣ, кто понимаютъ другъ друга, собираются вмѣстѣ. Съ ними она будетъ праздновать божественныя мистеріи въ храмахъ болѣе прекрасныхъ, въ общеніи болѣе совершенномъ. Это будутъ все новыя живыя поэмы, въ которыхъ каждая душа будетъ новой строфой и каждая снова переживетъ всю свою жизнь въ жизни другихъ.

Затѣмъ, трепещущая, она устремится къ исходящему сверху свѣту на призывъ Посланниковъ, окрыленныхъ Геніевъ, которыхъ зовутъ Богами потому, что они освободились отъ круга рожденій. Ведомая этими высшими существами, она силится прочесть великую поэму сокровеннаго Глагола и понять доступную для нея часть симфоніи вселенной. Она восприметъ іерархическія ступени божественной Любви; она попытается увидѣть то, что разсѣевается животворящими Геніями въ міровомъ пространствѣ; она узритъ славныхъ Духовъ—живые лучи Бога Боговъ—и она не выдержитъ ихъ ослѣпительнаго великолѣпія, которое заставляетъ блѣднѣть самое солнце... И когда она, устрашенная этимъ сверкающимъ полетомъ, вернется назадъ, она уже издали услышитъ призывъ любимыхъ голосовъ, и снова упадетъ на золотистые берега своего свѣтила, подъ ласкающій покровъ убаюкивающаго сна.

Такова небесная жизнь души, жизнь, которую съ трудомъ представляетъ себѣ наше огрубѣвшее на землѣ сознаніе, но которую угадываютъ посвященные и переживаютъ ясновидящіе, и въ дѣйствительности которой убѣждаетъ законъ міровыхъ аналогій.

Наши грубые образы и нашъ несовершенный языкъ тщетно пытаются передать ее, но каждая живая душа чувствуетъ зародышъ этой высшей жизни въ своихъ сокровенныхъ глубинахъ. Если въ нашемъ настоящемъ состояніи мы не въ силахъ понять ее, оккультная философія даетъ возможность формулировать психическія условія этой жизни.

Въ древнихъ эзотерическихъ преданіяхъ часто встрѣчается представленіе объ эфирныхъ свѣтилахъ, невидимыхъ для насъ, но составляющихъ часть нашей солнечной системы и ставшихъ мѣстопребываніемъ блаженныхъ душъ. Пиѳагоръ называетъ ихъ *антиподой* земли,

освященной центральнымъ Огнемъ, т. е. божественнымъ свѣтомъ. Въ концѣ своего *Федона* Платонъ описываетъ подробно, хотя и не прямо, эту духовную землю. Онъ говоритъ, что она легка, какъ воздухъ, и окружена эѳирной атмосферой.

Такимъ образомъ, въ потусторонней жизни душа сохраняетъ всю свою индивидуальность. Отъ своего земного существованія она сохраняетъ только благородные слѣды, а остальное роняетъ въ пучину забвенія, которую поэты назвали волнами Леты. Освобожденная отъ нечистоты человѣческая душа чувствуетъ свое сознаніе какъ бы вывернутымъ на изнанку. Изъ внѣшняго покрова вселенной она вошла внутрь: Цибелла-Майя, Міровая Душа, снова заключила ее въ свое лоно.

Здѣсь Психея осуществитъ свою мечту, которая на землѣ ежечасно разбивается и снова возобновляется. Она осуществитъ ее въ мѣрѣ своихъ земныхъ усилій и уже обрѣтеннаго свѣта, и при этомъ безконечно расширитъ ее. Разбитыя надежды расцвѣтутъ въ сіяніи ея божественной жизни; тусклые на землѣ солнечные закаты загорятся въ ослѣпительные дни.

Да, если человѣкъ пережилъ всего лишь одинъ часъ энтузіазма или самоотреченія, эта единая чистая нота, вырванная изъ дисонансовъ его земной жизни, будетъ снова и снова повторяться въ его загробной жизни въ чудныхъ измѣненіяхъ, въ дивныхъ сочетаніяхъ. Мимолетныя радости, доставляемыя намъ музыкой, экстазы любви или восторги милосердія суть лишь отдѣльныя ноты той симфоніи, которую мы услышимъ тамъ; значитъ ли это, что та жизнь будетъ лишь длиннымъ сновидѣніемъ, прекрасной галлюцинаціей? Но что же можетъ быть реальнѣе того, что душа чувствуетъ въ себѣ и понимаетъ въ своемъ божественномъ общеніи съ другими душами?

Посвященные, которыхъ можно назвать послѣдовательными идеалистами, считали всегда, что единственно реальныя и постоянныя вещи на землѣ суть откровенія духовной Красоты, Любви и Истины. И такъ какъ въ загробной жизни не можетъ быть ничего иного, кромѣ Истины, Любви и Красоты для тѣхъ, кто къ нимъ стремился при жизни, то они убѣждены, что небо будетъ гораздо реальнѣе земли.

Небесная жизнь души можетъ длиться сотни и тысячи лѣтъ, смотря по степени ея развитія и по ея силѣ. Но только самыя совершенныя, самыя высокія души, только тѣ, что переступили кругъ рожденій, могутъ продлить ее до безконечности. Эти души достигли не только временнаго отдохновенія, но и безсмертнаго дѣйствія въ истинѣ; онѣ создали себѣ крылья. Онѣ неприкосновенны и онѣ управляютъ мірами, ибо видятъ ихъ скрытую сущность. Что же касается другихъ

душъ, то не умолимый законъ заставляетъ ихъ снова воплощаться, чтобы пройти черезъ новыя испытанія и подняться на болѣе высокую ступень если побѣда будетъ за ними, или пасть, если онѣ будутъ побѣждены.

Какъ земная жизнь, такъ и духовная, имѣетъ свое начало, свой расцвѣтъ и свой періодъ упадка. Когда она вполнѣ изжита, душа бываетъ охвачена тяжелымъ томленіемъ и грустью. Непобѣдимая сила привлекаетъ ее снова къ земной борьбѣ и къ земнымъ страданіямъ. Это желаніе смѣшивается съ страшной тревогой и съ глубокой печалью, связанной съ необходимостью оставить божественную жизнь. Но время настало, законъ долженъ совершиться. Тяжесть увеличивается, свѣтъ погасаетъ въ душѣ. Своихъ свѣтлыхъ товарищей она начинаетъ видѣть сквозь покрывало, и этотъ все болѣе сгущающійся покровъ наполняетъ ее предчувствіемъ неминуемой разлуки. Она слышитъ ихъ печальный прощальный привѣтъ; слезы блаженныхъ орошаютъ ее на подобіе небесной росы, которая сохранится въ ея сердцѣ какъ пламенная жажда невѣдомаго счастья. И тогда она даетъ себѣ торжественный обѣтъ *запомнить* этотъ свѣтъ въ мірѣ мрака, эту истину въ мірѣ лжи, эту любовь въ мірѣ ненависти. И лишь *этой* цѣной обрѣтетъ она свиданіе и вѣнецъ безсмертія!

Затѣмъ она просыпается въ тяжелой атмосферѣ. Эѳирное свѣтило, прозрачныя души, океаны свѣта, все исчезло. Вотъ она снова на землѣ, въ безднѣ рожденія и смерти. Но все же она еще не утеряла небеснаго воспоминанія и ея крылатый Руководитель указываетъ ей на ту женщину, которая будетъ ея матерью, которая уже понесла въ себѣ зародышъ дитяти. Но этотъ зародышъ будетъ жить лишь въ томъ случаѣ, если духъ оживотворитъ его. И тогда совершается самая непроницаемая тайна земной жизни — тайна воплощенія и материнства.

Таинственное сліяніе происходитъ медленно, постепенно, органъ за органомъ, фибра за фиброй. По мѣрѣ того, какъ душа погружается въ эти горячія нѣдра, по мѣрѣ того, какъ она чувствуетъ себя захваченной въ изгибы тѣлесности, сознаніе ея божественной жизни блѣднѣетъ и погасаетъ. Ибо между нею и высшимъ свѣтомъ возникаютъ потоки крови и тѣлесныя ткани, которыя сжимаютъ ее и наполняютъ мракомъ.

Уже тотъ дальній свѣтъ сталъ слабымъ мерцаніемъ. Наконецъ, ее охватываетъ страшная боль и сжимаетъ какъ въ тискахъ; мучительная конвульсія отрываетъ ее отъ материнской души и внѣдряетъ въ трепещущее тѣло.

Рожденіе совершилось, появилось жалкое земное существо, кричащее отъ ужаса. Но небесное воспитаніе вошло въ сокровенныя глубины Безсознательнаго. Оно оживетъ лишь черезъ познаніе или черезъ скорбь, черезъ любовь или смерть!

Такъ раскрываетъ передъ нами законъ *воплощенія* и *развоплощенія* истинный смыслъ жизни и смерти. Онъ составляетъ основную базу въ эволюціи души, и позволяетъ намъ слѣдить за нею въ обоихъ направленіяхъ до самыхъ глубинъ природы и божества.

Ибо этотъ законъ раскрываетъ ритмъ и мѣру, причину и цѣль безсмертія души. Изъ отвлеченнаго или фантастическаго понятія, онъ превращаетъ эту идею въ живую и понятную, указывая на соотвѣтствія жизни и смерти. Земное рожденіе есть смерть, а смерть есть воскресеніе съ точки зрѣнія духовной. Смѣна обѣихъ жизней необходима для развитія души и каждая изъ нихъ есть одновременно и послѣдствіе, и объясненіе другой. Тотъ, кто впиталъ въ себя эти истины, находится въ сердцѣ тайнъ, въ центрѣ посвященія.

Но, скажутъ намъ: что же докажетъ намъ непрерывность души, монады, духовной сущности, черезъ всѣ эти воплощенія, если она сама забываетъ о нихъ? На это мы отвѣтимъ другимъ вопросомъ: а что доказываетъ вамъ тождество вашей личности въ состояніи бодрствующемъ и во время сна? Каждое утро вы выходите изъ состоянія столь-же страннаго и необъяснимаго, какъ и смерть, вы воскресаете изъ этого *ничто*, а вечеромъ снова въ него погружаетесь. Перемѣна въ физіологическихъ условіяхъ мозга видоизмѣнила взаимодѣйствія души и тѣла и перемѣстила вашу психическую точку зрѣнія. Вы были тѣмъ же индивидомъ, но вы были въ другой средѣ и вели иную жизнь.

У людей замагнитизированныхъ, у сонамбулъ и ясновидящихъ, сонъ развиваетъ новыя способности, которыя кажутся намъ чудесными, но которыя не что иное, какъ естественныя способности души, освобожденной отъ тѣла. При пробужденіи, такіе ясновидящіе совсѣмъ не помнятъ, *что* они видѣли, говорили и дѣлали въ своемъ зрячемъ снѣ; но во время сна они прекрасно вспоминаютъ все, что было во время предыдущаго сна и иногда съ математической точностью предсказываютъ то, что будетъ въ будущемъ снѣ. У нихъ какъ бы два сознанія, двѣ смѣняющіяся и совершенно различныя жизни, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое разумное продолженіе и которыя завертываются вокругъ одной и той же индивидуальности, какъ разноцвѣтные шнурки вокругъ невидимой нити.

И такъ, глубокій смыслъ скрывался въ названіи, которое древніе поэты-посвященные давали сну; они называли его *братомъ смерти*.

10 Зак. 832

Ибо покрывало забвенія отдѣляетъ сонъ отъ бодрствованія, какъ рожденіе отъ смерти, и подобно тому, какъ наша земная жизнь дѣлится на двѣ постоянно смѣняющіяся части, такъ и душа на протяженіи своей космической эволюціи переходитъ отъ воплощеніи къ духовной жизни, отъ земли къ небесамъ.

Этотъ смѣняющійся переходъ отъ одной сферы вселенной къ другой, это перемѣщеніе полюсовъ души, не менѣе нужны для ея развитія, чѣмъ чередованіе бодрствованія и сна необходимы для физической жизни человѣка. Намъ нужны воды Леты, чтобы перейти отъ одного существованія къ другому. Спасительный покровъ скрываетъ отъ насъ наше прошлое и наше будущее.

Но забвеніе это не полное, и свѣтъ просвѣчиваетъ сквозь покрывало. Врожденныя идеи сами по себѣ уже доказываютъ предшествующее существованіе. Но есть нѣчто большее: мы рождаемся съ цѣлымъ сонмомъ неопредѣленныхъ воспоминаній, непонятыхъ стремленій, божественныхъ предчувствій.

У дѣтей кроткихъ и спокойныхъ родителей бываютъ порывы дикихъ страстей, которые наслѣдственность не можетъ объяснить и которые идутъ изъ прежней жизни. Бываютъ иногда въ самыхъ скромныхъ существованіяхъ необъяснимыя чувства и высокій идеализмъ. Не исходитъ-ли онъ изъ обѣтовъ потусторонней жизни? Ибо оккультная память, сохранившаяся въ душѣ, сильнѣе всѣхъ земныхъ понятій. Она побѣждаетъ или измѣняетъ, смотря по тому, вѣрна она этому воспоминанію или нѣтъ.

Истинная вѣра и есть эта безмолвная вѣрность души самой себѣ. Поэтому и Пиѳагоръ, подобно всѣмъ теософамъ, смотрѣлъ на земную жизнь, какъ на необходимую выработку воли, а на небесную—какъ на духовный ростъ и осуществленіе начатаго на землѣ.

Жизни смѣняются, непохожія одна на другую, но внутренно связанныя неумолимой логикой. Если *каждая* изъ нихъ имѣетъ свой собственный законъ и свою опредѣленную судьбу,—весь послѣдовательный рядъ ихъ управляется *общимъ* закономъ, который можно бы назвать *отраженнымъ дѣйствіемъ жизней* *).

По этому закону дѣйствія одной жизни отражаются роковымъ образомъ на слѣдующей жизни. И человѣкъ родится не только съ тѣми инстинктами и способностями, которые онъ развилъ въ своемъ предшествующемъ воплощеніи, но самый характеръ его существованія опредѣляется, главнымъ образомъ, тѣмъ употребленіемъ, хорошимъ

*) Этотъ законъ называется Браминами и Буддистами *Кармой*.

или дурнымъ, которое онъ сдѣлалъ изъ своей свободы въ предшествующей жизни.

Нѣтъ ни одного слова, ни одного дѣйствія, которыя не отразились бы въ вѣчности, говоритъ древнее изреченіе. По эзотерическому ученію, это изреченіе примѣняется буквально отъ жизни къ жизни. Для Пиѳагора кажущіяся несправедливости судьбы, уродливости, несчастія, удары рока, бѣдствія всякаго рода находятъ свое объясненіе въ томъ, что каждое отдѣльное существованіе есть или награда, или наказаніе предшествующаго.

Преступленія порождаютъ искупительную жизнь; несовершенная жизнь вызываетъ жизнь, полную испытаній. Праведная жизнь влечетъ за собою высокое призваніе; высшая жизнь—силу творчества. Нравственное соотвѣтствіе, кажущееся несовершеннымъ съ точки зрѣнія *одной* жизни, проявляется съ полнымъ совершенствомъ и точной справедливостью въ *рядѣ* жизней. Здѣсь можетъ быть и движеніе впередъ къ духовности и къ разуму, и можетъ быть обратное движеніе къ животному состоянію.

По мѣрѣ того, какъ душа поднимается по ступенямъ эволюціи, она принимаетъ все большее участіе въ выборѣ своихъ перевоплощеній. На низшемъ уровнѣ душа подчиняется; болѣе развитая душа имѣетъ право выбора въ границахъ предлагаемыхъ ей воплощеній; душа, владѣющая высшимъ призваніемъ, избираетъ воплощеніе не для себя, а для общаго блага. Чѣмъ болѣе душа возвышается, тѣмъ яснѣе она сохраняетъ въ своихъ воплощеніяхъ ясное, неопровержимое сознаніе духовной жизни, которая царствуетъ за нашимъ земнымъ горизонтомъ и посылаетъ лучи своего свѣта въ окружающій насъ мракъ.

Преданіе утверждаетъ, что посвященные первой ступени, божественные пророки человѣчества, помнятъ свои предшествующія земныя жизни. Легенда говоритъ, что Сакіа-Муни во время своихъ экстазовъ возстановилъ нить, связывающую его прошлыя существованія, и относительно Пиѳагора существуетъ преданіе, что, благодаря особой милости Боговъ, онъ помнилъ нѣкоторыя изъ своихъ прошлыхъ жизней*).

Выше было сказано, что на протяженіи многихъ жизней душа можетъ подвигаться или впередъ или назадъ, смотря по тому, прео-

---

*) По мѣрѣ эволюціи человѣчества и утонченія его психическихъ проводниковъ, подобныя воспоминанія станутъ все чаще и чаще. И въ наше время есть не мало людей, которые вспоминаютъ свои прошлыя существованія.

Прим. перев.

бладаетъ ли ея низшая, или ея божественная природа. Отсюда вытекаетъ важное послѣдствіе, которое человѣческое сердце сознаетъ всегда въ своихъ глубинахъ.

Въ каждой жизни необходимо выдерживать борьбу, выбирать между добромъ и зломъ, и принимать рѣшенія, результаты которыхъ неисчислимы. Но на восходящемъ пути, занимающемъ цѣлый рядъ воплощеній, должна быть *такая* жизнь, *такой* день, а можетъ быть и *такой одинъ часъ*, когда душа, достигшая полнаго сознанія добра и зла, можетъ послѣднимъ высшимъ напряженіемъ подняться на такую высоту, откуда ей уже не придется болѣе спускаться и гдѣ начинается ея непрерывное существованіе въ высшихъ областяхъ бытія.

Точно также и на нисходящемъ пути зла есть точка, съ которой нечестивая душа можетъ возвратиться назадъ. Но разъ эта точка пройдена, ожесточеніе становится окончательнымъ. Съ каждымъ существованіемъ она будетъ все болѣе спускаться въ глубину мрака. Она потеряетъ свою человѣчность. Человѣкъ станетъ демономъ, и его неуничтожаемая монада будетъ принуждена возобновить трудную, безконечно долгую эволюцію черезъ рядъ восходящихъ міровъ и безчисленныхъ существованій.

По эзотерическому ученію это и есть настоящій адъ, и не болѣе ли онъ логиченъ—оставаясь столь же ужаснымъ,—чѣмъ адъ экзотерическихъ религій?

Итакъ, душа можетъ или подниматься, или опускаться въ послѣдовательномъ рядѣ жизней. Что же касается земного человѣчества, его движеніе происходитъ по закону восходящей прогрессіи, которая составляетъ часть божественнаго порядка.

Эта истина, которую мы считаемъ новой, была извѣстна въ античныхъ мистеріяхъ. «Животныя родственны человѣку, а человѣкъ сродни Богамъ», говорилъ Пиѳагоръ. Онъ развивалъ философски то, что скрывалось подъ символами Элевзиса: прогрессъ восходящихъ царствъ природы, стремленіе растительнаго міра къ животному, животнаго міра къ человѣческому и послѣдовательную смѣну въ человѣчествѣ все болѣе и болѣе совершенныхъ расъ.

Этотъ прогрессъ совершается правильными и все болѣе увеличивающимися циклами, которые заключены одинъ въ другомъ. Каждый народъ имѣетъ свою молодость, зрѣлый возрастъ и старость. Это относится также и къ цѣлымъ расамъ: къ красной, черной и бѣлой расамъ, послѣдовательно царствовавшимъ на земномъ шарѣ.

Бѣлая раса находится все еще въ расцвѣтѣ молодости. Достигнувъ своей высшей точки, она выдвинетъ изъ своихъ нѣдръ ядро

новой расы, усовершенствованной посредствомъ возстановленнаго посвященія и благодаря духовному подбору вступающихъ въ бракъ.

Такъ чередуются расы, такъ прогрессируетъ человѣчество. Древніе «Посвященные» шли гораздо далѣе въ своихъ предвидѣніяхъ, чѣмъ современные мудрецы. Они допускали, что наступитъ моментъ, когда человѣчество перейдетъ на другую планету, чтобы начать тамъ новый циклъ эволюціи. Въ серіи цикловъ, составляющихъ планетную цѣпь, человѣкъ разовьетъ начала интеллектуальныя, духовныя и потустороннія, которыми великіе Посвященные овладѣли ранѣе остального человѣчества, и начала эти станутъ достояніемъ всѣхъ.

Само собою разумѣется, что такое развитіе будетъ длиться не только тысячи, но милліоны лѣтъ и произведетъ такія перемѣны въ условіяхъ человѣческой жизни, какія мы себѣ и вообразить не можемъ. Чтобы охарактеризовать ихъ, Платонъ говорилъ, что въ тѣ времена Боги на самомъ дѣлѣ будутъ жить въ человѣческихъ храмахъ.

Логично допустить, что въ планетной цѣпи т. е. въ послѣдовательныхъ эволюціяхъ нашего человѣчества на другихъ планетахъ, человѣческія воплощенія будутъ все болѣе и болѣе эфирными, что и приблизитъ ихъ мало по малу къ чисто духовному состоянію восьмой сферы, въ которой нѣтъ болѣе ни смерти, ни рожденія, и которую древніе теософы опредѣляли какъ состояніе божественное.

Такъ какъ не всѣ обладаютъ одинаковой активностью и многіе отстаютъ или падаютъ на эволюціонномъ пути, то естественно, что число опередившихъ все уменьшается при медленномъ восхожденіи всего человѣчества.*) Есть отъ чего закружиться нашему земному разуму, но небесный разумъ созерцаетъ все восхожденіе *въ цѣломъ* безъ страха, такъ же, какъ мы смотримъ на единичную жизнь.

И развѣ такое пониманіе духовной эволюціи несогласно съ единствомъ Духа, этимъ началомъ всѣхъ началъ, съ однородностью Природы, этимъ закономъ всѣхъ законовъ и съ непрерывностью движенія, этой силой всѣхъ силъ? Разсматриваемая черезъ призму духовной жизни, солнечная система представляетъ не только матеріальный механизмъ, но и живой организмъ, царство небесное, гдѣ души странствуютъ изъ міра въ міръ подобно дуновенію божественной жизни, оживляющему Вселенную.

---

*) Эзотерическое ученіе говоритъ какъ разъ обратное: по мѣрѣ восхожденія человѣчества, помощь прозрѣвшихъ или опередившихъ становится все болѣе существенной, все болѣе протягивается рукъ для помощи отставшимъ и число этихъ послѣднихъ дѣлается все незначительнѣе. Прим. перев.

Какова же конечная цѣль человѣка и человѣчества по эзотерическому ученію? Послѣ столькихъ жизней, смертей, рожденій, затишья и мучительныхъ пробужденій, настанетъ ли конецъ усиліямъ Психеи?

Да, говорятъ посвященные, когда душа окончательно побѣдитъ матерію, когда, развивъ всѣ свои духовныя способности, она найдетъ въ себѣ самой начало и конецъ всего, тогда, достигнувъ совершенства и не нуждаясь болѣе въ воплощеніи, она окончательно сольется съ божественнымъ Разумомъ. Такъ какъ мы съ трудомъ можемъ себѣ представить духовную жизнь души даже и послѣ земного ея воплощенія, то какъ вообразить себѣ ту совершенную жизнь, которая ожидаетъ насъ въ концѣ *всѣхъ* ступеней духовнаго существованія?

Это небо небесъ стоитъ въ такомъ же отношеніи ко всѣмъ предшествующимъ небесамъ, въ какомъ океанъ стоитъ къ ручьямъ и рѣкамъ. Для Пиѳагора апоѳеозъ человѣка являлся не въ видѣ погруженія въ состояніе безсознательности, но въ видѣ творческой дѣятельности въ божественномъ сознаніи.

Душа, ставъ чистымъ духомъ, не теряетъ своей индивидуальности, но заканчиваетъ ее, соединяясь съ своимъ первообразомъ въ Богѣ. Она припоминаетъ всѣ свои предшествующія существованія, которыя ей кажутся ступенями для достиженія той вершины, откуда она охватываетъ и постигаетъ Вселенную. Въ этомъ состояніи человѣкъ уже перестаетъ быть человѣкомъ, говоритъ Пиѳагоръ, онъ становится полубогомъ. Ибо онъ отражаетъ во всемъ своемъ существѣ неизрѣченный свѣтъ, которымъ Богъ наполняетъ безконечность. Для него равносильно *знать и мочь*, *любить и творить*, *существовать и излучать истину и красоту*.

Окончательный ли это предѣлъ? Духовная вѣчность имѣетъ другія измѣренія, чѣмъ солнечное время, но она имѣетъ также свои этапы, свои нормы и свои циклы, превосходящіе всякое человѣческое представленіе. Но законъ прогрессивныхъ аналогій въ восходящихъ царствахъ природы позволяетъ намъ утверждать, что духъ, достигнувъ этого высшаго состоянія, не можетъ уже возвратиться назадъ; что если видимые міры измѣняются и проходятъ, то невидимый міръ, который служитъ ихъ началомъ и ихъ концомъ,—безсмертенъ.

Такими свѣтлыми перспективами заканчивалъ Пиѳагоръ исторію *божественной Психеи*.

Послѣднее слово замерло на устахъ мудреца, но присутствіе невыразимой истины чувствовалось въ неподвижномъ воздухѣ подземнаго храма. Каждому казалось, что окончились сновидѣнія и настало пробужденіе, исполненное мира, въ безпредѣльномъ океанѣ *единой жизни*.

Мерцающія лампы освѣщали статую Персефоны, придавая жизнь ея символической исторіи, художественно переданной въ священныхъ фрескахъ святилища. Иногда одна изъ жрицъ, приведенная въ экстазъ гармоническимъ голосомъ Пиѳагора, преображалась, и всѣмъ существомъ своимъ говорила о невыразимой красотѣ видѣнія. И охваченные священнымъ трепетомъ ученики смотрѣли на нея въ молчаніи. Но учитель медленнымъ и увѣреннымъ жестомъ возвращалъ на землю преображенную жрицу. Понемногу черты ея измѣняли выраженіе, она опускалась на руки своихъ подругъ и впадала въ глубокую летаргію, изъ которой пробуждалась смущенная, печальная и какъ бы истощеная своимъ порывомъ.

Кончалась ночь и Пиѳагоръ съ учениками выходилъ изъ склепа въ сады Цереры на свѣжесть предутренней зари, которая уже начинала трепетать надъ моремъ по краямъ звѣзднаго неба.

Четвертая ступень.—Эпифанія.—Адептъ.—Посвященная женщина.—Любовь и бракъ.

Съ Пиѳагоромъ мы достигли высоты древняго посвященія. Съ этой вершины земля представляется тонущей во мракѣ, подобно умирающему свѣтилу. Отсюда открываются звѣздныя перспективы и развертывается какъ чудное цѣлое, *Эпифанія* вселенной*). Но цѣлью ученія не было погруженье человѣка въ созерцаніе или экстазъ. Учитель заставлялъ своихъ учениковъ странствовать въ неизмѣримыхъ пространствахъ Космоса и погружалъ ихъ въ бездны невидимаго. Истинные посвященные возвращались на землю послѣ великаго странствованія болѣе сильными, болѣе совершенными и закаленными для жизненныхъ испытаній.

За посвященіемъ разума должно было слѣдовать посвященіе воли, самое трудное изъ всѣхъ. Оно заключалось въ томъ, что ученикъ долженъ былъ низвести истину въ глубину своего существа и примѣнить ее ко всѣмъ подробностямъ своей жизни. Чтобы достигнуть этого идеала, слѣдовало по ученію Пиѳагора, достигнуть трехъ совершенствъ: осуществить истину въ разумѣ, праведность въ душѣ, чистоту въ тѣлѣ.

---

*) *Эпифанія* или видъ сверху; *автопсія* или прямое лицезрѣніе; *теофанія* или проявленіе Бога; все это соотвѣтствующія идеи и различныя выраженія, чтобы обозначить состояніе совершенства, въ которомъ посвященный, соединивъ свою душу съ Богомъ, созерцаетъ полноту истины.

Мудрая гигіена и разумная воздержанность должны были поддерживать тѣлесную чистоту. И чистота эта требовалась не какъ цѣль, а какъ средство. Всякое тѣлесное излишество оставляетъ слѣды и какъ бы загрязняетъ астральное тѣло, живой организмъ души; а слѣдовательно страдаетъ и духъ. Ибо астральное тѣло содѣйствуетъ всѣмъ процессамъ матеріальнаго тѣла; въ сущности, астральное тѣло и производитъ ихъ, такъ какъ физическое тѣло безъ него—одна лишь инертная масса.

Слѣдовательно, для чистой души необходимо и чистое тѣло. Кромѣ того, необходимо, чтобы душа, постоянно освѣщаемая разумомъ, пріобрѣтала мужество, способность самоотреченія, преданность и вѣру, чтобы она достигла праведности и побѣдила навсегда низшую природу.

И наконецъ, для интеллекта необходимо достиженіе мудрости, чтобы человѣкъ могъ во всемъ различать добро и зло и видѣть Бога какъ въ самыхъ малыхъ существахъ, такъ и въ міровомъ цѣломъ.

На этой высотѣ человѣкъ становится *адептомъ*, и если онъ обладаетъ достаточной энергіей, онъ вступаетъ во владѣніе новыми способностями и силами. Внутреннія чувства души раскрываются и воля становится творческой. Его тѣлесный магнетизмъ, наэлектризованный его волей, пріобрѣтаетъ сверхъестественное съ виду могущество. Иногда онъ исцѣляетъ больныхъ возложеніемъ рукъ или однимъ своимъ присутствіемъ. Часто лишь взглядывая на людей, онъ уже проникаетъ въ ихъ мысли. По временамъ онъ видитъ на яву событія, происходящія на далекомъ разстояніи *).

---

*) Приведемъ два замѣчательные факта этого рода изъ числа вполнѣ достовѣрныхъ. Первый происходилъ въ древности. Герой его—знаменитый философъ-магъ Аполлоній Тіанскій.

Ясновидѣніе Аполлонія Тіанскаго.—Въ то время. какъ эти событія (убійство императора Домиціана) происходили въ Римѣ, Аполлоній видѣлъ ихъ въ Эфесѣ. Домиціанъ былъ убитъ Климентомъ около полудня; въ этотъ моментъ Аполлоній поучалъ въ садахъ, смежныхъ съ *Ксистесомъ* (Xystes). Вдругъ онъ понизилъ голосъ, какъ бы охваченный внезапнымъ испугомъ. Онъ продолжалъ свою рѣчь, но она не имѣла своей обычной силы, какъ это бываетъ съ тѣмъ, кто говоритъ, думая о другомъ. Потомъ онъ замолкъ, какъ бы потерявъ нить своей рѣчи, устремилъ на какой-то невидимый предметъ пламенный взоръ, сдѣлалъ три или четыре шага впередъ и воскликнулъ: „Рази Тирана!“ Можно было подумать, что онъ видитъ не отраженіе события, а самое событіе во всей его реальности. Жители Эфеса (такъ какъ весь Эфесъ слушалъ рѣчь Аполлонія) были поражены удивленіемъ. Аполлоній остановился, подобно человѣку, ищущему выхода изъ затруднительнаго положенія. Наконецъ онъ воскликнулъ: „не теряйте бодрости, Эфесеяне, тиранъ убитъ сегодня. Что я говорю — сегодня?

Онъ дѣйствуетъ на разстояніи: сосредоточивая мысли и волю на людяхъ, которые соединены съ нимъ узами личной симпатіи, онъ можетъ являться имъ, причемъ астральное его тѣло можетъ переноситься и помимо его матеріальнаго тѣла.

Появленіе умирающихъ или умершихъ передъ друзьями принадлежитъ къ такому же разряду явленій, но съ той разницей, что появленіе умирающаго или души умершаго вызывается обыкновенно безсознательнымъ желаніемъ, въ агоніи, тогда какъ адептъ то же явленіе въ состояніи производить въ полномъ сознаніи. Обыкновенно адептъ чувствуетъ себя какъ бы окруженнымъ и охраняемымъ невидимыми, высшими, свѣтлыми Существами, дающими ему силу и помогающими ему въ его миссіи.

Очень рѣдки адепты, достигающіе полнаго могущества. Грецiя знала только троихъ: Орфея на зарѣ эллинизма, Пиѳагора въ его апогеѣ и Аполлонія Тіанскаго во время его окончательнаго упадка. Орфей былъ вдохновеннымъ основателемъ греческой религіи; Пиѳагоръ—организаторомъ эзотерической науки и философіи своей школы; Аполлоній—магомъ, стоикомъ и проповѣдникомъ нравственности въ періодъ упадка. И отъ всѣхъ троихъ, несмотря на ихъ различія, исходилъ божественный свѣтъ: духъ, пламенно стремившійся къ спасенію душъ и непобѣдимая энергія, облеченная благостью и ясностью. Но спокойствіе такихъ великихъ душъ только кажущееся: подъ нимъ чувствуется горнило пламенной, но всегда сдерживаемой воли.

Пиѳагоръ представляетъ собою адепта высшей ступени и притомъ съ научнымъ умозрѣніемъ и философскимъ складомъ, который

Клянусь Минервой, онъ былъ убитъ въ тотъ самый моментъ, когда я остановился". Эфесеяне подумали, что Аполлоній сошелъ съ ума; имъ очень хотѣлось, чтобы слова его оказались истиной, но они опасались, какъ бы изъ его рѣчи не вышла какая-либо опасность для нихъ... Но скоро появились вѣстники и объявили о событіи, которое свидѣтельствовало въ пользу ясновидѣнія Аполлонія; всѣ подробности убійства тирана оказались совершенно согласными съ тѣми, какія онъ видѣлъ по волѣ Боговъ въ день своей рѣчи къ Эфесеянамъ".—*Жизнь Аполлонія.* Филострата, перев. Шассангъ.

Второй фактъ.—*Ясновидѣніе Сведенборга.*—Этотъ фактъ случился съ величайшимъ ясновидящимъ XVIII вѣка. Можно оспаривать объективную реальность видѣній Сведенборга, но нельзя сомнѣваться въ его ясновидѣніи, засвидѣтельствованномъ цѣлымъ рядомъ фактовъ. Видѣніе, которое Сведенборгъ имѣлъ на разстояніи тридцати лье отъ горѣвшаго Стокгольма, сильно нашумѣло во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія. Знаменитый нѣмецкій философъ Кантъ навелъ справки черезъ друга своего въ Готенбургѣ, т. е. въ томъ городѣ, гдѣ произошло событіе, и вотъ что онъ пишетъ объ этомъ одной изъ своихъ пріятельницъ:

болѣе всего подходитъ къ современному уму. Но самъ онъ и не могъ, и не надѣялся сдѣлать изъ своихъ учениковъ совершенныхъ адептовъ. Начало великой эпохи имѣетъ всегда своего великаго вдохновителя. Его послѣдователи и ученики его послѣдователей составляютъ проникнутую магнетизмомъ цѣпь, которая распространяетъ его мысль по всему міру.

На четвертой ступени посвященія Пиѳагоръ довольствовался передачей своимъ ученикамъ того, *какъ* можно примѣнять его ученіе къ жизни. Ибо «*Эпифанія*», обозрѣніе съ высоты, оставляло въ душѣ глубокія и животворящія идеи относительно земной жизни.

Происхожденіе добра и зла остается непонятной тайной для того, кто не даетъ себѣ отчета относительно происхожденія и конца вещей. Мораль, которая не имѣетъ въ виду высшихъ судебъ человѣка, будетъ только утилитарной и навсегда несовершенной.

Болѣе того, человѣческая свобода не существуетъ въ дѣйствительности для тѣхъ, кто чувствуетъ себя рабами своихъ страстей, и она по праву не существуетъ для тѣхъ, кто не вѣритъ ни въ душу, ни въ Бога, для кого жизнь есть вспышка сознанія между двумя безднами небытія. Первые живутъ въ рабствѣ у души, скованные страстями; вторые—въ рабствѣ у разума, ограниченнаго физическимъ міромъ.

Не такъ живетъ человѣкъ религіозный и истинный философъ, а тѣмъ болѣе теософъ, который видитъ истину въ троичности своего существа и въ единствѣ своей воли. Чтобы понять происхожденіе добра и зла, посвященный смотритъ духовнымъ взоромъ и видитъ *три міра*, а не одинъ. Онъ видитъ темный міръ матеріи и животнаго

„Слѣдующій фактъ, кажется мнѣ, имѣетъ особенно доказательную силу, способную прекратить всякаго рода сомнѣнія. Это было въ 1759 г., когда г. Сведенборгъ, возвращаясь изъ Англіи въ концѣ сентября, въ субботу около четырехъ часовъ пополудни, высадился въ Готенбургѣ. Г-нъ Вилльямъ Кастель пригласилъ его въ свой домъ, гдѣ собралось общество въ пятнадцать человѣкъ. Вечеромъ, въ 6 часовъ, г-нъ Сведенборгъ, который передъ тѣмъ вышелъ, вступилъ въ гостиную блѣдный и встревоженный и сказалъ, что въ Стокгольмѣ запылалъ пожаръ, въ Сюдермальмѣ, и что огонь распространяется съ большой силой, направляясь къ его дому... Что домъ одного изъ его друзей, котораго онъ назвалъ, превращенъ въ пепелъ и его собственному дому угрожаетъ опасность. Въ восемь часовъ, снова войдя въ гостиную, онъ сказалъ съ радостью: „Слава Богу! пожаръ потухъ у третьихъ воротъ, не дойдя до моего дома". Въ тотъ же вечеръ объ этомъ обстоятельствѣ извѣстили губернатора. На другое утро Сведенборгъ былъ призванъ къ губернатору, на разспросы котораго Сведенборгъ въ точности описалъ пожаръ, его начало, конецъ, и его продолжитель-

начала, гдѣ властвуетъ неизбѣжная *Судьба*. Онъ видитъ свѣтлый міръ Духа, невидимый для насъ міръ, огромную іерархію освобожденныхъ душъ, гдѣ царствуетъ божественный законъ, гдѣ дѣйствуетъ *Провидѣніе*. Между обоими мірами онъ видитъ въ полутьмѣ человѣчество, основаніемъ своимъ погруженное въ міръ естественный, а вершинами касающееся божественнаго міра.

Его геній: *Свобода*. Ибо въ тотъ моментъ, когда человѣкъ познаетъ истину и заблужденіе, онъ свободенъ избирать между Провидѣніемъ, которое хочетъ свободнаго исполненія истины, и рокомъ, который самъ выполняетъ нарушенный законъ справедливости.

Актъ воли, соединенный съ дѣйствіемъ разума, есть лишь математическая точка, но изъ этой точки исходитъ духовная вселенная. Каждая душа чувствуетъ инстинктивно то, что теософъ понимаетъ разумомъ, т. е., что Зло есть то, что влечетъ человѣка въ роковыя условія матеріи, слѣдовательно къ разъединенію. Добро же есть то, что заставляетъ его подниматься къ божественному закону Духа, т. е. къ единству. Его истинное назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы подниматься все выше и выше *своими собственными усиліями*. Но для этого онъ долженъ сохранить свободу паденія.

Кругъ свободы расширяется до безконечности по мѣрѣ того, какъ человѣкъ поднимается вверхъ, и тотъ же кругъ уменьшается до безконечно малой величины по мѣрѣ того, какъ онъ опускается внизъ. Чѣмъ выше подъемъ, тѣмъ больше свободы, ибо чѣмъ полнѣе человѣкъ вступаетъ въ область свѣта, тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ онъ силъ для добра. И наоборотъ, чѣмъ ниже спускъ, тѣмъ больше рабства, ибо каждое паденіе въ область зла уменьшаетъ пониманіе истины и ограничиваетъ способность къ добру.

ность. Въ тотъ же день извѣстіе о пожарѣ распространилось по всему городу, волновавшемуся особенно потому, что самъ губернаторъ принялъ въ этомъ участіе, и много лицъ безпокоились о своемъ имуществѣ и о своихъ друзьяхъ. Въ понедѣльникъ вечеромъ прибыла въ Готенбургъ эстафета, посланная изъ Стокгольма во время пожара. Въ прибывшихъ письмахъ пожаръ былъ описанъ точно такъ, какъ его описывалъ Сведенборгъ. Что можно привести противъ достовѣрности этого событія? Другъ, пишущій мнѣ объ этомъ, изслѣдовалъ это событіе не только въ Стокгольмѣ, но два мѣсяца тому назадъ и въ самомъ Готенбургѣ; онъ знаетъ тамъ много достойныхъ людей и имѣлъ возможность собрать подробнѣйшія свѣдѣнія отъ жителей города, въ которомъ еще должны быть живы большинство личныхъ свидѣтелей, если принять въ расчетъ незначительное время (9 лѣтъ), протекшее съ 1759 г.".—Письмо къ г-жѣ Шарлотѣ Кноблокъ, приведенное Маттер'омъ въ книгѣ *Жизнь Сведенборга*.

Такимъ образомъ, надъ прошлымъ человѣка господствуетъ *Рокъ*, надъ будущимъ—*Свобода*, а надъ настоящимъ, вѣчно сущимъ, которое можно назвать вѣчностью,—*Провидѣніе.* *)

Изъ совокупнаго дѣйствія Судьбы, Свободы и Провидѣнія возникаютъ безчисленныя доли, и адъ, и рай, для человѣческихъ душъ. Зло, являясь разногласіемъ съ божественнымъ закономъ, не есть дѣло Бога, а человѣка, и потому зло существуетъ лишь *относительно* и *временно.* Добро же состоя въ согласіи съ божественнымъ закономъ, существуетъ *реально* и *вѣчно.*

Ни Дельфійскіе, ни Элевзинскіе жрецы, ни посвященные философы, не имѣли намѣренья открывать эти глубокія идеи народу, который могъ понять ихъ превратно и злоупотребить ими. Въ Мистеріяхъ это ученіе изображалось символически разрываніемъ на куски Діониса, но при этомъ непроницаемымъ покровомъ прикрывалось то, что можно назвать *страданіемъ Бога.*

Самые значительные религіозные и философскіе споры вращаются вокругъ вопроса о происхожденіи добра и зла. Мы видѣли, что эзотерическое ученіе обладаетъ ключемъ къ нему.

Существуетъ еще другой важный вопросъ, отъ котораго зависитъ соціальная и политическая проблемы: *неравенство человѣческихъ условій.* Зрѣлище зла и печали кроетъ въ себѣ нѣчто ужасное. Къ этому слѣдуетъ добавить, что распредѣленіе всевозможныхъ бѣдствій, кажущееся произвольнымъ и несправедливымъ, есть источникъ всякой ненависти, всѣхъ возмущеній и отрицаній.

И здѣсь также эзотерическое ученіе вноситъ въ нашъ земной мракъ свой верховный свѣтъ мира и надежды. Различіе душъ, условій и судебъ можетъ получить свое оправданіе лишь въ многочисленности существованій и въ ученіи о законѣ причинности. Если человѣкъ рождается въ земномъ мірѣ въ первый разъ, какъ объяснить безчисленныя страданія, падающія на него какъ бы случайно? Какъ допустить, что есть вѣчная справедливость, когда одни рождаются въ условіяхъ, влекущихъ за собой роковымъ образомъ нищету и униженіе, въ то время какъ другіе родятся въ богатствѣ и живутъ счастливо и благополучно?

---

*) Эта мысль логически вытекаетъ изъ троичности человѣческой и божественной, изъ троицы микрокозма и макрокозма, которую мы старались изложить въ предшествующихъ главахъ. Метафизическое соотношеніе Судьбы, Свободы и Провидѣнія превосходно изложено Фабромъ д'Оливе въ его комментаріяхъ къ *Золотымъ стихамъ Пиѳагора.*

Если вѣрно, что мы уже прожили иныя жизни и будемъ снова жить на землѣ, если вѣрно, что во всѣхъ существованіяхъ проявляется законъ чередованія и отраженія,—тогда различія душъ, условій и судебъ предстанутъ передъ нами какъ результаты прошедшихъ жизней и какъ многообразныя примѣненія упомянутаго закона.

Различныя условія индивидуальныхъ жизней происходятъ отъ различнаго употребленія свободы въ предшествующихъ существованіяхъ, а различныя ступени интеллектуальности—отъ того, что люди, живущіе одновременно, принадлежатъ къ разнообразнымъ ступенямъ эволюціи, поднимающейся отъ полуживотнаго состоянія отсталыхъ расъ до праведности святыхъ и до величія царственнаго генія.

Дѣйствительно, земля похожа на корабль, а мы всѣ, живущіе на ней, на путешественниковъ, ѣдущихъ изъ далекихъ странъ и сходящихъ съ корабля въ различныхъ точкахъ земного шара.

Ученіе о перевоплощеніи объясняетъ какъ самыя ужасныя страданія, такъ и самое завидное счастье. Намъ становится понятенъ даже идіотъ, когда мы знаемъ, что его тупость, отъ которой онъ страдаетъ, есть послѣдствіе преступнаго употребленія разума въ предшествующей жизни.

Всѣ оттѣнки физическихъ и моральныхъ страданій, счастья и несчастія, со всѣми ихъ безчисленными видоизмѣненіями, предстанутъ передъ нами какъ естественные, мудро распредѣленные результаты инстинктовъ и дѣйствій, ошибокъ и добродѣтелей долгаго прошлаго, ибо душа сохраняетъ въ своихъ тайныхъ глубинахъ все то, что она собрала въ теченіе своихъ разнообразныхъ существованій.

Смотря по времени и по обстоятельствамъ, прежнія наслоенія выступаютъ наружу или исчезаютъ; и судьба, т. е. направляющія человѣка духовныя Сущности соразмѣряютъ родъ перевоплощенія съ степенью развитія и съ качествами воплощающейся души. Лизисъ выражаетъ эту истину въ *золотыхъ стихахъ Пиѳагора* такимъ образомъ:

„Ты увидишь, что муки, пожирающія людей,
Суть плоды ихъ же выбора; и что несчастные
Ищутъ далеко отъ себя тѣхъ благъ, источникъ которыхъ находится въ них же самихъ".

Далекое отъ того, чтобы ослабить чувство братства и человѣческой солидарности, это ученіе можетъ только укрѣпить его. Мы должны оказывать всѣмъ помощь, сочувствіе и милость, потому что мы всѣ члены одной и той же человѣческой семьи, хотя и стоимъ на разныхъ ступеняхъ развитія. Всякое страданіе священно, ибо страданіе есть испытаніе души. Всякое сочувствіе божественно, ибо оно

заставляетъ насъ ощутить невидимую цѣпь, соединяющую всѣ міры. Добродѣтель въ страданіи является источникомъ генія.

Да, мудрецы, святые и благодѣтели человѣчества сіяютъ еще болѣе захватывающей красотой для тѣхъ, кто знаетъ, что и они выростали по законамъ всемірной эволюціи. Сколько нужно было жизней, страданій и побѣдъ, чтобы овладѣть этой поражающей насъ силой? И этотъ врожденный свѣтъ генія, изъ какихъ уже пройденныхъ имъ небесъ исходитъ онъ? Мы не знаемъ этого. Но эти жизни были и эти небеса существуютъ. Сознаніе народное не ошибалось, и пророки не лгали, называя этихъ людей сынами Божьими, посланными съ далекаго неба. И потому, что ихъ миссія служить Вѣчной Истинѣ, невидимые легіоны покровительствуютъ имъ и живой Глаголъ говоритъ въ нихъ.

Различіе, которое мы видимъ въ людяхъ, происходитъ или отъ первоначальной сущности индивидовъ, или же отъ ступени достигнутой ими духовной эволюціи. Съ этой послѣдней точки зрѣнія, всѣхъ людей можно распредѣлить на четыре класса, которые заключаютъ въ себѣ всѣ безчисленныя подраздѣленія и отличія.

I. У огромнаго большинства людей воля вызывается преимущественно тѣлесными потребностями. Ихъ можно назвать *дѣйствующими по инстинкту*. Они способны не только на физическія работы, но и на творческую дѣятельность разума въ предѣлахъ физическаго міра, въ области торговли и промышленности и всякой практической дѣятельности.

II. На второй ступени человѣческаго развитія воля, а слѣдовательно и сознаніе, сосредоточены въ душевномъ мірѣ, т. е. въ области чувствованія, воздѣйствующаго на интеллектъ. Люди этой категоріи дѣйствуютъ подъ вліяніемъ *одушевленія* или *страсти*. По своему темпераменту они способны стать воинами, артистами или поэтами. Большинство литераторовъ и ученыхъ принадлежитъ также къ этому разряду. Ибо они живутъ въ условныхъ идеяхъ, направляемыхъ страстями или ограниченныхъ узкимъ кругозоромъ и не поднимаются до чистой Идеи, до всеобъемлющаго міропониманія.

III. Третій, несравненно болѣе рѣдкій разрядъ людей, воля которыхъ сосредоточивается главнымъ образомъ въ чистомъ разумѣ, освобожденномъ отъ вліянія страстей и отъ границъ матеріи, что и придаетъ понятіямъ этихъ людей характеръ всеобъемлющій. Это—люди, дѣйствующіе подъ вліяніемъ *интеллекта*. Изъ ихъ рядовъ выходятъ общественные дѣятели, поэты высшаго разряда и въ особенности истинные философы и мудрецы, тѣ, которые по Пиѳагору и Платону,

должны бы управлять человѣчествомъ. Въ этихъ людяхъ страсть не погасла, такъ какъ безъ нея ничто не совершается на землѣ, и она представляетъ собой силу огня или электричества въ нравственномъ мірѣ. Но страсти у нихъ служатъ разуму, между тѣмъ какъ въ предшествующей категоріи—разумъ бываетъ, по большей части, слугой страстей.

IV. Самый высшій человѣческій идеалъ осуществляется въ четвертомъ разрядѣ, гдѣ къ господству разума надъ душой и надъ инстинктомъ присоединяется господство воли надъ всѣмъ существомъ человѣка. Покоривъ всю свою природу и овладѣвъ всѣми своими способностями, человѣкъ пріобрѣтаетъ великое могущество. Благодаря могучей силѣ сосредоточенія, воля такого побѣдившаго человѣка, дѣйствуя на другихъ, пріобрѣтаетъ почти безграничную власть. Такіе люди носили разныя имена въ исторіи. Это *адепты*, *великіе посвященные*, высшіе геніи, которые содѣйствовали преображенію человѣчества. Они рождаются такъ рѣдко, что ихъ можно сосчитать въ исторіи человѣчества *).

Очевидно, что эта послѣдняя категорія не подлежитъ обычной нравственной мѣркѣ. Но тотъ общественный строй, который не принимаетъ во вниманіе три первыя человѣческія категоріи и не предоставляетъ каждой изъ нихъ право на ея нормальную дѣятельность и не даетъ каждой необходимыя средства для дальнѣйшаго развитія,— такой строй является лишь *внѣшнимъ*, а никакъ *не органическимъ*.

Ясно, что въ первоначальную эпоху, относящуюся по всей вѣроятности къ ведическимъ временамъ, Руководители Индіи основали раздѣленіе общества на касты, основываясь на внутреннихъ началахъ человѣка.

Но со временемъ, это раздѣленіе, вполнѣ основательное и плодотворное, извратилось въ жреческія и аристократическія привиллегіи. Начало призванія и посвященія уступило мѣсто наслѣдственности. Замкнутыя касты кончили тѣмъ, что окончательно окаменѣли, послѣдствіемъ чего было неизбѣжное вырожденіе Индіи.

Египетъ, сохранившій при всѣхъ фараонахъ тройной общественный строй, съ открытыми и подвижными кастами, принципъ посвященія для жречества и экзамены для всѣхъ военныхъ и гражданскихъ должностей,—прожилъ отъ пяти до шести тысячъ лѣтъ, не измѣняя своихъ учрежденій.

---

*) Приведенная классификація людей соотвѣтствуетъ четыремъ ступенямъ пиѳагорейскаго посвященія и составляетъ основу всѣхъ посвященій до первыхъ франмасоновъ включительно; послѣдніе владѣли нѣкоторыми обрывками эзотерическаго ученія. См. Фабръ д'Оливэ „Золотые стихи Пиѳагора".

Что касается Греціи, то ея непостоянный характеръ заставилъ ее быстро переходить отъ аристократіи къ демократіи, а отъ послѣдней къ тираніи. Она вращалась въ этомъ безвыходномъ кругѣ, какъ больной, переходящій отъ горячки къ летаргіи, чтобы снова вернуться къ горячкѣ. Можетъ быть, она нуждалась въ этомъ возбужденіи, чтобы произвести свою безпримѣрную работу: передачу глубокой, но туманной Восточной мудрости яснымъ и доступнымъ языкомъ; творчество Красоты посредствомъ искусства и основаніе открытой и опирающейся на земной разумъ науки, замѣнившей тайное посвященіе, опиравшееся на интуиціи.

Тѣмъ не менѣе, и Греція обязана своей религіозной организаціей и своими высочайшими вдохновеніями началу посвященія. Съ точки зрѣнія общественной и политической можно сказать, что Греція всегда жила въ состояніи незаконченномъ и напряженномъ.

Въ качествѣ адепта, Пиѳагоръ съ высоты посвященія понималъ тѣ вѣчныя начала, которыя управляютъ обществомъ и создалъ планъ великой реформы, согласованной съ этими вѣчными началами. Мы увидимъ сейчасъ, какъ и онъ самъ, и его школа приведены были къ крушенію въ водоворотѣ демократическихъ бурь.

Съ чистыхъ высотъ эзотерическаго ученія, жизнь міровъ развертывается согласно ритму Вѣчности. Но, при магическихъ лучахъ разоблаченнаго неба, земля, человѣчество и его жизнь раскрываютъ передъ нами также и свои скрытыя глубины. Надо отыскать безконечно великое въ безконечно маломъ, чтобы почувствовать присутствіе Бога. Это присутствіе испытывали ученики Пиѳагора, когда Учитель передавалъ имъ, какъ вѣнецъ, свое ученіе о томъ, какъ вѣчная Истина проявляется въ союзѣ Мужчины и Женщины. Красоту священныхъ чиселъ, которую они созерцали сперва въ Безконечномъ, они находили и въ самомъ сердцѣ жизни, и божественное отражалось для нихъ въ великой мистеріи Пола и Любви.

Древній міръ понялъ ту важную истину, которую послѣдующіе вѣка совсѣмъ не признавали. Чтобы хорошо исполнять свои обязанности супруги и матери, женщина нуждается въ образованіи и въ особомъ посвященіи. Отсюда женское посвященіе, т. е. посвященіе, предоставленное однѣмъ только женщинамъ. Оно существовало въ Индіи въ ведическія времена, когда женщина была жрицей у домашняго алтаря. Въ Египтѣ оно истекаетъ изъ мистерій Изиды. Орфей учредилъ его въ Греціи.

Пока не угасло самое язычество, мы находимъ такое посвященіе въ мистеріяхъ Діониса, а также и въ храмахъ Юноны, Діаны, Минервы

и Цереры. Оно заключалось въ символическихъ обрядахъ и церемоніяхъ, въ ночныхъ праздчествахъ, а затѣмъ и въ особыхъ поученіяхъ, которыя давались старшими жрицами или порвосвященникомъ, и которыя касались самыхъ интимныхъ сторонъ супружеской жизни. Давались совѣты и правила, касающіяся отношеній половъ, временъ года и мѣсяцевъ, которыя благопріятствуютъ счастливому зачатію. Самое большое значеніе придавалось физической и нравственной гигіенѣ женщины во время беременности, чтобы священное дѣло творчества новаго человѣка совершалось по божественнымъ законамъ.

Такимъ образомъ въ женскихъ мистеріяхъ преподавалась наука супружеской жизни и искусство материнства. Примѣненіе послѣдняго начиналось еще до рожденія ребенка. До семилѣтняго возраста дѣти оставались въ гинекеѣ, куда мужъ не имѣлъ доступа, подъ исключительнымъ надзоромъ матери. Мудрая древность полагала, что дитя, какъ нѣжное растеніе, нуждается въ теплой материнской атмосферѣ. Отецъ не можетъ дать того, что необходимо въ этомъ возрастѣ; для его расцвѣта нужны нѣжность и ласка матери; необходима сильная и охраняющая любовь женщины, чтобы защитить отъ внѣшнихъ вліяній чуткую душу ребенка.

Благодаря тому, что женщина съ полнымъ сознаніемъ исполняла высокія обязанности супруги и матери, на которыя въ древности смотрѣли какъ на божественныя, она дѣйствительно была жрицей семьи, хранительницей священнаго жизненнаго огня, Вестой очага. Посвященіе женщины въ античномъ мірѣ являлось истинной причиной красоты расы, сильныхъ поколѣній и долговѣчности семьи въ древней Греціи и въ древнемъ Римѣ*).

Учредивъ въ своемъ орденѣ отдѣленіе для женщинъ, Пиѳагоръ слѣдовательно только усовершенствовалъ и расширилъ то, что существовало и до него. Женщины, посвященныя имъ, принимали вмѣстѣ съ обрядами и заповѣдями и высшіе принципы своихъ женскихъ обязанностей. Онъ имъ давалъ такимъ образомъ сознаніе ихъ высокой задачи. Онъ раскрывалъ имъ преображеніе Любви въ совершенномъ бракѣ, которое должно представлять взаимное проникновеніе двухъ душъ въ самомъ средоточіи жизни и истины.

Развѣ мужчина—въ своей силѣ—не представляетъ начало творческаго духа? А женщина — во всемъ своемъ могуществѣ — развѣ не

*) Монтескье и Мишелэ—почти единственные авторы, отмѣтившіе добродѣтель греческихъ женъ. Но ни тотъ, ни другой не упомянули объ истинной причинѣ, на которую я указываю здѣсь.

олицетворяетъ природу въ ея пластичности, въ ея чудесныхъ существованіяхъ, какъ земныхъ, такъ и божественныхъ? И если эти два существа способны достигнуть полнаго взаимнаго проникновенія, тѣлеснаго, душевнаго и духовнаго, они вдвоемъ составятъ цѣлую вселенную.

Но, чтобы вѣрить въ Бога, женщина должна видѣть Его пребывающимъ въ мужчинѣ, а для этого необходимо, чтобы и мужчина былъ посвященнымъ. Его задача—своимъ болѣе глубокимъ знаніемъ жизни, своей творческой волей оплодотворить женскую душу и преобразить ее съ помощью божественнаго идеала. Любимая женщина возвратитъ ему этотъ идеалъ обогащеннымъ ея утонченными мыслями, ея нѣжными чувствами, ея глубокими проникновеньями. Она отдастъ ему взамѣнъ свой преображенный энтузіазмомъ образъ, она *сдѣлается* его идеаломъ. Ибо онъ *осуществляется* въ ней могуществомъ ея любви. Черезъ нея идеалъ становится живымъ и видимымъ, облекается въ кровь и плоть. Ибо если мужчина творитъ брагодаря желанію и волѣ, женщина и физически и духовно творитъ любовью.

Въ своей роли возлюбленной, супруги, матери или вдохновительницы, она не менѣе значительна и даже болѣе божественна, чѣмъ мужчина, ибо любить — значитъ забывать себя. Женщина, отдающая себя въ своей любви, находитъ въ этомъ отдаваніи свое высшее возрожденіе, свой вѣнецъ и свое безсмертіе.

Промблема любви господствуетъ въ современной литературѣ уже болѣе двухъ вѣковъ. Это не чисто чувственная любовь, возжигаемая красотой тѣла, какъ у древнихъ поэтовъ; это также и не сентиментальный культъ отвлеченнаго и условнаго идеала, который господствовалъ въ средніе вѣка; нѣтъ, это любовь одновременно и чувственная и психическая, любовь, предоставленная полной свободѣ индивидуальной фантазіи, дающая себѣ полную волю. По большей части оба пола воюютъ другъ съ другомъ даже и въ любви. Возмущеніе женщины противъ эгоизма и грубости мужчины; презрѣніе мужчины къ лживости и тщеславію женщины; побѣда плоти и безсильный гнѣвъ жертвъ сладострастія...

И среди всего этого глубокія страсти, влеченія непреодолимыя и тѣмъ болѣе могущественныя, что имъ ставятъ препятствія и свѣтскія условности, и общественныя постановленія. Отсюда любовь полная бурь, нравственныхъ крушеній и трагическихъ катастрофъ, около которыхъ почти исключительно вращаются современные романы и современныя драмы.

Можно бы подумать, что утомленный человѣкъ, не находя Бога ни въ наукѣ, ни въ религіи, безумно ищетъ Его въ женщинѣ. И онъ

правъ; но лишь путемъ посвященія въ великія истины найдетъ онъ Его въ *ней*, а она найдетъ Бога въ *немъ*. Между мужской и женской душой, которыя нерѣдко не понимаютъ другъ друга и даже не понимаютъ себя и разстаются съ проклятіями, чувствуется какъ бы огромная жажда проникновенія и стремленіе найти въ этомъ сліяніи недостижимое счастіе.

Несмотря на различныя уклоненія и излишества, вытекающія отсюда, въ этихъ отчаянныхъ поискахъ таится глубоко скрытое божественное начало. Изъ него зарождается стремленіе, которое станетъ жизненнымъ средоточіемъ для преображенія будущаго. Ибо, когда мужчина и женщина найдутъ себя и другъ друга путемъ глубокой любви и посвященія, тогда ихъ сліяніе превратится въ величайшую творческую силу.

Любовь психическая и страсть души вошли въ литературу, а черезъ нее и въ сознаніе сравнительно съ недавняго времени. Но источникъ ея очень древенъ, онъ беретъ свое начало въ античномъ посвященіи. И если древне-греческая литература едва позволяетъ подозрѣвать о томъ, это происходитъ отъ того, что подобная страсть души являлась тогда какъ рѣдкое исключеніе, а также и вслѣдствіе глубокой тайны мистерій. Между тѣмъ, въ религіозномъ и философскомъ преданіи сохранились слѣды посвященной женщины. И въ офиціальной поэзіи и философіи появляется нѣсколько женскихъ фигуръ, хотя и неясныхъ и прикрытыхъ тайной, но тѣмъ не менѣе сіяющихъ красотой.

Мы уже познакомились съ Пиѳіей и Ѳеоклеей, которая вдохновляла Пиѳагора; позднѣе является жрица Коринна, съ успѣхомъ соперничавшая съ Пиндаромъ, который въ свою очередь былъ наиболѣе посвященнымъ изъ всѣхъ греческихъ лириковъ; затѣмъ таинственная Діотима, которая появляется у Платона, чтобы дать высшее откровеніе о Любви. Рядомъ съ этой исключительной ролью, женщина древней Греціи исполняла свое истинное жречество у очага въ гинекеѣ.

Тѣ герои, художники и поэты, которыми мы восхищаемся, и всѣ чудные мраморы и высокіе подвиги, удивляющіе насъ въ античномъ мірѣ, все это было ея созданіемъ. Это она ихъ зачала въ мистеріи любви, она своей жаждой красоты давала имъ формы въ своемъ лонѣ, она вызвала ихъ расцвѣтъ, прикрывая ихъ крылами своего материнства.

Прибавимъ, что для мужчины и женщины дѣйствительно посвященныхъ, созданіе ребенка имѣетъ безконечно болѣе прекрасный смыслъ и бо̀льшее значеніе, чѣмъ для насъ. Для отца и матери, знающихъ, что душа ребенка существуетъ до своего земного рожденія

зачатіе становится священнодѣйствіемъ, *призывомъ души къ воплощенію.* Между воплощаемой душой и матерью существуетъ почти всегда сродство. Потому плохія и развращенныя матери привлекаютъ къ себѣ души темныя и злыя, тогда какъ нѣжныя и чистыя матери притягиваютъ къ себѣ свѣтлыя души. Эта невидимая душа, ожидаемая и долженствующая прійти—такъ таинственно и такъ неизбѣжно — не представляетъ ли она собой нѣчто по истинѣ божественное? Ея рожденіе, ея заключеніе въ тѣло должно быть мучительно. Ибо хотя между ней и ея покинутымъ небомъ и протянется грубый покровъ и она перестанетъ помнить свою родину — все же она будетъ страдать! Свята и прекрасна задача матери, которая создаетъ новое жилище для этой души, облегчаетъ ея заключеніе въ плотскую ограниченность и смягчаетъ предстоящее ей испытаніе.

Такимъ образомъ, ученіе Пиѳагора, исходя изъ глубинъ Абсолютнаго, начиналось съ божественной Троицы, а завершалось оно въ самомъ центрѣ жизни идеей человѣческой тріады.

Въ Отцѣ, Матери и Ребенкѣ посвященный научался узнавать Разумъ, Душу и Сердце живой вселенной. Это послѣднее посвященіе строило въ его сознаніи фундаментъ общественности, задуманной по идеальнымъ линіямъ, идею того величественнаго зданія человѣческой жизни, для котораго каждый посвященный долженъ принести *свой* камень.

Глава IV.

Семья Пиѳагора.— Школа и ея участь.

Среди женщинъ, обучавшихся у Пиѳагора, находилась молодая дѣвушка большой красоты. Ея отецъ, Кротонецъ, носилъ имя Бронтиносъ, она называлась Ѳеано. Пиѳагору было около 60 лѣтъ. Но полная власть надъ страстями и чистая жизнь, всецѣло посвященная идеѣ, сохранили весь огонь его сердца нетронутымъ. Молодость души, то безсмертное пламя, которое великій посвященный черпалъ въ своей духовной жизни, свѣтилось въ немъ и подчиняло ему всѣхъ окружающихъ. Онъ находился въ это время въ апогеѣ своего могущества.

Ѳеано была привлечена къ Пиѳагору тѣмъ свѣтомъ, который исходилъ изъ всей его личности. Природа ея была глубокая и сдержанная, и ее тянула къ учителю возможность получить объясненіе всѣхъ мучительныхъ загадокъ жизни. Но когда, помимо свѣта истины, она почувствовала свое сердца загорѣвшимся отъ того огня, который исходилъ отъ его духовной красоты и отъ пламенной силы его слова,—

она отдалась учителю съ безграничнымъ энтузіазмомъ и пламенной страстью. Пиѳагоръ не дѣлалъ ничего, чтобы привлечь ее. Онъ любилъ всѣхъ своихъ учениковъ. Все вниманіе его было сосредоточено на школѣ, на Греціи и на будущемъ земнаго міра.

Какъ многіе великіе адепты, онъ отказался отъ любви къ женщинѣ, чтобы отдать всего себя служенію. Магія его воли, духовное обладаніе столькими душами, которыя онъ самъ сформировалъ и которыя были привязаны къ нему, какъ къ обожаемому отцу, мистическій ѳиміамъ всей этой невыраженной, поднимавшейся къ небу любви, тонкій ароматъ человѣческой симпатіи, соединившей всѣхъ пиѳагорейцевъ—все это замѣняло ему личное счастье и личную любовь.

Но однажды, когда онъ оставался одинъ въ пещерѣ Прозерпины, погруженный въ глубокія размышленія, онъ увидалъ приближающуюся къ нему молодую красавицу, съ которой до этихъ поръ онъ никогда не бесѣдовалъ наединѣ. Она преклонила передъ нимъ колѣни и, не поднимая глубоко-склоненной головы, начала умолять учителя — вѣдь его власть безгранична!—освободить ее отъ невозможной любви, которая сжигала ея тѣло и душу. Пиѳагоръ спросилъ имя того, кого она любила. Послѣ тяжелой борьбы Ѳеано призналась, что любила его, но была готова подчиниться безпрекословно его волѣ. Пиѳагоръ не отвѣчалъ ничего. Ободренная его молчаніемъ, она подняла голову, бросая на него молящій взглядъ, который предлагалъ ему весь цвѣтъ молодой жизни и весь ароматъ любящей женской души.

Мудрецъ былъ потрясенъ, онъ умѣлъ побѣждать свои чувства, онъ владѣлъ вполнѣ своимъ воображеніемъ, но молнія этой души проникла въ его душу. Въ этомъ дѣвственномъ сердцѣ, созрѣвшемъ въ огнѣ страсти, въ этой женщинѣ преображенной безграничной преданностью, онъ нашелъ достойную подругу, которая могла содѣйствовать еще болѣе полному осуществленію дѣла его жизни. Пиѳагоръ поднялъ молодую дѣвушку и Ѳеано могла прочесть въ глазахъ учителя, что отнынѣ ихъ двѣ судьбы слились въ одну.

Бракомъ своимъ съ Ѳеано Пиѳагоръ наложилъ печать осуществленія на свое дѣло. Сліяніе этихъ двухъ жизней оказалось совершеннымъ. Однажды, когда Ѳеано была спрошена, сколько времени требуется, чтобы женщина, имѣвшая сношеніе съ мужчиной, могла считать себя чистой, она отвѣтила: «если сношенія эти были съ мужемъ, она постоянно чиста, если съ другимъ, она не очистится никогда». Чтобы произнести такія слова, нужно быть женою Пиѳагора и любить его такъ, какъ любила Ѳеано. Ибо не бракъ освящаетъ любовь, а любовь оправдываетъ бракъ.

Θеано проникласъ идеями своего мужа съ такою полнотой, что послѣ его смерти она стала центромъ пиθагорейскаго ордена и одинъ изъ греческихъ авторовъ приводитъ, какъ авторитетъ, ея мнѣніе относительно ученія Чиселъ. Она дала Пиθагору двухъ сыновей: Аримнеста и Телаугеса и дочь Дамо. Телаугесъ сталъ впослѣдствіи учителемъ Эмпедокла и передалъ ему тайны пиθагорейской доктрины.

Семья Пиθагора представляла собой истинный образецъ для всего ордена, его домъ называли храмомъ Цереры, а дворъ—храмомъ Музъ. Во время домашнихъ и религіозныхъ празднествъ мать руководила хоромъ женщинъ, а Дамо—хоромъ молодыхъ дѣвушекъ. Дамо была во всѣхъ отношеніяхъ достойна своихъ отца и матери. Пиθагоръ довѣрилъ ей свои манускрипты съ запрещеніемъ передавать ихъ кому бы то ни было внѣ своей семьи. Послѣ того, какъ пиθагорейцы разсѣялись, дочери Пиθагора пришлось жить въ величайшей бѣдности. Ей предлагали большія суммы за манускрипты, но, вѣрная волѣ отца, она отказалась отдать ихъ посторонним.

Пиθагоръ прожилъ 30 лѣтъ въ Кротонѣ. За это время онъ достигъ такого вліянія, что всѣ, которые считали его полубогомъ, имѣли на это право. Власть его надъ людьми была безгранична; ни одинъ философъ не достигалъ ничего подобнаго. Вліяніе его распространялось не только на кротонскую школу и ея развѣтвленія въ другихъ городахъ итальянскаго побережья, но и на политику всѣхъ ближайшихъ государствъ. Пиθагоръ былъ реформаторомъ въ полномъ смыслѣ слова.

Въ Кротонѣ, которая была Ахейской колоніей, существовала аристократическая конституція. *Совѣтъ Тысячи*, состоявшій изъ родовитыхъ семей, пользовался законодательной властью и наблюдалъ надъ властью исполнительной. Народныя собранія существовали, но полномочія ихъ были ограниченныя.

Пиθагоръ, государственный идеалъ котораго состоялъ въ порядкѣ и гармоніи, былъ одинаково чуждъ и гнету олигархіи, и хаосу демагогіи. Принимая дорійскую конституцію какъ таковую, онъ стремился внести въ нее новое устройство. Мысль его была очень смѣлая: создать поверхъ политической власти—власть науки съ совѣщательнымъ и рѣшающимъ голосомъ во всѣхъ коренныхъ вопросахъ, власть, которая представляла бы высшій регуляторъ государственной жизни. Надъ *Совѣтомъ Тысячи* онъ поставилъ *Совѣтъ Трехсотъ*, избиравшійся первымъ совѣтомъ, но пополнявшійся исключительно изъ числа посвященныхъ.

Порфирій разсказываетъ, что двѣ тысячи кротонскихъ гражданъ отреклись отъ обыкновенной жизни, отъ права собственности и соединились въ одну общину.

Такимъ образомъ Пиѳагоръ поставилъ во главѣ государства правителей, опирающихся на высшее знаніе и поставленныхъ такъ же высоко, какъ древне-египетское жречество. То, что ему удалось осуществить на короткое время, осталось мечтой всѣхъ посвященныхъ, имѣвшихъ соприкосновеніе съ политикой: внести начало посвященія и соотвѣтствующихъ экзаменовъ для правителей государства, соединивъ въ этомъ высшемъ синтезѣ и выборное демократическое начало, и управленіе общественными дѣлами, предоставленное наиболѣе умнымъ и добродѣтельнымъ. *Совѣтъ Трехсотъ* образовалъ, такимъ образомъ, нѣчто вродѣ научнаго, политическаго и религіознаго ордена, главой котораго признанъ былъ самъ Пиѳагоръ. Вступленіе въ этотъ орденъ сопровождалось клятвой сохранять абсолютную тайну, какъ это было въ Мистеріяхъ.

Общества эти или *гетеріи* распространились изъ Кротона, гдѣ дѣйствовалъ Пиѳагоръ, почти во всѣ города великой Греціи, гдѣ они оказывали большое политическое вліяніе. Пиѳагорейскій орденъ становился такимъ образомъ во главѣ государствъ всей Южной Италіи. Онъ имѣлъ свои развѣтвленія въ Тарентѣ, Метапонтѣ, Регіумѣ, Гимерѣ, Катанѣ, Агригентѣ, Сибарисѣ, а если довѣрять Аристоксену, то и въ этрусскихъ городахъ. Что касается до вліянія Пиѳагора на правительственный строй этихъ большихъ богатыхъ городовъ, то трудно себѣ представить что-либо болѣе возвышенное, либеральное и умиротворяющее.

Всюду, гдѣ онъ показывался, онъ устанавливалъ порядокъ, справедливость и единство. Призванный однимъ изъ тирановъ острова Сициліи, онъ одною силой своего краснорѣчія, убѣдилъ его отказаться отъ дурно пріобрѣтенныхъ богатствъ и сложить съ себя незаконно захваченную власть. Что касается городовъ, онъ сдѣлалъ ихъ независимыми и свободными, тогда какъ ранѣе они были въ зависимости одинъ отъ другого. Такъ велико было его благое вліяніе, что когда онъ появлялся въ какомъ-либо городѣ, по этому поводу говорили: «онъ не только поучаетъ, но и исцѣляетъ людей».

Благое вліяніе великаго ума и великаго характера вызываетъ тѣмъ большую зависть и ненависть, чѣмъ эта магическая власть души сильнѣе проявляется. Владычество Пиѳагора длилось уже четверть вѣка, неутомимый адептъ приближался уже къ своему восьмидесятому году, когда возникла реакція. Искра пожара появилась изъ Сибариса, соперника Кротона; тамъ произошелъ народный мятежъ и аристократическая партія была побѣждена. Пятьсотъ эмигрантовъ просили пріюта у Кротонцевъ, но правители Сибариса требовали ихъ выдачи.

Опасаясь мести враждебнаго города, городскія власти Кротона собирались выполнить это требованіе, когда вмѣшался Пиѳагоръ. По его настоянію выдача перепуганныхъ бѣглецовъ была отмѣнена. Вслѣдъ за отказомъ, Сибарисъ объявилъ войну Кротону. Армія Кротонцевъ, предводительствуемая однимъ изъ учениковъ Пиѳагора, знаменитымъ атлетомъ Милономъ, нанесла рѣшительное пораженіе Сибаритянамъ. Вслѣдъ затѣмъ городъ былъ взятъ, разоренъ до тла и превращенъ въ пустыню.

Невозможно допустить, чтобы Паѳагоръ могъ дать свое согласіе на такіе поступки. Они противорѣчатъ всѣмъ его принципамъ и мыслямъ всѣхъ посвященныхъ. Но ни онъ, ни Милонъ не могли удержать разнузданныя страсти побѣдоноснаго войска, разжигаемыя старинной враждой, доведенной несправедливымъ нападеніемъ до высочайшаго возбужденія.

Всякая мстительность, откуда бы она не исходила, — отъ индивидумовъ или отъ цѣлыхъ народностей—вызываетъ отвѣтный взрывъ. Немезида на этотъ разъ была очень сурова; послѣдствія ея пали на Пиѳагора и на весь его орденъ. Послѣ взятія Сибариса народъ потребовалъ раздѣла земель. Недовольная и этимъ, демократическая партія предложила измѣнить конституцію, отнять всѣ привилегіи у Совѣта Тысячи, совсѣмъ уничтожить Совѣтъ Трехсотъ, и водворить народное единовластіе (всеобщую подачу голосовъ).

Естественно, что пиѳагорейцы, принимавшіе участіе въ Совѣтѣ Трехсотъ, воспротивились реформѣ, противорѣчившей всѣмъ ихъ принципамъ и разрушавшей въ корнѣ всѣ труды ихъ учителя. Нужно прибавить къ этому, что пиѳагорейцы еще ранѣе сдѣлались предметомъ глухого раздраженія, которое высшія натуры вызываютъ всегда въ толпѣ. Ихъ политическія идеи вызвали противъ нихъ взрывъ ненависти у демагоговъ, а личная месть, направленная на учителя, навлекла на нихъ страшный ударъ.

Одинъ изъ жителей Кротона, нѣкто Килонъ, искалъ доступа въ школу. Пиѳагоръ, весьма строгій при выборѣ своихъ учениковъ, изгналъ Килона вслѣдствіе его дурного и властнаго характера. Результатомъ была мстительная ненависть послѣдняго. Когда общественное мнѣніе начало поворачиваться противъ Пиѳагора, Килонъ организовалъ клубъ, враждебный пиѳагорейцамъ, съ широкимъ доступомъ для всѣхъ. Ему удалось привлечь къ себѣ главныхъ вожаковъ народа и подготовить революцію, которая должна была начаться съ изгнанія пиѳагорейцевъ.

Передъ раздраженной толпой, съ общественной трибуны, Килонъ читаетъ выкраденные отрывки изъ тайной книги Пиѳагора, озаглав-

ленной *Священное Слово* (*Hieros Logos*). Ихъ искажаютъ, имъ придаютъ совершенно иной смыслъ.

Нѣсколько ораторовъ пробуютъ защитить «молчаливыхъ братьевъ», которые не дѣлаютъ вреда даже самому послѣднему животному. Эта защита встрѣчается взрывами хохота. Килонъ сходитъ съ трибуны и снова подымается на нее. Онъ доказываетъ, что религіозный катехизисъ пиѳагорейцевъ посягаетъ на народную свободу и «этого мало», прибавляетъ трибунъ: «кто этотъ учитель, этотъ воображаемый полубогъ, которому всѣ до того слѣпо подчиняются, что стоитъ ему отдать приказаніе, какъ всѣ братья уже кричатъ: учитель сказалъ! Кто онъ, какъ не тиранъ Кротона, да къ тому еще «сокровенный», слѣдовательно самый худшій изъ тирановъ? Откуда происходитъ эта неразрывная дружба между членами пиѳагорейскихъ гетерій, какъ не изъ глубокаго презрѣнія къ народу? У нихъ вѣчно на языкѣ изрѣченіе Гомера: *властитель долженъ быть пастыремъ своего народа*. Не выходитъ ли изъ этого, что для нихъ народъ не болѣе, какъ презрѣнное стадо животныхъ? И даже самое существованіе ордена есть непрестанный заговоръ противъ народныхъ правъ! Пока онъ не будетъ уничтоженъ, невозможна свобода въ Кротонѣ».

Одинъ изъ членовъ народнаго собранія подъ вліяніемъ честнаго чувства, воскликнулъ: «но пусть будетъ дозволено Пиѳагору и пиѳагорейцамъ придти сюда и оправдаться, прежде чѣмъ мы приговоримъ ихъ». Но Килонъ закричалъ съ надменностью: «развѣ эти пиѳагорейцы не отняли у насъ права судить и рѣшать общественныя дѣла? По какому же праву могутъ они требовать, чтобы *вы* выслушивали ихъ? Они не призывали васъ къ совѣту, когда лишали народъ законодательнаго права и вы точно также должны поразить ихъ, не справляясь съ ихъ мнѣніемъ». Громъ рукоплесканій раздался въ отвѣтъ на эти рѣчи и умы воспламенялись все сильнѣе и сильнѣе.

Однажды вечеромъ, когда сорокъ четыре главныхъ члена ордена собрались у Милона, Килонъ спѣшно созвалъ своихъ сторонниковъ. Домъ Милона былъ окруженъ. Пиѳагорейцы, среди которыхъ былъ самъ учитель, заперли двери. Разсвирѣпѣвшая толпа подложила огонь и подожга зданіе. Тридцать восемь пиѳагорейцевъ, ближайшіе ученики учителя, весь цвѣтъ ордена и самъ Пиѳагоръ погибли, одни—въ пламени пожара, другіе—пораженные на смерть народомъ*). Архиппъ и Лизисъ одни лишь избѣжали гибели.

*) Мы передаемъ версію Діогена Лаэртскаго. По Дицэарку, котораго цитируетъ Порфирій, учителю удалось спастись вмѣстѣ съ Архиппомъ и Лизисомъ. По этой версіи Пиѳагоръ скитался изъ города въ городъ до Метопоита,

Такъ умеръ этотъ великій мудрецъ, пытавшійся внести свою мудрость въ государственное правленіе людей. Убійство пиѳагорейцевъ сдѣлалось сигналомъ демократической революціи въ Кротонѣ и по всему Тарентскому заливу. Итальянскіе города изгнали преслѣдуемыхъ учениковъ Пиѳагора. Весь орденъ разсѣялся и лишь остатки его сохранились въ Сициліи и Греціи, продолжая распространять идеи учителя. Лизисъ сдѣлался учителемъ Эпаминонда.

Послѣ новыхъ революцій пиѳагорейцамъ было разрѣшено возвратиться въ Италію съ условіемъ—не вмѣшиваться въ политику. Трогательный братскій союзъ не переставалъ соединять ихъ; они смотрѣли на себя, какъ на одну семью. Одинъ изъ нихъ, впавшій въ бѣдность и сильно заболѣвшій, нашелъ пріютъ у хозяина одной гостиницы. Передъ смертью онъ начертилъ на дворѣ дома нѣсколько таинственныхъ знаковъ и сказалъ своему хозяину: «будьте покойны, одинъ изъ моихъ братьевъ заплатитъ мой долгъ». Черезъ годъ чужестранецъ, остановившійся въ этой же гостинницѣ, увидалъ эти знаки и сказалъ хозяину: «я пиѳагореецъ; одинъ изъ моихъ братьевъ умеръ здѣсь; скажите мнѣ, сколько я долженъ вамъ за него»?

Пиѳагорейскій орденъ существовалъ въ теченіе 50 лѣтъ; что касается идей учителя—онѣ живутъ и до нашихъ дней.

Благое вліяніе Пиѳагора на Грецію было неизмѣримо; оно дѣйствовало таинственно но вѣрно черезъ тѣ храмы, въ которыхъ онъ училъ. Мы видѣли его въ Дельфахъ, возраждающимъ науку прорицанія, утверждающимъ духовный авторитетъ и подготовляющимъ образцовую Пиѳію. Благодаря этой внутренней реформѣ, которая возродила энтузіазмъ въ самомъ святилищѣ и въ душѣ посвященныхъ, Дельфы сдѣлались нравственнымъ центромъ Греціи. Это было ясно видно во время мидійскихъ войнъ.

Едва исполнилось тридцать лѣтъ со смерти Пиѳагора, какъ предсказанный имъ азіатскій циклонъ разразился на берегахъ Эллады.

гдѣ онъ будто бы уморилъ себя голодомъ въ храмѣ Музъ. Жители Метопонта утверждали, наоборотъ, что принятый ими мудрецъ умеръ покойно въ ихъ городѣ. Они показывали Цицерону его домъ и его могилу. Слѣдуетъ замѣтить, что черезъ много лѣтъ послѣ смерти учителя, города, которые наиболѣе жестоко преслѣдовали Пиѳагора послѣ возстановленія демократическаго строя, заявляли особенно настойчиво, что именно они имѣли честь пріютить и спасти его. Города Тарентскаго залива оспаривали другъ у друга право на останки Пиѳагора съ такимъ же ожесточеніемъ, съ какимъ іоническіе города оспаривали другъ у друга честь быть родиной Гомера. Факты эти подробно разобраны въ добросовѣстной книгѣ Шенье: *Pythagore et la philosophie pythagoricienne.*

Въ этой эпической борьбѣ Европы съ варварской Азіей, Грецiя, представлявшая собою начало свободы и цивилизацiи, имѣла за собой науку и генiй Аполлона. Подъ его влiянiемъ замолкло возникшее соперничество Спарты и Аѳинъ. Его духомъ были воодушевлены Мильтiады и Ѳемистоклы. Во время Мараѳонской битвы энтузiазмъ дошелъ до того, что Аѳиняне видѣли двухъ воиновъ, блистающихъ свѣтомъ, которые сражались въ ихъ рядахъ. Одни узнали въ нихъ Тезея и Эхетоса, другiе—Кастора и Поллукса.

Когда нашествiе Ксеркса, несравненно болѣе страшное, чѣмъ вторженiе Дарiя, проникнувъ черезъ Ѳермопилы, наводнило Элладу, Пиѳiя даетъ указанiя посланнымъ изъ Аѳинъ и помогаетъ Ѳемистоклу побѣдить въ морской битвѣ при Саламинѣ. Страницы Геродота, описывающiя эти событiя, полны внутренняго трепета: «Покидайте жилища и высокiе холмы города, построеннаго полукружiемъ... Огонь и грозный Марсъ, мчащiйся на сирiйской колесницѣ, опрокинетъ наши башни... Храмы шатаются, на стѣнахъ ихъ выступаютъ капли холоднаго пота, съ ихъ вершины стекаетъ черная кровь... Выходите изъ моего святилища... Да будетъ для васъ деревянная стѣна непреодолимымъ оплотомъ... Бѣгите, поверните тылъ къ потоку пѣхотинцевъ и неисчислимыхъ всадниковъ! О божественный Саламинъ! Сколь гибеленъ будешь ты для сыновъ женщины!» *)

Въ разсказѣ Эсхила битва начинается крикомъ, напоминающимъ гимнъ Аполлону: «вскорѣ день съ своими бѣлыми всадниками разольетъ по мiру свой сверкающiй свѣтъ!» При этомъ оглушительное пѣнье, звучащее подобно священному гимну, поднимается изъ греческихъ рядовъ, и эхо острова отвѣчаетъ ему тысячью гремящихъ голосовъ. Не удивительно, что опьяненные побѣдой Эллины, въ битвѣ при Микалѣ, лицомъ къ лицу съ побѣжденной Азiей, избрали своимъ побѣднымъ кличемъ: «Геба, Вѣчная Юность!»

Да, дыханiе Аполлона проносится надъ этими героическими войнами. Религiозный энтузiазмъ, который творитъ чудеса, возноситъ живыхъ и мертвыхъ, освѣщаетъ трофеи и позлащаетъ могилы. Всѣ храмы оказались разрушенными, исключая Дельфiйскаго, который остался цѣлъ. Персидская армiя уже подходила, чтобы разграбить

---

*) На языкѣ храмовъ названiе *сынъ женщины* указывало на низшую ступень посвященiя, при чемъ «женщина» обозначала здѣсь природу. Наверху считались *сыны человѣка* или посвященные Духа, *сыны боговъ* или посвященные въ космогоническiе науки и *сыны Бога* или посвященные въ высшую мудрость. Пиѳiя называетъ Персовъ *сынами женщины*, желая этимъ обозначить характеръ ихъ религiи. Принятыя буквально, эти слова не имѣютъ смысла.

священный городъ. Жители трепетали, но Аполлонъ, голосомъ первосвященника, провозгласилъ: «Я буду защищать самъ!» По приказанію, данному изъ храма, городъ опустѣлъ, жители его нашли убѣжище въ гротахъ Парнаса, и жрецы одни оставались на порогѣ святилища, окруженные священной стражей. Персидскія войска вошли въ городъ, молчаливый какъ могила; однѣ лишь статуи смотрѣли на нихъ. Черная туча показалась въ глубинѣ прохода: загремѣлъ громъ и молнія засверкала надъ завоевателями. Двѣ огромныя скалы скатились съ вершины Парнаса и задавили множество Персовъ*); въ тоже время крики раздались изъ храма Менервы и пламя показалось изъ земли, обжигая нападающихъ. Перепуганные этими чудесными явленіями, варвары отступили и обезумѣвшія войска бросилась въ бѣгство. Святилище защитило себя своими собственными силами.

Ничего подобнаго не могло бы произойти, если бы тридцать лѣтъ тому назадъ Пиѳагоръ не появился въ дельфійскомъ святилищѣ, чтобы возжечь въ немъ священный огонь.

Еще одно слово относительно вліянія учителя на философію. До него мы встрѣчаемъ съ одной стороны физиковъ, съ другой стороны маралистовъ. Пиѳагоръ внесъ и мораль, и науку, и религію въ свою широкую синтетическую систему. Этотъ синтезъ ничто иное, какъ та эзотерическая доктрина, которую мы стремились возстановить въ самой основѣ пиѳагорейскаго посвященія. Кротонскій философъ не былъ творцомъ, но лишь просвѣтленнымъ возстановителемъ этихъ первичныхъ истинъ, приведенныхъ имъ въ стройный научный порядокъ. Вотъ почему мы выбрали *его* систему, какъ наиболѣе подходящую раму для систематическаго изложенія доктрины мистерій и истинной теософіи.

Всѣ, слѣдившіе за духовной работой учителя вмѣстѣ съ нами, должны были замѣтить, что въ основѣ этой доктрины сіяетъ свѣтъ единой истины. Разрозненные лучи этого свѣта можно найти во всѣхъ философіяхъ и религіяхъ, но центръ ихъ здѣсь.

Что же требуется, чтобы достигнуть до него? Наблюденія и разсужденія для этого недостаточно. Рядомъ съ ними необходима еще

---

*) Онѣ все еще видны въ оградѣ Минервы, говоритъ Геродотъ. VIII. 39,— Вторженіе Галловъ, которое произошло двѣсти лѣтъ позднѣе, было отбито подобнымъ же образомъ; и здѣсь также образуется гроза, молнія падаетъ на Галловъ, земля дрожитъ подъ ихъ ногами; они видятъ сверхестественныя явленія и храмъ Аполлона спасенъ. Эти факты указываютъ на то, что дельфійскіе жрецы обладали знаніемъ электричества и умѣли, подобно халдейскимъ магамъ, направлять его путемъ оккультной силы.

и *интуиція*. Пиѳагоръ былъ адептъ, Посвященный первой степени; онъ обладалъ духовной способностью непосредственнаго воспріятія и у него былъ ключъ къ оккультнымъ знаніямъ и къ духовному міру.

Такимъ образомъ, онъ черпалъ изъ первоисточника Истины, и такъ какъ къ его способностямъ интуиціи и къ его высокой духовности присоединялась большая наблюдательность, знакомство съ физической природой и высоко развитое философское мышленіе, никто не могъ лучше его построить зданіе истинной науки о Космосѣ.

Строго говоря, зданіе это никогда не было разрушено. Платонъ, принявшій отъ Пиѳагора всю его метафизику, владѣлъ всѣми идеями учителя, хотя и передавалъ ихъ не съ такой строгой ясностью. Александрійская школа занимала верхній этажъ этого зданія, современная наука занимаетъ его нижній этажъ и содѣйствуетъ укрѣпленію фундамента. Многія философскія школы, а также мистическія и религіозныя, обитали въ различныхъ отдѣлахъ величественнаго зданія. Но ни одна философія не охватывала его въ цѣломъ. На размѣры и на гармонію этого цѣлаго мы и стремились указать въ этой книгѣ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

ПЛАТОНЪ.

ЭЛЕВЗИНСКІЯ МИСТЕРІИ.

Люди назвали любовь Эросомъ, ибо она обладаетъ крыльями. Боги назвали ее Птеросомъ, такъ какъ она имѣетъ силу окрылять другихъ.

Платонъ (Пиръ).

На небѣ знать—то же, что видѣть,
На землѣ—то же, что вспоминать.
Счастливъ тотъ, кто проникъ въ Мистеріи;
Онъ позналъ источникъ и конецъ жизни.

Пиндаръ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Платонъ.

(Элевзинскія мистеріи).

Послѣ попытки оживить въ образѣ Пиѳагора величайшаго изъ Посвященныхъ древней Греціи, мы могли бы оставить въ сторонѣ Платона, который не прибавилъ ничего новаго къ идеямъ Пиѳагора и лишь придалъ имъ болѣе фантастическую и въ то же время болѣе популярную форму. Но имѣется причина, почему слѣдуетъ остановиться передъ благородной фигурой аѳинскаго философа.

Да, существуетъ первоначальное ученіе, которое синтезируетъ всѣ религіи и философіи. Оно развивается и углубляется въ теченіе вѣковъ, но основа и центръ его остаются тѣ же самые. Мы возстановили его въ общихъ линіяхъ. Но достаточно ли этого? Нѣтъ. Необходимо еще указать причину разнообразія его формъ въ зависимости отъ человѣческихъ расъ и различныхъ вѣковъ. Необходимо возстановить цѣпь великихъ Посвященныхъ, которые были инціаторами человѣчества. И тогда сила каждаго изъ нихъ умножится силою остальныхъ, и единство истины проявится въ самомъ разнообразіи ея выраженія.

Какъ все въ мірѣ, такъ и Греція имѣла свою зарю, свой полуденный свѣтъ и свой закатъ. Это—законъ временъ, людей, народовъ, земель и небесъ. Орфей былъ посвященнымъ въ періодъ ея зари, Пиѳагоръ—во время полуденнаго солнца, Платонъ появился на закатѣ эллинизма, на закатѣ, горѣвшемъ пламеннымъ пурпуромъ и превратившемся въ розовое сіяніе новой зари человѣчества. Платонъ слѣдовалъ за Пиѳагоромъ, какъ въ элевзинскихъ мистеріяхъ факелоносецъ слѣдовалъ за великимъ Іерофантомъ. Вмѣстѣ съ нимъ мы еще разъ проникнемъ, но уже по иной дорогѣ, въ аллеи святилища, ведущія къ сердцу храма, къ созерцанію божественной тайны.

Но прежде чѣмъ отправиться въ Элевзисъ, послушаемъ нашего руководителя, великаго Платона. Пусть онъ самъ раскроетъ передъ нами свои горизонты; пусть разскажетъ исторію своей души и самъ приведетъ насъ къ своему возлюбленному учителю.

Глава I.

Молодость Платона и смерть Сократа.

Платонъ родился въ Аѳинахъ, въ городѣ Красоты и Человѣчности. Никакія границы не застилали его взоровъ. Открытая для всѣхъ вѣтровъ Аттика господствуетъ въ своей царственной красотѣ надъ всѣми островами Эгейскаго Архипелага, напоминающими легкихъ сиренъ, поднявшихся надъ прозрачной синевой волнъ. Платонъ выросъ у подножья Акрополя подъ защитой Аѳины Паллады, въ той широкой долинѣ, обрамленной лиловыми горами и окутанной сіяющей лазурью, которая простиралась между Пентеликомъ съ его мраморными боками, Гиметтой, увѣнчанной благовонными соснами, въ вѣтвяхъ которыхъ жужжали пчелы, и между тихимъ заливомъ Элевзиса.

Насколько свѣтла и полна тихой прелести была эта рама, настолько же мраченъ и неспокоенъ былъ политическій горизонтъ, окружавшій дѣтство и юность Платона. Онъ росъ во времена безпощадныхъ Пелопонесскихъ войнъ, въ періодъ братоубійственной войны между Спартой и Аѳинами, которая предшествовала распаденію Греціи. Времена великихъ мидійскихъ войнъ миновали; солнце Мараѳона и Саламина закатилось.

Годъ рожденія Платона (429 до Р. Х.) совпадаетъ съ годомъ смерти Перикла, величайшаго государственнаго человѣка Греціи, по своей неподкупности подобнаго Аристиду, а по своей талантливости — Ѳемистоклу; наиболѣе совершеннаго представителя эллинской цивилизаціи, укротителя мятежной демократіи, патріота пламеннаго, но умѣвшаго сохранять спокойствіе мудреца посреди народныхъ бурь. Мать Платона должна была разсказать ему про ту сцену, свидѣтельницей которой она была за два года до рожденія великаго философа. Спартанцы наводнили Аттику; аѳиняне, угрожаемые въ своей независимости, боролись въ теченіе всей зимы и Периклъ былъ душой народной обороны. Въ эту мрачную годину величественная церемонія происходила въ Керамикахъ. Гробы погибшихъ за родину воиновъ были поставлены на погребальныхъ колесницахъ и весь народъ собрался передъ огромной могилой, назначенной для совмѣстнаго погребенія воиновъ. Этотъ мавзолей является мрачнымъ символомъ той могилы, которую Греція готовила для себя своей преступной борьбой.

По этому поводу Периклъ произнесъ свою знаменитую рѣчь, наиболѣе прекрасную изъ всѣхъ, которую далъ античный міръ.

Ѳукидидъ записалъ ее на бронзовыхъ таблицахъ и слѣдующія слова сверкаютъ на нихъ, подобно щиту на фронтонѣ храма: «могила героевъ — вся вселенная, а не мавзолей, обремененный пышными надписями».

Не сознаніе ли Греціи и ея безсмертія дышитъ въ этихъ словахъ?

Но послѣ смерти Перикла, что осталось отъ древней Греціи, которая всегда жила своими великими людьми? Внутри Аѳинъ—мятежи и ссоры разнузданной демагогіи; извнѣ — вторженіе Лакедемонское, война на сушѣ и на морѣ и золото персидскаго царя, разливавшееся, подобно смертоносному яду, по рукамъ трибуновъ и городскихъ властей.

Алкивіадъ замѣстилъ Перикла въ сердцѣ толпы. Этотъ представитель аѳинской золотой молодежи сдѣлался героемъ дня. Политическій авантюристъ, интриганъ полный обаятельности, онъ смѣясь велъ свою родину къ погибели.

Платонъ хорошо понялъ его и впослѣдствіи набросалъ чрезвычайно удачную психологію этого характера. Онъ сравнивалъ ненасытную страсть къ власти, которая владѣла душой Акливіада, съ крылатымъ шершнемъ, «вокругъ котораго эгоистическія страсти, увѣнчанныя цвѣтами, надушенныя благовоніями и опьяненныя виномъ и плотскими наслажденіями, жужжатъ и увиваются, питая, охраняя и вооружая его жаломъ честолюбія. И тогда этотъ тиранъ души, одержимый безуміемъ, трепещетъ яростно и если онъ находитъ вокругъ себя честныя мысли и чувства, способныя противостоять ему, онъ ихъ убиваетъ и изгоняетъ, пока не очиститъ всю душу отъ всѣхъ задерживающихъ вліяній и не наполнитъ ее своимъ неистовствомъ».

Небеса Аѳинъ были покрыты темными тучами въ періодъ юности Платона. Ему было двадцать пять лѣтъ, когда были взяты Аѳины послѣ злополучной морской битвы при Эгосъ-Потамосѣ, а затѣмъ онъ видѣлъ вступленіе Лизандра въ свой родной городъ, которое положило конецъ аѳинской независимости. Онъ присутствовалъ при разрушеніи стѣнъ, построенныхъ Ѳемистокломъ, которыя падали подъ звуки праздничной музыки; онъ видѣлъ торжествующаго врага, буквально танцующаго на развалинахъ его родины. Затѣмъ появились тридцать тирановъ, которые подвергли изгнанію лучшихъ гражданъ.

Эти зрѣлища наполнили грустью молодую душу Платона, но они не сломили ее. Его душа была столь же кротка, прозрачна и чиста, какъ небесный сводъ надъ Акрополемъ. Платонъ былъ высокаго роста и широкоплечъ, почти всегда серьезный, сосредоточенный и молчаливый,

но когда онъ начиналъ говорить, изумительная чуткость, кротость и гармонія исходила изъ его рѣчей. Въ немъ не было ничего бурнаго, никакихъ крайностей. Его разнообразныя дарованія сливались въ общей гармоніи его существа, рѣдкая скромность скрывала силы его ума и почти женская нѣжность служила покровомъ, за которымъ скрывалась твердость его характера. Добродѣтель облекалась въ немъ въ привѣтливую улыбку, а радость въ цѣломудренную чистоту.

Но что составляло необычайный признакъ этой души, это—какъ бы договоръ, который передъ рожденіемъ у нея былъ заключенъ съ Вѣчностью. Только одни вѣчныя явленія казались живыми для его духовнаго взора, все остальное проходило мимо него, подобно мимолетнымъ отраженіямъ на зеркальной поверхности. Позади видимыхъ формъ, измѣнчивыхъ и несовершенныхъ, онъ видѣлъ совершенныя формы, доступныя одному лишь духу, которыя и служатъ вѣчными образцами для видимаго. Благодаря этому, молодой Платонъ еще ранѣе, чѣмъ возникло его ученіе, не зная, что онъ сдѣлается со временемъ философомъ, обладалъ уже сознаніемъ реальности божественнаго Идеала и его вездѣсущности.

Когда онъ наблюдалъ за проходящими вереницами то праздничныхъ процессій, то погребальныхъ колесницъ, то торжествующихъ, то плачущихъ людей, онъ за всѣмъ этимъ видѣлъ иное, и казалось говорилъ: «зачѣмъ плачутъ они и зачѣмъ издаютъ крики радости? И почему я не могу привязаться къ тому, что подлежитъ рожденію и смерти? Отчего я могу любить лишь одно Невидимое, которое не родится и не умираетъ, но прибываетъ всегда?».

Любовь и гармонія: вотъ основа души Платона. Но какова эта гармонія и какова эта любовь? Любовь къ вѣчной красотѣ и гармонія, обнимающая всю вселенную. Чѣмъ глубже и выше душа, тѣмъ болѣе ей надо времени, чтобы познать себя. Первый энтузіазмъ Платона былъ вызванъ искусствомъ. Платонъ принадлежалъ къ родовитой семьѣ, отецъ его происходилъ изъ рода царя Кадруса, а мать имѣла въ числѣ своихъ предковъ Солона. Такимъ образомъ, его юность протекла въ обстановкѣ богатаго аѳинскаго дома, наполненнаго роскошью и всѣми соблазнами эпохи упадка.

Онъ отдавался жизни безъ излишествъ, но и безъ суровости, окруженный молодыми людьми своего класса, любимый многочисленными своими друзьями. Онъ слишкомъ хорошо описалъ любовную страсть во всѣхъ ея фазахъ въ своей *Федрѣ*, чтобы можно было сомнѣваться въ его причастности къ ея восторгамъ и къ ея жестокимъ разочарованіямъ. Одинъ стихъ остался намъ отъ него, столь же

страстный, какъ поэзія Сафо и столь же сверкающій, какъ звѣздная ночь надъ Цикладами: «Я бы желалъ быть небомъ, усѣяннымъ очами, чтобы неустанно смотрѣть на тебя».

Разыскивая идеальную красоту во всѣхъ видахъ прекраснаго, онъ изучилъ послѣдовательно живопись, музыку и поэзію. Послѣдняя отвѣчала болѣе всего его душевнымъ потребностямъ и онъ кончилъ тѣмъ, что сосредоточилъ на ней всѣ свои силы. Платонъ отличался изумительными способностями ко всѣмъ родамъ поэзіи. Онъ чувствовалъ съ одинаковой глубиной поэзію влюбленныхъ диѳирамбъ и эпопею, трагедію и даже комедію съ ея тончайшей аттической солью. Онъ обладалъ всѣмъ, чтобы стать вторымъ Софокломъ и поднять аѳинскій театръ, которому угрожалъ неизбѣжный упадокъ; эта мысль привлекала его, а друзья поощряли его къ тому. Въ двадцать семь лѣтъ онъ написалъ нѣсколько трагедій и собирался представить одну изъ нихъ на конкурсъ.

Какъ разъ въ это время Платонъ встрѣтилъ Сократа, бесѣдовавшаго съ молодыми людьми въ садахъ Академіи. Рѣчь его касалась справедливаго и несправедливаго, онъ говорилъ объ истинномъ, добромъ и прекрасномъ. Поэтъ подошелъ къ философу, выслушалъ его и съ этого дня сталъ приходить и слушать его ежедневно. Въ концѣ нѣсколькихъ недѣль полный переворотъ произошелъ въ его умѣ. Счастливый молодой человѣкъ, поэтъ, полный иллюзій, сталъ совершенно неузнаваемъ. Все теченіе его жизни и вся ея цѣль сразу измѣнились. Другой человѣкъ родился въ немъ подъ вліяніемъ рѣчей Сократа.

Что же сказали ему эти рѣчи? Какими чарами оторвалъ Сократъ отъ роскоши, нѣги и поэзіи прекраснаго и геніальнаго Платона, чтобы обратить его къ подвигу великаго самоотреченія и къ мудрости?

Великимъ оргиналомъ былъ мудрый Сократъ. Сынъ ваятеля, онъ лѣпилъ во время своего отрочества трехъ грацій; а затѣмъ онъ бросилъ рѣзецъ, объявивъ, что хочетъ работать не надъ мраморомъ, а надъ своей собственной душой. И съ этого момента онъ весь ушелъ въ исканіе мудрости. Его видѣли въ гимназіумахъ, въ публичныхъ мѣстахъ, въ театрахъ, бесѣдующаго съ молодыми людьми, съ философами и художниками и спрашивающаго у каждаго изъ нихъ, на чемъ они основываютъ свои мысли.

За нѣсколько лѣтъ до этого софисты наводнили собою, подобно саранчѣ, всѣ Аѳины. Софистъ есть живая противоположность философа, подобно тому, какъ демагогъ есть противоположность государственнаго человѣка, какъ ханжа—противоположность истиннаго священника, а черный магъ—противоположность истиннаго посвященнаго.

Типъ греческаго софиста болѣе утонченъ и болѣе ѣдокъ, чѣмъ софиста иныхъ странъ; но самый его характеръ принадлежитъ всѣмъ ветшающимъ цивилизаціямъ. Софисты кишатъ въ нихъ такъ же, какъ черви въ разлагающемся трупѣ. Какъ бы они не называли себя: атеистами, нигилистами или пессимистами, софисты всѣхъ временъ имѣютъ много общаго между собой. Они всегда отрицаютъ Бога и душу, слѣдовательно высшую истину и высшую жизнь.

Софисты временъ Сократа, всѣ эти Горгіасы, Продикусы и Протагоры утверждали, что нѣтъ разницы между истиной и заблужденіемъ. Они гордились тѣмъ, что могли защищать любую идею и съ тѣмъ же искусствомъ восхвалять ея противоположеніе, утверждая, что нѣтъ иной справедливости кромѣ силы, нѣтъ иной истины кромѣ личнаго мнѣнія. Самодовольные и любящіе хорошо пожить, они требовали большой платы за свои уроки и толкали молодыхъ людей на распутство, интриги и тиранію.

Сократъ подходилъ къ софистамъ съ своей вкрадчивой кротостью, съ тонкимъ добродушіемъ, какъ несвѣдующій человѣкъ, желающій поучиться у нихъ. Глаза его сверкали умомъ и добротой. Затѣмъ, ставя вопросъ за вопросомъ, онъ принуждалъ ихъ высказывать противоположное тому, что они утверждали вначалѣ и доводилъ ихъ до косвеннаго признанія, что они сами не знаютъ о чемъ говорятъ. Сократъ постоянно доказывалъ, что софисты не знаютъ ни причины, ни начала вещей, несмотря на свои претензіи на универсальное знаніе.

Добившись того, что имъ больше ужъ нечего было возражать, онъ не торжествовалъ своей побѣды, а съ добродушной улыбкой благодарилъ своихъ противниковъ, что они просвѣтили его своими отвѣтами, прибавляя, что сознаніе своего невѣжества есть начало истинной мудрости. Чему же вѣрилъ и что утверждалъ самъ Сократъ? Онъ не отрицалъ Боговъ, онъ также почиталъ ихъ, какъ и его сограждане, но говорилъ, что ихъ природа была непознаваема и признавался, что ровно ничего не понимаетъ въ той физикѣ и метафизикѣ, которыя предподавались въ современныхъ школахъ. Самое важное—говорилъ онъ—это вѣрить въ истину и справедливость и примѣнять ихъ въ своей жизни. Его аргументы принимали большую силу въ его устахъ, ибо онъ самъ былъ живымъ примѣромъ: безукоризненный гражданинъ, отважный солдатъ, неподкупный судья, вѣрный и безкорыстный другъ и полновластный господинъ надъ всѣми своими срастями.

Такъ мѣняются средства нравственнаго воспитанія сообразно временамъ и эпохамъ. Пиѳагоръ передъ своими посвященными учениками говорилъ о нравственности съ космогоническихъ высотъ.

Въ Аѳинахъ, на публичной площади, среди Клеоновъ и Горгіасовъ, Сократъ говорилъ о врожденномъ чувствѣ справедливости и истины съ цѣлью перестроить расшатанный общественный строй. И оба они, одинъ въ нисходящемъ порядкѣ принциповъ, другой—въ восходящемъ, утверждали одну и ту же истину.

Пиѳагоръ представляетъ собою методъ наивысшаго посвященія; Сократъ вноситъ эру открытой науки. Чтобы не выходить изъ своей роли общественнаго проповѣдника, онъ отказался отъ посвященія въ элевзинскія мистеріи. Тѣмъ не менѣе, онъ не былъ чуждъ цѣлостной истины, которая преподавалась въ великихъ мистеріяхъ.

Когда Сократъ говорилъ, онъ весь мѣнялся, словно вдохновенный Фавнъ, которымъ овладѣла божественная сила. Его глаза зажигались, его лысая голова пріобрѣтала величіе и его уста произносили тѣ свѣтлыя мысли, которыя освѣщаютъ предметъ до самаго дна.

Почему Платонъ былъ такъ непреодолимо очарованъ и такъ подчинялся этому человѣку? Онъ черезъ него понялъ превосходство добра надъ красотой. Ибо красота осуществляетъ истину въ искусствѣ, тогда какъ добро осуществляетъ ее въ глубинѣ души. Рѣдкое и могучее очарованіе, ибо оно дѣйствуетъ помимо физическихъ чувствъ. Впечатлѣніе отъ истинно-справедливаго человѣка заставило поблѣднѣть въ душѣ Платона все ослѣпительное великолѣпіе видимой красоты и вынудило замѣнить ее болѣе божественной мечтой.

Этотъ человѣкъ показалъ ему, насколько красота и слава, какъ онъ ихъ понималъ до тѣхъ поръ, уступаютъ красотѣ и славѣ дѣятельной души, привлекающей другія души къ истинѣ. Эта сіяющая вѣчная красота, которая и есть «Сіяніе Истины», убила измѣнчивую и обманчивую красоту въ душѣ Платона. Вотъ почему Платонъ, забывая все, что онъ любилъ до тѣхъ поръ, отдался Сократу во цвѣтѣ лѣтъ со всѣмъ огнемъ и поэзіей своей души. Эта была большая побѣда Истины надъ Красотой, которая имѣла неисчислимыя послѣдствія для исторіи человѣческаго духа.

Между тѣмъ, друзья Платона ожидали его выступленія на театральной сценѣ. Онъ пригласилъ ихъ въ свой домъ на торжественный пиръ, чему всѣ удивились, такъ какъ въ обычаѣ было пировать послѣ завоеванія приза, когда трагедія уже прошла на сценѣ и заслужила побѣдные лавры. Но никто не отказался отъ приглашенія въ его богатый домъ, гдѣ Музы и Граціи встрѣчались въ сообществѣ съ Эросомъ. Его домъ служилъ мѣстомъ свиданія для элегантной молодежи Аѳинъ. Платонъ истратилъ цѣлое состояніе на этотъ пиръ. Столы были раскинуты въ саду и молодые люди съ факелами освѣщали

пирующихъ. Самыя прекрасныя изъ аѳинскихъ гетеръ присутствовали и пиръ длился всю ночь. Пѣли гимны любви и Вакху, танцовщицы, играя на флейтахъ, исполняли самые страстные танцы. Подъ конецъ пирующіе стали просить Платона, чтобы онъ продекламировалъ одинъ изъ своихъ дифирамбовъ.

Онъ поднялся и улыбаясь сказалъ: «этотъ пиръ послѣдній, въ которомъ я участвую съ вами. Съ этого часа я отказываюсь отъ радостей жизни, чтобы посвятить себя Мудрости и послѣдовать ученію Сократа. Знайте, что я отрекаюсь даже отъ поэзіи, ибо я позналъ ея безсиліе выразить истину, какъ я понимаю истину отнынѣ. Я не напишу болѣе ни одного стиха и сейчасъ, въ вашемъ присутствіи, сожгу все, что написалъ до сихъ поръ».

Крики изумленія и протестовъ понеслись со всѣхъ концовъ стола, вокругъ котораго возлежали пирующіе на раскошныхъ ложахъ, въ вѣнкахъ изъ розъ. На всѣхъ лицахъ, возбужденныхъ виномъ и весельемъ, виднѣлось или изумленіе или насмѣшка. Раздавался даже смѣхъ недовѣрія и презрительнаго недоумѣнія.

Намѣреніе Платона оцѣнили какъ безуміе и даже святотатство; требовали, чтобы онъ отказался отъ своихъ словъ. Но Платонъ подтвердилъ свое рѣшеніе съ спокойствіемъ и рѣшимостью, недопускавшими возраженія. Онъ закончилъ свою рѣчь такими словами: «благодарю всѣхъ тѣхъ, кто захотѣлъ раздѣлить со мной этотъ прощальный пиръ, но я могу оставить у себя только тѣхъ, которые захотятъ раздѣлить мою новую жизнь. Отнынѣ друзья Сократа будутъ единственными моими друзьями».

Эти слова пронеслись подобно дуновенію мороза надъ яркимъ цвѣтникомъ. Всѣ лица пирующихъ приняли грустное и удрученное выраженіе людей, присутствующихъ при похоронной процессіи. Куртизанки поднялись негодующія съ своихъ мѣстъ и приказали унести себя на своихъ разукрашенныхъ носилкахъ, бросая на хозяина пира гнѣвные взгляды. Золотая молодежь и софисты расходились съ ироническими возгласами: «прощай Платонъ, будь счастливъ, но ты вернешься къ намъ! Прощай! До свиданія!»

Только два молодыхъ гостя остались около него. Онъ взялъ за руку этихъ вѣрныхъ друзей и проходя мимо амфоръ, на половину еще наполненныхъ виномъ, мимо разбросанныхъ цвѣтовъ, и мимо лиръ и флейтъ, опрокинутыхъ въ безпорядкѣ на недопитыя чаши, Платонъ удалился съ ними во внутренній дворъ своего дома. Тамъ, на небольшомъ жертвенникѣ возвышалась цѣлая пирамида свитковъ изъ папируса. Въ этихъ свиткахъ были всѣ поэтическія произведенія

Платона. Поэтъ, взявъ у слуги факелъ, поджегъ ихъ съ спокойной улыбкой и произнесъ: «Вулканъ! иди сюда, Платонъ нуждается въ тебѣ». *)

Когда пламя погасло и отъ свитковъ остался одинъ пепелъ, на глазахъ у обоихъ друзей блестѣли слезы, и они молча простились съ своимъ будущимъ учителемъ. Но Платонъ, оставшись одинъ, не плакалъ. Миръ и чудный свѣтъ наполняли его существо. Онъ думалъ о Сократѣ, котораго скоро увидитъ. Занимающаяся заря уже скользила по террасамъ домовъ, по фронтонамъ и колоннадамъ храмовъ, и вскорѣ первый лучъ солнца заигралъ на каскѣ Минервы, стоявшей на вершинѣ Акрополя.

Глава II.

Посвященіе Платона и его философія.

Черезъ три года послѣ того, какъ Платонъ сталъ ученикомъ Сократа, послѣдній былъ приговоренъ къ смерти Ареопагомъ; выпивъ спокойно чашу съ ядомъ, онъ умеръ, окруженный своими учениками.

Мало историческихъ событій, которыя были бы такъ плохо поняты, какъ казнь Сократа. Вошло въ обычай смотрѣть, что рѣшеніе Ареопага было вызвано необходимостью, что оно состоялось въ виду того, что Сократъ, отрицая боговъ, являлся врагомъ государственной религіи и тѣмъ самымъ расшатывалъ основы аѳинской республики. Мы сейчасъ покажемъ, что въ этомъ утвержденіи кроются двѣ ошибки. Напомнимъ прежде всего слова В. Кузена, поставленныя имъ во главѣ *Апологіи Сократа*, въ его прекрасномъ переводѣ произведеній Платона: «Анитосъ, нужно признаться въ томъ, былъ достойный гражданинъ; Ареопагъ былъ трибуналомъ справедливымъ и умѣреннымъ; и если нужно чему удивляться, то только тому, что Сократъ былъ осужденъ такъ поздно, и что число осуждающихъ голосовъ не было значительнѣе». Философъ и одновременно министръ народнаго просвѣщенія, Кузенъ не видѣлъ, что если признать правоту этихъ словъ, слѣдовало бы осудить одновременно и философію, и религію, для того, чтобы возвеличить политику лжи, насилія и произвола. Ибо если философія дѣйствительно разрушаетъ основы общественнаго строя, она не болѣе, какъ высокопарное безуміе; если религія можетъ существовать только при условіи запрета всякаго исканія истины, религія

*) Отрывокъ изъ полнаго собранія соч. Платона подъ заглавіемъ «Платонъ, сжигающій свои поэтическія произведенія».

не болѣе, какъ мрачная тиранія. Попробуемъ установить болѣе справедливую точку зрѣнія на религію и философію древнихъ Грековъ.

Одинъ фактъ большой важности ускользнулъ отъ большинства современныхъ историковъ и философовъ. Въ Греціи всѣ преслѣдованія, направленныя противъ философовъ, никогда не исходили изъ храмовъ, а только отъ политикановъ. Эллинская цивилизація не знала между священниками и философами той борьбы, которая играетъ такую большую роль въ нашей жизни съ тѣхъ поръ, какъ былъ уничтоженъ христіанскій эзотеризмъ.

Ѳалесъ могъ спокойно утверждать, что міръ происходитъ отъ воды, Гераклитъ—что онъ возникъ изъ огня, Анаксагоръ—что солнце есть масса раскаленнаго огня, Демокритъ—что все происходитъ изъ атомовъ. Ни одинъ изъ храмовъ не тревожился этимъ. Въ святилищахъ храмовъ истина была извѣстна. Тамъ твердо знали, что философы, отрицающіе Боговъ, не въ состояніи уничтожить ихъ въ сознаніи народа, и что истинные философы вѣрили въ Боговъ такъ же, какъ и посвященные, и видѣли въ нихъ различныя ступени божественной іерархіи, того божественнаго Начала, которымъ проникнута вся природа, того Невидимаго, которое управляетъ Видимымъ. Такимъ образомъ эзотерическая основа служила связью между истинной философіей и истинной религіей. Вотъ фактъ глубочайшей важности, который объясняетъ ихъ полную согласованность въ эллинской цивилизаціи.

Кто же осудилъ Сократа? Элевзинскіе жрецы, проклинавшіе виновниковъ Пелопонесской войны, не произнесли ни одного слова противъ него. Что касается Дельфійскаго храма, онъ выдалъ Сократу самое прекрасное свидѣтельство, какое только можетъ быть выдано смертному человѣку. Пиѳія, спрошенная о томъ, какъ думаетъ Аполлонъ относительно Сократа, отвѣчала: «нѣтъ человѣка болѣе свободнаго, болѣе справедливаго и болѣе разумнаго. *)

Два главныя обвиненія противъ Сократа: развращеніе молодежи и невѣріе въ Боговъ, были—слѣдовательно—однимъ лишь предлогомъ. На второе обвиненіе осуждаемый отвѣтилъ своимъ судьямъ: «я вѣрю въ свой собственный разумъ, тѣмъ болѣе долженъ я вѣрить въ Боговъ, которые являются разумными духами вселенной». Откуда же непримиримая ненависть къ мудрецу? Онъ боролся противъ несправедливости, срывалъ маску лицемѣрія, указывалъ на ложь многихъ тщеславныхъ претензій своихъ современниковъ. Люди прощаютъ пороки

*) Ксенофонъ. Апологія Сократа.

и всѣ виды безвѣрія, но они не прощаютъ тѣмъ, которые срываютъ съ нихъ маску. Вотъ почему засѣдавшіе въ ареопагѣ вынесли смертный приговоръ невинному и справедливому, обвиняя его въ преступленіи, причастными къ которому были они, а не онъ, ибо *они* были настоящими атеистами.

Въ своей превосходной защитѣ, переданной Платономъ, Сократъ объясняетъ все это самъ съ своей обычной простотой: «мои безплодные поиски, направленные къ тому, чтобы найти мудрыхъ людей среди Аѳинянъ, вызвали противъ меня всю эту опасную вражду; отсюда и всѣ клеветы, распространяемыя противъ меня; ибо всѣ понимающіе меня думаютъ, что я многое могу раскрыть и тѣмъ обнаружить невѣжество многихъ... Интриганы, дѣятельные и многочисленные, говоря обо мнѣ съ краснорѣчіемъ, которое способно легко соблазнить и наполняя ваши уши самыми ложными шумами,—продолжаютъ безостановочно свою систему клеветы. Сегодня они напускаютъ на меня Мелитоса, Анитоса и Ликона. Мелитосъ представляетъ поэтовъ, Анитосъ — политиковъ и художниковъ, Ликонъ—ораторовъ».

Поэтъ безъ таланта, злой и фанатическій богачъ и неразборчивый демагогъ были причиной смерти лучшаго изъ людей, и смерть эта сдѣлала его безсмертнымъ. Онъ гордо могъ сказать своимъ судьямъ: «я вѣрю болѣе въ Боговъ, чѣмъ кто либо изъ моихъ обвинителей. Настало время разстаться: мнѣ—чтобы умереть, вамъ—чтобы жить. Кому изъ насъ дается лучшій удѣлъ? Этого не знаетъ никто, кромѣ Бога»*).

Далекій отъ того, чтобы расшатывать истинную религію и ея національные символы, Сократъ дѣлалъ все, чтобы укрѣпить ихъ. Онъ былъ бы величайшей опорой для своего отечества, если бы отечество могло понять его. Подобно Іисусу, онъ умеръ, прощая своимъ палачамъ, и сталъ для всего человѣчества образцомъ мудреца-мученика. Онъ представляетъ собой пришествіе въ міръ индивидуальнаго посвященія и науки, открытой для всѣхъ.

Свѣтлый образъ Сократа, умирающаго за истину и бесѣдующаго въ свой смертный часъ съ учениками о безсмертіи души, запечатлѣлся въ умѣ Платона, какъ самое прекрасное изъ зрѣлищъ и какъ самая святая изъ всѣхъ мистерій. Это было его первымъ великимъ посвященіемъ. Позднѣе онъ изучалъ физику и метафизику и много другихъ наукъ; но онъ на всегда остался ученикомъ Сократа. Онъ передалъ намъ его живой образъ, влагая въ уста своего учителя сокровища своей собственной мысли.

---

*) Платонъ. Апологія Сократа.

Этотъ тонкій ароматъ скромности дѣлаетъ изъ него идеалъ ученика, также, какъ огонь энтузіазма дѣлаетъ его истиннымъ поэтомъ среди философовъ. Хотя намъ извѣстно, что онъ основалъ школу на пятидесятомъ году своей жизни и умеръ семидесяти лѣтъ, невозможно представить себѣ его иначе, какъ молодымъ, ибо вѣчная молодость есть удѣлъ душъ, у которыхъ къ глубинѣ мысли присоединяется и чистота сердца.

Платонъ получилъ отъ Сократа великій импульсъ, мужественное и дѣятельное начало своей жизни, свою вѣру въ справедливость и истину. Но сущностью своихъ идей онъ былъ обязанъ своему посвященію въ Мистеріи. Его геній облекъ ихъ въ новую форму, одновременно и поэтическую, и діалектическую. Посвященіе свое онъ принялъ не только въ Элевзисѣ, онъ искалъ его во всѣхъ доступныхъ источникахъ античнаго міра.

Послѣ смерти Сократа онъ отправился путешествовать. Онъ слушалъ многихъ философовъ Малой Азіи. Оттуда онъ отправился въ Египетъ, чтобы войти въ сношеніе съ его жрецами; тамъ онъ прошелъ черезъ посвященіе Изиды. Онъ не достигъ—подобно Пиѳагору—высшей ступени, на которой человѣкъ становится адептомъ и пріобрѣтаетъ дѣйствительное и прямое вѣдѣніе божественной истины вмѣстѣ съ сверхъестественнымъ—съ земной точки зрѣнія—могуществомъ. Онъ становился на третьей ступени, которая даетъ человѣку полную ясность разума и совершенное господство надъ душой и тѣломъ.

Затѣмъ онъ отправился въ Южную Италію, чтобы познакомиться съ пиѳагорейцами, хорошо зная, что Пиѳагоръ былъ величайшимъ изъ греческихъ мудрецовъ. Онъ пріобрѣлъ на вѣсъ золота одинъ изъ манускриптовъ учителя. Познакомившись съ эзотерическимъ преданіемъ Пиѳагора изъ первоисточника, онъ взялъ у этого философа основныя идеи и самый планъ своей системы *).

Возвратившись въ Аѳины, Платонъ основалъ свою школу, столь прославившуюся подъ именемъ *Академіи*. Чтобы продолжать дѣло

---

*) То, что Орфей провозглашалъ въ видѣ темныхъ аллегорій, говоритъ Проклъ, а Пиѳагоръ преподавалъ послѣ своего посвященія въ орфическія мистеріи,—все это Платонъ узналъ основательно благодаря орфическимъ и пиѳагорейскимъ писаніямъ; это мнѣніе александрійской школы относительно происхожденія платоническихъ идей вполнѣ подтверждается изученіемъ орфическихъ и пиѳагорейскихъ преданій и произведеній Платона. Это происхожденіе, остававшееся въ тайнѣ въ теченіе многихъ вѣковъ, было впервые обнародовано александрійскими философами, ибо они первые начали раскрывать эзотерическій смыслъ Мистерій.

Сократа, нужно было распространять истину. Но Платонъ не могъ публично передавать тѣ ученія, которыя пиѳагорейцы прикрывали тройнымъ покровомъ. Его обѣтъ молчанія, благоразуміе и самая цѣль запрещали ему публичное выступленіе, и хотя въ его *Діалогахъ* мы находимъ ту же эзотерическую доктрину, но она замаскирована, смягчена, нагружена діалектикой, какъ посторонней тяжестью, а самая суть ея преображена въ легенду, въ миѳъ, въ притчу.

Она уже не появляется у него съ той внушительной цѣльностью, которую придалъ ей Пиѳагоръ и которую мы стремились возстановить,—тѣмъ величественнымъ зданіемъ, опирающимся на незыблемую основу, отдѣльныя части котораго крѣпко спаяны между собой. Платонъ давалъ ее скорѣй въ аналитическихъ отрывкахъ, ибо онъ, подобно Сократу, старался оставаться на уровнѣ пониманія аѳинской молодежи и современныхъ ему риторовъ и софистовъ. Онъ ихъ побѣждалъ ихъ собственнымъ оружіемъ. Но геній его не перестаетъ свѣтить и здѣсь; ежеминутно, подобно могучему орлу, разрываетъ онъ цѣпь діалектики, чтобы смѣлымъ полетомъ подняться къ тѣмъ верховнымъ истинамъ, которыя и составляютъ его истинную родину, его настоящую сферу.

Эти діалоги обладаютъ несравненнымъ, проникающимъ очарованіемъ; въ нихъ наслаждаешься рядомъ съ энтузіазмомъ Дельфовъ и Элевзиса, чудной ясностью, аттической солью, шуткой Сократа, тонкой и окрыленной ироніей мудреца.

Нѣтъ ничего легче, какъ возстановить различныя части эзотерической доктрины въ произведеніяхъ Платона и въ то же время открыть источники, изъ которыхъ онъ черпалъ. Ученіе объ идеальныхъ первообразахъ вещей, изложенное въ *Федрѣ*, соотвѣтствуетъ доктринѣ священныхъ чиселъ Пиѳагора *). *Тимей* даетъ очень спутанное изложеніе эзотерической космогоніи. Что касается ученія о душѣ, ея странствіи и ея эволюціи,—оно проходитъ черезъ всѣ произведенія Платона, но нигдѣ не виднѣется съ такой ясностью, какъ въ его *Пирѣ*, въ *Федонѣ* и въ легендѣ *Эрѣ*, помѣщенной въ концѣ послѣдняго діалога. Мы узнаемъ тутъ Психею, и какъ прекрасно и трогательно просвѣчиваетъ она сквозь наброшенное на нее покрывало своими чудными формами и своей божественной граціей!

Мы видѣли въ предыдущей книгѣ, что ключъ къ космосу, тайна построенія всѣхъ его отдѣловъ заключается въ принципѣ *трехъ міровъ*, отраженныхъ въ микрокозмѣ и макрокозмѣ, въ человѣческой и въ

*) См. изложеніе этой доктрины выше.

божественной троичности. Пиѳагоръ формулировалъ эту доктрину подъ символомъ *священной Тетрады*. Эта доктрина живого Глагола составляла великое таинство, источникъ магіи, святую святыхъ посвященнаго, его неприступную крѣпость, возведенную надъ бурнымъ океаномъ проявленнаго міра.

Платонъ не могъ и не хотѣлъ раскрывать эту тайну въ своемъ публичномъ ученіи. Очень немногіе могли понять его, а непонявшіе только исказили бы эту теогоническую мистерію, заключавшую въ себѣ происхожденіе міровъ. Къ тому же и клятва молчанія связывала его. Для борьбы съ порчей нравовъ и съ разнузданностью политическихъ страстей нужно было нѣчто иное. Съ уничтоженіемъ великаго посвященія должна была закрыться и дверь въ потусторонній міръ, та дверь, которая открывалась вполнѣ только для великихъ пророковъ и для немногихъ истинныхъ посвященныхъ.

Платонъ замѣнилъ ученіе о «трехъ мірахъ» тремя концепціями, которыя, за отсутствіемъ установленнаго посвященія, оставались въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ какъ бы тремя путями, ведущими къ верховной цѣли. Эти три концепціи относятся одинаково и къ міру человѣческому, и къ міру божественному; хотя отвлеченнымъ образомъ, но онѣ все же соединяютъ оба міра, и здѣсь особенно сильно проявляется популяризаторскій и творческій геній Платона. Онъ проливаетъ цѣлые потоки свѣта, ставя на одинъ уровень идеи Истины, Красоты и Добра. Освѣщая одну идею посредствомъ другой, онъ доказывалъ, что онѣ—три луча, исходящіе изъ одного и того жа свѣтового центра, которые, сливаясь и составляютъ зтотъ свѣтовой центръ, то есть: Бога.

Осуществляя Добро, слѣдовательно и справедливость, душа очищается. Она готовится познать Истину,—это первое и необходимое условіе для ея прогресса. Если расширить идею Красоты, она перейдетъ въ Красоту духовную, въ свѣтъ Разума, изъ котораго изошли всѣ вещи, которымъ оживотворялись всѣ формы и который является и субстанціей, и органомъ Бога.

Погружаясь въ Міровую Душу, человѣческая душа пріобрѣтаетъ крылья. Овладѣвая Истиной, душа достигаетъ чистой Сущности, она прикасается къ тѣмъ началамъ, которыя заключаются въ чистомъ Разумѣ. Она познаетъ свое безсмертіе, благодаря тождеству своего начала съ началомъ Божественнымъ. Отсюда—совершенство, эпифанія души.

Раскрывая зти широкіе горизонты передъ человѣческимъ сознаніемъ, Платонъ установилъ—внѣ узкихъ системъ и отдѣльныхъ религій—*категорію Идеала*, который долженъ былъ замѣнить на многіе

вѣка и замѣняетъ и до сихъ поръ, *органическое полное посвященіе.* Онъ проложилъ три священные пути, ведущіе къ Богу. Проникнувъ во внутренность храма вмѣстѣ съ Гермесомъ, Орфеемъ и Пиѳагоромъ, мы можемъ убѣдиться, какъ правильно и прочно заложены были эти широкіе пути строительнымъ геніемъ Платона. Знакомство съ посвященіемъ даетъ намъ и оправданіе и внутренній смыслъ Идеализма.

Идеализмъ есть смѣлое утвержденіе божественныхъ истинъ душою, вопрошающей себя въ тиши уединенія и опредѣляющей духовныя реальности путемъ своихъ собственныхъ интимныхъ свойствъ и своего собственнаго внутренняго голоса. *Посвященіе* есть проникновеніе въ эти истины непосредственнымъ опытомъ души, непосредственнымъ вѣдѣніемъ духа, внутреннимъ преображеніемъ. На высшей ступени, это—общеніе души съ божественнымъ міромъ.

Идеалъ есть нравственность, поэзія, философія; *Посвященіе* есть дѣйствіе, познаваніе, присутствіе верховной Истины. Идеалъ есть мечта о божественной родинѣ и тоска по ней; Посвященіе, этотъ храмъ избранныхъ, есть ясное воспоминаніе, болѣе того — возвратъ на родину.

Устанавливая категорію Идеала, посвященный Платонъ создалъ тѣмъ самымъ вѣрную пристань для милліона душъ, раскрылъ путь спасенія для тѣхъ, которые не въ состояніи достигнуть въ этой жизни прямого посвященія, но которые все же мучительно стремятся къ истинѣ.

Платонъ сдѣлалъ такимъ образомъ изъ философіи преддверіе будущаго святилища, приглашая войти въ него всѣхъ, обладающихъ доброй волей. Идеализмъ его многочисленныхъ дѣтей, и христіанъ и язычниковъ, представляется намъ *притворомъ, въ которомъ пребываютъ всѣ чающіе великаго Посвященія.*

Вотъ откуда исходитъ огромная популярность и свѣтлая сила платоническихъ идей. Сила эта коренится въ ихъ эзотерической основѣ. Вотъ почему аѳинская Академіи, основанная Платономъ, жила цѣлые вѣка и продолжала жить въ александрійской школѣ. Вотъ почему первые Отцы Церкви отдавали должное Платону; вотъ почему св. Августинъ взялъ у него двѣ трети своей теологіи.

Двѣ тысячи лѣтъ протекли съ тѣхъ поръ, какъ ученикъ Сократа испустилъ свой послѣдній вздохъ въ тѣни Акрополя. Христіанство, нашествіе варваровъ, средніе вѣка пронеслись съ тѣхъ поръ надъ міромъ.

И все же античный міръ возродился снова изъ пепла. Во Флоренціи, Медичи рѣшили основать академію и призвали для этой цѣли

ученаго грека, изгнаннаго изъ Константинополя. Какое же имя далъ Марсилій Фицинъ этой академіи? Онъ назвалъ ее *Платоновской* и даже понынѣ, послѣ того, какъ столько философскихъ системъ, нагромождаясь одна на другую, разсыпались въ прахъ, послѣ того, какъ наука проникла во всѣ трансформаціи матеріи и стала лицомъ къ лицу съ невидимымъ и необъяснимымъ,—Платонъ все еще близокъ намъ. Всегда простой и скромный, но сіяющій вѣчной молодостью, онъ протягиваетъ намъ священную вѣтвь *Мистерій*, сплетенную изъ мирты и кипариса съ нарциссомъ посреди, этимъ *цвѣткомъ души*, обѣщающимъ божественное возрожденіе въ новомъ Элевзисѣ.

Глава III.

Элевзинскія мистеріи.

Элевзинскія мистеріи были въ греческомъ и латинскомъ античномъ мірѣ предметомъ особеннаго почитанія. Даже тѣ авторы, которые поднимали на смѣхъ «миѳологическія басни», не осмѣливались касаться культа «великихъ богинь». Ихъ царство, менѣе шумное, чѣмъ царство Олимпійцевъ, оказалось болѣе устойчивымъ и болѣе дѣйствительнымъ. Въ незапамятныя времена одна изъ греческихъ колоній, переселившаяся изъ Египта, принесла съ собой въ тихій заливъ Элевзиса культъ великой Изиды, подъ именемъ Деметры или вселенской матери. Съ тѣхъ поръ Элевзисъ оставался центромъ посвященія.

Деметра и дочь ея Персефона стояли во главѣ малыхъ и великихъ мистерій; отсюда ихъ обаяніе.

Если народъ почиталъ въ Церерѣ олицетвореніе земли и богиню земледѣлія, посвященные видѣли въ ней мать всѣхъ душъ и божественный Разумъ, а также мать космогоническихъ боговъ. Ея культъ совершался жрецами, принадлежавшими къ самому древнему жреческому роду въ Аттикѣ. Они называли себя сынами луны, т. е. рожденными, чтобы быть посредниками между землей и небомъ, и считающими своей родиной ту сферу, гдѣ находился переброшенный между двумя царствами мостъ, по которому души спускаются и вновь поднимаются. Назначеніемъ этихъ жрецовъ было воспѣвать въ этой безднѣ скорбей восторги небеснаго пребыванія и указывать средства, *какъ* найти обратный путь къ небесамъ. Отсюда ихъ имя Эвмолпидовъ или «пѣснопѣвцевъ благодѣтельной мелодіи», кроткихъ утѣшителей человѣческой души.

Жрецы Элевзиса владѣли эзотерической доктриной, дошедшей къ нимъ изъ Египта; но съ теченіемъ вѣковъ они украсили ее всѣмъ

очарованіемъ прекрасной и пластической миѳологіи. Съ тонкимъ и глубокимъ искусствомъ умѣли они пользоваться земными страстями, чтобы выражать небесныя идеи. Чувственныя впечатлѣнія, великолѣпіе церемоній и соблазны искусства, все это они пускали въ ходъ, чтобы привить душѣ высшее, и поднять умъ до пониманія божественныхъ истинъ. Нигдѣ мистеріи не являлись подъ такой человѣчной, живой и красочной формой.

Миѳъ Цереры и ея дочери Прозерпины составляютъ центръ Элевзинскаго культа *). Подобно блистательной процессіи, все элевзинское посвященіе вращается и развертывается вокругъ этого свѣтящагося центра. Въ своемъ наиболѣе глубокомъ смыслѣ, миѳъ этотъ представляетъ символически исторію души, ея схожденіе въ матерію, ея страданіе во мракѣ забвенія, а затѣмъ—ея вознесеніе и возвратъ къ божественной жизни. Другими словами, это—драма грѣхопаденія и искупленія въ ея эллинской формѣ.

Съ другой стороны, можно утверждать, что для культурнаго и посвященнаго аѳинянина временъ Платона, элевзинскія мистеріи представляли собой объяснительныя дополненія къ трагическимъ представленіямъ въ аѳинскомъ театрѣ Вакха. Тамъ, передъ шумнымъ и волнующимся народомъ, страшныя заклинанія Мельпомены взывали къ земному человѣку, ослѣпленному своими страстями, преслѣдуемому Немезидой своихъ преступленій, удрученному неумолимымъ рокомъ, часто совершенно непостижимымъ для него.

Тамъ слышались отголоски борьбы Прометея, проклятія Эринній; тамъ раздавались стоны отчаянія Эдипа и неистовства Ореста. Тамъ царствовали мрачный Ужасъ и плачущая Жалость. Но въ Элевзисѣ, за оградой Цереры, все прояснялось. Весь Кругъ вещей проходилъ передъ посвященными, которые становились ясновидящими. Исторія Психеи-Персефоны дѣлалась для каждой души ослѣпительнымъ откровеніемъ. Тайна жизни объяснялась или какъ искупленіе, или какъ испытаніе. По ту и по сю сторону земного настоящаго, человѣкъ открывалъ безконечныя перспективы прошлаго и свѣтлыя дали божественнаго будущаго. Послѣ ужасовъ смерти, наступали надежда освобожденія и небесныя радости, а изъ настежъ-открытыхъ дверей храма лились пѣснопѣнія ликующихъ и свѣтовыя волны чуднаго, потусторонняго міра.

Вотъ чѣмъ являлись Мистеріи лицомъ къ лицу съ Трагедіей: *божественной драмой души, дополняющей и объясняющей земную драму человѣка.*

---

*) См. гимнъ Гомера, обращенный къ Деметрѣ.

Малыя мистерiя праздновались въ февралѣ, въ Агреѣ, по близости отъ Аѳинъ. Всѣ ищущiе посвященiя и выдержавшiе предварительный экзаменъ, имѣвшiе при себѣ свидѣтельства о рожденiи, воспитанiи и нравственной жизни, подходили къ входу въ запертую ограду; тамъ ихъ встрѣчалъ жрецъ Элевзиса, носившiй имя *Hiérocéryx* или священный герольдъ, который изображалъ Гермеса съ кадуцеемъ. Это былъ руководитель, посредникъ и толкователь Мистерiй. Онъ велъ вновь пришедшихъ къ небольшому храму съ iоническими колоннами, посвященному *Корѣ*, великой дѣвственницѣ Персефонѣ.

Святилище богини притаилось въ глубинѣ спокойной долины, среди священной рощи, между группами тисовъ и бѣлыхъ тополей. И тогда жрицы Прозерпины, iерофантиды, выходили изъ храма въ бѣлоснѣжныхъ пеплумахъ, съ обнаженными руками, съ вѣнками изъ нарцисовъ на головахъ. Онѣ становились въ рядъ у входа въ храмъ и начинали пѣть священныя мелодiи дорiйскаго напѣва. Онѣ сопровождали свои речитативы ритмическими жестами:

«О, стремящiеся къ Мистерiямъ! Привѣтъ вамъ на порогѣ Прозерпины! То, что вы увидите, изумитъ васъ. Вы узнаете, что ваша настоящая жизнь не болѣе, какъ ткань смутныхъ и лживыхъ иллюзiй. Сонъ, который окутываетъ васъ мракомъ, уноситъ ваши сновидѣнiя и ваши дни въ своемъ теченiи, подобно обломкамъ, уносимымъ вѣтромъ и исчезающимъ въ дали. Но позади этого круга темноты разливается вѣчный свѣтъ. Да будетъ Персефона благосклонна къ вамъ, и да научитъ она васъ переплывать этотъ потокъ темноты и проникать до самой небесной Деметры!»

Затѣмъ пророчица, управлявшая хоромъ, спускалась съ трехъ ступеней лѣстницы и произносила торжественнымъ голосомъ, съ выраженiемъ угрозы, слѣдующiя заклятiя: «Горе тѣмъ, которые приходятъ сюда безъ уваженiя къ Мистерiямъ! Ибо сердца этихъ нечестивцевъ будутъ преслѣдуемы богиней въ теченiе всей ихъ жизни и даже въ царствѣ тѣней не спасутся они отъ ея гнѣва.»

Затѣмъ, нѣсколько дней проходило въ омовенiяхъ и постѣ, въ молитвахъ и наставленiяхъ.

Наканунѣ послѣдняго дня, вновь вступившiе соединялись вечеромъ въ таинственномъ мѣстѣ священной рощи, чтобы присутствовать *при похищенiи Персефоны*. Сцена разыгрывалась подъ открытымъ небомъ жрицами храма. Обычай этотъ чрезвычайно древнiй, и основа этого представленiя, его господствующая идея оставалась та же самая, хотя форма измѣнялась значительно на протяженiи многихъ вѣковъ.

Во времена Платона, благодаря развитію трагедіи, старинная строгость священныхъ представленій уступила мѣсто большей человѣчности, большей утонченности и болѣе страстному настроенію. Направляемые Іерофантомъ, оставшіеся неизвѣстными поэты Элевзиса сдѣлали изъ этой сцены короткую драму, которая развертывалась приблизительно такъ:

(Участвующіе въ Мистеріяхъ появляются парами на лѣсной лужайкѣ. Фономъ служатъ скалы; въ одной изъ скалъ виднѣется гротъ, окруженный группами миртъ и тополей На переднемъ планѣ—лужайка, прорѣзанная ручьемъ, вокругъ котораго размѣстилась группа лежащихъ нимфъ. Въ глубинѣ грота виднѣется сидящая *Персефона*. Обнаженный до пояса, какъ у Психеи, ея стройный бюстъ поднимается цѣломудрено изъ тонкихъ драпировокъ, окружающихъ нижнюю часть ея тѣла, подобно голубоватому туману. Она имѣетъ счастливый видъ, не сознаетъ своей красоты и вышиваетъ длинное покрывало разноцвѣтными нитями. *Деметра*, ея мать, стоитъ рядомъ съ ней; на головѣ ея kalathos, а въ рукѣ она держитъ свой скипетръ.)

Гермесъ (герольдъ Мистерій, обращается къ присутствующимъ):

Деметра предлагаетъ намъ два превосходныхъ дара: плоды, чтобы мы могли питаться иначе чѣмъ животныя, и посвященіе, которое даетъ всѣмъ участникамъ сладостную надежду и для этой жизни, и для вѣчности. Внимайте же словамъ, которыя вы услышите, и всему, что сейчасъ удостоитесь увидѣть.—

Деметра (серьезнымъ голосомъ):

Возлюбленная дочь Боговъ, оставайся въ этомъ гротѣ до моего возвращенія и вышивай мое покрывало. Небо—твоя родина, вселенная принадлежитъ тебѣ. Ты видишь Боговъ; они являются на твой зовъ. Но не слушай голоса хитраго Эроса съ чарующими взглядами и коварными рѣчами. Остерегайся выходитъ изъ грота и не срывай соблазнительныхъ цвѣтовъ земли; ихъ тревожное и пьянящее благоуханіе погаситъ въ твоей душѣ небесный Свѣтъ и уничтожитъ даже самое воспоминаніе о немъ. Вышивай покрывало и живи до моего возвращенія съ твоими подругами нимфами, и тогда я явлюсь за тобой и увлеку тебя на моей огненной колесницѣ, влекомой змѣями, въ сіяющія волны Эфира, что разстилается по ту сторону Млечнаго Пути.

Персефона. Да, царственная мать, обѣщаю во имя того свѣта, который окружаетъ тебя, обѣщаю тебѣ послушаніе и да накажутъ меня Боги, если я не сдержу своего слова. (Деметра выходитъ).

Хоръ нимфъ. О, Персефона! О, цѣломудренная невѣста Небесъ, вышивающая образы Боговъ на своемъ покрывалѣ, да будутъ отъ тебя далеки тщетныя иллюзіи и безконечныя страданія земли. Вѣчная

истина улыбается тебѣ. Твой божественный Супругъ, Діонисъ, ожидаетъ тебя въ Эмпиреяхъ. Порой онъ является тебѣ подъ видомъ далекаго солнца; его лучи ласкаютъ тебя; онъ вдыхаетъ твои вздохи, а ты пьешь его свѣтъ... Уже заранѣе обладаете вы другъ другомъ. О, чистая Дѣва, *кто* можетъ быть счастливѣе тебя?

Персефона. На этомъ лазурномъ покрывалѣ съ безконечными складками, я вышиваю своей иглой безчисленные образы всѣхъ существъ и вещей. Я окончила исторію Боговъ; я вышила страшный Хаосъ съ сотней головъ и тысячью рукъ. Изъ него должны возникнуть смертныя существа. Но кто же вызвалъ ихъ къ жизни? Отецъ боговъ сказалъ мнѣ, что это—Эросъ. Но я никогда не видала его, мнѣ незнакомъ его образъ. Кто же опишетъ мнѣ его ликъ?

Нимфы. Не думай о немъ. Зачѣмъ ставить праздные вопросы?

Персефона (поднимается и откидываетъ покрывало). Эросъ! Самый древній и самый юный изъ Боговъ, неизсякаемый источникъ радостей и слезъ, ибо такъ говорили мнѣ о тебѣ—страшный Богъ, единственный, остающійся невѣдомымъ и невидимымъ изъ всѣхъ Безсмертныхъ, и единственный, желанный таинственный Эросъ! Какая тревога, какое упоеніе охватываетъ меня при имени твоемъ!

Хоръ. Не стремись узнать больше! Опасныя вопрошенія губили не только людей, но и Боговъ.

Персефона (устремляетъ въ пространство взоры, полные ужаса). Что это? Воспоминанія? Или это страшныя предчувствія? Хаосъ... Люди... Бездна рожденій, стоны рождающихъ, яростные вопли ненависти и битвъ... Пучина смерти! Я слышу, я вижу все это, и бездна притягиваетъ меня, она хватаетъ меня, я *должна* спуститься въ нее... Эросъ погружаетъ меня въ ея глубины своимъ зажигающимъ факеломъ. Ахъ, я умираю! Удалите отъ меня этотъ страшный сонъ! (она закрываетъ лицо руками и рыдаетъ).

Хоръ. О, божественная дѣвственница, это не болѣе какъ сонъ, но онъ воплотится, онъ сдѣлается роковой дѣйствительностью, и твое небо исчезнетъ подобно пустому сну, если ты уступишь преступному желанію. Послѣдуй спасительному предостереженію, возьми свою иглу и вернись къ своей работѣ. Забудь коварнаго! забудь преступнаго Эроса!

Персефона. (отнимаетъ руки отъ лица, на которомъ совершенно измѣнилось выраженіе, она улыбается сквозь слезы). Какія вы безумныя! И я сама потеряла разсудокъ! Теперь я сама вспоминаю, я слышала объ этомъ въ олимпійскихъ мистеріяхъ: Эросъ самый прекрасный изъ всѣхъ Боговъ; на крылатой колесницѣ предводительствуетъ онъ на

играхъ Безсмертныхъ, онъ руководитъ смѣшеніемъ первичныхъ субстанцій. Это *онъ* ведетъ смѣлыхъ людей, героевъ, изъ глубины Хаоса къ вершинамъ Эфира. Онъ знаетъ все; подобно огненному Началу, онъ проносится черезъ всѣ міры, онъ владѣетъ ключами отъ земли и неба! Я *хочу* его видѣть!

Хоръ. Несчастная! остановись!!

Эросъ (выходитъ изъ лѣса подъ видомъ крылатаго юноши). Ты зовешь меня, Персефона? Я передъ тобой.

Персефона (садится). Говорятъ, что ты хитрый, а твое лицо—сама невинность; говорятъ, что ты всемогущъ, а ты похожъ на нѣжнаго мальчика; говорятъ что ты предатель, а твой взглядъ таковъ, что чѣмъ больше я смотрю въ твои глаза, тѣмъ болѣе расцвѣтаетъ мое сердце, тѣмъ болѣе растетъ мое довѣріе къ тебѣ, прекрасный, веселый ребенокъ. Говорятъ, что ты все знаешь и все умѣешь. Можешь ли ты помочь мнѣ вышивать это покрывало?

Эросъ. Охотно! Смотри, вотъ я у ногъ твоихъ! Какое дивное покрывало! Оно точно купалось въ лазури чудныхъ очей твоихъ. Какіе прекрасные образы вышила твоя рука, но все же не столь прекрасныя, какъ божественная швея, которая еще ни разу не видѣла себя въ зеркалѣ (онъ лукаво улыбается).

Персефона. Видѣть себя! Развѣ это возможно!? (она краснѣетъ). Но узнаешь ли ты эти образы?

Эросъ. Узнаю ли я ихъ! Это—исторія Боговъ. Но отчего ты остановилась на Хаосѣ? Вѣдь только здѣсь и начинается борьба! Отчего ты не вышьешь борьбу титановъ, рожденіе людей и ихъ взаимную любовь?

Персефона. Мое знаніе останавливается здѣсь и память моя не подсказываетъ ничего. Не поможешь ли ты мнѣ вышить продолженіе?

Эросъ (бросаетъ на нее пламенный взглядъ). Да, Персефона, но съ однимъ условіемъ: прежде ты должна пойти со мной на лужайку и сорвать самый прекрасный цвѣтокъ.

Персефона. Моя царственная и мудрая мать запретила мнѣ это. «Не слушайся голоса Эроса, сказала она, не рви земныхъ цвѣтовъ. Иначе ты будешь самой несчастной изъ всѣхъ Безсмертныхъ»!

Эросъ. Я понимаю. Твоя мать не хочетъ, чтобы ты познала тайны земли. Если бы ты вдохнула ароматъ этихъ цвѣтовъ, всѣ тайны раскрылись бы для тебя.

Персефона. А ты ихъ знаешь?

Эросъ. Всѣ; и ты видишь, я сталъ отъ того лишь болѣе молодымъ и болѣе подвижнымъ. О дочь Боговъ! Бездна обладаетъ ужасами

и содроганіями, которые невѣдомы небу; тотъ не пойметъ вполнѣ и неба, который не пройдетъ черезъ земное и преисподнее.

Персефона. Можешь ли ты объяснить ихъ?

Эросъ. Да, смотри! (онъ дотрагивается до земли концомъ своего лука. Большой нарцисъ появляется изъ земли).

Персефона. О, прелестный цвѣтокъ! Онъ заставляетъ меня дрожать и вызываетъ въ моемъ сердцѣ божественное воспоминаніе. Иногда засыпая на вершинѣ моего любимаго свѣтила, позлащеннаго вѣчнымъ закатомъ, я видѣла при пробужденіи, какъ на пурпурѣ гаризонта плыла серебряная звѣзда. И мнѣ казалось тогда, что передомной загорѣлся факелъ безсмертнаго супруга, божественнаго Діониса. Но звѣзда опускалась, опускалась... и факелъ погасалъ въ отдаленіи. Этотъ чудный цвѣтокъ похожъ на ту звѣзду.

Эросъ. Это—я, который преобразуетъ и соединяетъ все, я, который дѣлаетъ изъ малаго отраженіе великаго, изъ глубинъ бездны—зеркало неба, я, который смѣшиваетъ небо и адъ на землѣ, который образуетъ всѣ формы въ глубинѣ океана, я возродилъ твою звѣзду, я извлекъ ее изъ бездны подъ видомъ цвѣтка, чтобы ты могла трогать ее, срывать и вдыхать ея ароматъ.

Хоръ. Берегись, чтобы это волшебство не оказалось западней!

Персефона. Какъ называешь ты этотъ цвѣтокъ?

Эросъ. Люди называютъ его нарциссомъ; я же называю его желаніемъ. Посмотри, какъ онъ смотритъ на тебя, какъ онъ поварачивается. Его бѣлые лепестки трепещутъ какъ живые, изъ его золотого сердца исходитъ благоуханіе, насыщающее всю атмосферу страстью. Какъ только ты приблизишь этотъ волшебный цвѣтокъ къ своимъ устамъ, ты увидишь въ необъятной и чудной картинѣ чудовищъ бездны, глубину земли и сердца человѣческія. Ничто не будетъ скрыто отъ тебя.

Персефона. О, чудный цвѣтокъ! Твое благоуханіе опьяняетъ меня, мое сердце дрожитъ, мои пальцы горятъ, прикасаясь къ тебѣ. Я хочу вдохнуть тебя, прижать къ своимъ губамъ, положить тебя на свое сердце, еслибы даже пришлось умереть отъ того!

(Земля разверзается около нея, изъ зіяющей черной трещины медленно поднимается до половины Плутонъ на колесницѣ, запряженной двумя черными конями. Онъ схватываетъ Персефону въ моментъ, когда она срываетъ цвѣтокъ, и увлекаетъ ее къ себѣ. Персефона напрасно бьется въ его рукахъ и испускаетъ громкіе крики. Колесница медленно опускается и исчезаетъ. Она катится съ шумомъ, подобно подземному грому. Нимфы разбѣгаются съ жалобными стонами по всему лѣсу. Эросъ убѣгаетъ съ громкимъ смѣхомъ).

Голосъ Персефоны. (изъ подъ земли). Моя Мать! На помощь ко мнѣ! Мать моя!

Гермесъ. О стремящіеся къ мистеріямъ, жизнь которыхъ еще затемнена суетой плотской жизни, вы видите передъ собой свою собственную исторію. Сохраните въ памяти эти слова Эмпедокла: «*рожденіе есть уничтоженіе, которое превращаетъ живыхъ въ мертвецовъ. Нѣкогда вы жили истинной жизнью, а затѣмъ, привлеченные чарами, вы пали въ бездну земного, порабощенные плотью. Ваше настоящее не болѣе, какъ роковой сонъ. Лишь прошлое и будущее существуетъ дѣйствительно. Научитесь вспоминать, научитесь предвидѣть*». . . . .

. . . .

Во время этой сцены спустилась ночь, погребальные факелы зажглись среди черныхъ капарисовъ, окружавшихъ небольшой храмъ, и зрители удалились въ молчаніи, преслѣдуемые плачевнымъ пѣніемъ іерофантидъ, восклицавшихъ: Персефона! Персефона!

Малыя мистеріи окончились, вновь вступившіе стали *мистами*, что означаетъ *закрытые покрываломъ*. Они возвращались къ своимъ обычнымъ занятіямъ, но великій *покровъ мистерій* распростерся передъ ихъ взорами. Между ними и внѣшнимъ міромъ возникло какъ бы облако. И въ то же время, въ нихъ раскрылось внутреннее зрѣніе, посредствомъ котораго они смутно различали иной міръ, полный манящихъ образовъ, которые двигались въ безднахъ, то сверкающихъ свѣтомъ, то темнѣющихъ мракомъ.

Великія мистеріи, которыя слѣдовали за малыми, носили также названіе *священныхъ Оргій*, и онѣ праздновались черезъ каждыя пять лѣтъ осенью въ Элевзисѣ.

Эти празднества, въ полномъ смыслѣ символическія, длились девять дней; на восьмой день *мистамъ* раздавали знаки посвященія: тирсы и корзинки, увитые плющемъ. Послѣднія заключали въ себѣ таинственные предметы, пониманіе которыхъ давало ключъ къ тайнѣ жизни. Но корзинка была тщательно запечатана. И раскрыть ее позволялось лишь въ концѣ посвященія, въ присутствіи самого Іерофанта.

Затѣмъ, всѣ предавались радостному ликованію, потрясая факелами, передавая ихъ изъ рукъ въ руки и оглашая священную рощу криками восторга. Въ этотъ день изъ Аѳинъ переносили въ Элевзисъ въ торжественной процессіи статую Діониса, увѣнчанную миртами, которую именовали *Іаккосъ*. Его появленіе въ Элевзисѣ означало великое возрожденіе. Ибо онъ являлъ собою божественный духъ, проникающій все сущее, преобразователя душъ, посредника между небомъ и землей.

На этотъ разъ, въ храмъ входили черезъ мистическую дверь, чтобы провести тамъ всю святую ночь или «ночь посвященія».

Прежде всего, нужно было пройти черезъ обширный портикъ, находившійся во внѣшней оградѣ. Тамъ герольдъ, съ угрожающимъ крикомъ *Eskato Bébéloï* (непосвященные изыдите!) изгонялъ посторонн ихъ, которымъ удавалось иногда проскользнуть въ ограду вмѣстѣ съ мистами. Послѣднихъ же герольдъ заставлялъ клясться—подъ срахомъ смерти—не выдавать ничего изъ увидѣннаго. Онъ прибавлялъ: «вотъ вы достигли подземнаго порога Персефоны. Чтобы понять будущую жизнь и условія вашего настоящаго, вамъ нужно пройти черезъ царство смерти; въ этомъ состоитъ испытаніе посвященныхъ. Необходимо преодолѣть мракъ, чтобы наслаждаться свѣтомъ».

Затѣмъ, посвященные облекались въ кожу молодого оленя, символъ растерзанной души, погруженной въ жизнь плоти. Послѣ этого гасились всѣ факелы и свѣтильники, и *мисты* входили въ подземный лабиринтъ. Приходилось идти ощупью въ полномъ мракѣ. Вскорѣ начинали доноситься какіе-то шумы, стоны и грозные голоса. Молніи, сопровождаемыя раскатами грома, разрывали по временамъ глубину мрака. При этомъ вспыхивающемъ свѣтѣ выступали странныя видѣнія: то чудовище химера или драконъ; то человѣкъ, раздираемый когтями сфинкса, то человѣческое привидѣніе. Эти появленія были такъ внезапны, что нельзя было уловить, какъ они появлялись, и полный мракъ, смѣнявшій ихъ, удваивалъ впечатлѣніе. Плутархъ сравниваетъ ужасъ отъ этихъ видѣній съ состояніемъ человѣка на смертномъ одрѣ.

Но самыя необычайныя переживанія, соприкасавшіяся съ истинной магіей, происходили въ склепѣ, гдѣ фригійскій жрецъ, одѣтый въ азіатское облаченіе съ вертикальными красными и черными полосами, стоялъ передъ мѣдной жаровней, смутно освѣщавшей склепъ колеблющимся свѣтомъ. Повелительнымъ жестомъ заставлялъ онъ входящихъ садиться у входа и бросать на жаровню горсть наркотическихъ благовоній. Склепъ начиналъ наполняться густыми облаками дыма, которыя, клубясь и свиваясь, принимали измѣнчивыя формы.

Иногда это были длинныя змѣи, то оборачивающіяся въ сиренъ, то свертывающіяся въ безконечныя кольца; иногда бюсты нимфъ, съ страстно протянутыми руками, превращавшіяся въ большихъ летучихъ мышей; очаровательныя головки юношей, переходившіе въ собачьи морды; и всѣ эти чудовища, то красивыя, то безобразныя, текучія, воздушныя, обманчивыя, также быстро исчезающія какъ и появляющіяся, кружились, переливались, вызывали головокруженіе, обволакивали зачарованныхъ мистовъ, словно желая преградить имъ дорогу.

Отъ времени до времени жрецъ Цибеллы простиралъ свой короткій жезлъ и тогда магнетизмъ его воли вызывалъ въ многообраз-

ныхъ облакахъ новыя быстрыя движенія и тревожную жизненность. «Проходите!» говорилъ Фригіецъ. И тогда мисты поднимались и входили въ облачный кругъ. Большинство изъ нихъ чувствовало странныя прикосновенія, словно невидимыя руки хватали ихъ, а нѣкоторыхъ даже бросали съ силою на землю. Болѣе робкіе отступали въ ужасѣ и бросались къ выходу. И только наиболѣе мужественные проходили, послѣ снова и снова возобновляемыхъ попытокъ; ибо твердая рѣшимость преодолѣваетъ всякое волшебство *).

Послѣ этого мисты входили въ большую круглую залу, слабо освѣщенную рѣдкими лампадами. Въ центрѣ, въ видѣ колонны, поднималось бронзовое дерево, металическая листва котораго простиралась по всему потолку**). Среди этой листвы были вдѣланы химеры, горгоны, гарпіи, совы и вампиры, символы всевозможныхъ земныхъ бѣдствій, всѣхъ демоновъ, преслѣдующихъ человѣка. Эти чудовища, воспроизведенныя изъ переливающихся металловъ, переплетались съ вѣтками дерева и, казалось, подстерегали сверху свою добычу.

Подъ деревомъ возсѣдалъ на великолѣпномъ тронѣ *Плутонъ-Аидъ* въ пурпуровой мантіи. Онъ держалъ въ рукѣ трезубецъ, его чело было озабочено и мрачно. Рядомъ съ царемъ преисподней, который никогда не улыбается, находилась его супруга, стройная Персефона. Мисты узнаютъ въ ней тѣ же черты, которыми отличалась богиня въ малыхъ мистеріяхъ. Она по прежнему прекрасна, можетъ

*) Современная наука не увидала бы въ этихъ фактахъ ничего иного, кромѣ простыхъ галлюцинацій или простыхъ внушеній. Наука древняго эзотеризма придавала этому роду феноменовъ, которые нерѣдко производились въ Мистеріяхъ, одновременно и субъективное и объективное значеніе. Она признавала существованіе элементарныхъ духовъ, не имѣющихъ индивидуальной души и разума, полусознательныхъ, которые наполняютъ земную атмосферу и которые являютъ собой, такъ сказать, души элементовъ. Магія, которая представляетъ собою волю, сознательно направленную на овладѣніе оккультными силами, дѣлаетъ ихъ отъ времени до времени видимыми. Какъ разъ о нихъ говоритъ Гераклитъ, когда выражается: «природа повсюду наполнена демонами». Платонъ называетъ ихъ демонами элементовъ; Парацельсъ—элементалями. По мнѣнію этого теософа, врача XVI вѣка, они привлекаются магнетической атмосферой человѣка, наэлектризовываются въ ней и послѣ этого дѣлаются способными облекаться во всевозможныя формы. Чѣмъ болѣе человѣкъ предается своимъ страстямъ, тѣмъ болѣе онъ рискуетъ стать ихъ жертвой, не подозрѣвая того. Лишь владѣющій магіей можетъ покорить ихъ и пользоваться ими. Но они представляютъ собою область обманчивыхъ иллюзій, которою магъ долженъ овладѣть, прежде чѣмъ войти въ міръ оккультизма.

**) Это и есть дерево сновидѣній, упоминаемое Виргиліемъ при схожденіи Энея въ адъ въ VI книгѣ Энеиды, которая воспроизводитъ главныя сцены элевзинскихъ мистерій съ различными поэтическими украшеніями.

быть еще прекраснѣе въ своей тоскѣ, но какъ измѣнилась она подъ своимъ золотымъ вѣнцомъ и подъ своей траурной одеждой, на которой сверкаютъ серебряныя слезы!

Это уже не прежняя Дѣвственница, вышивавшая покрывало Деметры въ тихомъ гротѣ; теперь она знаетъ жизнь низинъ и—страдаетъ. Она царствуетъ надъ низшими силами, она—властительница среди мертвецовъ; но все ея царство—чужое для нея. Блѣдная улыбка освѣщаетъ ея лицо, потемнѣвшее подъ тѣнью ада. Да! Въ этой улыбкѣ—познаніе Добра и Зла, то невыразимое очарованіе, которое налагаетъ пережитое нѣмое страданіе, научающее милосердію. Персефона смотритъ взглядомъ состраданія на мистовъ, которые преклоняютъ колѣна и складываютъ къ ея ногамъ вѣнки изъ бѣлыхъ нарциссовъ. И тогда въ ея очахъ вспыхиваетъ умирающее пламя, потерянная надежда, далекое воспоминаніе о потерянномъ небѣ...

Внезапно, въ концѣ поднимающейся вверхъ галлереи, зажигаются факелы и подобно трубному звуку разносится голосъ: «Приходите мисты! Іаккосъ возвратился! Деметра ожидаетъ свою дочь! Эвохэ!!» Звучное эхо подземелья повторяетъ этотъ крикъ.

Персефона настораживается на своемъ тронѣ, словно разбуженная послѣ долгаго сна и пронизанная сверкнувшей мыслью, восклицаетъ: «Свѣтъ! Моя мать! Іаккосъ!» Она хочетъ броситься, но Плутонъ удерживаетъ ее властнымъ жестомъ, и она снова падаетъ на свой тронъ, словно мертвая.

Въ то же время лампады внезапно угасаютъ и слышится голосъ: «Умереть, это—возродиться!» А мисты направляются къ галлереѣ героевъ и полубоговъ, къ отверстію подземелья, гдѣ ихъ ожидаетъ Гермесъ и факелоносецъ. Съ нихъ снимаютъ оленью шкуру, ихъ окропляютъ очистительной водой, ихъ снова одѣваютъ въ льняныя одежды и ведутъ въ ярко освѣщенный храмъ, гдѣ ихъ принимаетъ Іерофантъ, первосвященникъ Элевзиса, величественный старецъ, одѣтый въ пурпуръ.

А теперь дадимъ слово Порфирію. Вотъ какъ онъ разсказываетъ о великомъ посвященіи Элевзиса: «Въ вѣнкахъ изъ миртъ мы входимъ съ другими посвященными въ сѣни храма, все еще слѣпцами; но Іерофантъ, ожидающій насъ внутри, скоро раскроетъ наши взоры. Но прежде всего,—ибо ничего не слѣдуетъ дѣлать съ поспѣшностью,—прежде мы обмоемся въ святой водѣ, ибо насъ просятъ войти въ священное мѣсто съ чистыми руками и съ чистымъ сердцемъ. Когда насъ подводятъ къ Іерофанту, онъ читаетъ изъ каменной книги вещи, которыя мы не должны обнародовать подъ страхомъ смерти. Скажемъ только, что онѣ согласуются съ мѣстомъ и обстоятельствами. Можетъ

быть вы подняли бы ихъ на смѣхъ, если бы услыхали внѣ храма; но здѣсь не является ни малѣйшей наклонности къ легкомыслію, когда слушаешь слова старца и смотришь на раскрытые символы *). И мы еще болѣе удаляемся отъ легкомыслія, когда Деметра подтверждаетъ своими особыми словами и знаками, быстрыми вспышками свѣта, облаками, громоздящимися на облака, все то, что мы слышали отъ ея священнаго жреца; затѣмъ, сіяніе свѣтлаго чуда наполняетъ храмъ; мы видимъ чистыя поля Елисейскія, мы слышимъ пѣніе блаженныхъ... И тогда, не только по внѣшней видимости или по философскому толкованію, но на самомъ дѣлѣ Іерофантъ становится творцомъ (δημιουργός) всѣхъ вещей: Солнце превращается въ его факелоносца, Луна—въ священнодѣйствующаго у его алтаря, а Гермесъ—въ его мистическаго герольда. Но послѣднее слово произнесено: *Конх От Пах***). Церемонія окончилась, и мы сдѣлались *видящими* (εποπται) навсегда».

Что же сказалъ великій Іерофантъ? Каковы были эти священныя слова, эти верховныя откровенія?

Посвященные узнавали, что божественная Персефона, которую они видѣли посреди ужасовъ и мученій ада, являла собой образъ человѣческой души, прикованной къ матеріи въ теченіе земной жизни, а въ посмертной—отданной химерамъ и мученіямъ еще болѣе тяжелымъ, если она жила рабой своихъ страстей. Ея земная жизнь есть искупленіе предыдущихъ существованій. Но душа можетъ очиститься внутренней дисциплиной, она можетъ вспоминать и предчувствовать соединеннымъ усиліемъ интуиціи, воли и разума, и заранѣе участвовать въ великихъ истинахъ, которыми она овладѣетъ вполнѣ и всецѣло лишь въ необъятности высшаго духовнаго міра. И тогда снова Персефона станетъ чистой, сіяющей, неизреченной Дѣвственницей, источникомъ любви и радости.

Что касается ея матери Деметры, она являла собой въ мистеріяхъ символъ божественнаго Разума и интеллектульнаго начала человѣка, съ которомъ душа должна слиться, чтобы достигнуть своего совершенства.

*) Золотые предметы, заключенные въ корзинѣ, были: *сосновая шишка* (символъ плодородія), *свернувшаяся змѣя* (эволюція души: паденіе въ матерію и искупленіе духомъ), *яйцо* (олицетворяетъ полноту или бежественное совершенство, цѣль человѣка).

**) Эти таинственныя слова не переводимы на греческій языкъ. Это доказываетъ во всякомъ случаѣ, что они очень древнія и происходятъ съ Востока. Вильфордъ приписываетъ имъ санскритское происхожденіе. *Конх* произошло отъ *Kansha* и означаетъ предметъ самаго глубокаго желанія, *От* отъ *Аит*—душа Брамы, а *Пах* отъ *Pasha*—кругъ, циклъ. Такимъ образомъ, верховное благословеніе Іерофанта Элевзійскаго означало: да возвратятъ тебя твои желанія къ душѣ Брамы!

Если вѣрить Платону, Іамблиху, Проклу и всѣмъ александрійскимъ философамъ, наиболѣе воспріимчивые изъ среды посвященныхъ, имѣли внутри храма видѣнія характера экстатическаго и чудотворнаго. Мы привели свидѣтельство Порфирія. Вотъ другое свидѣтельство Прокла: «Во всѣхъ посвященіяхъ и мистеріяхъ боги (это слово означаетъ здѣсь всѣ духовныя іерархіи) показываются подъ самыми разнообразными формами: иногда это бываетъ изліяніе свѣта, лишенное формы, иногда этотъ свѣтъ облекается въ человѣческую форму, иногда въ иную *).

А вотъ выдержка изъ Апулея: «Я приближался къ границамъ смерти и достигнувъ порога Прозерпины, я возвратился оттуда, уносимый черезъ всѣ элементы (элементарные духи земли, воды, воздуха и огня). Въ глубинахъ полночнаго часа я видѣлъ солнце, сверкающее великолѣпнымъ свѣтомъ и при этомъ освѣщеніи увидѣлъ боговъ небесныхъ и боговъ преисподней и, приблизившись къ нимъ, я отдалъ имъ дань благоговѣйнаго обожанія».

Какъ бы ни были смутны эти указанія, они относятся повидимому къ оккультнымъ феноменамъ. По ученію мистерій, экстатическія видѣнія храма производились посредствомъ самаго чистаго изъ всѣхъ элементовъ: духовнаго свѣта, уподобляемаго божественной Изидѣ. Оракулы Зороастра называютъ его *Природой, говорящей черезъ себя,* т. е. элементомъ, посредствомъ котораго магъ даетъ мгновенное и видимое выраженіе своей мысли, и который служитъ также покровомъ для душъ, являющихъ собою лучшія мысли Бога. Вотъ почему Іерофантъ, если онъ обладалъ властью производить это явленіе и ставить посвященныхъ въ живое общеніе съ душами героевъ и боговъ, былъ уподобляемъ въ эти мгновенія Создателю, Деміургу, факелоносецъ— Солнцу, т. е. сверфизическому свѣту, а Гермесъ—божественному Глаголу.

Но каковы бы ни были эти видѣнія, въ древности существовало лишь одно мнѣніе о просвѣтленіи, которымъ сопровождались конечныя откровенія Элевзиса. Воспринявшій ихъ испытывалъ невѣдомое блаженство, сверхчеловѣческій миръ спускался въ сердце посвященнаго. Казалось, что жизнь побѣждена, душа стала свободной, и тяжелый кругъ существованій пришелъ къ своему завершенію. Всѣ проникали, исполненные свѣтлой вѣры и безграничной радости, въ чистый эфиръ Міровой Души.

Мы старались воскресить драму Элевзиса въ ея глубокомъ сокровенномъ смыслѣ. Мы показали руководящую нить, которая проходитъ

*) **Проклъ. „Комментаріи къ Республикѣ Платона".**

черезъ весь этотъ лабиринтъ, мы старались выяснить полное единство, соединяющее все богатство и всю сложность этой драмы. Благодаря гармоніи знанія и духовности, тѣсная связь соединяла мистерьяльныя церемоніи съ божественной драмой, составлявшей идеальный центръ, лучезарный очагъ этихъ соединенныхъ празднествъ.

Такимъ образомъ, посвященные отождествляли себя постепенно съ божественной дѣятельностью. Изъ простыхъ зрителей они становились дѣйствующими лицами и познавали, что драма Персефоны происходила *въ нихъ самихъ*.

И какъ велико было изумленіе, какъ велика была радость при этомъ открытіи! Если они и страдали, и боролись вмѣстѣ съ ней въ земной жизни, они получали подобно ей надежду снова найти божественную радость, вновь обрѣсти свѣтъ верховнаго Разума. Слова Іерофанта, различныя сцены и откровенія храма давали имъ предчувствія этого свѣта.

Само собою разумѣется, что каждый понималъ эти вещи по степени своего развитія и своихъ внутреннихъ способностей. Ибо, какъ говорилъ Платонъ—и это вѣрно для всѣхъ временъ—есть много людей, которые носятъ тирсъ и жезлъ, но вдохновенныхъ людей очень мало.

Послѣ александрійской эпохи, элевзинскія мистеріи были также до извѣстной степени затронуты языческимъ декадансомъ, но ихъ высшая основа сохранилась и спасла ихъ отъ уничтоженія, которое постигло остальные храмы. Благодаря глубинѣ своей священной доктрины и высотѣ своего выполненія, элевзинскія мистеріи продержались въ теченіе трехъ столѣтій передъ лицомъ растущаго христіанства. Онѣ служили въ эту эпоху соединительнымъ звеномъ для избранныхъ, которые, не отрицая, что Іисусъ былъ явленіемъ божественнаго порядка, не хотѣли забывать, какъ это дѣлала тогдашняя церковь, и древнюю священную науку.

И мистеріи продолжались до эдикта императора Константина, приказавшаго сравнять съ землею храмъ Элевзиса, чтобы покончить съ этимъ верховнымъ культомъ, въ которомъ магическая красота греческаго искусства воплотилась въ наиболѣе высокія ученія Орфея, Пиѳагора и Платона.

Нынѣ убѣжище античной Деметры исчезло съ береговъ тихаго Элевзинскаго залива безслѣдно, и лишь бабочка, этотъ символъ Психеи, порхающая въ весенніе дни надъ лазурнымъ заливомъ, напоминаетъ путнику, что нѣкогда именно здѣсь великая Изгнанница, Душа человѣческая, призывала къ себѣ Боговъ и вспоминала свою вѣчную родину.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

ІИСУСЪ.

(МИССІЯ ХРИСТА).

Не думайте что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ: не нарушить пришелъ Я, но исполнить.

Матѳей гл. V, 17.

Въ мірѣ былъ и міръ черезъ Него началъ быть, и міръ Его не познаlъ.

Іоаннъ гл. I, 10.

Ибо, какъ молнія исходитъ отъ воотока и видна бываетъ даже до запада, такъ будетъ пришеотвіе Сына Человѣчеокаго.

Матѳей гл. XXIV, 27.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

Іисусъ.

(Миссія Христа).

ГЛАВА I.

Состояніе міра при рожденіи Іисуса.

Насталъ для міра торжественный часъ; небо нашей планеты было мрачно и полно зловѣщихъ предзнаменованій. Несмотря на усилія посвященныхъ, многобожіе вызвало въ Азіи, Африкѣ и Европѣ упадокъ цивилизаціи. Этотъ упадокъ не коснулся высокой космогоніи Орфея, такъ великолѣпно воспѣтой, хотя и съуженной Гомеромъ. Виновата была въ томъ природа человѣка, которой такъ трудно удержаться на опредѣленной интеллектуальной высотѣ.

Для великихъ умовъ древности боги были не что иное, какъ поэтическое выраженіе іерархическихъ силъ природы, говорящій образъ

*) Трудъ, совершенный критикой за послѣдніе сто лѣтъ надъ изслѣдованіемъ жизни Іисуса, составляетъ наиболѣе обширную критическую работу нашего времени. Полный перечень всего написаннаго по этому поводу можно найти въ прекрасномъ очеркѣ М. Сабатье (Dictonnaire des Sciences religieuses, par Lichtenberger tome VII. Article Jésus). Этотъ прекрасно составленный итогъ даетъ всю исторію вопроса, а также рисуетъ отчетливо и современное его состояніе. Я напомню здѣсь только двѣ главныя фазы, черезъ которыя прошло изученіе жизни Іисуса, связанныя съ именами Штрауса и Ренана, напомню для того, чтобы лучше установить ту новую точку зрѣнія, изъ которой исхожу я. Черпая свои основы въ философской школѣ Гегеля и принадлежа къ исторической школѣ Бауэра, Штраусъ, не отрицая существованіе Іисуса, пробовалъ доказать, что его жизнь, какой она является въ Евангеліи, есть миѳъ, легенда, созданная народнымъ воображеніемъ на основаніи новыхъ запросовъ зарождавшагося христіанства и на основаніи пророчествъ Ветхаго Завѣта. Его главныя положенія, которыя онъ защищалъ съ необыкновеннымъ искусствомъ и глубокой ученостью, вѣрны только въ своихъ подробностяхъ, но абсолютно не доказаны въ своей цѣлости. Кромѣ того, онъ совсѣмъ не выясняетъ ни характера Іисуса, ни происхожденія христіанства. Поэтому „Жизнь Іисуса“ Штрауса представляетъ изъ себѣ планетную систему *безъ* солнца.

ея внутренняго бытія, и боги эти жили всегда въ сознаніи человѣчества, какъ символы космическихъ силъ. Но въ мысли посвященныхъ это многообразіе боговъ или силъ природы было проникнуто идеей единаго Бога или чистаго Духа.

Главной цѣлью святилищъ Мемфиса, Дельфовъ и Элевзиса было научить этому божественному единству, и тѣмъ теософическимъ идеямъ и той нравственной дисциплинѣ, которыя необходимы для усвоенія единства.

Но ученики Орфея, Пиѳагора и Платона не выдержали и отступили передъ напоромъ эгоизма политикановъ, передъ ничтожествомъ софистовъ и передъ страстями толпы. Общественное и политическое растлѣніе Греціи было послѣдствіемъ порчи ея религіи, морали и сознанія. Аполлонъ—это лучезарное выраженіе божественной красоты и неземного міра—замолкъ. Погибло вдохновеніе, замолчали оракулы, не стало истинныхъ поэтовъ: Минерва—Мудрость и Провидѣніе—скрылась за покрываломъ отъ народа, который исказилъ мистеріи и оскорблялъ своихъ мудрецовъ и боговъ, любуясь фарсами во вкусѣ Аристофана, которые разыгрывались въ театрѣ Вакха. И даже самыя мистеріи пришли въ упадокъ, ибо къ элевзинскимъ празднествамъ получили доступъ и сикофанты, и куртизанки.

„Жизнь Іисуса" Ренана обязана своимъ блестящимъ успѣхомъ высокимъ художественнымъ качествамъ этой книги, а также и смѣлости автора, который первый рѣшился сдѣлать изъ жизни Христа проблему человѣческой психологіи Разрѣшилъ ли онъ ее? Несмотря на огромный успѣхъ книги, общее мнѣніе серьезныхъ критиковъ высказалось въ отрицательномъ смыслѣ. Іисусъ Ренана начинаетъ свой жизненный путь кроткимъ мечтателемъ и моралистомъ, полнымъ энтузіазма и наивности; кончаетъ онъ его сильнымъ чудотворцемъ, потерявшимъ всякое чувство реальности. «Несмотря на всѣ усилія историка,—говоритъ Сабатье,—въ *Іисусѣ* Ренана видѣнъ переходъ здороваго ума къ безумію. Онъ все время колеблется между расчетами честолюбца и мечтами просвѣтленнаго. И выходитъ такъ, что онъ превращается въ Мессію, не желая и даже почти не зная того. Онъ соглашается на это наименованіе лишь по желанію апостоловъ и народа. Съ такой слабой вѣрой, ни одинъ истинный пророкъ не могъ бы основать новой религіи и измѣнить душу земли. Жизнь Іисуса Ренана есть планетная система, освѣщенная блѣднымъ солнцемъ безъ животворящаго магнетизма и безъ творческаго огня.

Какимъ образомъ Іисусъ сдѣлался Мессіей—вотъ существенный вопросъ для вѣрнаго пониманія Христа, а какъ разъ отъ этого вопроса Ренанъ и уклонился. Это понялъ Ф. Неймъ, Жизнь Іисуса котораго (*Das Leben Jesu*. Цюрихъ 1875 г.) наиболѣе замѣчательна послѣ книги Ренана. Она освѣщаетъ вопросъ всѣмъ тѣмъ свѣтомъ, который можно извлечь изъ исторіи и изъ текстовъ *экзотерически*. Но вопросъ этотъ неразрѣшимъ безъ интуиціи и безъ *эзотерическаго* преданія.

Когда душа тупѣетъ, религія дѣлается идолопоклоннической; когда мысль склоняется къ матеріализму, философія падаетъ до скептицизма. Вотъ почему появился Лукіанъ Самосатскій (софистъ, 125 г. по Р. Х.), котораго можно сравнить съ зарождающимся микробомъ на трупѣ язычества, высмѣивающимъ древніе миѳы, которые Карнеадъ Киренскій (215 г. до Р. Х.) исказилъ, не понявъ ихъ истиннаго происхожденія.

Суевѣрная въ религіи, агностическая въ философіи, полная эгоизма въ политикѣ, опьянѣвшая отъ анархіи—вотъ чѣмъ стала эта дивная Греція, которая передала намъ науки Египта и мистеріи Азіи въ образахъ безсмертной красоты.

Если кто понялъ причину паденія античнаго міра и сдѣлалъ героическую попытку поднять его на прежнюю высоту, это былъ великій Александръ. Этотъ легендарный завоеватель, посвященный, какъ и его отецъ Филиппъ, въ самоѳракскія мистеріи, былъ въ одно и то же время и духовнымъ сыномъ Орфея, и ученикомъ Аристотеля.

Несомнѣнно, что пройдя съ горстью грековъ черезъ всю Азію до самой Индіи, онъ мечталъ о всемірной монархіи; но не такой монархіи, какую осуществили римскіе цезари, угнетавшіе народы и уничтожавшіе религіи и свободу науки. Онъ былъ воодушевленъ великой идеей соединить Азію и Европу помощью религіознаго синтеза, опирающагося на авторитетъ науки. Движимый этой мыслью, онъ

Руководимый этимъ эзотерическимъ свѣтомъ, который является внутреннимъ свѣточемъ всѣхъ религій и центральной истиной каждой плодотворной философіи, я рѣшился возстановить жизнь Іисуса въ ея общихъ линіяхъ, не теряя изъ вида и предыдущихъ трудовъ исторической критики. Мнѣ не къ чему опредѣлять здѣсь, *что* я понимаю подъ эзотерической точкой зрѣнія или религіозно-научнымъ синтезомъ. Вся книга представляетъ собою развитіе этой идеи, и я лишь прибавлю, что взялъ основой для себя трехъ евангелистовъ: Матѳея, Марка и Луку, а Іоанна я беру какъ средоточіе *эзотерической* доктрины Христа, допуская при этомъ и позднѣйшую редакцію, и символическую тенденцію этого Евангелія.

Четыре Евангелія, которыя должны контролировать и подтверждать одно другое, подлинны не въ одинаковой степени. Евангелія Матѳея и Марка представляются драгоцѣнными въ смыслѣ передачи фактовъ; въ нихъ находятся всенародныя дѣйствія и слова. Кроткій Лука даетъ предугадывать смыслъ мистерій подъ поэтическимъ покрываломъ легенды; это—Евангеліе Души, Женскаго Начала и Любви. Св. Іоаннъ раскрываетъ самыя мистеріи. Въ его Евангеліи находятся внутреннія глубины доктрины, тайное ученіе и смыслъ обѣтованія. Климентъ Александрійскій, одинъ изъ немногихъ христіанскихъ епископовъ, обладавшій ключомъ всемірнаго эзотеризма, вѣрно назвалъ его Евангелистомъ Духа. Іоаннъ обладалъ глубокимъ проникновеніемъ въ раскрытыя учителемъ потустороннія истины и могучей способностью обобщать эти истины.

отдавалъ одинаковыя почести какъ наукѣ Аристотеля, такъ и Минервѣ Аѳинской, какъ Iеговѣ Израиля, такъ и египетскому Озирису и Брамѣ индусскому, признавая—въ качествѣ истиннаго посвященнаго—единое божественное начало и единую божественную мудрость, скрытую подъ всѣми этими символами.

Мечъ Александра былъ послѣдней молніей орфической Греціи, которая вспыхнула и освѣтила Востокъ и Западъ. Сынъ Филиппа умеръ въ упоеніи своей побѣды и своей мечты, оставивъ свою распавшуюся имперію произволу жадныхъ военачальниковъ. Но идея Александра не умерла съ нимъ. Онъ основалъ Александрію, гдѣ восточная философія, іудейство и духъ эллиновъ растворились въ эзотеризмѣ Египта въ ожиданіи того времени, когда міръ услышитъ вѣсть о побѣдѣ жизни надъ смертью изъ устъ Христа.

По мѣрѣ того, какъ двойное созвѣздіе Греціи—Аполлонъ и Минерва—склонялись, блѣднѣя, къ горизонту, народы увидѣли поднимающійся на омраченномъ грозою небѣ новый знакъ: римскую волчицу.

Что такое Римъ? Изъ какого сочетанія силъ произошла римская имперія? Заговоръ жадной олигархіи во имя грубой силы, притѣсненіе человѣческаго разума, религіи, науки и искусства во имя обоготворенной политической мощи—вотъ изъ какихъ слагаемыхъ возникало его правительство; оно не признавало той истины, по которой правящая сила должна опирать свое право на высшія начала науки, справедливости и экономіи *).

Вся римская исторія—послѣдствіе того беззаконнаго договора, посредствомъ котораго Отцы-Конскрипты **) объявили войну сперва Италіи, а затѣмъ и всему человѣческому роду. Они хорошо выбрали свой символъ! Бронзовая волчица съ взъерошенной шерстью, вытягивающая свою голову гіены на Капитоліи, есть истинный образъ этого правленія, та злая сила, которой была одержима душа Рима.

Въ Греціи уважались до конца святилища Дельфовъ и Элевзиса. Въ Римѣ, съ самаго основанія, наука и искусства были выброшены какъ ненужныя. Попытка мудраго Нумы, который былъ этрусскимъ посвященнымъ, погибла благодаря ненасытному честолюбію римскихъ сенаторовъ. Онъ принесъ въ Римъ книги Сивиллъ, которыя заключа-

---

*) Эта точка зрѣнія, діаметрально противоположная эмпирическимъ школамъ Аристотеля и Монтескье, принадлежала всѣмъ великимъ посвященнымъ, въ томъ числѣ Моисею и Пиѳагору. Эта же идея ярко освѣщена въ упомянутомъ уже произведеніи *Mission des Juifs* Сентъ-Ива. Обращаемъ вниманіе читателей на замѣчательную главу о возникновеніи Рима.

**) Сенаторы въ республиканскій періодъ, выбиравшіеся изъ плебеевъ.

ли въ себѣ часть герметической науки. Онъ создалъ судей, избираемыхъ народомъ; онъ роздалъ народу земли; онъ построилъ храмъ Янусу въ честь всемірнаго Закона; онъ подчинилъ военное право священнымъ герольдамъ.

Царь Нума, память котораго высоко чтилась народомъ, является какъ бы историческимъ вмѣшательствомъ священной науки въ совершенно иной государственный строй, но онъ не представляетъ собою римскаго генія, его создало этрусское посвященіе, которое слѣдовало тѣмъ же началамъ, какъ и школы Мемфиса и Дельфовъ.

Послѣ Нумы римскій сенатъ сжигаетъ книги Сивиллъ, уничтожаетъ авторитетъ римскихъ жрецовъ и судей, и возвращается къ своей системѣ, въ которой религія была лишь орудіемъ политическаго господства. Римъ дѣлается гидрой, поглащающей народы и ихъ боговъ. Одна эа другой, націи постепенно подчиняются Риму и ихъ богатства расхищаются. Государственная тюрьма наполняется королями Сѣвера и Юга. Римъ, не хотѣвшій иныхъ жрецовъ, кромѣ рабовъ и обманщиковъ, убиваетъ въ Галліи, Египтѣ, Іудеи и Персіи послѣднихъ представителей эзотерическаго преданія. Онъ дѣлаетъ видъ, что поклоняется богамъ, но въ дѣйствительности Римъ поклоняется только своей волчицѣ.

И вотъ, при свѣтѣ кровавой зари, передъ покоренными народами возстаетъ послѣдній отпрыскъ волчицы, и въ немъ сосредоточивается весь геній Рима: является Цезарь! Римъ поглотилъ всѣ народы; Цезарь—воплощеніе Рима--поглотилъ всѣ власти. Честолюбіе Цезаря не удовлетворяется званіемъ императора всѣхъ націй; къ императорскому вѣнцу онъ присоединяетъ тіару и называетъ себя первосвященникомъ.

Послѣ одной изъ битвъ (при Тапсусѣ) ему устраиваютъ героическій апоѳеозъ; послѣ битвы при Мундѣ—апоѳеозъ божественный; затѣмъ его статуя ставится въ храмѣ Квиринуса, и возникаетъ коллегія жрецовъ, носящихъ его имя—Юліановъ. Но, по высшей ироніи и по высшей логикѣ вещей, тотъ самый Цезарь, который дѣлаетъ себя богомъ, отрицаетъ передъ сенатомъ безсмертіе души.

Вмѣстѣ съ цезарями, наслѣдница Вавилона, Римская Имперія, налагаетъ руку на весь міръ.

И во что обращается сама римская государственность? Правящая власть уничтожаетъ всякую общественность; создаетъ военную диктатуру въ Италіи; вызываетъ лихоимство своихъ представителей и ростовщиковъ въ провинціяхъ. Побѣдоносный Римъ ложится вампиромъ на трупъ античнаго міра.

И вотъ, при яркомъ дневномъ свѣтѣ развертывается римская оргія съ ея вакханаліей пороковъ и торжествомъ преступленій. Она начинается сладострастной встрѣчей Клеопатры съ Антоніемъ, она кончается развратомъ Мессалины и неистовствомъ Нерона. Она выступаетъ съ похотливыми пародіями на мистеріи; она завершается римскимъ циркомъ, гдѣ дикіе звѣри бросаются на обнаженныхъ дѣвственницъ, мученицъ за вѣру, при громкихъ крикахъ восторга двадцатитысячной толпы.

Между тѣмъ, среди покоренныхъ Римомъ народовъ, одинъ называетъ себя народомъ Божіемъ и проявляетъ геній, какъ разъ противоположный римскому генію.

Чѣмъ можно объяснить, что Израиль, истощенный своими междоусобіями, раздавленный трехсотлѣтнимъ рабствомъ, все же сохраняетъ свою вѣру несокрушимой? Почему этотъ покоренный народъ возсталъ передъ лицомъ падшей Греціи и бѣснующагося Рима, какъ пророкъ—съ посыпанной пепломъ главой и глазами, пылающими страшнымъ гнѣвомъ? Какъ смѣлъ онъ пророчить паденіе властелина, лежа подъ его пятой, и говорить о своемъ конечномъ торжествѣ, когда его собственная гибель казалась неизбѣжной? Почему?

Потому, что великая идея жила въ немъ, она была внѣдрена въ него Моисеемъ. При Іосіи двѣнадцать колѣнъ израилевыхъ воздвигли камень съ такой надписью: «Да будетъ это свидѣтельствомъ между нами, что Іегова—единый Богъ».

Моисей, законодатель Израиля, сдѣлавшій единаго Бога краеугольнымъ камнемъ всего: науки, общественнаго закона и всемірной религіи, вдохновеніемъ своего генія постигъ, что только въ побѣдѣ этой идеи будущность человѣчества. Чтобы ее сохранить, онъ написалъ свою Книгу іероглифами, построилъ Ковчегъ изъ золота, создалъ Народъ среди зыбучихъ песковъ пустыни.

Надъ этими живыми свидѣтелями идеи духовности, проносился—по волѣ Моисея—огонь съ небесъ и гремѣли страшныя грозы. Все соединилось противъ нихъ: не только Моавитяне, Филистимляне, Амаликитяне и всѣ народности Палестины, но сами Іудеи со своими страстями и слабостями. Книга его перестала быть понятной для духовенства, Ковчегъ былъ захваченъ врагами, а Народъ сотни разъ былъ уже готовъ забыть свою идею.

Почему же идея Моисея осталась живой, не смотря ни на что, почему сохранялась она запечатлѣнная огненными буквами на челѣ и въ сердцѣ Израиля? Въ чемъ тайна этой исключительной устойчивости, этой неизмѣнной вѣрности, несмотря на всѣ невзгоды бурной исторіи,

наполненной катастрофами—вѣрности, которая придаетъ Израилю его единственный ликъ среди другихъ народовъ?

Чудо это совершено пророками и той эзотерической школой, которая воспитывала пророковъ. Со временъ Моисея и до самаго уничтоженія Іудейскаго царства, Израиль всегда, во всѣ эпохи своей исторіи, имѣлъ своихъ пророковъ *(Nabi)*, передававшихъ устныя преданія другъ другу. Но самый институтъ пророковъ появляется въ первый разъ въ организованной формѣ при Самуилѣ.

Самуилъ основалъ братства *(Nebiim)*, эти школы пророковъ, которыя возникали передъ лицомъ зарождающагося царства и уже склоняющагося къ упадку священства. Онъ сдѣлалъ изъ нихъ суровыхъ охранителей эзотерическаго преданія и всемірной религіозной идеи Моисея отъ притязаній царей, для которыхъ первенствующее значеніе получила политическая идея и національная цѣль.

Въ этихъ братствахъ дѣйствительно сохранились остатки науки Моисея, священная музыка съ ея могучимъ ритмомъ, оккультная медицина и, наконецъ, искусство прорицанія, которое у великихъ пророковъ достигло такой высоты и мощи.

Даръ прорицанія существовалъ подъ самыми разнообразными формами у всѣхъ народовъ древняго цикла, но нигдѣ не достигалъ онъ такой власти надъ духомъ, какъ въ монотеизмѣ Израиля. Пророчества, объясняемыя теологами какъ непосредственное общеніе съ личнымъ Богомъ, отрицаемыя натуралистической философіей какъ чистое суевѣріе, въ дѣйствительности—ни что иное, какъ выраженіе міровыхъ законовъ божественнаго Разума.

«Общія истины, управляющія міромъ,—говоритъ Эвальдъ въ своей прекрасной книгѣ о пророкахъ», иными словами *мысли Божія*—неизмѣнны и совершенно независимы отъ колебаній матеріальной жизни, отъ воли и дѣятельности человѣка. Человѣкъ призванъ участвовать въ нихъ, понимать ихъ и воплощать въ своей жизни. И только благодаря этому сможетъ онъ достигнуть своего истиннаго назначенія.

Но, чтобы Глаголъ Духа могъ проникнуть въ человѣка, облеченнаго плотью, необходимо, чтобы онъ былъ потрясенъ до глубины великими историческими переворотами. Только при такомъ условіи вѣчная истина прорывается наружу, подобно вспыхивающему свѣту. Вотъ почему въ Ветхомъ Завѣтѣ такъ часто упоминается, что *Іегова—Богъ живой.*

Когда человѣкъ внимаетъ божественному призванію, въ немъ возникаетъ новая жизнь, въ которой онъ не чувствуетъ себя болѣе одинокимъ, ибо онъ соединился съ Богомъ и съ правдой Его. Въ этой

новой жизни его мысль отождествляется съ міровой волей. Онъ обладаетъ ясновидѣніемъ нястоящаго и полнотой вѣры въ конечное торжерство божественной Истины. Такъ чувствуетъ пророкъ, тотъ, кого неудержимо влечетъ проявить себя передъ людьми какъ посланника Божьяго. *Его мысль становится видѣніемъ,* и эта высшая сила, властно вырывающая истину изъ его души, разбивая иногда самую душу, и есть даръ пророчества. *Пророчества появлялись въ исторіи какъ вспышки молніи, внезапно освѣщавшія истину**).

Вотъ источникъ, изъ котораго гиганты, подобные Иліи, Іезекіилу и Іереміи, черпали свою силу. Въ глубинѣ своихъ пещеръ и во дворцахъ царей они были истинными стражниками Вѣчнаго. Часто они предсказывали съ полной точностью смерть царей, паденіе царствъ, кару Израиля. Но иногда, хотя и зажженный отъ свѣта божественной Истины, пророческій факелъ колебался и тускнѣлъ въ ихъ рукахъ, благодаря дуновенію народныхъ страстей. Но никогда они не ошибались относительно нравственныхъ истинъ или истиннаго призванія Израиля, относительно конечнаго торжества справедливости въ жизни *всего* человѣчества.

Какъ истинные «посвященные», они проповѣдывали недостаточность одного внѣшняго культа и требовали уничтоженія кровавыхъ жертвъ, очищенія души и милосердія. Дивной красоты достигаютъ ихъ видѣнія, когда они говорятъ о конечной побѣдѣ единобожія, о его освобождающей и примиряющей роли для всѣхъ народовъ.

Никакія страшныя бѣдствія, вплоть до нашествія иноплеменныхъ и массоваго плѣненія Вавилонскаго, не могли поколебать въ нихъ эту вѣру. Послушайте Исаію во время вторженія Сенахерима: «Возвеселитесь съ Іерусалимомъ и радуйтесь о немъ, всѣ любящіе его! Возрадуйтесь съ нимъ радостью, всѣ сѣтовавшіе о немъ, ибо такъ говоритъ Господь: вотъ, Я направлю къ нему миръ какъ рѣку, и богатство народовъ, какъ разливающійся потокъ, для наслажденія вашего; на рукахъ будутъ носить васъ и на колѣняхъ ласкать. Какъ утѣшаетъ кого-либо мать его, такъ утѣшу Я васъ, и будете утѣшены въ Іерусалимѣ... Ибо Я знаю дѣянія ихъ и мысли ихъ; и вотъ, приду собрать всѣ народы и языки, и они придутъ и увидятъ славу Мою» **).

Только въ наши времена—предъ гробницей Христа—эти видѣнія начинаютъ осуществляться; но кто можетъ отрицать ихъ пророческую правду, вдумываясь въ ту роль, которую Израиль сыгралъ на сценѣ міровой исторіи?

---

*) Эвальдъ. *Пророки*—Введеніе.

**) Исаія Гл. LXVI, 10, 12, 13, 18.

Не менѣе чѣмъ вѣра въ будущую славу Іерусалима, въ его нравственное величие и въ его религіозную всемірность, непоколебима у пророковъ и вѣра въ Спасителя или Мессію. Всѣ пророки говорятъ о Немъ. Исаія видитъ Его особенно ясно и такъ рисуетъ его своимъ смѣлымъ языкомъ: «И произойдетъ отрасль отъ корня Іессеева и вѣтвь произрастетъ отъ корня его; и почіетъ на Немъ Духъ Господень, духъ премудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благочестія; и страхомъ Господнимъ исполнится, и будетъ судить не по взгляду очей Своихъ и не по слуху ушей Своихъ рѣшать дѣла. Онъ будетъ судить бѣдныхъ по правдѣ и дѣла страдальцевъ земли— рѣшать по истинѣ; жезломъ устъ Своихъ поразитъ землю, и духомъ устъ Своихъ убьетъ нечестиваго» *).

При этомъ видѣніи мрачная душа пророка утихаетъ, подобно небу, освободившемуся отъ грозовыхъ тучъ, и подлинный образъ Галилеянина возникаетъ передъ его внутреннимъ взоромъ: «Онъ взошелъ передъ Нимъ, какъ отпрыскъ и какъ ростокъ изъ сухой земли; нѣтъ въ Немъ ни вида, ни величія; и мы видѣли Его, и не было въ Немъ вида, который привлекалъ бы насъ къ Нему. Онъ былъ презрѣнъ и умаленъ предъ людьми, мужъ скорбей и извѣдавшій болѣзни, и мы отвращали отъ Него лицо свое; Онъ былъ презираемъ, и мы ни-во-что ставили Его. Но Онъ взялъ на себя наши немощи и понесъ наши болѣзни, а мы думали, что Онъ былъ поражаемъ, наказуемъ и уничиженъ Богомъ. Но Онъ изъязвленъ былъ за грѣхи наши и мучимъ за беззаконія наши; наказаніе міра нашего было на Немъ, и ранами Его мы исцѣлились... Онъ истязуемъ былъ, но страдалъ добровольно и не открывалъ устъ Своихъ; какъ овца веденъ былъ на закланіе, и какъ агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, такъ Онъ не отверзалъ устъ Своихъ» **).

Въ теченіе восьми вѣковъ, вызванный вдохновеннымъ словомъ пророковъ, образъ Мессіи носился надъ Израилемъ во всѣ времена его многострадальной исторіи, то какъ страшный мститель, то какъ ангелъ милосердія.

Взлелѣенная подъ игомъ ассирійскимъ и въ вавилонскомъ плѣну, расцвѣтшая подъ персидскимъ владычествомъ, идея Мессіи выросла еще сильнѣе подъ управленіемъ Селевкидовъ и Маккавеевъ. Когда настало римское владычество и царство Ирода, Мессія жилъ во всѣхъ сердцахъ.

*) Исаія XI, 1, 2, 3, 4.

**) Исаія Гл. LIII, 2, 3, 4, 5, 7.

Если великіе пророки предвидѣли въ немъ праведника, мученика и Истиннаго Сына Божьяго, народъ, вѣрный духу Іудейскому, представлялъ его не иначе, какъ Давидомъ или Соломономъ, или даже новымъ Маккевеемъ. Но кто бы Онъ ни былъ, этотъ возстановитель Израиля, всѣ въ Него вѣрили, всѣ Его ждали и всѣ призывали Его. Такова дѣйствительная сила пророчества.

Какъ римская исторія—путемъ неумолимой логики судьбы—привела къ цезаризму, такъ и исторія Израиля—путемъ божественной логики Провидѣнія, выразившейся въ его представителяхъ пророкахъ—привела свободно къ Христу. Зло предназначено роковымъ образомъ къ самоотрицанію и разрушенію, ибо оно—ложь; добро же, несмотря на всѣ препятствія, зарождаетъ свѣтъ и гармонію въ грядущемъ, ибо оно—плодъ Истины.

Изъ всего своего торжества Римъ извлекъ одинъ цезаризмъ; во время своихъ страданій Израиль зачалъ Мессію, оправдывая тѣмъ слова поэта: «Изъ собственнаго своего крушенія, Надежда творитъ предметъ своего созерцанія!».

Смутное ожиданіе повисло надъ народами. Въ чрезмѣрности своихъ страданій все человѣчество предчувствовало появленіе Спасителя.

Въ теченіе вѣковъ слагались миѳы о Божественномъ Младенцѣ. Въ храмахъ говорили о Немъ таинственнымъ шопотомъ, астрологи вычисляли время Его появленія; сивиллы пророчили въ изступленномъ бреду гибель языческихъ боговъ. Посвященные утверждали, что придетъ время, когда міромъ будетъ править Сынъ Божій *). Земля ожидала Духовнаго Царя, понятнаго для страдающихъ, смиренныхъ и бѣдныхъ.

Поэтъ Эсхилъ, сынъ элевзинскаго жреца, едва не былъ убитъ аѳинянами, когда рѣшился вложить въ уста своего Прометея, что царству Зевеса-Судьбы наступитъ конецъ. А четыре вѣка позднѣе, подъ сѣнью трона римскаго Августа, кроткій Виргилій предсказывалъ новую эру и воспѣвалъ свою мечту о Божественномъ Младенцѣ: «Уже подходятъ послѣднія времена, предсказанныя сивиллой изъ Кума, великій рядъ истощенныхъ столѣтій возникаетъ снова; уже возвращается Дѣва и съ нею царство Сатурна; уже съ высоты небесъ спускается новая раса.—Возьми, о цѣломудренная Люцина, подъ свой покровъ это Дитя, рожденіе котораго должно изгнать желѣзный вѣкъ и вернуть для всего міра вѣкъ золотой; уже царствуетъ твой братъ Аполлонъ.—

---

*) Таковъ эзотерическій смыслъ прекрасной легенды о царяхъ-магахъ, являющихся съ Востока въ Виѳлеемъ, чтобы поклониться Младенцу-Христу.

Смотри, какъ колеблется на своей оси потрясенной весь міръ; смотри, какъ земля и моря во всей ихъ необъятности, и небо съ своимъ глубокимъ сводомъ, и вся природа дрожатъ въ надеждѣ на грядущій вѣкъ!» *).

Но гдѣ же появится этотъ Младенецъ? Изъ какой высшей области сойдетъ къ намъ его душа? Какая молнія любви сведетъ ее къ намъ на землю? Какимъ чудомъ чистоты, какимъ непостижимымъ напряженіемъ энергіи сохранитъ она воспоминаніе о покинутыхъ небесахъ? Какимъ неизмѣримымъ усиліемъ сможетъ Его душа изъ глубины своего земного сознанія воспрянуть обратно къ небесамъ и увлечь за собой все человѣчество?

Никто не могъ бы отвѣтить на это, но всѣ ожидали Мессію. Иродъ Великій, покровительствуемый цезаремъ Августомъ, лежалъ въ агоніи въ своемъ дворцѣ у Ерихона; кончалось его кровавое царствованіе, покрывшее Іудею великолѣпными дворцами и человѣческими гекатомбами. Онъ умиралъ отъ ужасной болѣзни, ненавидимый всѣми; его грызли ярость и раскаяніе, его преслѣдовали призраки безчисленныхъ жертвъ, въ толпѣ которыхъ появлялась и благородная Маріанна изъ рода Маккавеевъ, невинная жена его, и три собственныхъ сына. И жены, и тѣлохранители, всѣ покинули его, кромѣ его злого генія—сестры Саломіи, подстрекавшей его къ самымъ чернымъ преступленіямъ. Въ золотой діадемѣ, вся сверкающая драгоцѣнными каменьями, вызывающая и надменная, она слѣдила за послѣднимъ вздохомъ, чтобы захватить власть въ свои руки.

Такъ умеръ послѣдній царь іудейскій. Въ это же время появился на землѣ будущій духовный Вождь человѣчества **). А посвященные Израиля—ихъ было немного—въ тишинѣ и неизвѣстности подготовляли его наступавшее царство.

---

*) *Ultima Cumaei venit jam carminis aetas:*
Magnus ab integro saeclorum nascitur ordo.
Jam redit et Virgo, redeunt Saturnia regna;
Jam nova progenies coelo demittitur alto.
Tu modo nascenti puero, quo ferrea primum
Desinet, ac toto surget gens aurea mundo,
Casta, fave, Lucina; tuus jam regnat Apollo.
...Aspice convexo nutantem pondere mundum,
Terrasque, tractusque maris, coelumque profundum;
Aspice venturo laetantur ut omnia saeclo.
(Virgile, Eglogue, IV).

**) Иродъ умеръ за четыре года до нашей эры. Критическія изслѣдованія подводятъ къ этому времени и рожденіе Іисуса. См. Кеймъ *Das Leben Iesu*.

Глава II.

Марія.—Первое развитіе Іисуса.

Іисусъ родился, по всей вѣроятности, въ Назаретѣ *). Въ этомъ забытомъ уголкѣ Галилеи протекало его дѣтство и совершилось величайшее таинство христіанства: расцвѣтъ души Христа. Онъ былъ сыномъ Миріамъ, называемой нами Маріей, жены плотника Іосифа, галилеянки изъ благороднаго рода, присоединенной къ сектѣ Ессеевъ.

Легенда окружаетъ рожденіе Христа цѣлой тканью чудесъ. Если въ легендѣ встрѣчаются порой и суевѣрія, она же покрываетъ собой психическія истины, малоизвѣстныя людямъ потому, что онѣ превышаютъ уровень обычнаго пониманія. Изъ всей легендарной исторіи Маріи можно вывести тотъ фактъ, что Іисусъ, еще до рожденія былъ посвященъ въ пророки глубокимъ желаніемъ своей матери.

То же явленіе упоминается въ связи со многими героями и пророками Ветхаго Завѣта. Сыновья, посвящаемые такимъ образомъ своими матерями, назывались *Назореями*. Любопытна въ этомъ отношеніи исторія Самсона и Самуила. Ангелъ возвѣщаетъ матери Самсона, что она «зачнетъ и родитъ сына и бритва не коснется головы его, потому что отъ самаго чрева младенецъ сей будетъ назорей Божій и онъ начнетъ спасать народъ Израиля отъ руки Филистимлянъ» **).

Мать Самуила вымолила сама свое дитя у Бога. Анна, жена Елкана, была безплодна и дала обѣтъ, говоря: Господь Саваоѳъ! Если Ты призришь на скорбь рабы Твоей и вспомнишь обо мнѣ и дашь рабѣ Твоей дитя мужескаго пола, то отдамъ его Господу въ даръ на всѣ дни жизни его... и бритва не коснется головы его... И позналъ Елкана Анну, жену свою, и вспомнилъ о ней Господь. Черезъ нѣсколько времени зачала Анна и родила сына и дала ему имя Самуилъ, ибо, говорила она, отъ Господа я испросила его» ***).

Принимая въ соображеніе древніе семитическіе корни, *Сам-у-илъ* означаетъ: Внутреннее Сіяніе Бога. Мать, чувствуя себя какъ бы озаренной возникавшей внутри ея жизнью, видѣла въ ней *Сущность Самого Бога*.

---

*) Возможно и то, что Іисусъ, благодаря случайности, родился въ Виѳлеемѣ, но это преданіе входитъ, повидимому, въ циклъ позднѣйшихъ легендъ, касающихся Святого Семейства и дѣтства Христа.

**) Книга Судій XIII, 5.

***) I Книга Царствъ, I, II, 20.

Эти мѣста чрезвычайно важны: они даютъ намъ проникнуть въ эзотерическое преданіе, никогда не умиравшее у Израиля, а черезъ него и въ истинный смыслъ сказанія о рожденіи Христа. Елкана, мужъ по плоти—дѣйствительный отецъ Самуила, но по духу, Самуилъ—подлинный сынъ Божій. Здѣсь образный языкъ іудейскаго монотеизма прикрываетъ собою ученіе о предсуществованіи души. Женщина, посвященная въ мистеріи, взываетъ къ высшей душѣ, умоляя ее вселиться въ ея плоть, чтобы въ мірѣ могъ появиться пророкъ.

Это ученіе, тщательно прикрытое у евреевъ, совершенно отсутствующее въ ихъ оффиціальномъ культѣ, составляло часть тайнаго преданія посвященныхъ. Оно сквозитъ въ книгахъ пророковъ. Пр. Іеремія выражаетъ его въ такихъ словахъ: «И было ко мнѣ слово Господне: прежде, нежели Я образовалъ тебя во чревѣ, Я позналъ тебя, и прежде, нежели ты вышелъ изъ утробы, я освятилъ тебя: пророкомъ для народовъ поставилъ тебя» *).

Позднѣе Христосъ сказалъ фарисеямъ: «истинно, истинно говорю вамъ: прежде нежели былъ Авраамъ, Я есмь» **).

Какимъ образомъ все это относится къ Маріи, матери Іисуса? Повидимому, первыя христіанскія общины считали Іисуса сыномъ Маріи и Іосифа, что можно заключить изъ того, что апостолъ Матѳей даетъ генеологическое дерево Іосифа, чтобы доказать происхожденіе Іисуса отъ царя Давида.

Какъ у нѣкоторыхъ гностиковъ, такъ и въ первыхъ христіанскихъ общинахъ, Іисуса считали сыномъ Божіимъ въ томъ же смыслѣ, какъ и Самуила. Позднѣе легенда, стремившаяся доказать сверхъ-естественное происхожденіе Христа, набросила на его рожденіе свой покровъ, сотканный изъ небесной лазури: исторію Іосифа и Маріи, Благовѣщеніе, вплоть до дѣтства Маріи въ храмѣ ***).

Если отдѣлить эзотерическій смыслъ отъ іудейскаго преданія и отъ христіанской легенды, можно прійти къ слѣдующему: воздѣйствіе духовнаго міра, которое участвуетъ при рожденіи каждаго человѣка, проявляется наиболѣе могущественно и осязаемо при рожденіи великаго генія, появленіе котораго совсѣмъ нельзя объяснить закономъ наслѣдственности.

Это воздѣйствіе духовнаго міра достигаетъ наибольшей силы, когда дѣло идетъ объ одномъ изъ тѣхъ божественныхъ пророковъ,

---

*) Пр. Іеремія I. 4,5.

**) Еванг. Іоанна, VIII, 58.

***) Апокриѳич. Евангеліе о Маріи и о дѣтствѣ Спасителя, изданное Тишендорфомъ.

появленіе которыхъ измѣняетъ всю судьбу міра. Душа, избранная для божественной миссіи, приходитъ изъ міра божественнаго; она появляется свободно и сознательно; но, чтобы ей возможно было дѣйствовать въ земной жизни, необходимъ избранный сосудъ, необходимъ призывъ матери высокой чистоты, которая всѣмъ настроеніемъ своего нравственнаго существа и всей жаждой своей души предчувствуетъ, притягиваетъ, воплощаетъ въ свою плоть и кровь душу Искупителя, дѣйствующаго въ мірѣ человѣческомъ какъ истинный Сынъ Божій.

Таковъ глубокій смыслъ, затаенный въ древней идеѣ о матери-дѣвственницѣ. Индусскій геній выразилъ его въ легендѣ о Кришнѣ. Евангелія Матѳея и Луки передаютъ его съ простотою и поэзіей еще болѣе возвышенной.

«Для души, сходящей съ неба, рожденіе есть смерть», сказалъ Эмпедоклъ за 500 лѣтъ до Рождества Христова. Какъ бы божественъ ни былъ духъ, разъ онъ воплотился, онъ потеряетъ на время всякое воспоминаніе о своемъ прошломъ; разъ колесо тѣлесной жизни захватило его, развитіе его земного сознанія совершается по законамъ того міра, въ которомъ онъ воплотился. Онъ подчиняется силѣ элементовъ и чѣмъ выше его происхожденіе, тѣмъ болѣе требуется усилій, чтобы возстановить свои небесныя свойства и познать свою высокую миссію.

Души глубокія и нѣжныя нуждаются въ тишинѣ, чтобы развернулись всѣ ихъ скрытыя силы. Іисусъ выросталъ въ мирномъ покоѣ Галилеи. Его первыя впечатлѣнія были тихія, строгія и ясныя. Родная долина, притаившаяся въ горахъ, цвѣла идеальной красотой. Назаретъ почти не измѣнился съ теченіемъ вѣковъ *). Его дома, врѣзанные въ скалы, бѣлѣютъ среди зелени гранатовыхъ и фиговыхъ деревьевъ и виноградниковъ, между которыми перелетаютъ стаи голубей. Чистый воздухъ горъ обвѣваетъ эту тихую долину, полную свѣжести и зелени; съ возвышенности открывается свободный и свѣтлый горизонтъ Галилеи.

Въ этой рамѣ совершалась жизнь патріархальной семьи, строгая, степенная, проникнутая набожностью. Сила еврейскаго воспитанія заключалась во всѣ времена въ единствѣ закона и вѣры, а также въ строгой организаціи семьи, подчинявшейся національной и религіозной идеѣ. Отчій домъ былъ для дѣтства Христа подобіемъ храма.

---

*) Вѣроятно всѣ помнятъ описаніе Галилеи въ *Жизни Іисуса* Ренана и не менѣе замѣчательное описаніе Вогюэ въ его *Путешествіи въ Сирію и Палестину*.

Вмѣсто смѣющихся фресокъ съ фавнами и нимфами, украшавшихъ атріумы греческихъ домовъ, какія можно было встрѣтить въ Тиверіадѣ, въ еврейскихъ домахъ—надъ дверями и по стѣнамъ—развертывались въ строгихъ линіяхъ начертанныя халдейскими письменами изрѣченія изъ пророковъ и изъ закона Моисеева. Но союзъ между отцомъ и матерью согрѣвалъ и освѣщалъ эту суровую обстановку свѣтомъ духовнаго единенія.

Тамъ Іисусъ воспринялъ свое первое обученіе, тамъ изъ устъ отца и матери Онъ впервые узналъ Священное Писаніе. Съ самаго начала Его жизни, таинственная многовѣковая судьба народа Бѡжія развернулась передъ Его очами; Онъ знакомился съ ней благодаря періодическимъ праздникамъ, торжественно справляемымъ семьей посредствомъ молитвъ, пѣнія и чтенія Св. Писанія. Въ праздникъ Скиніи строился шалашъ изъ вѣтокъ мирты и оливы на дворѣ или на крышѣ дома, въ воспоминаніе тѣхъ незапамятныхъ вѣковъ, когда патріархи кочевали со своими стадами. Зажигали подсвѣчникъ о семи свѣчахъ, развертывали папирусные свитки и принимались за чтеніе священныхъ исторій.

Дѣтская душа чувствовала присутствіе Вѣчнаго не только въ усѣянныхъ звѣздами небесахъ, но и въ этомъ семисвѣчникѣ, отражавшемъ Его славу, и въ рѣчахъ отца, и въ молчаливой любви матери.

Такъ убаюкивали дѣтство Іисуса великіе дни Израиля, дни радости и скорби, торжества и изгнанія, безчисленныхъ бѣдствій и вѣчной надежды. На вопросъ ребенка—пламенный и настойчивый—отецъ молчалъ. Но мать, когда ея глубокіе глаза, въ которыхъ святилась высокая мечта, встрѣчались съ Его вопросительнымъ взглядомъ, говорила Ему: «Слово Божіе сохраняется у Его пророковъ. Когда-нибудь мудрые Ессеи, пустынники горы Кармель и Мертваго моря, отвѣтятъ тебѣ».

Нетрудно представить себѣ ребенка Іисуса среди сверстниковъ, и то необыкновенное вліяніе, которое онъ имѣлъ на нихъ и которое дается преждевременнымъ разумомъ, соединеннымъ съ чувствомъ справедливости и активной доброты. Или въ синагогѣ, гдѣ Онъ прислушивался къ преніямъ книжниковъ и фарисеевъ, и гдѣ позднѣе самъ упражнялся въ своей могучей діалектикѣ. Его съ юныхъ лѣтъ отталкивала сухость этихъ законниковъ, которые до того погружались въ букву, что изгоняли изъ нея все духовное содержаніе.

Рядомъ съ этимъ, Ему приходилось прикасаться и къ язычеству и познавать его характеръ во время посѣщенія богатаго Сепфориса, резиденціи Антипы, главнаго города Галилеи, надъ которымъ

возвышался Акрополь, охраняемый наемниками Ирода, Галлами, Фракійцами и варварами изъ всѣхъ странъ. Весьма возможно, что во время одного изъ тѣхъ путешествій, которыя были въ обычаѣ у еврейскихъ семей, Ему приходилось бывать и въ одномъ изъ прибрежныхъ финикійскихъ городовъ, которые въ тѣ времена представляли изъ себя настоящіе человѣческіе муравейники. Онъ могъ издали видѣть ихъ храмы съ приземистыми колоннами, окруженные темными рощами, изъ которыхъ доносились плачевные звуки флейтъ, сопровождавшихъ пѣніе жрицъ Астарты. Ихъ страстные звуки, острые какъ страданіе, должны были вызывать въ Его изумленномъ сердцѣ содраганіе жалости и тоски. Послѣ этихъ впечатлѣній Онъ долженъ былъ возвращаться въ свои тихія горы съ чувствомъ облегченія. Поднимаясь на скалу Назарета и вопрошая обширный горизонтъ Галилеи и Самаріи, Онъ видѣлъ Кармель, Ѳаворъ и горы Сихема, этихъ древнихъ свидѣтелей патріарховъ и пророковъ. Возвышенности развертывались передъ взорами закругленнымъ амфитеатромъ, поднимаясь надъ горизонтомъ подобно смѣлымъ алтарямъ, ожидающимъ жертвеннаго огня и фиміама.

Но какъ ни могущественно ложились впечатлѣнія окружающаго міра на душу Іисуса, они блѣднѣли передъ высшей истиной его внутренняго міра. Эта истина раскрывалась внутри Его души подобно свѣтозарному цвѣтку, освѣщавшему Его внутренній міръ, когда Онъ оставался одинъ и внутренно сосредоточивался. И тогда люди и вещи, близкіе и отдаленные, являлись передъ Нимъ какъ бы прозрачными, какъ бы раскрытыми въ своей интимной сущности. Онъ читалъ мысли, онъ видѣлъ души человѣческія. Затѣмъ онъ различалъ въ своемъ воспоминаніи, какъ бы черезъ легкій покровъ, божественно-прекрасныя и сіяющія существа, склоненныя надъ Нимъ или собравшіяся для поклоненія духовному Свѣту, ослѣпительному по своей силѣ. Чудныя видѣнія преслѣдовали Его во снѣ и становились между Нимъ и земной реальностью, вызывая въ Немъ настоящую двойственность сознанія. На вершинѣ этихъ экстазовъ, которые поднимали Его все выше и выше, Онъ испытывалъ порою какъ бы сліяніе съ великимъ Свѣтомъ. Эти чудные подъемы оставляли въ сердцѣ Его невыразимую нѣжность и великую внутреннюю мощь. Онъ испытывалъ въ такія минуты влеченіе ко всему живому, чувствовалъ себя въ гармоніи со всей вселенной.

Какъ же назвать тотъ таинственный Свѣтъ, который сливался съ пребывавшимъ въ глубинѣ Его души свѣтомъ, и соединялъ Его со всѣми душами невидимыми вибраціями? Не было ли это самимъ Источникомъ душъ и міровъ?

Онъ назвалъ этотъ свѣтъ Отцомъ Небеснымъ *).

Это чувство единства съ Богомъ въ свѣтѣ Любви—вотъ первое великое откровеніе Іисуса. Оно освѣщало всю Его жизнь и давало Ему непоколебимую увѣренность. Оно сдѣлало Его кроткимъ и непреодолимымъ, оно сдѣлало изъ Его мысли сверкающій щитъ, изъ Его слова—огненный мечъ.

Эта глубоко скрытая мистическая жизнь соединялась у юнаго Іисуса съ полной ясностью во всѣхъ дѣлахъ жизни. Лука изображаетъ Его въ возрастѣ двѣнадцати лѣтъ «преуспѣвающимъ въ премудрости и возрастѣ и въ любви у Бога и человѣковъ» **). Религіозное сознаніе было врожденнымъ у Іисуса, совершенно независимымъ отъ внѣшняго міра, и позднѣе—благодаря особому посвященію и долгой внутренней работѣ; намеки на это встрѣчаются въ Евангеліяхъ и въ другихъ писаніяхъ.

Первымъ сильнымъ толчкомъ является для Іисуса его первое путешествіе въ Іерусалимъ съ родителями, о которомъ говоритъ Лука. Этотъ городъ, гордость Израильтянъ, былъ въ то время центромъ еврейскихъ національныхъ стремленій. Доставшіяся на его долю страданія служили лишь къ воспламененію умовъ. Можно сказать, что чѣмъ болѣе умножались іерусалимскія могилы, тѣмъ болѣе выростало надеждъ.

Подъ управленіемъ Селевкидовъ и Маккавеевъ Іерусалимъ подвергался жестокимъ нападеніямъ. Кровь текла потоками: римскіе легіоны превратили улицы Іерусалима въ бойню; массовыя распятія на крестахъ оскверняли окрестные холмы, представляя чудовищныя зрѣлища. Послѣ стольких ужасовъ, послѣ всѣхъ униженій римскаго владычества, послѣ разгрома синедріона и приведенія роли первосвященника къ роли дрожащаго раба, Иродъ, словно по какой-то иро-

---

*) Мистнческія лѣтопнсн всѣхъ временъ показываютъ, что духовиыя истины высшаго порядка были познаны нзбранными душами не путемъ умозрѣнія, но путемъ внутреиняго созерцанія подъ формой видѣнія. Этого рода психическіе феномеиы весьма мало извѣстны современиой наукѣ, но они представляютъ несомнѣнный фактъ. Екатернна Сіенская, дочь бѣднаго красильщика, имѣла съ четырехлѣтняго возраста необычайныя видѣнія. У Сведенборга, человѣка науки, съ умомъ уравновѣшеннымъ н наблюдательнымъ, появились въ сорокъ лѣтъ—при полномъ здоровьѣ—видѣнія, которыя не имѣли никакого отношенія къ его предъидущей жизни (жизнь Сведеиборга, Маттеръ). Я ие ставлю эти явленія на одиу линію съ тѣми, которыя происходили въ сознаніи Іисуса, но хочу лишь устаиовить существованіе внутреннихъ воспріятій, независимыхъ отъ физическихъ органовъ чувствъ.

**) Лука, гл. II, 52.

ніи, возстановилъ іерусалимскій храмъ въ большемъ великолѣпіи, чѣмъ онъ былъ при Соломонѣ.

И все же Іерусалимъ оставался попрежнему священнымъ градомъ. Не сказалъ ли Исаія, котораго Іисусъ читалъ преимущественно передъ другими пророками, что «придутъ народы къ свѣту твоему и цари—къ восходящему надъ тобою сіянію... И будешь называть стѣны твои спасеніемъ и ворота твои—славою» *),

Увидать Іерусалимъ и храмъ Іеговы было мечтою всѣхъ евреевъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Іудея сдѣлалась римской провинціей. Они стекались сюда изъ Переи, Галилеи, Александріи и Вавилона. Во время пути, въ пустынѣ, подъ пальмами, осѣнявшими колодцы, пѣлись псалмы, неслись воздыханія къ единому Предвѣчному, устремлялись взоры къ вершинамъ Сіона.

Душу Іисуса должно было объять тягостное чувство, когда Онъ впервые увидалъ раскинувшійся на горѣ подобно мрачной крѣпости городъ съ его грозными стѣнами, когда онъ увидалъ у его входныхъ воротъ римскій амфитеатръ Ирода, башню Антонія, господствующую надъ храмомъ и римскихъ легіонеровъ съ пиками въ рукахъ, наблюдавшихъ съ вершины городскихъ стѣнъ.

Онъ увидалъ великолѣпіе его мраморныхъ портиковъ, подъ которыми фарисеи разгуливали въ роскошныхъ одѣяніяхъ; Онъ прошелъ черезъ дворъ язычниковъ и черезъ дворъ женщинъ; Онъ приблизился, вмѣстѣ съ толпой израильтянъ, къ двери Никанора и къ балюстрадѣ, за которой виднѣлись священники въ торжественныхъ одѣяніяхъ, фіолетовыхъ и пурпуровыхъ, сверкающихъ золотомъ и драгоцѣнными камнями, которые служили передъ святилищемъ, приносили въ жертву козловъ или быковъ, окропляли народъ ихъ кровью и произносили одновременно благословенія. Какъ мало походило это на храмъ Его грезъ, на небо Его сердечныхъ упованій...

Затѣмъ, Онъ спускался въ народные кварталы нижняго города; Онъ видѣлъ тамъ нищихъ, изнуренныхъ голодомъ, лица съ печатью страданія, со слѣдами пережитаго во время послѣднихъ войнъ, во время казней и распинаній. Выходя изъ тѣхъ или другихъ воротъ города, Онъ блуждалъ по каменистымъ долинамъ, окруженнымъ мрачными лощинами, гдѣ находились каменоломни, рыбные садки и гробницы царей, которыми, словно могильнымъ поясомъ, былъ окруженъ Іерусалимъ. Изъ скалистыхъ пещеръ появлялись отъ времени до времени сумасшедшіе, выкрикивающіе проклятія противъ живыхъ и мертвыхъ.

---

*) Исаія, LX, 3, 18.

Затѣмъ, спускаясь по широкой лѣстницѣ къ источнику Силоамскому, глубокому какъ цистерна, Онъ видѣлъ у краевъ его желтой воды толпы прокаженныхъ и паралитиковъ съ страшно-обезображенной кожей. Непреодолимое влеченіе должно было притягивать Его къ нимъ, и глядя на нихъ, Онъ долженъ былъ испивать всю чашу ихъ страданій. Одни просили у Него помощи, другіе молчали, потерявъ надежду, третьи, отупѣвъ отъ страданій, казалось, уже перестали сознавать что бы то ни было.

«Къ чему этотъ храмъ и эти священники, эти гимны и жертвоприношенія—долженъ былъ думать Іисусъ—если они не въ состояніи облегчить хотя бы часть этихъ страданій?» И тогда весь этотъ потокъ человѣческихъ слезъ, вся скорбь этихъ отверженныхъ и этого города, этого народа и всего человѣчества проникли въ Его сердце, и Онъ постигъ, что долженъ разстаться съ тѣмъ блаженствомъ, которымъ не могъ подѣлиться съ другими. Эти молящіе, полные отчаянія взгляды не могли уже изгладиться изъ Его памяти. Мрачная спутница—страданіе человѣческое—сопутствовала Ему и говорила: я болѣе не покину Тебя никогда.

Онъ уходилъ полный глубокой грусти и смертельной тоски, и когда возвращался къ свѣтлымъ вершинамъ Галилеи, изъ глубины Его сердца вырывалась мольба: Отецъ Небесный!.. Я хочу знать, Я хочу исцѣлять, Я хочу спасать!

ГЛАВА III.

Ессеи.—Іоаннъ Креститель.—Искушеніе.

Тѣ знанія, къ которымъ долженъ былъ стремиться Іисусъ, могли быть въ тѣ времена только у Ессеевъ.

Евангеліе обходитъ полнымъ молчаніемъ жизнь Іисуса до Его встрѣчи съ Іоанномъ Крестителемъ, послѣ которой Онъ какъ бы вступаетъ въ отправленіе своего высокаго служенія. Непосредственно послѣ этого Онъ появляется въ Галлилеѣ съ совершенно опредѣленнымъ ученіемъ, съ увѣренностью пророка и сознаніемъ Мессіи. Но очевидно, что этому смѣлому выступленію предшествовала долгая подготовка и высшее посвященіе. Не менѣе вѣроятно и то, что посвященіе это должно было произойти въ единственномъ братствѣ, которое сохраняло въ тѣ времена въ странѣ израильской истинныя эзотерическія традиціи и высокій уровень жизни древнихъ пророковъ.

Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія для тѣхъ, кто въ состояніи подняться надъ суевѣрнымъ почитаніемъ мертвой буквы

и понять внутренній смыслъ событій въ духѣ и истинѣ. Это подтверждается не только внутреннею близостью, которая существуетъ между ученіемъ Іисуса и ученіемъ Ессеевъ, но и тѣмъ молчаніемъ, которое Христосъ и его близкіе сохраняли относительно этой секты. Почему Онъ, который нападаетъ такъ смѣло и свободно на всѣ религіозныя партіи своего времени, ни разу не упоминаетъ даже имени Ессеевъ? Почему апостолы и евангелисты не говорятъ о нихъ почти ничего? Это обстоятельство можно объяснить только тѣмъ, что они смотрѣли на Ессеевъ какъ на своихъ, что они были связаны клятвой, которая давалась при посвященіи въ мистеріи, и что секта эта слилась съ христіанами.

Братство Ессеевъ представляло во времена Іисуса послѣдніе остатки тѣхъ школъ пророковъ, которыя были основаны Самуиломъ. Деспотизмъ палестинскаго правительства и ревнивая зависть честолюбиваго и раболѣпнаго священства загнали ихъ въ уединенное убѣжище и принудили ихъ къ молчанію. Они не боролись болѣе, какъ ихъ предшественники, и довольствовались тѣмъ, что сохраняли въ цѣлости преданія.

Они имѣли два главныхъ центра: одинъ въ Египтѣ, на берегу озера Маориса, другой въ Палестинѣ въ Енгадди, на берегу Мертваго моря. Избранное ими для себя названіе Ессеевъ происходитъ отъ сирійскаго слова *Asaya*, что означаетъ врачи, а по гречески *терапевты*, ибо ихъ открытая дѣятельность среди народа состояла въ излѣченіи физическихъ и нравственныхъ недуговъ. «Они изучали съ большимъ стараніемъ различные врачебные манускрипты, въ которыхъ были изложены оккультныя свойства растеній и минераловъ *).

Нѣкоторые изъ нихъ обладали даромъ пророчества, какъ, напр., Менахемъ, который предсказалъ Ироду его царствованіе. «Они служатъ Богу—говоритъ Филонъ—съ великимъ благочестіемъ, и не внѣшними жертвоприношеніями, а очищеніемъ своего собственнаго духа. Они бѣгутъ изъ городовъ и прилежно занимаются мирными искусствами. У нихъ не существуетъ ни одного раба, они всѣ свободны и работаютъ одни для другихъ» **).

Правила ордена были очень строгія: чтобы вступить въ него, нужно было пробыть на испытаніи не менѣе года. Если свойства ищущаго оказывались подходящими, его допускали къ обрядамъ омовенія, но вступать въ сношенія съ учителями ордена можно было лишь послѣ новаго двухлѣтняго испытанія, послѣ котораго новаго члена принимали въ самое братство. Этому предшествовало произнесеніе «страшныхъ

---

*) Josèphe. *Geurre des Juifs* II, *Antiquités* XIII, 5—9; XVIII, 1—5.

**) Филонъ. *О созерцательной жизни*.

клятвъ», которыми вступающій обязывался исполнять всѣ постановленія ордена и ничего не выдавать изъ его тайнъ.

Послѣ этого вступающій допускался къ общей трапезѣ, которая происходила съ большою торжественностью и составляла внутренній культъ Ессеевъ. Они смотрѣли на одежду, употреблявшуюся при этихъ трапезахъ, какъ на священную, и снимали ее прежде чѣмъ приняться за обыденныя работы. Эти братскія вечери, которыя являются прообразомъ *Тайной Вечери*, основанной Іисусомъ, начинались и оканчивались молитвой. Тутъ же давались толкованія священныхъ книгъ Моисея и пророковъ. Но толкованіе текстовъ, такъ же какъ и посвященіе, имѣло три ступени и три смысла. Очень немногіе достигали высшей ступени.

Все это удивительно похоже на организацію Пиѳагорейскаго ордена *), но сходство это происходитъ отъ того, что та же организація существовала и у древнихъ пророковъ и вездѣ, гдѣ происходило посвященіе.

Прибавимъ, что Ессеи исповѣдывали основной догматъ орѳической и пиѳагорейской доктрины—догматъ предсуществованія души, въ которомъ кроется причина ея безсмертія. «Душа—говорили они,—спускающаяся изъ самаго тончайшаго эфира и притягиваемая къ воплощенію опредѣленными естественными чарами (ἴνγγί τινι φνδιχῇ), пребываетъ въ тѣлѣ какъ въ темницѣ: освобожденная отъ цѣпей тѣла, какъ отъ долгаго рабства, она улетаетъ съ радостью» (Josephe A. J. II, 8).

У Ессеевъ принятые братья жили въ общинѣ, пользуясь общимъ имуществомъ и сохраняя безбрачіе; они избирали для мѣста жительства уединенныя мѣстности, воздѣлывали землю и нерѣдко воспитывали заброшенныхъ дѣтей. Что касается до семейныхъ Ессеевъ, они составляли нѣчто въ родѣ ордена третьей степени, усыновленнаго первымъ и подчиненнаго ему. Они отличались своею молчаливостью, кротостью и серьезностью и занимались только мирными ремеслами: многіе изъ нихъ были ткачами, плотниками, садоводами, но купцовъ или оружейныхъ мастеровъ между ними не было никогда.

---

*) Черты, общія между Ессеями и Пиѳагорейцами: молитва при восходѣ солнца, льняныя одежды, братскія трапезы, годичное испытаніе, три ступени посвященія, организація ордена и общее имущество, которымъ завѣдывали избранные попечители, правила молчанія, клятва сохранять втайнѣ участіе въ мистеріяхъ, раздѣленіе обученія на три части: 1) наука всемірныхъ принциповъ или теогонія—то, что Филонъ называетъ *логикой*, 2) *физика* или космогонія, 3) *мораль*, т. е. все, что относится къ поведенію человѣка—отдѣлъ, который изучался спеціально терапевтами.

Разсѣянные небольшими группами по всей Палестинѣ, до самой горы Хорива, они находили другъ у друга самое радушное гостепріимство. И мы видимъ Іисуса и Его учениковъ, переходящихъ изъ города въ городъ, изъ округа въ округъ въ полной увѣренности, что они вездѣ найдутъ пріютъ.

«Ессеи,—говоритъ Жозефъ,—отличались образцовой нравственностью: они стремились господствовать надъ своими страстями и сдерживать всякій порывъ гнѣва; всегда доброжелательные и миролюбивые въ своихъ сношеніяхъ, они вызывали полное къ себѣ довѣріе. Ихъ простое слово имѣло болѣе силы, чѣмъ клятва; они такъ и смотрѣли на всякую клятву въ обыденной жизни, какъ на грѣховный поступокъ. Они готовы были скорѣе вынести самыя страшныя муки, и притомъ съ улыбкой на устахъ, чѣмъ нарушить малѣйшее изъ своихъ религіозныхъ убѣжденій.

Равнодушный къ внѣшнему великолѣпію іерусалимскаго культа, далекій отъ жесткости саддукеевъ и гордости фарисеевъ, отталкиваемый педантизмомъ и сухостью синагоги, Іисусъ былъ привлеченъ къ Ессеямъ внутренней близостью, естественнымъ сродствомъ *).

Ранняя смерть Іосифа предоставила полную свободу сыну Маріи. Его братья могли продолжать дѣло отца и поддерживать домъ. Мать согласилась на то, чтобы Онъ ушелъ невѣдомо для всѣхъ къ Ессеямъ въ Енгадди. Принятый какъ братъ и привѣтствуемый какъ избранникъ, Онъ долженъ былъ оказывать непреодолимое вліяніе на самихъ учителей ордена, благодаря своему превосходству, своему пламенному милосердію и тому божественному отпечатку, который покоился на всемъ Его существѣ.

И все же отъ нихъ получилъ Онъ то, что только одни Ессеи и могли дать: эзотерическое преданіе пророковъ и отсюда—освѣдомленность относительно исторической и религіозной эволюціи. Онъ созналъ ту пропасть, которая раздѣляла оффиціальную еврейскую доктрину отъ древней мудрости Посвященныхъ, которая была истинной матерью всѣхъ религій, постоянно преслѣдуемой «сатаной», т. е. духомъ зла, эгоизма, ненависти и отрицанія, соединеннымъ съ политическимъ абсолютизмомъ и съ церковнымъ лицемѣріемъ. Онъ узналъ, что Книга Бытія подъ своимъ символизмомъ заключаетъ теогонію и космогонію,

---

*) Общія черты между ученіемъ Ессеевъ и ученіемъ Іисуса: любовь къ ближнему какъ первѣйшая изъ обязанностей, запрещеніе клясться и божиться ради свидѣтельствованія истины; ненависть ко всякой лжи; смиреніе; установленіе *Тайной Вечери*, сходной съ братскими вечерями Ессеевъ, но съ новымъ смысломъ, означавшимъ жертву.

столь же далекую отъ своего буквальнаго смысла, какъ далека самая глубокая изъ наукъ отъ дѣтскихъ сказокъ. Онъ увидалъ въ Дняхъ Творенія вѣчное творчество путемъ эманаціи элементовъ и образованія міровъ; Онъ созерцалъ происхожденіе душъ и ихъ возвратъ къ Богу путемъ постоянно совершенствующихся существованій или «поколѣній Адама»; Онъ былъ пораженъ величіемъ мысли Моисея, который стремился подготовить религіозное единство всѣхъ народовъ, создавая культъ единаго Бога и воплощая эту идею въ Израилѣ.

Тамъ же Онъ долженъ былъ узнать ученіе о божественномъ Глаголѣ, которое въ Индіи провозглашалось Кришной, въ Египтѣ— жрецами Озириса, въ Греціи—Орфеемъ и Пиѳагоромъ и которое было извѣстно среди пророковъ подъ именемъ *Мистерій Сына Человѣческаго и Сына Божьяго*.

По этому ученію наивысшее проявленіе Бога есть человѣкъ, который по своему строенію, по своей формѣ, по своимъ органамъ, по своему разуму, есть образъ и подобіе Бога, свойствами котораго онъ обладаетъ. Но въ *земной* эволюціи человѣчества Богъ какъ бы разсѣянъ и раздробленъ во множествѣ человѣковъ и въ несовершенствѣ человѣческомъ. Онъ страдаетъ, Онъ ищетъ Себя, Онъ борется внутри человѣка; Онъ—Сынъ Человѣческій. Совершенный человѣкъ, являющійся наиболѣе высокой мыслью Бога, остается скрытымъ въ безконечной глубинѣ Его желанія и Его силы.

Но въ извѣстныя эпохи, когда человѣчество подходитъ къ безднѣ и его необходимо спасти и дать ему толчекъ, чтобы возвести его на новую ступень, Избранникъ отождествляется съ Богомъ, притягивая Его къ себѣ силою, мудростью и любовью, чтобы проявить Его снова въ сознаніи людей. И тогда божественная природа, проникшая въ него силою Духа, воплощается въ немъ: Сынъ Человѣческій становится Сыномъ Божіимъ и Его живымъ Глаголомъ.

Въ другіе вѣка и у другихъ народовъ уже появлялись Сыны Божіи, но въ Израилѣ со временъ Моисея было лишь ожиданіе, поддерживаемое пророками, грядущаго Мессіи. Ясновидцы говорили, что на этотъ разъ Онъ будетъ именоваться Сыномъ Жены, небесной Изиды, которая считалась Супругой Господа, ибо свѣтъ Любви будетъ сіять въ Немъ съ такою силою, какой земля на знала до Него.

Эти тайны, раскрываемыя патріархомъ Ессеевъ передъ молодымъ Галилеяниномъ на пустынномъ берегу Мертваго моря, въ нерушимомъ уединеніи Енгадди, казались Ему одновременно и чудесными, и знакомыми. Его должно было охватывать особое волненіе, когда глава Ордена объяснялъ Ему слова, которыя находятся и понынѣ въ книгѣ

Еноха: «Отъ начала Сынъ Человѣческій былъ въ тайнѣ. Всевышній хранилъ его у Себя и *проявлялъ Его своимъ избраннымъ*... Но владыки земные испугаются и падутъ ницъ, и ужасъ обуяетъ ихъ, когда они увидятъ *Сына Жены* сидящимъ на престолѣ Славы... И тогда Избранникъ призоветъ всѣ силы неба, всѣхъ святыхъ свыше и могущество Божіе. И тогда всѣ Херувимы и всѣ ангелы *Силы*, и всѣ ангелы *Господа*, т. е. Избранника, и *другой силы*, которая служитъ на землѣ и поверхъ водъ, поднимутъ свои голоса*).

При этихъ откровеніяхъ, слова пророка загорались новымъ свѣтомъ въ душѣ Іисуса, подобно молніи, сверкающей въ темную ночь. Кто же былъ этотъ Избранникъ и когда появится Онъ среди Израиля?

Іисусъ прожилъ нѣсколько лѣтъ у Ессеевъ. Онъ подчинялся ихъ дисциплинѣ, Онъ изучалъ вмѣстѣ съ ними тайны природы и упражнялся въ оккультной терапевтикѣ. Онъ побѣдилъ свою земную природу и овладѣлъ своимъ высшимъ сознаніемъ. Изо-дня въ-день размышлялъ Онъ надъ судьбами человѣческими и углублялся въ самого себя. Важнѣйшимъ моментомъ Его пребыванія у Ессеевъ была та знаменательная для всего братства ночь, когда Онъ въ глубочайшей тайнѣ принялъ высшее посвященіе четвертой ступени—то, которое давалось только въ случаѣ высокой пророческой миссіи, добровольно принимаемой на себя Посвященнымъ и утверждаемой Старѣйшинами.

Собраніе происходило въ пещерѣ, высѣченной внутри горы на подобіе обширнаго зала, имѣвшаго алтарь и сидѣнья изъ камня. Лишь глава Ордена и его Старѣйшины, да иногда двѣ или три посвященныя пророчицы могли присутствовать при таинственной церемоніи. Неся въ рукахъ факелы и пальмы, облаченныя въ бѣлыя льняныя одежды, пророчицы привѣтствовали новаго Посвященнаго какъ «Супруга и Царя», котораго онѣ предчувствовали и котораго вѣроятно видятъ въ послѣдній разъ... Затѣмъ глава Ордена, обыкновенно столѣтній старецъ (по утвержденію Жозефа, Ессеи жили чрезвычайно долго), подавалъ ему *золотую чашу*—символъ высшаго посвященія, которая заключала въ себѣ *вино изъ виноградника Господня*—символъ божественнаго вдохновенія.

Есть указанія, что Моисей пилъ изъ такой чаши вмѣстѣ съ семьюдесятью Старѣйшинами, а еще ранѣе—Авраамъ, получившій отъ

---

*) Книга Еноха, глава XLVIII, LXI. Это мѣсто показываетъ, что ученіе о Глаголѣ и Троицѣ, которое находится въ Евангеліи отъ Іоанна, существовало у Израиля задолго до Іисуса и исходило изъ глубины пророческаго эзотеризма. Въ книгѣ Еноха Господь Духовъ представляетъ Отца; Избранникъ—Сына; Другая Сила—Святого Духа.

Мелхиседека такое же посвященія подъ видомъ хлѣба и вина *). Никогда Старѣйшій не вручалъ чашу человѣку, который не владѣлъ ясными признаками пророческой миссіи. Но самую миссію опредѣлить могъ лишь самъ пророкъ; онъ долженъ былъ найти ее внутри себя, ибо таковъ законъ посвященія: ничего извнѣ, все изнутри.

Съ этого момента Іисусъ становится свободнымъ, полнымъ господиномъ надъ своей жизнью, независимымъ отъ ордена; отнынѣ самъ Іерофантъ, Онъ былъ предоставленъ воздѣйствію Духа, который могъ низвергнуть Его въ бездну или поднять на вершину, недосягаемую для страдающаго и грѣховнаго человѣчества.

Когда послѣ пѣнія гимновъ, послѣ молитвъ и торжественныхъ словъ Старѣйшаго, Іисусъ Назорей принялъ чашу, блѣдный лучъ зари, проникшій черезъ отверстіе горы, скользнулъ по факеламъ и по длиннымъ бѣлымъ одеждамъ ессейскихъ пророчицъ; онѣ содрогнулись, увидѣвъ освѣщеннаго этимъ лучомъ блѣднаго Галилеянина, ибо великая грусть появилась на прекрасномъ лицѣ Его. Не воскресло ли въ Немъ воспоминаніе о Силоамѣ, и сквозь эту великую грусть не увидалъ ли Онъ лежавшій передъ нимъ путь?

Въ это же время Іоаннъ Креститель проповѣдывалъ на берегу Іордана; онъ не принадлежалъ къ Ессеямъ, онъ былъ народнымъ пророкомъ, изъ крѣпкаго племени Іуды. Гонимый въ пустыню суровымъ благочестіемъ, онъ велъ тамъ жизнь, полную лишеній, въ постоянныхъ молитвахъ, въ постѣ и изнуреніи. Поверхъ обнаженнаго тѣла, сожженнаго силнцемъ, онъ носилъ вмѣсто власяницы одежду изъ верблюжьей шерсти, какъ знакъ покаянія его самого и его народа, ибо онъ глубоко чувствовалъ бѣдствія Израиля и не переставалъ ожидать его освобожденія. Онъ думалъ, слѣдуя вѣрованію іудейскому, что Мессія появится скоро, какъ мститель и исполнитель правосудія, и, подобно Маккавею, подниметъ народъ, прогонитъ римлянъ и покараетъ всѣхъ виновныхъ, а затѣмъ, торжественно вступивъ въ Іерусалимъ, возстановитъ царство Израильское въ мирѣ и справедливости и вознесетъ его выше всѣхъ народовъ земли.

Онъ проповѣдывалъ народу скорое появленіе Мессіи и увѣщевалъ, что нужно подготовиться къ Его появленію раскаяніемъ и очищеніемъ сердца. Принявъ отъ Ессеевъ обычай священныхъ омовеній и преобразовавъ его по своему, онъ придавалъ крещенію въ Іорданѣ значеніе видимаго символа, какъ бы всенародное совершеніе внутренняго очищенія, которое онъ требовалъ отъ людей. Эта новая церемонія, эта

---

*) Книга Бытія, глава XIV, 18.

пламенная проповѣдь передъ толпами народа въ величавой рамѣ пустыни, передъ священными водами Іордана, между строгими горными хребтами Іудеи и Переи, сильно дѣйствовала на воображеніе и привлекала множество людей. Она напоминала славные дни древнихъ пророковъ; она давала народу то, чего онъ не находилъ въ храмѣ: внутренній толчекъ и, вслѣдъ за страхомъ раскаянія, вѣяніе надежды, смутной и чудесной.

Къ Іоанну Крестителю сбѣгались со всѣхъ концовъ Палестины и даже изъ еще болѣе отдаленныхъ странъ, чтобы послушать святого пустынника, который предвѣщалъ Мессію. Народъ, привлеченный его словомъ, оставался у береговъ Іордана цѣлыми недѣлями, разбивъ близъ рѣки цѣлый лагерь и не желая уходить вдаль, чтобы не пропустить появленія Мессіи. Многіе предлагали взяться за оружіе, чтобы подъ его предводительствомъ начать священную войну. Иродъ Антипа и священники Іерусалима начинали уже тревожиться этимъ народнымъ движеніемъ. Кромѣ того, признаки временъ были угрожающіе. Тиверій, достигшій семидесяти четырехъ лѣтъ, заканчивалъ свою жизнь, предаваясь распутнымъ пирамъ въ Капреи; Понтій Пилатъ удваивалъ свою строгость противъ евреевъ; Въ Египтѣ жрецы провозглашали, что фениксъ готовится возстать изъ пепла*).

Іисусъ, который чувствовалъ, какъ внутри Его растетъ пророческое призваніе, но который все еще искалъ своихъ путей, пришелъ въ свою очередь въ пустыню Іордана съ нѣсколькими братьями-Ессеями, которые уже тогда слѣдовали за Нимъ какъ за Учителемъ. Онъ хотѣлъ видѣть Крестителя, услышать его проповѣдь и подвергнуться всенародному крещенію. Онъ желалъ проявить смиреніе и отдать дань уваженія пророку, который осмѣлился возвысить голосъ противъ представителей власти и разбудить изъ летаргіи душу Израиля.

Онъ увидалъ суроваго аскета съ львиной головой духовидца, стоящаго передъ деревяннымъ престоломъ, подъ грубымъ навѣсомъ, покрытымъ вѣтвями и козьими шкурами. Вокругъ него, среди тощаго кустарника пустыни, огромная толпа, цѣлый раскинутый лагерь: Мытари, солдаты Ирода, Самаритяне, іерусалимскіе Левиты, Идумейцы со своими стадами овецъ и даже Арабы, остановившіеся тамъ же со своими верблюдами, палатками и караванами, привлеченные «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». И его гремящій голосъ проносился надъ толпой: «Кайтесь, приготовьте пути Господу, прямыми сдѣлайте стези Ему».

*) Tacite, Annales VI, 28, 31.

Онъ называлъ фарисеевъ и саддукеевъ порожденіями ехидны. Онъ утверждалъ, что «уже и сѣкира при корнѣ деревъ лежитъ» и говорилъ о Мессіи: «я крещу васъ водою, а Онъ будетъ крестить васъ огнемъ».

Къ вечеру, когда солнце склонялось къ закату, Іисусъ видѣлъ, какъ вся эта толпа тѣснилась къ небольшому заливу Іордана, и видѣлъ какъ Иродовы наемники и даже разбойники склоняли свои могучія спины подъ струями воды, которыми ихъ поливалъ Креститель.

Іисусъ приблизился къ пророку. Іоаннъ не имѣлъ понятія объ Іисусѣ, но онъ узналъ Ессея по Его льнянымъ одеждамъ. Онъ увидалъ Его среди толпы, спускающагося въ воду по поясъ и смиренно склоняющаго голову, чтобы принять окропленіе водой. Когда получившій крещеніе поднялъ голову, могучій взглядъ Крестителя встрѣтился со взглядомъ Галилеянина. Пророкъ пустыни задрожалъ подъ лучемъ дивной кротости этого взгляда и невольно у него вырвался вопросъ: «не Ты ли Мессія?*). Таинственный Ессей не отвѣчалъ ничего, но склонивъ голову и скрестивъ руки, просилъ у Іоанна благословенія. Креститель долженъ былъ знать, что молчаніе было въ обычаѣ у Ессейскихъ посвященныхъ и онъ торжественно протянулъ надъ Іисусомъ обѣ руки. Послѣ этого Іисусъ удалился со своими спутниками.

Креститель слѣдилъ за нимъ взоромъ, въ которомъ смѣшивались сомнѣніе, скрытая радость и глубокая печаль. Что значить все его вдохновеніе и пророческая сила передъ сіяющимъ свѣтомъ, который исходилъ изъ глазъ Незнакомца и освѣтилъ до глубины все его существо? О, если бы молодой и прекрасный Галилеянинъ былъ ожидаемымъ Мессіей, какая радость спустилась бы въ сердце его! Тогда дѣло его жизни было бы закончено и голосъ его могъ бы умолкнуть. Съ этого дня онъ проповѣдывалъ съ скрытымъ волненіемъ о томъ, что «Ему нужно расти, а мнѣ умаляться». Онъ вѣроятно испытывалъ утомленіе и печаль стараго льва, ложащагося въ молчаніи въ ожиданіи смерти.

---

*) По Евангельскимъ разсказамъ Іоаннъ иемедленно узиалъ въ Іисусѣ Мессію и крестилъ Его какъ таковаго. Относительио этого есть противорѣчія. Ибо поздиѣе Іоаннъ, заключенный въ темницу Антипой въ Макеру, посылаетъ Іисусу такой вопросъ: «Ты ли Тотъ, который долженъ придти, илн ожидать намъ другого?» (Матѳей XI, III) Это запоздалое сомнѣніе показываетъ, что Іоаннъ не былъ увѣренъ въ тождествѣ Іисуса и Мессіи. Но первые редакторы Евангелій были евреи н поэтому желали, чтобы Іисусъ получилъ свое посвященіе отъ Іоанна Крестителя, іудейскаго народнаго пророка.

«Не Мессія ли Ты?» Этотъ вопросъ Крестителя раздавался въ душѣ Іисуса. Съ самаго начала своей сознательной жизни, Онъ нашелъ Бога въ себѣ, и увѣренность въ царствѣ небесномъ освѣщала сіяющей красотой Его внутреннія видѣнія.

Позднѣе, человѣческое страданіе пронзило Его сердце. Мудрецы ессейскіе открыли Ему тайну религіи и науку Мистерій; они указали Ему на духовное паденіе человѣчества и на ожиданіе Спасителя. Но гдѣ та сила, которая могла бы вынести страдающее человѣчество изъ темной бездны? Прямой вопросъ Іоанна Крестителя проникъ въ тишину Его глубокихъ думъ, подобно синайской молніи. Не Мессія ли Онъ?

Іисусъ могъ отвѣтить на этотъ вопросъ только послѣ глубокаго сосредоточенія въ тишинѣ своего собственнаго духа. Отсюда потребность въ уединеніи, тотъ сорокадневный постъ, который Матѳей изображаетъ въ формѣ символической легенды. *Искушеніе* является въ жизни Іисуса поистинѣ великимъ кризисомъ и тѣмъ верховнымъ прозрѣніемъ въ истину, черезъ которое неминуемо проходятъ всѣ пророки, всѣ основатели религій передъ началомъ своего великаго дѣла.

Выше Енгадди, тамъ, гдѣ Ессеи разрабатывали кунжутъ и виноградники, крутая тропинка вела въ пещеру, скрытую въ горѣ. Въ нее входили мимо двухъ дорическихъ колоннъ, вырѣзанныхъ въ скалѣ, подобныхъ тѣмъ, которыя находились въ Іосафатовой долинѣ, въ Убѣжищѣ Апостоловъ. Тамъ, въ этомъ гротѣ, человѣкъ какъ бы висѣлъ надъ пропастью, словно въ орлиномъ гнѣздѣ. Въ глубинѣ видимаго оттуда ущелія находились виноградники и жилища людей; далѣе Мертвое море, неподвижное и сѣрое, и печальныя горы Маовитскія. Ессеи пользовались этимъ уединеннымъ мѣстомъ для тѣхъ изъ своихъ братьевъ, которые хотѣли подвергнуться испытанію одиночествомъ. Въ гротѣ этомъ находились свитки съ изреченіями пророковъ, укрѣпляющія благовонныя вещества, сухія фиги и пробивающаяся изъ разсѣлины скалы тонкая струя воды, единственное подкрѣпленіе аскета во время медитаціи. Іисусъ удалился туда.

Прежде всего Онъ обозрѣлъ въ духѣ все прошлое человѣчества. Онъ взвѣсилъ важность наступившаго часа. Римъ являлся его выразителемъ: онъ представлялъ собою то, что персидскіе маги называли царствомъ Аримана, а пророки—царствомъ сатаны, печатью звѣря, апофеозомъ зла. Мракъ поглотилъ человѣчество. Народъ израильскій получилъ отъ Моисея священную миссію—сохранить для міра религію Отца, чистаго Духа, передавать ее другимъ народамъ и стремиться къ ея торжеству. Удалось ли его царямъ и его священикамъ выполнить эту миссію?

Пророки, которые одни сознавали священную миссію своего народа, отвѣчали единодушно: нѣтъ! Израиль погибалъ медленной смертью въ крѣпкихъ объятіяхъ Рима.

Слѣдовало ли въ сотый разъ рискнуть поднять народъ, какъ о томъ еще мечтали фарисеи, и силою возстановить временное царство Израиля? Слѣдовало ли объявить себя сыномъ Давидовымъ и воскликнуть вмѣстѣ съ Исаіей: «Я растопчу народы во гнѣвѣ моемъ, Я напою ихъ моимъ негодованіемъ, я опрокину ихъ силою на землю». Слѣдовало ли стать новымъ Маккавеемъ и объявить себя Царемъ-Первосвященникомъ?

Іисусъ могъ рискнуть на это. Онъ видѣлъ, какъ толпы были готовы подняться по велѣнію Іоанна Крестителя, а сила, которую Онъ чувствовалъ внутри себя, была неизмѣримо большей силой. Но можно ли насиліе побѣждать насиліемъ? Можетъ ли мечъ положить конецъ царству меча? Не значило ли это вызвать къ жизни новыя темныя силы?

Не лучше ли было раскрыть для всѣхъ ту истину, которая до тѣхъ поръ оставалась достояніемъ нѣсколькихъ святилищъ и небольшого числа посвященныхъ? Не слѣдовало ли подѣйствовать на сердца людей въ ожиданіи того времени, когда путемъ высшаго знанія и внутренняго откровенія истина проникнетъ въ *сознаніе* людей? Не слѣдовало ли проповѣдывать Царство Небесное смиреннымъ и простымъ, не слѣдовало ли замѣнить Царство Закона царствомъ Благодати, преобразить человѣчество изнутри, возродить его душевную жизнь?

Но за кѣмъ останется побѣда? За сатаной или за Богомъ? За духомъ зла, который царствуетъ вмѣстѣ съ сильными міра сего, или за божественнымъ духомъ, господствующихъ въ невидимыхъ высшихъ мірахъ и скрытымъ въ сердцѣ каждаго человѣка, подобно искрѣ внутри камня? Но какова будетъ участь пророка, который рѣшится разорвать завѣсу храма, чтобы разоблачить пустоту Святилища, который осмѣлится оказать неуваженіе одновременно и Ироду, и Цезарю?

Но время настало! Внутренній голосъ не говорилъ Ему, какъ пророку Исаіи: «возьми большую книгу и пиши на ней перомъ человѣческимъ». Голосъ Вѣчнаго взывалъ къ Нему: «возстань и говори». Необходимо было найти живой глаголъ, вѣру, которая двигаетъ горами; силу, которая разбиваетъ неприступныя крѣпости.

Іисусъ пламенно молился. Во время этой молитвы какое-то безпокойство, какая-то растущая тревога стала овладѣвать Имъ. Онъ начиналъ терять чудную радость обрѣтенной силы, и душа Его начинала погружаться въ темную бездну. Черное облако окутало Его.

Это облако было чревато всевозможными тѣнями: Онъ узнавалъ въ нихъ образы своихъ братьевъ, своихъ учителей-Ессеевъ, своей Матери. Тѣни эти одна за другой говорили Ему: «Ты хочешь невозможнаго! Ты не знаешь, *что* ожидаетъ Твое безуміе! Откажись!» Но непреодолимый внутренній голосъ возражалъ: «Это неизбѣжно». Онъ боролся такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней и ночей, то прислонясь къ стѣнѣ, то стоя на колѣняхъ, то распростертый ницъ. И все глубже раскрывалась передъ Нимъ бездна, и все чернѣе становилось окружавшее его облако. Онъ словно приближался къ чему-то страшному и невыразимому.

Затѣмъ Онъ впалъ въ тотъ ясновидящій экстазъ, когда глубоко скрытое высшее сознаніе пробуждается, вступаетъ въ общеніе съ живымъ духомъ всѣхъ вещей и отбрасываетъ на прозрачныя ткани сновидѣнія образы прошедшаго и будущаго. Внѣшній міръ исчезаетъ, глаза закрываются. Ясновидецъ созерцаетъ Истину въ лучахъ того Свѣта, который затопляетъ все Его существо, образуя изъ Его сознанія пламенѣющее средоточіе этого Свѣта.

Загремѣлъ громъ, гора задрожала до самаго основанія; внезапный вихрь поднялъ Ясновидца на вершину Іерусалимскаго храма. Крыши и башни города сверкали въ воздухѣ, словно лѣсъ изъ золота и серебра. Священные гимны доносились изъ Святая Святыхъ храмовъ. Волны фиміама поднимались со всѣхъ алтарей и неслись къ ногамъ Іисуса. Народъ въ праздничныхъ одеждахъ наполнялъ портики. Прекрасныя женщины пѣли для Него гимны пламеннаго обожанія. Трубы звучали, и сто тысячъ голосовъ восклицали: «Слава Царю Израилеву!»

— Ты будешь этимъ царемъ, если поклонешься мнѣ,—раздался голосъ.

— Кто ты? спросилъ Іисусъ.

И снова поднялся вихрь и понесъ Его черезъ пространство на вершину горы. У Его ногъ развернулись царства земли, освѣщенныя золотистымъ сіяніемъ.

— Я— царь духовъ и князь земли—доносился голосъ снизу.

— Я знаю, кто ты,—сказалъ Іисусъ.—Ты появляешься подъ безчисленными видами и имя твое—сатана. Появись въ своемъ земномъ образѣ.—

Видѣніе коронованнаго властителя появилось на тронѣ изъ облаковъ. Блѣдное сіяніе окружало его царственную голову. Темный образъ вырисовывался на кровавомъ сіяніи, ликъ его былъ блѣденъ и взглядъ его былъ какъ сверканіе меча. Онъ сказалъ: «Я—Цезарь, склонись передо мной, я дамъ Тебѣ всѣ царства земли». Іисусъ отвѣчалъ:

— Назадъ, искуситель! Ибо написано: «Ты будешь поклоняться лишь Вѣчному, лишь Богу Твоему». И немедленно видѣніе исчезло.

Очутившись снова въ одиночествѣ, въ пещерѣ Енгадди, Іисусъ вопросилъ:

— Какимъ знаменьемъ одержу я побѣду надъ владыками земли?

— Знаменьемъ Сына Человѣческаго,—произнесъ голосъ сверху.

И вслѣдъ за тѣмъ блестящее созвѣздіе появилось на горизонтѣ; оно состояло изъ четырехъ свѣтилъ въ формѣ Креста. Галилеянинъ узналъ знакъ древнихъ посвященій, употреблявшійся въ Египтѣ и сохраненный Ессеями. На зарѣ человѣчества сыновья Іафета поклонялись ему, какъ символу земного и небеснаго огня, какъ знаменью Жизни со всѣми ея радостями и Любви со всѣми ея чудесами. Позднѣе посвященные Египта видѣли въ немъ символъ великой мистеріи, Троицы, сливающейся въ Единствѣ, образъ жертвы Неисповѣдимаго, который раздробляется, чтобы проявить Себя въ мірахъ. Символъ одновременно и жизни, и смерти, и воскресенія, онъ встрѣчался и въ подземельяхъ, и на могилахъ, и въ безчисленныхъ храмахъ.

Сіяющій крестъ увеличивался и приближался, словно привлекаемый сердцемъ Ясновидца. Его четыре звѣзды пламенѣли, подобныя четыремъ Солнцамъ.

— Смотри, магическій знакъ Жизни и Безсмертія—произнесъ невидимый голосъ.—Нѣкогда люди обладали имъ, но затѣмъ потеряли его. Хочешь Ты возвратить его людямъ?—

— Хочу,—отвѣтилъ Іисусъ.

— Если хочешь, взирай! Вотъ Твоя судьба.—

Внезапно четыре звѣзды погасли. Настала ночь. Подземный громъ потрясъ землю и со дна Мертваго моря поднялась темная гора, на вершинѣ которой виднѣлся черный крестъ. Человѣкъ, изнемогающій въ смертныхъ мукахъ, былъ пригвожденъ къ нему. Бѣснующійся народъ покрывалъ гору и вопилъ со злобнымъ издѣвательствомъ:«Если Ты дѣйствительно Мессія, спаси себя!» Ясновидецъ узналъ: тотъ распятый человѣкъ былъ Онъ самъ...

Онъ все понялъ. Чтобы побѣдить, нужно было отождествить себя съ этимъ страшнымъ двойникомъ, представшимъ передъ Нимъ какъ предостереженіе. Неувѣренность закралась въ душу Іисуса, и онъ почувствовалъ себя словно висящимъ въ пустотѣ и раздираемымъ и муками пригвожденнаго, и оскорбленьями сыновъ человѣческихъ, и глубокимъ молчаніемъ Небесъ.

— Ты можешь принять жертву, или же отвергнуть ее,—сказалъ невидимый голосъ.

И уже видѣніе начинало дрожать и мѣстами блѣднѣть, и призракъ Креста съ казненнымъ уплывать вдаль, когда передъ внутренними очами Іисуса стали проходить въ яркой картинѣ всѣ страдальцы у купели Силоамской, а позади нихъ цѣлая армія измученныхъ душъ, отъ которыхъ неслись жалобные вопли: «Безъ Тебя мы погибнемъ... Спаси насъ Ты, который умѣешь любить». Іисусъ медленно выпрямился и раскрывая объятія, воскликнулъ: «Принимаю кресть, и да будутъ они спасены!» И въ тотъ же мигъ Онъ почувствовалъ страшное сотрясеніе во всемъ существѣ Своемъ и испустилъ громкій крикъ... Черная гора обрушилась, крестъ исчезъ, нѣжный свѣтъ затопилъ Ясновидца, неземнымъ блаженствомъ повѣяло на Него, и въ неизмѣримыхъ высотахъ пронесся торжествующій голосъ: «Сатана побѣжденъ! Смерть попрана! Слава Сыну Человѣческому! Слава Сыну Божьему!».

Когда Іисусъ пробудился, ничто не измѣнилось вокругъ Него; восходящее солнце золотило внутренность грота Енгаддійскаго; теплая роса увлажнила его оцѣпенѣвшія ноги; колеблющіеся туманы поднимались надъ Мертвымъ моремъ. Но Онъ самъ былъ уже не тотъ. Нѣчто, навсегда рѣшающее судьбу, совершилось въ неисповѣдимой глубинѣ Его сознанія. Онъ разрѣшилъ загадку Своей жизни. Онъ завоевалъ міръ, и великая увѣренность проникла въ Него. Изъ побѣды надъ земной своей природой, на которую Онъ наступилъ ногой и, побѣжденную, навсегда отбросилъ отъ Себя, изъ пережитой смертельной агоніи, возникло новое сознаніе, сіяющее небесною радостью: Онъ зналъ, что непреложнымъ рѣшеніемъ своей воли Онъ сталъ отнынѣ Мессіей.

Вскорѣ послѣ этого Онъ спустился въ поселокъ Ессеевъ и узналъ, что Іоаннъ Креститель былъ захваченъ Антипой и заключенъ въ темницу въ крѣпости Макеру. Это извѣстіе было для него признакомъ, что времена созрѣли и что пора начать дѣйствовать. Онъ объявилъ Ессеямъ, что пойдетъ проповѣдывать въ Галлилею «Евангеліе Царства Небеснаго».

Слова эти скрывали Его рѣшеніе сдѣлать доступными для простыхъ и смиренныхъ великія Мистеріи, рѣшеніе перевести на понятный для *всѣхъ* языкъ ученіе посвященныхъ.

Подобнаго не совершалось съ того времени, когда Саккія-Муни—послѣдній Будда—двигаемый безпредѣльной жалостью, проповѣдывалъ на берегахъ Ганга.

То-же божественное состраданіе къ человѣчеству одушевляло и Іисуса, но Онъ восполнилъ его такою мощью любви и такимъ величіемъ вѣры и дѣятельной энергіи, которыя принадлежали только Ему одному. Изъ нѣдръ смерти, которую Онъ измѣрилъ и предвкусилъ, Онъ вынесъ для своихъ братьевъ по человѣчеству надежду и вѣчную жизнь

Глава IV.

Внѣшняя жизнь Іисуса.—Открытое ученіе и ученіе эзотерическое.—Чудеса.—Апостолы.—Женщины.

До сихъ поръ я стремился освѣтить свѣтомъ самого Іисуса Христа ту часть Его жизни, которая въ Евангеліяхъ остается въ тѣни, или скрывается подъ покровомъ легенды. Я пытался указать на тотъ видъ посвященія и на ту эволюцію души и мысли, путемъ которыхъ Христосъ достигъ мессіанскаго сознанія; другими словами я—пытался возстановить внутренній генезисъ Христа. Разъ установленный, онъ облегчитъ мнѣ остальную часть моей задачи.

Внѣшняя жизнь Іисуса изложена въ Евангеліяхъ. Въ этихъ разсказахъ встрѣчаются разногласія, противорѣчія и разновременный составъ. Легенда, прикрывая или искажая извѣстныя мистеріи, виднѣется здѣсь, и тамъ, но изъ всей совокупности евангелическихъ расказовъ слѣдуетъ такое единство мыслей и дѣйствія, возникаетъ индивидуальность столь могучая и оригинальная, что мы невольно чувствуемъ себя въ присутствіи неопровержимой реальности самой жизни. Нельзя поддѣлать эти неподражаемые разсказы, которые въ своей дѣтской простотѣ или подъ своей символической красотой говорятъ болѣе, чѣмъ самые распространенные трактаты.

Но что для нашего времени является необходимостью, это—освѣтить роль Іисуса путемъ эзотерическихъ преданій и эзотерическихъ ученій и показать внутренній смыслъ и трансцендентную высоту Его открытаго и Его сокровеннаго ученія.

Глашатаемъ какой новой истины явился проповѣдникъ новаго Евангелія? Какою силою намѣревался Онъ измѣнить самый ликъ земли? Мысль пророковъ завершалась въ Немъ. Сильный своей божественной природой, Онъ хотѣлъ раздѣлить съ людьми то Царство Небесное, которое Онъ завоевалъ въ своихъ внутреннихъ созерцаніяхъ и въ своей борьбѣ, въ своихъ необъятныхъ скорбяхъ и въ своихъ безграничныхъ радостяхъ.

Онъ пришелъ, чтобы разорвать покровъ, который древняя религія Моисея набросила на потусторонній міръ. Онъ пришелъ, чтобы возвѣстить: «Вѣруйте, любите и да будетъ надежда душою всей вашей жизни. Надъ этой землей существуетъ иной, духовный міръ, иная, болѣе совершенная жизнь. Я это знаю. Я пришелъ оттуда и Я поведу васъ туда. Но, чтобы достигнуть ее, нужно осуществлять

ее здѣсь, на землѣ, сперва внутри вашей души, а затѣмъ и въ окружающемъ мірѣ. Какъ осуществлять? Любовью и дѣятельнымъ милосердіемъ».

Мы остановились на томъ моментѣ жизни Іисуса, когда Онъ, сознавая свою миссію, появился въ Галилеѣ. Онъ не говорилъ о томъ, что Онъ—Мессія, но Онъ бесѣдовалъ о законѣ и о пророкахъ въ синагогѣ. Онъ проповѣдовалъ на берегу Геннисаретскаго озера, въ лодкахъ рыбаковъ, вблизи источниковъ, въ зеленыхъ оазисахъ, которые въ изобиліи попадались между Капернаумомъ, Виѳсаидой и Хоразиномъ. Онъ исцѣлялъ больныхъ возложеніемъ рукъ, или однимъ взглядомъ, или приказаніемъ, часто однимъ своимъ присутствіемъ.

Толпы народа слѣдовали за Нимъ; уже многочисленные ученики присоединились къ Нему. Онъ набиралъ ихъ среди народа, между рыбаками и мытарями, ибо Ему нужны были натуры прямыя, пламенныя и вѣрующія, и на такія натуры Онъ имѣлъ непреодолимое вліяніе. Въ своемъ выборѣ Онъ руководствовался тѣмъ даромъ ясновидѣнія, которое являлось во всѣ времена принадлежностью религіозныхъ иниціаторовъ. Его проникновеніе измѣряло душу человѣческую до самаго дна. Ему не нужно было другого указанія, и когда Онъ говорилъ: «Слѣдуй за Мной», за Нимъ дѣйствительно слѣдовали.

Онъ привлекалъ къ Себѣ смиренныхъ и колеблющихся, говоря имъ: «Придите ко Мнѣ всѣ удрученные, и Я успокою васъ. Иго Мое—благо и бремя Мое—легко» *) Онъ отгадывалъ сокровенныя мысли людей, и они узнавали въ Немъ своего Господа. Иногда, въ самомъ невѣріи Онъ привѣтствовалъ прямоту. Когда Наѳанаилъ спросилъ: «Можетъ ли изъ Назарета быть что-либо доброе?», Іисусъ отвѣтилъ: «Вотъ подлинно Израиль, въ которомъ нѣтъ лукавства». Отъ своихъ адептовъ Онъ не требовалъ ни клятвъ, ни исповѣданія опредѣленной вѣры, ему нужны были любовь и довѣріе. Онъ ввелъ общее имущество между своими не какъ правило, а какъ основу братства.

Такъ стремился Іисусъ осуществить между своими учениками то Царство Небесное, которое Онъ хотѣлъ основать на землѣ. Нагорная проповѣдь являетъ собой образъ этого Царства въ его зародышѣ и въ то же время краткое изложеніе всего *открытаго* ученія Іисуса. На вершинѣ холма помѣстился Учитель; будущіе посвященные размѣстились у Его ногъ; далѣе тѣснился народъ, жадно внимая каждому слову, слетавшему съ Его устъ. Что провозглашаетъ Пророкъ? Постъ? Умерщвленіе плоти? Всенародное покаяніе? Нѣтъ, Онъ гово-

*) Матѳей XI, 28, 30.

ритъ: «Блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть Царствіе Небесное, блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся»...

Онъ развертываетъ затѣмъ въ восходящемъ порядкѣ четыре добродѣтели страдающихъ: чудную силу смиренія, состраданіе къ другимъ, доброту сердца и жажду справедливости. Затѣмъ раскрываются добродѣтели активныя, дѣятельныя и торжествующія: милосердіе, чистота сердца, доблесть воинствующихъ и наконецъ мученичество во имя справедливости. «Блаженны чистые сердцемъ, ибо они узрятъ Бога!» Подобно звуку благовѣста, раскрываютъ слова эти передъ слушающими Небо, которое успѣло уже заискриться звѣздами надъ головой Учителя. Они видятъ въ небесной высотѣ вереницу осуществленныхъ добродѣтелей, но не въ видѣ исхудалыхъ призраковъ въ покаянныхъ одеждахъ, а въ образѣ блаженныхъ свѣтозарныхъ дѣвственницъ, затмевающихъ собою красоту лилій полевыхъ и славу Соломона. Онѣ держатъ пальму мира въ рукахъ и отъ ихъ мановенія до жаждущихъ сердецъ доносится благоуханіе Царства Небеснаго.

Но главное чудо въ томъ, что Царство это изъ далей небесъ переносится въ сердца самихъ присутствующихъ. Они обмѣниваются изумленными взглядами; эти нищіе духомъ становятся внезапно столь богатыми. Съ бо̀льшимъ могуществомъ, чѣмъ Моисей, ударилъ Іисусъ по ихъ сердцамъ, и безсмертный родникъ забилъ изъ нихъ. Его открытое, всенародное ученіе содержится въ этихъ четырехъ словахъ: «Царство Небесное внутри васъ!» И теперь, когда Онъ излагаетъ передъ ними необходимые пути, чтобы достигнуть этого неслыханнаго счастья, они не удивляются всему необычному, что Онъ требуетъ отъ нихъ: убить даже самое желаніе зла, прощать обиды, любить враговъ своихъ.

Такъ могучъ потокъ любви, устремляющійся изъ Его сердца, что онъ увлекаетъ ихъ. Въ Его присутствіи все кажется имъ легко. Вся новизна и смѣлость этого ученія состоятъ въ томъ, что внутренняя жизнь души поднимается Іисусомъ выше всѣхъ внѣшнихъ дѣйствій, невидимое выше видимаго, Царство Небесное выше всѣхъ благъ земныхъ. Онъ требуетъ выбора между Богомъ и Маммоной.

Въ конечномъ выводѣ все Его ученіе говоритъ: «Любите ближняго, какъ самого себя, и будьте совершенны, какъ совершененъ Отецъ вашъ Небесный». Подъ этой популярной формой Онъ даетъ провидѣть всю глубину своей этики и своего знанія, ибо верховныя требованія посвященія состоятъ въ отраженіи божественнаго совершенства въ совершенствѣ своей собственной души, и вся суть сокровенной науки заключается въ цѣпи уподобленій и аналогій, которыя,

въ расширяющихся кругахъ, соединяютъ частное съ общимъ, конечное съ безконечнымъ.

Если таково было всенародное, чисто нравственное ученіе Іисуса, рядомъ съ нимъ должно было существовать для ближайшихъ учениковъ болѣе глубокое ученіе, объясняющее внутренній смыслъ перваго и проникающее до глубины духовной истины; ученіе, которое Онъ вынесъ изъ эзотерическаго преданія Ессеевъ и изъ Своего собственнаго духовнаго опыта.

Благодаря тому, что эзотерическое преданіе, начиная со второго вѣка нашей эры, было задушено церковью, большинство теологовъ даже и не подозрѣваетъ истиннаго значенія Христовыхъ словъ съ ихъ двойнымъ и даже тройнымъ смысломъ и воспринимаетъ лишь одинъ ихъ буквальный смыслъ.

Но для того, кто углублялся въ значеніе мистерій древней Индіи, Египта и Греціи, эзотерическая мысль Христа освѣщаетъ не только малѣйшее изъ Его словъ, но и каждое дѣйствіе Его жизни. Уже просвѣчивающая въ трехъ первыхъ Евангеліяхъ, она ясно различима въ Евангеліи Іоанна.

Вотъ примѣръ, который относится до существенной части эзотерической доктрины: Іисусъ проходитъ черезъ Іерусалимъ. Онъ еще не проповѣдуетъ въ храмѣ, но уже исцѣляетъ больныхъ и учитъ въ тѣсномъ кругу друзей. Дѣло любви должно подготовить почву, на которую упадетъ доброе сѣмя. Никодимъ—ученый фарисей—слышалъ о новомъ Пророкѣ. Исполненный любопытства, но не желая компрометировать себя въ глазахъ своихъ, онъ проситъ у Галилеянина тайной бесѣды. Іисусъ соглашается. Никодимъ появляется ночью въ Его жилищѣ и говоритъ: «Равви, мы знаемъ, что Ты Учитель, пришедшій отъ Бога, ибо такихъ чудесъ, какія Ты творишь, никто не можетъ творить, если съ нимъ не будетъ Богъ». Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: «Истинно, говорю тебѣ: если кто не родится свыше, не можетъ узрѣть Царствія Божія». Никодимъ говоритъ Ему: «Какъ можетъ человѣкъ родиться, будучи старъ? Неужели онъ можетъ въ другой разъ войти въ утробу матери своей и родиться?» Іисусъ отвѣчалъ: «Истинно говорю тебѣ: если кто не *родится отъ воды и духа,* не можетъ войти въ Царствіе Божіе (Іоаннъ, гл. III, 2—5).

Іисусъ подразумѣваетъ подъ этой символической формой древнюю доктрину о возрожденіи, которая была извѣстна въ мистеріяхъ Египта. Возрожденіе водою и духомъ, крещеніе водою и огнемъ обозначали двѣ ступени посвященія, два этапа внутренняго духовнаго развитія. Вода обозначаетъ здѣсь истину, познаваемую разумомъ; она

очищаетъ душу и развиваетъ духовный зародышъ. Возрожденіе духомъ, или крещеніе огнемъ (небеснымъ), означаетъ усвоеніе этой истины волею человѣка въ такой степени, чтобы она стала кровью, жизнью и душою всѣхъ дѣйствій возрожденнаго. Послѣдствіемъ такого усвоенія является полная побѣда духа надъ матеріей, абсолютное господство одухотворенной души надъ превратившимся въ послушное орудіе тѣломъ,—господство, которое пробуждаетъ всѣ ея скрытыя способности, раскрываетъ всѣ внутреннія чувства и даетъ ей интуитивное познаніе истины и непосредственное сношеніе души съ душой. Это состояніе равносильно небесному состоянію, которое Іисусъ Христось называетъ Царствіемъ Божіимъ.

Такимъ образомъ, *крещеніе водой* или интеллектуальное посвященіе есть начало возрожденія; *крещеніе духомъ* означаетъ совершенное возрожденіе, полное переплавленіе души въ огнѣ разума и воли и, какъ послѣдствіе этого, преображеніе до извѣстной степени и элементовъ тѣла. Отсюда и исключительныя силы, которыя даются этимъ высшимъ крещеніемъ.

Вотъ земной смыслъ теософической бесѣды между Никодимомъ и Іисусомъ. Но она имѣетъ и другой смыслъ, который можно бы назвать эзотерическимъ ученіемъ о составѣ человѣка. По этому ученію человѣкъ троиченъ: онъ обладаетъ тѣломъ, душою и духомъ. Онъ состоитъ изъ безсмертнаго и недѣлимаго начала—духа, и изъ преходящаго и дѣлимаго начала—тѣла. Душа, которая служитъ для нихъ связью, раздѣляетъ природу обоихъ; она заключена въ эфирное, флюидическое тѣло, сходное съ физическимъ тѣломъ, которое безъ этого невидимаго двойника не имѣло бы ни жизни, ни движенія, ни единства.

Смотря потому, слѣдуетъ ли человѣкъ голосу духа или настояніямъ тѣла, склоняется ли онъ къ первому или къ послѣднему, флюидическое тѣло утончается и сохраняется, или же уплотняется и разлагается. Вслѣдствіе этого, послѣ физической смерти большинство людей должны перенести и вторую смерть, которая состоитъ въ освобожденіи отъ нечистыхъ элементовъ астральнаго тѣла, а для людей грубыхъ—въ ожиданіи его медленнаго разложенія; тогда какъ вполнѣ возрожденный человѣкъ, образовавшій уже въ здѣшней жизни свое духовное тѣло, несетъ свое небо въ себѣ самомъ и безпрепятственно устремляется въ ту высшую область, куда его притягиваетъ внутреннее сродство.

Нужно къ этому прибавить, что въ древнемъ эзотеризмѣ вода символизируетъ астральную, необычайно-пластическую матерію, тогда

какъ огонь символизируетъ единый духъ. Говоря о возрожденіи водой и духомъ, Христосъ дѣлаетъ намекъ на двойное преображеніе духовнаго существа и его флюидической оболочки, которое ожидаетъ человѣка послѣ его смерти, и безъ котораго онъ не можетъ проникнуть въ царство освобожденныхъ душъ и чистыхъ духовъ, ибо: «рожденное отъ плоти есть плоть (т. е. связано и подлежитъ уничтоженію), а «рожденное отъ духъ есть духъ» (т. е. свободно и безсмертно). «Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ, и голосъ его слышишь, а не знаешь, откуда приходитъ и куда уходитъ; такъ бываетъ со всякимъ рожденнымъ отъ Духа» (Іоаннъ, гл. III, 6,8).

Такъ говорилъ Іисусъ Никодиму въ глубокой тишинѣ іерусалимской ночи. Маленькая лампа, стоявшая между ними, едва освѣщала смутныя очертанія двухъ собесѣдниковъ, но глаза Галилеянина сіяли внутреннимъ свѣтомъ и въ темнотѣ. Эти глаза съ ихъ удивительнымъ выраженіемъ—то кроткимъ, то властнымъ, заставляли вѣрить Ему. Фарисейскій наставникъ видѣлъ, какъ разсыпается въ прахъ его наука, построенная на текстахъ, но надъ этимъ разрушеніемъ онъ увидалъ зарю грядущаго новаго міра. Онъ видѣлъ свѣтъ, исходящій изъ Пророка, онъ чувствовалъ, какъ могучая сила, истекавшая изъ Его существа, притягивала его къ Нему. Онъ различилъ свѣтлый ореолъ вокругъ Его чела, и словно дуновеніе Божьяго Духа пронеслось по его сердцу.

Взволнованный, потрясенный, Никодимъ входитъ крадучись въ свой домъ подъ темнымъ покровомъ ночи. Онъ будетъ продолжать жить среди фарисеевъ, но въ тайникахъ своего сердца останется вѣрнымъ Христу.

Отмѣтимъ еще одну важную сторону этого ученія. Матеріалистическая наука считаетъ душу случайнымъ и преходящимъ соединеніемъ физическихъ силъ; по ученію спиритуалистовъ, она есть нѣчто абстрактное, лишенное постижимой связи съ тѣломъ, тогда какъ въ эзотерическомъ, единственно вполнѣ разумномъ ученіи, физическое тѣло является результатомъ неустанной работы души, которая дѣйствуетъ на него посредствомъ своего высшаго начала такъ же, какъ вѣчный Духъ дѣйствуетъ на видимый міръ, который есть не что иное, какъ его проявленный динамизмъ. Вотъ почему Іисусъ даетъ это ученіе Никодиму какъ объясненіе творимыхъ имъ чудесъ.

Оно можетъ служить ключомъ къ оккультному врачеванію, которое производилось Іисусомъ и нѣкоторыми адептами и святыми какъ до, такъ и послѣ Христа. Обыкновенная медицина борется съ болѣзнями, дѣйствуя на тѣло. Адептъ или святой, являющій собой

очагъ духовной силы, дѣйствуетъ непосредственно на душу больного, и это дѣйствіе передается черезъ астральный проводникъ физическому тѣлу. То же самое происходитъ при всѣхъ магнетическихъ лѣченіяхъ.

Іисусъ дѣйствуетъ силами, которыя существуютъ во всѣхъ людяхъ, но въ Немъ эти силы безконечно совершеннѣе, и поэтому такъ могущественны Его воздѣйствія. Онъ указываетъ книжникамъ и фарисеямъ на Свою силу врачевать физическое тѣло какъ на доказательство того, что Онъ *можетъ* прощать или исцѣлять душу, къ чему и направлялось дѣло Его жизни. Такимъ образомъ, физическое исцѣленіе являлось указаніемъ на исцѣленіе нравственное, что позволяло ему говорить *всему* человѣку, во всей его полнотѣ: «Встань и ходи!»

Современная наука стремится объяснить явленія, которыя древніе называли одержимостью, простымъ нервнымъ разстройствомъ, но это объясненіе недостаточно. Психологи, которые стремятся проникнуть глубже въ тайну души, видятъ въ этомъ явленіи раздвоеніе сознанія, вторженіе его непроявленной части.

Этотъ вопросъ соприкасается съ различными состояніями человѣческаго сознанія, измѣнчивая игра котораго изучается въ различныхъ проявленіяхъ сонамбулизма. Явленіе это соприкасается точно также и съ высшимъ міромъ. Но какъ бы то ни было, несомнѣнно, что Іисусъ владѣлъ способностью возвращать равновѣсіе больному организму, а въ душѣ людей будить ихъ высшее сознаніе.

«Истинная магія,—сказалъ Плотинъ—вызывается любовью, но также и ея противоположностью—ненавистью. Магическія чары дѣйствуютъ или силою любви, или силою ненависти». Любовь на высотѣ высочайшаго сознанія и своей наивысшей силы—такова была магія Христа.

Многочисленные ученики Іисуса пользовались Его эзотерическимъ ученіемъ. Но, чтобы упрочить новую религію, необходимо было выдѣлить группу избранныхъ дѣятелей, которые явились бы столпами духовнаго храма, воздвигнутаго Христомъ въ противоположность храму земному; отсюда—учрежденіе апостольства.

Онъ выбралъ апостоловъ не среди Ессеевъ, ибо Онъ хотѣлъ вкоренить Свою религію въ самое сердце народа. Симонъ Петръ и Андрей, сыновья Іонины—съ одной стороны, Іоаннъ и Іаковъ, сыновья Заведеевы—съ другой, всѣ четверо рыбаки по профессіи, изъ зажиточныхъ семей, составили ядро апостоловъ. Въ самомъ началѣ своего появленія среди народа мы видимъ Іисуса въ ихъ домѣ въ Капернаумѣ, на берегу Геннисаретскаго озера, гдѣ они имѣли свои рыболовныя

тони. Онъ останавливается у нихъ, учитъ среди нихъ, обращаетъ всю семью въ свою вѣру.

Петръ и Іоаннъ выдвигаются на первый планъ и господствуютъ надъ остальными, какъ натуры наиболѣе значительныя. Петръ, сердце прямое и цѣльное, умъ наивный и неширокій, такъ же легко поддающійся надеждѣ, какъ и разочарованію, но полный дѣятельной энергіи, способный вести за собой другихъ силою своей воли и безграничной вѣры. Іоаннъ—натура замкнутая и глубокая, одаренная такимъ кипучимъ энтузіазмомъ, что Іисусъ называлъ его «сыномъ грома»; онъ обладалъ духовной интуиціей и душою пламенной, всегда сосредоточенной въ самой себѣ, обыкновенно грустной и мечтательной, но способной и на страшные взрывы и на такія глубины нѣжности, которыхъ никто, кромѣ Учителя, даже и не подозрѣвалъ въ немъ. Лишь онъ, молчаливый созерцатель, могъ овладѣть всей глубиной мысли Іисуса, и именно ему суждено было стать Евангелистомъ божественной любви и божественнаго сознанія, эзотерическимъ апостоломъ по преимуществу.

Убѣжденные Его словомъ и Его дѣлами, подчиненные Его великой мудрости и проникнутые Его высокимъ магнетизмомъ, апостолы слѣдовали за Учителемъ изъ селенія въ селеніе. Всенародная проповѣдь смѣнялась болѣе сокровеннымъ обученіемъ.

Постепенно Онъ раскрывалъ передъ своими ближайшими учениками Свои мысли, но все еще молчалъ о Себѣ самомъ, о своей роли, о своемъ будущемъ, Онъ говорилъ, что Царство Небесное близко, что близокъ приходъ Мессіи. Уже апостолы твердили между собой: «Это Онъ!» и повторяли то же и другимъ. Но Онъ самъ называлъ себя просто «Сыномъ Человѣческимъ» — выраженіе эзотерическое, смысла котораго они еще не понимали, но которое, казалось, говорило въ Его устахъ: «Посланникъ страдающаго человѣчества», ибо Онъ прибавлялъ: «И волки имѣютъ свое логовище, а Сынъ Человѣческій не имѣетъ, гдѣ бы Ему приклонить голову».

Апостолы понимали идею Мессіи такъ же, какъ всѣ евреи, и въ своей наивной надеждѣ представляли себѣ Царство Небесное настоящимъ царствомъ, въ которомъ Іисусъ будетъ коронованнымъ царемъ, а они—Его ближайшими помощниками. Побороть эту идею, преобразить ее до самаго основанія, открыть передъ апосталами истиннаго Мессію, царствующаго въ Духѣ; сообщить имъ верховную Истину, которую Онъ называлъ Отцомъ, и духовную Силу, которую Онъ называлъ Духомъ, таинственную силу, которая соединяетъ человѣка съ міромъ невидимымъ; показать имъ въ Своемъ словѣ, въ Своей жизни

и въ Своей смерти истиннаго Сына Божьяго; внѣдрить въ нихъ убѣжденіе, что и они, и всѣ люди—Его братья и могутъ соединиться съ Нимъ, если захотятъ того; раскрыть передъ ихъ духовнымъ взоромъ всю необъятность неба—вотъ чудо, которое Іисусъ совершилъ надъ своими апостолами.

Будутъ ли они въ состояніи повѣрить, или не будутъ—въ этомъ ядро внутренней драмы, которая происходила между ними и Имъ. Но драмѣ еще болѣе напряженной предстояло разыграться въ глубинѣ Его собственной души. Мы скоро подойдемъ къ ней.

Въ этотъ же часъ потокъ радостнаго свѣта разливался въ сознаніи Христа. Буря еще не проносилась надъ Тиверіадскимъ озеромъ. Это была весенняя пора Евангелія, занимающаяся заря Царствія Божія, мистическое соединеніе посвященнаго съ своей духовной семьей. Эта весенняя пора сопровождаетъ каждый его шагъ, вѣрующая паства тѣснится вокругъ Него, слѣдуетъ за возлюбленнымъ Учителемъ, радостно вслушивается въ каждое Его слово, расположившись на берегу лазурнаго озера, заключеннаго, словно въ золотую чашу, въ оправу изъ горъ.

Радостно возбужденные послѣдователи идутъ за Нимъ, переходя съ зеленѣющихъ береговъ Капернаума въ апельсиновыя рощи Виѳсаиды или въ гористый Хоразинъ, гдѣ группы стройныхъ пальмъ господствуютъ надъ Геннисаретскимъ озеромъ. Въ этой свитѣ Іисуса женщины занимали особое мѣсто; матери или сестры учениковъ, чистыя дѣвушки и раскаявшіяся грѣшницы окружали Его вездѣ, гдѣ бы ни появлялся Онъ. Внимательныя, вѣрныя, отдающіяся всей душой, онѣ какъ бы усыпали Его путь цвѣтами своей любви, вѣры и надежды. Имъ не нужно было доказывать, что Онъ—Мессія. Для нихъ достаточно было видѣть Его. Необычайный свѣтъ, который исходилъ изъ Него, соединенный съ божественнымъ состраданіемъ, скрытою болью звучавшимъ въ глубинѣ Его существа, убѣждалъ ихъ, что Онъ—истинный Сынъ Божій.

Іисусъ овладѣлъ Своей земной природой вполнѣ. Онъ побѣдилъ безвозвратно въ теченіе своего пребыванія у Ессеевъ всю ея власть надъ Собой. Благодаря этому, Онъ пріобрѣлъ высшую власть надъ душами и божественное право прощать грѣхи. Обращаясь къ грѣшницѣ, павшей къ Его ногамъ, Онъ говоритъ: «Ей будетъ много прощено, ибо она много любила». Великое слово, въ которомъ кроется все Искупленіе, ибо кто прощаетъ, тотъ творитъ Освобожденіе.

Христосъ—возстановитель правъ женщины и ея освободитель, чтобы не говорили ап. Павелъ и Отцы церкви, которые, принизивъ

женщину до роли служанки, извратили мысль Учителя. Въ ведическія времена прославляли женщину, Будда не довѣрялъ ей; Христосъ поднялъ ее, признавъ ея силу въ любви и въ интуиціи. Посвященная Женщина представляетъ собою Душу человѣчества, *Aisha* какъ ее называлъ Моисей, т. е. Могущество Интуиціи, способность любить и предвидѣть.

Пламенная Марія Магдалина, изъ которой, по библейскому выраженію, Іисусъ изгналъ семь демоновъ, стала наиболѣе преданной изъ его учеництъ. Она первая, по словамъ ап. Іоанна, увидала божественнаго Учителя—духовнаго Христа — воскресшимъ изъ мертвыхъ. Легенда изобразила въ женщинѣ страстной и вѣрующей наиболѣе великую любовь къ Іисусу, какъ бы посвященіе сердца, и она не ошиблась, ибо ея исторія изображаетъ всю полноту возрожденія женщины, какого желалъ Христосъ.

Іисусъ любилъ отдыхать отъ своихъ трудовъ въ мирномъ домѣ, въ Виѳаніи, въ обществѣ Марѳы и Маріи Магдалины и среди нихъ укрѣплять свои силы для предстоящихъ великихъ испытаній. Обращаясь къ нимъ, Онъ произносилъ свои наиболѣе проникновенныя утѣшенія, и въ тихихъ бесѣдахъ съ ними говорилъ о божественныхъ тайнахъ, которыя еще не считалъ возможнымъ открыть Своимъ ученикамъ.

Иногда въ часъ заката, когда его пурпуръ угасалъ среди вѣтвей оливъ и надвигающійся сумракъ скрадывалъ тонкія очертанія древесной листвы, Іисусъ погружался въ задумчивость. Облако набѣгало на Его свѣтлый ликъ. Онъ думалъ о трудностяхъ своей задачи, о колеблющейся вѣрѣ апостоловъ, о враждебныхъ силахъ міра сего. И тогда храмъ, Іерусалимъ и все человѣчество, со своими пророками и неблагодарностью, надвигались словно огромная живая гора на Него.

Окажется ли въ Его рукахъ, воздѣтыхъ къ небу, достаточно силы, чтобы превратить ее въ прахъ, или же Ему суждено быть раздавленнымъ подъ ея страшною тяжестью? Въ такія минуты Онъ упоминалъ объ ожидающемъ Его страшномъ испытаніи и о своей близкой кончинѣ. Пораженныя торжественностью минуты, женщины не осмѣливались вопрошать его. Несмотря на всю неизмѣнную ясность Іисуса онѣ чувствовали, что душа Его объята покровомъ неизреченной грусти, который отдѣлялъ Его отъ радостей земли. Онѣ предвидѣли судьбу Пророка, онѣ предчувствовали Его непоколебимое рѣшеніе. Не отъ того ли поднимались эти темныя тучи со стороны Іерусалима? Не отъ того ли это знойное дуновеніе смерти, пронесшееся по ихъ сердцу, какъ оно проносилось по засыхающимъ холмамъ Іудеи съ ихъ

мертвенно-флиловой окраской? Однажды вѣчеромъ... женщины увидали слезу, блеснувшую въ глазахъ Іисуса. Онѣ содрагнулись, и въ мирной тишинѣ Виѳаніи пролились ихъ молчаливыя слезы: онѣ оплакивали Его, Онъ оплакивалъ человѣчество.

Глава V.

Борьба съ фарисеями.—Удаленіе въ Кесарію.—Преображеніе.

Два года длилась эта галилейская весна, когда казалось, что слова Христа вызывали предразсвѣтныя зори восходящаго Царствія Небеснаго предъ толпами, напряженно внимавшими Ему. Но затѣмъ небо потемнѣло и на немъ засверкали зловѣщія молніи, предвѣстники надвигавшейся грозы. И она разразилась надъ духовной семьей Іисуса подобно тѣмъ бурямъ, которыя проносятся надъ Геннисаретскимъ озеромъ, поглощая въ своей безпощадности утлыя лодки рыбаковъ.

Но если ученики пришли въ смятеніе, Іисусъ не былъ пораженъ, ибо Онъ ожидалъ грозы. Было невозможно, чтобы Его проповѣдь и Его растущая популярность не вызвали волненія среди религіозныхъ властей евреевъ. Невозможно было, чтобы между ними и Пророкомъ не завязалась рѣшительная борьба. Болѣе того—полнота истины могла проявиться лишь благодаря этому столкновенію.

Фарисеи во времена Іисуса были сплоченнымъ сословіемъ, состоявшимъ изъ шести тысячъ человѣкъ. Самое имя ихъ *Perishin* означало *отдѣленные* или знатные. Одаренные пылкимъ патріотизмомъ, часто героическимъ, но узкимъ и горделивымъ, они были представителями партіи національной идеи, которая возникла при Маккавеяхъ. На ряду съ писаннымъ преданіемъ, они допускали преданіе устное. Они вѣрили въ ангеловъ, въ будущую жизнь, въ воскресеніе, но эти проблески эзотеризма, достигшаго до нихъ изъ Персіи, гасли во мракѣ грубаго и матеріалистическаго толкованія.

Точные блюстители законовъ, но въ смыслѣ совершенно противоположномъ духу пророковъ, которые видѣли религію въ любви, божественной и человѣческой, фарисеи полагали благочестіе въ ритуалахъ и въ церемоніяхъ, въ постахъ и въ публичныхъ покаяніяхъ. Ихъ можно было видѣть проходящими по улицамъ среди бѣла дня съ лицомъ, покрытымъ пепломъ, выкрикивающими молитвы съ сокрушеннымъ видомъ и раздающими милостыню на показъ. Живя въ роскоши, домагаясь всѣми средствами лучшихъ мѣстъ и власти, они, тѣмъ не менѣе, стояли во главѣ демократической партіи и держали въ рукахъ весь народъ.

Саддукеи, наоборотъ, представляли собой священническую и аристократическую партію. Они состояли изъ семействъ, которыя считали за собой право преемственнаго отправленія священническихъ обязанностей со временъ царя Давида. Консерваторы до послѣдней степени, они отвергали устныя преданія, признавая лишь букву закона, отрицали безсмертную душу и будущую жизнь. Въ то же время они осмѣивали преувеличенную набожность фарисеевъ и ихъ вѣрованія. Для нихъ религія сосредоточивалась исключительно въ священническихъ храмовыхъ церемоніяхъ.

Они удерживали за собой первосвященство подъ управленіемъ Селевкидовъ и сохраняли самыя дружескія отношенія съ язычниками, заимствуя отъ греческой софистики и щеголяя элегантнымъ эпикуреизмомъ. При Маккавеяхъ Фарисеи отвоевали у нихъ первосвященство, но при Иродѣ и подъ римскихъ господствомъ они возстановили свое преобладающее значеніе. Это были люди жесткіе, упорные, любящіе хорошо пожить, имѣвшіе лишь одно убѣжденіе—увѣренность въ своемъ превосходствѣ, и лишь одно стремленіе— сохранить власть, которая имъ принадлежала по традиціи.

Что могъ найти въ этой религіи посвященный въ божественную Мудрость, наслѣдникъ пророковъ, Ясновидецъ енгаддійскій, который искалъ въ общественномъ строѣ отраженія строя божественнаго, гдѣ справедливость господствуетъ надъ жизнью, знаніе руководитъ справедливостью, а любовь и мудрость царятъ надъ всѣмъ?

Въ храмахъ, этомъ средоточіи верховной науки и посвященія, господствовало лицемѣріе священниковъ, проникнутыхъ агностическимъ невѣжествомъ, пользовавшихся религіей какъ орудіемъ власти. Въ школахъ и синагогахъ, вмѣсто хлѣба жизни царила корыстолюбивая мораль, прикрытая формальнымъ благочестіемъ, т. е. ханжествомъ. Въ общественной жизни—высоко-поднятый надъ всѣми, царствующій въ ореолѣ славы, всемогущій Цезарь, который въ тѣ времена представлялъ собою обожествленіе матеріи, единый богъ современнаго міра, единый возможный властелинъ надъ саддукеями и фарисеями, все равно—хотѣли они его, или нѣтъ.

Іисусъ, принявшій вмѣстѣ съ пророками отъ персидскаго эзотеризма идею Аримана или сатаны, не могъ называть такое царствованіе иначе, какъ царствомъ сатаны, въ которомъ преобладала матерія надъ духомъ и которое онъ стремился замѣнить царствомъ духа. Какъ всѣ великіе реформаторы, Онъ боролся не съ людьми, которые могли быть и дурны и хороши, но съ доктринами и учрежденіями, подъ вліяніемъ которыхъ формуется большинство людей. Необходимо было бросить вызовъ, объявить войну сильнымъ міра сего.

Борьба началась въ синагогахъ Галилеи и продолжалась подъ портиками іерусалимскаго храма, гдѣ Іисусъ оставался подолгу, проповѣдуя и вступая въ диспуты съ своими противниками. И здѣсь, какъ во всей своей дѣятельности, Іисусъ дѣйствовалъ одновременно и мудро и смѣло, соединяя вдумчивую сдержанность и энергичную активность, которыми отличалась его чудно-уравновѣшенная натура.

Онъ не начиналъ съ нападенія на своихъ противниковъ, Онъ ждалъ ихъ нападенія, чтобы отвѣчать на него. И оно не заставляло себя ждать, ибо съ самаго выступленія Іисуса, фарисеи завидовали его исцѣленіямъ и его популярности. Вскорѣ они начали подозрѣвать въ Немъ опаснаго для себя врага. И тогда они начали обращаться съ Нимъ съ той насмѣшливой вѣжливостью, съ тѣмъ коварнымъ недоброжелательствомъ, прикрытымъ лицемѣрной кротостью, которыя были свойственны имъ.

Въ качествѣ ученыхъ наставниковъ, людей значительныхъ и авторитетныхъ, они требовали отъ Него отчета относительно Его общенія съ мытарями и людьми дурной жизни. И почему Его ученики подбирали колосья въ день субботній? Все это было серьезнымъ нарушеніемъ ихъ постановленій. Іисусъ отвѣчалъ имъ со свойственными Ему кротостью и широтою словами терпимости и великодушія. Онъ попробовалъ надъ ними Свое слово любви. Онъ говорилъ имъ о любви Бога, который радуется при видѣ одного раскаявшагося грѣшника болѣе, чѣмъ при видѣ многихъ праведниковъ. Онъ разсказалъ имъ притчу о потерянной овцѣ и о блудномъ сынѣ. Смущенные, они замолчали. Но, рѣшивъ напасть на него сызнова, они начали упрекать Его въ противозаконномъ исцѣленіи больныхъ въ день субботній. «Лицемѣры!»—возразилъ Іисусъ съ негодованіемъ,—не снимаете ли вы цѣпи съ вашихъ быковъ, чтобы вести ихъ на водопой въ день субботній? А дочь Авраама не можетъ быть въ этотъ день избавлена отъ цепей сатаны?».

Не зная болѣе что сказать, фарисеи начали говорить, что Онъ изгоняетъ бѣсовъ силою Вельзеула, на что Іисусъ возражаетъ съ одинаковою глубиной и находчивостью, что дьяволъ не можетъ изгонять себя самъ, и что грѣхъ противъ Сына Человѣческаго можетъ быть прощенъ, но грѣхъ противъ Святого Духа не подлежитъ прощенію. Онъ хотѣлъ этимъ сказать, что оскорбленіямъ, направленнымъ противъ Его личности, Онъ придаетъ мало значенія, но отрицаніе добра и истины, когда она признана, доказываетъ внутреннюю испорченность, непростительный порокъ, неизлѣчимое зло.

Это слово было объявленіемъ войны. Его называли «богохульникъ!» Онъ отвѣчалъ: «лицемѣры!»—«Сообщникъ Вельзевула!» Онъ отвѣчалъ: «родъ ехидный!». Съ этого момента борьба продолжалась, все увеличиваясь въ размѣрахъ. Іисусъ обнаружилъ въ ней діалектику точную и сжатую, Его слово пронзало словно остріемъ меча.

Къ этому времени Онъ измѣнилъ свои пріемы: вмѣсто того, чтобы защищаться, Онъ нападалъ и отвѣчалъ на обвиненія еще болѣе сильными обвиненіями, не щадя главнаго порока своихъ враговъ—лицемѣрія. «Зачѣмъ преступаете вы законъ Бога и предпочитаете ему ваши преданія? Господь повелѣлъ: чти отца твоего и матерь твою. вы же разрѣшаете не выполнять этотъ завѣтъ, когда вамъ это выгодно. Вы служите Богу одними устами, въ вашемъ благочестіи нѣтъ сердца живого».

Іисусъ никогда не терялъ самообладанія и въ то же время Онъ ширился и выросталъ въ этой борьбѣ. По мѣрѣ того, какъ на Него нападали, Онъ утверждалъ все громче, что Онъ—Мессія, посланникъ Божій. Онъ грозилъ храму, Онъ предсказывалъ несчастіе Израилю, Онъ ставилъ имъ въ примѣръ язычниковъ, Онъ говорилъ, что Господь пришлетъ иныхъ работниковъ въ Свой Виноградникъ.

Послѣ этого іерусалимскіе фарисеи начали волноваться. Убѣдившись, что Его нельзя было заставить замолчать, они также измѣнили свою тактику. Они рѣшили вовлечь его въ западню. Они послали къ Нему своихъ уполномоченныхъ, чтобы уловить его въ ереси, которая дала бы возможность схватить Его какъ богохульника во имя закона Моисеева, или же осудить какъ мятежника передъ римскимъ правительствомъ.

Отсюда возникли коварные вопросы относительно прелюбодѣянія женщины и относительно подати Цезарю. Проникая безошибочно въ намѣренія Своихъ враговъ, Іисусъ обезоруживалъ ихъ своими отвѣтами, въ которыхъ глубокое психологическое проникновеніе соединялось съ искуснымъ отпоромъ враговъ.

Убѣдившись, что Его трудно поймать, фарисеи попробовали запугать Его и начали преслѣдовать Его на каждомъ шагу. И уже чернь, на которую они не переставали воздѣйствовать, отвернулась отъ Него, видя, что Онъ не думаетъ возстановлять царство Израильское. Всюду, даже въ незначительныхъ селеніяхъ, Онъ встрѣчалъ недружелюбное и подозрительное настроеніе шпіоновъ, которые слѣдили за Нимъ, и враждебныхъ соглядатаевъ, которымъ было поручено лишать Его бодрости. Нѣкоторые говорили Ему: «Удались отсюда, ибо Иродъ Антипа ищетъ Твоей смерти». На что Онъ отвѣчалъ съ спокойнымъ

достоинствомъ: «Скажите этой лисицѣ: не бывало никогда, чтобы пророкъ умеръ внѣ Іерусалима».

Ему нѣсколько разъ приходилось переплывать озеро Тиверіадское и искать убѣжища на восточномъ берегу, чтобы избѣгнуть разставленныхъ для него сѣтей. Онъ не былъ въ безопасности нигдѣ. Тѣмъ временемъ пришла вѣсть о смерти Іоанна Крестителя, которому Антипа велѣлъ отрубить голову въ крѣпости Махеронѣ. Разсказываютъ, что Ганнибалъ, увидавъ голову брата своего Гасдрубала, убитаго римлянами, воскликнулъ: «Теперь я знаю участь Карѳагена!». Іисусъ могъ узнать свою участь въ смерти своего предшественника. Онъ не сомнѣвался въ ней со времени видѣнія въ Енгадди; Онъ принялъ ее заранѣе; тѣмъ не менѣе, эта вѣсть, принесенная учениками въ пустыню поразила Іисуса какъ зловѣщее предупрежденіе. Онъ воскликнулъ: «Они не признали его и сдѣлали надъ нимъ что хотѣли; такъ же пострадаетъ отъ нихъ и Сынъ Человѣческій».

Двѣнадцать апостоловъ встревожились; Іисусъ не хотѣлъ, чтобы Его взяли невзначай, Онъ хотѣлъ отдаться добровольно, когда окончено будетъ Его дѣло и, какъ истинный пророкъ, принять смерть въ часъ, избранный Имъ самимъ. Преслѣдуемый въ теченіе цѣлаго года, удачно ускользая отъ врага благодаря своей предусмотрительности, видя охлажденіе со стороны народа, которое послѣдовало за взрывами энтузіазма, Іисусъ рѣшился еще разъ удалиться съ своими ближайшими учениками.

Поднявшись на вершину горы съ двѣнадцатью апосталами Онъ обернулся, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на свое любимое озеро, на берегахъ котораго Онъ жаждалъ вызвать зарю Царства Небеснаго. Онъ окинулъ взглядомъ города, раскинувшіеся по его берегамъ, или поднимавшіеся уступами по склонамъ горъ и утопавшіе въ своихъ зеленыхъ оазисахъ, всѣ эти дорогія для Него селенія, бѣлѣвшія въ полумракѣ наступившихъ сумерокъ, въ которыхъ Онъ сѣялъ глаголы жизни и которыя готовы были покинуть Его.

Предвѣдѣніе будущаго охватило его. Пророческимъ взглядомъ окинулъ онъ весь чудный край, превращенный рукой мстительнаго Измаила въ пустыню, и съ Его устъ сорвались эти слова, въ которыхъ звучалъ не гнѣвъ, а глубокая грусть: «Горе тебѣ, Капернаумъ; горе тебѣ, Хоразинъ; горе тебѣ, Виѳсаида!». Затѣмъ, повернувъ къ странѣ язычниковъ, Онъ направилъ свой путь по долинѣ Іордана въ Кесарію Филлиппову.

Тяжелъ и дологъ былъ путь бѣглецовъ посреди тростниковъ и болотъ верхняго Іордана, подъ палящими лучами жгучаго сирійскаго

солнца. Ночи приходилось проводить въ палаткахъ пастуховъ или у Ессеевъ, водворившихся въ маленькихъ поселкахъ этого затеряннаго края. Подавленные ученики были молчаливы. Учитель былъ погруженъ въ свои размышленія. Онъ думалъ о невозможности внѣдрить въ сознаніе народа свое ученіе одною проповѣдью. Онъ съ грустью размышлялъ надъ происками своихъ враговъ.

Рѣшительная битва была неизбѣжна. Чѣмъ кончится она? Съ другой стороны, Его мысль возвращалась съ любовью и заботой къ своей духовной семьѣ, разсѣянной по разнымъ мѣстамъ, и въ особенности къ двѣнадцати апостоламъ, которые отказались отъ всего и все покинули, чтобы слѣдовать за Нимъ. Онъ зналъ, что сердца ихъ разрывались, теряя послѣднюю свѣтлую надежду на торжество Мессіи. Могъ ли Онъ оставить ихъ безъ Себя? Достаточно ли проникла истина въ глубину ихъ сознанія? Не поколеблется ли въ нихъ вѣра въ Его ученіе? Достаточно ли ясно сознаютъ они кто Онъ?

Подъ вліяніемъ этой тревоги Онъ спросилъ: «за кого люди почитаютъ Меня?» И они отвѣчали: «одни за Іоанна Крестителя, другіе за Илію, а иные за Іеремію или за одного изъ пророковъ». «А вы за кого почитаете Меня?» Тогда Симонъ Петръ отвѣтилъ за всѣхъ: «Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго» (Матѳ. XVI. 13—16). Въ устахъ Петра это слово не означало, какъ установила позднѣе церковь: Ты—единое воплощеніе всемогущаго Бога, второе лицо Троицы; оно означало: Ты — Избранникъ Израиля, провозглашенный пророками. Въ посвященіи индусскомъ, египетскомъ и греческомъ, имя Сына Божьяго означало *сознаніе, отожествившееся съ Божественной истиной и воля, способная проявить эту истину.* По мысли пророковъ, этотъ Мессія долженъ былъ явить собою величайшее проявленіе подобнаго сознанія и подобной воли. Онъ будетъ Сыномъ Человѣческимъ, т. е. Избранникомъ земного человѣчества, и Сыномъ Божіимъ, т. е. Посланникомъ Небеснаго Человѣчества, и, какъ таковой, будетъ имѣть въ себѣ Отца или Духа, который посредствомъ Небеснаго Человѣчества управляетъ вселенной.

При этомъ доказательствѣ вѣры апостоловъ въ Него, Іисусъ долженъ былъ испытать великую радость. Ученики поняли Его: Онъ будетъ жить въ нихъ. Живая связь между небомъ и землей была установлена. Іисусъ сказалъ Петру: «Блаженъ ты, Симонъ, сынъ Іонинъ, ибо не плоть и кровь открыли тебѣ это, но Отецъ Мой, сущій на небесахъ». Этимъ отвѣтомъ Іисусъ даетъ понять Петру, что онъ признаетъ его посвященнымъ, силою глубокаго внутренняго проникновенія въ истину.

Въ этомъ и только въ этомъ истинное откровеніе, тотъ камень, на которомъ Христосъ создастъ церковь свою и которую врата адовы не одолѣютъ. Іисусъ полагается на апостола Петра только поскольку онъ владѣетъ этимъ сознаніемъ. Когда же вслѣдъ за тѣмъ послѣдній становится снова обыкновеннымъ человѣкомъ, боязливымъ и ограниченнымъ, Учитель обращается къ нему совершенно иначе. Возвѣщая своимъ ученикамъ о своей предстоящей смерти въ Іерусалимѣ, Онъ вызываетъ такое возраженіе со стороны Петра: «Будь милостивъ къ Себѣ, Господи! Да не будетъ этого съ Тобою!» Іисусъ, какъ бы видя въ этомъ порывѣ участія искушеніе плоти, стремящейся поколебать Его рѣшимость, обращается къ апостолу съ такими словами: «Отойди отъ Меня, сатана, ты Мнѣ соблазнъ, ибо думаешь не о томъ, что Божіе, но что человѣческое». (Матѳ. XVI. 22, 23).

И сказавъ это, Онъ снова пошелъ впередъ въ пустыню. Смущенные Его торжественнымъ голосомъ и строгимъ взглядомъ, апостолы умолкли и продолжали въ безмолвіи свой путь по каменистымъ холмамъ Гавлопитиды. Это бѣгство Іисуса и его учениковъ изъ предѣла Израиля походило на приближеніе къ разгадкѣ мессіанической тайны, послѣдняго слова которой искалъ Іисусъ.

Онъ приблизился къ воротамъ Кесаріи. Городъ этотъ, ставшій языческимъ со временъ Антіоха Великаго, прятался въ зеленѣющемъ оазисѣ у источника Іордана, на подошвѣ снѣговыхъ вершинъ Іермона. Городъ имѣлъ свой амфитеатръ, онъ блисталъ роскошными дворцами и греческими храмами. Іисусъ прошелъ городомъ къ тому мѣсту, гдѣ Іорданъ вырывается искрящимся потокомъ изъ разсѣлины горы. Тамъ, по близости, былъ небольшой храмъ, посвященный Пану, и въ гротѣ, внутри котораго была названная разсѣлина, съ обѣихъ сторонъ, стояло множество колоннъ и мраморныхъ нимфъ, изображавшихъ языческія божества.

Евреи относились съ негодованіемъ къ этимъ знакамъ языческаго культа, но Іисусъ смотрѣлъ на нихъ иными глазами. Онъ долженъ былъ видѣть въ нихъ несовершенныя попытки найти ликъ той божественной красоты, сіяющіе образы которой Онъ носилъ въ своей душѣ. Онъ пришелъ не для того, чтобы проклинать язычество, но чтобы преобразить его; не для того, чтобы бросить анаѳему землѣ и ея таинственнымъ силамъ, но чтобы показать ей путь къ небу. Его сердце было достаточно велико, и Его ученіе было достаточно широко, чтобы объять всѣ культы и сказать всѣмъ народамъ: «Поднимите голову и познайте, что у всѣхъ васъ одинъ и тотъ же Отецъ».

И, несмотря на это, или вѣрнѣе именно вслѣдствіе этого, Онъ очутился на грани двухъ царствъ, преслѣдуемый словно опасный звѣрь и сдавленный между двумя мірами, которые одинаково отвергали Его. Передъ Нимъ разстилался языческій міръ, который не понималъ Его, въ которомъ Его слово замирало въ безсиліи; позади Его—еврейскій міръ, народъ, который побивалъ каменьями своихъ пророковъ и закрывалъ уши, чтобы не слышать своего Мессію, и стая фарисеевъ и саддукеевъ, подстерегавшихъ свою добычу.

Какое сверхчеловѣческое мужество и безграничную силу любви нужно было имѣть, чтобы разбить всѣ эти препятствія, чтобы сквозь языческое идолопоклонство и еврейскую жестокость проникнуть до самаго сердца страдающаго человѣчества и запечатлѣть въ немъ благую вѣсть о воскресеніи изъ мертвыхъ!

Передъ лицомъ иного міра мысль его должна была устремиться назадъ, по теченію Іордана, этой священной рѣки Израиля. Отъ храма Пана она перенеслась къ храму іерусалимскому: она измѣрила все разстояніе, которое отдѣляло античный міръ отъ вселенскихъ мыслей пророковъ, и, поднимаясь къ своему собственному источнику, она обратилась отъ скорби, пережитой при Кесаріи, къ видѣнію въ Енгадди. И вотъ передъ Нимъ снова выплылъ изъ Мертваго моря тотъ же страшный призракъ креста... Не насталъ ли часъ великой жертвы? Въ Іисусѣ, подобно всѣмъ людямъ, было два сознанія: одно—земное, говорило Ему: можетъ быть еще возможно избѣжать тяжкой судьбы; другое—божественное, повторяло неумолимо: путь къ побѣдѣ проходитъ черезъ врата скорби. И Онъ внималъ послѣднему.

Мы видимъ, что во всѣ великія минуты своей жизни Іисусъ удалялся въ уединеніе для молитвы. Не говоритъ ли индусскій мудрецъ: «Молитва поддерживаетъ небо и землю и имѣетъ власть надъ Богами?» Іисусъ зналъ эту величайшую изъ всѣхъ силъ. Обыкновенно Онъ не допускалъ никого въ свое уединеніе въ минуты, когда нисходилъ въ святая святыхъ своего сознанія. На этотъ разъ Онъ взялъ съ собой Петра и двухъ сыновей Зеведеевыхъ, Іоанна и Іакова, и пошелъ съ ними на высокую гору, чтобы провести тамъ ночь. Легенда говоритъ, что это была гора Ѳаворъ. Тамъ, между Учителемъ и тремя наиболѣе посвященными учениками произошло то таинственное событіе, которое въ Евангеліи передается подъ названіемъ *Преображенія*.

По словамъ Матѳея, апостолы увидали появившійся въ прозрачныхъ сумеркахъ восточной ночи сіяющій и какъ бы прозрачный образъ Учителя, при чемъ ликъ его свѣтился какъ солнце и одежды

его распространяли яркій свѣтъ, и двѣ фигуры появились по обѣимъ Его сторонамъ, которыхъ ученики приняли за Моисея и Илію. Когда же они пробудились изъ этого необыкновеннаго состоянія, которое казалось одновременно и глубокимъ сномъ, и самой яркой дѣйствительностью, они увидали что Учитель стоитъ около нихъ и прикасается къ нимъ, чтобы окончательно разбудить ихъ. Но преображенный Христосъ, котораго они созерцали въ этомъ видѣніи, остался навѣкъ запечатлѣннымъ въ ихъ памяти (Матѳей XVII 1—8).

Но что же видѣлъ, что перечувствовалъ самъ Іисусъ въ теченіе этой ночи, которая предшествовала рѣшительному моменту въ Его, приходившей къ концу, миссіи? Сперва постепенное исчезновеніе всѣхъ земныхъ вещей въ пламени молитвы, затѣмъ поднятіе сознанія все выше и выше, пока оно не проникло въ иной міръ—въ міръ чистой духовности и божественнаго совершенства.

Далеко отъ Него остались всѣ солнца, всѣ міры, всѣ земли, всѣ вихри скорбныхъ воплощеній; передъ Нимъ открылся небесный свѣтъ, и въ его сіяніи легіоны свѣтлыхъ существъ образовали какъ бы подвижный сводъ, небесную твердь, состоящую изъ эфирныхъ тѣлъ, бѣлѣющихъ какъ снѣгъ, изъ которыхъ вырывались нѣжныя зарницы. На блистающемъ облакѣ, служившемъ для Него подножіемъ, шестеро въ одеждахъ первосвященниковъ поднимали въ соединенныхъ рукахъ сверкающую Чашу. То были шесть Мессій, которые уже появлялись на землѣ, седьмымъ долженъ быть Онъ, и эта Чаша означала Жертву, которую Онъ долженъ былъ принести, воплощаясь въ свою очередь. Подъ сверкающимъ облакомъ раскрылась черная бездна: безчисленные круги поколѣній, пучина жизни и смерти, земной адъ.

Сыны Божіи поднимаютъ съ мольбою Чашу, неподвижное небо ожидаетъ. Іисусъ, въ знакъ согласія, простираетъ крестообразно руки словно желая обнять вселенную. Тогда Сыны Божіи склоняются ницъ и сонмъ ангеловъ съ длинными крыльями и опущенными глазами возноситъ сверкающую Чашу къ свѣтящемуся небосводу. «Осанна!» разносится отъ неба и до неба въ невыразимо-нѣжныхъ звукахъ... А Онъ послѣ того погружается въ темную бездну...

Вотъ что должно было происходить въ духовномъ мірѣ, въ нѣдрахъ Бога Отца, гдѣ празднуется мистерія вѣчной Любви и гдѣ круговороты свѣтилъ проносятся какъ легкія волны. Вотъ что Онъ долженъ совершить, вотъ для чего Онъ родился, ради чего боролся до этого дня. И тогда Имъ снова овладѣло великое рѣшеніе, постигнутое въ минуты экстаза Его божественнымъ сознаніемъ во всей полнотѣ.

Онъ рѣшился: чаша *должна* быть испита до дна. Послѣ восторговъ экстаза Онъ пробудился на днѣ бездны, на рубежѣ мученичества. Всѣ сомнѣнія исчезли; часъ пробилъ, небо заговорило, земля стонала о помощи.

Послѣ этого Іисусъ спустился по долинѣ Іорданской и направился къ Іерусалиму.

Глава VI.

Послѣдній путь въ Іерусалимъ.—Обѣтованіе.—Тайная вечеря.—Судъ.—Смерть.—Воскресеніе.

«Осанна Сыну Давидову!» Этотъ крикъ .разносился по всему пути Іисуса, когда онъ вошелъ черезъ восточныя врата въ Іерусалимъ по дорогѣ, устилаемой пальмовыми вѣтвями. Встрѣчали Его съ такимъ энтузіазмомъ единомышленники, сбѣгавшіеся изъ окрестностей и изъ города, чтобы устроить Ему торжественную встрѣчу. Они преклонялись передъ освободителемъ Израиля, который вскорѣ долженъ стать ихъ Царемъ, и даже сопровождавшіе Его двѣнадцать апостоловъ сохраняли эту упорную мечту, несмотря на всѣ предупрежденія Учителя.

Одинъ Онъ, признанный Мессія, зналъ, что Его путь ведетъ къ страданію и что даже Его ближайшіе ученики могутъ проникнуть въ Святилище Его мысли лишь послѣ Его смертнаго часа. Онъ приносилъ Себя въ жертву непоколебимо, съ полнымъ сознаніемъ и твердой волей. Отсюда—Его покорность, Его кроткая ясность.

Въ то время, какъ Онъ проходилъ подъ огромными вратами, пробитыми въ мрачной крѣпости Іерусалима, ликующіе крики, проникая подъ своды, преслѣдовали Его какъ голосъ рока, хватающаго свою жертву: «Осанна Сыну Давидову!» Этимъ торжественнымъ входомъ Іисусъ всенародно объявилъ духовнымъ властямъ Іерусалима, что Онъ принимаетъ на себя роль Мессіи со всѣми ея послѣдствіями.

На другой день Онъ появился въ храмѣ, въ преддверіи, гдѣ толпились торговцы скота и мѣновщики денегъ, которые своими жадными криками и звономъ монетъ оскверняли священныя плиты храма; обращаясь къ нимъ, Онъ повторилъ имъ эти слова Исаіи: «Написано: домъ Мой будетъ домомъ молитвы, а вы дѣлаете изъ него домъ разбойниковъ». Торговцы, устрашенные приверженцами Іисуса, которые окружали Его плотнымъ кольцомъ, и еще болѣе Его власть имущимъ взоромъ и повелительнымъ движеніемъ руки, разбѣжались, унося съ собой столы и деньги.

Пораженные священники удивлялись такой смѣлости съ Его стороны и страшились такой власти. Посланные отъ синедріона подошли къ Нему, требуя отчета и спрашивали: «Какою властью дѣлаешь Ты все это?» На этотъ лукавый вопросъ Іисусъ отвѣтилъ, по своему обыкновенію, другимъ вопросомъ, не менѣе затруднительнымъ для Его противниковъ: «Крещеніе Іоанново откуда было: съ небесъ или отъ человѣка?» Они же разсуждали между собой: «Если мы скажемъ—съ небесъ, Онъ спроситъ, почему же мы не повѣрили ему, а если скажемъ—отъ человѣка, боимся народа, ибо всѣ почитаютъ Іоанна за пророка». И сказали въ отвѣтъ Іисусу: «Не знаемъ». Тогда Іисусъ произнесъ: «И я не скажу вамъ, какою властью Я это дѣлаю».

Отвѣтивъ такимъ образомъ на нападеніе ихъ, Онъ перешелъ въ наступленіе и прибавилъ: «Истинно говорю вамъ, что мытари и блудницы впередъ васъ идутъ въ царство Божіе». Затѣмъ, приведя притчу, Онъ сравнилъ ихъ съ дурнымъ виноградаремъ, который убиваетъ сына своего хозяина, чтобы завладѣть его наслѣдствомъ, и кончилъ свою бесѣду съ ними такими словами: «Камень, который отвергли стоители и который сдѣлался главою угла, на кого упадетъ, того раздавитъ».

Всѣми этими дѣйствіями и словами во время своего послѣдняго появленія въ столицѣ Израиля, Іисусъ отрѣзалъ Себѣ всякую возможность отступленія. Уже давно во власти Его враговъ было два главныхъ обвиненія, достаточныя для того, чтобы погубить Его: Его угроза противъ храма и то, что *Онъ есть Мессія.* Послѣднія же нападенія Іисуса на своихъ враговъ раздражили ихъ до послѣдней степени, и съ этой минуты Его смерть, уже рѣшенная врагами, сдѣлалась лишь вопросомъ времени.

Съ момента Его появленія въ Іерусалимѣ наиболѣе вліятельные члены синедріона, саддукеи и фарисеи, которыхъ общая ненависть къ Іисусу соединила на время, сошлись на рѣшеніи погубить «соблазнителя» народа. Но они еще колебались схватить Его при народѣ, такъ какъ боялись народнаго возстанія.

Уже нѣсколько разъ городская стража, которую посылали, чтобы взять Его, возвращалась ни съ чѣмъ, устрашенная Его словами или смущенная многочисленными сборищами. Нѣсколько разъ состоявшіе при храмѣ воины утверждали, что Онъ исчезалъ изъ ихъ глазъ совершенно непостижимымъ образомъ. Борьба между Іисусомъ и фарисеями и саддукеями продолжалась тайнымъ образомъ, съ ихъ стороны—съ все усиливающеюся ненавистью, а съ Его стороны—съ силою, стремительностью и энтузіазмомъ, возраставшимъ по мѣрѣ приближенія

рокового часа. Это было послѣднимъ нападеніемъ Іисуса на властей міра сего. Онъ проявилъ въ этой борьбѣ необыкновенную энергію и мужественную силу, облекавшую, словно броней, божественную нѣжность, которую можно бы назвать Вѣчно-Женственнымъ началомъ Его души.

Эта опасная битва закончилась громовыми обвиненіями противъ лицемѣрныхъ представителей религіи: «Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что затворяете Царство Небесное человѣкамъ! Горе вамъ книжники и фарисеи, лицемѣры, что даете десятую изъ своего имѣнія и оставляете важнѣйшее въ законѣ: судъ, милость и вѣру... Горе вамъ, что уподобляетесь гробамъ окрашеннымъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты» *).

Заклеймивъ такимъ образомъ на всѣ вѣка религіозное лицемѣріе и лживый священническій авторитетъ, Іисусъ рѣшилъ, что битва Его кончена. Онъ вышелъ изъ Іерусалима въ сопровожденіи своихъ учениковъ и направился съ ними къ горѣ Елеонской. Поднявшись на ея вершину, можно было увидѣть храмъ Ирода во всемъ его великолѣпіи, съ многочисленными террасами, обширными портиками и облицовкой изъ бѣлаго мрамора, съ инкрустаціями изъ яшмы и порфира, и его сверкающія крыши, выложенныя золотомъ и серебромъ.

Ученики, терявшіе надежду и предвидѣвшіе катастрофу, обратили его вниманіе на великолѣпіе храма, покинутаго ихъ Учителемъ навсегда. Въ ихъ словахъ должны были звучать грусть и сожалѣніе, ибо въ тайникахъ души они до послѣдней минуты надѣялись засѣдать въ іерусалимскомъ храмѣ какъ судьи Израиля, окружая вѣнчаннаго въ первосвященники-цари Мессію. Іисусъ обернулся, измѣрилъ взорами храмъ и сказалъ: «Видите ли все это? Истинно говорю вамъ: не останется здѣсь камня на камнѣ» (Матѳ. XXIV, 2).

Онъ судилъ о продолжительности храма Іеговы по нравственной цѣнности тѣхъ, которые господствовали въ немъ. Онъ зналъ, что фанатизмъ, нетерпимость и ненависть не представляли достаточнаго оружія противъ язычества и противъ топоровъ римскаго Цезаря. Своимъ прозрѣніемъ посвященнаго, ставшимъ еще болѣе проникновеннымъ благодаря приближающейся смерти, онъ видѣлъ какъ іудейская гордость, политика его царей, и вся исторія Израиля роковымъ образомъ двигалась къ этой катастрофѣ.

Торжество Израиля было не тамъ; оно было въ мысли пророковъ, во вселенской религіи и въ томъ невидимомъ храмѣ, который Іисусъ

*) Матѳей, гл. XXIII, 13, 23, 27.

одинъ сознавалъ вполнѣ въ этотъ часъ. Что же касается древней крѣпости Сіона и храма, построеннаго изъ камня, Онъ уже видѣлъ ангела разрушенія, стоящаго у его дверей съ факеломъ въ рукахъ.

Іисусъ зналъ, что близится рѣшительный часъ, но Онъ не хотѣлъ быть застигнутымъ врасплохъ синедріономъ и удалился въ Виѳанію. Чувствуя особое влеченіе къ горѣ Елеонской, онъ приходилъ туда почти ежедневно бесѣдовать съ своими учениками. Съ этой высоты открывается чудный видъ. Вдали выднѣются строгія горы Іудеи и Моавіи, тонущія въ голубоватыхъ и лиловыхъ тонахъ; еще далѣе, въ концѣ Мертваго моря, виднѣется словно свинцовое зеркало, изъ котораго поднимаются сѣрные пары. У подошвы горы развертывается Іерусалимъ, а надъ нимъ господствуютъ храмъ и крѣпость Сіона.

Даже и нынѣ, когда спускаются сумерки въ мрачныя ущелья Іосафата, градъ Давида и Христа, оберегаемый сынами Измаила, выдвигается величественно и живописно изъ глубины темныхъ долинъ. На его куполахъ и минаретахъ отражается умирающій свѣтъ заката, и кажется, что они вѣчно ожидаютъ ангеловъ правосудія. Тамъ Іисусъ давалъ своимъ ученикамъ свои послѣднія поученія о будущемъ принесенной Имъ религіи и о грядущихъ судьбахъ человѣчества, завѣщая имъ свое земное и небесное обѣтованіе, глубоко связанное съ Его эзотерическимъ ученіемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что редакторы синоптиковъ передали намъ апокалиптическія рѣчи Іисуса въ такой сбивчивой формѣ, которая дѣлаетъ ихъ почти неподдающимися толкованію. Ихъ смыслъ начинаетъ выясняться лишь въ евангеліи св. Іоанна. Если бы Іисусъ дѣйствительно вѣрилъ въ свое второе пришествіе на облакахъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти, какъ это допускаетъ натуралистическое толкованіе, или если бы онъ воображалъ, что конецъ міра и послѣдній судъ надъ людьми произойдутъ въ той формѣ, въ какой ихъ представляетъ ортодоксальная теологія, Онъ былъ бы лишь несовершеннымъ ясновидящимъ и фантастическимъ мечтателемъ, вмѣсто того чтобы быть мудрымъ Посвященнымъ и божественнымъ Духовидцемъ, о чемъ свидѣтельствуютъ каждое слово Его ученія, каждый шагъ Его жизни.

Несомнѣнно, что и здѣсь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, Его слова должны быть понимаемы въ аллегорическомъ смыслѣ, соотвѣтственно высшему символизму пророковъ. Тотъ изъ четырехъ евангелистовъ, который передалъ лучше другихъ эзотерическое ученіе Іисуса, подсказываетъ намъ это толкованіе самъ, когда передаетъ слѣдующіе слова Учителя: «Еще многое имѣю сказать вамъ, но вы теперь не

можете вмѣстить... *Доселѣ Я говорилъ вамъ притчами,* но наступаетъ время, когда уже не буду говорить вамъ притчами, но прямо возвѣщу вамъ объ Отцѣ» (Іоаннъ, гл. XVI, ст. 12, 25).

Торжественное обѣтованіе Іисуса, данное апостоламъ, относится къ четыремъ сферамъ все увеличивающагося круга жизни, земной и космической: психической индивидуальной жизни отдѣльнаго человѣка; національной жизни Израиля; земной эволюціи человѣчества; его божественной эволюціи. Возьмемъ одну за другой всѣ четыре ступени обѣтованія, всѣ четыре сферы, куда мысль Христа, передъ Его мученическимъ концомъ, излучаетъ свѣтъ подобно заходящему солнцу, наполняющему своей славой всю земную атмосферу до самаго зенита, прежде чѣмъ начать свѣтить другимъ мірамъ.

1. *Первый Судъ* означаетъ потустороннюю судьбу души послѣ смерти физическаго тѣла. Она опредѣляется сокровенной природой души и ея поступками въ теченіе жизни. Я уже касался этой стороны ученія по поводу бесѣды Іисуса съ Никодимомъ. На Масличной горѣ Онъ сказалъ по этому поводу апостоламъ: «Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объяденіемъ и заботами житейскими и чтобы день тотъ не настигъ васъ внезапно» (Лука, гл. XXI, ст. 34). И еще: «Потому и вы будьте готовы, ибо въ который часъ не думаете, придетъ Сынъ Человѣческій» (Матѳей, гл. XXIV, ст. 44).

2. *Разрушеніе храма и конецъ Израиля.* «Ибо возстанетъ народъ на народъ... Тогда будутъ предавать васъ на мученіе... Истинно говорю вамъ: не прейдетъ родъ сей, какъ сіе будетъ» (Матѳей XXIV, 7, 9, 34).

3. *Земная цѣль человѣчества,* которая не опредѣлена какой-нибудь указанной эпохой, но которая достигнется рядомъ послѣдовательныхъ и постепенныхъ совершенствованій. Эта цѣль — пришествіе соціальнаго Христа или Богочеловѣка на землю; т. е. воплощеніе Истины, Справедливости и Любви въ человѣческомъ обществѣ, и, какъ послѣдствіе, умиротвореніе всѣхъ народовъ. Исаія предвидѣлъ эту отдаленную эпоху въ великолѣпномъ видѣніи, которое начинается слѣдующими словами: «Ибо я знаю дѣянія ихъ и мысли ихъ; и вотъ приду собрать всѣ народы и языки, и они придутъ и увидятъ славу Мою. И положу на нихъ знаменіе» и т. д. (Исаія LXVI, 18—24).

Довершая это пророчество, Іисусъ объясняетъ своимъ ученикамъ, *каково* будетъ это знаменіе. Это будетъ полное раскрытіе мистерій или пришествіе св. Духа, котораго Онъ называетъ также Утѣшителемъ или «Духомъ Истины, который поведетъ васъ къ полнотѣ истины».

«И Я умолю Отца и дастъ вамъ другого Утѣшителя, да пребудетъ съ вами во вѣкъ. Духа истины, котораго міръ не можетъ принять потому, что не видитъ Его и не знаетъ Его; а вы знаете Его, ибо Онъ съ вами пребываетъ и въ васъ будетъ» (Іоаннъ, гл. XIV, 16, 17).

Апостолы будутъ имѣть это откровеніе ранѣе, все человѣчество получитъ его позднѣе, въ теченіе будущихъ вѣковъ. Но каждый разъ, когда духъ истины проникаетъ въ сознаніе отдѣльнаго человѣка или цѣлой группы людей, онъ пронизываетъ его до самой глубины, «ибо какъ молнія исходитъ отъ востока и видна бываетъ даже до запада, такъ будетъ пришествіе Сына Человѣческаго» (Матѳей XXIV, 27). Такъ бываетъ, когда зажигается великая духовная истина, она освѣщаетъ всѣ вытекающія изъ нея истины и свѣтитъ на всѣ міры.

4. *Страшный Судъ* означаетъ конецъ космической эволюціи человѣчества или его вступленіе въ состояніе духовное. Это то, что персидскій эзотеризмъ называлъ побѣдой Ормузда надъ Ариманомъ, или духа надъ матеріей. Индусскій эзотеризмъ называетъ это окончательнымъ поглощеніемъ матеріи духовнымъ началомъ, или концомъ «единаго дня Брамы». Послѣ тысячей и милліоновъ вѣковъ должна появиться эпоха, когда путемъ длиннаго ряда воплощеній, отдѣльные индивидуумы, составляющіе человѣчество, перейдутъ окончательно въ состояніе духовности, или же будутъ поглощены и уничтожены— какъ сознательныя души—началомъ зла, т. е. своими собственными эгоистическими страстями, символомъ которыхъ и является «геена огненная и скрежетъ зубовный».

«Тогда явится знаменіе Сына Человѣческаго на небѣ; и тогда восплачутся всѣ племена земныя и увидятъ Сына Человѣческаго, грядущаго на облакахъ небесныхъ съ силою и славою великой. И пошлетъ Ангеловъ Своихъ съ трубою громогласной; и соберутъ избранныхъ Его отъ четырехъ вѣтровъ, отъ края небесъ до края ихъ» (Матѳей XXIV, 30, 31). *Сынъ Человѣческій*—терминъ родовой, означаетъ здѣсь человѣчество въ его представителяхъ, достигшихъ совершенства, т. е. то небольшое число, которое воспитало себя до ступени Сына Божьяго. *Знакъ* Сына Человѣческаго—Агнецъ и Крестъ, т. е. Любовь и вѣчная Жизнь. *Облака*—образъ мистерій, ставшихъ прозрачными, а также тонкой матеріи, преображенной духомъ, субстанціи утонченной, которая не представляетъ болѣе плотнаго и темнаго покрова, но легкое и прозрачное облаченіе души, не являющееся грубой преградой, но выражающее Истину; образъ не обманчивой видимости, но самой духовной истины, внутренняго міра, безпрепятственно и непосредственно

проявляемаго. *Ангелы*, собирающіе избранныхъ, суть тѣ совершенные духи, которые сами произошли изъ человѣчества. *Призывная труба* символизируетъ живое слово Духа, раскрывающее истинную суть человѣческой души и разрушающее всѣ лживыя видимости матеріи.

Іисусъ зная себя наканунѣ смерти, раскрывалъ передъ апостолами всѣ лучезарныя перспектива, которыя съ самыхъ древнихъ временъ составляли часть ученія мистерій, но которымъ каждый новый Основатель религіи давалъ новую форму и индивидуальное освѣщеніе. Чтобы запечатлѣть эти истины въ ихъ душѣ, чтобы облегчить ихъ распространеніе, Онъ изложилъ ихъ въ образахъ изумительной смѣлости и внутренней силы.

Раскрывающій образъ, говорящій символъ — вотъ что было всеобщимъ языкомъ древнихъ посвященныхъ. Языкъ этотъ обладаетъ силою пріобщать, способностью вліять на сознаніе сильно и длительно, которыя отсутствуютъ у отвлеченныхъ выраженій. Пользуясь имъ, Іисусъ слѣдовалъ примѣру Моисея и пророковъ. Онъ зналъ, что Его идея не могла быть понята немедленно и Онъ хотѣлъ запечатлѣть ее огненными письменами въ юной душѣ своихъ учениковъ, предоставляя будущимъ вѣкамъ вызвать наружу скрытыя силы, заключенныя въ Его словѣ.

Іисусъ чувствовалъ Себя въ единеніи со всѣми пророками, которые предшествовали Ему, которые подобно Ему были глашатаями вѣчной Жизни и вѣчнаго Глагола. Въ этомъ чувствѣ единенія и сліянія съ неизмѣнной истиной, передъ этими безграничными горизонтами, которые можно охватить лишь пребывая въ зенитѣ Источника Жизни, Онъ могъ сказать своимъ огорченнымъ ученикамъ эти гордыя слова: «небо и земля прейдутъ, но слова Мои не прейдутъ(Матѳеѣ XXIV, 35).

Такъ проходили утра и вечера на Масличной горѣ. Однажды, движимый однимъ изъ тѣхъ порывовъ Своей пламенно-любящей и впечатлительной природы, которая внезапно переводила Его вниманіе съ величайшихъ высотъ на страданія земли, ощущаемыя Имъ какъ собственныя страданія, — однажды, глядя на Іерусалимъ, Онъ проливалъ слезы надъ его святыней и надъ его обитателями, тяжкую судьбу которыхъ Онъ предчувствовалъ.

Его собственная судьба приближалась съ страшной быстротой. Уже происходили совѣщанія въ Синедріонѣ и рѣшено было предать Его смертной казни; уже Іуда изъ Каріота обѣщалъ выдать своего Учителя.

Надо думать, что эта черная измѣна была вызвана не низкой жадностью къ деньгамъ, но честолюбіемъ и несбывшимися наде-

ждами. Іуда, отличавшійся холоднымъ эгоизмомъ и духомъ позитивизма, не способный на малѣйшій идеализмъ, могъ сдѣлаться ученикомъ Христа изъ однихъ лишь мірскихъ побужденій. Онъ разсчитывалъ на немедленное земное торжество Пророка и на свое собственное возвышеніе. Онъ не могъ понять глубокаго значенія словъ Учителя: «Кто хочетъ сберечь душу свою, тотъ потеряетъ ее, а кто потеряетъ душу свою ради Меня, тотъ сбережетъ ее». (Лука IX, 24).

Іисусъ въ своемъ безграничномъ милосердіи принялъ его въ число своихъ, въ надеждѣ измѣнить его природу. Когда Іуда увидалъ, что дѣла принимаютъ худой оборотъ, что Іисусъ погибъ, Его ученики на дурномъ счету и онъ самъ обманутъ во всѣхъ своихъ ожиданіяхъ, разочарованіе его превратилась въ ярость. Несчастный предалъ Того, Кого считалъ неистиннымъ Мессіей, обманувшимъ всѣ его надежды.

Одного пристальнаго взгляда было достаточно, чтобы Іисусъ угадалъ, что̀ происходило въ душѣ измѣнника и Онъ рѣшилъ не избѣгать болѣе судьбы Своей, неизбывныя сѣти которой сжимались все тѣснѣе вокругъ Него.

Былъ канунъ Пасхи іудейской. Онъ велѣлъ ученикамъ приготовить Пасху въ городѣ у одного изъ Своихъ сторонниковъ. Онъ предвидѣлъ, что она будетъ послѣдней въ Его жизни и хотѣлъ придать ей какъ можно болѣе торжественности.

Здѣсь мы подходимъ къ послѣднему акту мессіанской драмы. Чтобы понять душу Іисуса и самое Его дѣло въ его источникѣ, необходимо было освѣтить изнутри суть первыхъ двухъ актовъ Его жизни, т. е. Его посвященіе и Его публичное служеніе. Въ нихъ развернулась вся внутренняя драма Его сознанія.

Послѣдній актъ его жизни, или драма Страстей Господнихъ, есть послѣдствіе двухъ предыдущихъ; какъ все великое, она является въ одно и то же время и простой и необъятной, и ясной и таинственной. Драма Страстей Господнихъ содѣйствовала могучимъ образомъ распространенію христіанства. Она исторгла слезы у всѣхъ, кто имѣлъ сердца; она обратила милліоны душъ. Всѣ отдѣльныя сцены этой драмы, разсказанныя въ Евангеліяхъ, отличаются необыкновенной красотой. Даже самъ Іоаннъ спускается съ своихъ недоступныхъ высотъ и его разсказъ дышетъ проникающей правдой личнаго свидѣтельства. Каждый можетъ возродить въ себѣ божественную драму, но никто не смогъ бы передѣлать ее.

Чтобы докончить мою задачу, я долженъ направить лучи эзотерическаго преданія на три существенныя обстоятельства, которыми

закончилась жизнь божественнаго Учителя: *Тайную Вечерю, судъ надъ Мессіей и Воскресеніе изъ мертвыхъ.* Если направленный на эти три точки свѣтъ освѣтитъ ихъ въ достаточной степени, онъ упадетъ отраженными лучами и на всю судьбу Христа и на всю будущую исторію христіанства.

Двѣнадцать апостоловъ, составляя вмѣстѣ съ Учителемъ тринадцать, собрались въ горницѣ одного изъ іерусалимскихъ домовъ Неизвѣстный приверженецъ Іисуса — хозяинъ дома — украсилъ комнату богатымъ ковромъ. По восточному обычаю ученики и Учитель возлегли по-трое на четырехъ широкихъ ложахъ, расположенныхъ четыреугольникомъ вокругъ стола. Когда былъ поданъ пасхальный агнецъ и чаши были наполнены виномъ, а также и золотая чаша, поставленная незнакомымъ приверженцемъ передъ Іисусомъ, Онъ, имѣя по одну сторону Іоанна, а по другую Петра, сказалъ: «очень желалъ Я ѣсть съ вами сію Пасху прежде Моего страданія; ибо сказываю вамъ, что уже не буду ѣсть ея, пока она не совершится въ Царствіи Божіимъ» (Лука XXII, 15, 16).

Послѣ этихъ словъ въ воздухѣ повѣяло тяжелой грустью. «Ученикъ, котораго любилъ Іисусъ» и который одинъ отгадывалъ Его мысли, молча склонилъ свою голову на грудь Учителя. По обычаю іудейскому на праздникѣ Пасхи полагалось ѣсть пасхальнаго агнца съ горькими травами и прѣснымъ хлѣбомъ въ молчаніи. И тогда Іисусъ «взявъ хлѣбъ и благодаривъ, преломилъ и подалъ имъ, говоря: сіе есть тѣло Мое, которое за васъ предается; сіе творите въ Мое воспоминаніе. Также и чашу послѣ вечери, говоря: сія чаша есть Новый Завѣтъ въ Моей крови, которая за васъ проливается» (Лука XXII, 19, 20).

Такъ была учреждена Тайная Вечеря во всей ея простотѣ. Въ ней заключается болѣе того, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Это не только символическій и мистическій актъ, которымъ завершается все ученіе Христа, но она, кромѣ того, освѣщаетъ и обновляетъ чрезвычайно древній символъ посвященія. У посвященныхъ Египта и Халдеи, точно также у пророковъ и Ессеевъ, братская вечеря означала первую ступень посвященія. Пріобщеніе подъ видомъ хлѣба означало знаніе мистерій земной жизни и въ то же время раздѣленіе земного имущества, послѣдствіемъ чего явилось совершенное единство членовъ братства.

На высшей ступени, пріобщеніе подъ видомъ вина, которое можно считать кровью лозы, проникнутой солнцемъ, означало общность небесныхъ благъ, сопричастіе къ духовнымъ мистеріямъ и къ божественной наукѣ.

Іисусъ, передавая эти символы апостоламъ, безмѣрно расширилъ ихъ значеніе, ибо черезъ нихъ братство Посвященныхъ, ограниченное въ первое время нѣсколькими личностями, распространилось на все человѣчество. И Онъ добавилъ къ этимъ символамъ глубочайшую изъ мистерій, величайшую изъ силъ: свою Собственную Жертву. Онъ сдѣлалъ изъ нея цѣпь любви, невидимую и въ то же время неразрывную, между собою и своими. Она даетъ Его просвѣтленной душѣ божественную власть надъ ихъ сердцами и надъ сердцами всего человѣчества.

Эту чашу истины, идущей изъ пророческихъ вѣковъ, эту золотую чашу посвященія, которую Онъ Самъ принялъ изъ рукъ ессейскаго старца въ день Своего посвященія въ пророки, когда Онъ на ея днѣ увидѣлъ свою собственную кровь,—ее Онъ протягиваетъ Своимъ возлюбленнымъ ученикамъ съ невыразимой нѣжностью послѣдняго прощанія.

Но увидали ли и поняли ли апостолы Его искупительную Мысль, обнимавшую всѣ міры? Она должна была сіять въ глубокомъ и скорбномъ взорѣ, который Учитель переводилъ съ любимаго ученика своего на того, который долженъ былъ предать Его. Нѣтъ, они еще не поняли Его и ихъ удивило небывалое выраженіе на лицѣ Христа. И когда Іисусъ объявилъ имъ, что Онъ проведетъ ночь въ саду Геѳсиманскомъ на Елеонской горѣ и предложилъ имъ идти съ Собой, они все еще не подозрѣвали ближайшаго будущаго . . . .

. . . .

Іисусъ провелъ въ Геѳсиманскомъ саду ночь, полную скорби. Съ страшной ясностью видѣлъ Онъ какъ суживался роковой кругъ, въ которомъ Ему суждено погибнуть. На одинъ мигъ Онъ содрогнулся; на одинъ мигъ отступила Его душа передъ ожидавшими пытками, капли кроваваго пота показались на Его челѣ, но молитва укрѣпила Его.

Отдаленный звукъ смѣшанныхъ голосовъ, колеблющійся свѣтъ факеловъ подъ темными маслинами, усиливающійся звонъ оружія: приближалась толпа солдатъ, посланныхъ синедріономъ. Іуда, шедшій впереди, поцѣловалъ своего Учителя, чтобы солдаты могли отличить Его. Іисусъ, отдавъ ему поцѣлуй, сказалъ съ невыразимой жалостью: «другъ, для чего ты пришелъ»?

Дѣйствіе этой кротости, этого братскаго поцѣлуя, даннаго взамѣнъ самой черной измѣны, подѣйствовало столь сильно на эту жесткую душу, что послѣ этого Іуда, охваченный раскаяніемъ и страхомъ, наложилъ на себя руки.

Грубые солдаты схватили галилейскаго Учителя. Послѣ непродолжительнаго сопротивленія, испуганные ученики разбѣжались, словно развѣянные вѣтромъ. Лишь Іоаннъ и Петръ держались въ отдаленіи

и послѣдовали за Учителемъ во дворъ судилища, но самъ Іисусъ былъ совершенно спокоенъ. Рѣшеніе Его было принято и послѣ того ни единаго вздоха, ни единаго протеста не сорвалось съ устъ Его.

Синедріонъ собирается съ поспѣшностью, въ качествѣ полномочнаго собранія. Не смотря на ночной часъ, въ судилище приводятъ Іисуса, ибо трибуналъ старается какъ можно скорѣе покончить съ опаснымъ пророкомъ.

Первосвященники въ пурпуровыхъ, желтыхъ и фіолетовыхъ туникахъ съ тюрбанами на головахъ торжественно засѣдаютъ полукругомъ. Посреди нихъ, на возвышенномъ мѣстѣ, возсѣдаетъ Каіафа, великій порвосвященникъ. На двухъ концахъ полукружья, передъ двумя небольшими трибунами, находятся два актуаріуса: одинъ—для защиты, другой—для обвиненія (advocatus Dei, advocatus Diaboli).

Іисусъ, невозмутимый, стоитъ въ центрѣ въ своихъ бѣлыхъ одеждахъ Ессея. Служители, вооруженные плетьми и веревками, окружаютъ Его съ угрожающимъ видомъ. Во всемъ судилищѣ только одни обвинители, ни одного защитника.

Первосвященникъ, онъ же и верховный судья, выступаетъ главнымъ обвинителемъ; обвиненіе опредѣляется какъ мѣра общественной безопасности противъ потрясенія религіозныхъ основъ; тогда какъ на дѣлѣ это было преднамѣренной местью со стороны встревоженнаго священническаго сословія, власти котораго угрожала опасность.

Каіафа встаетъ и обвиняетъ Іисуса въ томъ, что Онъ соблазняетъ народъ. Нѣсколько свидѣтелей, взятыхъ изъ толпы, даютъ свои показанія, противорѣча одинъ другому. Наконецъ одинъ изъ нихъ передаетъ слова, признаваемыя за кощунство, которыя Іисусъ бросилъ въ лицо фарисеямъ подъ портиками храма Іерусалимскаго: «Я разрушу храмъ сей и черезъ три дня воздвигну другой».

Іисусъ молчить. «Ты не отвѣчаешь?» спрашиваетъ первосвященникъ. Іисусъ, зная что Его обвиненіе уже заранѣе рѣшено, сохраняетъ молчаніе. Но этихъ словъ недостаточно для окончательнаго обвиненія; чтобы вырвать опасное признаніе у обвиняемаго, ловкій саддукей Каіафа обращается къ Нему, задѣвая самую жизненную сторону Его миссіи. Онъ идетъ прямо къ цѣли: «Если ты дѣйствительно Мессія, скажи намъ!»

Уклончивый отвѣтъ Іисуса показываетъ, что Онъ понялъ хитрость вопрошавшаго: «Если скажу вамъ, вы не повѣрите; если же я спрошу васъ, не будете отвѣчать Мнѣ и не отпустите Меня» *)

---

*) Лука XXII, 67, 68.

Каіафа, не добившись ничего судейской хитростью, пользуется правомъ первосвященника и говоритъ торжественно: «заклинаю Тебя Богомъ живымъ, скажи намъ, Ты ли Христосъ, Сынъ Божій?» Послѣ такого обращенія, принужденный или отвергнуть, или подтвердить свою миссію передъ высшими представителями религіи Израиля, Іисусъ болѣе не колеблется. Онъ отвѣчаетъ съ спокойствіемъ: «ты сказалъ; даже сказываю вамъ: отнынѣ узрите Сына Человѣческаго, сидящаго одесную Силы и грядущаго на облакахъ небесныхъ» (Матѳей XXVI, 63, 64). Выражаясь этимъ пророческимъ языкомъ Даніила и книги Еноха, ессейскій Посвященный не говоритъ съ Каіафой, какъ съ личностью, Онъ знаетъ что агностикъ саддукей не способенъ понять Его; Онъ обращается къ первосвященнику Іеговы и черезъ него ко всѣмъ будущимъ первосвященникамъ, ко всему священству земли, желая сказать всѣмъ: «Послѣ окончанія Моей миссіи, запечатлѣнной Моей смертью, царство слѣпого преклоненія передъ религіознымъ закономъ покончено и въ идеѣ, и въ дѣйствительности. Мистеріи будутъ раскрыты и человѣкъ черезъ человѣческое узритъ божественное. Религіи и культы, въ которыхъ человѣческое и божественное не будетъ оживотворять одно другое, потеряютъ свою власть надъ людьми».

Таково, по эзотерическому смыслу пророковъ и Ессеевъ, значеніе *Сына, сидящаго одесную Отца*. Понятый такимъ образомъ отвѣтъ Іисуса на вопросъ первосвященника іерусалимскаго содержитъ въ себѣ завѣщаніе Христа духовнымъ властямъ земли, подобно тому, какъ учрежденіе Тайной Вечери является Его завѣщаніемъ любви и посвященія, даннымъ апостоламъ и всему человѣчеству.

Словами, обращенными къ Каіафѣ, Іисусъ говоритъ съ цѣлымъ міромъ, но саддукей, у котораго было опредѣленное намѣреніе, болѣе не слушаетъ его. Разорвавъ свои бѣлыя льняныя одежды, онъ восклицаетъ: «Онъ богохульствуетъ! на что намъ еще свидѣтелей? вотъ теперь вы слышали богохульство Его! Какъ вамъ кажется?» Слѣдуетъ зловѣщій отвѣтъ всего синедріона: «Повиненъ смерти!» и вслѣдъ за осужденіемъ свыше, слѣдуютъ злобныя оскорбленія и грубое надругательство снизу.

Служители плюютъ ему въ лицо и заушаютъ его; другіе же ударяютъ его по ланитамъ и говорятъ: «прореки намъ, Христосъ, кто ударилъ тебя?» Подъ этимъ наплывомъ низкой и животной ненависти, божественное лицо страдальца должно было принять мраморную неподвижность ясновидца. Есть изваянія, которыя плачутъ, но бываютъ также страданія безъ слезъ и молитвы безъ словъ, которыя устрашаютъ палачей и преслѣдуютъ ихъ въ теченіе всей остальной жизни.

Но не все еще было кончено. Синедріонъ могъ произнести смертный приговоръ, но, чтобы привести его въ исполненіе, необходимъ былъ гражданскій судъ и одобреніе римскихъ властей. Бесѣда съ Пилатомъ, подробно переданная св. Іоанномъ, не менѣе замѣчательна, чѣмъ бесѣда съ Каіафой.

Этотъ діалогъ между Христомъ и римскимъ правителемъ, въ перемежку съ злобными восклицаніями еврейскихъ священниковъ и криками фанатизированной толпы, которые играютъ роль хора въ античной трагедіи,—запечатлѣнъ признаками великой драматической подлинности. Ибо онъ срываетъ покровъ съ души дѣйствующихъ лицъ, онъ ясно показываетъ столкновеніе трехъ большихъ силъ: римскаго цезаризма, узкаго іудейства и вселенской религіи Духа, представляемой Христомъ.

Пилатъ, совершенно равнодушный къ религіознымъ распрямъ, но чрезвычайно недовольный судилищемъ, такъ какъ оно вызывало въ немъ страхъ, что смерть Іисуса можетъ повлечь за собой народное возстаніе, допрашиваетъ Его съ осторожностью и подставляетъ ему якорь спасенія въ надеждѣ, что Онъ воспользуется имъ. «Ты царь іудейскій?» спрашиваетъ онъ.—«Царство мое не отъ міра сего», отвѣчаетъ Іисусъ. «И такъ ты царь?»—«Я на то родился и пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ»...

Пилатъ не понимаетъ этого утвержденія духовной царственности Іисуса, такъ же какъ Каіафа не понялъ Его религіознаго завѣщанія. «Что есть истина»? говоритъ онъ, пожимая плечами, и этотъ вопросъ римскаго скептика раскрываетъ все состояніе души тогдашняго языческаго общества, находившагося въ упадкѣ. Но, не находя въ обвиненномъ ничего, кромѣ невинныхъ мечтаній, онъ прибавляетъ: «я никакой вины не нахожу въ Немъ». И онъ предлагаетъ Евреямъ отпустить его, но, подстрекаемая священниками чернь вопитъ: «не Его, но Варраву отпусти намъ!».

Послѣ этого Пилатъ, не терпѣвшій Іудеевъ, доставляетъ себѣ ироническое удовольствіе предать бичеванію ихъ предполагаемаго царя. Онъ думаетъ, что это удовлетворитъ фанатиковъ, но они еще болѣе распаляются и начинаютъ вопить: «распни, распни Его!»

Несмотря на эту разнузданность народныхъ страстей, Пилатъ продолжаетъ сопротивляться. Онъ утомленъ отъ жестокости, онъ видѣлъ столько пролитой крови въ своей жизни, онъ отправилъ столькихъ мятежниковъ на казнь, онъ слышалъ столько стоновъ и проклятій, оставаясь при этомъ равнодушнымъ! Но нѣмое и кроткое страданіе галилейскаго пророка подъ накинутой на него багряницей

и подъ терновымъ вѣнцомъ потрясло его невѣдомымъ волненіемъ. Уступая мимолетному видѣнію, пронесшемуся передъ его душой, онъ обронилъ такое слово: «Ecce Homo»! Вотъ Человѣкъ! Жесткій римлянинъ почти растроганъ, онъ готовъ произнести оправданіе.

Священники синедріона, не перестававшіе слѣдить за нимъ, подмѣтили его волненіе и испугались. Они почувствовали, что жертва ускользаетъ отъ нихъ. Они совѣщаются между собой и затѣмъ, въ одинъ голосъ, поднимая правую руку и отворачивая голову съ выраженіемъ лицемѣрнаго ужаса, восклицаютъ: «онъ сдѣлалъ себя Сыномъ Божьимъ»!

Услыхавъ эти слова, Пилатъ, по славамъ Іоанна, еще больше убоялся. Убоялся чего? Какое значеніе могло имѣть это имя для невѣрующаго римлянина, который презиралъ отъ всего сердца Евреевъ и ихъ религію и вѣрилъ только въ одну политическую силу Рима и Цезаря? А между тѣмъ тревога эта могла имѣть серьезную причину. Какъ ни измѣняли смыслъ имени *Сына Божьяго*, оно все же было достаточно распространено въ древнемъ эзотеризмѣ. И Пилатъ, несмотря на весь свой скептицизмъ, былъ не лишенъ суевѣрія.

Въ Римѣ, во время малыхъ мистерій Митры, въ которыхъ и римскіе военачальники принимали участіе, онъ долженъ былъ слышать, что *Сыномъ Божіимъ* называютъ посредника между человѣкомъ и Божествомъ. И къ какой бы націи и религіи ни принадлежалъ такой посредникъ, покушеніе на его жизнь считалось великимъ преступленіемъ. Пилатъ, можетъ быть, и не вѣрилъ этимъ восточнымъ фантазіямъ, и все же произнесенное имя могло встревожить его и увеличить его замѣшательство.

Замѣтивъ это, Іудеи бросаютъ проконсулу тягчайшее изъ всѣхъ осужденій: «если ты отпустишь этого человѣка, ты не другъ Кесарю; ибо каждый *дѣлающій себя царемъ, противникъ Кесаря... нѣтъ у насъ царя, кромѣ Кесаря*»... Этому аргументу онъ не могъ противостоять; отрицать Бога не трудно, убивать — легко, но участвовать въ заговорѣ противъ Цезаря, это—величайшее изъ всѣхъ преступленій. Пилатъ былъ вынужденъ отступить и согласиться на смертный приговоръ.

Такимъ образомъ, въ концѣ своей земной дѣятельности Іисусъ становится лицомъ къ лицу съ властителемъ міра, съ которымъ онъ боролся косвенно, какъ оккультный противникъ, въ теченіе всей своей жизни. Тѣнь Цезаря посылаетъ Его на крестъ. Глубокая логика событій: Евреи предали его, а римскій скипетръ совершилъ надъ нимъ смертную казнь. Онъ убилъ Его тѣло, но именно Онъ, прославленный Христосъ, осѣянный своимъ мученичествомъ, отнялъ на вѣки

вѣковъ лживый ореолъ Цезаря, эту жесточайшую хулу на государственную власть.

. . . .

Пилатъ, омывъ руки кровью неповиннаго, произнесъ страшное слово: *Condemno, ibis in crucem*. И уже нетерпѣливая толпа устремилась къ Голгоѳѣ.

И вотъ, мы на голой вершинѣ, усѣянной человѣческими костями, которая господствуетъ надъ Іерусалимомъ и носитъ названіе Gilgal, Голгоѳа, или лобное мѣсто; зловѣщая пустыня, посвященная въ теченіе многихъ вѣковъ мучительству и истязанію.

На обнаженной горѣ не видно ни одного дерева, тамъ растутъ только висѣлицы. Именно тамъ одинъ изъ царей іудейскихъ присутствовалъ со всѣмъ своимъ гаремомъ при казни сотенъ плѣнниковъ, тамъ же Варъ распялъ на крестѣ двѣ тысячи мятежниковъ и тамъ же возвѣщенный пророками кроткій Мессія долженъ былъ подвергнуться смертнымъ мукамъ, изобрѣтеннымъ жестокимъ воображеніемъ финикійцевъ и узаконеннымъ неумолимымъ Римомъ.

Когорта римскихъ воиновъ составила большое кольцо на вершинѣ холма; ударами копій разгоняли они приверженцевъ, послѣдовавшихъ за осужденнымъ. То были галилейскія женщины, молчаливыя, исполненныя отчаянія, онѣ бросались ницъ на землю.

Верховный часъ насталъ. Защитникъ бѣдныхъ, слабыхъ и угнетенныхъ заканчивалъ свой подвигъ мучительной казнью, назначенной для рабовъ и разбойниковъ. Настала минута пригвожденія къ кресту, предвидѣнная Іисусомъ въ видѣніи енгаддійскомъ; нужно было Сыну Божьему испить чашу, предложенную Ему во время Преображенія; нужно было сойти до глубины земныхъ ужасовъ и самого ада.

Іисусъ отказался отъ питья, изготовлявшагося по обычаю набожными женщинами Іерусалима, чтобы отнять сознаніе у казнимыхъ. Онъ хотѣлъ пережить свою агонію въ полномъ сознаніи. Пока Его привязывали къ позорному кресту, пока грубые солдаты вбивали молотомъ гвозди въ эти ноги, обожаемыя всѣми страждущими, въ эти руки, которыя умѣли лишь благословлять, черное облако раздирающей скорби погасило Его зрѣніе и остановило Его дыханіе. Но въ глубинѣ еще не погасшаго сознанія Спасителя засвѣтилась божественная жалость къ Своимъ палачамъ и мольба за нихъ сорвалась съ Его устъ: «Отче, прости имъ, ибо не вѣдаютъ, что творятъ».

И обнажилось дно чаши; настали часы агоніи; отъ полудня до солнечнаго заката. Посвященный снялъ съ себя полномочія; Сынъ Божій удалился съ горизонта; остался лишь страдающій человѣкъ.

На протяженіи этихъ часовъ онъ покинулъ Свое небо, чтобы измѣрить бездну человѣческаго страданія.

Медленно поднимается крестъ съ своей жертвой и съ надписью, послѣдней ироніей проконсула: *Се Царь Іудейскій!* Передъ взорами распятаго, въ кровавомъ облакѣ смертной муки, проносится Іерусалимъ, священный городъ, который онъ хотѣлъ прославить и который предалъ его анаѳемѣ.

Гдѣ его ученики? Исчезли. Онъ слышитъ одни лишь оскорбительные возгласы членовъ синедріона, которые торжествуютъ при видѣ его агоніи. «Онъ спасалъ другихъ», кричатъ они, «а себя не можетъ спасти!»

И среди всѣхъ этихъ враждебныхъ криковъ и проклятій, въ страшномъ видѣніи будущаго, Іисусъ видитъ всѣ преступленія, которыя корыстолюбивые властители и фанатическіе священники будутъ совершать во имя Его. Именемъ Его будутъ пользоваться, чтобы проклинать! Крестомъ Его будутъ распинать! И не мертвое молчаніе закрытаго для него неба, а тьма, разостлавшаяся надъ человѣчествомъ, вырвала у Него этотъ крикъ отчаянія: «Боже мой, Боже мой, для чего Ты меня оставилъ!» Вслѣдъ затѣмъ сознаніе Мессіи, воля всей Его жизни, вспыхнула послѣдней молніей и съ возгласомъ: «свершилось!» душа Его освободилась и вознеслась.

И Божественнаго Сына Человѣческаго не стало. Единымъ взмахомъ крыльевъ душа Его нашла свое небо, видѣнное въ Енгадди и на горѣ Ѳаворѣ. Онъ увидѣлъ свой побѣдный Глаголъ, проносящійся надъ вѣками, и Онъ не захотѣлъ иной славы, кромѣ протянутыхъ рукъ и возведенныхъ очей тѣхъ, кого онъ исцѣлялъ и утѣшалъ.

Но при послѣднемъ Его возгласѣ, непонятномъ для сторожившихъ Его воиновъ, по нимъ пробѣжало содроганіе. Они повернули голову и сіяющій лучъ, оставленный отошедшимъ духомъ на лицѣ умершаго, такъ поразилъ ихъ, что они стали со страхомъ спрашивать другъ у друга: «не былъ ли Онъ дѣйствительно *Богомъ*?» . . . .

. . . .

Дѣйствительно ли закончилась великая драма? Завершилась ли безмолвная борьба между божественной Любовью и Смертью, которая была направлена на Него властами міра сего? За кѣмъ же побѣда? За этими ли священниками, которые сходятъ съ Голгоѳы, самоувѣренные и успокоенные послѣ того, какъ видѣли послѣдній вздохъ Пророка, или—побѣда за этимъ блѣднымъ, распятымъ Сыномъ Человѣческимъ?

Для преданныхъ женщинъ, которымъ позволили приблизиться и которыя рыдали у подножья креста, для устрашеннымъ учениковъ,

укрывшихся въ пещерѣ Іосафатовой долины, все было кончено. Мессія, который долженъ былъ возсѣсть на тронѣ іудейскомъ, погибъ позорной казнью креста. Учитель исчезъ, а съ нимъ и надежда, и Евангеліе, и Царство Небесное.

Мрачное безмолвіе, отчаянье безпросвѣтное тяготѣетъ надъ собравшимися. Даже Петръ и Іоаннъ не могутъ преодолѣть тоски. Темная ночь окружаетъ ихъ. Послѣдній лучъ погасъ въ ихъ душѣ.

Но такъ же, какъ въ элевзинскихъ мистеріяхъ за глубокимъ мракомъ слѣдовалъ ослѣпительный свѣтъ, такъ же и въ Евангеліяхъ за этимъ глубокимъ отчаяньемъ слѣдуетъ неожиданная, молніеносная, исполненная чуда, радость. Она разражается, она разливается свѣтомъ, какъ лучами восходящаго солнца, и крики торжества проносятся по всей Іудеи: «Онъ воскресъ!»

Прежде всѣхъ Марія Магдалина, бродившая въ глубокой тоскѣ невдалекѣ отъ могилы, увидѣла Учителя, узнала Его по голосу, который призывалъ ее, и обезумѣвъ отъ радости, бросилась къ Его ногамъ. Она видѣла, какъ Іисусъ поглядѣлъ на нее и сдѣлалъ жестъ, словно запрещая всякое прикосновеніе, а затѣмъ видѣніе исчезло, оставляя вокругъ Магдалины горячую атмосферу восторга, вызваннаго подлиннымъ присутствіемъ. А затѣмъ, группа святыхъ женщинъ встрѣтила Воскресшаго и услыхала слѣдующія слова: «Пойдите и скажите моимъ братьямъ, чтобы они отправились въ Галилею и что тамъ они увидятъ Меня».

Въ тотъ же вечеръ одиннадцать апостоловъ, собравшихся въ горницѣ, увидѣли Іисуса, входящаго черезъ запертую дверь. Онъ занялъ свое мѣсто среди нихъ и сталъ тихо говорить съ ними, упрекая ихъ въ маловѣріи. Затѣмъ Онъ сказалъ имъ: «идите по всему міру и проповѣдуйте Евангеліе всей твари» (Маркъ, XVI, 15).

Странная вещь: въ то время какъ они слушали Его, они всѣ были какъ во снѣ, они совершенно забыли о Его смерти и были увѣрены, что Учитель болѣе не покинетъ ихъ. Но въ моментъ, когда они собрались отвѣтить Ему, Онъ исчезъ, словно угасающій лучъ свѣта. Отзвукъ Его голоса еще дрожалъ въ ихъ ушахъ.

Потрясенные апостолы смотрѣли на опустѣвшее мѣсто; неясный свѣтъ еще носился надъ нимъ, но затѣмъ и онъ погасъ. Матѳей и Маркъ свидѣтельствуютъ, что Іисусъ появился передъ пятью-стами братьями, собравшимися по повелѣнію апостоловъ. Позднѣе Онъ появился еще разъ передъ собравшимися одиннадцатью апостолами. Затѣмъ появленія эти прекратились.

Но вѣра уже была создана, толчекъ данъ, жизнь христіанства началась. Апостолы, пламенѣвшіе священнымъ огнемъ, исцѣляли больныхъ и проповѣдывали Евангеліе своего Учителя.

Три года спустя молодой фарисей, по имени Савлъ, движимый страстной ненавистью къ новой религіи и занятый преслѣдованіемъ христіанъ, отправился въ Дамаскъ съ нѣсколькими единомышленниками.

Во время дороги его внезапно осіялъ свѣтъ такой ослѣпительной силы, что онъ палъ на землю. Весь дрожа, онъ спросилъ: «кто Ты?» И услыхалъ голосъ, говорящій: «Я Іисусъ, котораго ты гонишь; трудно тебѣ идти противъ рожна». Люди же, шедшіе съ нимъ, стояли въ оцѣпенѣніи, слыша голосъ, но никого не видя. Савлъ, ослѣпленный молніей, три дня ничего не видѣлъ, не ѣлъ и не пилъ *).

Онъ сразу обратился, пламенно повѣрилъ во Христа и сталъ Павломъ, апостоломъ язычниковъ. Всѣ согласны съ тѣмъ, что не будь этого обращенія, христіанству, замкнутому въ Іудеи, трудно было бы завоевать Западъ.

Таковы событія, передаваемыя Новымъ Завѣтомъ. Никакія старанія умалить ихъ, не могутъ сдѣлать изъ нихъ простыя легенды и не могутъ отнять отъ нихъ цѣнности достовѣрнаго свидѣтельства во всемъ, что можно признать существеннымъ.

Въ теченіе девятнадцати вѣковъ волны сомнѣнія и отрицанія не переставали громить непоколебимую скалу этого свидѣтельства; въ теченіе ста лѣтъ критика нападала на нее со всѣми своими искусными пріемами и со всѣмъ отточеннымъ орудіемъ. Но она смогла лишь пробить въ ней нѣсколько брешей, но не сдвинула ее съ мѣста.

Что таится за видѣніями апостоловъ? Древніе теологи, толкователи буквы и ученые агностики могутъ спорить другъ съ другомъ безъ конца, могутъ биться въ темнотѣ, но они не убѣдятъ другъ друга и будутъ разсуждать въ пустомъ пространствѣ, пока теософія— эта истинная наука Духа — не расширитъ ихъ кругозора и высшее понятіе о душѣ не откроетъ имъ глаза.

Но даже становясь на точку зрѣнія только добросовѣстнаго историка, т. е. допуская подлинность передаваемыхъ фактовъ, какъ фактовъ психическихъ,—есть нѣчто, недоступное сомнѣнію, это—подлинность появленія распятаго Христа передъ апостолами, послѣдствіемъ чего явилась ихъ непоколебимая вѣра въ Его воскресеніе изъ мертвыхъ.

---

*) Дѣянія Апост.: IX, 3, 4, 5, 9.

Если даже откинуть сказаніе Іоанна, какъ получившее свою последнюю редакцію спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Учителя, и сказаніе Луки о Эммаусѣ, какъ поэтическое дополненіе, все же остаются ясныя свидѣтельства Марка и Матѳея, которыя и составляютъ истинный корень христіанскаго преданія.

Но есть еще нѣчто болѣе твердое и неоспоримое, это свидѣтельство Павла. Желая объяснить Коринѳянамъ причину своей вѣры и основу Евангелія, которое онъ проповѣдуетъ, онъ перечисляетъ по порядку шесть послѣдовательныхъ явленій Іисуса: появленіе передъ Петромъ, передъ двѣнадцатью, передъ пятьюстами, изъ которыхъ, прибавляетъ онъ, большая часть донынѣ жива,*) появленіе передъ Іаковомъ, передъ собравшимися апостолами, и наконецъ его собственное видѣніе по дорогѣ къ Дамаску.

Факты эти были сообщены Павлу самимъ Петромъ и Іаковомъ черезъ три года послѣ смерти Іисуса, вскорѣ послѣ обращенія Павла, во время его перваго пребыванія въ Іерусалимѣ. Слѣдовательно онъ зналъ объ этихъ фактахъ отъ очевидцевъ и изъ всѣхъ этихъ видѣній самое неоспоримое и не менѣе удивительное было видѣніе самого Павла. Въ своихъ посланіяхъ онъ постоянно возвращается къ этому видѣнію, какъ къ источнику своей вѣры.

Принимая въ соображеніе предшествующее психологическое состояніе Павла и характеръ его видѣнія, оно должно было появиться извнѣ, а не изнутри; характеръ этого видѣнія—неожиданный и молніеносный; онъ измѣнилъ все его существо сразу и до самаго основанія. Подобно огненному крещенію, оно испепелило всю его низшую природу, облекло его въ непроницаемую броню и сдѣлало изъ него передъ лицомъ всего міра непобѣдимаго рыцаря Іисуса Христа.

Такимъ образомъ, свидѣтельство Павла имѣетъ двойную силу: и потому, что оно утверждаетъ его собственное видѣніе, и потому, что оно подкрѣпляетъ подлинность другихъ, подобныхъ же видѣній. Если захотѣть сомнѣваться въ искренности подобныхъ свидѣтельствъ, пришлось бы откинуть множество историческихъ фактовъ и совсѣмъ отказаться отъ написанія какой бы то ни было исторіи.

И нужно прибавить къ этому, что если не можетъ быть исторической критики безъ точной провѣрки и безъ тщательнаго и разумнаго подбора документовъ, не можетъ быть также и философіи исторіи, если величина послѣдствій не будетъ доказательствомъ великаго размѣра вызвавшей ихъ причины.

---

*) I Посланіе къ Коринѳянамъ, глава XV, 1—9.

Можно вмѣстѣ съ Цельземъ, Штраусомъ и Ренаномъ не придавать никакого значенія воскресенію изъ мертвыхъ и смотрѣть на него, какъ на явленіе простой галлюцинаціи, но въ этомъ случаѣ придется основывать величайшую изъ религіозныхъ революцій человѣчества на простой аберраціи чувствъ и на уклоненіи разума. *) А между тѣмъ, не слѣдуетъ забывать, что вѣра въ воскресеніе мертвыхъ есть основа историческаго христіанства. Безъ этого подтвержденія ученія Іисуса яркимъ конкретнымъ фактомъ, религія Христа не могла бы даже и возникнуть.

Этотъ фактъ вызвалъ полное преображеніе въ душѣ апостоловъ, изъ іудейскаго ихъ сознаніе обратилось въ христіанское. Для нихъ—побѣдившій Христосъ живъ, онъ говорилъ съ ними; небо разверзалось, потусторонній міръ проникъ въ этотъ міръ; заря безсмертія прикоснулась къ ихъ челу и объяла ихъ душу огнемъ, который не можетъ уже погаснуть никогда. Надъ распадающимся земнымъ царствомъ Израиля апостолы провидѣли во всемъ величіи Славы—Царство Небесное и Вселенское. Отсюда ихъ порывъ къ борьбѣ, ихъ радость мученичества.

Воскресеніе Христа и есть та подлинная сила, дающая и чудотворный толчекъ, и ту необъятную надежду, которую Евангеліе несетъ всѣмъ народамъ и которая напоитъ своими струями самые отдаленные берега земли.

Для успѣха Евангелія необходимы были двѣ вещи, которыя Фабръ д'Оливе выражаетъ такъ: *нужно было чтобы Іисусъ захотѣлъ умереть и чтобы у него хватило силы воскреснуть.*

Для того, чтобы вывести изъ факта воскресенья разумную идею и чтобы понять все его религіозное и философское значеніе, нужно опираться на свидѣтельства о послѣдовательномъ появленіи Іисуса послѣ смерти, устранивъ съ самаго начала невозможную идею *воскресенія физическаго тѣла*; идея эта сама по себѣ является однимъ изъ камней преткновенія христіанскаго догмата, сохранившаго, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, младенчески-первобытный характеръ.

Исчезновеніе тѣла Іисусова можетъ быть объяснено естественными причинами; слѣдуетъ отмѣтить, что тѣла нѣсколькихъ великихъ Адептовъ исчезли безъ слѣда и такимъ же таинственнымъ образомъ;

---

*) Штраусъ говоритъ: фактъ воскресенія не можетъ быть объясненъ иначе, какъ продѣлкой шарлатана въ всемірно-историческомъ масштабѣ, ein welthistorischer Humbug. Опредѣленіе это болѣе цинично, чѣмъ остроумно, и вовсе не объясняетъ видѣнія апостоловъ и Павла.

между другими и тѣла Моисея, Пиѳагора и Аполлона Тіанскаго. Возможно, что ихъ приверженцы предали огню останки своихъ Учителей, чтобы оградить ихъ отъ враждебнаго поруганія.

Какъ бы то ни было, и научное подтвержденіе факта и все духовное величіе воскресенія изъ мертвыхъ возможно лишь тогда, когда оно понимается въ эзотерическомъ смыслѣ.

У Египтянъ, такъ же какъ у Персовъ, исповѣдующихъ маздеанскую религію Зороастра, какъ до, такъ и послѣ появленія Іисуса Христа у Израиля, а также и у христіанъ первыхъ двухъ вѣковъ, Воскресеніе понималось двумя способами: одно пониманіе было матеріальное и противорѣчащее разуму, другое—*духовное и теософическое*. Первое—было распространено среди народа и было окончательно принято церковью послѣ запрещенія, наложеннаго на ученія гностиковъ; второе—принадлежитъ глубокому пониманію посвященныхъ.

Въ первомъ случаѣ Воскресеніе означаетъ возвращеніе къ жизни матеріальнаго тѣла, или замѣна разложившагося и разсѣявшагося трупа новымъ тѣломъ, которое должно появиться при второмъ пришествіи Мессіи или при Страшномъ Судѣ. Безполезно указывать на грубый матеріализмъ этого представленія.

Для посвященнаго, фактъ воскресенія имѣетъ совершенно другой смыслъ; онъ относится къ сложной природѣ человѣка и означаетъ: очищеніе и преображеніе эфирнаго и астральнаго тѣла, которыя являются проводниками жизненныхъ и душевныхъ процессовъ, а послѣднее—въ нѣкоторомъ смыслѣ и оболочкою духа. Это очищеніе можетъ начаться уже и въ этой земной жизни, путемъ внутренней работы души и опредѣленнаго строя жизни; но для большинства людей очищеніе это происходитъ послѣ смерти и притомъ въ соотвѣтствіи съ внутренними стремленіями человѣка. Въ потустороннемъ мірѣ лицемѣріе невозможно. Тамъ души кажутся какъ разъ тѣмъ, чѣмъ онѣ были въ дѣйствительности. Онѣ являются неизбѣжно подъ той формой и въ томъ свѣтѣ, которые соотвѣтствуютъ ихъ сущности: темными и безобразными, если онѣ дурны; свѣтлыми и прекрасными, если онѣ хороши.

Таковъ же и смыслъ ученія, выраженнаго Павломъ въ посланіи къ Коринѳянамъ. Онъ говоритъ совершенно опредѣленно: «есть тѣло душевное и есть тѣло духовное» (Посл. Кориѳ. XV, 44); Іисусъ возвѣщаетъ о томъ же символически, но съ бо́льшей глубиной, въ своей ночной бесѣдѣ съ Никодимомъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что чѣмъ одухотвореннѣе душа, тѣмъ полнѣе будетъ ея удаленіе отъ земной атмосферы и тѣмъ отдаленнѣе та космическая область, которая

ее привлекаетъ своимъ сродствомъ; изъ этого слѣдуетъ, что по мѣрѣ духовнаго роста появленіе ея на землѣ становится все труднѣе.

Такимъ образомъ души, обладающія высшими свойствами, появляются передъ человѣкомъ лишь въ состояніи глубокаго сна или экстаза; и тогда, при закрытыхъ физическихъ глазахъ, человѣкъ, наполовину отдѣлившійся отъ своего физическаго тѣла, можетъ — при нѣкоторыхъ условіяхъ—увидать отдѣлившуюся отъ тѣла душу.

Но бываетъ иногда, что чрезвычайно высокій пророкъ, истинный сынъ Божій, появляется передъ своими учениками въ своемъ привычномъ для нихъ обликѣ во время ихъ бодрствованія, чтобы глубже убѣдить ихъ и поразить ихъ воображеніе. Въ такихъ случаяхъ развоплощенная душа можетъ придать своему духовному тѣлу необходимую плотность, не только видимую, но иногда и вѣсомую, путемъ особаго динамизма, которымъ духъ дѣйствуетъ на матерію при посредствѣ электрическихъ силъ атмосферы и магнетическихъ силъ живыхъ людей

Именно это и происходило при появленіи Іисуса своимъ ученикамъ. Явленія эти, какъ ихъ передаетъ Новый Завѣтъ, могли принадлежать какъ къ первой, такъ и ко второй категоріи: съ одной стороны— возможность духовнаго видѣнія, а съ другой стороны — возможность матеріализаціи; во всякомъ случаѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что для апостоловъ явленія эти носили характеръ высочайшей реальности. Они усумнились бы скорѣе въ существованіи земли и неба, чѣмъ въ своемъ живомъ общеніи съ воскресшимъ Христомъ. Ибо эти появленія Господа были самой свѣтлой точкой ихъ жизни и самымъ глубокимъ переживаніемъ ихъ души.

Нѣтъ ничего «сверхъестественнаго», но есть въ природѣ продолженіе ея явленій, неуловимое для нашихъ физическихъ чувствъ, просвѣчиваніе невидимаго на границахъ видимаго. При нашемъ настоящемъ состояніи сознанія, намъ очень трудно признать реальность невидимаго; для высшаго духовнаго сознанія, явленія матеріи физической и осязаемой, кажутся въ такой же степени нереальными и несуществующими. Но синтезъ души и матеріи, представляющій собою двѣ стороны *единой* жизни, заключается въ Духѣ, ибо, если мы поднимемся къ вѣчнымъ началамъ, къ первопричинамъ, мы найдемъ, что динамизмъ природы объясняется законами Разума, а законы жизни постигаются самопознаніемъ, опытнымъ изученіемъ души.

Воскресеніе изъ мертвыхъ, понятое въ эзотерическомъ значеніи, на которое я только что указалъ, являлось одновременно и необходимымъ завершеніемъ жизни Іисуса, и неизбѣжнымъ введеніемъ

въ историческую эволюцію христіанства. Воскресеніе было необходимымъ завершеніемъ, потому что Іисусъ много разъ возвѣщалъ о томъ своимъ ученикамъ. И если Онъ владѣлъ властью появляться послѣ своей смерти съ такою яркостью и такимъ величіемъ, это происходило благодаря врожденной силѣ и чистотѣ Его души, безгранично увеличенной оккультнымъ посвященіемъ и той духовной энергіей, съ которой Онъ осуществилъ свою великую миссію.

Съ точки зрѣнія внѣшней и земной, мессіанская драма закончилась крестной смертью. Несмотря на всю свою божественность, въ ней не хватало выполненія обѣщаннаго. Съ точки зрѣнія внутренней и божественной, исходя изъ глубины сознанія Іисуса, въ ней разыгрались три акта, высшими моментами которыхъ являются: *Искушеніе, Преображеніе и Воскресеніе*. Эти три акта обнимаютъ собой *Посвященіе Христа, совершенное Откровеніе* и *Завершеніе дѣла Мессіи*. Они соотвѣтствуютъ тому, что апостолы и посвященные христіане первыхъ вѣковъ называли мистеріями *Сына, Отца и Святаго Духа*.

Воскресеніе изъ мертвыхъ было, какъ я уже сказалъ, необходимымъ завершеніемъ жизни Христа и такимъ же необходимымъ введеніемъ въ историческую эволюцію христіанства. Корабль, построенный на берегу, долженъ быть спущенъ въ океанъ. Кромѣ того, Воскресеніе было какъ бы открытой дверью, ведущей въ недоговоренный эзотерическій смыслъ ученія Христа. Зная это, становится понятнымъ, почему для первыхъ христіанъ, которые были такъ ослѣплены лучезарной силой Его появленія, было достаточно и буквальнаго смысла Его словъ и у нихъ не являлось даже и потребности проникать въ ихъ внутренній затаенный смыслъ.

Но въ наше время, когда человѣческій разумъ описалъ двухъ-тысячелѣтній кругъ, мы начинаемъ угадывать, что подразумѣвали св. Іоаннъ, св. Павелъ и Самъ Іисусъ подъ мистеріями Отца, Сына и Святаго Духа. Мы видимъ, что онѣ заключали въ себѣ все, что теософическая интуиція Востока знала наиболѣе высокаго и наиболѣе истиннаго. Мы видимъ также величіе новаго расширенія, которое Іисусъ придалъ античной, вѣчной истинѣ верховной силой Своей любви и божественной энергіей Своей воли. И здѣсь мы усматриваемъ ту сторону христіанства, одновременно метафизическую и практическую, въ которой выражается его мощь и его жизненность.

Древніе теософы Азіи были знакомы съ потусторонними истинами. Браманы нашли даже ключъ къ прошлому и будущему человѣческой жизни, который они выражали въ законѣ перевоплощенія и въ законѣ причинъ и послѣдствій (карма). Но погружаясь всецѣло

въ невидимые міры и въ созерцаніе вѣчности, они упускали изъ виду земное осуществленіе: индивидуальную и соціальную жизнь.

Греція, посвященная въ тѣ же истины подъ формами болѣе сокровенными и болѣе антропоморфическими, склонялась самымъ характеромъ своего генія къ жизни естественной и земной. Это дало ей возможность воплотить для всего міра безсмертные законы Красоты и установить принципы для опытныхъ наукъ. Но, благодаря той же тягѣ къ земному, ея представленіе о потустороннемъ мірѣ сузилось и стало постепенно померкать.

Въ своей вселенской ширинѣ, Іисусъ охватываетъ обѣ стороны жизни. Въ молитвѣ, которую Онъ оставилъ людямъ, Онъ говоритъ: «да будетъ Царствіе Твое, какъ на небеси, такъ и на земли»; Царство же Божіе на землѣ означаетъ осуществленіе нравственнаго и общественнаго закона во всемъ объемѣ и во всемъ величіи идеи Истины, Добра и Красоты. Въ этомъ и состоитъ высшая магія Его ученія и присущая послѣднему безграничная способность къ развитію, что она соединяетъ въ одно неразрывное цѣлое и нравственность и метафизику, и пламенную вѣру и вѣчную жизнь, и потребность осуществлять эту жизнь уже здѣсь, на землѣ, праведной дѣятельностью и активнымъ милосердіемъ. Христосъ говоритъ душѣ, удрученной всѣми тяготами земли: поднимись, ибо твоя родина на Небесахъ; но, чтобы достигнуть ее, нужно свидѣтельствовать о ней уже здѣсь, на землѣ, дѣлами и любовью!

Глава VII.

Обѣтованіе и Совершеніе.—Храмъ.

«Въ три дня разрушу храмъ и въ три дня воздвигну его снова», сказалъ своимъ ученикамъ сынъ Маріи, посвященный Сынъ Человѣческій, духовный наслѣдникъ Моисея, Гермеса и всѣхъ древнихъ Сыновъ Божіихъ. Но исполнилъ ли Оно это смѣлое обѣтованіе Посвященнаго и Посвятителя?

Да, исполнилъ, если взять всѣ послѣдствія, которыя Новый Завѣтъ, утвержденный смертью и воскресеніемъ Христа, имѣлъ для человѣчества, и если имѣть въ виду все то, что Его обѣтованіе содержитъ въ себѣ для будущихъ судебъ человѣчества. Его Слово и Его Жертва положили основу для невидимаго храма, болѣе крѣпкаго и нерушимаго, чѣмъ всѣ храмы изъ гранита и мрамора; но этотъ невидимый храмъ осуществляется лишь въ той мѣрѣ, въ какой люди работаютъ надъ нимъ.

Каковъ же этотъ храмъ? Это—храмъ преображеннаго человѣчества, храмъ нравственный, соціальный и духовный.

Подъ храмомъ нравственнымъ слѣдуетъ понимать преображеніе человѣческой души, перерожденіе личности подъ вліяніемъ идеала, даннаго человѣчеству въ лицѣ Іисуса. Чудная гармонія и полнота Его душевнаго совершенства почти не поддаются описанію. Уравновѣшенный разумъ, высокая интуиція, сила сочувствія, могущество слова и дѣйствія, чуткость, доходящая до страданія, и любовь, возвышающаяся до жертвы, полное самообладаніе и мужество передъ лицомъ смерти, —нѣтъ тѣхъ великихъ качествъ, которыхъ не было бы у Него. Въ каждой каплѣ Его крови было достаточно силы, чтобы сдѣлать изъ Него героя и при этомъ весь Онъ былъ проникнутъ божественной кротостью.

Совершенное сліяніе героизма и любви, могучей воли и разума, Вѣчно-Мужественнаго и Вѣчно-Женственнаго, дѣлаютъ изъ Него вѣнецъ человѣческаго идеала. Все Его нравственное ученіе, имѣющее конечнымъ выводомъ совершенную братскую любовь и *единство* всего человѣчества, излучается естественнымъ образомъ изъ Его великой Индивидуальности.

Работа истекшихъ со времени Его смерти девятнадцати вѣковъ состояла въ томъ, чтобы заставить проникнуть этотъ идеалъ въ сознаніе всѣхъ. Ибо въ настоящее время едва ли найдется хотя одинъ человѣкъ въ цивилизованномъ мірѣ, который не имѣлъ бы болѣе или менѣе яснаго представленія о Христѣ. Въ виду этого, можно утверждать, что нравственный храмъ, основанный Христомъ, хотя и не законченъ, но уже заложенъ на нерушимыхъ началахъ въ душѣ современнаго человѣчества.

То же самое можно сказать и о храмѣ соціальномъ. Послѣдній предполагаетъ основаніе Царствія Божьяго или божественнаго закона во всѣхъ органическихъ учрежденіяхъ человѣчества; но возведеніе этого храма все еще въ будущемъ. Ибо человѣчество продолжаетъ жить на положеніи воинствующемъ, подчиняясь закону Силы и Рока.

Законъ Христа, который уже проникъ въ нравственное сознаніе людей, еще не перешелъ въ ихъ земныя учрежденія. Я касался лишь случайно и мимоходомъ вопросовъ общественныхъ и политическихъ, ибо книга эта имѣетъ въ виду одну цѣль: освѣтить религіозный и философскій вопросъ въ самомъ его центрѣ наиболѣе существенными эзотерическими истинами, а также и жизнью Великихъ Посвященныхъ. И въ этомъ заключеніи своей книги я не буду касаться названныхъ вопросовъ. Они и превышаютъ мои знанія, и слишкомъ

обширны и сложны, чтобы я могъ опредѣлить ихъ хотя бы въ краткихъ линіяхъ.

Скажу лишь одно: соціальная война существуетъ въ принципѣ во всѣхъ европейскихъ странахъ, ибо не имѣется еще экономическихъ, соціальныхъ и религіозныхъ основъ, которыя бы были признаны всѣми классами общества. Точно также среди европейскихъ націй все еще не прекращается военное положеніе или вооруженный миръ. Ибо не возникло еще такого общаго федеративнаго начала, которое бы связывало всѣхъ одинаковымъ образомъ. Всѣ интересы и стремленія европейскихъ народовъ не подчинены никакому признанному авторитету, не освящены никакимъ высшимъ трибуналомъ.

Если законъ Христа и проникъ въ индивидуальное сознаніе и, до нѣкоторой степени, и въ общественную жизнь, зато наши политическія учрежденія подчиняются и по сіе время закону языческому и варварскому. Въ современной жизни политическая власть опирается вездѣ на недостаточныя основы. Ибо съ одной стороны она исходитъ изъ такъ называемаго священнаго права царей, которое все сводится къ военной силѣ; а съ другой стороны—она опирается на всеобщую подачу голосовъ, которая выражаетъ, въ сущности, инстинктъ массъ, а вовсе не разумъ лучшихъ людей.

Нація не есть сумма слагаемыхъ: она живой организмъ, состоящій изъ различныхъ членовъ. И пока народное представительство не будетъ являть собою подобіе такого организма во всѣхъ своихъ отдѣлахъ и учрежденіяхъ, оно не будетъ обладать разумнымъ и удовлетворительнымъ строемъ. Пока *дѣйствительно лучшіе люди*, представители всѣхъ научныхъ учрежденій и всѣхъ христіанскихъ церквей, не будутъ совмѣстно засѣдать въ высшемъ Совѣтѣ, наши общества будутъ попрежнему управляться инстинктомъ, страстью и грубой силой, и до тѣхъ поръ не возникнетъ соціальнаго храма.

Чѣмъ же объяснить, что надъ церковью, далеко еще не способной вмѣстить въ себя всего Христа, надъ политикой, которая Его отрицаетъ, и надъ наукой, которая и до сихъ поръ понимаетъ Его лишь отчасти, Христосъ продолжаетъ жить, и даже съ большей силой, чѣмъ когда либо?

Это происходитъ потому, что Его верховная нравственность явится вѣнцомъ столь же верховной науки; потому, что человѣчество лишь начинаетъ предчувствовать весь объемъ Его творчества, весь размѣръ Его обѣтованія; потому, что за Нимъ можно различить всю древнюю теософію Посвященныхъ Египта, Индіи и Греціи, сіяющимъ подтвержденіемъ которой служитъ самъ Христосъ.

Мы начинаемъ распознавать, что преображенный Христосъ раскрываетъ свои любящія объятія всѣмъ своимъ Братьямъ, всѣмъ другимъ Мессіямъ, которые предшествовали Ему, которые были подобно Ему лучами живого Глагола; что Онъ широко раскрываетъ свои объятія и Наукѣ во всей ея полнотѣ, и божественному Искусству, и совершенной Жизни.

Но Его обѣтованіе не можетъ исполниться безъ содѣйствія всѣхъ живыхъ силъ человѣчества.

Два главныя условія необходимы для завершенія Его великаго дѣла: съ одной стороны—принятіе экспериментальной наукой и философіей фактовъ психическаго порядка и области духовныхъ истинъ; съ другой стороны—расширеніе христіанскаго догмата въ смыслѣ эзотерическаго преданія и эзотерической науки, результатомъ чего будетъ полное преобразованіе церкви на основѣ постепеннаго посвященія; и важно, чтобы это произошло по *свободномъ почину*, который одинъ приноситъ живые плоды, всѣхъ христіанскихъ церквей.

Необходимо, чтобы наука стала религіозной, а религія—научной. Эта двойная эволюція, которая уже зачинается въ человѣческомъ сознаніи, приведетъ къ неизбѣжному примиренію науки и религіи на почвѣ эзотеризма.

Достиженіе этой цѣли будетъ обставлено въ началѣ большими трудностями, но все будущее европейскихъ народовъ зависитъ отъ того. Преображеніе Христіанства въ эзотерическомъ смыслѣ повлечетъ за собою преображеніе Іудейства и Ислама, а также и возрожденіе Браманизма и Буддизма, что, въ свою очередь, создастъ религіозную основу для примиренія Азіи и Европы.

Вотъ тотъ духовный храмъ, который долженъ возникнуть на землѣ, вотъ вѣнецъ творчества Іисуса Христа. Его глаголъ любви образуетъ магнетическую цѣпь, которая соединитъ науки и искусства, религіи и народы и станетъ, такимъ образомъ, глаголомъ вселенскаго единства.

Нынѣ Христосъ господствуетъ на землѣ посредствамъ двухъ наиболѣе молодыхъ и наиболѣе сильныхъ расъ, все еще полныхъ вѣры. Въ Россіи онъ соприкасается съ Азіей, посредствомъ англосаксонской расы онъ владѣетъ Новымъ Свѣтомъ. Европа старше Америки, но моложе Азіи, и тѣ, которые воображаютъ, что она вступила въ періодъ вырожденія, клевещутъ на нее.

Но если она будетъ продолжать по прежнему жить во взаимной враждѣ, вмѣсто того, чтобы образовать союзъ, скрѣпленный единственно цѣннымъ авторитетомъ—*науки, опирающейся на религію;*

если, угасивъ ту вѣру, которая ничто иное какъ свѣтъ разума, питаемый любовью,—она будетъ продолжать двигаться по тѣмъ же линіямъ нравственнаго и общественнаго вырожденія,—въ такомъ случаѣ ея цивилизація рискуетъ погибнуть сперва подъ обломками соціальныхъ переворотовъ, а затѣмъ—отъ вторженія болѣе молодыхъ расъ; и эти послѣднія овладѣютъ свѣточемъ, который побѣжденная Европа выпуститъ изъ своихъ слабѣющихъ рукъ.

Но ей слѣдовало бы выполнить несравненно болѣе прекрасную роль. Она должна бы сохранить свое главенство надъ міромъ и закончить соціальную задачу Христа, осуществивъ сполна всю Его мысль, вѣнчая тройнымъ вѣнцомъ Науки, Искусства и Справедливости духовный храмъ величайшаго изъ Сыновъ Божіихъ.

К О Н Е Ц Ъ.

ИБ № 7

Подписано в печать 30.08.90.
Формат $70 \times 100^1/_{16}$. Бумага тип. № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 37,8. Усл. кр.-отт. 37,8. Уч.-изд. л. 25,52.
Тираж 300 000 экз. (1-й з-д 1—125 000). Заказ 832.
Цена 24 руб.

Книга Принтшоп
125047, Москва, ул. Горького, 50.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького
при Госкомпечати СССР,
197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.